

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ведомствъ Юсти.

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ИЗДАНИЕ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ. Февраля 19-го дня 1852 года.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ПЕЧАТАТЬ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ИЗДАТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1852

Оглавление первого тома.

Книжка вторая, февраль.

I. Изящная словесность.

Дочь Карла Смелого. Драма в трех действиях, в стихах. Соч. В. Р. Зотова. (С. 1-78).

Шах-Мансур. Восточный роман, в четырех действиях. Части третья и четвертая. В. И. Савинова. (С. 1-64).

Пустопорожнее место. Повесть Мери. Перевод А. Н. Николаева. (С. 1-54).

Пуля-дура. Рассказ И. С. Юрьевой. (С. 1-34).

II. История и теория искусства.

Жан-Жак Руссо, как музыкант. Статья Адольфа Адана. (С. 1-20).

III. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге.

1. Соломенная шляпка. Комедия-водевиль в пяти действиях, переделанная с французского П. С. Федоровым.
2. Сборы на Крестовский в Чухонскую деревню. Шутка водевиль в одном действии, соч. воспитанника Театральной Дирекции г. Чернышева.
3. Старичек-женишок, или Сватался, да не женился. Комедия с куплетами, в одном действии, перевод с французского С. Соловьева.
4. Сцена из поэмы: Мертвые души Н. Гоголя. (Бенефис Мартынова).
5. Продавец детских игрушек. Драма в одном действии, перевод с французского.
6. Домашнее уложение. Комедия в одном действии, соч. гр. Е. И. Ростопчиной.
7. Дружба и любовь. Разговор для сцены, составленный г-жой Тальцевой.
8. Жених. Оригинальный водевиль в одном действии.
9. Тарантелла. Лирическая сцена, с хорами и танцами. Соч. И. И. Мятлевой.
10. Дивертисман. (Бенефис г-жи Самойловой 2).
Статьи Ф. А. Кони. (С. 1-16).

IV. Обзорение иностранных театров.

1. Франция. (Письмо из Парижа от 1/13 февраля 1852).
Разные возобновления на парижских театрах. – Дебюты г-жи Тедеско в Кипрской королеве и Пророке, Приора в Вер-Вере и г-жи Богдановой в Маркитантке. – Новый бас Депассио, необычайный успех его в Роберте. – Замок Синей бороды. Комическая опера соч. Сен-Жоржа, музыка Лимландера. – Нина, или Сумасшедшая от любви. Опера Далайрака. –

Новая певица Андреа Фавель. – Мельничный холм. Опера Габриеля и Дефоржа, музыка Андиана Боэльде. – Итальянская опера и мистер Лумлей. – Певица Фиорентини и певец Ферлотти. – Гуаско. – Рашель. – Новая комедия Эмиля Ожье. – Супружеская дипломатия. Пословица г-жи Бертон. – Колебания Розетты. Комедия Эрнеста Серре. – Синяя борода. Водевиль Баяра. – Черкешенка. Водевиль Сент-Илера и Бордые. – Сны Матеуса. Водевиль Мелесвиля и Кармуша. – Черная Малибран. – Паша и негритянка. Клервиля и Кордые. – Ночная расписка. Оперетка Комерсона и Ремон-Деланда. Погоня за удовольствием гг. Мишеля Делапорта, Теодора Мюре и Гастона де Монто. – Неумирающие жабы: годовое обозрение Клервиля и Дюмануара. – Вампир. Драма А. Дюма и ком. – Замок Грансье. Драма Огюста Маке. – Прядильщица. Драма Жюля Барбье и Мишеля Карре. – Театр Petit Lazary. – Восстание в преисподней. Пьеса Blondelle и Вине. – Статья Апполинария Бонавентура.

2. Америка. Театры и актеры в соединенных Штатах. (Письмо из Нью-Йорка, от 15/27 января 1852). (С. 1-20).

V. Смесь.

1. Stabat mater. С. 1-3.
2. О летании птиц. Из теории и наблюдений Левальяна. С. 3-7.
3. Драматические и библиографические редкости. С. 7-11.
4. Невольный брак. С. 11-15.
5. Один концерт в трех залах. С. 15-16.
6. Обязательный директор. С. 16-18.
7. Провинциальные театры в России. Ярославский театр. Письмо к редактору Н. И. Филимонова. С. 18-23.
8. Встреча Ламартина с Россини. С. 24-25.
9. Музыка в Италии. С. 25-27.
10. Жозефина Грассини. С. 27-35.
11. Мавры в Испании и в Африке. Из наблюдений русского путешественника. С. 35-52.

VI. Петербургский вестник.

Фельетонные счастливы. – Назначение Петербургского вестника и его горе. – О русских журналах и о свойствах их. – Музыкальные новости: оперы «Сарданапал» Аллери, «Андорская долина» Галеви; новые музыкальные пьесы. – Издания художественные: «Описание нового московского дворца» А. Ф. Вельтмана; Хромо-литография Дрегерра. Портреты певицы Медори-Вельмот и скрипача Аполинария Контского. – Несколько слов о цирках вообще и о наезднице Пальмире Аннато в особенности. – Моды в Петербурге. Пять дамских новых нарядов. – Необходимые ответы на некоторые важные вопросы об соучастниках Пантеона и о прочем ином. (С. 1-18).

VII.^м Репертуар русской сцены. № 2.

Утка и стакан воды. Водевиль в одном действии, переделанный с французского П. С. Федоровым. (С. 1-40).

В главной конторе журнала Пантеон.

Новые музыкальные сочинения у Бернарда.

1.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОЧЬ

КАРЛА СМЪБЛАГО.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

В. П. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

МАРІЯ, ГЕРЦОГИНЯ БУРГУНДСКАЯ.

ХРИСТИАНЪ КОЙСЪ, германскій дворянинъ.

МИКАЕЛА, дурочка.

ОЛИВЬЕ-ЛЕ-ДЕНЪ, графъ Меланскій, посланникъ Людовика XI.

АДОЛЬФЪ, герцогъ Гвельдернскій.

МАРКГРАФЪ ЮЛІАНЪ, герцогъ Клевебергскій.

ГЕРЦОГЪ БАВАРСКІЙ, } послы Фридриха III, Германскаго Императора.

ГЕРЦОГЪ БАДЕНСКІЙ, }

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ, }

ЛИЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ, } синдики и старѣйшины Гентскаго магистрата.

АЖАНЪ ВАНДЕНВЕРРЕ

ГАНСЪ ДООРЕНЪ, }

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ, } граждане Гента.

ФАНЪ-ЗЕТЕНЕМЪ, }

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ, дворцовый смотритель.

ХАТЕНГОКЪ, капитанъ городской стражи.

Послы и знатныя особы разныхъ державъ. — Старѣйшины и синдики Бургундіи. — Свита герцогини. — Пажи. — Оруженосцы. — Городская стража. — Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Гентѣ, столицѣ Бургундскаго герцогства, въ 1479 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣстница Гентской ратуши, съ колоннами и крытымъ портикомъ. Направо отъ зрителей большія двери въ ратушу. Передъ ними два мраморныхъ льва, у которыхъ стоять на часахъ два стрѣлка городской стражи. Съ лѣвой стороны зданія Гента. На ступеняхъ лѣстницы сидятъ и стоятъ народъ. Между ними ГАНСЪ ДООРЕНЪ и ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

I.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ, ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ, на лѣстницѣ народъ; потомъ
ФАНЪ-ЗЕТЕНЕМЪ.

Что, не видать?

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ (*смотря въ улицу на лѣво*).

Нѣтъ! движется вдали
Огромной массой что-то; только трудно
Узнать и рассмотреть, кто это? Наши
Сограждане, или барановъ стадо.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Нашъ синдикатъ не очень на барановъ
Походить. Всѣ они скорѣе волки...

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Въ овечьей шкурѣ?

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Да! передъ другими,

Предъ этими послами напимъ;
А съ нами когти не считаютъ нужнымъ
Они овечьей шкурой прикрывать.

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Мессиръ фанъ-Дооренъ, кажется, не очень
Ихъ жалуешь. Ужели и его
Обидѣли они ...

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Меня?.. нисколько!

Что можетъ сдѣлать мнѣ нашъ синдикатъ?
Я гентскій пивоваръ. Покойный герцогъ
Намъ право далъ своимъ судомъ судиться,
Я знаю только цехъ свой. На меня
Ни пфеннинга нашъ мудрый синдикатъ
Не можетъ наложить безъ воли цеха.
Но мнѣ смотрѣть и больно и досадно,
Какъ съ нашей герцогинею они
Порою непочтительны бываютъ.
Вѣдь нѣтъ двухъ лѣтъ еще, какъ подъ стѣнами
Нанси погибъ Карлъ Смѣлый, герцогъ нашъ,
Бургундіи властитель знаменитый,
Оставляя герцогинѣ молодой,
Своей прекрасной дочери, владѣнья
Обширныя, добытыя войной,
Бургундской кровью купленныя земли; —
А синдикатъ права себѣ присвоивъ,
Которыхъ никогда онъ не имѣлъ,
Маріи, доброй нашей герцогинѣ,
Покоя не даетъ, твердя, что ей
Для блага государства, для спасенья
Обширныхъ странъ отъ алчности сосѣдей,
Для счастья вѣрныхъ подданныхъ ея,
Защитника, опору и супруга
Скорѣе должно выбрать.

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Чтожъ! вѣдь это

Весьма благоразумно. Безъ того
На части распадется все, что герцогъ
Покойный нашъ побѣдой приобрѣлъ.
Бургундія богатая добыча!

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Конечно. И къ тому герцогинѣ
Самаескій законъ не позволяетъ
Бургундией владѣть; и до замужества
Ея — совѣтъ старѣйшихъ нашихъ править
Всѣмъ герцогствомъ. Зачѣмъ же торопиться
Ее такъ скоро замужъ выдавать?

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Я слышалъ, женихи ея всѣ графы
И герцоги ... Она имѣетъ право
Изъ нихъ кого угодно выбрать.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Да!..

Но если никого изъ нихъ не хочетъ,
Не можетъ полюбить?..

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Мессиръ фанъ-Дооренъ!

Позволь тебѣ сказать, что это просто
На правду не похоже. Герцогинѣ
Ужъ за двадцать теперь. Въ ней сердце то же,
Въ ней та же кровь, какъ и у прочихъ женщинъ;
И ежели изъ знатныхъ жениховъ
Не любить никого она, такъ это
То значитъ только, что она давно
Ужъ все-таки кого-нибудь да любить.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Ты, Ауденарде, кажется изъ тѣхъ,
Которые объ нашей герцогинѣ
Невыгодные слухи повѣряютъ.

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Избави Богъ! Я въ чистоту ея
И непорочность также свято вѣрю,
Какъ въ чудеса патрона моего

Иоахима Литтихскаго. Только
 Вѣрно женщина, лѣтъ въ двадцать, даже меньше,
 Въ кого-нибудь да будетъ влюблена.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Тебя не переспоришь ... Ба! кто это
 Сюда подходитъ? Онъ! Да, такъ и есть,
 Фанъ-Зетенемъ ... Смотри-ка, Ауденарде,
 Вѣдь это онъ?

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Да, точно онъ! (*Жмутъ ему руки*). Мессиръ
 Фанъ-Зетенемъ! Какъ скоро воротился!..

ГАНСЪ ДООРЕНЪ,

Давно ли изъ Антверпена?

ЗЕТЕНЕМЪ.

Сейчасъ лишь!
 Скажите мнѣ, что здѣсь у васъ случилось?
 Хотѣлъ пройти въ свой домъ я — нѣтъ прохода!
 Народъ валить по улицамъ. Весь городъ
 Въ волненьи; всѣ о чемъ-то жарко спорять ...
 Что затѣваетъ мудрый синдикатъ?

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Такъ ты еще не знаешь ничего?
 Старѣйшины и синдики сегодня
 Сбираются для нашей герцогини
 Супруга выбрать, и потомъ просить ея согласья.

ЗЕТЕНЕМЪ.

Кажется, что это
 Она сама должна была бы сдѣлать;
 Вѣдь замужъ выходить не синдикату,
 Такъ для чего жъ заботиться ему?..

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

И всѣ мы также думаемъ, мессиръ,

Но синдикатъ нашъ разсудилъ иначе.
Два года ждалъ, чтобъ выбрала она
Изъ знатныхъ жениховъ своихъ — супруга;
Она сама дала имъ этотъ срокъ,
Но не рѣшилась въ два года на выборъ.
Такъ онъ теперь, для блага государства,
Самъ хочетъ выбрать
Кто болѣе изъ нихъ достоинъ
Ея руки, по имени, по званью,
Богатству и обширности владѣній ...

ЗЕТЕНЕМЪ.

Какъ, не спрося, согласна ли она?..

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Прошенье синдиката ей представятъ,
А тамъ ея ужъ воля — согласиться
Или отвергнуть.

ЗЕТЕНЕМЪ.

Это любопытно.

Легко быть можетъ выборъ синдиката
Она отвергнетъ и найдетъ смѣшнымъ
И выберетъ сама себѣ супруга.
Въ ней твердости довольно. Даже есть
Отцовскаго характера черты:
И хитрости и скрытности немножко.
Боюсь, что ихъ она перехитритъ.
Посмотримъ, что-то сдѣлаетъ Марія.

ЮАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Мессеры!.. Синдикатъ идетъ сюда.
По старому обычаю, долой
Сошли съ коней дворяне и вельможи.
Безъ свиты, безъ пажей, оруженосцевъ,
За синдикатами молча все идутъ.

ЗЕТЕНЕМЪ.

Что, въ ратушу не пустятъ насъ конечно?

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Нѣтъ! только представители народа,
 Да цеховые старшины войдутъ.
 А намъ объявятъ послѣ ихъ рѣшенъе.

ЗЕТЕНЕМЪ.

По крайней-мѣрѣ назовите мнѣ
 Вы жениховъ Бургундской герцогини, —
 Я никого не знаю.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Хорошо!
 Но станемъ къ сторонѣ. Они подходятъ. (*Становятся на-
 лѣво у первой кулисы*).

НАРОДЪ (*за сценой*).

Вивать! премудрый гентскій синдикатъ!

II.

Начинается шествіе. Впереди отрядъ стрѣлковъ городской стражи, подъ начальствомъ ка-
 питана ХАТЕНГОКА. За нимъ старѣйшины, синдики и баши Гента, Брюгге, Антверпена
 и другихъ городовъ. Потомъ рыцари и послы различныхъ державъ. За ними народъ. —
 Въ толпѣ ХРИСТІАНЪ. Колокольный звонъ и крики народа.

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ (*въ то время, какъ по-
 слы проходятъ въ ра-
 тушу*).

Мессиръ фанъ-Зетенемъ, теперь смотрите!
 Вотъ герцогъ Клевебергскій, Юліанъ ...
 Вотъ графъ Ривіерра, братъ Елисаветы ...
 Потомъ ... вотъ герцогъ Гвельдернскій, Адольфъ.
 Вотъ Баденскій и съ нимъ Баварскій герцогъ.
 Германскій Императоръ, Фридрихъ Третій,
 Отправилъ ихъ послами въ городъ нашъ,
 Для сына своего, Максимильяна,
 Эрцгерцога Австрійскаго, просить
 Руки Маріи ... Вотъ идетъ послѣдній...
 Посланникъ знаменитый ... Оливье,

Меланскій графъ. Король Людовикъ
Одинадцатый къ намъ его отправилъ
Просить руки Маріи для дофина
Французскаго. Вотъ человѣкъ, мессиръ!
Хитерь, какъ змѣи и золь, какъ сатана.
И Франціи страданій — онъ причина.

ХАТЕНГОКЪ (*у дверей ратуши, стражъ*).

Здѣсь ожидать рѣшенья синдиката,
Удерживать народъ, и никого
Не подпускать и близко къ этой двери! (*Входитъ въ ратушу*).

ХРИСТИАНЪ (*выходя изъ толпы народа,
подходитъ къ лѣвой сторо-
ни театра, гдѣ разговари-
ваютъ Гансъ, Іоахимъ и Зе-
тенецъ*).

Простите! если я вашъ разговоръ
Прерву, мессиры. Я здѣсь иностранецъ,
Германскій дворянинъ. Изъ любопытства
Послѣдовалъ я за толпой народа,
И знать хотѣлъ бы, скоро ль магистратъ
Произнесетъ рѣшенье.

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Очень скоро!

Они давно рѣшили межъ собой
Кого избрать супругомъ герцогини,
И тайному рѣшенію хотятъ
Придать теперь торжественность.

ХРИСТИАНЪ.

Простите!..

Еще вопросъ ... Извѣстно ли народу
Кто будетъ выбранъ магистратомъ?

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Нѣтъ!

Навѣрное не знаютъ; впрочемъ, слухи

Давно ужъ ходить ... Говорятъ, что будетъ
Предложенъ герцогъ Гвельдерскій, Адольфъ.

ХРИСТІАНЪ.

Адольфъ !.. Но отчего же ?.. Мнѣ казалось,
Что больше всѣхъ на то имѣеть права
Сынъ Фридриха, Максимилянъ ...

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Мессиръ,

Вы дворянинъ германскій, потому
Германцу отдаете предпочтенье,
Но синдикатъ нашъ думаетъ не такъ.
Максимилянъ со смертію отца
Империю корону получаетъ.
Владѣнія его и такъ огромны,
И власть его и такъ для насъ страшна.
Съ Бургундіей Адольфа земли смежны,
Онъ намъ всегда союзникъ вѣрный былъ,
И Гвельдернъ не обширное владѣнье ...
Вотъ вамъ причины.

ХРИСТІАНЪ.

Еслижъ этотъ выборъ,
Не утвердитъ согласіемъ Марія,
Когда она другаго любитъ, если ...

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Она, конечно, въ правѣ мужа выбрать,
Какого ей угодно; только надо,
Чтобъ избранный супругу-герцогиню
Могъ защитить оружіемъ, когда
Искатели руки ея возстанутъ,
Обиженные выборомъ ея ...

(Христіанъ задумывается).

ЗЕТЕНЕМЪ *(тихо).*

Кто этотъ господинъ?

ІОАХИМЪ АУДЕНАРДЕ.

Его мы часто
На площадяхъ, на сходбахъ нашихъ видимъ,
На играхъ насъ онъ побѣждалъ не разъ.
Германецъ Христіанъ фонъ—Лойсъ. Онъ здѣсь
Давно живетъ, сюда прибывши прежде
Германскаго посольства. Онъ бѣднякъ,
Искатель приключеній, ловко править
Конемъ, мечемъ владѣетъ также славно,
Красивъ и статенъ,—дворянинъ притомъ.
Теперь съ ума онъ нашихъ женщинъ сводитъ,
Покамѣсть, отъ бездѣлья. Микаела,
Воспитанница нашей герцогини,
И дурочка ея, какъ говорятъ,
Влюбилась въ иностранца до безумья
И страсть свою не думаетъ скрывать.

ЗЕТЕНЕМЪ.

Сосѣдъ, чтобъ не забыть, я вамъ довольно
Извѣстій изъ Антверпена привезъ.
Нашъ торгъ идетъ порядочно, и цѣны
Возвысились на гентскіе товары:
Брабантская ларча, фламандскій ленъ ...

ГАНСЪ ДООРЕНЪ.

Фанъ—Зетенемъ ... Пойдемте вотъ сюда
И у крыльца усядемтесь. Тамъ лучше,
Удобнѣе поговорить намъ. Мы
Тамъ подождемъ рѣшенья синдиката. (*Отходятъ направо*).

ХРИСТІАНЪ (*одинъ, на лѣвой сторонѣ*).

Адольфъ!.. Ужель Адольфа предпочелъ
Безумный синдикатъ?.. А герцогиня
Что скажетъ имъ въ отвѣтъ?.. откажетъ вѣрно.
Но гдѣ же эти Фридриха послы,
Баварскій герцогъ, Баденскій? Прекрасно
Они посольства исполняютъ цѣль.
Максимильяну много есть надежды
Рукою герцогини овладѣть!..

III.

МИКАЕЛА (выходитъ въ странномъ цвѣт-
номъ нарядѣ, испещренномъ яр-
кими узорами. На головѣ ея
остроконечная шапочка съ бу-
бенчиками. Она подходитъ ти-
хо къ задумавшемуся Христіану
и кладетъ ему руку на плечо).

Тотъ, кто разъ полюбилъ, не разлюбитъ опять,
Тотъ, кто любить, не станетъ грустить и страдать.
Кто любимъ, да не любить, тотъ долженъ скучать,—
Такъ съ тобой, Христіанъ, намъ о чемъ горевать?
(Нагибается и заглядываетъ ему, улыбаясь, въ лицо).

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ, Микаела, часто тотъ, кто любить
И кто любимъ, несчастнѣе того,
Кто цѣлый вѣкъ страдаетъ безнадежно.

МИКАЕЛА.

Отъ ревности?

ХРИСТІАНЪ.

О нѣтъ! отъ ожиданья.

МИКАЕЛА (потупляя глаза).

Дня брака?..

ХРИСТІАНЪ.

Для измѣны!

(Микаела поднимаетъ голову и смотритъ на него).

На меня

Ты смотришь съ удивленьемъ, Микаела!

Не вѣришь ты, чтобъ женщина могла

Забывать любовь для блеска и величья,

Для имени, для славы и богатства,

Для новаго поклонника, и даже

Для перемѣны, для разнообразья,
Для новыхъ клятвъ, для новыхъ сценъ признанья,
Чтобъ испытать, какъ любить и другой,
Чтобъ посмотрѣть, какъ прежній плакатъ будетъ...

МИКАЕЛА.

Ты клевещешь на насъ, Христіанъ,
Мы на то рождены, чтобъ любить,
Намъ самую природой удѣлъ этотъ данъ.
Еслибъ мы и хотѣли его измѣнить,
То не можемъ, не въ силахъ.
Въ долю, вамъ все на свѣтѣ дано:
Вы — властители, женщина — ваша раба.
Здѣсь всѣ радости жизнь у нея отняла.
Вы велики, величіе наше — любовь.
Вы могучи, у женщины сила — любовь.
Вы богаты, все наше богатство — любовь.
Вы прославлены, женщины слава — любовь.
Вы умомъ открываете тайны міровъ,
А у женщинъ наука—все та же любовь.
Вашъ поэтъ разольется каскадомъ стиховъ,
А поэзія женщины — та же любовь!
И вездѣ, и всегда все любовь, да любовь,
До послѣдняго дня, до кончины вѣковъ!..

ХРИСТИАНЪ.

О, Микаела! въ сердцѣ у тебя
Нѣтъ темныхъ чувствъ, а въ головѣ злыхъ мыслей;
На свѣтѣ еще ты смотришь какъ дитя,
И какъ дитя людей ты понимаешь.
Привыкнувъ выражаться языкомъ
Восторженнымъ, размѣреннымъ, ты мыслишь
И чувствуешь не такъ, какъ мы, и странно
Порой твои слова, твой взглядъ, твой голосъ,
Твои поступки и твоя любовь!..

МИКАЕЛА.

Моя любовь!.. да, да, ты правъ!
Когда тебя я полюбила,

Забывши строгій вашъ уставъ,
 Сама любовь свою открыла,
 Сказавъ тебѣ: мой Христіанъ,
 Твой гордый взоръ, твой стройный станъ,
 Твой голосъ — все меня плѣнило,
 И я, не помню какъ, сама,
 И безъ души, и безъ ума,
 Тебя невольно полюбила,
 И въ томъ призналась безъ стыда.
 Я помню... мнѣ сказалъ тогда,
 Что ты любить меня не можешь,
 Что ты не любишь никого.
 Но мнѣ довольно и того:
 Ты равнодушьемъ не встревожишь
 Больнаго сердца моего.
 Лишь только не люби другую,
 Вотъ я о чемъ тебя молю...
 Да не сердись, что я ревную,
 И что я все тебя люблю.
 Вѣдь ты... не полюбилъ другую?... Что же
 Ты все молчишь, мой милый, Боже!
 Мой Христіанъ!.. Ужель?... О, нѣтъ!
 Я та же все, мнѣ двадцать лѣтъ,
 И также чувствами богата...
 Я вѣрно, просто, виновата
 Передъ тобою въ чемъ-нибудь...
 Скажи же, въ чемъ? Но не забудь
 И побрани меня построже
 За то, что я съ ума сошла,
 Что мысль мнѣ въ голову пришла,
 Какъ будто я теперь не всѣхъ тебѣ дороже?
 Какъ будто ты другую любишь... (Смотритъ въ глаза
 Христіану, который стоитъ молчаливый и смущенный.
 Микаела вздрагиваетъ и испускаетъ громкій крикъ):
 Боже!..
 (Христіанъ схватываетъ ее за руку. Двери ратуши
 растворяются. Хатенгокъ выходитъ на крыльцо; под-
 лъ него четыре герольда).

IV.

ХАТЕНГОКЪ.

Народъ!.. Премудрый гентскій синдикатъ,
По совѣщанью съ синдиками Брюгге,
Антверпена и прочихъ городовъ
Бургундіи, Намюра и Брабанта,
Избралъ супругомъ нашей герцогини
Адольфа, принца Гвельдерна. Народъ!
Да здравствуетъ Адольфъ, Бургундскій герцогъ!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Адольфъ, Бургундскій герцогъ!
(Герольды трубятъ. Хатенгокъ въ сопровожденіи ихъ сходитъ съ крыльца и, перейдя черезъ сцену, уходитъ нальво. Изъ ратуши выходятъ старѣйшины и послы въ томъ же порядкѣ; только Адольфъ идетъ впереди).

ХРИСТИАНЪ.

Адольфъ! Адольфъ! Послы Максимильяна,
Позоръ и стыдъ вамъ! Гентъ избралъ Адольфа!
Съ какимъ лицомъ вы явитесь теперь
Къ пресголу Императора? На васъ
Онъ возложилъ Имперіи надежду,
А вы ....

МИКАЕЛА.

Творецъ! онъ позабылъ, что я
Здѣсь, близъ него...

ХРИСТИАНЪ.

О, Боже, Микаела!
Прости меня!.. Я рыцарь . . я германецъ,
И этотъ выборъ поразилъ меня!
Мой государь отвергнуть ... потому
Я такъ смущенъ, взволнованъ. Я тебѣ
Все объясню ... но послѣ!.. Я съ тобою
Сегодняже увижусь!.. Какъ! Адольфъ!..
(Микаела смотритъ на него нѣсколько времени, потомъ

закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ. Христіанъ не замѣчаетъ этого и остается въ задумчивости. Оливье, который въ это время сходилъ съ лѣстницы послѣднимъ и слышалъ слова Христіана, подходитъ къ нему, оглядывается и кладетъ ему руку на плечо.)

ОЛИВЬЕ.

Когда она тебѣ ужъ надоѣла,
Съ охотой отъ нее тебя избавлю я!..
(Смѣется и уходитъ. Христіанъ нѣсколько времени смотритъ съ удивленіемъ вслѣдъ ему, потомъ бросается за нимъ. Колокольный звонъ и крики народа.)

V.

Запа во дворцѣ герцогини Бургундской. Направо отъ зрителей двери въ ея внутреннія комнаты, въ срединѣ главная дверь; на правой рукѣ столъ, готическое кресло и скамейка; на лѣвой окно.

МАРІЯ БУРГУНДСКАЯ, выходитъ изъ своихъ комнатъ, въ волненіи слушаетъ нѣсколько времени у главныхъ дверей, осматривается, потомъ быстро подходитъ къ окну и отпираетъ его.

МАРІЯ.

Нѣтъ никого! онъ на условномъ мѣстѣ.
Садъ пустъ. (Хлопаетъ въ ладоши). Онъ слышитъ...
Боже! если кто
Его увидитъ... Никого! (Бросаетъ записку въ окно). Онъ
поднялъ...

И прижимаетъ къ сердцу!.. Безразсудный!..
Бѣги! бѣги!.. Онъ скрылся... О, Творецъ!..
(Въ изнеможеніи опирается на окно).

Какъ сердце бьется... Каждую минуту
Мнѣ кажется, что схваченъ онъ, что все
Погибло невозвратно... Сколько мукъ,
Ужасныхъ мукъ въ любви, и сколько горя,
А особливо въ нашей!.. Я боюсь
Подумать, чѣмъ окончится она?..
Пусть будетъ такъ, какъ присудилъ Творецъ!
Фанъ-Вреденъ! (отходитъ быстро отъ окна)

VI.

МАРІА. ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Герцогиня !... Безъ доклада
Слуга вашъ старѣй входитъ къ вамъ. Простите !

МАРІА.

Фанъ-Вреденъ ! Я ... я рада ... Что тебя
Ко мнѣ приводитъ ? Развѣ что случилось ?

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Нѣтъ, ничего ! покаместъ все идетъ
Какъ должно ; все въ порядкѣ во дворцѣ.
Я говорю покаместъ, оттого
Что въ будущемъ хлопотъ предвижу много.
Что дѣлать !

МАРІА.

Объяснись : я не привыкла
Разгадывать загадки !

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Герцогиня !

И для меня загадка это. Я
Самъ не могу понять, что это значить ?
Зачѣмъ ему являться всякій день,
Въ саду дворца ?..

МАРІА (*въ волненіи, стараясь улыб-
нуться*).

Да ! да ! я помню ... ты
Мнѣ говорилъ, что «... привидѣніе
Въ саду блуждаетъ...

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

То-то вотъ и есть,
Что я и самъ не знаю. . Привидѣнье ?..

Пусть будетъ такъ, — но отчего жь ему
 Людей бояться, бѣгать отъ людей?
 Кажись, оно должно пугать другихъ...

МАРІА.

Но ты ... ты что же думаешь объ этомъ?

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Я, право, самъ не знаю, что подумать...
 Пусть это человѣкъ — то какъ же онъ
 Забраться можетъ въ садъ и во дворецъ,
 Когда ключи хранятся у меня,
 Всегда со мной... Пусть это привидѣнье...
 Зачѣмъ вчера...

МАРІА (дрожа).

Вчера?...

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Когда отрядъ
 Дворцовой стражи бросился за нимъ,
 Оно стрѣлой пустилося по саду
 Отъ нихъ бѣжать?.. Пусть это человѣкъ,
 То какъ же могъ онъ проскочить сквозь стѣну
 Или, что все равно, черезъ калитку,
 Которой ключъ лишь у меня хранится?
 Пусть это привидѣнье, — отчего
 Я днемъ его теперь, сейчасъ же, видѣлъ?..

МАРІА.

Сейчасъ?..

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Я шелъ сюда ... изъ-подъ окна,
 И чуть не изъ-подъ этого, въ кусты
 Вдругъ кто-то быстро бросился... И я
 Искать ужъ собрался, но вдругъ подумалъ:
 Пусть это человѣкъ, какъ можетъ онъ
 Подъ окнами бродить, когда у нихъ

Вы любите сидѣть и сами тотчасъ
Моглибъ его примѣтить...

МАРІА.

Да! ты правъ...

Все это такъ смѣшно, невѣроятно...
Я прежде всѣхъ сама бы увидала,
Когда бы кто осмѣлился въ мой садъ
Иль въ мой дворецъ пробраться!.. Ты, фанъ-Вредень,
Разказомъ этимъ вздорнымъ не пугай
Ни приближенныхъ, на старѣйшинъ... Я
Разстроена теперь!.. Оставь меня!..
Мнѣ что-то нездоровится... Да, кстати,
Поди ... пришли сюда мнѣ Микаелу,
Сегодня не видала я ее...
Благодарю тебя за все усердье.
Теперь ступай, фанъ-Вредень!
(Фанъ-Вредень почтительно цѣлуетъ ея руку и уходитъ).
Ушелъ! мой Богъ! Я думала, что онъ
Въ моемъ лицѣ прочтетъ и тайну сердца
И имя ... имя?... никогда!

Фанъ-Вредень

Опасень... Онъ за деньги все продастъ;
Его я знаю!.. Эти женихи,
Которые мнѣ не даютъ покоя,
Сопернику ль позволять жить на свѣтѣ?..
Онъ долженъ рѣже видѣться со мной...
Творецъ! а я сейчасъ ему писала,
Чтобъ онъ сегодня въ садъ ко мнѣ явился.
Что, если?. Кровь застыла въ жилахъ. Я
Должна предупредить его ... но какъ?
До вечера его я не увижу...
Другому ввѣрить тайну? Никогда!
Кто это?... Микаела! Если небо
Ее мнѣ посылаетъ?... О! она
Меня такъ любитъ! Здравствуй, Микаела!..

VII.

МИКАЕЛА, вошедшая при послѣднихъ словахъ герцогини, печальная и блѣдная, молча пѣлуетъ полу ея платья.

МАРІЯ.

Что такъ скучна?.. О чемъ твоя печаль,
Гдѣ ты была все утро?.. Ты молчишь,
Вздыхаешь, плачешь?.. Микаела! развѣ
Я не могу узнать причину слезъ?
Садися здѣсь, у ногъ моихъ, отри
Хорошенькіе глазки! успокойся
И расскажи мнѣ все. Я знать хочу!
*(Садится въ кресло, Микаела у ногъ ея на скамейкѣ.
Герцогиня играетъ ея локонами).*

МИКАЕЛА.

Странно слезы у дурочки видѣть,
Плакать дурочка вѣкъ не должна;
Кто и чѣмъ ее можетъ обидѣть?..
Вѣкъ сноси и терпи все она,
Соловья на то ль купили,
Чтобы въ клѣткѣ онъ молчалъ?
Для того ль мнѣ платять деньги,
Чтобъ я плакала на взрыдъ?..
Какже плакать дурочка смѣетъ?
Скрыть бы слезы хотѣла она — не умѣетъ!
Сами льются и щеки мнѣ жгутъ.
Погоди, ихъ не много — и скоро пройдутъ!

МАРІЯ.

Ребенокъ!.. развѣ здѣсь, въ моемъ дворцѣ,
Когда-нибудь и что-нибудь, хоть разъ,
Ты противъ воли дѣлала? Тебя
Всѣ дурочкой Маріи называютъ,
Но развѣ кромѣ искренней любви —
Отъ Микаелы требуетъ другихъ
Услугъ Марія?.. Вспомни! Я сама
Была еще ребенкомъ въ этотъ день,

Когда съ отцомъ Антверпенъ объѣзжая,
 Тебя нашли мы на порогѣ церкви,
 Одну, безъ чувствъ отъ голода и стужи,
 Покрытую разорваннымъ плащемъ.
 Ты ничего не помнила, не знала,
 Зачѣмъ и кто привелъ тебя въ Антверпенъ ;
 Ты словъ: отецъ и мать — не понимала.
 Отца я упростила взять тебя
 Со мною во дворецъ — и тамъ, мы вмѣстѣ
 Взросли, какъ сестры. Помнишь, Микаела?
*(Микаела молча схватываетъ ея руку, цѣлуетъ, при-
 жимаетъ къ груди и плачетъ.)*
 Я не затѣмъ о прошломъ воспоминаю,
 Чтобъ ты меня за то благодарила;
 Я только то хочу тебѣ припомнить,
 Что ты сама — когда пришла пора
 Разстаться намъ — подругою моею
 Быть не могла, и чтобъ со мной остаться,
 Рѣшилась мнѣ какъ дурочка служить.

МИКАЕЛА.

О ! нѣтъ ! нѣтъ, я не забыла,
 Какъ ласкала, какъ любила
 Герцогиня сироту,
 Не смотря на блескъ, на славу,
 На обширную державу,
 Знатный родъ и красоту.
 Въ жизни радость мнѣ нашлася,
 И тогда жъ я поклялася,
 Жизнь мою тебѣ отдать.
 Ты скажи одно лишь слово,
 Для тебя всегда готова
 Я хоть въ пыткѣ умирать.
 Но теперъ ... прости мой ропотъ :
 Сердца мукъ холодный оцѣтъ
 Побѣждать не научилъ ...
 Я люблю ! . и чтожъ !.. Марія !..
 Всѣ страданія земныя
 Въ этомъ словѣ : измѣнилъ !..
(Закрываетъ лицо руками и плачетъ).

МАРІА.

Ты любишь и обманута! Бѣдняжка!
 Твоя любовь могла бѣ безъ горя быть!
 Тебѣ любить не помѣшали бѣ люди!
 Никто тебя любить не принуждаетъ
 Того, кто любить только блескъ вѣнца;
 Ты можешь выбирать — а я?...
 Мнѣ санъ мой пышный въ тягость, Микаела.
 Я до-сихъ-поръ скрывалась предъ тобой —
 Прости меня! Теперь я все открою.
 Ты мнѣ должна услугу оказать,
 Спасти того, кого люблю я ...

МИКАЕЛА.

Боже!

Вамъ окажу-услугу я!
 О, говорите, говорите!...
 Молю васъ, герцогиня! посмотрите,
 Какъ слушаю я жадно. Онъ
 Васъ вѣрно также любить, принужденъ
 Отъ вашихъ жениховъ скрываться?...
 О! вы не знаете, что значитъ здѣсь обманъ!
 Онъ не измѣнитъ вамъ — чего бояться —
 Какъ измѣнилъ мнѣ Христіанъ!

МАРІА.

Какъ! Христіанъ?... Ты назвала его
 Такъ, кажется?... Но кто же онъ?... скажи мнѣ!

МИКАЕЛА.

Онъ германскій дворянинъ,
 Онъ красавецъ стройный,
 Будто древній паладинъ,
 Статный и спокойный.
 Онъ при чудной красотѣ,
 Не богатъ, не знатенъ;
 Но на сердцѣ, на щитѣ,
 У него нѣтъ пятенъ.

МАРІА.

Не тотъ ли это самый иностранецъ,
Который къ намъ сюда недавно прибылъ
И на публичныхъ играхъ побѣдилъ
И ловкостью и силою Бургундцевъ?

МИКАЕЛА.

Такъ знаешь ты ...

МАРІА.

О подвигахъ его
И до меня извѣстье долетѣло;
Но онъ ли это?.. онъ ли?.. Христіанъ
Фонъ-Лойсъ?..

МИКАЕЛА.

Онъ самый!..

МАРІА.

Онъ!.. о!.. Микаела!
Тебя онъ любить?..

МИКАЕЛА.

Я его люблю!
Покажѣтъ мнѣ и этого довольно!...

МАРІА.

Но бракъ вашъ невозможенъ. Онъ — ты знаешь ...
И дворянинъ, и рыцарь, Микаела!
Ты сирота, безъ имени и роду ...

МИКАЕЛА.

Я я одна томлюся и страдаю
И сердце поетъ, и пылаетъ кровь.
А онъ спокоенъ, холоденъ. Я знаю,
Меня не любитъ онъ. Я не виню его:
Любовь рождается невольно.
Мнѣ было и того довольно,

Что онъ не любитъ никого.
 Но вдругъ сегодня ... Герцогиня,
 Вамъ жизнь моя принадлежитъ ...
 Но эта страсть!.. Она моя святыня!..
 Я ею лишь живу, она меня миритъ
 Съ людьми и съ миромъ, но она жъ и губитъ,
 И еслибъ знала я, что васъ мой милый любитъ...
 Какъ мнѣ ни больно, въ тотъ же часъ
 Я бъ ненавиждѣть стала васъ.

МАРІА.

Опомнись! Микаела! ты въ безумьи!
 (*Въ сторону*) Не любитъ онъ!.. ее не любитъ онъ!..

МИКАЕЛА.

Да, это правда! я безумна!
 Мнѣ ненавиждѣть — и когожь?..
 Васъ, герцогиня?.. васъ! Какъ можно!..
 Прочь! прочь, коварный искуситель,
 Злой думой сердца не тревожь ...
 О! нѣтъ, васъ любитъ Микаела,
 Какъ можно на землѣ любить!..
 Когда бъ она и захотѣла,
 То не смогла бъ и не стумѣла
 Любовь изъ сердца истребить.
 Но о себѣ лишь помышляя,
 Свое лишь горе понимая,
 Забыла я: вы грусть свою
 Свою любовь открыть хотите ..
 О! говорите! говорите!...
 Я все на сердцѣ затаю!..

МАРІА (*холодно*).

Довольно! какъ смѣшна ты, Микаела!
 Ужель могла ты думать, что Марія
 Бургундская, какъ дурочка ея,
 Влюбляется во всякаго пришельца,
 Который только статень и красивъ?
 Съ тобою я шутила ... Я хотѣла

Узнать, кого ты любишь ... я смѣлась;
 И если шутки ты не поняла,
 Я въ томъ не виновата ... И теперь
 Оставь меня! Но помни, герцогиня
 Бургундская того полюбитъ только,
 Кто будетъ Богомъ данъ въ супруги ей.
*(Микаела приподнимается на скамейкѣ и съ уди-
 вленіемъ на нее смотритъ).*
 Ты слышала? оставь меня!

МИКАЕЛА *(умоляющимъ голосомъ).*

Марія!..

МАРІЯ *(съ гнѣвомъ).*

Оставь меня!..

МИКАЕЛА.

О! Боже, Боже правый!

Ужель такъ сердце женское лукаво!..

Ужель такая жъ женщина она? *(Уходитъ тихо и по-
 тупивъ голову).*

МАРІЯ *(проводивъ ее глазами).*

Ушла! Еще минута!.. Микаела
 Узнала бъ то, что для нее должно
 Теперь быть вѣчной тайной! Сердце, сердце!
 Нѣтъ, на тебя надѣяться нельзя.
 И только мысль, что герцогиня я,
 Что я дочь Карла — придала мнѣ силу
 И твердость взорамъ и рѣчамъ ... И что же?
 Къ чему вся эта твердость, воля? Развѣ
 Я герцога люблю?.. О! Микаела! *(Задумывается).*

VIII.

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ, потомъ **АДРІАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ** и другіе старѣйшины
 Послы и герцоги. Дворъ Маріи.

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Простите, герцогиня! Я опять

Являюсь къ вамъ затѣмъ, чтобъ доложить
 О томъ, что знаменитый синдикатъ,
 Со старшинами, синдиками Гента,
 Со всеми именитыми послами
 Сосѣдственныхъ и дружескихъ народовъ,
 Желаютъ васъ увидѣть, чтобъ прошенье
 Совѣта городского вамъ представить ...

МАРІА.

А! это вновь мой синдикатъ премудрый
 Меня затѣялъ замужъ выдавать ...
 Я знаю все; я жду его ... Зови !.. (*Фанъ-Вреденъ уходитъ*).
 О, тѣнь отца, ты подкрѣпи меня !..
 Теперь нужны мнѣ твердость и величье !..
 (*Становится гордо у стѣла, опершись на него рукою.*
Въ главныя двери входятъ послы и старѣйшины ....

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШОУТЬ (*со свиткомъ бумагъ,*
низко кланяясь).

Отъ имени Бургундскаго Правленья
 И въ слѣдствіе рѣшенія совѣта
 Старѣйшинъ Гента, синдиговъ Пероны,
 Куртрая, Сенъ-Кентеня, Дендермонда
 И всехъ другихъ бургундскихъ городовъ,
 Къ тебѣ я обращаю рѣчь, Марія,
 Земель обширныхъ, славныхъ герцогиня.
 Ты знаешь положенье государства:
 Ему грозитъ война, и все сосѣди
 Завидуютъ могуществу его.
 Защитника мы въ Карлѣ потеряли ...
 А ты сама не можешь нами править,
 И отъ бѣды не можешь насъ спасти.
 И потому желали бѣ мы вручить
 Бургундіи судьбу съ твоей рукою
 Тому, кто могъ бы намъ защитой быть.
 Семь принцевъ крови, герцоговъ и графовъ,
 Твоей руки искали. Синдикатъ,
 Взявъ клятву съ нихъ, не мститъ ему за выборъ,
 Единогласно присудилъ просить,

Чтобъ руку отдала ты, герцогиня
Бургундіи, Брабанта, Геннегау,
Голландіи, Фрисландіи, Намюра,
Графиня Люксембурга, Артуа,
Зеландіи, Брабанта, и иныхъ
Владѣній — принцу Гвельдерна — Адольфу!

ОЛИВЬЕ (*тихо герцогу Баварскому*).

Смотрите! разгорѣлися глаза
У Гвельдернскаго герцога. Невѣста
Съ порядочнымъ приданымъ. Изъ него
Авось и намъ перепадетъ немножко.
Ужъ синдикъ что-то много насчиталъ.

ЛЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ.

Мы ожидаемъ вашего отвѣта.

МАРІЯ.

Я, признаюсь, едва отъ удивленья
Могу придти въ себя. Что странъ обширныхъ
Огромное, богатое наслѣдство
Могло сосѣдей жадность возбудить —
Я это понимаю. Семь владѣльцевъ
Земель сосѣднихъ предлагаютъ руку
Приданому Бургундской герцогини, —
И это мнѣ понятно; но чтобъ вы,
Вы, подданные этой герцогини,
Осмѣлились устроить торги
И продавать Бургундскую корону
Тому изъ жениховъ, кто больше дастъ —
Я этого никакъ не ожидала ...

АДОЛЬФЪ, ГЕРЦОГЪ ГВЕЛЬДЕРНСКІЙ.

Но, герцогиня...

МАРІЯ.

Кто здѣсь говоритъ?

Кто смѣетъ прерывать меня? Вы, герцогъ,
Мой будущій супругъ, мой нареченный

Женихъ, вы, рыцарь!... При моемъ отцѣ,
 Когда въ собраньи дама говорила,
 Всѣ рыцари почтительно молчали,
 И тотъ, къ кому она рѣчь обращала,
 Ее въ безмолвьи слушалъ на колѣняхъ:
 Теперь другіе нравы, вѣкъ другой: —
 Сказать двухъ словъ не позволяетъ дамѣ
 Учтивый рыцарь, я васъ и за то
 Должна благодарить, что вы миѣ ротъ
 Желѣзною перчаткой не зажали.

(Минута молчанія. Марія обращается къ старѣйшинамъ).

Старѣйшины и синдики Пероны,
 Куртрая, Сенъ Кентеня, Дендермонда,
 И всѣхъ другихъ бургундскихъ городовъ.
 Торжественно вамъ объявляю я:
 Что предложенья синдиковъ, старѣйшинъ
 Не принимаю и, предъ всѣми здѣсь,
 Въ рукѣ моей отказываю я:
 И Гвельдернскому герцогу и всѣмъ
 Другимъ здѣсь предстоящимъ женихамъ ...

(Волненіе между старѣйшинами и послами).

ОЛИВЬЕ.

Прикрикнула на нихъ голубка эта
 И всѣ они повѣсили носы.

ЛЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ

Но ты не поняла насъ, герцогиня ...

ГЕРЦОГЪ КЛЕВЕБЕРГСКІЙ, ЮЛІАНЪ.

Ты рѣчью насъ жестоко оскорбила!

МАРІЯ.

Я васъ не поняла, васъ оскорбила?
 Чего тутъ не понять, чѣмъ оскорбить?
 Я вамъ сказала, что мою корону
 Вы покупали съ торгу? Что же? Развѣ
 Не правда это? Всякій здѣсь изъ васъ
 Старѣйшинамъ и Генту общалъ

Права, и привилегіи, и льготы.
А развѣ это все не тѣ же деньги?...
О, ваша цѣль, повѣрьте, мнѣ ясна!

АМАНЪ ВАНДЕНВЕРРЕ.

Заботясь о благѣ государства,
Не ждали мы отъ нашей герцогини
Упреки за усердье получить...

МАРІЯ.

О! точно безпримѣрное усердье!
Къ чему всѣ эти громкія слова?
Всѣ ваши увѣренья?... Кто далъ право
Моей рукою вамъ располагать?
Забыли вы, что я еще ребенкомъ
Обручена была Максимилянѣ,
Эрцгерцогу Австрійскому. — Ему,
По волѣ моего отца, послала
Тогда же свой портретъ и перстень я.

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ.

Но мы два года ждемъ, чтобъ ты рѣшилась
Отдать кому-нибудь престолъ и руку.
И ты сама назначила намъ срокъ.

МАРІЯ.

И я вамъ объявлю мое рѣшенье,
Когда придетъ пора ... Теперь, ступайте!
На этотъ разъ я дерзость вамъ прощаю,
Но помните: рукою герцогини
Располагать ее лишь сердце будетъ,
А сердцемъ можетъ Богъ одинъ повелѣвать!

*(Гордо проходитъ мимо ихъ во внутреннія комнаты.
Всѣ низко кланяются. Занавѣсь опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ во дворцѣ герцогини. Скамейка подъ тѣнью деревьевъ. Смеркается. На лѣвой сторонѣ отъ зрителей часть дворца, скрытая деревьями. Вверху открытое окно, внизу другое, освѣщенное изнутри.

I.

ОЛИВЬЕ, АДЛЬФЪ ГВЕЛЬДЕРНСКІЙ, АДРІАНЪ РАВЕСШООТЪ и ЛІЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ, выходятъ осторожно изъ глубины, закутанные въ плащи.

АДРІАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Ночь будетъ холодна.

ЛІЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ.

Какъ вѣтеръ воетъ.

АДРІАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Я весь продрогъ ...

АДЛЬФЪ.

А я такъ весь горю
Досадою и жаждой мщенья ...

АДРІАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Герцогъ!
Вамъ и безъ нихъ тепло въ кирасѣ вашей.

АДЛЬФЪ.

А вы безъ вѣтра также бы дрожали,
И холодъ вамъ предлогъ прекрасный далъ.

АДРІАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Что значить, герцогъ ...

ОЛИВЬЕ.

Полноте, мессеры!
Какъ вамъ не стыдно?... Что это за люди!
Нашли же время спорить. Намъ подумать.
Пора о томъ, какъ планъ составить нашъ.

АДОЛЬФЪ.

Да что тутъ думать?... Если только мнѣ
Онъ попадется, этимъ же мечемъ ...

ОЛИВЬЕ.

Что вы? Какъ можно, герцогъ?... Сохрани
Васъ Богъ убить его!.. Живаго надо
Его поймать, и спросить, развѣдать,
Какъ могъ онъ столько дерзости имѣть,
Чтобъ руку знаменитой герцогини
У герцоговъ и графовъ отбивать?..
И кто его сообщники въ интригѣ?

АДОЛЬФЪ.

Но, если рыцарь онъ и дворянинъ,
То никогда ни слова вамъ не скажетъ,
Скорѣй умретъ ...

ОЛИВЬЕ.

Э, герцогъ! развѣ вы
Ребенокъ и не знаете, что въ мѣрѣ
На все есть средства? Мнѣ не разъ случилось
И не такія тайны открывать.
У насъ разговорился бы и камень,
Когдабъ его немножко попытали.

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Мнѣ кажется, что графъ Меланскій просто
Надъ нами забавляется, что этотъ
Невидимый Маріи обожатель
Имъ выдуманъ.

ЛЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ.

И я не вѣрю также,
 Чтобы Марія — ангель чистоты,
 Наслѣдница бургундскаго престола,
 Свиданія въ саду своемъ имѣла
 Съ какимъ — то незнакомцемъ.

АДОЛЬФЪ.

Если только
 Обмануть я — клянусь моимъ патрономъ,
 Что съ вами, мой любезный Оливье,
 По-рыцарски тогда я рассчитаюсь.

ОЛИВЬЕ.

Вы, герцогъ, по напрасну горячитесь,
 И вы, мессеры, тоже!.. Я сказалъ,
 Что въ этотъ вечеръ все узнаемъ мы.
 Я свѣдѣнья подробныя собралъ ...
 Фанъ-Вреденъ самъ встрѣчался съ незнакомцемъ,
 И сколько разъ преслѣдовалъ его.
 Но городская стража всякій разъ
 Его иль проглядить, или упустить.
 По этому — то я и созвалъ васъ,
 Чтобы самимъ намъ подстеречь злодѣя.
 Отъ насъ ужъ онъ навѣрно не уйдетъ!
 У насъ у всѣхъ есть важныя причины,
 Чтобы его не выпустить изъ рукъ.

АДОЛЬФЪ.

Но отчего жъ фанъ-Вреденъ вмѣстѣ съ нами
 Самъ не пошелъ отыскивать его?

ОЛИВЬЕ.

Онъ — видите — считаетъ привидѣньемъ
 Того, кого мы ищемъ. Я жъ, признаться,
 Не очень что — то вѣрю въ привидѣнья,
 И каюсь въ этомъ — грѣшный человекъ!
 И даже въ томъ готовъ я поручиться,

Что черезъ часъ представлю вамъ живую
Причину несогласья герцогини
На предложенье герцоговъ и графовъ ...
Избави Богъ, чтобы не вѣрилъ я
Въ ея и чистоту и добродѣтель ...
Но женщина — все женщина, мессеры...

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ.

Графъ Оливье!

ОЛИВЬЕ.

Простите!

Есть на свѣтѣ,
Конечно, исключенья. Ихъ не много,
Но все же есть. Какъ знать? она, быть можетъ.....

АДОЛЬФЪ.

Я вижу ясно вашу цѣль. Недаромъ
Васъ сатаню прозвали французы.
Вы рады, что за чистою Маріей
Какой-нибудь проступокъ отыскали,
Вы рады возбуждать междоусобье
Въ Бургундіи, и вашъ король готовъ
Воспользоваться смутами навѣрно.
И такъ себѣ успѣлъ присвоить онъ
По смерти Карла: Аббевиль, Булонь,
Богенъ, Аррасъ...

ОЛИВЬЕ.

О! это все наслѣдье
Старинное, французское. Король
Людовикъ ...

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ.

Не возьметъ у насъ ни шагу
И ни клочка земли. Я вамъ клянусь
Бургундской честью. Да! вы правы, Герцогъ!..
Бургундія погибнетъ въ этихъ смутахъ,
Когда конецъ мы не положимъ имъ.
Вчера насъ герцогиня изумила

Своей неожиданной твердостью, и мы
 Ей не могли ни слова отвѣчать,
 Но нынче мы опомнились. Сегодня
 Въ совѣтъ тайномъ положили мы
 Просить ее вторично: выдти замужъ
 За Гвельдернескаго герцога.

АДОЛЬФЪ.

О, синдикъ!

Повѣрьте, вы поступите прекрасно!
 Я вамъ клянусь Бургундію спасти.

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Я знаю, это скорое рѣшенье
 Не по сердцу мессирю Оливье;

ОЛИВЬЕ.

Право вы мнѣ странны,
 Мессиря!... Вы хотите видѣть тамъ
 Цѣль тайную, намѣренье дурное,
 Гдѣ объяснить все можно очень просто.
 Посланникомъ сюда явился я
 Просить руки Бургундской герцогини,
 И получилъ отказъ, который долженъ
 Былъ оскорбить меня, и потому
 Теперь я всеми силами стараюсь
 Узнать, кто тотъ невѣдомый счастливецъ,
 Которому Дофинъ нашъ предпочтенъ?
 Но бросимте пустые эти споры.
 Не здѣсь должны стеречь мы молодца.
 Я васъ привелъ сюда, чтобъ осмотрѣть
 Всю мѣстность хорошенько; здѣсь къ дворцу
 Садъ примыкаетъ. Этотъ постъ себѣ
 Я выбираю. Вы у той калитки,
 Которую сейчасъ мы осмотрѣли,
 Въ кустахъ удобно спрячетесь. Но только,
 Заранѣй васъ прошу, его оставьте
 Войти спокойно въ садъ, и это будетъ
 Вѣрнѣй и лучше. Тамъ за нимъ калитку

Запрете — и тогда не увернется
Отъ насъ искатель приключеній,
Будь онъ хоть привидѣнье.

АДОЛЬФЪ.

Планъ хорошъ.

Вы все хитро придумали, мессиръ.
И мы идемъ къ калиткѣ, но смотрите,
Когда вы обманули насъ, когда
У васъ другая цѣль есть въ этомъ дѣлѣ,
Клянусь моимъ мечемъ — я завтра брошу
Желѣзную перчатку вамъ въ лицо!...

(Уходятъ).

ОЛИВЬЕ (одинъ)

Постой, медвѣдь фламандскій!... Дай мнѣ только
Управиться съ однимъ, а послѣ мы
И до тебя, пожалуй, доберемся ...
Здѣсь, близъ дворца, должно происходить
Свиданіе, чтобъ въ случаѣ нужды
Скорѣе можно было скрыться. Я
Мѣшать ему нисколько не намѣренъ.
Узнать мнѣ только нужно: кто тотъ дерзкій
И какъ сильна любовь ихъ, и нельзя ли
Чего-нибудь извлечь мнѣ изъ нее.

(Осматриваясь).

Вотъ комната прекрасной Микаэлы
Внизу, подъ самой спальней герцогини.
Въ ея окнѣ еще огонь мелькаетъ ...
О! дорого бы далъ ты, Оливье,
Чтобы назвать ее своею. Да,
Я чувствую, что кромѣ головы
Есть у меня и сердце!... Очень нужно!
Я могъ бы обойтись и безъ него.
И странно; не смотря на то, что я
Осмѣявъ былъ, отвергнуть, презрѣвъ ею,
Я чувствую, что нѣтъ въ груди моей
Ни мщенія, ни ненависти къ ней.
Но шевелится здѣсь, на этомъ сердцѣ,
Другое чувство, приторно — пустое,

Которое меня смѣшить и бѣситъ,
 Которое любовью называютъ.
 Любовь?.. Э, что за вздоръ!... То просто бредъ,
 Простой припадокъ маленькой горячки ...
 Фу! какъ здѣсь жарко!.. Обойду кругомъ
 Дворецъ ... О, онъ отъ насъ не увернется!
*(Уходитъ налево. Сцена нѣсколько времени остается
 пуста, потомъ съ правой стороны выходитъ Хри-
 стианъ въ плащъ).*

II.

ХРИСТИАНЪ, потомъ **МАРІЯ** и **ОЛИВЬЕ.**

ХРИСТИАНЪ *(смотря направо).*

Нѣтъ, я ошибся!.. это вѣрно птица
 Въ кусты порхнула, зашумѣвъ листьями ...
 Нѣтъ никого!.. Подамъ условный знакъ. *(Хлопаетъ три раза)*
 Окно вверху закрылось ... Я услышанъ!
 Внизу огонь горитъ у Микаелы,
 Быть можетъ, обо мнѣ она мечтаетъ ...
 А я ... *(Увидя Марію).* Марія!..

МАРІЯ.

Христианъ!.. Ты здѣсь!..

Опять въ саду! о, ради Бога, скройся!
 Тебѣ грозитъ опасность. За тобой
 Присматриваютъ. Ты неостороженъ,
 Ты знаешь, какъ тебя Марія любитъ,
 И для нея не бережешь себя ...

ХРИСТИАНЪ.

Марія!.. добрый ангелъ мой!.. Я вѣрю,
 Что чистая любовь твоя спасетъ
 И сохранитъ меня, какъ Провидѣнье,
 Отъ замысловъ враговъ моихъ ... Марія!
 Здѣсь въ зелени кустовъ скамейка наша!..
 Сядь, милый другъ! Еще свѣтло

У ногъ твоихъ еще могу я долго
Глядѣться въ очи чудныя твои,
И вслушиваться въ голосъ твой прекрасный,
И воздухомъ однимъ дышать съ тобой.

МАРІА (*садится на скамейку, Хри-
стіанъ у ногъ ея*).

О! Христіанъ! ты видишь, какъ тебѣ
Во всемъ я повинуюся.

ХРИСТІАНЪ.

Марія!..

Я такъ хотѣлъ бы умереть!..

(*Сжимаетъ ей руки и смотритъ на нее съ востор-
гомъ. Марія опускаетъ голову. Въ кустахъ, нѣлво,
показывается Оливье*).

ОЛИВЬЕ.

Какъ! Христіанъ?..

ХРИСТІАНЪ (*быстро оборачивается,
Оливье прячется*).

Ты слышала, Марія?

МАРІА.

Я? ничего!.. я на тебя смотрѣла!..

ХРИСТІАНЪ.

Мнѣ показалось, будто кто-то назвалъ
По имени меня!.. О, быть не можетъ!..
Здѣсь никого теперь не встрѣтить намъ ...
Здѣсь мы одни ...

МАРІА.

А знаешь, Христіанъ,
Чей голосъ ты теперь услышалъ вдругъ?
Повѣрь: то голосъ совѣсти твоей.

ХРИСТИАНЪ.

Какъ совѣсти, Марія?..

МАРІА.

Да! тебя

Она за то, конечно, упрекаетъ,
Что ты не все мнѣ открываешь; милый,
Что у тебя есть тайны отъ меня?..

ХРИСТИАНЪ.

Клянусь тебѣ!..

МАРІА.

Постой, мой Христіанъ!

Къ чему тутъ клятвы?.. Вспомни! Отъ меня
Ты скрылъ, что Микаела полюбила
Тебя ...

ХРИСТИАНЪ.

Марія!.. что мнѣ было дѣлать?

Я не хотѣлъ, не смѣлъ тебя встревожить
Разказомъ о любви ея!.. И если
Она тебѣ объ этомъ говорила,
Ты знать должна, что бѣдное созданье
Моя холодность убиваетъ.

МАРІА.

О!

Я не виню тебя, мой Христіанъ!..
Узнавъ тебя, нельзя не полюбить ...
Я не могу подумать, чтобы ты
Могъ измѣнить!..

ХРИСТИАНЪ.

Къ чему такія мысли!..

Мы счастливы — другъ друга любимъ мы,
Чего же больше?)справа слышенъ глухой шумъ). Нѣтъ,
я не ошибся!.. (вскакисея).
Здѣсь кто-то есть въ саду! и близко...

МАРІА.

Если

Тебя увидятъ?..

ХРИСТІАНЪ (*схватываетъ кинжалъ*).

О, я не боюсь!

МАРІА.

Мой Богъ! подумай Христіанъ!.. Чтò, если
Въ моемъ саду прольется кровь... Бѣги!..

ХРИСТІАНЪ.

Да, ты права!..

Бѣжать я долженъ. Защищать тебя
Я не имѣю права. Шумъ сильнѣе...
Марія! скройся!

МАРІА (*въ дверяхъ*).

Христіанъ!

ХРИСТІАНЪ (*убѣгая направо*).

Прощай! (*Марія скрывается*).

ОЛИВЬЕ (*выходя изъ кустовъ*).

Онъ побѣжалъ!.. Они ему дорогу
Должны загородить... Чтò, если онъ
Опять сюда вернется... Да! онъ ихъ
Увидѣлъ... Онъ бѣжитъ сюда, но здѣсь
Найдетъ меня (*прячется за кусты*).

ХРИСТІАНЪ (*убѣгая*).

О! я не ошибался..

Погибло все! Меня подстерегли!..
Назадъ нельзя вернуться?.. Во дворецъ!..
Но тамъ куда я скроюсь?.. Все пропало,
Когда меня узнаютъ... Микаела!
Здѣсь комната ея!.. О! я спасенъ! (*бросается во дворецъ*).

ОЛИВЬЕ (*выходя*).

Ушелъ! Судьба! благодарю тебя!..

Какъ ты мнѣ помогаешь. Христіанъ
 У Микаелы. Я перемѣняю
 Свой планъ, его спасаю ... онъ не можетъ
 Опасенъ быть ... съ условьемъ, чтобъ въ награду
 Мнѣ Микаела ... идутъ! (*падая на землю*). Помогите!
 Сюда! скорѣй!.. (*Адольфъ, Адрианъ и Лиевинъ вбѣгаютъ*).

III.

АДРИАНЪ (*бросаясь къ Оливье*).

Что съ вами?

ОЛИВЬЕ.

Пособите.

Мнѣ встать! разбойникъ этотъ ... съ ногъ меня
 Однимъ ударомъ сшибъ!.. (*Адрианъ и Лиевинъ помогаютъ
 ему встать*).

АДОЛЬФЪ.

Но кто онъ? гдѣ онъ?

Куда бѣжалъ?..

ОЛИВЬЕ.

Кто онъ?.. не знаю, право!

Я въ темнотѣ не разсмотрѣлъ лица!
 Куда бѣжалъ? На этотъ разъ, мессирь,
 Онъ не уйдетъ ... Ему дорогу грудью
 Я заслонилъ ... Меня онъ опрокинулъ ...
 И бросился вотъ въ эту дверь!..

АДОЛЬФЪ.

Сюда?

ЛИЕВИНЪ.

Какъ, во дворецъ?..

ОЛИВЬЕ

Да, во дворецъ! За нимъ

Теперь мы смѣло пустимся въ погону.
Онъ во дворцѣ не скроется отъ насъ.
Фанъ-Равешоотъ всё знаетъ переходы!..

АДОЛЬФЪ.

И не могли его вы удержать!..

ОЛИВЬЕ.

Пускай бы вы попробовали, герцогъ,
Тогда бы не моя спина болѣла!..
Онъ сущій левъ.

АДРИАНЪ

Мы только время тратимъ.

Скорѣе во дворецъ!

ОЛИВЬЕ.

Я поведу васъ! Я замѣтилъ ясно,
Куда онъ побѣжалъ!.. (Но повожу
Васъ, милые друзья, чтобъ дать ей время
Его лучше спрятать.) (*всѣ уходятъ*).

IV.

Комната **МИКАЕЛЫ**. Направо маленькая дверь, въ глубинѣ входъ. Кресла. Налѣво окно.

МИКАЕЛА выходитъ изъ главной двери; потомъ **ХРИСТИАНЪ**.

МИКАЕЛА (*бросаясь въ кресла*).

О! наконецъ!.. я вырвалась отъ нихъ!
Какъ тяжело съ моей тоскою
Бродить между людей пустыхъ.
Не понимаю, что со мной ...
Я веселиться позабыла,
Я все на свѣтѣ разлюбила,
И отчего?.. О Боже мой!
Марія правду говорила:
Не можетъ онъ меня любить.
Онъ дворянинъ и рыцарь, и вельможа!
Свободенъ онъ — а я за что же
Всю жизнь должна другихъ смѣшить

И забавлять?... Миѣ скажутъ: Микаела,
 Спой пѣсню! Микаела пропляши
 Испанскій танецъ ... Еслибъ не хотѣла —
 Должна повиноваться. Имъ нѣтъ дѣла,
 Что я въ то время отъ души
 Не пѣть, а плакать бы хотѣла!
 Вѣкъ для другихъ живи и вѣкъ смѣши!
 Не смѣй ни чувствовать, ни думать, даже
 Не смѣй одѣться какъ другія. (*осматривая себя*). Прочь
 Нарядъ позорный!.. О, когда же
 Тебя навѣкъ я сброшу! (*бросаетъ свою шапочку*). Прочь!
 Ты жжешь меня!.. Безумная! Не я ли
 Сама въ удѣлъ себѣ жизнь эту избрала?..
 Но я тогда была безпечна, весела
 И птичка Божія со мной едва ли
 Сравнится въ легкости, въ веселости могла.
 Теперь мой звонкій смѣхъ, гремя, не будить зала
 И не блестятъ глаза грозой,
 И мѣрныя слова не льются, какъ бывало,
 Созвучною и стройною четой ...
 А отчего?... Любовь! любовь! любовь!
 Когда бы я могла переродиться вновь ..

ХРИСТИАНЪ (*вбѣгая въ главную дверь,
 останавливается въ две-
 ряхъ и сбрасываетъ плащъ.
 Микаела съ крикомъ обо-
 рачивается, но увидя
 его, глаза ея наполняются
 слезами. Она протяги-
 ваетъ къ нему руки и въ
 изнеможеніи опускается
 на колѣни*).

ХРИСТИАНЪ (*подбѣгая къ ней*).

О! Боже! что съ тобою, Микаела?
 Я испугалъ тебя?..

МИКАЕЛА.

Нѣтъ! ничего!

Прости меня!.. Отъ счастья это!.. Да!
Я холодно тоску переносила,
Но радость отняла слабѣющія силы!..
Ты у меня!.. О! дай придти въ себя!..
Ужели точно вижу я тебя?..
О, этотъ мигъ за все мои мученья
Меня вознаградилъ.

ХРИСТІАНЪ.

Но, Микаела!..

МИКАЕЛА.

Постой! постой, мой другъ! не говори!
Дай насмотрѣться на тебя сначала.
Одну минуту счастья подари
Бѣдняжкѣ Микаелѣ. Я страдала,
Страдала тяжко. Такъ позволь же мнѣ
Хоть мигъ одинъ мечтать, что въ тишинѣ
Ночной пришелъ ты, жизнь мнѣ возвращая,
Въ любви своей увѣрить, объяснить,
Что поутру безумна такъ была я,
Что никогда другихъ не думалъ ты любить.
Оставь мнѣ это ослѣпленье ...
Молчи! молчи! изъ сожалѣнья
Еще минуту!..

ХРИСТІАНЪ.

Боже! Микаела!

Какъ мнѣ растолковать тебѣ... Узнай:
Опасность угрожаетъ мнѣ. За мною
Стремятся по пятамъ, меня схватить.
Не спрашивай: за что? Я не могу
Тебѣ сказать, не долженъ; но повѣрь,
Что я теперь въ ужасномъ положеньи,
Что лучшія мои умрутъ надежды,
Когда меня здѣсь во дворцѣ найдутъ? ...
Ты можешь ли, скажи мнѣ, Микаела,
И хочешь ли спасти меня?...

МИКАЕЛА.

Творецъ!

Хочу ли я? О! я не знаю,
 Какъ мнѣ тебя благодарить
 За то, что ты пришелъ убѣжища просить
 У бѣдной Микаелы. Я прощаю
 Тебѣ за этотъ мигъ мученья всѣ вполнѣ:
 Въ часы опасности ты вспомнилъ обо мнѣ.

ХРИСТИАНЪ.

Они ужъ близко! ...

МИКАЕЛА.

О! скорѣй! скорѣй!
 Ты спрячешься сюда! (*Показываетъ на маленькую дверь,
 направо*).

ХРИСТИАНЪ (*на порогѣ*).

Что тамъ такое? ...

МИКАЕЛА.

Тамъ темный уголокъ, и въ немъ
 Моя постель ... у изголовья
 Распятые; передъ нимъ и ночью я и днемъ
 Молюся о тебѣ съ отрадой и любовью.

ХРИСТИАНЪ.

О! ни за что! Мнѣ подвергать тебя
 Безславыю незаслуженному, толкамъ,
 Злой клеветѣ. Когда меня найдутъ,
 Какъ оправдать тебя, какъ доказать ...
 Творецъ! идутъ! ... (*слышенъ глухой шумъ*).

МИКАЕЛА (*обхватывая его шею*).

Они тебя убьютъ?

Признайся мнѣ! не правдаль? жизнь твоя
 Въ опасности?

ХРИСТИАНЪ.

О! нѣтъ!

МИКАЕЛА.

Ты отъ меня
Скрываешь! ты въ смущеньи .. Христіанъ,
Ты спрячешься?...

ХРИСТИАНЪ.

Я не могу!

МИКАЕЛА (*прислушиваясь*).

Идутъ!

ОЛИВЬЕ (*за сценой*).

А вотъ еще зайдемте къ Микаелѣ.

ХРИСТИАНЪ.

Погибло все! ...

МИКАЕЛА (*бросаясь на окно*).

Ты спрячешься! Не то,
Клянуся жизнью, честью и душою,
Я брошуся въ окно въ твоихъ глазахъ!
(Христіанъ, послѣ минутнаго колебанія, входитъ въ
маленькую дверь. Микаела спрыгиваетъ съ окна. Дверь
въ глубинѣ растворяется).

V.

ОЛИВЬЕ, АДОЛЬФЪ, АДРИАНЪ, ЛІЕВИНЪ.

ОЛИВЬЕ (*осматриваясь*).

(Онъ здѣсь!) О, нѣтъ! мнѣ кажется, сюда
Не могъ онъ скрыться.

АДРИАНЪ.

Мы сейчасъ узнаемъ!

МИКАЕЛА.

Я право удивляюся, мессеры,
Что значить посѣщенье ваше
Ко мнѣ, такъ неожиданно?..

АДРИАНЪ.

Мы ищемъ
Преступника ... Онъ убѣжалъ отъ насъ,
И кажется, что скрылся здѣсь.

МИКАЕЛА.

Мнѣ странно
Такое подозрѣнье ... обо мнѣ
Могли вы думать ...

АДРИАНЪ.

Нѣтъ! мы всѣ въ тебѣ
Увѣрены .. Ни тѣни подозрѣнья
На имя чистое не падаетъ твое,
Но вѣрно, состраданье увлекло тебя,
И ты дала убѣжище злодѣю.
Мы видѣли, какъ онъ сюда вбѣжалъ.

ОЛИВЬЕ.

Когда не ошибаемся?.

АДРИАНЪ.

Къ чему
Тутъ извиненья? Поиски начнемъ,
А извиниться въ нихъ успѣемъ послѣ.

ОЛИВЬЕ.

Прекрасно разсудили вы! Всегда
Во Франціи мы также поступаемъ
И всѣ дѣла ведемъ ... Но только, право,
Намъ негдѣ здѣсь, какъ кажется, искать? ...

АДРИАНЪ (*осматривая комнату*).

И больше комнатъ нѣтъ здѣсь? ...

МИКАЕЛА.

Для чего
Имѣть мнѣ больше? Здѣсь я провожу
Лишь ночь одну, а цѣлый день должна
При герцогинѣ быть.

АДРИАНЪ.

А эта дверь *(показывая направо)*
Куда ведетъ? ...

МИКАЕЛА.

Тамъ темный уголокъ,
Гдѣ сплю я.

АДРИАНЪ.

Есть ли выходъ?

МИКАЕЛА.

Нѣтъ! ...

АДОЛЬФЪ *(подходя къ двери)*.

Посмотримъ ...

МИКАЕЛА *(бросаясь передъ дверью)*.

Остановитесь, Герцогъ, я давно
Терплю ужъ оскорбленія. Но это
Нанести вамъ не позволю. О! оно
Ужасно ... Я, какъ женщина изъ свиты
Бургундской герцогини, подлежу
Ея суду, Я словъ не нахожу
Вамъ выразить мое негодованье.

(къ Адриану).

Вы, синдикъ, вы должны законы знать ... изъ состраданья,
Скажите имъ ... скорѣй ...

Что здѣсь меня нельзя ни обыскать,
Ни задержать, ни допросить ...

АДРИАНЪ.

Нѣтъ, можно!

Гдѣ ключъ отъ двери? ...

МИКАЕЛА.

Это невозможно!

И въ чемъ я виновата? ... Я клянусь,

Что къ этой двери вы не подойдете ...

Скорѣе черезъ трупъ вы мой перешагнете:

Вы видите, что я васъ не боюсь,

Что я умру у этой двери,

Но къ ней не допущу васъ ...

АДОЛЬФЪ.

Отвѣчай:

Гдѣ ключъ отъ этой двери?

МИКАЕЛА.

Я не знаю ...

Не помню ...

АДОЛЬФЪ.

Я и безъ ключа сдѣлаю

Дверь отворить ...

МИКАЕЛА.

О Боже! Герцогъ! Герцогъ!

Ужель у васъ поднимется рука

На женщину? какая низость!

АДОЛЬФЪ.

Полно!

Мнѣ это надоѣло! *(схватываетъ ее).*

МИКАЕЛА.

Помогите!

Спасите!

АДОЛЬФЪ (*приподнимая ее и перебрасывая на другую сторону*).

Вотъ и все!

ОЛИВЬЕ.

Постойте, герцогъ!

Не понимаю, изъ чего тутъ спорить
И горячиться ... дверь не заперта ...
Ключъ на полу! ... Я осмотрю, пожалуй. (*входитъ въ маленькую дверь*).

МИКАЕЛА (*падая въ кресло*).

Все кончено! (*Минута молчанія*).

ОЛИВЬЕ (*выходя и запирая дверь*).

Не понимаю, право,
Къ чему она упрячилась? ... тамъ мыши
Нѣтъ даже мѣста спрятаться, не только
Человѣку.

АДОЛЬФЪ.

Все ль вы осмотрѣли?

АДРИАНЪ.

Вы точно въ томъ увѣрены?

ОЛИВЬЕ.

Ступайте

И посмотрите сами! ... Но къ чему
Мы въ поискахъ пустыхъ здѣсь время тратимъ.
Намъ обойти все коридоры нужно,
Все осмотрѣть. Вы, герцогъ, Микаелу
Ужъ очень напугали ... Посмотрите:
Она, бѣдняжка, чуть жива! ... Пойдемте ...
Здѣсь больше дѣлать нечего. (*подходя къ Микаелу*).

Не бойся,

Малютка!

МИКАЕЛА (схватывая его руку).

Гдѣ я словъ найду, чтобъ васъ
Благодарить за все участие ваше!

ОЛИВЬЕ (тихо).

Не торопись ... Я даромъ ничего
Не дѣлаю! Онъ спрятанъ хорошо,
Но я его сейчасъ же увидалъ.
(Микаела остается неподвижною отъ ужаса).

ОЛИВЬЕ.

Пойдемте же! Вы вверхъ, по корридорамъ,
Я въ комнатахъ сосѣднихъ поищу,
У конюховъ и слугъ! (уходятъ).

МИКАЕЛА.

Не сонъ ли это? ...
Что онъ хотѣлъ сказать? ... Я вся дрожу
И не могу придти въ себя. Творецъ!
Онъ! онъ опять! ... Ужасный человѣкъ! ...

ОЛИВЬЕ (входитъ опять, смотритъ
въ корридоръ, потомъ бы-
стро подходитъ къ малень-
кой двери и запираетъ ее
на ключъ).

Вотъ такъ, оно вѣрнѣе! ... Намъ никто
Теперь не помѣшаетъ! ...

МИКАЕЛА.

Что хотите
Вы дѣлать? ...

ОЛИВЬЕ.

Побесѣдовать съ тобою
И больше ничего. Я сдѣлалъ все,
Чтобъ твоего любезнаго спасти.

Я помѣшалъ моимъ друзьямъ войти
Въ ту комнату, гдѣ и теперь сидитъ онъ.
Отвель я подозрѣнье отъ тебя, —
Но это все покамѣстъ. И теперь
Сама должна рѣшить ты: Христіану
Жить иль нѣтъ. Мнѣ стоитъ закричать,
Мои друзья опять сюда сбѣгутся,
И Христіанъ ...

МИКАЕЛА.

О, говори скорѣй,
Чего ты хочешь?

ОЛИВЬЕ.

Ты давно ужъ знаешь,
Какъ страстно я люблю тебя ...

МИКАЕЛА.

Молчи!
Иль ты стыда не знаешь?...

ОЛИВЬЕ.

Я только знать хочу: меня любовью
Ты наградишь ли за его спасенье? ...
Хоть не теперь, со временемъ ... Ты видишь,
Какъ я великодушень? ... Я бы могъ,
Сказавши слово ... навсегда себя
Отъ этого соперника избавить,
Убивъ его, тобою овладѣть,
Но я ищу любви твоей ...

МИКАЕЛА.

Любовь
Моя принадлежитъ другому.

ОЛИВЬЕ.

Да!

Я знаю. Вы твердите: что любовь
 Алмазь безцѣнный, что разбивъ его
 На двухъ, на трехъ, — онъ потеряетъ цѣну;
 Но я доволенъ буду даже частью ...
 По моему, любовь есть благодарность
 За счастье, и потому—то я
 Взаимности твоей ищу, мой ангелъ! ...
 Твой Христіанъ тебя не любитъ.

МИКАЕЛА.

Знаю!

ОЛИВЬЕ.

Какъ, знаешь?

МИКАЕЛА.

Да! но онъ не любитъ также
 Другихъ? Не правда ль?

ОЛИВЬЕ.

Въ этомъ ты ошиблась.
 Онъ любитъ и любимъ.

МИКАЕЛА.

Кого? Скажи
 Скорѣй! гдѣ доказательства? ...

ОЛИВЬЕ.

Послушай!

Мы сдѣлаемъ условье ... Я не знаю,
 Чѣмъ ты меня околдовала, только
 Я такъ тебя люблю, что соглашуся
 Жениться на тебѣ, тебя назвать
 Меланскою графинею. Въ Парижѣ
 Справляться о твоёмъ происхожденіи
 Никто не станетъ. Согласись же мнѣ
 Принадлежать, когда ты потеряешь
 Надежду быть женою Христіана,
 Когда вполнѣ увѣришься, что онъ

Обманывалъ тебя, что онъ съ другою
Обѣтомъ вѣчнымъ связанъ, что супругомъ
Другой онъ будетъ.

МИКАЕЛА.

Я тогда его
И презирать и ненавидѣть буду!...

ОЛИВЬЕ.

Прекрасно! Поклянись же мнѣ!...

МИКАЕЛА.

Клянусь

Всѣмъ, что святаго въ мѣрѣ я имѣю,
Когда я всю надежду потеряю,
Когда и ненавидѣть стану Христiana,
Принадлежать тебѣ и тѣломъ и душой...

ОЛИВЬЕ.

Ну! этого ужъ даже слишкомъ много...
Куда мнѣ съ ней!... И такъ, условье наше
Заключено! Смотри же!... Здѣсь и тамъ
Местъ страшная за нарушенье клятвы!...
И горе, кто ее нарушитъ!...

МИКАЕЛА (*падая въ кресла*).

Горе!...

ОЛИВЬЕ.

Не вѣкъ же, въ самомъ дѣлѣ, тосковать;
Ты можешь разлюбить его... Я буду
Ждать терпѣливо... Кстати, въ благодарность
Скажу тебѣ, кого теперь онъ любитъ...

МИКАЕЛА.

Творецъ! о, говори же!...

ОЛИВЬЕ.

Герцогиню
Бургундскую — Марію!... До свиданья! (*уходитъ*).

МИКАЕЛА.

Марію!... Сердце! сердце! Ты меня
Не обмануло!... Если это правда ...
(*бросается къ двери направо и отпираетъ ее*).
Теперь ты можешь выдти, Христіанъ,
Они ушли. (*Христіанъ выходитъ*).
Скажи мнѣ ... (*падая на колѣна*) на колѣнахъ умоляю...

ХРИСТИАНЪ.

Боже!

Марія! Что съ тобой?

МИКАЕЛА (*съ крикомъ*).

Марія! О! чего же
Я жду еще!... что можетъ онъ сказать?
Здѣсь, близъ меня, другое имя!
Она ... одна она въ его мечтахъ...
Оставь меня! бѣги! Въ твоихъ чертахъ
Я все прочла ..

ХРИСТИАНЪ,

Но ты въ такомъ волненьи...
Тебя оставить?...

МИКАЕЛА,

О! бѣги скорѣй!
Мнѣ стыдно за тебя! огонь въ груди моей!...
Прочь отъ меня!... Ты видишь, я страдаю!...
Бѣги! бѣги! тебя я проклиная!...
(*Христіанъ бросается въ главныя двери. Микаела
падаетъ безъ чувствъ*).
(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорация пераго акта, втораго явленія. Смеркается.

I.

МИКАЕЛА, подслушивая на колѣнахъ у дверей герцогини.

Нѣтъ никого! ошиблась я ... А голосъ,
Казалось мнѣ, знакомъ!... О, Микаела!
Какую жизнь ведешь ты?... День и ночь
Подслушивать, слѣдить за каждымъ шагомъ,
Не отходя ни на минуту прочь
Отъ бѣдной герцогини. Бѣдной? нѣтъ!
Она богаче всѣхъ на свѣтѣ
Любовью Христіана. Сколько лѣтъ
Не знала горя я! Теперь минуты эти
Ужасны!... Да, но всежъ я ими дорожу,
И мщенье будетъ очень сладко.
Вотъ третій день, какъ я украдкой
И вздохъ и взглядъ ея слѣжу.
Она меня всего лишила,
А онъ смѣялся надо мной!...
Они не думаютъ, чтобъ дурочка отместила,
А въ ней кипитъ теперь невѣдомая сила,
И надъ коварною четой
И неожиданно и грозно грянетъ мщенье,
И дурочка отметитъ за стыдъ и оскорбленье...

II.

МИКАЕЛА, потомъ **ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ** и **ОЛИВЬЕ**.

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ,

Я зналъ, что васъ найду здѣсь, Микаела.
Вы ни на шагъ отъ нашей герцогини.
Когдажъ она захочетъ быть одна,
Вы въ комнатѣ сосѣдней, и за нею
Какъ мать слѣдите зорко!... Вотъ любовь!

МИКАЕЛА.

Что отъ меня угодно вамъ?

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ.

Вашъ другъ,

Графъ Оливье, желаетъ видѣть васъ
И въ вашей комнатѣ васъ не найдя, просилъ,
Чтобъ я ему позволилъ съ вами здѣсь,
Поговорить и увидаться. Я,
Увѣренный, что вы не захотите
Оставить герцогиню ни на мигъ,
Охотно согласился въ тотъ же часъ.

МИКАЕЛА.

Скажите, что его я съ нетерпѣньемъ
Здѣсь ожидаю...

ФАНЪ-ВРЕДЕНЪ. (*уходя*).

Я оставляю васъ!...

ОЛИВЬЕ.

А! наконецъ тебя я отыскалъ...
Что, ничего еще ты не открыла?

МИКАЕЛА.

Нѣтъ, ничего!...

ОЛИВЬЕ.

Постойте, герцогиня!

Вы осторожны, да и мы не просты!..
Ты знаешь, Микаела, что сегодня
Последній день, въ который герцогиня
Должна рѣшиться выбрать жениха?
Она сама срокъ этотъ положила,
И завтра соберется магистратъ
Узнать ея и выборъ и отвѣтъ.
Она еще ни разу не видалась

Съ нимъ въ эти дни, за нею
Ты наблюдаешь, я за Христианомъ,
И оба мы увѣрены другъ въ другѣ.
Но это невозможно, чтобъ она,
Съ нимъ не видавшись, синдикамъ отвѣтъ
Рѣшилась дать — и безъ его совѣта.
Такъ очень вѣроятно, что она
Сегодня съ нимъ увидится ... и намъ
Стараніе свое удвоить надо,
Чтобъ все открыть сегодня. Послѣ будетъ
Ужъ поздно ...

МИКАЕЛА.

Къ ней нельзя пройти иначе,
Какъ черезъ эту комнату. Отсюда
Всю ночь не выйду я ...

ОЛИВЬЕ.

И хорошо!
Въ саду теперь свиданье невозможно ...
Тамъ каждый кустъ лазутчика скрываетъ;
Но этого все мало. Онъ сюда
Легко пройдетъ. Всѣхъ во дворецъ впускать
Приказано, но только никого
Не выпускать; такъ ты, когда узнаешь,
Что точно во дворцѣ онъ, дашь мнѣ знать
Въ окно, хоть въ это, бросивъ, напримѣръ,
Твой перстень ...

МИКАЕЛА.

Хорошо! но съ этимъ перстнемъ
Я не могу разстаться. Мнѣ его
Цыганка передъ смертью подарила.
Въ немъ ядъ сокрытъ, который, какъ узнать!
Еще мнѣ въ жизни можетъ пригодиться.

ОЛИВЬЕ.

Какъ, ядъ?.. Мысль очень хороша, чтобъ въ перстнѣ

Носить съ собою смерть... И это точно
 Прекрасная вещьца. Если съ ней
 Не хочешь ты разстаться, брось хоть это
 Колечко, мнѣ его тотчасъ доставять:
 Я буду ужь готовъ ... И въ тотъ же мигъ
 Явлюсь сюда съ послами, магистратомъ,
 Старѣйшинами, стражей...

МИКАЕЛА.

Оливье!

Что ты намѣренъ сдѣлать съ Христіаномъ?

ОЛИВЬЕ.

Я? Ничего!.. Вашъ гентскій магистратъ
 Надъ нимъ произнесетъ свой приговоръ.

МИКАЕЛА.

Я не хочу, чтобъ смерть ... Нѣтъ, Оливье!
 Пусть онъ живетъ!..

ОЛИВЬЕ.

Я думаю, къ несчастью,
 Они его казнить не смѣютъ сами.
 Онъ дворянинъ германскій, долженъ быть
 Германскими законами судимъ;
 Здѣсь есть послы Имперіи. Они
 Должны рѣшить, что дѣлать съ нимъ. Объ немъ
 Ты не заботься. Никогда его
 Ты больше не увидишь!.. Если намъ
 Удастся все, то завтра же отсюда
 Во Францію съ тобой уѣду я ...
 Ты помнишь клятву?..

МИКАЕЛА.

Помню.

ОЛИВЬЕ.

Сдержишь?

МИКАЕЛА.

Да!

ОЛИВЬЕ

О, мщенье наше будетъ страшно! Я
Ждать буду знака... До свиданья!.. (уходитъ)

МИКАЕЛА.

Боже!

Въ какую бездну я упала.
Съ какимъ чудовищемъ меня
Судьба и мечь моя связала ...
И мнѣ принадлежать ему?... Творецъ!
Меня любовь и ревность ослѣпила,
Въ тотъ страшный мигъ я все забыла,
Я поклялась!.. Но это невозможно,
Ты видишь самъ ... И Ты меня простишь.
И тяжело будетъ клятвы искупленье!..
И я сама приду вымалывать прощенье.

III.

МИКАЕЛА и МАРИЯ.

МАРИЯ.

Ты, Микаела, здѣсь?... опять скучна,
Задумчива ... Скажи мнѣ, что съ тобою?
Я въ эти дни тебя не узнаю.
Ужели ты несчастлива?... Молчишь?
Чего недостаетъ тебѣ?... Ни слова!
Ты знаешь ли, молчаніемъ твоимъ
Могу я оскорбиться!

МИКАЕЛА.

Я уйду,
Когда угодно герцогинѣ!..

МАРІА.

Нѣтъ!

Останься! (Онъ еще не скоро будетъ.) (*садится въ кресла*).
Садись сюда, ко мнѣ (*показывая на скамейку*) и спой мнѣ
пѣсню.

МИКАЕЛА.

Я разучилась пѣть съ тѣхъ поръ, какъ плакать
Умѣю. Голосъ мой пропалъ въ слезахъ.
Хотите, я вамъ что-нибудь проплачу?

МАРІА.

Такъ разскажи канцону мнѣ роскошной
Италіи, труверу менестреля,
Испанскую печальную балладу.
Что знаешь!

МИКАЕЛА.

Я вамъ пропою теперь
Бургундское преданье, герцогиня!..
(*беретъ лютню, садится у ногъ ея и поетъ, ударяя по струнамъ*):

Полюбилъ разъ герцогиню
Рыцарь молодой,
Полюбила герцогиня
Рыцаря душой.
Позабылъ, коварный рыцарь,
Прежнюю любовь.
Новой страсти съ новой силой
Предался онъ вновь.
Та, кого измѣнникъ прежде
Вѣкъ клялся любить,
Хоть крестьянкой родилася,
Но умѣла мстить.
Тайно рыцарь герцогиню
Горячо любилъ,
Вѣдь она вѣнецъ носила —
Онъ лишь рыцарь былъ.
Разъ, когда въ лѣсу сидѣли

Въ часъ ночной они,
 Вдругъ межъ листьевъ заблестѣли
 Яркіе огни.
 То, на мѣсто ихъ свиданья ...
 Мстя за свой позоръ,
 Привела, смѣясь, крестьянка
 И народъ и дворъ ...
 Поблѣднѣла герцогиня,
 Рыцарь былъ смущенъ,
 И за дерзость онъ подь утро
 Смертью злой казненъ.

(*Марія сидитъ въ задумчивости. Микаела опускаетъ лютню и смотритъ на нее съ насмѣшливой улыбкой.*)

МИКАЕЛА,

Чтожъ, герцогиня?.. вздорный мой рассказъ
 Развеселилъ ли хоть немного васъ ...
 Неправда ли, крестьянка поступила
 Прекрасно? Я забыла вамъ сказать,
 Что герцогиню, такъ какъ мать
 Иль какъ сестру, она любила,
 Но всежъ жестоко отомстила
 И все должны простить поступокъ ей.

МАРІЯ (*вставая*).

Довольно!.. эта вздорная баллада
 Невѣроятна. Надо быть безъ сердца,
 Чтобъ за любовь несчастной герцогини
 Предательствомъ постыднымъ заплатить.
 Оставь меня!.. Ужъ поздно.

МИКАЕЛА.

(О, отсюда

Я не уйду!..) Прощайте, герцогиня!

Но вѣрьте мнѣ, что месть сильнѣй любви!

в(уходитъ. Марія смотритъ съ удивленіемъ ей вслѣдъ.)

МАРІЯ.

Что съ ней?.. Ужель въ балладѣ этой ... Нѣтъ!
 Она не можетъ знать, что Христіана
 Люблю я больше жизни ...
 Я докажу ему, на что способно
 Любимое и любящее сердце!..
 Но до-сихъ-поръ все нѣтъ его!.. Сегодня
 Въ послѣдній разъ съ нимъ тайно я увижусь,
 И завтра же передъ людьми и свѣтомъ
 Его моимъ я гордо назову ...
 Мнѣ слышатся шаги ... О! это онъ,
 Мнѣ сердце говорить!..

IV.

МАРІЯ, ХРИСТІАНЪ (въ платьѣ отшельника) и МИКАЕЛА.

ХРИСТІАНЪ.

Моя Марія!..

МАРІЯ (бросается къ нему на встрѣчу).

Мой Христіанъ!..

(*Микаела въ это время прокрадывается въ растворенную дверь и скрывается за занавѣсью у окна, оставаясь видимою зрителямъ*).

ХРИСТІАНЪ,

Съ тобою я опять!..

МАРІЯ,

Скажи скорѣй .. тебя я не видала
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разсталися въ саду.
 Тебя никто не встрѣтилъ, не узналъ?..
 Что значилъ этотъ шумъ?

ХРИСТІАНЪ.

Меня хотѣли

Схватить твои старѣйшины, но къ счастью
Мнѣ Микаела помогла спастись.
Но для чего о прошломъ вспоминать?
Съ тобою я теперь—и все забыто !..

МАРІА.

О! да, мы очень счастливы, мой другъ !..
Мой Христіанъ!

МИКАЕЛА (*бросая въ окно кольцо*).

Да! мечь сильна во мнѣ!
Теперь я это чувствую !.. Ступай
Мое кольцо за мстителеми !.. Боже!
Ужель я это сдѣлала ?.. (*скрывается*).

ХРИСТІАНЪ.

Марія !..
Меня хотѣла нынче видѣть ты ?..

МАРІА.

Да, Христіанъ! и не смотря на то,
Что здѣсь тебѣ опасность угрожаетъ,
Я все-таки тебѣ сказать послала,
Чтобъ ты пришелъ ...

ХРИСТІАНЪ.

Въ нарядѣ этомъ я
Прошелъ сюда свободно ...

МАРІА.

За тебя!
Бояться перестану скоро я,
Въ послѣдній разъ, мой добрый другъ, съ тобою
Въ моемъ дворцѣ я вижусь тайно.

ХРИСТІАНЪ.

Какъ ?..
Въ послѣдній разъ, Марія ?..

МАРІА.

Да! ты знаешь,

Что завтра я должна супруга выбрать,
Народу дать рѣшительный отвѣтъ?

ХРИСТИАНЪ.

Ты изберешь ...

МАРІА.

Свободу — и тебя!

Я гордо моему скажу народу:
Вотъ тотъ, кого мое избрало сердце!
Не знатень онъ, не герцогъ, не властитель,
Я не могу на герцогскій престолъ
Съ собою возвести его, за то
Могу сойти съ престола для него!

ХРИСТИАНЪ.

Какъ? для меня!.. Чѣмъ заслужилъ я это?
Гдѣ взять мнѣ словъ благодарить тебя?..

МАРІА.

Здѣсь намъ нельзя съ тобою оставаться,
Мы Гентъ покинемъ, и въ твоей отчизнѣ,
Далеко отъ людей — счастливы будемъ.
Въ какомъ-нибудь угрюмомъ, старомъ замкѣ.
Что нужно намъ?.. Покой, уединенье,
Немного солнца, зелени и неба,
И много, много истинной любви —
А нашей намъ еще надолго станеть.

ХРИСТИАНЪ.

О! если на землѣ такое счастье,
Какого же еще намъ ожидать?

МИКАЕЛА.

Несчастная!... ужели я нарушу
Такой союзъ?... Что сдѣлалось со мной!
Не чувствую я ненависти прежней ...
Пылаеть голова, колѣна гнутса ...

ХРИСТИАНЪ.

Я все еще не вѣрю. Для меня
Престоль ты покидаешь ...

МАРІА.

Навсегда!

ХРИСТИАНЪ.

Безъ сожалѣнья?

МАРІА.

Съ радостью!

ХРИСТИАНЪ.

Марія!

Есть слухъ въ народѣ, что Максимилянъ,
Эрцгерцогу Австрійскому, была
Невѣстой ты назначена издѣтства.

МАРІА.

О! я была тогда еще ребенкомъ,
Безъ воли, безъ желанія, безъ мыслей.
Отецъ мой, Карлъ, велѣлъ послать кольцо
И мой портретъ эрцгерцогу ... Его
Я даже никогда и не видала.
Онъ, говорятъ, и добръ и благороденъ
И онъ пойметъ Марію и проститъ.
Ктому жъ объ немъ теперь и слуховъ нѣтъ.
Онъ обо мнѣ съ-тѣхъ-поръ не вспоминалъ,
И вѣрно ужъ давно другую любитъ:
Который годъ скитается одинъ
Въ странахъ чужихъ и ищетъ приключеній.

ХРИСТИАНЪ.

Какъ знать? быть можетъ счастья ищетъ онъ:
Не всѣхъ судьба балуетъ такъ, какъ насъ.

МАРІА.

О! что намъ до него ... Скажи мнѣ лучше,
Какъ Микаела помогла тебѣ
Спасти въ тотъ страшный вечеръ ...

ХРИСТИАНЪ.

У нея
Я спрятался . . . Когда жъ ушли враги,
Быль снова ею выпущень . . .

МАРІА.

И ты
Увѣренъ въ ней?...

ХРИСТИАНЪ.

О, да! Хоть я ей никогда
Не говорилъ, что мы другъ друга любимъ,
Но, кажется, она узнала это!..
Я никогда, ни чѣмъ не подавалъ
Надежды ей. И не моя вина,
Когда меня бѣдняжка полюбила.
Я самъ тебя невольно полюбилъ.

МАРІА.

А я ее боюсь . . . Въ это время
Съ ней сдѣлалась большая перемѣна,
Она меня не любитъ, огорчаетъ...
Какъ знать? быть можетъ, даже въ этотъ часъ,
Она намъ измѣняетъ!...

ХРИСТИАНЪ.

Нѣтъ, Марія!
Я не повѣрю этому. Ужель
Она забудетъ то, что ты ее
Спасла отъ смерти, что къ себѣ взяла
Безвѣстную бѣдняжку, сироту,
И наравнѣ съ собою воспитала
И какъ сестру любила?... И къ тому жъ
Зачѣмъ ей нарушать блаженство наше?
Не грѣхъ ли это? Развѣ сердцу можно
Иль приказать, иль запретить любить?
Нѣтъ, Микаела на поступокъ низкій
Не согласится . . .
(За занавѣсью слышенъ глухой стонъ)

МАРІА (съ крикомъ).

Боже!

ХРИСТИАНЪ (обнажаетъ кинжалъ и бросившись къ занавѣси, отдергиваетъ ее).

Микаела! .

МИКАЕЛА (падая на колѣни).

Ты обнажилъ кинжалъ. О! ради Бога!
Оканчивай! убей меня! убей! (схватываетъ его руку, цѣлуетъ и плачетъ).

ХРИСТИАНЪ.

Что это значитъ?..

МИКАЕЛА.

О! мнѣ нѣтъ прощенья,
Ни тамъ, ни здѣсь!... Ты мнѣ открылъ глаза,
Но поздно, очень поздно!...

МАРІЯ.

Твой проступокъ,
Конечно, очень дуренъ, Микаела...
Ты бѣ не должна подсматривать за мной,
Но я тебя прощаю.

МИКАЕЛА.

Силы неба!

Она меня не подозрѣваетъ
Въ другомъ, ужасномъ преступленіи. Да!
Я измѣнила вамъ ... я предала васъ,
Довѣренности, дружбѣ измѣнила,
Я о свиданіи вашемъ знать дала
Посламъ и магистрату ... Чу! я слышу
Они ужь близко!... (прислушивается у дверей).

МАРІЯ (бросаясь къ Христіану).

Христіанъ!

ХРИСТИАНЪ.

Марія!...

О! не страшись!... Повѣрь мнѣ ... Близъ меня
Ты безопасна!

МАРІЯ.

Что мнѣ до себя?

Бѣги ты самъ!... Сокройся!...

ХРИСТИАНЪ,

Нѣтъ, Марія!

Мнѣ надоѣло бѣгать и скриваться,
 Какъ жалкому преступнику; я самъ
 Хотѣлъ открыться предъ твоимъ народомъ
 И за любовь тебя вознаградить;
 Теперь они меня предупредили.
 Я взялъ предосторожности свои,
 Готовясь ко всему — и имъ откроюсь
 Сегодня же, когда они хотятъ...

МАРІА.

Что говоришь ты?... О, молю тебя,
 Бѣги! спасайся!

МИКАЕЛА. (Христіану)

Поздно! вотъ они!...

Я погубила васъ!.. Богъ дастъ мнѣ силы,
 И я спасу васъ въ этотъ страшный часъ!
(Схватываетъ за руку Христіана и увлекаетъ его къ окну. Герцогиня остается у стола. Двери растворяются. Въ нихъ показываются весь дворъ, магистратъ, послы, стража и пажы).

V.

МАРІА, ХРИСТИАНЪ, МИКАЕЛА, АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ, ЛЕВИНЪ ФАНЪ-ПОТТЕРЕНЪ, АМАНЪ ВАНДЕНВЕРРЕ, ОЛИВЬЕ, СТАРѢЙШИНЫ, ПАЖИ И НАРОДЪ.

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ.

Мессеры! намъ не ложно донесли.
 Какая дерзость!.. Отвѣчай!
 Кто ты? за чѣмъ ты здѣсь?.. чего ты ищешь?

ОЛИВЬЕ.

Мессиръ фанъ-Равесшоотъ! Къ чему допросы?

Прилично ли ихъ дѣлать во дворцѣ,
 Какъ будто безъ того не ясно дѣло?...
 Велите просто взять его!.. И я
 Ручаюсь головой, что отъ него
 Узнаю все, что нужно намъ ...

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЬ.

Вы правы!

Я удержать не могъ негодованья...
 Я думалъ, что онъ можетъ оправдаться ...
 Но преступленье на лицо!..
 Какъ смѣлъ онъ, дерзкій, во дворецъ пробраться!...
 (*Марія испускаетъ громкій крикъ. Христіанъ дѣлаетъ шагъ впередъ; Микаела останавливаетъ его*).

ХРИСТИАНЪ.

Узнайте же ...

МИКАЕЛА.

Постой, мой Христіанъ!
 Теперь я говорить должна! Мнѣ странно,
 Мессиры, что нашли вы преступленье
 Тамъ, гдѣ такъ ясно и понятно все:
 Онъ мой женихъ... Съ нимъ иногда
 Я вижуся ... Сегодня онъ со мной
 Пришелъ просить, чтобъ герцогиня наша
 Дала на бракъ согласье, и меня
 Въ Германію съ нимъ вмѣстѣ отпустила ...
 Мнѣ кажется, что тутъ все очень ясно,
 И если преступленье въ этомъ есть,
 То за него не вы, а герцогиня
 Должна меня судить или простить ...
 (*Всеобщее удивленіе. Оливье подкрадывается къ Микаелѣ*).

ЛИВЬЕ.

Опомнись, Микаела!.. Ты сама
 Уничтожаешь планъ нашъ. Гдѣ же мечь?..

МИКАЕЛА.

Оставь меня, коварный искуситель!

(Адриану).

Вы смущены, премудрый синдикъ ... Развѣ
Не рады вы, что все здѣсь объяснилось?

АДРИАНЪ ФАНЪ-РАВЕСШООТЪ.

Конечно! я не смѣлъ и думать ... Я ...

(тихо Оливье).

Графъ Оливье — вы въ это дѣло насъ
Запутали; извольте же теперь
Насъ выручить изъ затрудненья.

ОЛИВЬЕ.

(Я

Еще надѣюсь!.. Не теряйте духа!)
Мы рады отъ души, что подозрѣнья
Нисколько не оправданы, что все
Такъ просто объяснилось. И такъ,
Чтобъ доказать всю наглость клеветы,
Благоволите тотчасъ, герцогиня,
Свое согласье дать на этотъ бракъ.
Въ дворцовой ихъ капеллѣ обвѣнчаютъ
Теперь же; разувѣримъ городъ мы
И будемъ все свидѣтелями брака,
И городъ весь уснетъ спокойнымъ сномъ ...

МАРІЯ.

О, Боже!

МИКАЕЛА.

Злобный демонъ!..

ХРИСТИАНЪ.

Микаела!

Ты видишь, что намѣренье твое
Не удалось. Но хитростью своею
Ты выкупила твой дурной поступокъ
И я тебя прощаю!.. А теперь ...

МИКАЕЛА.

Постой, мой Христіанъ! о! ради Бога!..

Еще есть средство!.. Я нашла его!..
Дай помолиться Богу мнѣ!.. (*падаетъ на колѣни*).

ОЛИВЬЕ.

Мы ждемъ
Отвѣта, герцогиня!..

АДРИАНЪ.

Да! мы ждемъ
Отвѣта!..

МАРІЯ.

О!.. я не могу!.. не въ силахъ ...
Я не согласна!..

ВСЪ.

Не согласна!!.

ХРИСТИАНЪ.

Боже!..
Марія!..

МИКАЕЛА. (*проглатывая ядъ въ перстнѣ*).

Я готова! Христіанъ! (*встаетъ.*)
Веди свою невѣсту къ алтарю ...
(*ему тихо*)

Не бойся! черезъ полчаса меня
Не будетъ ... я умру!..

ХРИСТИАНЪ.

О! Микаела!
Зачѣмъ ты это сдѣлала!.. Скорѣе!..
Спасти тебя!..

МИКАЕЛА.

Нѣтъ никакого средства...
Цыганка мнѣ ручалася за это!

АДРИАНЪ.

Такъ если герцогиня не согласна

На бракъ . . . .
(подходитъ къ стражъ).

ОЛИВЬЕ (потирая руки).

Теперь побѣда наша!
(Стража дѣлаетъ движеніе... Христіанъ, который поддерживалъ ослабѣвшую Микаелу, гордо выходитъ впередъ).

ХРИСТИАНЪ.

Прочь! синдики безмысленные, прочь!
Я презираю васъ!.. За что ее
Вы погубили? Знайте! Микаелу
Я не любилъ, не могъ любить, и въ жертву
Мнѣ жизнь свою, бѣдняжка, принесла.

ОЛИВЬЕ.

Что говоритъ онъ?

ХРИСТИАНЪ.

Я люблю Марію,
Я видѣлся не разъ съ ней во дворцѣ,
Надъ западными вашими смѣяся.
Меня Марія также полюбила,
Не зная, кто я... Для меня хотѣла
Она покинуть прадѣдовъ престолъ ..
О! я увѣренъ, въ цѣломъ свѣтѣ вы
Такой любви не сыщете, какъ наша!..
Марія! гдѣ ты? Передъ всѣмъ народомъ
Позволь тебя прижать къ моей груди!..

МАРІЯ (бросаясь къ нему).

Мой Христіанъ!.. И передъ цѣлымъ свѣтомъ
Не постыжусь тебя назвать моимъ!

МИКАЕЛА.

О! смерть! приди скорѣ!

ОЛИВЬЕ (подходя къ ней)

Микаела!

Что Христіанъ сказалъ? Что это значитъ?

МИКАЕЛА.

Прочь отъ меня!

АДРИАНЪ.

Его схватить бы надо! ...

ХРИСТИАНЪ.

Молчи, безумный синдикъ!

Ты знаешь ли, кто здѣсь передъ тобою?..

Гдѣ Фридриха послы? Баварскій герцогъ

И Баденскій, гдѣ герцогъ Клевебергскій?..

АДРИАНЪ.

О! я предвидѣлъ, что подъ ихъ защиту

Прибѣгнешь ты!.. Ты иностранецъ ... можешь

Лишь ими быть судимъ!.. Но я заранѣ

Просилъ ихъ отказаться отъ тебя,

Во власть мою отдать!.. Они согласны...

Ты не уйдешь отъ рукъ моихъ!

ХРИСТИАНЪ.

Я самъ

Хочу теперь ихъ видѣть!

АДРИАНЪ.

Вотъ они!

VI.

ГЕРЦОГЪ КЛЕВЕБЕРГСКІЙ, ГЕРЦОГЪ БАВАРСКІЙ, ГЕРЦОГЪ БАДЕНСКІЙ,

АДРИАНЪ.

Вы, герцоги, мнѣ выдать обѣщали

Преступника.

ГЕРЦОГЪ КЛЕВЕБЕРГСКІЙ.

И сдержимъ обѣщанье.

ГЕРЦОГЪ БАДЕНСКІЙ.

Гдѣ онъ?

ГЕРЦОГЪ БАВАРСКІЙ.

Въ чемъ онъ виновенъ?

АДРИАНЪ.

Онъ хотѣлъ

Самъ видѣть васъ, чтобъ вымолить прощенье.

Вы непреклонны будете?

ГЕРЦОГЪ БАДЕНСКІЙ.

Мы будемъ

Лишь справедливы!

АДРИАНЪ.

Вотъ онъ!

ГЕРЦОГИ КЛЕВЕБЕРГСКІЙ, БАВАРСКІЙ, БАДЕНСКІЙ (*увидя Христіана*).

Онъ! преступникъ!

О, государь!.. (*падаютъ на колѣни*).

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои!

МАРІЯ.

О Боже!

АДРИАНЪ.

Но кто же онъ?..

ХРИСТІАНЪ.

(*Сбрасывая платье отшельника и являясь въ богатомъ герцогскомъ костюмѣ*).

Максимильянъ, эрцгерцогъ

Австрійскій!

(*Всѣ отступаютъ съ удивленіемъ и почтеніемъ, Марія съ крикомъ падаетъ на грудь ему.*)

Да, Марія! Для тебя
Оставилъ я отечество и имя,
Явясъ сюда пришельцемъ неизвѣстнымъ,
Чтобъ испытать любовь твою, чтобъ ты
Меня, какъ челоуѣка полюбила!...
Прими же за любовь твою, за вѣрность
Мой санъ съ моей рукой!..

МАРІА.

Максимильянъ!
Народъ бургундскій! вотъ вашъ повелитель!..

ВСѢ.

Вивать Максимильянъ! Бургундскій герцогъ!..

ОЛИВЬЕ (*возль Микаелы*).

Я просто обезумѣлъ... Микаела!..
Ты слышала?

МИКАЕЛА (*падая на землю*).

Все слышала!... Творецъ!
Благодарю! онъ счастливъ!.. О, какъ больно
И тяжело!

ОЛИВЬЕ (*схватывая ее за руку*).

Проклятье! перстень пусть?
Меня ты обманула!..

МИКАЕЛА.

Нѣтъ! я клятву
Сдержу! Тебѣ клялась принадлежать
Душой и тѣломъ. Душу ты отвергнулъ!..
Ее пусть судить Богъ! Возьми же тѣло!.. (*Умираетъ*).

ОЛИВЬЕ.

Все кончено!.. Я плачу!.. Микаела!...

(Наклоняется надъ ея тѣломъ. По срединѣ Христіанъ, обнимая одною рукою Марію, протягиваетъ другую къ окружающимъ его, которые стоятъ на колыняхъ. Въ глубинѣ пажы и стража съ факелами заключаютъ картину).

ВСЪ.

Вивать, Максимильянь! Бургундскій герцогъ!

(Занавѣсь падаетъ).

II.

ШИХЪ - МАНСУРЪ.

ВОСТОЧНЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ III.

ВИЗЯРСКІЯ ВОЛОТА.

I.

Ясный и теплый день весны раскинулся надъ Фаргамскими вершинами, смѣнивъ страшную ночь паденія и гибели Кугутхайскаго аула. Черные клубы дыма и крупныя, блестящія искры пожара, раздуваемые вѣтромъ, еще носились надъ этимъ ауломъ, въ которомъ догаралъ послѣдній пріютъ несчастныхъ евреевъ. Еще вчера Кугутхай представлялъ рѣдкую и отрадную картину осѣдлой жизни и всея ея удобства — послѣдствіе труда и дѣятельности, что не всегда встрѣчается въ горахъ, а теперь, эти бѣлыя, чистыя мазанки, вытянутыя стройными рядами на площадкахъ скаль, рисовались только одними закопченными и разру-

шенными глыбами глины, изсѣченныя входы къ аулу и тропинки были загромождены трупами горцевъ и евреевъ, рядомъ съ которыми валялись оружіе и камни, забрызганныя кровью. Рука хищниковъ не пощадила даже и могилъ еврейскихъ. Наѣзтники, растащивъ по ключьямъ богатства саклей, искали его и между истлѣвшими гробами. Всегда безмолвные спуски и площадки Фартама, на которыхъ прежде рѣдко появлялся труженикъ и домосѣдъ-еврей, теперь были усеяны толпами чеченцевъ. Иные изъ нихъ, обременные добычей, гнали передъ собой связанныхъ плѣнницъ, другіе, не такъ жадные до красоты и серебра, помня завѣтъ отцовъ, собирали трупы падшихъ собратій, въ то время, какъ внизу, на зеленой равнинѣ, сжатой между рукавами Аргуна, ржаніе боевыхъ коней, звуки лютни, звонъ грузинскихъ азерпешей и горячая, бѣшеная пляска джигитовъ, да громкій говоръ красавицъ, представляли картину разгульной жизни полудикарей, жизни безпечной, буйной и шумной, какъ-бы въ противоположность той печальной и могильной, которая, при взглядѣ на Фартамъ, навѣвала грусть и ужасъ.

Это былъ послѣдній день чеченцевъ въ родныхъ горахъ, и потому ковры пиршества, уставленные яствами и винограднымъ виномъ, съ полей Кахетіи, покрывали почти все пространство равнины ... Не смотря на свое грозное *казаватъ*, вызванное изувѣрствомъ лжеучителя, не смотря на общую мысль умирать за вѣру и ея завѣты — горцы шили не хуже гяуровъ и съ пронзительнымъ гикомъ, подщелкивая языкомъ и руками, усердно выплясывали бѣшеную лезгинку, на коврахъ, искусно и ловко прыгая между бурдюками и ковшами. Женщины не отставали отъ мужчинъ. Старыя, засѣдывая мужьямъ коней, просили не забывать ихъ, когда въ Кизлярѣ, съ ножа, достанется мужу армянскій поясъ или красныя *мачи*. Молодыя, раскинувъ по плечамъ косы, а за плечами ревнивую чадру, какъ-бы въ доказательство всѣхъ неуспѣховъ Шихъ-Мансура, проповѣдывавшаго смиреніе, дружно дѣлили съ молодыми наѣзdnиками пиръ, раздольную пляску и даже горячія поцѣлун.

Особенное движеніе было замѣтно у сакли Шихъ - Мансура. Богато вооруженные наѣзdnики и уздени сѣзжались къ этой саклѣ на джемятъ. Толпа полупьяныхъ нукеровъ, толкуя о славѣ и подвигахъ своихъ господъ, наперерывъ спѣшила принять въ руки брошенную новымъ пріѣзжимъ уздечку и поддержать его широкое стремя. Шихъ - Мансуръ еще не выходилъ къ почтенному собранію джигитовъ, между которыми слышался только скромный шопотъ или замѣчался важный кивокъ головы, при неизбѣжной ласкѣ, какую постоянно оказываютъ старые чеченцы своей сѣдой бородѣ. У оврага, расположеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сакли лжепророка, помѣщались

наши знакомцы Лай — Гачь и Учъ — Ханъ. Они тихо разговаривали между собою, не принимая никакого участія въ общемъ шопотѣ и перемолвкахъ старшинъ.

— Когда кончатся эти сборы и совѣщанія? говорилъ первый изъ нихъ ... Второй день, какъ всѣ партіи собрались, и мы только опорожняемъ послѣдніе бурдюки, да сѣдаемъ ни за что боевой запасъ ... Стыдно намъ! будто Чечну хотимъ раздвинуть до Кубани и Куры ... собраться не можемъ въ пустой наѣздъ!

— Эхъ, кунакъ, отвѣчалъ товарищъ, — развѣ наѣзники вчера не были въ дѣлѣ?

— Пхе! Ну ... и чтожъ они вынесли на кинжалъ?.. Сожгли дрянной ауль, разогнали тысячи двѣ барановъ и, вмѣсто того, чтобы переловить ихъ, наарканили дѣлую атару дѣвчонокъ, которыхъ теперь дѣвать некуда ...

— А въ Эндери?.. Кому же ты забываешь абазы Чавки, котораго, какъ говорятъ, сожгли съ дочерью ...

— Пусть ржавчина съѣстъ мою шапку, а шакаль мое тѣло на распутьи — если это все правда!.. Кто любовался искорками абазовъ Чавки и кто спалилъ ему бороду?... Ну — ка, укажи!.. Пхе! Ничего не бывало ... Я вѣрно знаю, что Чавка звѣрь, у котораго огнемъ не выжешь правды, и Шихъ — Мансуръ не поживился отъ него ни однимъ чаури ... Еврей съ дочерью въ ямахъ и отъ нихъ еще только думаютъ выпытать, гдѣ зарыты сокровища ... Время будетъ уходить ... мы вступимъ въ наѣздъ ... Шихъ — Мансуръ оставитъ какого-нибудь продажнаго муллу торговаться съ евреемъ ... и посмотри, кончится все тѣмъ, что трупы нашихъ друзей и свою свободу Чавка купитъ за шапку серебра ... Вотъ тебѣ и вся услуга Мухаммеду, во имя котораго обезумѣвшіе джигиты лѣзли вчера на скалы, какъ окуренные опиумомъ.

— Учъ — Ханъ глубокомысленно погладилъ свою бороду, ущипнулъ ея заостренный кончикъ, собираясь что — то сказать на слова своего собесѣдника, какъ громкій говоръ въ толпѣ старшинъ и усилившійся крикъ на равнинѣ спугнули его мысли и вызвали вниманіе.

— Кто этотъ дерзкій? Абрекъ! кровометитель! слышалось въ толпѣ узденей.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время общее вниманіе привлекъ къ себѣ статный и ловкій всадникъ, показавшійся на равнинѣ. Закрытый по самую шею бѣлымъ башлыкомъ, изъ — подъ разрѣзовъ котораго выглядывали бѣлые же козлы его кабардинки, что прямо говорило о страшномъ названіи абрека и кровометителя, — наѣзникъ медленно подвигался впередъ. Онъ видимо старался казаться бодрымъ и безпечнымъ, тогда — какъ

забрызганная кровью чуха и перевязанное плечо обнаруживали въ немъ израненнаго страдальца. Не обращая вниманія на крики, проклятія и грозное движеніе джигитовъ къ кинжалу, онъ, какъ-бы презирая угрозы толпы, не торопясь, легкою рысью проѣзжалъ по коврамъ пирующихъ, опрокидывая азерпеши, кувшины и даже самихъ джигитовъ, также налитыхъ виномъ, какъ и бурдюки.

— Бродяжный шакаль! кричали горцы, обступая абрека... Развѣ вы съ конемъ оба ослѣпли... За что ты топчешь наши бурдюки и ажигъ?..*

— Мой конь не летаетъ по воздуху, храбрые джигиты, а землю вы заняли своими коврами ... гдѣжь я проѣду? отвѣчалъ наѣздникъ.

— Пхе! не летаетъ! послышалось въ толпѣ. Ну, такъ ты полетишь ... Долой его съ коня!... долой! На кинжалы!

И толпа, съ гикомъ обнаживъ кинжалы, ринулась цѣлою волной къ абреку...

— Прочь, кунаки! вскричалъ онъ... Втопчу въ землю или смѣшаю кровь вашу съ кахетинскимъ!

Съ этими словами наѣздникъ осадилъ коня, мѣтнулъ его вправо, влево и, полоснувъ нагайкой перваго встрѣчнаго, вихремъ промчался по коврамъ до косогора...

Толпа пошумѣла, побранилась и, не смѣя начинать ссоры и драки у сакли Шихъ-Мансура, снова принялась за попойку и пляску.

Между-тѣмъ незнакомецъ, спрыгнувъ съ коня, бросилъ поводья въ руки перваго нукера, и какъ будто бы не замѣчая непріязненныхъ взглядовъ старшинъ, спокойно занялъ мѣсто между молодыми узденями.

Старшины вопросительно переглянулись. Молодые наѣздники, съ какимъ-то невольнымъ страхомъ разбрелись въ разныя стороны, оставивъ средину лужайки незнакомцу; только одинъ Лай-Гачъ, всегда и вездѣ готовый рубиться и говорить за всѣхъ, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ подсѣлъ къ незнакомцу и, подщелкивая рукояткою кинжала, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто храбрый гость нашъ? спросилъ старикъ ... Мы хотимъ знать его имя.

— Имя мое не скраситъ вашей бесѣды, славный джигитъ, отвѣчалъ наѣздникъ, — и знать его тебѣ также ненужно, какъ мнѣ твое... Я абрекъ ... родина моя Кабарда... Проѣзжая вашими горами ... я вчера дрался за васъ, а сегодня хочу выступить съ вами въ наѣздъ.

— Да хорошеетъ жена твоя!... началъ было старикъ.

— У меня ее нѣтъ, — перебилъ наѣздникъ...

— Да выкормится конь твой!...

* Ажигъ — кислое молоко.

— Конь не мой.

— Но ... погоди! вскричалъ раздосадованный Лай-Гачь: все это хорошо, что ты намѣренъ биться во славу нашего пророка; однакожь онъ, вѣрно, не звалъ тебя на джемасть и не предлагалъ почетнаго мѣста между сѣдыми джигитами.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ меня не звалъ, и почему тебѣ кажется, что для меня почетъ и благополучіе сидѣть на концѣ твоей бурки? . Чѣмъ мое вооруженіе хуже твоего?... Чѣмъ твои дѣла славнѣе моихъ?... Развѣ моя шашка сказала тебѣ, сколько она вышила крови и сколько разъ умиралъ я за родныя аулы? —

— Правда, этого мы не знаемъ — отозвался одинъ изъ старшинъ. Но сознайся, что ни самъ ты, ни твоя шашка не запретятъ намъ думать, что трудно угадать, кто спрятался за башлыкомъ: хвастовство, или слава и храбрость?

— Да! да!... грязью накормить хочеть! послышалось между наѣздниками.

Но въ ту же минуту общій говоръ замеръ въ толпѣ. Всѣ встрепенулись и смиренно заняли мѣста свои. Ропотъ старшинъ смѣнило безмолвное молчаніе, причиною котораго было появленіе Шихъ-Мансура. За нимъ слѣдовала Айканы, въ платѣ нукера.

При взглядѣ на дѣвушку, незнакомецъ вздрогнулъ, сдѣлавъ впередъ какое-то неразгаданное движеніе, но прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ замѣтить его волненіе, онъ уже успокоился и только огненный взглядъ его, сверкавшій изъ разрѣзовъ башлыка и устремленный на Айканы, высказывалъ его изумленіе.

— Храбрые джигиты, готовясь слушать слово пророка, встрѣчаютъ его посланника спорами и шумомъ! съ упрекомъ сказалъ Шихъ-Мансуръ.

— Прости! Мы виноваты, слава горъ нашихъ! отозвался Лай-Гачь, смиренно цѣлуя полу чекменя Шихъ-Мансура. Но, мудрый, разсуди насъ ... Вотъ пришлецъ — бездомный абрекъ, явился на джемасть и осмѣливается требовать почета и голоса.

Шихъ-Мансуръ грознымъ взглядомъ окинулъ толпу и остановилъ его съ выраженіемъ недоумѣнія и досады на абрекъ.

— Кто ты? мрачно спросилъ онъ.

— Сынъ Аблая, старшины Каратголейскаго кочевья, — съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ незнакомецъ.

На одно мгновеніе Шихъ-Мансуръ измѣнился въ лицѣ и, едва владея собою, протянулъ дрожащую руку абреку.

— Сынъ моего стараго кунака! сказалъ онъ, готовый задушить

его въ своихъ объятіяхъ... Правду-ли ты говоришь, предатель! шепнулъ онъ, отводя наѣздника всторону...

— Если Шихъ-Мансуръ не узнаетъ меня, то, надѣюсь, Айканы узнаетъ своего брата...

— Довольно!.. почти со стономъ прошепталъ. мулла. — Говори же, продолжалъ онъ, судорожно сжимая руку своего страшнаго гостя: зачѣмъ ты здѣсь?.. Чтобы предать меня?.. чтобы высказать мои несчастныя тайны?

— А развѣ ты врагъ мой, Мансуръ?.. Я только хочу служить тебѣ и умереть за тебя. Если хочешь, даже сама Айканы никогда не узнаетъ меня въ толпѣ твоихъ нукеровъ... Я проданъ былъ въ Хиву, откуда бѣжалъ въ горы еще ребенкомъ... жилъ въ Кабардѣ... Судьба послала мнѣ враговъ и я обрекъ себя на пятилѣтнее кровомщеніе... Срокъ кончается... Я услыхалъ твое имя и пришелъ къ тебѣ, чтобы, умирая, загладить мои преступленія.

Страшно было Шихъ-Мансору довѣриться словамъ молодаго наѣздника. Подозрительный и беспокойный въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ въ каждомъ новомъ лицѣ, болѣе другихъ къ нему приближенномъ, видѣлъ своего врага... Но, въ то же время, слѣпо увѣренный въ своихъ удачахъ и до фанатизма преданный своимъ планамъ — онъ, иногда, въ припадкахъ мечты и забытья, думалъ, что само Провидѣніе блюдетъ надъ его жизнью, устроивая его счастливое будущее. Точно также и въ эту минуту онъ былъ близокъ къ послѣдней мысли, а взвѣсивая свои минувшія отношенія къ Аблаю и его дѣтямъ, Шихъ-Мансуръ невольно успокоивался, находя, что ни старый киргизъ, ни сынъ его не могутъ питать къ нему непріязни и, наконецъ, даже самый разсказъ молодаго киргиза былъ очень близокъ къ истинѣ.

— Хорошо, сказалъ Шихъ-Мансуръ: будь же моимъ другомъ... Ктожу же у меня ихъ такъ мало здѣсь, добавилъ онъ грустно, и въ каждомъ, истинно преданномъ мнѣ челоуѣкѣ, — я вижу новую милость Пророка.

Съ этими словами мулла возвратился на прежнее мѣсто.

— Джигиты, сказалъ онъ, вводя молодаго челоуѣка въ средину старшинъ: это не врагъ нашъ и не джунметъ опозоренный. Слава его также почтенна, какъ и ваша слава... Одна несчастная ссора звала его на пятилѣтнее кровомщеніе, котораго срокъ уже кончается, и хотя онъ, по извѣстному въ этомъ случаѣ обѣту, не откроетъ башлыка своего, но каждый изъ васъ можетъ пожать ему руку, на которой нѣтъ пятна позора и невинной крови!

Горцы вообще большіе охотники до куначества и, потому нѣтъ ниче-

го удивительнаго, что человѣкъ, котораго за минуту каждый изъ нихъ готовъ былъ вызвать на ссору, при такой высокой и почтенной рекомендаціи, вдругъ сталъ въ глазахъ ихъ кунакомъ задушевнымъ и неизмѣннымъ. Всѣ наперерывъ спѣшили обнять своего гостя и сказать ему какое-нибудь цвѣтистое привѣтствіе. И только повелительный голосъ Шихъ-Мансура, требовавшій молчанія и вниманія, могъ остановить шумъ и говоръ толпы.

Торжественная минута настала. Шихъ-Мансуръ раскрылъ коранъ и приступилъ къ чтенію стиховъ его.

Горцы, смиренно опустивъ глаза въ землю и скрестивъ на груди руки, внимательно слушали своего учителя, понимая изъ всего читаннаго только одно слово «Аллахъ» и предоставляя все остальное мудрости Шихъ-Мансура. Наконецъ, чтець тяжело вздохнулъ, поцѣловалъ страницу книги и, закрывая коранъ, положилъ на него свою руку.

— Народъ и вѣрные сподвижники мои, сказалъ онъ, поняли ли вы слово пророка?

Горцы вопросительно переглянулись и какъ смиренно слушали стихъ корана, также смиренно отвѣчали въ голосъ:

— Ничего не поняли, мудрый изъ мудрыхъ.

— Ну, я прочту вамъ еще разъ; молитесь и слушайте... велики грѣхи ваши... даже слово мудрости, сказанное устами вдохновенными, недоступно ушамъ вашимъ... Молитесь и слушайте.

И снова наклонились головы, и снова зазвучалъ голосъ Шихъ-Мансура.

— Теперь поняли ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мудрый изъ мудрыхъ, откликнулась толпа. Очи наши слѣпы, души черны, да просвѣтлѣютъ они отъ словъ твоихъ.

— Накорми разумъ нашъ ажигомъ мудрости! подсказалъ Лай-Гачъ.

— Смотри, старикъ, шепнулъ абрекъ: шейхъ можетъ принять это за насмѣшку!

Но Шихъ-Мансуръ не слышалъ словъ Лай-Гача и продолжалъ:

— Такъ слушайте же, народъ! Вотъ что говоритъ пророкъ... онъ говоритъ: «Тотъ истинный мусульманинъ мой, кто не щадитъ ни жизни, ни имѣнія, ни семейства, кто исполняетъ волю корана и распространяетъ мой законъ... и вѣчно враждуетъ съ невѣрными. Поступающій согласно моимъ повелѣніямъ, станетъ на томъ свѣтѣ выше всѣхъ избранныхъ, до меня бывшихъ...» *

---

* Почти собственныя слова корана. Это же самое говорилъ и Кази-Мулла. Смолр. «О началѣ безпокойствъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ», стр. 6.

— Такъ какже это, мудрый изъ мудрыхъ, простодушно спросилъ Лай-Гачъ: а если эти избранные точно также исполняли это правило, за что же они ниже насъ будутъ?

— Другъ мой, смиренно отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, коранъ писанъ для живыхъ, а не для тѣхъ, которые отошли...

— Правда, правда! слышалось въ толпѣ.

— Вотъ и накормилъ ажигомъ! шепнулъ абрекъ.

— Клянитесь, продолжалъ лжеучитель, — оставить свои прежніе пороки и прегрѣшенія... Спѣшите вооружиться на невѣрныхъ... Время это настало... Я узнаю по вдохновенію свыше...

При громкихъ крикахъ «казавать!», шашки засверкали въ воздухѣ, высказывая готовность горцевъ слѣдовать мудрому ученію.

Когда нѣсколько поутихъ воинственный жаръ наѣзниковъ, проповѣдникъ ихъ передалъ коранъ своему нукеру и опустился на коверъ, предлагая начать джемаъ.

Совѣщанія начались и длились до позднего вечера. Наконецъ, послѣ неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ споровъ, отряды были раздѣлены между старшинами и полночь была назначена временемъ выступленія партій въ наѣздъ.

Два ружейныхъ выстрѣла съ плоской кровли сакли Шихъ-Мансура дали знать пирующимъ горцамъ, что походъ близокъ.

— Теуерь, сказалъ Шихъ-Мансуръ: когда уже старшины готовы были разойтись по домамъ: — главному отряду нуженъ опытный *беллатъ* * ... Кто изъ васъ можетъ указать такого?...

— У меня нѣтъ, отозвался Лай-Гачъ.

— И я не знаю... И у меня нѣтъ! повторили нѣсколько голосовъ.

— Когда дойдемъ до Зеленчуга, замѣтилъ одинъ изъ сѣдыхъ старшинъ, — я найду хорошаго беллата: онъ мой кунакъ и знаетъ въ горахъ все змѣяныя норки.

— Храбрые джигиты! перебилъ абрекъ: если вы меня подарите своимъ довѣріемъ, то клянусь вашею славою, лучшаго беллата не найдете ни на Зеленчугъ, ни во всехъ горахъ Чечны и Андія, какъ — я!.. Восемь лѣтъ странствованія познакомили меня съ горными дорогами, по которымъ я проведу васъ въ темныя ночи, не потерявъ ни одного всадника, ни одного напраснаго шага впередъ...

— Эта воля шейха, а мы рады довѣрить тебѣ себя и коней нашихъ! откликнулись горцы.

* Проводникъ.

— Ну ... такъ *Бисма'ль Ляги'ръ-рахмани'ръ-рахимъ!* во имя Аллаха милостиваго и милосердаго ... да будетъ такъ! сказалъ Шихъ-Мансуръ.

И толпа, довольная его рѣшеніемъ, разбрелась по саклямъ, у порога которыхъ ждали наѣзниковъ осѣдланные карабахцы, жены и ребятишки.

Шихъ-Мансуръ, оставшись одинъ, очень былъ доволенъ, что и новый слуга его исчезъ съ наѣзниками. Встрѣтивъ Айканы, онъ не сказалъ ей ни слова о братѣ и, накинувъ наскоро бурку, закутался въ нее, стараясь скрыть и лицо свое надвинутымъ на глаза папахомъ.

Вооруженный небольшимъ фонаремъ и кинжаломъ, скрытыми подъ полою бурки, мулла быстрыми шагами спустился на противоположную отъ равнины сторону косогора, перебѣжалъ балку и остановился у скрытой въ землѣ мазанки. Въ ту же минуту сильная рука схватила его за воротъ и кинжалъ блеснулъ у горла.

— Спасибо Башхенкаль, прошепталъ Шихъ-Мансуръ, — ты славно знаешь свое дѣло ... Вотъ тебѣ еще пять абазовъ ... продолжалъ онъ, въ то время, какъ высокая фигура Башхенкала, опустивъ руки, съ почтительнымъ поклономъ подалась назадъ.

— Не узналъ тебя, мудрый шейхъ!.. отвѣчалъ горецъ, принимая серебро.

— Ничего!.. быть осторожнымъ не мѣшаетъ ... Бей всякаго, кто подойдетъ къ этой клѣткѣ ... Ну, что еврей?.. Пыталъ ты его?

— Пыталъ, мудрый шейхъ: не говоритъ ...

— А дѣвчонка?..

— Объ ней ты не сказалъ ни слова ...

— Гм ... Да!.. А надо бы ... Ну, да мы скоро вернемся изъ-подъ Кизляра. Еще успѣемъ ... однако попытаю еще самъ ... подыми, Башхенкаль, двери ...

Горецъ нагнулся и сильными руками приподнялъ рѣшетчатую крышу землянки.

Держа передъ собой кинжалъ и фонарь, мулла осторожно спустился внизъ по крутой и ветхой лѣсенкѣ.

II.

На грустную и ужасную картину набросилъ свѣтъ свой фонарь Шихъ-Мансуръ. Даже онъ, виновникъ общаго зла кугутхайцевъ, зачерствѣлый въ изувѣрствѣ, незнакомый съ состраданіемъ и сожалѣ-

ніемъ, особенно тамъ, гдѣ неизбежны были жертвы къ достиженію его цѣлей — вздрогнулъ и, закрывая глаза рукою, отворотился на мгновенье, уязвленный зрѣлищемъ, въ высшей степени поразительнымъ. На слабо освѣщенныхъ стѣнахъ надрѣчной землянки крупныя капли просачивающейся воды играли тысячью огнями, въ то время, какъ сырой воздухъ душилъ грудь и останавливалъ дыханіе пришельца. Шихъ-Мансуръ сдѣлалъ невольный шагъ назадъ, но мысль, что отъ его свиданія съ Чавкою зависитъ много успѣховъ въ будущемъ, остановила его. Не скрывая своего ужаса и содроганія, онъ остановилъ взглядъ сожалѣнія на бѣдной, изнуренной отчаяніемъ Чиркени, которая, не замѣчая его прихода, все еще старалась жаркими поцѣлуями возвратитъ къ жизни умирающаго отца, окровавленнаго и истерзаннаго пыткой.

— Чавка! за кого и за что страдаешь ты! — сказалъ Шейхъ: — невольникъ своей прихоти, за что умираешь ты въ душной тюрьмѣ, тогда — какъ одно слово откровенности спасетъ жизнь твою собственную и будущее твоего дитяти!..

При знакомыхъ звукахъ голоса лжепророка еврей вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, глаза его, отягченныя, до того, предсмертнымъ сномъ, сверкнули жизнью; немощная рука его рванула веревки, какъ будто ища на поясѣ кинжала...

Въ эту минуту дѣвушка, не замѣчавшая ни огня, освѣтившаго землянку, ни появленія Шихъ-Мансура, изнуренная бѣдою и заключеніемъ, ожила восторгомъ при взглядѣ на лицо отца, просіявшее жизнью. Съ воплемъ неисходной радости она схватила руку старика и открыла ее жаркими поцѣлуями.

Чавка медленно отвернулся отъ дочери и встрѣтилъ взглядъ Шихъ-Мансура.

— Что ты сказалъ мнѣ? спросилъ онъ.

— Чавка, повторилъ Шихъ-Мансуръ, — не мучь ни себя, ни бѣдное дитя твое...

— Чего жъ ты хочешь отъ меня, лжеучитель?

— Золота.

— У меня его нѣтъ.

— Лжешь, старикъ!..

— Кто тебѣ сказалъ, что я лгу?

— Я знаю ... у тебя есть много сокровищъ ... подѣлись ... и купи свободу себѣ.

— Послѣ позора и бѣды, которыя ты подарилъ мнѣ, Чавкѣ не нужны, ни жизнь, ни свобода. Полжизни отнято... я готовъ ... терзай меня ... для тебя это легко. Еще одно безславное дѣло и нѣсколько

капель невинной крови не сдѣлають пятна на черной душѣ твоей, извергъ!

— Безумный старикъ! Ты называешь меня жестокимъ, а самъ, бездушный скряга, скорѣе расстаешься съ жизнью, чѣмъ съ золотомъ.

Мутный и болѣзненный взглядъ еврея засверкалъ, какъ яркіе глаза шакала ... Старикъ судорожно приподнялся на локтяхъ, оставаясь нѣсколько мгновеній безмолвнымъ. Только трепетаніе мускулъ и сжатые кулаки его высказывали всю ярость и все бѣшенство оскорбленнаго самолюбія.

— Бездомный бродяга! прошепталъ онъ, — сынъ волчицы, язва горъ нашихъ ... ты ли, готовый даже у шакала вырвать его добычу, можешь упрекать Чавку въ жадности? ... Не я ли спасалъ твою презрѣнную жизнь, когда ты, изнуренный голодомъ, просилъ у меня пристанища и работы? ... Не Чавка ли подарилъ тебѣ трудъ и серебро, за то только, что ты, какъ праздный чауши, дремалъ на солнцѣ, приглядывая за моими работниками, въ садахъ Кизляра ... Не я ли далъ тебѣ хлѣбъ и мачи, когда ты, босой, первый нищій Кизляра, готовъ былъ идти въ горы!

Мулла стоялъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Досада, оскорбленіе и мысль, что Башкенкаль, оставшійся наверху, легко могъ подслушать слова еврея — связывали его языкъ и руки. Казалось, въ эту минуту плѣшникъ и палачъ его помѣнялись ролями.

— Лжешь ты, гадъ!.. Чавка не скряга: это повторять все въ горахъ нашихъ—продолжалъ старикъ: но тебѣ, если бы ты даже умиралъ у его порога отъ нищеты и голода — не дастъ онъ и вытертаго чаури! Знай же, Шихъ-Мансуръ: умирай въ пыткахъ несбывшихся надеждъ и жадности, — знай, что у Чавки есть серебро, его хватило бы залить глотку всеѣмъ твоимъ разбойникамъ и развѣ для этого только я расстанусь съ нимъ ... Нѣтъ! Ты изъ меня ни выжжешь огнемъ, ни вырѣжешь кинжаломъ ни одного абаза. Зачѣмъ я дамъ тебѣ мое серебро? Чтобы ты еще завербовалъ тысячи убійць? ...

— Старикъ, ты потерялъ рассудокъ!

— Для тебя все равно: мучить ли безумнаго и хилаго старика, или отнять жизнь у ребенка ...

— Но я думаю, что ты увидишь въ этомъ разницу, когда въ глазахъ твоихъ, при громкихъ вопляхъ горцевъ, я брошу въ пылающій костеръ дочь твою!

Чавка затрепеталъ и склонилъ на грудь голову. Только эта мысль, высказанная муллою, сокрушала твердость еврея. Онъ даже

зарыдалъ, когда дѣвушка снова холодными устами прильнула къ плечу его ...

— Не плачь, отецъ! ... не страдай за меня — сказала она: я вѣдь дочь твоя, во мнѣ кровь и воля Чавки. Мнѣ не страшны истязанія и муки, которыя сулитъ врагъ нашъ. О, только бы онъ пощадилъ тебя ... Да, да, Шихъ-Мансуръ! пусть буду я одна твоею жертвой ... Для чего тебѣ жизнь уже отжившаго? ... Ты видишь, отецъ мой не дорожить ею ... А я, посмотри ... какъ молода я, сколько счастливаго могло бы быть въ моемъ будущемъ, сколько радостей ... И все это ты можешь отнять у меня ... Въ пламѣ костра ты увидишь несчастную, за муки которой вздрогнетъ не одно сердце!.. И дѣвушка, ползая у ногъ Шихъ-Мансура, обнимала его колѣни. Измучь меня одну, говорила она, и я не выскажу тебѣ ни одного проклятiя, ни одного стога, ни одного вопля!

— Чиркени! вскричалъ старикъ, взбѣшенный презрительнымъ и равнодушнымъ взглядомъ Шихъ-Мансура, — прочь! не ползай у ногъ врага; не моли бездушнаго!... Поди ко мнѣ ... Оставь насъ, Шихъ-Мансуръ, добавилъ онъ, и дѣлай съ нами что знаешь, — больше ты не услышишь отъ меня ни одного слова.

Злобною улыбкою, выражавшею какую-то звѣрскую радость, отвѣчала мулла на слова еврея.

— Безумецъ! напрасно ты упорствуешь, сказалъ онъ: Я узнаю твою тайну ... дочь твоя скажетъ мнѣ, гдѣ зарыто твое серебро!

— Никогда! никогда! вскричала Чиркени.

— Увидимъ!.. Каждый день, каждый часъ, въ глазахъ твоихъ, я велю пытать твоего отца, и, надѣюсь, ты сознаешь его безумiе ... Ты хоть въ бреду, хоть въ истязанiяхъ тоски, но выразишь то, чего не хочешь сказать онъ.

Съ этими словами Шихъ-Мансуръ оставилъ землянку и глухое рыданiе Чиркени замерло подъ скрипомъ упавшей на яму двери.

Въ аулѣ уже раздавались выстрѣлы и громкiй голосъ старшинъ, предвѣщавшiе близкое выступленiе отрядовъ, въ то время, какъ мулла, перебѣжавъ балку, сталъ подыматься на косогоръ, гдѣ дожидалась его Айканы, блѣдная и чѣмъ-то встревоженная.

Дѣвушка подслушала нѣсколько словъ, уязвившихъ ее до глубины души. Она замѣтила, какъ остановились у мрачной опушки надрѣчнаго кустарника два горца. Одинъ изъ нихъ былъ громаднаго роста, другой на конѣ, закрытый бѣлымъ башлыкомъ.

Хотя и не имѣла надобности подслушивать разговоръ незнакомцевъ,

она однакожь невольно обратила на него вниманіе, когда одинъ изъ нихъ довольно громко сказалъ другому:

— Хорошъ нашъ шейхъ, хорошъ блюститель шаріата и смиренія! вмѣсто того, чтобы передъ битвой отчитывать грѣхи наѣздниковъ, онъ проводитъ время въ объятіяхъ красавицы...

— Красавицы? — вскричалъ другой, какой красавицы?

— А вонъ, тутъ, у него, въ землянкѣ спрятано сокровище...

— Кто же она?

— Какая — то плѣнница; я знаю только то, что Шихъ-Мансуръ безъ нее жить не можетъ!

— А! прошептала Айканы. Такъ вотъ то золото, за которое разметалъ онъ на вѣтеръ еврейскій аулъ!.. И трепеща всеѣмъ тѣломъ, дѣвушка съ замирающимъ сердцемъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, желая вслушаться внимательнѣе въ разговоръ незнакомцевъ, но появленіе въ эту минуту Шихъ-Мансура заставило ее измѣнить своему намѣренію.

— Чавка упорствуетъ... дѣвчонка тоже! сказалъ мулла, какъ-бы говоря самъ съ собою. Но я выжму изъ нихъ тайну...

Дѣвушка подозрительно взглянула на Шихъ-Мансура.

— Айканы, продолжалъ онъ, невнимательный къ ея волненію, — давай мнѣ коня; ты отправишься съ партіею Шагрея: я не очень-то довѣряю его наѣздникамъ; они готовы грабить на пути даже и единовѣрцевъ. Если что случится, сейчасъ дай мнѣ знать.

— Такъ это правда, — подумала Айканы: онъ разлюбилъ меня... онъ гонитъ меня отъ себя... О, я все узнаю!.. Съ этими мыслями дѣвушка быстро взбѣжала на косогоръ и исчезла за саклями. Шихъ-Мансуръ медленно и въ раздумьи слѣдовалъ за нею.

Между тѣмъ два горца, замѣченные Айканы, продолжали еще свою бесѣду.

— Но кто же эта плѣнница, Батырь-Ша? спросилъ одинъ изъ нихъ. Ты не знаешь?

— Не знаю, душа моя, Клычъ, отозвался Батырь-Ша, котораго вся цѣль оклеветать Шихъ-Мансура заключалась въ томъ, чтобъ вооружить противъ него и Айканы. Киргизъ замѣтилъ дѣвушку и, не имѣя надобности вспоминать о шейхѣ, нарочно завелъ разговоръ о немъ.

— Лучше расскажи мнѣ, продолжалъ Батырь-Ша: удалась ли твоя попытка?

— Какъ нельзя лучше! Я — беллатъ главнаго отряда.

— Молодецъ, Батырь-Клычъ! Теперь мы на вѣрномъ пути къ нашей мести. Какъ же ты успѣлъ?

— Закрытый башлыкомъ, я выдалъ себя за абрека и кровомсти-
теля; а для Шихъ-Мансура назвалъ себя сыномъ Аблая ...

— И онъ повѣрилъ?

— Повѣрилъ, когда я заарканилъ его тайну, которой ты не хо-
тѣлъ сказать мнѣ, Батырь-Ша, добавилъ съ упрекомъ Клычъ.

— Что такое? отозвался киргизъ.

— Пхе! Развѣ глаза твои проглядѣли Айканы?

— Я нарочно молчалъ о ней; да и теперь лягу поперекъ дороги,
когда ты захочешь съ нею встрѣтиться.

— О, я не сдѣлаю этого. Въ жизни, обреченной на мщеніе, на-
до имѣть чутые лисицы.

— То-то!.. Эта женщина его любитъ, она узнаетъ тебя и предастъ.

Друзья долго бы не кончили своей бесѣды, если бы запыхавшіе
огни на сакляхъ и шумные крики женщинъ не напомнили имъ, что
Шихъ-Мансуръ оставляетъ Фартамскія тѣснины.

— Въ болотахъ Кизляра встрѣтимся, тайнственно и съ нераз-
гаданною улыбкою сказалъ Клычъ, снова закрывая лицо свое башлы-
комъ. Прощай, Батырь-Ша ... пора ... меня вѣрно ищутъ!

— Прощай, Клычъ! Не блѣдный передъ твоими правыми начина-
ніями; помни третью ночь и первыя искры у Аксаевского озера.

Клычъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, пригнулся къ лукѣ и
крупной рысью выскакалъ на равнину.

Сухой хворостъ, пылавшій на скалахъ и у пороговъ саклей, освѣ-
щалъ аулъ Нашехи. Наѣзники, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, на
бодрыхъ и чуткихъ коняхъ, уже скрывались въ ущельяхъ и за скала-
ми. Женщины и ребята съ пѣснями и визгомъ провожали ихъ.

Черезъ часъ опустѣлъ шумный аулъ; огни погасли, и только
говоръ красавицъ, оставшихся на порогѣ своихъ саклей, нарушалъ без-
молвіе тихой весенней ночи.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій солдатъ богатырскимъ штыкомъ вписалъ
столько славныхъ подвиговъ въ страницы нашей военной исторіи и
всталъ твердою ногою на кремнистыхъ скалахъ Кавказа, — Терекъ,
одна изъ замѣчательныхъ рѣкъ этой страны, постоянно наводняла каж-

дую русскую повѣсть и каждый рассказъ, въ которыхъ чеченцы непременно жгутъ казачьи станицы, или странствующій *Санназаръ* восхваляетъ небывалыя дѣла небывалыхъ богатырей, или *прекрасная магометанка умираетъ на гробъ своего супруга*. — Причина, на основаніи которой Терекъ пользовался такимъ уваженіемъ у нашихъ повѣствователей, высказывается въ нѣсколькихъ курчавыхъ фразахъ. Терекъ, то прыгаетъ, *какъ тигръ*, въ мрачномъ ущельи, то *змѣею* выбѣгаетъ на зеленую равнину, то воетъ, какъ злобный шайтанъ, прыгая черезъ камни ... Горы и великаны-сосны, обрызганныя его пѣной, мрачно смотрятъ въ его беспокойныя воды ... Все это, разумѣется, обмакиваетъ кисть писателя въ самыя яркія краски и помогаетъ воображенію рисовать картины, для немногихъ великолѣпныя, для многихъ непонятныя! Терекъ называли и злобнымъ, и сѣдымъ, и старикомъ, и красавцемъ; въ водахъ его топили кабардинцевъ и чеченцевъ, имъ поили красавицъ и боевыхъ коней ... но никто, кромѣ прилагательныхъ, ничего не сказалъ о немъ существеннаго.

Не отступая ни на шагъ отъ историческихъ данныхъ, на которыхъ основанъ весь рассказъ мой, я по необходимости долженъ перенести воображеніе читателя къ берегамъ Терека. Причемъ долженъ сознаться, что прыгающій иногда тигромъ, иногда сѣдой, иногда, по обстоятельствамъ, ползущій змѣей, — Терекъ въ самомъ дѣлѣ таковъ. Вытекая изъ дѣвственныхъ снѣговъ Казбека, онъ спокойно пробѣгаетъ восточную сторону Осетіи, гдѣ вдругъ, повернувъ на сѣверъ, съ ревомъ бьетъ бѣшеными потоками, сжатый въ скалахъ кавказскаго ущелья, и здѣсь-то, вѣчно мрачный и бурный, задвинутый громадами кремня, онъ какъ-бы утомляется быстрыми скачками по неровному, загроможденному камнемъ руслу — и мирный и спокойный, выливается въ безпрестанныхъ изгибахъ на равнину. Потомъ, принявъ въ себя Малку и Сунжу, между Моздокомъ и Кизляромъ, пробѣгаетъ въ Каспій, сжатый подъ-конецъ лѣсистыми берегами, постепенно возвышающимися на востокъ. Можно сказать, что свидѣтелемъ первыхъ встрѣчъ русскихъ удалцовъ съ горскими хищниками — былъ Терекъ. Не одна сотня наѣздниковъ довѣряла ему быстрыхъ и смѣлыхъ коней своихъ, и не одну сотню труповъ снесъ онъ Каспію. Чеченцы, вообще, прежде, при нападеніяхъ за Терекомъ, искали на немъ переправы и бродовъ у береговъ лѣсистыхъ, рассчитывая, въ случаѣ неудачи, найти спасеніе въ лѣсу, гдѣ каждый пенъ служить защитою ... Такова горская тактика! Теперь берега эти нѣсколько ожили, на нихъ раскинулись аулы мирныхъ кабардинцевъ и чеченцевъ, а противоположный берегъ, унизанный группами чистыхъ мазанокъ, казачьихъ станицъ, рѣдко оглашается воплемъ битвы, и конь хищника не топ-

четь безнаказанно казацкой пашни, и отчаянный джигитъ не крадется, въ темную почь, опушкою кустарника, до вздремнувшаго казака; но во время, описываемое нами, береговая декорація Терека обрамливалась иначе. Казалось, вѣчная и неисходная ночь царствовала въ надрѣчныхъ лѣсахъ его ... Звукъ топора и звонкій окликъ горца или станичника рѣдко нарушали ихъ безмолвіе. Рѣдко ружейный выстрѣлъ откликался здѣсь далекимъ и дробнымъ эхомъ въ прибрежныхъ скалахъ, и легкой туръ, или олень, одичалые въ этой пустынѣ, смѣло носились надъ безднами, вздрагивая только при плескѣ знакомой рѣки или завидѣвъ въ ней тѣнь свою. Рѣдко, безмолвнымъ днемъ или темною ночью, слышался ударъ конскаго копыта въ гранитъ и развѣ только бездомный скиталець, выброшенный за порогъ своей сакли враждой или голодомъ, медленно проѣзжалъ крутизнами, и какъ привидѣніе, съ гикомъ, ослабивъ поводъ и свистнувъ въ воздухѣ широкой буркой, съ конемъ исчезалъ въ пѣнящейся рѣкѣ, смѣло выбираясь на противоположный берегъ, для того, чтобы выждать оплошнаго казака ...

Спустя трое сутокъ послѣ выступленія чеченскихъ наѣзтниковъ изъ Нашехи, лунною ночью, двѣ человѣческія фигуры обрисовывались на правомъ берегу Терека, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ кизлярскихъ топей. Закинувъ за плечи винтовки, они осторожно, на рукахъ и ногахъ, спускались внизъ къ рѣкѣ, по обрыву. Луна ярко освѣщала предметы и потому не трудно было узнать въ путникахъ, по платью и вооруженію, терекскихъ казаковъ. Дойдя до рѣки, товарищи сбросили съ плечъ сумы, полныя дичью, и расположились на отдыхъ. Черный лѣсъ и туманные холмы, объятые сіяніемъ луны, тянулись за ними. У ногъ плескался спокойный Терекъ, разрѣзавшій въ этомъ мѣстѣ черныя скалы лѣваго берега, на которомъ ни птица, ни звѣрь, не нарушали безмолвія ночи.

— Ну, братъ Сюрдюченко — началъ одинъ изъ нихъ — не съ тобой ходить на краснаго звѣря: пороху изводишь много, а фазановъ, кажется, только жареныхъ бить можешь.

— Ни бійсь, зибью, колы настанэ пора! отозвался другой, въ которомъ, по выговору, нельзя было не узнать малороссіянина. Ни бійсь, братику! повторилъ онъ.

— Чего бояться-то! Вотъ дватцатью зарядами только три крыла перешибъ. У насъ дѣло-то поспорѣе маненько ... Эво! какой кузовъ наколотилъ добраго!... И казакъ съ довольною улыбкою тряхнулъ свою суму.

— Эхъ ... Пэтрэ! ... Ну що ты чванышся, мовь свіня въ болотѣ...

— Не чванюсь, голова; а такъ, къ слову сказано: не пригоже казаку давать промахи.

— Да я жъ ихъ и не давалъ ... Сѣ ужъ винтовка ледаща такэ ... кумыцка ... съ вихиласами та викрутасами ... прахъ побери ... курка недошукаишся ... Эге! ... подай мени свою ... да насышь пилкварты горилки... Ого! ... заразъ, не то, що хвазана, та кумыку, за версту, хоть въ п'ятку, хоть въ глазъ свинцомъ плюну.

— А, что думаешь, голова, вѣдь не худо бы пропустить малую толику кизлярской? — Кстати вспомнилъ, еще шагать не близко, а ноги, право слово, примотались ...

— Эге! Дуже гарно буде: хлебнемъ, Ладанкинъ, да и до дому, да ужъ потомъ зададимъ храпка на вси заставки.

Съ этою фразой казакъ отвязалъ висѣвшую на его ременномъ поясѣ фляжку и ужъ готовъ былъ передать ее товарищу, какъ вдругъ, взглянувъ на противоположныя скалы, онъ быстро спрятался за камни. Смѣтливый товарищъ въ ту же минуту повторилъ его движеніе.

— Что ты, Сюрдюченко? прошепталъ онъ.

— Те ... Пэтрэ ... пострывай трохэ ... Дывысь! Що бы се значило! И Сюрдюченко взглядомъ указалъ товарищу на скалы ...

Надъ обрывами противоположнаго берега, уступами и оврагами сбѣгавшими къ рѣкѣ, стоялъ конный чеченецъ, закрытый бѣлымъ башлыкомъ. Его-то появленіе и встревожило казаковъ.

— Ужъ не замѣтилъ ли онъ насъ? Смотри-ко, какимъ сычемъ по-смаатриваетъ, сказалъ Ладанкинъ, изготовляя винтовку.

— Ни, братику! Я чую, що винъ броду ищеть. Приложись, да сбрось его въ рѣку, щобъ винъ добрымъ людямъ не садился, якъ бильмо на глазъ.

— А какъ онъ не одинъ? ... Нѣтъ, голова, обождемъ.

— Одинъ.

— Да кто тебѣ сказалъ? ...

— Отъ се! кто казалъ, Шожъ, развѣ я вже и щоту не маю... Еще въ мени очи не ослипли ... Бачу, що п'ять, що одинъ ... Приложись! ...

— Смотри, полтавскій красной, чтобы бѣды не нажить!

— Ну, такъ дай же менэ ... серденко прыгаетъ!.. руки зудятся, хиба въ крапиву попалъ!..

— А! Те! слышишь?.. Вотъ тебѣ и одинъ! прошепталъ казакъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту наѣздникъ подался впередъ и

испустилъ крикъ, подобный крику шакала. * Спустя минутоу, крикъ этотъ повторился подъ скалами, и вслѣдъ за нимъ изъ оврага поднялась громадная фигура горца. Завидѣвъ другъ друга, хищники снова перекликнулись и заговорили по — чеченски.

— Клычъ — ты?

— Я, Батырь — Ша!

— Ну, что?..

— За полверсты отсюда я пустилъ отрядъ Шихъ — Мансура въ бродъ... Смотри же на искры, дождись темноты!..

— Ловко мы съ тобою успѣли свести отряды; сейчасъ и шагреевцы поднимаются сюда.

— Какже, знаю!.. мы васъ сегодня цѣлый день видѣли на скалахъ, и Шихъ-Мансуръ мнѣ ужъ обѣщаль блаженство за Эль-сыратомъ, за то, что партіи сходятся въ-время.

— Пхе!.. Волкъ степей нашихъ не знаетъ, что это его гибель!

— Эге!.. но, вотъ ужъ показались и башлыки вашихъ ... Прощай!..

— Прощай ... Помнишь, какъ выйти изъ лѣсу на болото?..

— Знаю!.. Насъ тутъ же сейчасъ и встрѣтятъ кизлярцы. Черезъ одного изъ моихъ удалцовъ я далъ знать въ городъ.

— Эге!.. Такъ, такъ, — умница Клычъ! Мы близки къ цѣли. Кровь Чиркени и Чавки просятъ мщенія.

— Мщеніе, мщеніе, Батырь — Ша! — съ какимъ-то изступленіемъ повторилъ бѣдный юноша, ослѣпленный коварными навѣтами великана. Клычъ свистнулъ плетью надъ ухомъ своего коня, поднялъ его на дыбы, гикнулъ и въ одинъ прыжокъ своего вихря исчезъ подъ скалою. Батырь-Ша, подозрительно озираясь, отыскалъ коня своего, скрытаго за камнемъ и сталъ взбираться на вершины. Черезъ нѣсколько минутъ раздался крикъ, подобный воплю испуганныхъ шакаловъ. Киргизъ отвѣчалъ тѣмъ же, — и не прошло пяти минутъ, какъ на скалахъ показались толпы чеченцевъ.

— Ну, Сюрдюченко, намъ время убираться, иначе пропадемъ мы съ нашими фазанами. Накрошатъ изъ насъ шашлыкъ эти разбойники, если попадемъ имъ въ лапы, сказалъ Ладанинъ.

— Надо утекать, братику, до станицы, да поднять на врага казачество.

И друзья, скрываемые густою травою, ползкомъ выбрались къ лѣсу, стараясь какъ можно скорѣе скрыться въ его чащѣ.

* Обыкновенный сигналъ горцевъ въ ночныхъ перекличкахъ.

Между тѣмъ чеченцы, не спѣшиваясь и довѣряя чутью и инстинкту своихъ коней, стали спускаться къ рѣкѣ по тропинкамъ едва замѣтнымъ и едва протореннымъ на обрывахъ. Смотри на горца, пробирающагося опасными тропинками въ горахъ, не знаешь чему удивляться: смѣлости ли и безстрашію всадника, или чутью и изумительной осторожности коня, который, въ эту минуту, полный хозяинъ жизни своего владѣльца, какъ-бы перерождается въ мыслящее животное. Онъ, то твердо упираясь передними копытами въ гранитъ, медленно спалзываетъ на хвостъ внизъ, то осторожно ошупавъ слѣдующій шагъ, вздрагиваетъ, поводитъ чуткимъ ухомъ и, осадивъ назадъ, съ глухимъ ржаніемъ перелетаетъ трещину или обвалъ. Въ переходахъ и переправахъ большими отрядами конь беллата ведетъ цѣлый отрядъ, и что сдѣлалъ онъ, то повторяютъ и прочіе.

Въ нѣмомъ молчаніи, слѣдуя одинъ за другимъ, партія Шагрея, предводимая ловкимъ беллатомъ, спускалась къ рѣкѣ, и въ то время, какъ передовые, разгорячая своихъ бѣгуновъ, бросались въ Терекъ съ отвѣсовъ и выдавшихся надъ водою камней, другіе еще только показывались на вершинѣ. Бродъ въ этомъ мѣстѣ былъ совершенно безопасенъ и представлялъ всѣ удобства для скорой переправы. Цѣлый отрядъ благополучно успѣлъ выбраться на противоположный берегъ до наступившаго мрака.

— Слава Аллаху! сказалъ передовой всадникъ, выѣзжая на узкую тропинку, проторенную у опушки лѣса: кажется, всѣ успѣли переправиться, и темная ночь застаётъ насъ тамъ, гдѣ ужъ не свѣтнется конь

Сосѣдъ говорившаго, статный и ловкій горецъ, повернулся на сѣдлѣ, желая повѣрить слова товарища. Но луна сиряталась уже за чернымъ облакомъ и наступившій мракъ одѣлъ молчаливую окрестность, скрывъ отъ зоркаго глаза горца всѣ окружавшіе его предметы.

— Счастливый переходъ! — если это точно такъ случилось, отозвался онъ; — а то, кунакъ, я знаю это мѣсто, и безъ проводника тутъ можно легко сложить свои кости: стоитъ только немного взять направо, — конь уже не выдержитъ быстрины Терека, поворачивающаго въ этомъ мѣстѣ къ ущелью; одинъ нетвердый шагъ на мшистомъ камнѣ — и прощай славная жизнь джигита!

— Ты, вѣрно, изъ бывалыхъ, кунакъ?

— Случалось... семь лѣтъ я бродилъ въ этихъ скалахъ, коротая дни и ночи въ лѣсу или въ полѣ и не всякая рыба знаетъ столько мелководій на Терекѣ, какъ я, не всякая шамайка переплыветъ его такъ легко, какъ я, съ моимъ конемъ.

— Пхе! Такъ для чего же шагреевцы, у Зеленчуга, взяли меня беллатомъ на переправу?

— Съ-тѣхъ-поръ, кунакъ, какъ ты на Фартамъ выдалъ шагреевцамъ Чавку и Чиркени, они считаютъ тебя рѣшительно за стараго шайтана. Къ тому же у тебя страшная сила и находчивость... А про меня говорятъ — молодъ...

— Правда, правда! таинственно отозвался беллатъ: ты очень молодъ, и смотря на твои розовыя щеки, на маленькую ножку и рученку, въ которую можно спрятать не больше абаза, рѣшительно подумаешь, что въ отрядѣ Шагрея горскія красавицы отвѣчаютъ за наѣздниковъ.

Молодой горецъ вздрогнулъ и невольно осадилъ коня, отвѣчая при-
нужденнымъ смѣхомъ на слова беллата.

— Чудакъ ты, кунакъ, отозвался онъ: нельзя же всѣхъ наѣздниковъ мѣрить выше своей головы, маленькій баранъ въ атарѣ всегда кажется овцою.

— Да ... но не для пастуха, товарищъ!

— Что это значитъ? вскричалъ юноша такимъ голосомъ, который ясно высказывалъ его испугъ.

— Те!.. не кричи, Айканы!.. Когда ты говоришь громко — тебя не трудно узнать въ толпѣ наѣздниковъ. Не бойся!.. Не сдерживай твоего коня!.. Я не предамъ тебя ... я не Шихъ-Мансуръ, который уже не скрываетъ теперь, что ты женщина и который ищетъ твоей гибели.

— Гибели!.. ты знаешь меня?.. Всѣ знаютъ меня! съ какимъ-то помѣшательствомъ повторила дѣвушка ...

— Да, да!.. Держись ближе ко мнѣ; я много расскажу тебѣ ... не рыдай ... молчи ... насъ могутъ слышать.

Айканы, трепеща всѣмъ тѣломъ, машинально придвинулась къ беллату, въ которомъ читатель долженъ узнать Батырь-Ша.

— Ты меня не помнишь, Айканы, — продолжалъ онъ, — но я тебя знаю. Ты дочь Аблая, старшины Каратюлейскаго кочевья; родина у насъ одна съ тобою; я также Киргизъ и также, какъ ты, презирая всѣ неудачи скитальчества, шелъ по слѣдамъ Шихъ-Мансура, готовый умирать за его успѣхи. Но, коварный и бездушный, онъ забылъ наши жертвы. О, бѣдная Айканы! за себя я не страдалъ бы такъ, какъ за тебя. Я знаю, сколько вынесла ты пытки и страданій, для того, чтобы бросить подъ ноги Шихъ-Мансура свою волю и счастье мирной жизни въ родныхъ степяхъ ... Ты для него безъ содроганія приходила къ мысли о слезахъ и проклятiи брошеннаго тобою

отца ... Ты для него обрекла жизнь на все истязанія, каких не вынесъ бы и я, мужчина, закаленный во враждѣ съ моею страшною судьбою. И чѣмъ же заплатилъ тебѣ онъ? .. Презрѣніемъ, равнодушіемъ!.. Онъ съ улыбкой презрѣннаго джумлета* говоритъ каждому: она мнѣ надоѣла!.. Сердце Шихъ-Мансура не принадлежитъ тебѣ болѣе: онъ любитъ Чиркени.

— Такъ! это правда!.. Это я слышала въ ночь выступленія нашихъ отрядовъ изъ Нашехи. Но, неужели мы можемъ забыть того, кто отдалъ намъ всё: и душу, и мысль? — сказала Айканы голосомъ тоски и отчаянія.

— Можно, другъ мой, забыть и даже ненавидѣть, даже искать гибели этого друга, что и сдѣлалъ Шихъ-Мансуръ...

— Какъ!.. Ему нужна жизнь моя? жизнь, которую для него же я превратила въ мучительныя годы страшныхъ страданій?..

— Непремѣнно. Онъ знаетъ всю твою неистовую привязанность къ нему, онъ боится твоего отчаянія, твоей ревности ... Онъ знаетъ, что твоя рука не дрогнетъ бросить отравленный кинжалъ въ сердце Чиркени.

— Злодѣй! прошептала Айканы ... Онъ знаетъ только одну дорогу къ счастью, дорогу, выстланную кровью и запорошенную пепломъ пожара ... Нѣтъ! Айканы бы умѣла сама умереть у его порога, ободренная мыслью, что и послѣ ея смерти есть еще живое существо, которое согрѣетъ ласкою холодную грудь его. Но искать моей гибели, тайно перерѣзать вздохъ въ груди моей — вотъ чего не можетъ простить Айканы!.. Всему этому я вѣрю, вѣрю, кунакъ! — грустно повторила она, едва удерживая свое рыданіе. Такъ затѣмъ онъ меня и оставилъ съ партією Шагрея?

— Да! Расчетъ его былъ очень простъ. Назначивъ тебя беллатомъ, онъ думалъ, что, при малѣйшей твоей оплошности, горцы сочтутъ неудачу за измѣну и швырнутъ тебя со скалы... У Зеленчуга я явился за тѣмъ, чтобы спасти тебя; тутъ гибель твоя была неизбежна. Но, берегись, есть сотня купленныхъ кинжаловъ, которые стерегутъ тебя въ дѣлѣ подъ Кизляромъ.

Грустная улыбка отразилась на блѣдномъ лицѣ Айканы.

— Нѣтъ, кунакъ, сказала она, я не боюсь смерти. И что такое для меня теперь жизнь, когда ея дыханіе отравлено ядомъ измѣны и ненависти того, который, въ часъ сокрушительной скорби, съ такимъ довѣріемъ припадалъ ко мнѣ на грудь, ища забытья и отрады.

* Джумлетъ, у абазеховъ значитъ бродяга бездомный. У горцевъ восточной стороны-человѣка, совершившаго какое нибудь злодѣяніе и преступленіе противъ обычая народа.

Отчаяніе мое такъ велико, что смерть я должна считать искупленіемъ моихъ новыхъ и неисходныхъ страданій.

— Перестань, Айканы! Семь лѣтъ испытаній должны были, кажется, приучить тебя къ печальнымъ встрѣчамъ. Забудь минувшее. Оставь эти горы, въ которыхъ нѣтъ ни правды, ни чести. Вернемся въ наши родныя кочевья.

— Въ кочевья? Нѣтъ, нѣтъ! могила моя на этихъ скалахъ. Плачь родныхъ уже не можетъ порадовать душу въ послѣднюю минуту ея исхода. Я сама выбрала эту страшную дорогу. Я продала ласку отца за несбыточныя надежды скитальцы; такъ пусть же это бѣдное сердце въ послѣдній часъ обливается страданіемъ, когда толпа равнодушныхъ хищниковъ встрѣтитъ мой потухающій взглядъ, а не слезы и участіе кровныхъ! Сама, за свою безумную прихоть, вызываю на голову свою гнѣвъ Аллаха!.. А онъ? продолжала она: развѣ ты думаешь, что я не хочу завѣщать ему о себѣ памяти?.. Нѣтъ, въ глазахъ его я паду жертвою его измѣны, и пусть, когда, изживая вѣкъ неудачъ и страданій, онъ оглянется назадъ, пусть память обо мнѣ заставитъ вздрогнуть его и проклинать свою несправедливость.

Только мракъ ночи могъ скрыть восторгъ и радость Батырь — Ша, вылившіеся, при послѣднихъ словахъ Айканы, на лицо его. Вся цѣль той клеветы, которой повѣрила бѣдная Айканы, заключалась для Батырь—Ша именно въ послѣдней мысли, высказанной дѣвушкою.

Довольный, какъ нельзя болѣе, успѣхомъ въ исполненіи своихъ мстительныхъ плановъ, киргизъ еще нѣсколько словъ перемолвилъ съ своею спутницею и напоминая ей обычай родныхъ степей, разжигая ея отчаяніе, искусно довелъ Айканы до того, что она поклялась не отречься отъ задуманной ею мысли.

Теперь дѣвушка ѣхала молча, опустивъ на грудь голову и бросивъ поводья на гриву коня. Лицо ее то вспыхивало румянцемъ горячки, то покрывалось лихорадочною синевою. Страшная буря совершалась въ душѣ ея. Чувство любви, оскорбленной и поруганной, наконецъ ревность и муки отчаянія душили грудь ея. Сколько разъ она готова была вылакать свое горе слезами, но слезы не показывались на воспаленныхъ глазахъ ея и только глухое рыданіе высказывало все ужасное положеніе страдальцы. Равнодушный къ страданіямъ своихъ жертвъ, Батырь—Ша въ эту минуту уже не занимался Айканы; вниманіе его устремлено было теперь къ другому предмету.

Отрядъ находился въ его рукахъ и волѣ. Какъ беллатъ, онъ во мракѣ ночи, по мѣстности, извѣстной только ему одному, велъ его куда хотѣлъ. И Батырь—Ша велъ шагреевцевъ въ болото.

Сдержавъ на мгновеніе коня, киргизъ выждалъ, когда отрядъ стянулся около него; потомъ, прыгнувъ на землю, онъ вынулъ кремень и огниво, и вскорѣ яркія искры, прыснувшія мелкимъ дождемъ подъ рукой Батырь-Ша, означили его мѣсто. Спустя мгновеніе, на противоположной сторонѣ болота, нѣсколько лѣвѣе, повторился тотъ же сигналъ.

— Отрядъ Шихъ-Мансура здѣсь! слава Аллаху!.. Наконецъ мы вмѣстѣ... Впередъ! Пора сомкнуться! слышалось въ толпѣ. И наѣзники крупною рысью бросились на перерѣзъ болота... Отрядъ Шихъ-Мансура съ боку двинулся туда же.

Какъ вдругъ громкіе вопли: «Тонемъ! возьмемъ! измѣна!» раздались въ безмолвіи ночи. А мелкія искры все еще сверкали по сторонамъ, приводя оплошныхъ къ новой гибели.

Общій шумъ и вопли увеличивались съ каждою минутою: наѣзники тѣснили другъ друга и стараясь выбраться изъ топей, все болѣе и болѣе уходили въ бездонную трясину. Лошади, предчувствуя близкую гибель, фыркали и съ пронзительнымъ ржаніемъ сбрасывали всадниковъ, которые, за право сдѣлать лишній шагъ къ спасенію, рѣзались кинжалами. Къ довершенію ужаса и полного пораженія горцевъ, справа загудѣли выстрѣлы, освѣтивъ страшную картину отчаянной борьбы и смерти. Терекскія казаки поспѣли въ-время и, мало-по-малу обходя болото, поставили хищниковъ подъ перекрестный огонь. Не многіе изъ послѣднихъ, растерявъ коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терекъ.

Планы Батырь-Ша осуществлялись съ удивительною точностію и общій голосъ спасшихся горцевъ проклиналъ теперь имя Шихъ-Мансура, какъ виновника гибели собратій. Самъ онъ былъ близокъ къ смерти. Разгоряченный и испуганный конь его, понуждаемый ударами плети и отчаяннымъ гикомъ муллы, истощалъ послѣднія усилія, стараясь выбраться на окраину трясины, но не имѣя опоры для быстрого скачка, осѣдалъ съ каждою секундою все глубже и глубже. Ужасъ и страшная тоска сдавили безтрепетное сердце лжепророка. Грудь его уже покрывалась влажною зеленью болота, судорожная дрожь и глухое фырганье коня высказывали послѣднюю минуту задыхающагося животнаго, гнилыя испаренія болота захватывали дыханіе Шихъ-Мансура. Мутнымъ взоромъ оглядѣлъ онъ окрестность, возмущенную тысячею отголосковъ стона и воплей, въ которыхъ слышалось его имя, какъ злодѣя и предателя...

— Сынъ Аблая?... Измѣнникъ!... Что сдѣлалъ ты?—простоналъ Шихъ-Мансуръ.

— А!.. ты здѣсь?.. ты гибнешь? послышался знакомый Шихъ-Ман-

суру голосъ у закраины трясины ... Знай, что тотъ, котораго ты называешь сыномъ Аблая, — братъ твой, проданный тобою Клычъ!... Онъ же Нешхай, у котораго отнял ты имя и счастье...

Съ этими словами наѣздникъ поворотилъ коня и Шихъ-Мансуръ видѣлъ, какъ бѣшеный вихрь Клыча понесъ его на передовую цѣпь русскихъ стрѣлковъ.

— Кругомъ смерть, и общая вражда ко мнѣ! съ несказаннымъ отчаяніемъ простоналъ мулла. О, спасите! спасите Шихъ-Мансура! почти въ помѣшательствѣ добавилъ онъ, всасываемый бездною. И вдругъ, когда уже эта бездна такъ жадно и такъ быстро готова была проглотить свою жертву, — въ эту рѣшительную минуту, какъ будто кто услышалъ предсмертную мольбу и стонъ погибавшаго. На два шага впередъ отъ Шихъ-Мансура дрогнула и заколебалась трясина подъ тяжестью новой, вставшей на нее массы. Чья-то сильная рука схватила поводъ коня Шихъ-Мансура и съ изумительною силою выбросила на твердую землю лошадь и всадника.

Обмиравшій въ ужасахъ отчаянной борьбы съ неумолимой смертію, мулла вздрогнулъ, и въ новомъ страхѣ, какъ будто бы ослѣпленный молніею, съ воплемъ: Батырь-Ша! упалъ въ безпамятствѣ на гриву коня. Въ ту же минуту надъ ухомъ его прозвучалъ знакомый голосъ Айканы:

— Живи для новыхъ мукъ и страданій, предатель!

Все это, свершившееся для Шихъ-Мансура въ нѣсколько мгновений — лишило его силъ, разсудка и памяти. Какъ холодный, безчувственный трупъ, упалъ онъ съ сѣдла на землю, между тѣлами горцевъ. Сонъ долгій, тяжелый и мучительный закрылъ теперь глаза его ... Судорожное движеніе мускулъ, отчаянныя усилія, отрывистый бредъ и стонъ — все это высказывало, что сонъ несчастнаго былъ для него ужаснѣе самой дѣйствительности. Ему казалось, что тысяча невидимыхъ рукъ, при грозныхъ вопляхъ, влекли его въ трясины... Вотъ, конь его задыхается, и съ дикимъ, пронзительнымъ ржаніемъ, фыркая и дрожа въ предсмертной агоніи, выбрасываетъ наверхъ голову... Кругомъ мракъ, по сторонамъ вопли смерти ... впереди блѣдныя призраки враговъ, освѣщаемыя огнемъ ружейныхъ выстрѣловъ... Но вотъ, все смолкло для слуха Шихъ-Мансура! Мракъ совершенный; только журчаніе воды слышится надъ нимъ; дыханіе сперлось въ груди его ... мозгъ хладѣетъ ... вся кровь у сердца ... и какъ будто бы кто сильными руками стиснулъ его голову ... онъ не можетъ раскрыть глазъ, ни двинуть рукою; у сердца холодно — онъ въ пучинѣ... И вдругъ, снова оживаетъ его слухъ и тѣ же вопли, и тѣ же стоны надъ нимъ, въ которыхъ слы-

шатея, то протяжный хохоть Батырь-Ша, то ужасныя слова Клыча, то долгое, раздирающее душу рыданіе Айканы...

Стиснувъ зубы, прерывисто дышалъ Шихъ-Мансуръ, измученный своими страшными призраками. Наконецъ прохлада утра и мелкій, холодный дождь возвратили его къ жизни — если только можно сравнить подобный сонъ съ предсмертными муками за-живо погребеннаго. Безъ мысли и памяти, еще находясь подъ вліяніемъ своего сна, мутнымъ, безжизненнымъ взоромъ мулла медленно оглядѣлъ окрестность... Зеленый лѣсъ, окаймляя болото и взбѣгая на предгорья, грустно шумѣлъ за нимъ своими листьями, отряхая съ нихъ крупныя капли дождя. Направо тянулись береговые холмы, выростая все выше и выше, съ каждымъ шагомъ впередъ и, наконецъ, исчезая въ далекомъ туманѣ сплошною массою голубыхъ возвышенностей. Налѣво раскидывалось необозримое, какъ влажная степь, какъ спокойное зеленое море, — болото, изрытое въ разныхъ направленіяхъ, что напоминало минувшую гибель чеченцевъ. Стаи шакаловъ, чую свою добычу и не смотря на свѣтъ дня, съ визгомъ рыскали по трясинѣ. Шихъ-Мансуръ съ ужасомъ отворотился отъ этой грустной картины, встрѣтивъ другую, не менѣе печальную. Здѣсь цѣлыя сотни труповъ его храбрыхъ наѣзниковъ, какъ бы не желая и за гробомъ разставаться съ нимъ, окружали своего муллу. Теперь-то минувшее воскресло въ памяти Шихъ-Мансура...

— Прахъ и тлѣніе всѣ замыслы человѣка! грустно подумалъ онъ. Не я ли ждалъ здѣсь вѣрнаго успѣха и нашелъ гибель!.. Гдѣ эти десять-тысячъ наѣзниковъ*, которыя сбѣжались на мой призывъ?.. Нѣтъ ихъ подлѣ меня!.. Иные пали жертвою моей оплошности, другіе, заслышавъ въ горахъ гибель братіи, прокляли мое имя и повернули коней въ родные аулы! Но нѣтъ!.. Еще жизнь осталась со мною, еще не всѣ отказались отъ Шихъ-Мансура... Найдутся въ горахъ шашки и кинжалы, которые сверкнутъ по моему слову... и я не сворочу съ дороги, проторенной мною!.. Развѣ я ребенокъ—думалъ фанатикъ — что поблѣднѣю передъ одной неудачей? Развѣ я буду рыдать надъ этими трупами, обвиняя себя въ ихъ гибели?.. Нѣтъ! между нами есть только одинъ трупъ, одна жертва, которой смерть закабалитъ тоской и печалью мою душу... Да, бѣдная Айканы! только милость

---

* Во время похода Шихъ-Мансура подъ Кизляръ скопища его сподвижниковъ дѣйствительно простирались до 10,000 человѣкъ. — Смотри «Записки о службѣ генераль-фельдмаршала графа И. В. Гудовича», стр. 649.

Аллаха могла спасти тебя въ этой общей гибели! При этомъ, страшныя слова, сказанныя дѣвушкою наканунѣ, въ минуту обморока муллы, заставили его задрожать, когда, въ то же время, память воскресила предъ нимъ ужасный призракъ Батырь-Ша. Первое еще Шихъ-Мансуръ могъ считать бредомъ разстроеннаго воображенія; но второе опровергало все его сомнѣнія въ дѣйствительности... Онъ хорошо помнилъ злобную улыбку великана, его громадную фигуру и маленькія глаза, сверкнувшія разкаленными углями во мракѣ ночи, когда сильная рука его, вырвавъ Шихъ-Мансура съ конемъ у смерти, бросила на гриву лошади поводъ и крѣпко сдвинула руку муллы. Ему даже и въ эту минуту слышались грозныя слова Батырь-Ша: «Часъ твой близокъ, Мансуръ!» Новый ужасъ овладѣлъ душею страдальца, онъ снова чуть не впалъ въ отчаяніе, какъ близкій говоръ заставилъ его очнуться. Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ толпу преданныхъ ему чеченскихъ старшинъ, которые радостнымъ гикомъ высказали свой восторгъ, найдя живымъ и невредимымъ своего вождя.

Въ минуту лицо Шихъ-Мансура, искаженное до того страхомъ и отчаяніемъ, приняло выраженіе суровой, даже грозной важности.

— Аллахъ простилъ ихъ прегрѣшенія — сказалъ онъ медленно и указывая на трупы падшихъ собратій. — Ночь и утро я провелъ въ молитвѣ, здѣсь, на мѣстѣ нашего общаго позора и заслуженной гибели... Что дѣлали вы, безумцы — добавилъ онъ съ укоромъ — когда готовы были обнажить шашку за славу пророка и его ученіе?... Все то, что онъ запретилъ своимъ мудрымъ словомъ!.. И вотъ, казнь преступнымъ!.. Молитесь, плачьте, вымаливая свои грѣхи... и тогда только въ намѣренія нашихъ удача и успѣхъ будутъ нашими бѣллатами!

Черезъ нѣсколько минутъ грустный и угрюмый Шихъ-Мансуръ, окруженный толпою безмолвныхъ горцевъ, переправился за Терекъ и пустился въ Нашехи.

IV.

Вѣсть о гибели наѣзтниковъ въ Кизлярскихъ болотахъ скоро достигла аула Нашехи. Возвратившіеся джигиты, по неизмѣнному обычаю, привезли съ собою трупы уважаемыхъ старшинъ, а въ томъ числѣ и трупу Шагрея. Плачь и рыданіе женщинъ встрѣтили израненныхъ отцовъ и братій. Имя Шихъ-Мансура безпрестанно повторялось на

предгорьяхъ и порогахъ саклей, и тысячи проклятій прибавлялись къ этому имени; — но едва только онъ показался въ аулѣ, окруженный толпою своихъ вѣрныхъ узденей, едва только повторилъ слово укора, обвиняя въ неудачѣ самихъ горцевъ, какъ этотъ вопль ненависти смѣнился безмолвною тишиною, подъ которою еще таилась злоба и общая мысль—не страдать болѣе за прихоти фанатика. Хорошо извѣдавшій горцевъ, зная каждую сокровенную ихъ думу, смѣлый и находчивый Шихъ-Мансуръ обратился къ лицемѣрью и хитрости. Самъ, въ виду горцевъ, какъ будто бы опуская въ землю кровныхъ, молился и плакалъ онъ надъ трупомъ cadaго джигита. Это польстило молодымъ наѣздникамъ, и мысли ихъ о своемъ учителѣ измѣнились въ ту же минуту, особенно, при объявленіи старшинами, что шейхъ разрѣшаетъ аулу джигитовку и попойку на могилахъ славныхъ старшинъ и джигитовъ.

Сырая и мрачная ночь раскинулась надъ скалами Фартама и не смотря на позднее время, шумно пировалъ аулъ Нашехи. — Яркія огни, выбрасывая кудрявый дымъ, пылали на берегу Аргуна и на отвѣсныхъ камняхъ скалъ. Горячіе вихри, измученные труднымъ походомъ и дальними переходами, бодро крутились подъ наѣздниками, готовыми начать свою любимую забаву—джигитовку. Женщины, всегда любовитныя, всегда жадныя до сходбищъ, съ громкимъ говоромъ и веселымъ смѣхомъ расположились на кровляхъ саклей, высматривая въ толпѣ лихихъ горцевъ — своихъ рыцарей. Ярко блистали полированные стволы винтовокъ за плечами джигитовъ, рѣявшихъ, какъ быстрыя птицы, по равнинѣ. Громкій и звонкій гулъ гиканья далекимъ эхомъ повторялся въ ущельѣ, при вѣздѣ въ которое нукеры разставляли шесты съ накинутыми на нихъ шапками. Вотъ, зарокоталъ выстрѣлъ, другой и наконецъ третій. Толпа наѣздниковъ гикнула, закрутилась на своихъ бѣшеныхъ коняхъ и раздѣлилась на двѣ партіи. Первая заняла берегъ Аргуна, вторая подошву горъ. Послѣ минутнаго безмолвія, при крикахъ—гай-да! четыре наѣздника, отдѣлившись по два съ каждой стороны, ринулись на встрѣчу другъ другу и сильною рукою мѣтнули въ воздухъ коротенькія палки. Въ то же мгновеніе, быстрѣе мысли и винтовочной пули, брошенной зарядомъ до цѣли, другія двѣ пары горцевъ выскакали на площадку — и мѣткими выстрѣлами перешли въ воздухъ кинутыя палки... Громкій вопль восторга привѣтствовалъ первый подвигъ джигитовки. Затѣмъ джигитующіе сдвинулись къ ущелью.

— Шагрей! красавецъ Шагрей! только одинъ! раздалось въ говорливой толпѣ женщинъ.

— Увидимъ, увидимъ, такъ ли онъ ловокъ, какъ былъ отецъ его! отозвались джигиты, когда статный и ловкій юноша, сынъ стар-

шины Шагрея, отдѣлился отъ толпы ихъ, сопровождаемый своимъ нукеромъ. Молодой Шагрей насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ толпу своихъ товарищей, принялъ заряженную винтовку изъ рукъ нукера, прыгнулъ къ сѣдлу и, какъ крылатая птица, помчался къ шестамъ. Проскакавъ каждый изъ нихъ, онъ дѣлалъ, въ сѣдлѣ, полуоборотъ назадъ, мѣтко прицѣливалъ и бросалъ шапки на землю. Нукеръ слѣдовалъ за нимъ, заряжая на всемъ быстромъ скаку запасную винтовку уздени. Лавръ первенства въ джигитовкѣ остался бы непременно за молодымъ Шагреемъ, если бы онъ успѣлъ снять все три кабардинки. Одна изъ нихъ, средняя, еще чернѣлась на шестѣ; Шагрей оглянулся... и задрожалъ отъ досады, замѣчая общее безмолвіе на сакляхъ и въ толпѣ наѣздниковъ.

— Дай твой кинжалъ, Шабеть! онъ будетъ тяжелѣе, сказалъ съ досадою юноша, обращаясь къ своему нукеру, я брошу эту проклятую шапку въ толпу завистниковъ.

Но юноша еще не успѣлъ досказать послѣднихъ словъ своихъ, какъ мимо его, будто выросшій изъ земли, съ пронзительнымъ гикомъ, промчался наѣздникъ. Взоры всехъ обратились на этого послѣдняго. Бѣлый конь, какъ будто палимый огнемъ пылавшей стени, расширивъ окровавленные ноздри, мѣрно и быстро мчался въ ущельѣ. Черезъ каждыя десять скачковъ, наѣздникъ оборачивался и мѣткою пулею билъ въ слѣдъ коня, оставляемый на пескѣ ущелья. Шумное и восторженное: джигить! джигить! огласило ауль. Всадникъ, повидимому, совершенно чуждый славѣ своихъ успѣховъ, ни однимъ движеніемъ не высказалъ своего удовольствія при восторженныхъ вопляхъ мужчинъ и женщинъ. Поровнявшись съ шестомъ, на которомъ оставалась кабардинка, онъ описалъ около него быстрый кругъ, поставилъ на дыбы легкаго бѣгуна своего и вѣрною рукою мѣтнулъ въ воздухъ кинжалъ... Сталь взвизгнула и дрожа, впиалась въ кабардинку, высоко бросивъ ее на воздухъ, и прежде, чѣмъ кабардинка коснулась земли, мѣткая пуля наѣздника пронизала верхъ ея, оставивъ курящейся пыжъ заряда въ косматомъ украшеніи шапки. Это было верхомъ искусства и молодечества. Зрители забыли удалъ Шагрея; самъ Шагрей забылъ ее, и вмѣшавшись въ толпу наѣздниковъ, первый поддержалъ широкое стремя незнакомца, подавая ему руку съ обѣтомъ дружбы и куначества...

— Долой башлыкъ! Покажи намъ лицо твое, славный джигить! Ты нашъ!... ты втопталъ нашу славу въ песокъ ущелья! — ревѣла толпа.

— Первый азернешъ ему! Первый гость на коврѣ нашего пиршества... Тащите погливана: пусть онъ воспѣваетъ славу лихаго кукана!

Изступленные горцы, на рукахъ, съ пѣнями и ружейными выстрѣлами, понесли незнакомаго наѣздника на равнину, освѣщенную пылавшими кострами и устланную камышевыми циновками. Первая красавица аула, дочь стараго Учъ-Хана, поднесла ему почетный азерпешъ...

— Славный джигить! сказала она, подавая дрожавшею рукою серебряный ковшъ интересному гостю Нашехи: отцы и братья мои предлагаютъ тебѣ куначество и почетъ.

— Дочь храбраго Учъ-Хана, отвѣчалъ наѣздникъ: куначество твоихъ кровныхъ для меня также дорого, какъ и жизнь за Эль-Сыратомъ, если только тамъ такія же прекрасныя хуріи, какъ ты. Но, прости меня, роскошный цвѣтокъ Чечны: вина я не пью!

Азерпешъ задрожалъ въ рукахъ красавицы, лицо ее вспыхнуло огнемъ румянца, она въ замѣшательствѣ отступила нѣсколько шаговъ назадъ, бросивъ взглядъ недоумѣнія на окружавшихъ ее.

— Не лъзя, кунакъ! ты обижаешь отказомъ дочь Учъ-Хана, его, и насъ всѣхъ... Пей! Пей! раздалось въ тѣсномъ кружкѣ горцевъ, обступившихъ коверъ.

— Но я никогда не пилъ, храбрые джигиты! Отъ этого азерпеша я упаду, какъ отравленный.

— Вздоръ! вздоръ! Ловкая и бѣшеная лезгинка, которую спляшетъ намъ Лейла, закружить твою голову въ обратную сторону!..

— Не обижай насъ, кунакъ!.. мы ждемъ: это круговой ковшъ дружбы...

Наѣздникъ, уважая обычай новыхъ друзей своихъ, молча протянулъ руку къ серебряному азерпешу и залпомъ осушилъ его.

Ковшъ замелкалъ по рядамъ наѣздниковъ. — А велѣдъ за тѣмъ звуки *комуса* *, разгульныя пѣсни и бойкая пляска воодушевили начавшуюся попойку.

Странствующій погливанъ, какой-то полупьяный бродяга, вмѣшался въ толпу пирующихъ и подеѣлъ къ наѣзднику.

— Пой намъ пѣсни, рассказывай, красноносый фазанъ, о славныхъ дѣлахъ нашихъ делибашей! кричали одни. Не надо! пусть лучше Лейла пляшетъ лезгинку! откликались другіе. Пить, пѣть и плясать — все вмѣстѣ! повторяли третьи.

— Все вмѣстѣ! Пой, грузинскій пѣтухъ! Лейла!.. яркая звѣздоч-

---

* Родъ баалайки.

ка Нашехи ... лезгинку ... распали кровь молодцовъ!.. Вина! вина! крикнули всѣ.

Толпа раздвинулась, снова звякнули ковши, лютия дрогнула въ бѣлыхъ рукахъ красавицы; огненный взоръ ея, какъ молнія, объжалъ толпу молодежи; стройный станъ ловко перегнулся, чадра метнулась за плечи и, дрожа всѣмъ тѣломъ, Лейла закрутилась въ лезгинкѣ.

Грузинъ также не дремалъ: онъ подстроилъ свой *комусъ*, пробѣжалъ по струнамъ, крикнулъ, завистливо посмотрѣвъ на полный бурдюкъ своего сосѣда — и началъ:

Въ ущельяхъ грознаго Фартама,
Подъ снѣжною лавиной горь,
Сыны свободы и ислама,
Между собой вступили въ споръ:
Кто мѣткой пулей изъ винтовки
Или свистящею стрѣлой,
На тризнѣ князя, въ джигитовкѣ,
Джигита вѣрною рукой,
Снесетъ на землю три папахы?
И юный вызвался джигитъ;
Дрожить подъ нимъ конь Карабаха ...

— Никуда не годится эта исторія ... Скверно поетъ старикъ!.. перебилъ одинъ изъ наѣздниковъ.

— Еще хуже рассказываетъ, дрянной погливанъ!.. подхватилъ другой.

— Лучше, слава наши дѣла за Тереконъ, замѣтилъ какой-то старикъ.

— Да ... особенно, въ Кизлярскихъ болотахъ! раздавался въ толпѣ чей-то насмѣшливый голосъ.

Наѣздники переглянулись, ища дерзкаго; но никто не могъ указать его.

— Будь прокляты эти болоты! сказалъ тотъ же старикъ: много они всосали дорогихъ кольчугъ Нашехи ...

— Пхе! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — а кто виноватъ въ этой неудачѣ?.. Аллахъ знаетъ!

— Кто виноватъ? Предатели беллаты, отозвался старикъ, — да еще одинъ ... ну, тотъ молодой абрекъ, который передалъ всѣ наши бурдюки ...

— Помнимъ, помнимъ!..

— Говорятъ, продолжалъ старикъ, — кровный кунакъ шейха, сынъ какого-то Аблая ...

— Сынъ Аблая! вскричалъ незнакомецъ, въ голосѣ котораго отразились любопытство и сильное изумленіе.

— А ты развѣ его знаешь?..

— Да ... слыхалъ ... встрѣчался ... съ худо скрытымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ незнакомецъ.

— Не кровный кунакъ, а кровный врагъ, вѣрно, — замѣтилъ сынъ Шагрея, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ (съ смертію отца, въ душѣ горца все уваженіе къ шейху смѣнилось ненавистью). — Онъ обвиняетъ насъ, а виноватъ одинъ самъ, — продолжалъ молодой князь. Гдѣ эти сокровища, которыя онъ обѣщалъ намъ въ Кугутхаѣ и Кизлярѣ?.. Только трупы и кровь собратій, послѣ каждаго дѣла — наша добыча ...

— Пхе! послышалось нѣсколько голосовъ: — кладетъ ржавчину на совѣсть нашу, увѣряя, что мы прогнѣвили Аллаха, а самъ — хуже презрѣннаго лэга обманываетъ пророка ...

— Правда! замѣтилъ старикъ: вмѣсто того, чтобы молиться за успѣхъ нашихъ наѣздовъ во славу вѣры, онъ обнимается съ Чиркени, презрѣнною еврейкою, которую обѣщаль съечь для нашей потѣхи ...

— Какъ? она жива?.. заревѣла толпа хищниковъ, изумленная словами стараго наѣздника и распаленная виномъ и словами Шагрея.

— Жива и спрятана въ надрѣчной землянкѣ — повторилъ старикъ. Башхенкаль, который стережетъ ее, проговорился мнѣ.

— И Чавка живъ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Умеръ, вчера подъ пыткой ...

— Ну, такъ дочь въ огонь!

— Въ огонь! Въ Аргунъ съ камнемъ! откликнулись хищники.

— Храбрые наѣздники, перебилъ незнакомецъ ... Башхенкаль жетъ; я самъ былъ свидѣтелемъ на Фартамѣ, когда жгли еврея съ дочерью ...

— Эхъ, кунакъ, отозвался старикъ — одинъ только ты видѣлъ, какъ жарили изъ нихъ шайтану шашлыкъ, и никто больше. — Клянусь твоею удалю, что Чиркени жива. Въ огонь ее, джигиты!

— Въ огонь! Въ Аргунъ! хлопотъ меньше; въ Аргунъ! повторяли наѣздники. Пойдемте къ Шихъ - Мансуру, требовать еврейку. Будь онъ проклятъ, низкій обманщикъ. Вонъ его изъ Нашехи! не надо намъ этихъ бродяжныхъ лжеучителей!..

Общее смятеніе, при крикахъ угрозъ и проклятій, разлилось по равнинѣ. Съ пылающимъ хворостомъ въ рукахъ, съ обнаженными шашками и кинжалами, чеченцы двинулись къ саклѣ Шихъ-Мансура.

V.

Но прежде, чѣмъ озлобленные горцы покинули ковры пиршества, незнакомецъ, забытый въ общемъ движеніи, успѣлъ оставить свое мѣсто. Быстрѣе мысли перебѣжалъ онъ равнину, взобрался на косогоръ и остановился у сакли шейха. Усталый и измученный, дрожа въ какомъ-то волненіи, онъ отворилъ двери сакли.

— Кто тутъ? послышался суровый голосъ муллы.

— Шихъ-Мансуръ!.. гибель твоя близка... спасайся... бѣги!.. горцы проклинаятъ твое имя! сказалъ незнакомецъ: за жизнь Чиркени не бойся... она будетъ съ тобою!

Послѣднія слова были произнесены такимъ нетвердымъ и задыхающимся голосомъ, какъ будто кто сильною рукою сдвинулъ грудь говорившаго. И прежде, чѣмъ пораженный страшною вѣстію Шихъ-Мансуръ успѣлъ прійти въ себя, наѣздникъ уже скрылся изъ сакли.

Какъ серна, ловко и безстрашно прыгая черезъ овраги и обвалы, неизвѣстный джигитъ въ нѣсколько минутъ достигъ надрѣчной землянки и дремавшаго Башхенкала. Поровнявшись съ нимъ, онъ отбросилъ свой башлыкъ назадъ, и сильнымъ толчкомъ разбудилъ татарина. Послѣдній вздрогнулъ, протеръ глаза и, еще не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло — схватился за кинжалъ.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Не узналъ, Башхенкалъ?... взгляди!

— Пхе!.. да это Кичикъ... Фу, товарищъ, какъ ты испугалъ меня!.. Я ужъ думалъ, не укралъ ли въ аулѣ кто-нибудь нашу тайну...

— Никто не смѣетъ украсть ее, душа моя, Башхенкалъ, отвѣчала Айканы, которую въ аулѣ все знали за Кичика, любимаго нукера Шихъ-Мансура... Пусти-ка меня къ плѣнницѣ, продолжала она; я отъ шейха... надо слова два перемолвить.

Татаринъ молча приподнялъ тяжелую дверь и снова опустилъ ее, когда звукъ шаговъ мнимаго нукера исчезъ въ глубинѣ землянки.

Осторожно, придерживаясь сырой стѣны, Айканы сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и сердце ея невольно стѣснилось ужасомъ при мысли о тѣхъ страданіяхъ, какія долженъ былъ выносить заключенный въ этой могилѣ. Ослѣпленная ревностію, коварною клеветою Батырь-Ша и стеченіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, подтверждавшихъ слова его, — дѣвушка и въ эту минуту не могла прійти къ натуральной мысли, что если Шихъ-Мансуръ любилъ Чиркени, то вѣрно бы не погребалъ ее заживо въ смрадномъ и душномъ заключеніи.

— Чиркени! Чиркени! прошептала Айканы : гдѣ ты?

— Здѣсь, отвѣчалъ слабый голосъ. Кто говоритъ со мною?

— Женщина, которая пришла дать тебѣ свободу и спасти тебя отъ смерти ... женщина, у которой ты отняла сердце любимого ею человѣка ... Ахъ, Чиркени! какъ бы я хотѣла взглянуть на красоту твою ... увѣриться, что глаза твои ярче моихъ, что уста твои свѣжи, какъ лепестокъ розы ...

— Красота моя измозжена пыткой и страданіями ...

— Измозжена?.. Но ты молода еще ... красота твоя разцвѣтетъ въ объятіяхъ его ...

— Съ нимъ разлучили насъ Богъ и люди ...

— Я васъ соединю ... Чу! прошептала она съ трепетомъ : они близко ... бѣги къ нему ... Онъ вѣрно будетъ ждать тебя на той сторонѣ Аргуна ...

— Онъ! Ты говоришь — онъ?..

— Бѣги! бѣги! время дорого ... минута — и твое счастье и жизнь твоя ... недоскажу!.. Это моя доля! съ отчаяніемъ и почти въ помѣшательствѣ говорила Айканы. — На!.. надѣвай мое платье ... Башхенкаль не узнаетъ тебя въ этомъ нарядѣ. Дѣвушка, какъ изступленная, рвала ветхій нарядъ на Чиркени, непонимавшей ни словъ, ни дѣйствій незнакомки. Почти насильно Айканы одѣла еврейку, схватила ее за руку и вывела до дверей.

— Смотри же, — сказала она таинственно — умирая за тебя ... я беру съ тебя клятву сказать ему . . . что я умерла за его невѣрность, за его презрѣніе ко мнѣ! Это, Чиркени, — мое мщеніе!

Заслышавъ голосъ Айканы, сторожъ приподнялъ двери.

— Тс! шепнула дѣвушка, крѣпко сжавъ руку еврейки, — ни слова!

Черезъ минуту Чиркени была на свободѣ. Айканы заняла ее мѣсто.

Грустно, поникнувъ жаркою головою на руки, дѣвушка опустилась на скользкія ступени лѣстницы. Лихорадочная дрожь пробѣгала по ея тѣлу и горячее сердце сильно стучало въ ея груди, когда мысль о близкой смерти заставила вздрогнуть ея твердую, закаленную въ бѣдахъ душу.

— Вотъ и отжила ... и все выстрадала, съ улыбкой отчаянія сказала она ... Но жизнь бродяги, отвергнутой всѣми и брошенной на распутии — хуже всякой пытки и смерти — добавила она рѣ-

шительно. О, отецъ... отецъ! Какъ счастливъ ты, что не знаешь золь моихъ! ... Айканы горько и тяжело зарыдала. При мысли объ отцѣ — для нея проснулось все счастливое минувшее; родныя кочевья, первый говоръ сердца и улыбка подругъ ...

Какъ! сказала она, какъ будто оживленная счастливою мыслию, — а развѣ не весело умирать мнѣ, развѣ я не буду отмщена?... Развѣ его душа до того закалена безчувствіемъ, что онъ не вздрогнетъ при страшной вѣсти о моей печальной жертвѣ?... Нѣтъ! нѣтъ! не развѣ застонетъ и разболится его сердце, когда онъ вспомнитъ обо мнѣ .. Чу! идутъ! вскричала она—и мгновенный ужасъ исказилъ лицо Айканы при страшныхъ крикахъ, раздавшихся надъ ея головою.

Минута эта была такъ страшна и такъ рѣшительна, что, всегда твердая, умѣвшая владѣть своею смѣлостію, Айканы почти лишилась чувствъ ...

Она не слышала, какъ изступленная толпа горцевъ вломила въ землянку, какъ съ проклятіемъ сотня рукъ схватила ее и повлекла къ берегу рѣки.

Хохотъ и неистовое гиканье раздавалось вкругъ несчастной.

— Свяжите ее! кричали одни ...

— Съ камнемъ въ воду! — повторяли другіе ...

— Не выплыветъ!.. Она и безъ того ногами ужъ болтается въ джехеннѣ ... Кидайте такъ! откликалось большинство палачей.

— Кидайте! Увидимъ, что это за еврейская порода! .. Такъ ли же любить воду, какъ серебро ...

— Въ воду! въ воду! крикнули нѣсколько тысячъ голосовъ ...

И державшіе Айканы, какъ легкую вѣтку, съ размаху — далеко бросили ее отъ берега въ холодную могилу Аргуна .. Но едва только волна обнялась надъ упавшимъ тѣломъ дѣвушки, какъ съ противоположнаго, темнаго берега Аргуна, кто-то, ни кѣмъ не замѣченный — тихо и быстро скользнулъ въ рѣку ... Вотъ онъ мелкнулъ на поверхности, снова погрузился ... и вдругъ вынырнувъ, съ необыкновенными усиліями, то исчезая въ струяхъ Аргуна, то снова выказываясь наверху, поплылъ назадъ. Это былъ спаситель Айканы. Почти съ воплемъ радости онъ вынесъ дѣвушку на берегъ и жаркими поцѣлуями покрылъ холодныя уста ея ...

— Чиркени! Чиркени!... очнись!.. шепталъ онъ, вперивъ въ Айканы испуганный взглядъ ...

Дѣвушка, бывшая въ водѣ нѣсколько минутъ, лишилась только чувствъ и легко могла быть возвращена къ жизни. Прислушиваясь къ ея дыханію, горець осторожно положилъ ее на влажную траву, опустился на колѣни и горячимъ дыханіемъ старался разогрѣть грудь ея.

— Дышетъ ... она жива ... Чиркени!.. вскричалъ онъ, — это я ... я, твой Нешхай ... Айканы тяжело вздохнула и какъ бы пробуждаясь отъ долгаго сна, остановила на Клычѣ взглядъ изумленія ... Въ свою очередь ужасъ и недоумѣніе выразились на лицѣ наѣздника, когда онъ разглядѣлъ лице ея ...

— Айканы!.. а не Чиркени! почти простоналъ онъ, отступая назадъ.

— Кто называетъ меня — Айканы? кто? спросила дѣвушка, совершенно возвращаясь къ мысли и жизни при этомъ имени.

— Ты не узнаешь меня, несчастная страдальца?

— Нѣтъ ... я тебя не знаю.

— О, вѣрно горе и жизнь скитальца много измѣнили меня, — я Клычъ ...

— Братъ Шихъ — Мансура!.. Клычъ! повторила изумленная дѣвушка ... И ты въ этихъ горахъ?..

— Да! имя мое знакомо тебѣ. я — Клычъ и Нешхай ...

— Какъ! врагъ брата?

— Да; онъ отнялъ у меня свободу ... и Чиркени ...

Въ эту минуту, полуверстою ниже отъ разговаривавшихъ, какой-то всадникъ бросился съ конемъ въ рѣку, съ противоположнаго берега ...

— Вотъ она — сказала Айканы, — указывая на всадника.

— Кто?

— Чиркени ... Она преслѣдуетъ Шихъ — Мансура ...

Клычъ не слышалъ послѣднихъ словъ Айканы. Онъ бросился на встрѣчу всадника и помогъ ему выбраться на берегъ.

— Чиркени! вскричалъ наѣздникъ, принимая въ объятія еврейку, которая съ воплемъ душевной радости припала на грудь своего любимца.

Встрѣча этихъ трехъ лицъ скоро объяснила для нихъ настоящее положеніе дѣлъ. Айканы и Клычъ, обмѣнявшись немногими словами, ясно увидѣли, во всѣхъ тайнахъ и загадкахъ, окружавшихъ ихъ до настоящей минуты — коварную, хорошо обдуманную интригу мстительнаго Батырь-Ша. И съ этой минуты снова всѣ мысли Айканы обратились къ Шихъ — Мансуру.

— Теперь, сказалъ Клычъ Чиркени, никто не разлучитъ насъ съ тобою ... Оставимъ эти страшныя горы ... Въ нашихъ кочевьяхъ счастливѣе ... Не такъ ли, Айканы?.. Воротись въ Каратюлей къ старому отцу ... забудь брата ... Доля его горька, а своротить его съ дороги, имъ проторенной — невозможно.

— Нѣтъ, добрый Клычъ, хоть я родилась въ степяхъ, а умереть могу только въ горахъ, подлѣ Шихъ-Мансура, — отвѣчала дѣвушка.

На утро Клычъ и Чиркени разстались съ Айканы. Наѣздникъ и еврейка пустились на Кизляръ, надѣясь скоро перебраться въ степи. Дѣвушка воротилась на Фартамъ и пустилась по слѣдамъ Шихъ-Мансура, который въ эту ночь — съ немногими изъ своихъ приверженцевъ оставилъ нашехи и бѣжалъ изъ Чечны ...

ЧАСТЬ IV.

Вмѣсто эпилога.

НА ОКЕАНѢ.

Какъ ни странно покажется многимъ, если я перенесу воображеніе читателя отъ роскошной и разнообразной природы юга къ мрачнымъ и грустнымъ картинамъ сѣверныхъ полярныхъ странъ, тѣмъ не менѣ историческая точность, которой я слѣдовалъ, съ легкими отступленіями отъ истины, даютъ мнѣ на то небольшое право.

Извѣстно изъ преданій, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ жители нынѣшней Архангельской губерніи вели торговлю съ Сѣвѣрною Сибирью, не только чрезъ Уральскій хребетъ, но и моремъ, направляясь къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея *. Путь этотъ давно оставленъ и только въ 1832 и 1835 годахъ экспедиціи, предпринятыя гг. Брантомъ и Клоковымъ, старались возобновить его, но въ торговомъ отношеніи не имѣли никакого успѣха, принеся однакоже небольшую пользу географіи. Суровость климата, частые льды и тысячи преградъ, поставляемыхъ самою природою того края, дѣлаютъ плаваніе здѣсь, почти невозможнымъ. Не смотря на это, отважные промышленники XVII столѣтія и небольшое число смѣлыхъ мореплавателей послѣдней половины XVIII, хотя не безъ потерь и страшныхъ испытаній, часто, на легкихъ судахъ, хранимые Богомъ и полагаясь на свою удаль, переходили отъ Архангельска и Пустозерска къ берегамъ Обской губы. Можно судить по этому предпріятію, что за люди наполняли экипажъ подобнаго судна. Тутъ схо-

---

* Пушкиревъ — «Описаніе Архангельской губерніи».

дѣлись всѣ тѣ, кому, очертя голову, ничего не значило, идти на вѣрную гибель, на встрѣчу испытаній и бѣдъ. У этихъ людей часто не было родины, а еще чаще того, что бы привязывало ихъ къ жизни. Холодные къ радостямъ, равнодушные къ бѣдамъ, они были счастливы, встрѣчая другъ въ другѣ такихъ же горемыкъ, какъ и сами, и безопасно и беззаботно успѣвали въ томъ, чего въ послѣдствіи не могли сдѣлать ни опытность, ни наука.

Однажды, въ исходѣ іюля 1795 года, легкая шняка * показала натраверзѣ сѣверной оконечности Колгуева. Довольно свѣжій NW. или побережникъ, ** какъ называютъ его бѣломорскіе промышленники, смѣнивъ NO. подулъ чистымъ лобовиндомъ на встрѣчу шняка. Парусъ ея, до того наполненный вѣтромъ, запласкалъ и повисъ, изрѣдка вздрагивая и обнимая снасти. Единственный человѣкъ, оставшійся на верху судна и не замѣчавшій перехода вѣтра и того неправильнаго направленія, которое приняла теперь шняка, — былъ сѣдой старикъ. Онъ, перебросивъ на правило руля свой полшубокъ, оставался углубленнымъ въ чтеніе какой-то книги, и, повидимому, полный хозяинъ судна, мало заботился о томъ, слѣдуетъ ли оно назначенному пути. Между тѣмъ, другіе три лица, дополнявшіе экипажъ шняки, безопасно бесѣдовали въ лѣвой шакшѣ *** судна. Не вслушиваясь въ разговоръ ихъ, а только взглянувъ на ихъ фізіономію, легко было угадать, къ какому сословію принадлежалъ каждый изъ собесѣдниковъ. Малица, совики и лопты изъ оленьей шерсти — единственная и неизмѣнная одежда самоѣдовъ — высказывали въ нихъ мезенскихъ промышленниковъ; но тщательно заплетенная, рыжая косичка одного, огромные усы и широкій шрамъ на лбу другаго, да сплюснутое лицо и небольшіе глаза третьяго, какъ нельзя лучше обозначали въ первомъ — отставнаго подъячаго, стараго служаку во второмъ и природнаго обитателя ильмскихъ тундръ — въ третьемъ. Штофъ водки и нѣсколько кусковъ трески, поставленныхъ на сосновомъ столѣ, всодушевляли ихъ бесѣду.

— Только бы выкоосить **** до Сухаго-Носа, говорилъ служака,

* Шняка — небольшое, впрочемъ палубное судно; оно менѣе архангельской ладьи и вооружается одною мачтою, отлично ходитъ подъ парусами и даже лавируетъ, но, какъ плоскодонное, не можетъ выдерживать большихъ штормовъ.

** У мезенцевъ — глубникъ.

*** Шакшею называются полупалубки на носу и на кормѣ судна; ютъ и бакъ — единственное помѣщеніе, гдѣ можетъ ненадолго отдохнуть продрогнувшій промышленникъ.

**** Вылавировать.

а тамъ перевалимъ къ *лѣтнику* (югу) — и на мѣстѣ; льдовъ ужъ бояться нечего.

— Дулъ бы дондеже попутный въ наше вѣтрило, отозвался подъячій, а тамъ дѣло привычное: великаго дряхлованія (великой печали) бояться нечего, не будетъ его, выйдемъ, какъ выйдемъ.

— А если, братъ, Климъ Ѳомичъ, побережникъ перемѣнится, да въ лобъ зайдетъ?..

— Тогда остаюсь безгласнымъ и непромолвлю не единого слова: я сдѣлалъ свое дѣло, и все упованіе мое возлагаю на святыхъ угодниковъ, Савватія и Зосиму; имъ я молился усердно.

— Эхъ, голова, прямой ты подъячій, все-то держишься пословицы: всякій за себя ... Какъ бѣда, такъ ты и остаешься безгласнымъ?

— А сильна ли прать противъ рожна, Михей Власычъ?.. Велѣнія Божескаго не прійдешь; ужъ коли задуетъ намъ въ чело, то и погибель наша изрѣченна есть ...

— Неизрѣченный ты уродъ, Климъ Ѳомичъ, извини меня, отозвался служака: эвто, по твоему разуму, выходитъ все равно, если бы, примѣрно сказать, въ сраженіи тебя подъ батарею поставили?

— Сохрани Владыко многомилостивый, да я бы не разглядѣлъ тогда, амо ошую, амо одесную, просто бы за-просто легъ да и закопался ...

— То-то, голова, ты бы, небойсь, и ждалъ погибели неминучей, вмѣсто того, чтобы, по слову камандирекому, взбѣжать на батарею, да штыкомъ заткнуть бѣдовую пушку!... Такъ ни тутъ: а на чтожь Господь насъ умудрилъ разумомъ?.. Ухъ, небойсь, какъ пошло напереваль, такъ по твоему лечь, да и ждять, когда моржъ голову отъѣсть?...

— Не то, многомудрый Михей Власычъ, я говорю, или хочу рещи, сирѣчь, чему быть, того не миновать. Зачѣмъ не похлопотать о животѣ своемъ, но въ немъ и въ смерти Богъ воленъ! Такъ-то!

— Полно, Климъ Ѳомичъ, говоришь-то ты загадками и не всякую кавычку поймешь у тебя. Вотъ лучше, голова, употребимъ еще по чарочкѣ.

— И, ни-ни! Не хочу быти подобнымъ скоту; не время теперь предаваться чревобѣсію. Право, на сей предметъ, точію, азъ немоощень есть!

— И то ладно! сказалъ служака: мы вотъ съ узкоглазымъ пропустимъ малую-толику, да и наверхъ пойдемъ, поглазѣть, что дѣлается ...

Съ этими словами старый служака наполнилъ двѣ кружки водкою

и опорожнивъ одну изъ нихъ самъ, передалъ другую молчаливому самоѣду. При вниманіи, оказанномъ ему служакою, послѣдній изъявилъ свое удовольствіе какою-то неразгаданною улыбкою, медленно выпилъ водку и, придвинувъ къ себѣ деревянную тарелку съ трескою, усердно занялся ею.

— Вино веселитъ сердце человѣческое, Климъ Ѡмичъ; началъ служака ...

— Такъ-то-такъ, да сей искусъ долженъ имѣть свое мѣрило, не должно упиваться виномъ — замѣтилъ подьячій.

— Ну, опять закорючка! Ужъ ты, приказное сѣмя, чернильное зелье, все-то не спроста — все наровишь или въ глазъ или въ бровь ... А какъ, ономясь, нализался въ Соловкахъ — такъ, небойсь, былъ и притчу!

— Грѣхопаденіе по слѣдамъ шествуетъ нашимъ, Михей Власичъ. Не всегда его удержишь, не всегда человѣкъ добру преданъ есть. И если правду молвить, почему я предался тогда винопійству, то, говорю откровенно, сердце мое сокрушалось за ближняго.

— Вотъ что! За кого жъ бы это?

— За тебя, Михей Власичъ!

— Ой ли?.. смотри пожалуй!... Какъ же это случилось?

— Очень просто. Больно мнѣ было, когда ты, ирой, принявшій за отчизну на рамена свои толикое множество ударовъ, предался увлеченію великому и съ магометомъ, аки съ братомъ кровнымъ, бесѣду повель дружескую ...

— Въ Соловкахъ-то?

— Да! Не проститъ тебѣ Господь сего грѣха неисходнаго ...

— Ну, братъ, Климъ Ѡмичъ, много ты видишь, да мало слышишь ...

— Молчу, и на брань отвѣта не изрекаю: смиреніе — добродѣтель высокая есть!

— Держись этого правила и никто не испортитъ тебѣ ѣдала, Климъ Ѡмичъ, отозвался старикъ. Только ужъ если на то пошло, такъ напрасно сокрушался ты и предался винопійству; не аки съ братомъ, говорилъ я съ магометомъ, а аки со старымъ знакомымъ; вотъ что, дружище!

— Позволю себѣ принять всякое заушеніе, если онъ тебѣ знакомый! Въ какихъ видахъ могло учиниться сіе?

— Длинна исторія, пріятель; да ужъ коли подзадорилъ ты меня, чернильный недовѣрокъ, такъ слушай ...

— Глаголь, буду внимать, отозвался подъячій, выпутывая медленно изъ множества складокъ своего пестраго платка тавлинку.

Служака приободрился, какъ будто бы съ воспоминаніями о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя онъ готовъ былъ передать своему собесѣднику, молодѣла душа его, крикнулъ и началъ:

— Былъ у насъ, примѣрно сказать, командиръ графъ Гудовичъ, лихой такой, что и упаси Боже ... Бывало, гдѣ ни на есть пройдетъ съ нашими братомъ—все съ дороги прочь! Или этакъ, къ слову молвить—осерчаетъ на турка, пройдетъ по рядамъ нашимъ, взглянетъ соколомъ, ухмыльнется молодецкою улыбкою, да и скажетъ: «Ребята! отслужи службу правую, поколоти нехрестя; зубастаго бей, лежачаго живьемъ бери» .. И махнемъ ... штыкъ на руку, перекрестимся, гаркнемъ молодецкое ура? — и пошла писать направо и налѣво ... Словомъ, правду сказать, съ нимъ понятнаго не знали ... Гдѣ ужъ онъ съ нами, тамъ врагу житья не было! .. Ну-съ, вотъ этакъ — около января 91 года, покойный князь Потемкинъ и скажи Гудовичу: «Зазнался, говорить, турокъ, возьми-ка у него, графъ, Анапу» .. Для солдата велѣно — сдѣлано! Возьму, говорить, ваша свѣтлость ... Поклонился, обернулся къ намъ, да и говоритъ: пойдемъ, ребята! Вотъ и пошли. Сначала, этакъ, въ Черкесіи подрались на Кубани ... дали мятку, трепанули врага, разбросали его направо и налѣво и, какъ теперь помню, 29 мая мы встали подъ крѣпостью *.

— Ну, и началась съча великая, я думаю? — спросилъ внимательный подъячій . .

— Погоди, Климъ Ѳомичъ, это не по нашенски ... ты ужъ думаешь, что русскій солдатъ встрѣтилъ врага, такъ ужъ и заушилъ его съ маху ... Тутъ, голова, порядка нѣтъ ... Надо было спросить прежде: хочетъ ли турокъ, чтобъ мы его поколотили и взяли крѣпость по приказу командирскому, или, не подставляя бритаго затылка—отдастъ онъ намъ Анапу? .. Вотъ на этотъ-то предметъ отъ насъ и послали *перламаеровъ*, то есть, это, такъ сказать, переговорщиковъ**.

— Ну, и чтожь магометы?

— Да что! ... вмѣсто отвѣта они принялись чугуномъ угощать нашихъ посланныхъ ...

* Дѣйствительно, графъ Гудовичъ, переправясь у прочнаго окоца, черезъ Кубань, съ соединенными корпусами кубанскимъ и кавказскимъ, былъ подъ стѣнами Анапы 29 мая. Смори Воен. Энци. Лек. Т. 1, стр. 403, и Записки графа Гудовича, стр. 645.

** Гудовичъ говоритъ: послѣ пожара, сдѣланнаго въ крѣпости, я посылаю трубача съ парламентаромъ, махавшимъ бѣлымъ платкомъ, о предложеніи сдать крѣпость на капитуляцію, но непріятель, вмѣсто отвѣта, началъ стрѣлять изъ пушекъ на посланныхъ отъ меня для переговоровъ». См. Записки его. стр. 647.

— Такъ ... извѣстно бо есть изъ разныхъ сказаній, что народъ сей злобѣсный и вельми звѣробойный, Михей Власьичъ.

— Слова нѣтъ, народъ злой, голова; да не этотъ казусъ замѣшался въ наше дѣло. Турокъ — то бы и того, пожалуй бы много и не ртался, а случился въ крѣпости, съ отрядомъ отчаянныхъ горскихъ головорѣзовъ, мулла ихній, то есть, не то, что мулла, а прахъ его знаетъ ... плуть, знаешь, этакой ... выжига, то есть!

— Э, злыдень, выходитъ; лжеучитель, сѣятель бѣсодѣянія, карминала и крамолы ...

— Ну, да, около этого!... Онъ-то, голова, и подзадорилъ всѣхъ; говоритъ: саламалыкомъ — не давайся русскимъ!..

— И дерзновенный же какой! — воскликнулъ Климъ Оомичъ.

— У! просто це роди мать на свѣтъ! Ужъ вѣстимо дѣло — на то пошелъ!..

— Такъ, такъ ... обрекъ себя на злодѣяніе и погибель вѣчную... Ну-съ, глагольте ... внимаю, Михей Власьичъ!

— Вотъ, братецъ ты мой, какъ провѣдало наше командерство о томъ, что этотъ пророкъ Шихъ-Мансуръ... Шихъ-Мансуровымъ прозывался онъ, видишь...

— И наименованіе-то, кажется, какое-то злодѣйское? замѣтилъ приказный.

Нѣтъ, у насъ говорили, что кличка по шерсти ... такъ себѣ — ничего, безъ задору, то есть ... Какъ смекнуло командерство, говорю я, что ласкою не усовѣститъ врага, такъ и назначило взять крѣпость приступомъ! Въ ночь на 22 іюня мы были готовы. Надо тебѣ кстати молвить, голова, что кто бывалъ въ дѣлѣ, тотъ знаетъ, что наканунѣ работы, если попадешь къ бивуачному огню, такъ рассказы о деревнѣ, думка о семьѣ — какъ-то не во-время щемятъ ретивое, и потому, право слово, грѣха таить нечего — тогда совѣсть-то да молодечество разухабистое, маенько и зазрятъ ...

— Какже, Михей Власьичъ, вѣдаю, что животь положить свой — дѣло великаго казуса есть, и горше горшаго, заключилъ подъячій, — для смертнаго разетаться съ жизнію!

— Постой, Климъ Оомичъ, не во-время рѣчь перебиваешь...

— Много виноватъ, Михей Власьичъ... глагольте, внимаю...

— Ну-съ, такъ вотъ, продолжалъ служака — всего лучше, если въ эту пору попадешь на службу: тутъ ужъ, братъ, раздумывать некогда, тутъ ужъ присягу да совѣсть — на линію, думку — въ дуло, а всѣ непрошеные казусы — въ суму. Мнѣ, голова, точно такъ и случилось... Въ эту ночь я стоялъ на цѣпи. Ночь темна ... ди-

станція порядочная ... народу было не много, и насъ крѣпко растянули... стою, наострилъ ухо, кругомъ поглядываю и курокъ на взводѣ ... вѣдь, братъ, горець, что тѣнь подкрадется, не увидишь ... Вдругъ ... глядь ... кто-то отъ меня недалече пробирается... Встрепнулся я ... примѣрился и приложился ... Пароль? — говорю ... молчокъ... Еще спросилъ—молчить... Еще ... то же! Эхъ, думаю, хватить пулю ... лагерь подымешь... Дай въ тихомолку *гисторію* кончу...

— Ирой ты, зѣло великій ирой, Михей Власычъ! — замѣтилъ подъячій: у меня бы въ сію горшую годину, продолжалъ онъ, сердце, аки лимонъ смердящій, сжалось бы отъ дрехлованія.

Разскащикъ не обращалъ вниманія на слова своего собесѣдника и продолжалъ: чтожь бы ты думалъ, какую штуку сочинилъ я?... Привинтилъ штыкъ ... выглядѣлъ, изнамѣрился — и царя въпередь... Кто-то застоналъ на два шага отъ меня, зашатался и упалъ... Ну, думаю, лежи .. придетъ рундъ, подберетъ тебя... Эхъ, братъ, продолжалъ солдатъ, — ввѣкъ не прощу себѣ этого удара...

— Какъ! вскричалъ приказный, — врага надо бить, воеже не посмѣлъ бы онъ бить тебя, и воеже не осилилъ бы онъ тебя!

— То-то и есть, голова, врагъ-то былъ — баба!

— Жена, сирѣчь?

— Ага! — Какъ бы ты думалъ?... вѣдь въ нашу корде баталію, дѣйствительно притащили дѣвчонку...

— Вотъ искусъ-то великій!

— Да; впрочемъ она еще жила ... Командерство, спросило ее, зачѣмъ, то есть, бродитъ она тутъ? И рассказала она, что шесть лѣтъ ищетъ въ горахъ Шихъ-Мансура ... думала въ эту ночь встрѣтиться съ нимъ — и наткнулась на мой штыкъ...

— Ну, и духъ предала свой?..

— Вѣстимо послѣ такой занозы сдобровать нельзя ... Имени мы ее не узнали, но послѣ плѣнные сказывали, что она была когда-то постояннымъ и вѣрнымъ слугою лжепророка. Ночь была близка къ разсвѣту: въ тихомолку снялись мы и пошли ... Долго рѣзались на стѣнахъ и въ завалахъ ... наконецъ одолѣли... Вошли въ крѣпость — все наше! Не сдается одна землянка: въ ней засѣлъ съ своими молодцами Шихъ-Мансуръ... Десять разъ кидались мы въ штыки и десять разъ отбивали насъ... * Вдругъ, въ рядахъ нашего взвода, который

* Когда крѣпость была уже очищена, то стрѣляли еще по войскамъ изъ одной землянки, куда скрылся лжепророкъ Шихъ-Мансуръ, съ 16 человекъ ему приверженныхъ. См. «Записки графа Гудовича», стр. 649.

штурмоваль землянку, явился рослый молодчина; у перваго фланговаго онъ вырвалъ ружье и бросился впередъ. Однимъ ударомъ приклада вышибъ дверь и всталъ какъ привидѣніе на ея порогѣ. Великанъ, должно быть, страшень былъ для горцевъ. Ни одна пуля не встрѣтила его, когда со стономъ раненнаго самъ Шихъ-Мансуръ, какъ изрѣзанный, упалъ къ ногамъ его... Мы взяли врага... Великанъ исчезъ. Въ тотъ же день командерство отправило Шихъ-Мансура въ Питеръ; я его конвоировалъ ... я же его и бралъ. Злодѣя послали въ Соловки на житье*.

— Ага! такъ ты его внезапно и встрѣлъ на семь островѣ...

— Ну, да, какъ старые знакомые, мы потолковали о томъ, о семъ, да и разстались... Вотъ, братъ, весь и грѣхъ мой, что я съ магометомъ побесѣдовалъ...

— Шихъ Мансуръ! въ раздумьи прошепталъ самоѣдъ... Имя знакомо... его у насъ, въ тундрахъ, позапрошое лѣто спрашивалъ какой-то высокій старикъ...

— Знаю, отозвался подъячій: старецъ сей три мѣсяца назадъ, какъ отправился на шнякѣ Назарова въ обскую губу — и о шнякѣ той ничего теперь невѣдомо... Гадательно, что она сокрушена бурями и вкусила погибель.

— Долго ли, голова, сказалъ служака: тутъ ходи, да оглядывайся... не вѣтромъ, такъ льдомъ пришибетъ, гдѣ ни на есть... Да еще, если грѣхомъ, попадетъ этакій кормщикъ, какъ нашъ Вавилычъ, — того и жди бѣды неминучей....

— Да, ввѣрять ему кормило — дѣло великаго зла есть, а тѣмъ паче и больше въ сей день.... Нынѣ Вавилычъ понедѣльничаетъ, Михай Власычъ, и все мудрованіе его обращено къ посту и смиренію и, вѣдай, что очи его не узрятъ погибели близкой....

— Вѣстимо, ужъ коли понедѣльничаетъ, такъ онъ не разстается съ книгой.... Однако, что это, Климиъ Оумичъ? тревожно прислушиваясь, спросилъ старикъ... Какъ будто бы *взводень-то*** утихъ... А?

— Ужъ не во льдахъ ли мы?

— Какъ во льды-то попались?.. все утро *красною бетью**** шли впередъ... Развѣ вѣтеръ зашелъ?....

* Лжепророкъ Шихъ-Мансуръ, по привозѣ его въ Петербургъ, былъ сосланъ, на *житье*, на Соловецкій островъ См. «Зписки Гудовича, стр. 649. — То же самое повторяютъ — Броневскій въ описаніи Кавказа, и Данилевскій въ сочиненіи: *Кавказъ и его горскіе жители*.

** Волненіе — мѣстное названіе.

*** Полнымъ вѣтромъ.

— А понеже бы сіе и могло учиниться, Михей Власичъ, то, какже, безъ нашего содѣйствія, Вавилычъ могъ пріютить къ верху вѣтрило ?..

— Да .... загадочная штука, отозвался въ раздумьи служака .... Пойдемъ, товарищи, взглянемъ, что напроказилъ тамъ нашъ постникъ. Собесѣдники, взволнованные предчувствіемъ, взяли за свои *треухи* * и уже готовы были выйти наверхъ, какъ громкое : набель! набель! ** сказанное испуганнымъ голосомъ кормщика, раздалось на палубѣ; оставшіеся нанизу въ страхѣ переглянулись между собою.

— Вотъ тебѣ и бѣда непрошенная! вскричалъ старикъ.

— Ахъ онъ злокачественный, горе-горькій плаватель, прошенталъ въ крайнемъ испугѣ подъячій.

Одинъ только молчаливый самоѣдъ, видимо равнодушный къ опаснымъ встрѣчамъ, быстро бросился впередъ, готовый больше дѣлать, чѣмъ разсуждать.

Служака и подъячій, ободренные его примѣромъ, послѣдовали за нимъ.

— Не пугайся, ободрись, Климъ Оомичъ! — шепнулъ первый.

— Чего — ободрись! отвѣчалъ Климъ Оомичъ, уничтоженный внезапною бѣдою. Трясовица, аки лихорадка, такъ и бьетъ меня .... руки немощны и ноги недвижны!....

II.

Служака, самоѣдъ и многорѣчивый Климъ Оомичъ вышли на палубу. Зрѣлище грустное и досадное представилось ихъ взору. Повисшій парусъ обвивалъ мачту, закрутившись концами въ снасти; шняку тащило теченіемъ прямо на льды, теперь явственно обрисовавшіеся угловатыми и грозными фигурами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ плавателей. Глухой шумъ отъ ихъ столкновенія и дробное паденіе ледяныхъ осколковъ, да неясный визгъ легкаго сѣвернаго вѣтра, пробѣгавшаго въ разрѣзахъ этихъ громадныхъ льдинъ, нарушали печальное безмолвіе, окружавшее судно нашихъ оплошныхъ промышленниковъ ... Уничтоженный нечаянностію, старикъ Вавилычъ оставался у руля безъ движенія и, повидимому, безъ всякой мысли.

— Держи голоменье (дальше въ море), лавай руль! крикнулъ слу-

* Самоѣдская теплая шапка, обложенная вокругъ лисьимъ хвостомъ.

** Такъ промышленники называютъ бѣдую, ровную полосу тумана, показывающуюся на горизонтѣ, которая есть вѣрный признакъ близкихъ льдовъ.

жака, бросившись къ кормѣ. Ей, вы!—продолжалъ онъ — сейчасъ выпокосимъ подъ-вѣтеръ .... *отцѣпывай бинетъ* *.

Вавилычъ и остальные его два товарища бросились къ мачтѣ, въ то время, какъ смѣтливый старикъ, сильною рукою положивъ руль направо, быстро привелъ шняку къ вѣтру. Судно дрогнуло и зарѣяло на легкой зыби океана, не принимая еще однако правильнаго направленія. Оторопѣвшіе товарищи Михея Власыча не успѣвали за его споркой, и парусъ, единственная ихъ надежда въ эту минуту, еще не наполнился вѣтромъ. Такая неловкость пріятелей сильно раздосадовала служаку ... Почти съ тоскою онъ оглянулся назадъ и вымѣривъ неравнодушнымъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее его ото льдовъ, передалъ руль самоѣду, а самъ бросился къ парусу.

— Ну, что вы тутъ копаетесь! вскричалъ онъ: не вмоготу, что ли, бинет-отъ отвязать?... Охъ вы, народъ!

— Да вотъ, Михей Власычъ, не могу распутать вервѣя, отозвался Клима Ѳомичъ.

— Такъ, голова: гдѣ бѣда, такъ вамъ все не вмоготу! Давай сюда!... И въ рукахъ старика, привычнаго къ труду и работѣ, въ одно мгновеніе распутался шкотъ. Парусъ легко колыхнулся, медленно отошелъ отъ мачты и, постепенно наполняясь вѣтромъ, скоро прибавилъ ходу погибавшей шнякѣ. Лица матросовъ, выражавшія до того испугъ, теперь ожили надеждою.

Довольный своею расторопностію и удачными ея послѣдствіями, старый солдатъ вопросительнымъ взглядомъ окинулъ товарищей, какъ бы говоря этимъ: знай нашихъ! самодовольно улыбнулся, крикнулъ и опустилъ руку въ карманъ лопты .... Лицо Клима Ѳомича также ожило и помолодѣло. Потирая отъ удовольствія руки, онъ съ плутовскою улыбкою поглядывалъ то на Вавилыча, то съ видомъ особеннаго подобострастія на карманъ Михея Власыча.

— А что, Клима Ѳомичъ? спросилъ послѣдній, вытаскивая беретовую тавлинку изъ своего кармана, — послѣ напасти, не отведемъ ли душу зеленчакомъ родимымъ? Съ этими словами служака сжалъ губы, какъ-то забавно искривилъ лѣвый глазъ и щелкнувъ по тавлинкѣ, подставилъ ее къ самому носу подъячаго.

— Нехристи, зельемъ питаются окаяннымъ! прошепталъ Вавилычъ, отворотившись и плюнувъ всторону.

— Почему же-съ!—отвѣчалъ Клима Ѳомичъ на слова служаки—

---

* Отвязать парусъ, чтобы уменьшить парусность.

я вѣдь не раскольникъ какой ни на есть... Подъячій лукаво улыбнулся и опустил руку въ тавлинку...

— А нешто, по твоему, раскольникъ хуже тебя? проворчалъ старикъ.

— За чѣмъ ты, Вавилычъ, изрыгаешь хулу на меня, и для чего мещешь взоры звѣровидные?... Не въ обиду и сокрушеніе твое сказалъ я, что я не раскольникъ ... а такъ, поелику сіе къ слову рещи привелось! замѣтилъ подъячій.

— Молчи, крапивное сѣмя, писулька чернильная ... знаю я тебя; всегда наровишь чѣмъ ни на есть уколоть человѣка, отозвался Вавилычъ.

Климъ Ѳомичъ, повидимому, обидѣлся такимъ нескромнымъ замѣчаніемъ товарища. Губы его вытянулись, голова ушла въ плечи — и подъячій съ гордою осанкою выступилъ впередъ.

— А если за сей извѣтъ я разрѣшу шуйцѣ своей сдѣлать по ланитамъ твоимъ великое заушеніе?... Что ты на это скажешь? спросилъ онъ.

— Ну, братъ, поѣхало дальше ... Не тронь, не ворошь, когда на руку не хорошъ, — равнодушно отозвался старикъ. Смотри, вѣдь возьму тебя въ ежовые, свяжу узломъ, да какъ негодную луковицу и выброшу за бортъ ... Вотъ что, чернильный орѣхъ! Слышь, аль нѣтъ?

— Внемлю и вижу, — отвѣчалъ подъячій, уходя назадъ, — что ты великій злыдень, способный на всякій карминаль, и не хочу тебя творить жертвою моей львиной храбрости!..

— То-то! побереги-ко скулы-то: вѣдь испорчу, — жевать нечѣмъ будетъ!

— Э, эхъ, товарищи! замѣтилъ служака, съ особеннымъ любопытствомъ наблюдавшій ссору стараго раскольника и храбраго приказнаго ... Хорошо ли это, по христіански ли дѣло дѣлаете?... Еще бѣда на носу виситъ, а вы, какъ голодныя собаки, за кость, шерсть оборвать готовы другъ у друга.

— Не тронь и не вызывай на грѣхъ! сказалъ Вавилычъ ... Что вы это затѣяли? Самъ говоришь, бѣда на носу, а набиваешь свой носъ грѣховнымъ зельемъ!

— Большой грѣхъ — нюхнуть малую — толику!..

— Сирѣчь — не кощунство какое! подхватилъ Климъ Ѳомичъ ...

— Голова ты этакая! считаешь за напасть понюхать табаку, а подчасъ водкой налижешься такъ, что и лыкомъ не везешь. Небойсь, это зелье не грѣховное ... Самъ понедѣльничаешь, а на брань вызывать не боишься! — продолжалъ солдатъ.

— Толкуй; зажмутъ тебѣ носъ въ клещи пылающія...
Служака и подъячій готовы были что-то отвѣчать на возраженіе Вавилыча, какъ вдругъ сильный ударъ въ подводную часть шняки, бросилъ судно направо и налево, поваливъ говорившихъ съ ногъ. Ударъ повторился съ новою силою, и прежде, чѣмъ промышленники успѣли прійти въ себя отъ недоумѣнія, глухой шумъ, при быстромъ и разрушительномъ вздрагиваніи шняки, раздался впереди ея и единственная мачта судна съ трескомъ рухнула на палубу... Въ ту же минуту и руль разлетѣлся въ щепы...

— Вазиса! вазиса! (горе! горе!) — *языкъ!* вскричалъ самоѣдъ...

— Языкъ! языкъ! * съ ужасомъ повторили всѣ.

Минута была страшная и торжественная. Вполовину разрушенное судно, подаваемое съ кормы приливомъ, било о льдину и бросало, какъ щепку. Легкая зыбь, возмущенная частымъ паденіемъ шняки, превратилась около нее въ волненіе — и волны, шумя, то со стономъ и визгомъ разбѣгались по сторонамъ, то съ новымъ свистомъ напирали на судно. Каждый всплескъ подвѣтренной волны грозилъ разрушеніемъ. Къ довершенію гибели и безнадежнаго положенія промышленниковъ, громадныя льды, какъ неумолимые и грозные великаны, медленно двигались къ шнякѣ, готовые рухнуть на нее всею своею тяжестью. Вавилычъ первый успѣлъ выбиться изъ-подъ паруса, накрывшаго, при паденіи, промышленниковъ. Первою его мыслию было броситься внизъ за баграми, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, какъ съ крикомъ: «Вода! вода! пробоина въ шнякѣ!» вернулъ назадъ, потерявъ привычную отвагу и бодрость. Теперь, четыре разнохарактерные лица этой страшной драмы представляли разительный контрастъ между собою. Связанные общою участію, пораженные общимъ несчастіемъ, каждый изъ нихъ, по своимъ понятіямъ и душевнымъ силамъ, не видя ни въ чемъ и нигдѣ спасенія, готовъ былъ встрѣтить смерть и гибель... Подъячій, храбрый только на словахъ, уже при первомъ ударѣ шняки о подводный ледъ лишился разсудка и со стономъ упалъ на палубу. Но при словахъ Вавилыча онъ нѣсколько пришелъ въ себя, и окинувъ бессмысленнымъ взглядомъ окружавшихъ его, могъ прошептать только:

— Вода? гдѣ вода, кормилецъ Вавилычъ?... Откачивайте ее, братія... да не поглотитъ насъ бездна зіяющая! Равнодушный и без-

* Языкъ (Atongne) есть кусокъ подводнаго льда, простирающійся иногда на значительное пространство. Языки эти весьма опасны. Такъ, англійскій военный шлюпъ Guardian, въ 1789 г., потерпѣлъ сильное бѣдствіе при подобной встрѣчѣ. См. Хронологич. Ист. пут. въ сѣв. полярн. странахъ — Берха, стр. 154.

страшный самоѣдъ, презрительно улыбкою отвѣчалъ на слова Клима Омича. Дикарь флегматически надвинулъ на глаза свой мохнатый треухъ и прислонился къ борту шняки, посматривая изъ подлобья на молящагося Вавилыча. Казалось, неумолимая смерть встрѣтила въ обитателяхъ шняки жертвы, покорныя и безсильныя, которыя не рѣшались оспаривать у ней своей жизни... Не раздѣлялъ этой мысли одинъ старый служака. Знакомый съ опасностями всякаго рода, въ полѣ и на океанѣ, онъ только спѣшилъ высвободиться изъ-подъ накрывшей его парусины педва только высвободился, какъ, не теряя ни минуты, принялся за дѣло.

— Такъ — то, товарищи! вскричалъ онъ: ай-да мореходы!.. Срамники вы этакіе! Бога не боитесь: бѣда пришла, такъ вы и въ воду? Вѣдь коли все завалитесь ничкомъ на палубѣ, такъ вѣстимо, намъ не уйти отъ смерти.

— Смерть—посланіе Божіе, тихо отозвался Вавилычъ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что это не испытаніе за грѣхи наши?.. На что жъ тебѣ Господь далъ руки и ноги? Коли ты самъ, на улицѣ, сунешься подъ лошадь, а не перебѣжишь дорогу, такъ, вѣстимо, самъ себя и убилъ. Отмахивайся отъ бѣды, пока въ моготу. Такъ и тутъ: еще не совсемъ бѣда прихлопнула, время не ушло, спастись можно.

— Спасти? Какъ спастись, Михей Власычъ? глаголь... глаголь! вскричалъ подъячій, очнувшійся при одной мысли о спасеніи. Сохранимъ животъ свой и не предадимъ его алкающей смерти.

— Научи! сказалъ самоѣдъ, выброшенный впередъ ударомъ ледяной глыбы, набѣжавшей на шняку.

— Просто, товарищи, не робѣй только, да поварачивайся живѣе.. Идите все внизъ, забирайте что можно: порохъ, съѣстное, моржовки *. Свалимъ все на первую льдину, сами переберемся на нее...

— И поплывемъ! съ радостною улыбкою замѣтилъ Клима Омичъ.

— Поплывемъ! поплывемъ! отозвались Вавилычъ и самоѣдъ.

— Вѣстимо, продолжалъ солдатъ.. а тамъ, Богъ не безъ милости, какъ-нибудь выберемся къ берегу...

— Да онъ же и недалеко, какъ мнѣ кажется, подхватилъ Вавилычъ; мы теперь въ Карскихъ - Воротахъ и недалече отъ Новоземли...

— Ну, такъ къ дѣлу!..

— Къ дѣлу! къ дѣлу! Благослови Господи!

* Винтовки, которыми бьютъ моржей.

Спустя четверть часа, ободренные несчастливцы, съ небольшимъ запасомъ сухой трески, съ двумя парами багровъ и топоровъ, лишенные средствъ достать въ затопленныхъ шаксахъ порохъ и винтовки, перебрались на льдину. Вырубивъ удобныя для помѣщенія впадины въ своемъ новомъ судиѣ, промышленники оттолкнулись отъ шняки и счастливо миновавъ подвижную гряду льдовъ, вышли въ открытое море..

Между тѣмъ, легкій дотого вѣтеръ начиналъ крѣпчать, усиливаясь съ каждою минутою. Густая вьюга, или *пурга*, какъ называютъ ее поморяне, закрутилась облаками надъ моремъ, и скоро непроницаемый мракъ, возмущаемый визгомъ и ревомъ волнъ, раскинулся надъ океаномъ. Льдина, какъ оснащенное судно, зарываясь въ волнахъ, быстро летѣла впередъ, готовая, казалось, рассыпаться каждое мгновение подъ ударами бѣшеной волны. Оглушительный вой вѣтра, визгъ вьюги и шумъ вспѣннаго океана, лишали промышленниковъ всякой возможности подать другъ другу голосъ. Молча, съ замирающимъ отъ ужаса сердцемъ, окостенѣвшіе отъ холоду и облитые водою, несчастные, въ какомъ-то мертвенномъ оцѣпененіи, ждали послѣдней своей минуты... Вдругъ послышался ударъ, потомъ другой... льдина дрогнула, сбросила съ боковъ своихъ нѣсколько зыбкихъ осколковъ и, кружась, тихо поплыла впередъ. Удары, теперь уже довольно легкіе, только задерживавшіе ходъ льдины, безпрестанно раздавались около нея. Въ ту же минуту стихъ шумъ волнъ и вѣтра. Этотъ страшный и быстрый переходъ отъ сокрушительнаго завыванья урагана къ необыкновенной тишинѣ поразилъ и изумилъ несчастныхъ пловцовъ.

— Живъ ли, Михей Власычъ? спросилъ подъячій, дрожа отъ ужаса.

— Живъ. А ты?..

— Не вѣдаю, чему сія диковина приличествуетъ?..

— А что, ужъ ты думаешь, не попали ли мы во чрево китово?..

— Вскую же глумишься надо мною, Михей Власычъ: воистину диковина великая есть!

— Именно, диковина великая. Богъ помиловалъ насъ грѣшныхъ, мы во льдахъ!

— Какъ!.. затерты?.. вскричалъ подъячій.

— Ну, да... Ушли отъ вѣтра и волны... здѣсь отстоимся, а на утро, Богъ дастъ, погода стихнетъ, льды отойдутъ...

— И потомъ на берегъ!

— Ну, какъ случится, отозвался Вавилычъ, — можетъ еще трепанетъ насъ порядкомъ, если здѣсь не раздавить...

— Не раздавить, сказалъ служака: не надо только дремать, да

покрѣпче держись; если сильно стукнемся или гдѣ-нибудь прижметъ — тогда сейчасъ за багоръ, да и на сосѣдную льдину.

На этомъ предметѣ разговоръ завязался между двумя старыми промышленниками. У каждаго изъ нихъ довольно было на памяти подобныхъ примѣровъ; было о чемъ вспомнить, чѣмъ размыкать горе настоящаго положенія. Бесѣда, поддерживаемая и другими лицами, длилась наконецъ дотого, что, не смотря на понедѣльникъ, Вавилычъ предложилъ выпить по чарочкѣ. Запасливый служака, перебираясь со шняки на льдину, не забылъ боченка съ пѣннымъ, и потому, всегда снисходительный на подобную ласку, онъ тотчасъ же принялся хозяйничать. Чара пошла по рукамъ бѣдствующихъ. Скоро тоска не много отлегла отъ сердца промышленниковъ, продрогнувшее тѣло ихъ согрѣлось нѣсколько, и неизбежное слѣдствіе лишней чарки — дремота начала одолаживать бѣдныхъ пловцовъ. Самоѣдъ захрапѣлъ первый, за нимъ Вавилычъ и подъячій, укутавшись въ свои влажные совики, прилегли на льдину; не спалъ одинъ только служака; не одну грозную ночь скороталъ онъ въ былое время, также на шагъ отъ смерти и бѣды; не одинъ разъ, измученный бессонницею и трудами походной жизни, онъ бодро ходилъ на встрѣчу опасности и новому труду. Теперь, какъ и прежде, Михай Власычъ, разогрѣвъ старую кровь свою, былъ почти доволенъ настоящимъ положеніемъ и, мало заботясь о его непрочности, безнечно затянулъ пѣсню...

— Кого это ты, медвѣдей или тюленей потѣшаешь, Михай Власычъ? — спросилъ въ просоньи разбуженный Вавилычъ.

— Да, тебя и подъячаго, дружище! — отозвался служака. Если вы, мокрые моржи, еще будете спать, такъ мнѣ придется спѣть вамъ похоронную ... слышишь, аль нѣтъ? Вѣдь, вотъ, какъ хватить вамъ въ бокъ, неожиданно — негаданно, какая-нибудь сосѣдка, такъ вы словно сухой листъ съ осины и посыпите въ воду.

— Правду молвишь, Власычъ: но не вмоготу только, дремота-то больно сильна...

— Ну, совладай какъ ни на есть съ нею, осиль ее... Ты, приказная кавыка — продолжалъ служака — чего нос-отъ ущемилъ въ совикъ. Слышь, Климъ Ѳомичъ, проснись! тебѣ говорю.

— Ась? . чего?.. тонемъ? вскричалъ подъячій, подпрыгнувъ на мѣстѣ.

— Нѣтъ еще, а случиться можетъ, если не перестанешь спать.

— Да когда око слѣпотствуетъ, будто сладью медовою намазанное...

— Приободришь...

— Да немощень есть, всяческое бодреніе — не властно...

— А вотъ я тебя попотчую травой — будилкой...

— Разумно вздумано, давай-ко, Михей Вasilyчъ...

— Изволь; только какъ, голова, передать тебѣ тавлинку? скользко, ползкомъ недоберешься; пожалуй и свихнуться недолго. Слышь, Вавилычъ, продолжалъ служака, услужи братъ: передай тавлинку приказному.

— Съума ты спятилъ, служивый!.. чтобы я взялся за эту ока-
янную посудину...

— Полно, Вавилычъ, замѣтилъ подъячій: въ семь казусѣ всякое мудрованіе прилично; подумай, что черезъ зеліе сіе я обрящу спасеніе.

— Важная притча!.. Какой искусъ велить мнѣ идти за твою гряз-
ную душеньку въ адъ кромешный...

— Охъ, ты!.. прямой раскольникъ! проворчалъ обиженный Клима Омичъ: и въ челюстяхъ смерти не силенъ смирить своего злонавія; передай, что ли...

— Не хочу...

— Волкъ ты блудный, семя неразумное... помысли, коль велика и
многостроптва твоя злокачественность!..

— Ладно — толкуй себѣ... А коли охота пришла испортить носъ,
такъ потянись самъ, за табачищемъ, нюхоблудъ...

— Вскую же ты изрыгаешь на меня всякую скверну и важденіе,
хулитель!.. Въждествую, что не исправимъ ты есть... и творю тебѣ
прощеніе.

— Спасибо на милости...

Спорящіеся смолкли на минуту; но неугомонный Клима Омичъ
не могъ хранить долгаго молчанія и снова началъ:

— Передай, что ли, Вавилычъ!.. Ктому же и самъ ты, обуре-
нный сномъ, можешь въ волнахъ сихъ пріять смерть. Помысли: вели-
кое добро сотворишь, если вкусишь самъ зелія табачнаго и чиханіемъ
доброгласнымъ изгонишь дремоту.

— Отвяжись, пустозвонъ! сказалъ Вавилычъ.

— А вѣдь и впрямъ, старина, подхватилъ служака, — онъ го-
ворить правду! нюхнулъ бы малую-толику.

— И, ни-ни!

— Чего, ни-ни! смотри, вѣдь такъ и кланяешься, словно прощенья
у насъ просишь... Ей, нюхни...

— Не могу, лучше погибну, чѣмъ оскверню свои пальцы и носъ.

— Ну, такъ хоть не заѣдай радости у другаго: передай та-
влинку Климу Омичу.

— Вавилычъ! — подхватилъ приказный — благоволи же на сію ми-
лость, многократно здравія пожелаю тебѣ за добро, тобою содѣянное...

Вавилычъ молчалъ; замѣтно было, что покорность таварища готова была пересилить въ немъ невѣжество и грубую закоренѣлость. Климъ Оомичъ, прозорливый, какъ бывший дѣлецъ, понялъ волненіе и шаткость желаній стараго раскольника и снова, еще болѣе вкрадчивымъ голосомъ, повторилъ свою просьбу.

— Ну, инъ быть такъ! рѣшительно сказалъ старикъ: давай, Власычъ, тавлинку; грѣхъ и скверна на душѣ вашей...

— Пусть такъ! отозвался приказный, принимая завѣтный зеленчакъ изъ дрожащихъ рукъ Вавилыча.

И едва только успѣлъ онъ поднести къ носу первую щепоть табаку, какъ что-то тяжелое упало въ воду, рядомъ съ льдиною. Испугъ лишилъ рукъ Клина Оомича и раскрытая тавлинка покатила внизъ, по ребрамъ льдины.

— Что это? вскричалъ подъячій, слышите?..

Но никто не отвѣчалъ на слова его. Общее предчувствіе близкой бѣды навѣяло страхъ и ужасъ на товарищѣй приказнаго. Опытные мореходы, они угадали по плеску въ минуту стихнувшей волны, что въ воду упалъ не кусокъ оторвавшейся льдины... Дѣйствительно, не прошло и мгновенія, какъ тяжелое дыханіе и потомъ протяжный ревъ, раздались у основанія льдины...

— Ошкуй! ошкуй! * вскричали служака и Вавилычъ.

— Ошкуй! съ невыразимымъ ужасомъ повторилъ подъячій.

— Ошкуй! гдѣ? Давайте топоръ! отозвался проснувшійся самоѣдъ.

— Лучше сначала принять его баграми! замѣтилъ служака.. Ну, не робѣй, братцы!.. Струсимъ — всѣмъ несдобровать!.. Суматоха на льдинѣ сдѣлалась общею: кто хватался за топоръ, кто за багоръ. Одинъ только Климъ Оомичъ, творя молитву, свернулся какъ сурокъ въ своей ямѣ и укрывая голову совикомъ, готовъ былъ, по своей львиной храбрости, безъ бою уступить свое тѣло звѣрю. Между тѣмъ, медвѣдь, цѣпляясь за гладкое ребро льдины и пытаясь взобраться на верхъ, съ глухимъ рычаньемъ обрывался въ волны и отъ его сильныхъ толчковъ льдина вертѣлась и дрожала какъ плшка.

— Бей его баграми!.. вотъ онъ, здѣсь! вскричалъ самоѣдъ, безстрашно повиснувъ на закраинѣ своего шаткаго судна.

Три багра свиснули въ воздухъ, и будто направленные одною рукою, достигли цѣли... Громкій и протяжный ревъ раненаго звѣря

* Такъ поморцы называютъ бѣлаго медвѣдя.

не испугалъ, но ободрилъ смѣлыхъ промышленниковъ, испытавшихъ первую удачу.

— Бей еще, братцы! сказалъ Вавилычъ, — изнамѣрся только хорошенько.

— Его нѣтъ, замѣтилъ самоѣдъ.

— Да, да, подсказалъ служака — звѣрь нырнулъ ... онъ зайдетъ съ другой стороны.

— Э ... плохо! отозвался Вавилычъ; тамъ ребро льдины уступами ... онъ доберется до насъ ...

— Не робѣй, товарищи; бери топоры, только не бросайся разомъ: выжди время, выгляди косматую голову, да и руби, благословись, въ черепъ. Кто первый? сказалъ Власычъ.

— Я! давай топоръ! отозвался самоѣдъ. Дѣло бывалое: въ позапрошлую зиму, на Колгуевѣ, одинъ отъ двухъ отдѣлался.

Съ этими словами храбрый дикарь, вооруженный топоромъ, осторожно сползъ на одинъ уступъ, ниже верхней площадки льдины, сбросилъ на землю совику и шапку и, затаивъ дыханіе, какъ неподвижный кусокъ льдины, оставался на мѣстѣ нѣсколько мгновеній, смѣло выжидая врага. Снова дрогнуло убѣжище промышленниковъ, пронзительное фырканье и сердитое рычанье сказали о близкомъ присутствіи звѣря.

— Не робѣй! шепнулъ Вавилычъ, нагнувшись къ самоѣду.

— Те! молчи ... близко .. отозвался послѣдній.

— Гдѣ?

— Лапы вижу ... молчи!

— Руби лапы . .

— Те ... голова!

И вслѣдъ затѣмъ мертвое молчаніе, страшное и ужасное, по общему положенію дѣйствующихъ, воцарилось во льдахъ.

Громадной величины звѣрь, осторожно, какъ будто подслушавъ и разумѣя слова промышленниковъ, медленно выказалъ надъ обрывистою закраиною свою продолговатую морду, повелъ ею вокругъ, обнюхалъ воздухъ, и скрылся ...

— Что? въ полголоса спросилъ служака.

— Спрятался, плутъ ... Чу! хитеръ ... перебирается на вашу сторону ...

— Ну, такъ стой ... не сходи съ мѣста ... я его попотчую! сказалъ Вавилычъ ...

— Не тронься! быстро отозвался самоѣдъ ... ты прямо ввалишься ему въ пасть. Я его выслѣдилъ, — я и бью ...

Снова согнувшись, дикарь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и почти столкнулся съ страшнымъ врагомъ своимъ ...

— Не зѣвай! крикнись онъ . . . Топоры! Пронимаю ...

Топоръ свистнулъ, мелькнулъ въ воздухѣ и по обуху вѣзался въ черепъ медвѣдя ...

— Бить! есть! повторилъ самоѣдъ ...

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать шагъ назадъ, жестоко раненый звѣрь съ оглушительнымъ ревомъ прынулъ на заднія лапы и бросился на врага своего ...

— Сжалъ! рветъ!.. бейте его! кричалъ задыхающійся храбрець, смятый въ могучихъ лапахъ медвѣдя ...

Вавилычъ и служака бросились было на помощь товарища, но звѣрь и человѣкъ, закрутившись по льдинѣ, рухнули уже въ море... Глухой ревъ и протяжный стонъ раздались въ молчаніи ночи ... И снова, легко взволнованная струя океана, обнявшись надъ своими жертвами, потекла обычнымъ путемъ своимъ ...

— Погибъ молодчина! печально сказалъ Вавилычъ.

— Царство ему небесное и покой вѣчный! отозвался подъячій, трепетно вѣдушивавшійся во всю происходившую подлѣ него сцену. Ну, а ошкуй? спросилъ онъ.

— Тамъ же, гдѣ и самоѣдъ, отвѣчалъ служака.

Опечаленные нѣсколько потерей славнаго товарища, промышленники въ нѣмомъ молчаніи, занятый каждый своими мыслями, имѣвшими впрочемъ общую цѣль, дождались зари.

Только бури и ураганы, въ полярныхъ странахъ, растягиваютъ лѣтнія ночи. Обыкновенно въ штиль и ясную погоду, солнце еще не успѣетъ окунуться въ волны океана на западѣ, — какъ пурпуровая заря на востокѣ сказывается о близкомъ днѣ.

Едва только розовая тѣнь утра легла дымчатою полосой на вершинахъ громадныхъ льдовъ, какъ грозныя тучи минувшей ночи, разорванными клочьями, точно стада гагъ, которыя обогащаютъ Колгуевъ своимъ нѣжнымъ пухомъ, разбѣжались по небу, очистивъ совершенно горизонтъ ... Утренніе лучи солнца свѣтлыми иглами прорѣзали туманную даль океана, открывъ взгляду промышленниковъ узкій проходъ въ тѣснинѣ неподвижныхъ льдовъ.

Искреннею молитвою привѣтствовали пловцы тихое и спокойное утро океана. Не теряя времени, при помощи багровъ, они направили вперёдъ свою льдину, и быстро двинулись въ путь, не зная, куда ведетъ онъ ихъ — къ гибели или спасенію. Съ каждою саженью ихъ плаванія,

тѣснина расширялась все болѣе и болѣе, и наконецъ, еще не совсѣмъ стихшая поверхность океана открылась ихъ взгляду ..

Можно себѣ представить восторгъ и счастье странниковъ, когда, въ далекой синевѣ тумана, имъ показались блѣдныя фигуры городскихъ строеній ...

— Батюшки! отцы и кормильцы! вскричалъ подъячій: днесь великое диво совершается въ очахъ нашихъ; принимаю всяческую напастъ на себя и подставляю всякому свою потылицу, если сей градъ — не градъ Пустозерскъ!

— Ну, братъ, трудно вѣрится, замѣтилъ Вавилычъ ... эвто не Пустозерскъ ...

— Хе! а по твоему разумѣнію какой ни на есть аглицкій портъ, сирѣчь становище? съ усмѣшкою спросилъ подъячій.

— Скаль зубы-то, сколько хочешь, продолжалъ старикъ, а всё-таки это не Пустозерскъ.

— Вѣстимо, голова, вмѣшался служака, — твой Пустозерскъ у тебя за потылицей, какже онъ могъ случиться передъ носомъ, когда мы идемъ теперь къ ночи (къ севѣру)?... Да и забылъ ты, что вчера вечеромъ мы ужъ были на траверзѣ Колгуева ... Больно скоро плаваешь, приказный!

— Ну-съ, а какое же сіе видѣніе? прошу истолковать внушительно ... Ну-съ, извольте, рцыте!

— Рцыте! презрительно сказалъ Вавилычъ: и говоришь-то какъ-то не по-людски ...

— Сану моему не подобаетъ глаголати инаково ...

— По человѣчески-то! не подобаетъ?...

— А развѣ я выражаю чувствованія мои и идеи мудрыя по звѣриному?.. Я выражаюсь высоко и слово мое, аки горняя птица, вьтаетъ, недосыгаемая для очей вашего разума!

— Вотъ какъ!..

— То-то, такъ! Ты, вотъ, объясни, какой градъ сей?

— Обожди маненько; дай *опятнать* * берегъ, тогда скажу.

Между тѣмъ, съ каждымъ движеніемъ льдины впередъ, туманъ рѣдѣлъ постепенно и, наконецъ, когда онъ совершенно разсѣялся, внимательному, полному тоскливаго и тревожнаго ожиданія взгляду промышленниковъ вырисовался въ отдаленіи низменный берегъ. Купы зеленаго кустарника вились по его закраинѣ, отражаясь въ спокойной поверхности моря, за ними желтою змѣйкою взбѣгала на-гору дорога, по сто-

* Опятнать — обознать мѣстное выраженіе.

ронамъ которой тамъ и сямъ раскидывались ветхія хижины. Направо, у обрывовъ горы, чернѣлись между стройными соснами и пушистыми ивами кресты сельскаго кладбища. Налѣво, какъ бы за предмѣстьемъ, которое составляли передовыя хижины, стройно вытягивалась обширная улица города, застроенная чистыми домиками. За ними, на склонѣ горизонта, блисталъ крестъ православной церкви.

Декорация этого ландшафта навѣяла отраду и восторгъ на души страдальцевъ. Съ воплемъ радости они бросились въ объятія другъ другу — и снова устремили глаза, полные слезъ, къ берегу, въ которомъ видѣли близкое спасеніе и конецъ всѣхъ бѣдъ своихъ.

— Десять лѣтъ хожу въ этихъ мѣстахъ, а такого города не видывалъ, сказалъ Вавилычъ, протирая глаза. Или зрѣніе ужъ плохо, или, право слово, ужъ нашъ ли это городъ ... можетъ какой ни на есть другой націи ...

— Нашъ, нашъ Вавилычъ! подхватилъ солдатъ: сердце вѣщунъ!

— Еще бы! сказалъ Климычъ. Вонъ и крестъ сіяетъ во облацѣхъ на церкви!.. Только, что это... плывемъ, плывемъ, а градъ сей словно на понятный утекаетъ отъ насъ... да и ...

На этомъ и раскрытый ротъ подъячаго остался безъ движенія и только морганіе глазъ его выказывало, что искаженная фізіономія приказнаго выражаетъ крайнее изумленіе.

— Ну, что ты? спросили старики, поглядывая въ недоумѣніи то на зеленый берегъ, то на раскрытый ротъ Клима Омича.

— Да какже, зрите: вѣдь крестъ былъ ... мы его обрящли ... гдѣ же онъ витаетъ теперь?..

И въ самомъ дѣлѣ, крестъ, ярко горѣвшій въ лучахъ утренняго солнца на церкви, исчезъ совершенно. Вскорѣ, какъ бы легкій туманъ спустился надъ берегомъ; въ немъ, сначала, постепенно блѣднѣя, исчезла задняя декорация; ландшафта ... потомъ кладбище, наконецъ предгорье, и скоро, едва замѣтною полоскою, какъ бы подымаясь вверхъ вмѣстѣ съ туманомъ, только блѣдно зеленою каймою рисовался далекій берегъ ...

— Что же это такое? почти со стономъ прошепталъ Климычъ Омичъ ...

— Ничего больше, какъ наважденіе, спокойно отозвался Вавилычъ: такъ и зналъ, что это, просто, наважденіе ... это, братцы *маревы* *.

вотъ оно што!..

* *Маревы*, явленіе отъ преломленія лучей, извѣстное вообще подъ названіемъ миража. О подобныхъ явленіяхъ въ полярныхъ моряхъ говорятъ многіе путешественники и особенно замѣчаетъ о нихъ въ своихъ запискахъ капитанъ (нынѣ Вице-Адмиралъ) Литке.

— Марево! марево! поникнувъ печальной головой, грустно повторяли промышленники. Но въ то же мгновение радостный вопль ихъ приветствовалъ новое видѣніе, хотя не такъ роскошное по своей обстановкѣ, но болѣе вѣрное и дѣйствительное!..

— Новая земля! Новая земля! крестясь и протягивая впередъ руки, шептали они.

Дѣйствительно, какъ я сказалъ, послѣднее явленіе не было слѣдствіемъ обманчиваго дѣйствія рефракці полярнаго солнца. И на этотъ разъ, въ томъ же разсѣянномъ туманѣ обрисовался безжизненный и ровный берегъ острова новой земли. Скучный *шалыникъ* *, какъ будто поломанный бурей, стлался по землѣ, исчезая у подошвы горъ, которыя, взбѣгая по сѣвѣрозападному берегу, все выше и выше, замыкались громадною вершиною *Первоусмотрѣнной* **. Легкій туманъ носился надъ этими горами, играя и переливаясь въ сотнѣ цвѣтовъ подъ яркими лучами солнца. У береговъ, на разбросанныхъ льдинахъ, юравы (стада) неподвижныхъ моржей и нѣсколько рѣявшихъ надъ ними тулапановъ ***, служили единственными представителями жизни этого суроваго по природѣ и печальнаго по наружности острова.

Какъ бы сговорившись, промышленники взялись разомъ за багры, и, ободря другъ друга голосомъ и взглядомъ, принялись за работу...

III.

День вечерѣлъ, когда наши промышленники оставили свою льдину и перебрались на островъ. Скоро миновалъ ихъ восторгъ, когда мертвая, безжизненная и бѣдная пустыня, гдѣ не слышалось ни звука, ни голоса живаго существа, гдѣ не мелькало ни одной свѣжей травки, напоминала имъ о той печальной и страдальческой жизни, полной лишеній и новыхъ бѣдъ, какую они должны будутъ проводить здѣсь.

Не унывалъ теперь только одинъ Вавилычъ, бывалый мореходъ и хорошо знакомый съ островомъ.

— Ну, перекрестись, братцы! сказалъ онъ, да и пойдемъ... По южнѣ должны быть двѣ избы, тутъ, какъ-то, я помню, лѣтъ пятокъ назадъ было становище мезенскихъ звѣролововъ.

* мелкій кустарникъ—единственное растение острова,

** Гора, по опредѣленію штурмана Пахтусова, возвышающаяся на 1800 ф.

*** Порода чаекъ.

— Вотъ бы исполнились сердца наши радостію великою, еслибы да могли мы обрящить пепелища сихъ звѣробоевъ, сказалъ Климъ Омичъ.

— Не худо бы! поддакнулъ служака, взваливая на плечи свою драгоценную ношу — на половину убавленный боченокъ съ пѣннымъ.

Скитальцы двинулись впередъ къ ущелью, за которымъ, по расчету Вавилыча, должно было встрѣтить пристанище, хотя необитаемое, но тѣмъ не менѣе отрадное и драгоценное для нашихъ бѣдныхъ промышленниковъ.

Чѣмъ далѣе уходили промышленники внутрь острова, тѣмъ замѣтнѣе исчезала на немъ жалкая и скудная растительность. Только голыя скалы, увѣнчанныя снѣгомъ и обсыпанные на уступахъ сѣрымъ камнемъ, казавшимся чернымъ при ослѣпительной бѣлизнѣ вершинъ, — видѣлись направо и налево. Дикія птицы, залетныя гости новой земли, возмущенныя близкимъ шелестомъ, съ визгомъ вылетали изъ разсѣлинъ горъ, направляя тревожный полетъ свой къ морю.

— Смотри-ко, братцы! вскричалъ Вавилычъ: да вѣдь на островѣ-то есть люди ...

— А како мнится сіе?

— Кто тебѣ сказалъ, Вавилычъ?..

— Да поглядите: вотъ свѣжіе слѣды на землѣ ...

— И впрямъ, отвѣчалъ старый солдатъ, внимательно разглядывая указанный слѣдъ. Только, продолжалъ онъ, не будь этотъ слѣдъ похожъ на сапогъ, я бы, по величинѣ его, право, принялъ за медвѣжій. Пойдемте же по этимъ слѣдамъ!

— Пойдемте! впередъ!

И обрадованные промышленники почти бѣгомъ пустились впередъ по проторенной въ тѣснинѣ тропинкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они завидѣли вдали избу, обнесенную частоколомъ. Направо, почти у самаго частокола, возвышались двѣ свѣжихъ насыпи, съ поставленными на нихъ крестами.

— Вотъ, кто — то далеко отъ родной деревни, на чужбинѣ, сложилъ свои косточки! замѣтилъ служака.

— И вѣрно, нашъ братъ, промышленникъ.

— Отважный пловецъ бурныхъ морей сихъ! подхватилъ краснорѣчивый Климъ Омичъ.

— Ну-ка, съѣдемъ ли кого? Благослови Господи! сказалъ старикъ вожатый, подходя къ избѣ.

Не нужно было отвѣчать на вопросъ Вавилыча, когда промышленники переступили порогъ избы. Только-что истопленная печь и въ ней нѣ-

сколько камней, на которыхъ лежалъ кусокъ жареной оленины, свѣжія шкуры медвѣдя, брошенные на лавкахъ, да пара моржевокъ, приставленныхъ въ уголь, какъ нельзя болѣе ручались за обитаемость хижины. Однако хозяина въ ней не было. Не смотря на это, изнуренные голодомъ, промокшіе до костей и усталые скитальцы — безъ церемоніи снимали свои совики и лопты, развѣсивъ ихъ у печки. Вавилычъ бросился на лавку, въ то время, какъ Климычъ Омичъ, обладавшій замѣчательнымъ обоняніемъ и прозорливымъ глазомъ, устремилъ все свое вниманіе на жареную оленину.

— А вотъ, Михай Власычъ, намъ и потрапезовать есть чѣмъ, сказалъ онъ. Съ этими словами подъячій уже готовъ былъ взяться за оленину, какъ громко зарокотавшій въ горахъ выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ раненый олень, промчавшійся у порога избы, уничтожили его аппетитъ.

— Э! сказалъ онъ, да тутъ обитаютъ наши совоинственники, съ пищалями и самопалами.

— А вотъ увидимъ ... кажется, кто — то подходитъ къ избѣ.

Дверь скрыпнула на ржавыхъ петляхъ и на порогѣ ея показался сухой и блѣдный старикъ. Не смотря на сгорбленный станъ его, ростъ незнакомца могъ казаться необыкновеннымъ. И когда сѣрые, мрачные глаза его блеснули улыбкою при встрѣчѣ неожиданныхъ гостей, Власычу показалось что-то знакомое въ чертахъ пришельца.

— Ба, ба! вскричалъ онъ — старый знакомый!..

— Развѣ ты знаешь меня? спросилъ старикъ, окидывая внимательнымъ взглядомъ служака и его товарищей.

— Еще — бы!... ты-то меня не знаешь, а я тебя помню. Вѣдь, братъ, землянку — то въ Анапѣ мы съ тобой вмѣстѣ штурмовали. Эге! я еще не забылъ, какъ ты размашисто работаешь прикладомъ.

Казалось, слова Власыча вызвали какое-то непріятное и тревожное воспоминаніе въ душѣ старика. Онъ медленно и въ какомъ — то раздумьи кивнулъ головою, какъ бы говоря этимъ: да, это такъ.

— Вотъ гдѣ довелось встрѣтиться! продолжалъ служака ... Тебя какъ занесло сюда?..

— Длинна исторія. Вотъ спасибо вамъ, что вы пришли на мой сигналъ.

— На твой сигналъ? спросилъ Вавилычъ.

— Ну да, развѣ не ваша шняка подъ вѣми парусами гуляла вчера у острова и сегодня еще утромъ виднѣлась за льдами?

— Нѣтъ, голубчикъ, нашу шняку вчера вечеромъ расколотило въ

щепы, недалеко отъ Колгуева, а сегодня мы приплыли сюда на льдинѣ.

— Вѣрно, точно также случилось и съ тобою, старый товарищъ? спросилъ Власичъ.

— Да. Только, я думаю, вамъ была сюда дорога, а мнѣ ужъ никакъ, съ примѣтною грустью отвѣтилъ старикъ.

— Такъ за чѣмъ же ты здѣсь?...

— Ровно шесть мѣсяцевъ, каждый день и каждый часъ я спрашиваю себя объ этомъ, и тяжело мнѣ, и горько отвѣчать самому себѣ. Не русскій я, но пришелъ къ русскимъ издалека, чтобы взглянуть въ землѣ ихъ на могилу моего земляка, или поглядѣть на его исхудалое, изможденное горемъ и тоскою тѣло, которое, вѣрно, скоро сляжетъ въ эту никѣмъ не оплаканную могилу... Есть у васъ островъ, куда, говорятъ, всѣ ваши христіане приходятъ молиться святымъ?

— Таковой обрѣтается на Бѣломъ морѣ и Соловецкимъ нарѣченъ, сказалъ Клима Омичъ.

— Такъ .. да ... теперь вспомнилъ... Соловецкій! На этомъ островѣ тотъ, кого ищу я.

— Да, ктожь бы это? спросилъ Власичъ. Ужъ не тотъ ли ... какъ его ... татаринъ-то ... Шихъ — Мансуръ!..

При этомъ имени глаза старика засверкали, какъ раскаленный уголь.

— А ты развѣ знаешь его? спросилъ онъ, не скрывая своего волненія.

— Еще бы!... Говорятъ же тебѣ, что я штурмовалъ въ Анапѣ его землянку ... я же его и конвоировалъ. Да чего лучше: назадъ тому нѣсколько дней, вотъ ихъ спроси, — даже и бесѣдовалъ съ нимъ.

— Такъ онъ живъ?..

— Да что ему дѣлается!.. Пища хорошая, во всемъ покой ... домишко есть ... садикъ ... инвалидъ все подастъ, принесетъ, уберетъ ... живи, хоть пѣсни пой ... Ну, да провалъ его возьми!... рассказывай, какъ ты-то сюда попалъ? — заключилъ служака.

— Ты хочешь знать? отозвался старикъ послѣ недолгаго молчанія и раздумья. Изволь, слушай. Въ Пустозерекѣ, кормщикъ шняки мѣщанина Назарова, за небольшую плату взялся меня доставить на Соловецкій островъ. Едва только мы вышли въ море, какъ начались противные вѣтры, а потомъ и штормы. Въ нѣсколько дней шняку раскачало дотого, что она едва могла держаться на волнахъ, и чтобы не погибнуть, мы, по общему согласію, спустились къ Колгуеву. Въ ту же ночь, затертые льдами, потеряли судно и въ числѣ трехъ человѣкъ, съ небольшимъ запасомъ пороху и хлѣба, на льдинахъ достигли этого берега. Жестокая зима встрѣтила насъ здѣсь. Уцѣлѣлъ я только одинъ, товари-

щи мои умерли, и я схоронилъ ихъ подлѣ этой избы. Последній изъ нихъ, умирая, просилъ, чтобы я поставилъ кресты на ихъ могилахъ, говоря, что если когда-нибудь здѣсь будутъ православные, то они узнаютъ могилу земляка и помолятся надъ ней... Два мѣсяца, безъ нихъ, одинъ, какъ будто одинъ въ цѣломъ мѣрѣ, готовый почти отвыкнуть отъ человѣческаго языка, бродилъ я здѣсь, и день, и ночь по скаламъ и по берегу моря, и только въ первый разъ замѣтилъ вчера парусъ. Не теряя ни минуты, я бросился на скалы и разложилъ огонь: шняка мелькнула у берега, и, какъ будто бы раздражая мою тоску и мое отчаяніе, снова исчезла въ морѣ. Сегодня утромъ, рано, я видѣлъ ее за льдами, но спасителей моихъ нѣтъ.

— Будутъ, отозвался Вавилычъ. Шняка боится въ бурю подойти къ берегу; но дай ему утихнуть, и мы спасены.

— Чу! постоите! вскричалъ старикъ... слышали?

— Да! да! радостно повторили промышленники: выстрѣлы! — это насъ зовутъ.

— Одѣвайтесь, братцы! берите моржевки... живо! командовалъ Власычъ.

— Скорѣй! скорѣй! повторяли всѣ въ голосъ, въ то время, какъ частые выстрѣлы, разсыпаясь громкимъ эхомъ въ прибрежныхъ скалахъ, слышались все ближе и ближе.

Четверо страдальцевъ, обрадованные неожиданнымъ и нечаяннымъ благополучіемъ, бросились изъ избы къ берегу моря.

— Такъ, такъ, парусъ!... Господи, Боже мой! парусъ! кричалъ Вавилычъ, первый завидѣвъ шняка и на ней мезенскихъ знакомцевъ...

Есть на сѣверовосточной сторонѣ — Соловецкаго острова Бальденская пристань. Единственный предметъ, который можно замѣтить теперь на берегу ея — это домикъ и изба, построенные для рыбаковъ; но прежде, лѣтъ за шестьдесятъ предъ симъ, берегъ этотъ оставался пустыннымъ и только въ глубинѣ его, у небольшого озера, расположенъ былъ неискусной постройки домикъ, съ примыкавшимъ къ нему садомъ, болѣе похожимъ на огородъ, обнесенный частою и высокою деревянною рѣшеткою. Домикъ этотъ былъ построенъ для одного чужеземца; со смертію его забыли и домикъ, онъ обветшалъ и время уничтожило его впоследствии. Возвратимся не надолго къ этому прошлому.

Спустя семь дней, послѣ описанныхъ нами сценъ на Новой-Землѣ, рано утромъ, за рѣшеткою сада, въ домикѣ Бальденской пристани, показался мужчина. Средній ростъ его и бодрая, воинственная осанка, выказывали въ немъ силу и какую-то особенную энергію, которой нѣсколько измѣняли блѣдность лица, опушеннаго черною съ рѣдкою просѣдью бородою, и задумчивая неподвижность глазъ. Медленно обойдя гряды, онъ разсѣянно взялъ желѣзную лопату, ловко, безъ всякаго принужденія, перекинулъ ее съ руки на руку, грустно покачалъ головою и, печально улыбаясь, сказалъ по-чеченски довольно громко:

— Работа эта хорошо знакома тебѣ, Шихъ-Мансуръ!... въ садахъ Кизляра ты изучилъ ее ...

— Для того, чтобы сѣмѣть вырыть себѣ преждевременную могилу! слышались насмѣшливыя слова сзади заключеннаго, сказанныя на томъ же нарѣчій.

Какъ уязвленный змѣею, Шихъ-Мансуръ вздрогнулъ всеѣмъ тѣломъ и отпрыгнулъ нѣсколько шаговъ назадъ. Предъ изумленными его глазами, за рѣшеткою сада, выпрямившись во весь свой гигантскій ростъ, стоялъ нашъ знакомый странствователь, котораго мы встрѣтили на Новой-Землѣ.

— Батырь-Ша! прошепталъ мулла, едва приходя въ себя отъ ярости и изумленія.

— Да, Шихъ-Мансуръ, это я, учитель твой... Не пугайся, я не изъ гроба пришелъ къ тебѣ; ты, кажется, все еще считаешь меня мертвымъ?..

— Нѣтъ, предатель!... послѣ страшной встрѣчи съ тобою въ Анапѣ — я понялъ, что рука моя измѣнила мнѣ ...

— За то, утѣшься — я не измѣнилъ моей клятвѣ, которую далъ тебѣ въ Каратюлеѣ ... и, видишь, вездѣ по слѣдамъ твоимъ ...

— Уйди ...

— Зачѣмъ?.. дай полюбоваться твоею славою, дай досказать тебѣ то, чего не знаешь ты изъ своей исторіи ...

— Все, все знаю! молчи ... не вызывай грознаго прошедшаго ...

— Нѣтъ, не все! Ты знаешь только, что я съ Клычемъ завелъ васъ въ Кизлярскія болота, но никто не сказалъ тебѣ еще того, что я выкупилъ проданнаго тобою брата изъ плѣна, что я выдалъ тебѣ его красавицу Чиркени и вооружилъ на тебя кровнаго и сдѣлалъ его непримѣримымъ врагомъ твоимъ!... А Айканы?..

— Айканы! Айканы! неужели и она повѣрила клеветѣ? Она бросила меня! съ отчаяніемъ вскричалъ Шихъ-Мансуръ.

— Да, когда ее бросили въ Аргунъ. .

— Въ Аргунь!.. Не лги, Батырь-Ша! не отравляй ядомъ страшной правды, послѣдней, счастливой мысли моего сердца...

— Все для мукъ твоихъ!.. Айканы брошена въ Аргунь вмѣсто Чиркени, гибель которой она приняла на себя добровольно. Знай, Шихъ-Мансуръ... Пхе! проклятіе! какой ты шейхъ?.. Степной заяцъ, пойманный въ русскій капканъ... Да, Мансуръ, это я увѣрилъ глупую дѣвчонку, что ты разлюбилъ ее и отдалъ ласку и сердце еврейкѣ.

Киргизъ самъ не зналъ о томъ, какъ спасена была Айканы и считалъ ее погибшею. Шихъ-Мансуръ слушалъ послѣднія слова его съ глубокимъ отчаяніемъ. То ужасъ, то ярость попеременно отражались въ глазахъ его... Лицо его было блѣдно, губы дрожали, и наконецъ, невыдержанные слезы, какъ тяжелыя капли растопленного свинцу, повисли на рѣсницахъ муллы...

Батырь-Ша захохоталъ...

— Довольно! сказалъ онъ торжественно... Я привелъ тебя къ гибели... я отомстилъ тебѣ ту дерзость, съ которою ты подарилъ мнѣ встрѣчу позорнаго презрѣнія въ степяхъ... Я любовался теперь твоимъ униженіемъ... Страдай, Мансуръ, плачь какъ ребенокъ, рыдай какъ женщина, надъ жалкимъ трупомъ своихъ безумныхъ затѣй! Въ родныхъ степяхъ не откликнется на вопль твой, и не родной заступъ заростъ тебя въ чужой землѣ!..

Съ этими словами Батырь-Ша, бросивъ на свою жертву взглядъ презрѣнія, медленно побрелъ къ берегу моря...

И долго, долго, терзаясь всеми пытками тоски и страданія, глядѣлъ вслѣдъ ему заключенный...

ПУСТОПороЖНЕЕ МѢСТО.

Повѣсть Мери.

БОЛЬШАЯ ДОРОГА.

14 июня 1836 года, голденъ-кросскій дилижансъ, выѣхавъ изъ Лондона и миновавъ прелестную деревеньку Бѣкъ, остановился среди чистаго поля передъ домикомъ, одиноко стоявшимъ на оксфордской дорогѣ. Пробыло три часа.

Кучеръ передалъ возжи и плеть молодому человѣку, имѣвшему честь сидѣть возлѣ него на козлахъ. Молодой человѣкъ, не смотря на то, что былъ въ цвѣтныхъ перчаткахъ, не принадлежалъ къ почтенному сословію джентльменовъ. Впрочемъ, его весьма легко можно было принять за *таковаго* по красивой наружности и шляпѣ *qui capit ille facit*; эта шляпа была сѣрый *Water-proof* и приобрѣтена у Пайфьена.

Джонъ Лайвли, повидимому, не понималъ всей важности сдѣланнаго ему отличія. Онъ распустилъ возжи, и лошади, которыя въ Англіи вообще стараются воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ показать свою рысь — такъ онѣ озлоблены противъ желѣзныхъ дорогъ — двинулись съ мѣста, и на Джона Лайвли посыпались проклятія изъ глубины *outside*.

Кучеръ, занимавшійся вливаніемъ себѣ въ горло хереса, прибѣжалъ на крикъ и увидѣлъ себя въ необходимости отнять возжи изъ недостойныхъ рукъ Джона Лайвли.

— Вотъ и прекрасно! — сказалъ мистеръ Джонъ Лайвли, — я могу выйти и пропустить въ горло стаканчикъ содовой воды.

Войдя въ домикъ, онъ потребовалъ себѣ соды.

Ему подала соду сама хозяйка, женщина лѣтъ двадцати двухъ, прелестная брѹнетка, въ полномъ блескѣ молодости и красоты. Она принадлежала къ разряду тѣхъ существъ, которые являются только въ сновидѣніяхъ ... и ... ну, словомъ сказать: она была самая идеальная женщина. Черныя съ синимъ отливомъ волосы кудрями скатывались по плечамъ и шеѣ. Самая шея ... но такую шею можно встрѣтить только на женскихъ портретахъ англійскихъ кипсековъ. Лицо ея было исполнено какого-то чуднаго простодушія, какое обыкновенно замѣчается на лицахъ барышень, только-что выпущенныхъ изъ пансіона. Вся она очень живо напоминала типъ честерскихъ женщинъ. Большіе черные глаза, тонкія рѣсницы, будто проведенныя китайской тушью, прелестно устроенный ротъ, губки въ родѣ двухъ розовыхъ лепестковъ, — словомъ, все дышало въ ней какою-то необыкновенной красотой. На хозяйкѣ было папиновое платье, сшитое по послѣдней модѣ и чрезвычайно ловко обозначающее ея прекрасныя формы. И эта женщина собственноручно подала нашему герою содовой воды на три пенса.

Молодой человѣкъ, покуда пилъ соду, не отводилъ глазъ отъ хорошенькой англичаночки, и потомъ, выпивъ свой невинный напитокъ, онъ все продолжалъ смотрѣть на нее, какъ будто взоры его какою-то сверхъестественной силой были прикованы къ ея прелестнымъ чертамъ. Очень можетъ статься, что онъ пробылъ бы всю жизнь въ этомъ созерцательномъ положеніи, еслибъ кучеръ, родомъ ирландецъ, не напомнилъ ему, что пора ѣхать. Джонъ Лайвли неохотно вышелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто въ дилижансѣ, какъ-разъ позади козель.

Четверня лихихъ лошадей быстро понесла дилижансѣ по оксфордской дорогѣ, распустивъ гривы по вѣтру. Джонъ Лайвли не спускалъ глазъ отъ постепенно исчезающаго вдали

домика и очень сожалѣлъ, что такъ быстро отъ него удаляется.

— Что это, какъ мы тихо ѣдемъ, проговорилъ джентльменъ величественной наружности, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

Джонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы полагаете, сэръ, сказалъ кучеръ, что мои лошади не довольно шибко бѣгутъ?

— Лошади вообще возятъ очень медленно, отвѣчалъ джентльменъ, — но чтожъ дѣлать: такова ужъ у нихъ натура: вѣдь не парь въ нихъ дѣйствуетъ.

— Да, не парь, отвѣчалъ кучеръ, ну, да вѣдь, за то съ ними нечего опасаться и взрыва.

— Взрыва! Боже мой, какъ замѣтно, что вы кучеръ, сэръ.

— Да и въ васъ, сэръ, нельзя не замѣтить, что вы инженеръ манчестерской желѣзной дороги.

Эге! подумалъ мистеръ Джонъ Лайвли.

Мистеръ Крупъ (такъ назывался величественный джентльменъ, или инженеръ — что все равно) — обратился къ Джону, пожалъ плечами и принялся насвистывать какую-то пѣсенку.

Въ это время дилижансъ поднялся на гору, заросшую лѣсомъ; дорога шла черезъ просѣку, изъ которой открылся очаровательный видъ въ долину оксфордскаго графства. Джонъ Лайвли съ глубокимъ вздохомъ бросилъ послѣдній взглядъ назадъ и задумался.

Кучеръ услышалъ вздохъ мистера Лайвли и принялъ его къ свѣдѣнію: оба они были ирландцы. Возница рѣшилъ быть его утѣшителемъ и начать эту роль въ Оксфордѣ, гдѣ имъ слѣдовало остановиться въ тотъ день для обѣда.

Прибывъ въ Оксфордъ, дилижансъ остановился въ трактирѣ. Мистеръ Крупъ вышелъ изъ экипажа.

— Этотъ мистеръ Крупъ, сказалъ кучеръ Джону Лайвли — ужасный гордецъ. Вамъ, я думаю, куда какъ было неприятно съ нимъ сидѣть?

— О, нѣтъ, любезный Патрикъ, отвѣчалъ Джонъ, — я его вовсе не замѣчалъ.

— Да, продолжалъ кучеръ, это пренеблагонамѣренный человекъ; онъ заклятой врагъ кучеровъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Впрочемъ, я думаю, пора намъ и по-

обѣдать. Сойдемте-ка, сэръ... Мы еще успѣемъ потолковать съ вами.

Обѣдъ уже ожидалъ путешественниковъ. Во Франціи совершенно напротивъ: путешественники должны всегда ждать обѣда. Трактирщикъ, въ черномъ платьѣ и съ преогромными манжетами, нарѣзалъ ростбифъ и напѣнилъ кружки портеромъ Бэркли и Перкинса. Джонъ Лайвли ѣлъ очень мало; послѣ обѣда онъ отправился купить себѣ пару бѣлыхъ перчатокъ и между-прочимъ сталъ мечтать о прелестной незнакомкѣ.

Вскорѣ потомъ дилижансъ отправился дальше въ Бирмингамъ.

— Вы можете быть покойны, шепнулъ кучеръ мистеру Лайли: мистеръ Крупъ остался въ Оксфордѣ.

Джонъ Лайвли надѣлъ бѣлыя перчатки, поправилъ свои бѣлокурые волосы и, нахлобучивъ шляпу до ушей, снова помѣстился въ дилижансъ. Четверня заржала въ одинъ голосъ, кучеръ шевельнулъ возжами и дилижансъ покатился вдоль Оксфорда; и направо, и налѣво замелькали дома, домики, сады и заборы.

Во всѣхъ окнахъ и на балконахъ видны были неподвижныя головки англичанокъ, смотрѣвшихъ на проѣзжавшій дилижансъ. Онѣ казались акварельными портретами мильона кипсековъ и женщинъ Шекспира и Байрона. Лайвли перелистывалъ глазами этотъ прелестный альбомъ и снова, съ глубокимъ вздохомъ, обратился къ полудню, куда тянула его какая-то неодолимая сила.

О, клянусь честью!.. Пусть только прекрасная незнакомка, съ большой дороги, покажется на минуту въ Оксфордѣ, — тамошнія дамы сойдутъ съ ума съ досады и перебьютъ всѣ стекла въ окошкахъ.

Дилижансъ, миновавъ городъ, покатился къ прелестной деревенькѣ Ольдъ-Вудстокъ. Дорога съ обѣихъ сторонъ была окружена лугами, деревьями, цвѣтами, которые такъ пріятно нѣжили взоры. Густой и высокій лѣсъ, окружающій замокъ Древній-Вудстокъ, видѣнъ издалека. Тамъ жилъ нѣкогда Кромвель, о которомъ, въ настоящее время, у тамошнихъ жителей не осталось ни малѣйшаго воспоминанія.

Мистеръ Джонъ Лайвли въ эту эпоху нашего разказа меньше всего на свѣтѣ думалъ о Кромвелѣ. Передъ нимъ не-

видимо несло какое-то воздушное существо. Онъ не обращалъ вниманія ни на окружавшую его природу, ни на солнце, которое съ послѣдними лучами своими проливало столько любви обожаемой имъ ночи.

Вы все думаете о давишной встрѣчѣ? спросилъ Патрикъ Джона Лайвли. Вы, мистеръ, ирландецъ, а стали молчаливы, какъ англичанинъ.

— Я люблюсь природой, отвѣчалъ Лайвли: она здѣсь очень хороша, а все не то, что у насъ, въ Эринѣ.

— Надѣюсь! Да у насъ въ такой замокъ, какъ этотъ Вудстокъ, не помѣстили бы и свиней! А были ль вы, мистеръ Лайвли, въ Ирландіи, послѣ кончины вашего батюшки?

— Нѣтъ. Да что мнѣ тамъ дѣлать?

— Конечно. А славный былъ человекъ — ваше покойный батюшка. Я его разъ сто провезъ изъ Ливерпуля въ Бирмингамъ, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ. Я думаю, батюшка не много вамъ оставилъ; вотъ ужъ, можно сказать, былъ честный человекъ!

— Ничего, или почти ничего. Мнѣ досталось только пусто-порожнее мѣсто съ хижиной близъ Страффорда, на Манчестерской дорогѣ.

— Вы тамъ и живете?

— Да, Патрикъ, тамъ и умру. Я въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ еще въ Манчестерѣ на шелковой фабрикѣ мистера Люйса Швеба, но онъ закрылъ свое заведеніе и распустилъ работниковъ.

— Искали вы работы въ Лондонѣ?

— Какже, искалъ.

— И не нашли?

— Я пробылъ въ Лондонѣ всего только два дня. Мнѣ тамъ не понравилось и я воротился къ себѣ ѣсть пататы, которые растутъ у меня въ огородѣ, и пить виски.

— И прекрасно. Но вѣдь этого недостаточно, и если жить на свѣтѣ ...

— А развѣ непременно нужно жить?..

— Вы вѣрно не женаты? У васъ нѣтъ дѣтей?

— Нѣтъ. Я женюсь тогда, когда буду въ состояніи крестить своихъ дѣтей въ соборѣ Св. Патрика, при благовѣстѣ всѣхъ дублинскихъ колоколовъ.

— Ну, такъ вы умрете холостякомъ.

— Это все-таки лучше нежели умереть женатымъ.

— Вы въ Лондонѣ пробыли двое сутокъ; чтожъ вы тамъ видѣли хорошаго?

— Очень мало. Да, представьте себѣ, Патрикъ, что англичане сочинили на мой счетъ цѣлую пьесу. Проходя по Флотской улицѣ, я замѣтилъ толпу народа, разбиравшаго по складамъ афишу, приклеенную къ стѣнѣ. Я подошелъ поближе — и что же, Патрикъ? На афишѣ огромными буквами было напечатано:

ТЕАТРЪ АДЕЛЬФИ.

Огромное стеченіе публики. Первое представленіе пьесы:

Ирландецъ въ Лондонѣ.

У меня потемнѣло въ глазахъ и сердце готово было разорваться на тысячу кусковъ. Я пустился бѣжать, самъ не знаю куда. Лондонскій воздухъ душилъ меня и въ тотъ же вечеръ я оставилъ Лондонъ, отряхнувъ прахъ его отъ ногъ моихъ, и, вѣроятно, уже никогда болѣе не ворочусь туда.

— Ну, за это, сэръ, мудроно ручаться.

Дилижансъ по прежнему продолжалъ катиться по дорогѣ между деревней Гемли и Бирмингамомъ. Джонъ Лайвли прервалъ молчаніе:

— А часто останавливаетесь вы у этого домика — спросилъ онъ Патрика, — что близъ Бѣка, гдѣ мы пили содовую воду?

— Случается, отвѣчалъ Патрикъ. Иногда я останавливаюсь у Чиппинъ — Вайкомба, иногда у Гойгъ — Вайкомба, а иногда и у Бѣка.

— Знаете вы эту лэди, что подавала мнѣ соду?

— Нѣтъ, я видѣлъ ее въ первый разъ. Да, вотъ ужъ можно сказать красавица!

— Послушайте, Патрикъ, не правда ли, странно, что такая прекрасная и нарядная лэди содержитъ буфетъ на большой дорогѣ?

— Мнѣ странно только, отвѣчалъ Патрикъ, что вы обратили на это вниманіе. Послушайте, сэръ: мнѣ кажется, вы влюблены въ эту лэди?

— Перестань, Патрикъ, что за вздоръ: я совсѣмъ не влюбленъ; только мнѣ очень удивительно... что... я отдалъ бы

послѣдніе свои пять фунтовъ, чтобы только узнать исторію этой лэди.

— Ну, этаго, я думаю, будетъ ужъ слишкомъ.

— Рѣшительно отдалъ бы.

— Послушайте, мистеръ Лайвли, мнѣ кажется я могу избавить васъ отъ напраснаго расхода, только повремените немного. У меня есть братъ, содержатель трактира, Красный Левъ, въ Вайкомбѣ; а вамъ извѣстно, что трактирщики все знаютъ. Я пораспрошу его завтра на счетъ лэди изъ бѣкскаго домика ...

— Ахъ, какъ я тебѣ буду благодаренъ, Патрикъ. Вотъ ... видишь ли ... Можетъ быть, исторія этой лэди пролетѣтъ свѣтъ на одно обстоятельство ... тайну ... однимъ словомъ ... ну, да ты, вѣрно, меня понимаешь?

— Довольно, довольно! не распространяйтесь, сэръ; я все понимаю, какъ нельзя лучше ... Успокойтесь, сдѣлайте одолженіе ... А гдѣ вы намѣрены остановиться въ Бирмингамѣ?

— Въ Гартъ-Айнъ, на рыночной площади, противъ статуи Нельсона.

— Черезъ три дня я у васъ побываю.

— Ахъ, любезный Патрикъ, ты сдѣлаешь мнѣ болѣе не-жели величайшее одолженіе ...

— А знаете ли, сэръ, мнѣ сдается, что вмѣсто содовой воды, вамъ подали любовнаго зелья.

Джонъ Лайвли не возражалъ и весь погрузился въ самосозерцаніе.

— А вотъ и Бирмингамъ, сказалъ Патрикъ.

Небо было ясно и при яркомъ мерцаніи звѣздъ и мѣсяца можно было рассмотреть дремлющій городъ, съ его церквами, башнями и великолѣпными палатами. Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы тихо проливали на него свое серебряное сіяніе, и городъ, со своими окрестностями, медленно погружался въ дремоту, какъ работникъ, спѣшащій отойти ко сну, чтобы укрѣпить свои силы къ тяжкимъ трудамъ, ожидающимъ его завтра.

II.

ПУСТОПОРОЖНЕЕ МѢСТО МИСТЕРА ДЖОНА ЛАЙВЛИ.

Четыре дня спустя, мистеръ Джонъ Лайвли прохаживался по большой дорогѣ изъ Бирмингама въ Гемли, за шесть часовъ до проѣзда голденъ — кросскаго дилижанса.

Солнце уже начинало по немножку склоняться къ западу. Джонъ Лайвли безпрестанно, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ, поглядывалъ на солнце, стараясь рассчитать по немъ время; онъ очень походилъ на школьника, который ожидаетъ звонка, возвѣщающаго окончаніе классовъ. Онъ то и дѣло прислушивался, не слышно ли стука знакомаго дилижанса.

Наконецъ солнце сѣло. Въ концѣ дороги сквозь сумерки виднѣлась группа высокихъ деревьевъ, медленно помахивавшихъ своими развѣсистыми вѣтвями. Вскорѣ изъ-за деревьевъ появилась какая-то черная точка, тихо подававшаяся впередъ; раздался конскій топотъ и вотъ однообразное дребезжаніе гаекъ и винтовъ, возвѣстило приближеніе Патрикова дилижанса. Лайвли бросился ему на встрѣчу; Патрикъ не узналъ его въ потемкахъ; онъ принялъ мистера Лайвли за полоумнаго и поспѣшно остановилъ лошадей.

— Нѣтъ ли свободнаго мѣста? спросилъ мистеръ Лайвли, едва переводя духъ.

— А, это вы, мистеръ Лайвли? Всѣ заняты. У меня сидятъ даже двое сверхъ комплекта. Я очень спѣшу. Прощайте; черезъ часъ — увидимся въ Бирмингамѣ.

И дилижансъ тронулся въ путь, и по дорогѣ снова раздались топотъ и дребезжанье.

— Въ Бирмингамѣ? сказалъ про себя мистеръ Лайвли, и, подумавъ немного, пустился скорыми шагами по дорогѣ.

— Что онъ хочетъ сказать мнѣ—въ Бирмингамѣ?— продолжалъ онъ, — въ Бирмингамѣ! Патрикъ на этомъ словѣ сдѣлалъ особенное удареніе. Да, я вижу, онъ понялъ, что я безъ памяти влюбленъ въ эту дѣвушку, и мнѣ кажется въ голосъ его было что-то такое, что можно перевести такъ: будьте покойны, я сообщу вамъ радостныя вѣсти... въ Бирмингамѣ... прощайте; черезъ часъ въ Бирмингамѣ! Какое странное обстоятельство. Прелестная дѣвушка, или лучше, сифида, продаетъ на большой дорогѣ содовую воду и, повидимому, очень довольна своимъ положеніемъ. Но Патрикъ разгадалъ эту тай-

ну и ... о Боже мой! Наконецъ и я узналъ, что такое любовь, и еще любовь безъ взаимности ... Теперь для меня важнѣе всего, какъ можно скорѣе узнать тайну этой дѣвушки и тогда... о! тогда одно ея слово должно рѣшить: жить мнѣ, или умереть ... И такъ въ Бирмингамъ, въ Бирмингамъ!..

Джону Лайвли было двадцать четыре года, и въ сердцѣ его клокотали чувства, готовыя каждую минуту вырваться наружу и хлынуть огненнымъ потокомъ; но онъ вовсе не былъ мечтателемъ, потому-что преждевременное горе и несчастіе сдѣлали его опытнымъ и подавили въ немъ юношескую дурь.

Мистеръ Лайвли, тихо понуривъ голову, сидѣлъ у рѣшетки большаго бирмингамскаго рынка и съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ Патрика, распрягавшаго лошадей. Ночь была темна и Джонъ каждаго прохожаго принималъ въ темнотѣ за Патрика.

Наконецъ ирландскій возница явился; онъ едва переводилъ духъ отъ усталости. Лайвли съ жаромъ прижалъ его къ груди, и молчаніе его и судорожное пожатіе рукъ, въ тысячу разъ краснорѣчивѣе всякихъ вопросительныхъ знаковъ, выражали желаніе поскорѣе узнать разгадку мучившей его тайны.

— Важныя новости, сказалъ Патрикъ, важныя новости! Но, дайте мнѣ, ради Бога, отдохнуть.

— Говорите, говорите...или нѣтъ, отдохните сперва. Пойдемте въ Нью-стритъ, тамъ будетъ удобнѣе бесѣдовать ... Что же за новости?

— Да, мистеръ Лайвли, важная новость! Устройство Манчестерской линіи желѣзной дороги — отмѣнено.

— Ахъ! а я думалъ ...

— Я привезъ мистера Крупа изъ Оксфорда въ Бирмингамъ. Онъ остановился въ Оксфордѣ, чтобы видѣться съ какимъ-то знаменитымъ ученымъ, и тотъ доказалъ, какъ дважды два — четыре ...

— Но, скажите, Бога ради, видѣли ли вы своего брата, трактирщика Краснаго Льва? съ нетерпѣніемъ спросилъ мистеръ Лайвли.

— Погодите, объ этомъ послѣ...И такъ, этотъ знаменитый ученый и говоритъ: да, что, говоритъ....

— Что же сказалъ вамъ братъ насчетъ этой лэди?

— А, да ... какже! Я видѣлъ брата; я не забылъ вашего порученія.

— Ну, такъ чтожь вы отъ него узнали?

— Ничего.

— Ничего?

— Ну, да; онъ ее совсѣмъ не знаетъ; никогда не видалъ и ничего о ней не слыхалъ.

— Но какъ же вы не пораспросили ... кого-нибудь изъ сосѣдей.

— О! какъ не спрашивать! Помилуйте, я, мнѣ кажется, ни одного человѣка не пропустилъ, да чтожь прикажете дѣлать, если никто ее не знаетъ! Сегодня утромъ я останавливался у ней, чтобы спросить ее самое. Потребовалъ себѣ стаканъ портвейна, выпилъ его; отдалъ деньги; она, по обыкновенію не приняла, вѣрно, хочетъ задобрить, чтобы я, изъ благодарности, возилъ къ ней побольше потребителей. Это, впрочемъ, довольно тонко. Въ это время у ней сидѣло трое странствующихъ членовъ ливерпульскаго общества Совершеннаго Воздержанія. Они идутъ пѣшкомъ въ Мидльсексъ, для вербованія членовъ. Эти господа, во славу совершеннаго воздержанія, выпили при мнѣ двадцать пинтъ портера, двѣ бутылки виски и три—кларета. Когда они встали и изъявили намѣреніе расплатиться, хозяйка не взяла съ нихъ денегъ; это опять-таки тонкость съ ея стороны, чтобы привлечь къ себѣ все общество Совершеннаго Воздержанія, состоящее, какъ говорятъ, изъ пяти-сотъ человѣкъ отъявленныхъ питуховъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать новаго.

— Такъ, стало-быть, ты не говорилъ съ лэди?

— Нѣкогда было; да притомъ же она такъ ласково на меня смотрѣла, что у меня не достало духу начать съ ней говорить...

— Слѣдовательно, мы знаемъ о ней не больше того, что знали пять дней назадъ?

— Не больше. Впрочемъ, я могу вамъ еще сказать, что сегодня на ней было платье цвѣта сухихъ листьевъ, а въ волосы были вплетены розы.

— Но скажи, сдѣлай одолженіе, Патрикъ, что ты самъ о ней думаешь?

— Я думаю, что она жена какого-нибудь лорда и удари-лась объ закладъ....

— Такъ ты полагаешь, что она замужемъ ?

— Съ перваго взгляда она кажется дѣвицей; впрочемъ, можетъ быть и замужемъ, а пожалуй, станется, что и вдова.

— Вдова, такая молоденькая !

— Э, Боже мой, да развѣ не бываютъ вдовы и въ шестидцать лѣтъ ! Если, напримѣръ, мужъ умретъ на другой день свадьбы ?

Сказавъ это, Патрикъ задумался и потомъ, какъ-бы ошѣненный вдохновеніемъ, продолжалъ :

— А знаете ли что, сэръ ? Если уже вы такъ интересуетесь этой молоденькой лэди, такъ я вамъ совѣтую поселиться въ Бѣкъ. Можете каждый день ходить къ ней пить соду; такимъ образомъ, черезъ недѣлю, вы узнаете о ней, можетъ-быть даже больше, сколько вамъ нужно.

— Славная мысль, Патрикъ ! Рѣшено, я поселяюсь въ Бѣкъ и займусь тамъ настоящимъ лордомъ ! У меня еще остается три гинеи, любезный другъ: этого достанетъ мнѣ на три дня.

— Продайте свою хижину.

— Ни за что на свѣтѣ; въ ней умеръ мой отецъ.

— Да, ну, это другое дѣло. Еслибъ у меня были деньги, я бы съ радостью далъ вамъ ихъ въ долгъ; но...

— Спасибо, Патрикъ, спасибо. Ахъ, еслибъ ты зналъ, любезный, какъ я страдаю: вотъ ужъ три ночи какъ я не сплю.

— Я узнаю въ васъ, сэръ, ирландца !

— Мысль объ этой дѣвушкѣ не даетъ мнѣ покоя... Мнѣ кажется, я бы вздохнулъ свободнѣе, еслибъ мнѣ удалось хоть разъ поговорить съ нею.

— Зачѣмъ же стало дѣло ? Поѣзжайте въ Бѣкъ.

— Нѣтъ, Патрикъ, я прежде пойду домой; потомъ отправлюсь въ Манчестеръ; стану работать и добуду денегъ во что бы то ни стало; примусь дѣлать кирпичи, если не найду другого занятія. На прожитокъ мнѣ нужно не много.

— Ну, и заработавъ, такимъ образомъ, нѣсколько совереней, вы явитесь въ бѣкскій домикъ, и найдете его уже пустымъ; какой-нибудь молодчикъ увидитъ проѣздомъ красавицу и...

— О, если она способна... если лицо ея прикрываетъ порокъ, то... то значить, что на свѣтѣ нѣтъ больше истины !...

— Надо, однакожь, согласиться, что маленькая добродѣтель подвергается сильной опасности на большой дорогѣ.

— Нѣтъ, въ городахъ опасности гораздо больше... Эту женщину хранить самъ Богъ...

— И не дастъ погибнуть... Вы правы, сэръ.

— Послушай, Патрикъ, я тебѣ очень благодаренъ за всѣ хлопоты и усердіе, и никогда ихъ не забуду. Мнѣ, я вижу, нужно оставить всякую надежду. Да и что, въ-самомъ-дѣлѣ за ребячество. Я, бѣдный ирландецъ, позабылъ на минуту свою нищету, возмечталъ о любви, о счастіи, о женщинѣ, носящей шелковыя платья, о супружествѣ. Какое безуміе! Но все это былъ только сонъ, и вотъ я, благодаря Бога, очнулся. Прощай же, Патрикъ, я отправляюсь къ себѣ, въ хижину. Могила отца моего, надѣюсь, навѣтетъ на меня и твердость и благородіе.

— Джонъ Лайвли крѣпко потрясъ Патрика за руку и тихо, въ глубокой задумчивости, побрелъ къ своему скромному трактиру, на рыночной площади.

— На утро онъ снова поселился отшельникомъ, въ своей убогой хижинѣ, близъ замка и деревни Стаффордъ.

Уединеніе, вмѣсто того, чтобы укрощать сильныя страсти, еще болѣе питаетъ ихъ: только среди пустыннаго безмолвія человѣкъ внимаетъ бурѣ своего сердца.

— Вечеромъ Джонъ Лайвли прохаживался по пустопорожнему мѣсту, лежавшему позади его хижины; оно было покрыто множествомъ кремней, кое-гдѣ одиноко торчали кусты можжевельника. По самой серединѣ возвышался невысокій холмъ, съ котораго, впрочемъ, открывался прелестный видъ на всѣ стороны. Джонъ Лайвли взошелъ на холмъ и задумался. Передъ нимъ разстилалась обширная долина, понижавшаяся по мѣрѣ своего удаленія, что служило явнымъ признакомъ, что за нимъ было море. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ не могъ отвести взоровъ отъ туманныхъ горъ, границы оксфордскаго графства. Мысли его стремились къ прекрасной дѣвушкѣ, которая съ перваго свиданія внушила ему такую пламенную страсть.

— Между-тѣмъ три гинеи уже исчезли. Джону Лайвли нужно было подумать о пріобрѣтеніи средствъ для дальнѣйшаго существованія. Ему оставалось испытать нищету со всѣми ея ужасами, лишиться себя жизни, или начать работать.

Онъ судорожно сжалъ руку и глухо проговорилъ :

— Завтра пойду въ Сальфордъ — обжигать кирпичи.

Онъ такъ былъ углубленъ въ размышленія, что незамѣтилъ двухъ джентльменовъ, подѣхавшихъ къ его хижинѣ. Они сошли съ лошадей, и тутъ только Джонъ Лайвли обратилъ на нихъ вниманіе и невольно вздрогнулъ: въ одномъ изъ этихъ джентльменовъ онъ узналъ мистера Крупа, инженера, который на этотъ разъ смотрѣлъ чрезвычайно привѣтливо и раскланивался съ нимъ съ истинно-французской ловкостью.

— Извините, сдѣлайте одолженіе, что мы явились безъ доклада, сказалъ мистеръ Крупъ: — кажется я имѣю удовольствіе говорить съ самимъ Джономъ Лайвли ?

— Да, сухо отвѣчалъ ему Джонъ.

Мистеръ Крупъ, повидимому, не замѣтилъ холодности этого отвѣта и съ прежней любезностію продолжалъ :

— Сэръ Джонъ Лайвли, мнѣ сказали, что вы владѣлецъ этого пустопорожняго мѣста ?

— Да-съ!... а что вамъ угодно ?

— Здѣсь, лѣтомъ, вѣрно свирѣпствуютъ лихорадки ?

— Незнаю-съ; у меня не было никогда.

— Вообще сосѣдство болотъ очень губительно для здоровья...

— Почему же? Вотъ Ливерпуль: тоже выстроены на болотѣ; самое названіе его служить доказательствомъ.

— Вы правы, да — Ливерпуль: то есть, журавлиное болото. Впрочемъ болото это высохло уже болѣе пяти-сотъ лѣтъ.

— Позвольте спросить: что, мы долго будемъ трактовать здѣсь о болотахъ и журавляхъ? спросилъ Лайвли, скрестивъ руки на груди.

— Извините, сэръ Лайвли, мы пріѣхали къ вамъ съ предложеніемъ: не угодно ли вамъ будетъ уступить намъ, то есть, я хотѣлъ сказать, *продать* небольшой клочекъ земли? Я буду говорить откровенно, потому-что у меня ужъ такая скверная привычка—что на умѣ, то и на языкѣ; что дѣлать, не могу; Мы намѣрены провести здѣсь желѣзную дорогу черезъ вашу землю, или подальше, если мы съ вами не поладимъ. Намъ нужно нѣсколько туазовъ сухой земли...

— Извините, сэръ; я не могу продать.

— Не можете продать? Въ такомъ случаѣ мы воззовемъ къ вашему патриотизму и вы вѣрно не откажетесь для общаго блага уступить такъ....

— Я не....

— Помилуйте... да вѣдь вы англичанинъ?

— Нѣтъ, ирландецъ.

— Ирландецъ? Еще лучше! Землякъ О'Коннеля, сынъ зеленокудраго Эрфина. Мой дѣдъ также былъ ирландецъ: слѣдственно въ жилахъ моихъ течетъ ирландская кровь, и кромѣ того у меня есть двѣ акціи на желѣзную дорогу между Клингстономъ и Дублиномъ. Вы видите, мы почти съ вами земляки.

— Да.

— Кому принадлежитъ этотъ холмъ или, правильнѣе, бугорокъ?

— Мнѣ.

— Гм! Мѣстность дѣйствительно напоминаетъ долину, гдѣ, въ Макбетѣ, пируютъ колдуньи. Здѣсь можжевелнику не наберется на десять шиллинговъ. Впрочемъ, позвольте намъ хорошенько разсмотрѣть.

— Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно.

— Гм! Камень на камнѣ, камень на камнѣ; ни былинки порядочной земли. Здѣсь, должно быть, въ августѣ мѣсяцѣ, водятся ядовитыя насѣкомыя? А! вотъ цикута! Не прикасайтесь къ этому растѣнію, можете умереть. Если мы съ вами поладимъ, сэръ, такъ желѣзная дорога будетъ проходить у васъ подъ окнами, и это значительно подниметъ цѣну на вашу землю. Впрочемъ, мы съ васъ за это ничего не возьмемъ; мы очень рады принести пользу доброму ирландцу.

— Неужели ничего не возьмете? Да вы ужъ черезъ-чуръ великодушны, сэръ! Боже мой! Вамъ должно быть странно, что я, бѣднякъ, и такъ дорожу этимъ пустопорожнимъ мѣстомъ. Здѣсь зарытъ мой отецъ, сэръ, и первый ударъ заступа въ эту землю отдастся въ моемъ сердцѣ. А вы еще хвалитесь своимъ великодушіемъ, воображая, что дѣлаете мнѣ, Богъ знаетъ, какое одолженіе.

— Настоящій ирландецъ! Какой огонь, какое благородное негодованіе... Вы приводите меня въ восхищеніе, сэръ. Но приступимъ же къ дѣлу. Мы проведемъ насыпь посрединѣ вашей земли; у васъ, такимъ образомъ, вмѣсто одного пустопорожняго мѣста будетъ два — и за это мы дадимъ вамъ пятьдесятъ фунтовъ чистыми деньгами.

Джонъ Лайвли посмотрѣлъ на землю и тихо приподнявъ голову, устремилъ взоры на полдень.

— Пятьдесятъ фунтовъ, сказалъ онъ: — этого мало.

— Но вы возьмите въ соображеніе то, что вѣдь мы отрѣжемъ у васъ небольшую полосу земли, и что у васъ вмѣсто одного, будетъ два пустопорожнихъ мѣста.

— Давайте сто фунтовъ, я согласенъ.

— Что вы, что вы, сэръ? Помилуйте. Да знаете ли вы, что дорога намъ будетъ стоить сто-пятьдесятъ тысячъ фунтовъ?

— Прибавьте еще пятьдесятъ: это васъ не разоритъ.

— Сто фунтовъ! сто фунтовъ! Что вы это, сэръ?

— Я бѣднякъ и пользуюсь случаемъ.

— Какъ, вы бѣдны, бѣдны, сэръ Лайвли? Ахъ, Боже мой, я этого не зналъ! О, въ такомъ случаѣ я готовъ дать вамъ сто фунтовъ. Потрудитесь сѣсть на лошадь моего товарища и поѣдемъ подписать контрактъ. Совершить доброе дѣло никогда не поздно.

При этомъ мистеръ Крупъ поднесъ къ глазамъ платокъ, какъ-будто желая утереть слезу умиленія. Покуда мистеръ, Лайвли закинулъ свою хижину, онъ обратился къ своему спутнику и тихо сказалъ:

— Каковъ молодецъ? Да онъ, по моему, глупѣе двухъ ирландцевъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Джонъ Лайвли съ благодарностью поднялъ взоръ свой къ небу и медленно усѣвшись на лошадь, отправился мелкой рысцой, вслѣдъ за Крупомъ по Манчестерской дорогѣ. При поворотѣ дороги онъ обратился въ ту сторону, гдѣ Бирмингамъ, и тихо произнесъ:

— До завтра!

III.

НЕЗНАКОМКА.

Всякій, путешествующій по Англии, невольно изумляется множеству стадъ, покрывающихъ поля; но что еще болѣе удивляетъ его, такъ это совершенное отсутствіе пастуховъ. А это

жаль, потому-что ландшафтъ много теряетъ отъ этого и буклическая поэзія тоже. Впрочемъ, однажды мнѣ показали на большой дорогѣ джентльмена, въ синемъ сюртукѣ, съ воротникомъ и широкими отворотами, въ сапогахъ съ кисточками, въ бобровой шляпѣ, съ жабо, въ перчаткахъ и съ тростью, украшенной огромнымъ набалдашникомъ; этотъ джентльменъ былъ пастухъ, англійскій Тирсисъ; и точно, онъ гналъ передъ собою дюжину овецъ, важно и глубокомысленно читая «Times». Англійскій пастухъ терпѣть не можетъ полевой жизни и гоняетъ стада только по большимъ дорогамъ.

Джонъ Лайвли былъ точно въ такомъ нарядѣ, который я только-что описалъ, въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ Оксфорда съ двѣнадцатью банковыми билетами въ карманѣ, каждый въ пять фунтовъ; остальные деньги онъ издержалъ въ Манчестерѣ на покупку разныхъ предметовъ первой потребности. Нашъ герой вышелъ изъ дилижанса въ Оксфордѣ и чемоданъ свой, наполненный покупками, отправилъ въ трактиръ Краснаго Льва въ Чиппинъ-Вайкомбъ, а самъ отправился въ путь пѣшкомъ.

Около четырехъ часовъ пополудни, передъ нимъ показалась въ отдаленіи часовня, стоящая на холмѣ, возлѣ Бѣка, и группа деревьевъ, окаймляющихъ съ правой стороны дорогу. Считаемъ лишнимъ объяснять читателямъ, какъ билось и трепетало его сердце, когда онъ приближался къ концу своего странствованія. Ему казалось, что любовь его возрастала съ каждой минутой и наконецъ приняла какіе-то колоссальные размѣры. Теплый, влажный вѣтерокъ, тихо доносилъ къ нему пѣніе птицъ, шелестъ листьевъ на деревьяхъ, и какъ нѣжный другъ нашептывалъ ему слова упованія и любви.

Зачѣмъ онъ шелъ въ домикъ плѣнившей его красавицы? Да онъ и самъ не зналъ зачѣмъ. У него на этотъ счетъ не было никакого опредѣленнаго плана. Онъ давнымъ-давно взялъ себѣ за правило, во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, ввѣрять себя случаю. Онъ, не колеблясь, смѣло вошелъ въ домикъ, и твердымъ голосомъ потребовалъ себѣ портера.

Сказавъ это, онъ немедленно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. Заслышавъ легкій шумъ шаговъ и шелестъ шелкового платья, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Бѣлая, какъ слоновая кость, рука протянулась къ столу и поставила пинту портера.

Джонъ Лайвли судорожно схватилъ ручку, блиставшую какъ серебро, выпилъ портеръ однимъ духомъ, и голова его снова упала на-руки.

Черезъ минуту раздался прежній шумъ шаговъ и шелестъ, и очаровательная ручка поставила передъ Джономъ вторую пинту портера. На этотъ разъ онъ быстро обернулся, но не видалъ лица красавицы. Тайнственная незнакомка подошла къ двери и остановилась на порогѣ, посматривая на дорогу: елибъ въ эту минуту она обернулась назадъ, то увидѣла бы, что нашъ герой жадно пожиралъ ее взорами.

Но она по прежнему продолжала смотрѣть на дорогу и, по-видимому, не подозрѣвала, что въ сердцѣ молодаго путешественника клокотала такая огненная страсть. Она стояла въ самомъ простомъ, беззаботномъ положеніи. Платье ея, съ открытымъ лифомъ, обнажало прелестную шею, будто выточенную изъ слоновой кости.

Прибытіе новаго гостя заставило дѣвушку войти въ домикъ. Лицо ея, исполненное невыразимой прелести, промелькнуло мимо влюбленныхъ взоровъ нашего героя, какъ лучезарное солнце, когда оно, прорвавъ густое облако, выглянетъ на землю, посыплетъ на нее горячіе лучи свои и снова скроется.

Новоприбывшій путникъ былъ нищій; онъ, какъ кажется, былъ привычный посѣтитель домика, потому-что сѣвъ за столъ, ничего себѣ не спросилъ. Красавица съ ласковой улыбкой на устахъ успѣшила подать ему элю. Нищій выпилъ эль и сказалъ:

— Жарко сегодня!

Дѣвушка подала ему другую кружку.

— Славный эль, сказалъ нищій: по моему, онъ лучше портера; особенно лѣтомъ очень освѣжаетъ.

Дѣвушка поклонилась, какъ-бы благодаря его за похвалу; нищій взялъ свою палку и ушелъ, не заплативъ денегъ.

Лайвли воспользовался случаемъ завязать разговоръ.

— Сударыня, сударыня! онъ вамъ не заплатилъ ...

— Да, знаю, отвѣчала дѣвушка, съ восхитительной улыбкой: гдѣ же ему взять?... онъ бѣднякъ.

Джонъ Лайвли въ первый разъ услышалъ звукъ ея очаровательнаго голоса. Никогда не испытывалъ онъ ничего подобнаго ощущенію, произведенному въ немъ этимъ голосомъ; онъ какъ безумный ловилъ каждое движеніе розово-бархатныхъ устъ волшебницы ...

Съ какой-то лихорадочной дрожью онъ тихо всталъ со стула и, какъ преступникъ, опустивъ глаза въ землю, подалъ красавицѣ полугинею.

— Оставьте ихъ у себя, отвѣчала она: они вамъ пригодятся.

Лайвли не осмѣлился настаивать; онъ безсознательно вышелъ и инстинктивно попалъ на Вайкомбскую дорогу. Тысячи самыхъ разнообразныхъ мыслей толпились въ его головѣ; онъ не могъ отдать себѣ отчета: что онъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ дѣлается. Передъ нимъ въ легкомъ туманѣ, подобно призраку, мелькалъ образъ обожаемой дѣвушки, порхавшей въ недосыгаемой высотѣ. Сердце его переполнилось ощущеніями; любовь душила его и пожирала его внутренность.

Хозяинъ трактира Краснаго Льва встрѣтилъ его на порогѣ и сказалъ:

— Не вы ли, сэръ, Джонъ Лайвли?

Лайвли пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и утвердительно кивнулъ головой.

— Вотъ-съ къ вамъ письмо.

Лайвли машинально взялъ письмо, развернулъ его и прочиталъ слѣдующее:

Бирмингамъ, 18-го іюля 1836 года.

«Сэръ Джонъ Лайвли!

«Согласно приказанію вашему, я водворился въ вашей хижинѣ для наблюденія за работами мистера Крупа на принадлежащемъ вамъ пустопорожномъ мѣстѣ. Я уже три раза принимался браниться съ мистеромъ Крупомъ. Въ первый разъ за то, что онъ въ моемъ присутствіи назвалъ васъ глупцомъ; во второй за то, что дурно отзывался о моихъ лошадяхъ; въ третій... о, тутъ уже причина была поважнѣе! Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ пріобрѣлъ право отрѣзать у васъ небольшой клочекъ земли, и сегодня я увидѣлъ, что онъ размѣриваетъ мѣсто для проведенія полотна желѣзной дороги по самой срединѣ вашихъ владѣній, которыя такимъ образомъ раздѣляются на двѣ части.—Что вы это дѣлаете, сэръ? сказалъ я ему: вы нарушаете условіе! Я васъ не допущу до этого; я скорѣй позволю разрѣзать самого себя на двѣ части. Въмѣсто отвѣта онъ погрозилъ мнѣ кулакомъ, а я ему обоими. Но онъ не унялся и я, чтобъ положить конецъ его своеволю, побѣждалъ

въ Бирмингамъ за двумя полисменами. Теперь все дѣло за вами: пришлите мнѣ письменное полномочіе защищать вашу собственность и я уничтожу въ прахъ дерзкаго инженера».

«Вашъ усердный управляющій Патрикъ.»

Р. С. Отвѣтъ вашъ адресуйте Артуру Гревсу, повару въ Royal-Hôtel, въ Новой Улицѣ, рядомъ съ театромъ въ Бирмингамѣ.

— Что мнѣ за дѣло до пустопорожняго мѣста! сказалъ Лайвли, съ досадой бросивъ письмо Патрика.

Трактирщикъ почтительно подошелъ къ нему.

— Какой же будетъ отвѣтъ? спросилъ онъ: посланный дожидается.

— Скажите, чтобъ они дѣлали, что хотятъ!

— Съ чѣмъ?

— Съ моимъ пустопорожнимъ мѣстомъ.

— Какимъ пустопорожнимъ мѣстомъ?

— Тьфу, къ чорту!.. впрочемъ, подождите... Я очень разсѣянъ; занять совсѣмъ другимъ...

— Вы вѣрно нездоровы, сэръ? не прикажете ли подать чаю?

— Дайте мнѣ бумаги, перо и чернилъ.

— А чаю не прикажете?

— Нѣтъ.

— Потрудитесь войти въ залу; вы найдете тамъ все, что нужно для письма.

— Хорошо. И онъ написалъ:

«Любезный Патрикъ!

«Не мѣшайся, сдѣлай одолженіе, ни во что. А съ пустопорожнимъ мѣстомъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ.»

— Вотъ отвѣтъ, сказалъ онъ трактирщику.

— Это моему брату, отвѣчалъ трактирщикъ: знаю.

— Ахъ, да! вѣдь вы братъ Патрика; извините, сдѣлайте одолженіе. Мнѣ что-то нездоровится сегодня; я не знаю, что говорю.

— Братъ говорилъ мнѣ о васъ...

— Ахъ, да, на счетъ...

— Точно такъ; на счетъ этой дѣвушки, что живетъ тамъ, около Бѣка. Я наводилъ справки, сэръ...

— Наводили? Ну, чтожъ вы узнали? говорите поскорѣе.

— Дѣвушка эта три мѣсяца назадъ выстроила себѣ домикъ, что на большой дорогѣ...

— Да точно ли она дѣвушка?

— Не могу вамъ доложить. Она живетъ тамъ съ какимъ-то старикомъ, котораго называетъ своимъ отцомъ.

— Со старикомъ? А какихъ онъ лѣтъ?

— Шестидесяти.

— И онъ, вы говорите, ея отецъ?

— Я такъ слышалъ.

— Чтожъ еще?

— Она издерживаетъ много денегъ на наряды.

— Стало быть получаетъ большой доходъ?

— Должно быть, сэръ; но она даромъ поитъ всѣхъ нищихъ, и къ ней ходятъ многіе богатые фермеры, нарочно притворяющіеся бѣдняками, чтобы вышить на даровщинку. Я думаю, сэръ, что она, должно быть, не въ полномъ умѣ.

— Не въ полномъ умѣ, потому-что сострадательна?

— Какъ хотите, сэръ; но я не вѣрю въ сострадательность трактирщиковъ ...

— Да вѣдь она женщина. А знаете ли вы, что такое женщина? Это божественное созданіе; это само милосердіе.

— Ну, да, да; когда мнѣ платятъ деньги, я тоже само милосердіе; а если нѣтъ, такъ я и въ тюрьму посажу.

— Такъ тутъ все, что вы знаете? Очень вамъ благодаренъ. Но мнѣ хочется немного отдохнуть; укажите мнѣ мою комнату.

— Вещи ваши отнесены въ комнату подъ № 19. Желаю вамъ покойной ночи... Да не прикажете ли подать поужинать?

— Нѣтъ; я плотно пообѣдалъ ... то есть напился портеру.

Слѣдующій день былъ воскресенье; Джонъ Лайвли, проворочавшись всю ночь на постели, заснулъ только подъ утро. Вставъ, онъ отворилъ окно. Передъ нимъ разстилался прелестный пейзажъ. Луга и долины зеленѣли подъ лучами восходящаго солнца; чистенькіе обывательскіе домики, крытые черепицей, утопавшіе въ зелени тополей и липъ, смотрѣли какъ-то по праздничному. Большая дорога, обсаженная деревьями, была наполнена пѣшеходами, спѣшившими въ церковь. Отовсюду такъ и вѣяло воскресеньемъ.

Лайвли сошелъ въ общую комнату. Трактирщикъ подаль ему порцію горячаго молока и съ улыбкой увѣрялъ, что онъ смотритъ совершеннымъ джентльменомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ герой нашъ былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются пастухи и богатые манчестерскіе фабриканты.

— Мистеръ Лайвли, сказалъ трактирщикъ: еслибъ вы сошли внизъ часомъ раньше, то увидѣли бы извѣстную вамъ особу; она проѣхала мимо въ почтовой каретѣ.

Джонъ Лайвли при этомъ извѣстїи уронилъ на полъ чашку съ молокомъ, и уже открылъ ротъ, чтобъ вскрикнуть отъ удивленїя, но языкъ ему не повиновался.

— Мистеръ Лайвли, выпейте стаканчикъ виски, сказалъ трактирщикъ: вы блѣдны, какъ полотно.

— Такъ она уѣхала? съ усилїемъ проговорилъ молодой человекъ.

— Это мнѣ напомнило, сэръ, продолжалъ трактирщикъ, что я забылъ рассказать вамъ вчера одно обстоятельство. Но выпейте, сдѣлайте одолженїе, стаканъ виски. Вотъ, извольте видѣть: эта дѣвушка, о которой вы спрашивали, по воскресеньямъ уѣзжаетъ съ утра въ Лондонъ и проводитъ тамъ весь день. Говорятъ, что она ѣздитъ къ обѣдни въ церковь, что въ Сити.

— Такъ она ?..

Лайвли въ изнеможенїи упалъ въ кресло.

— Такъ она католичка! пробормоталъ онъ едва слышно.

— Католичка, какъ и мы съ вами, сэръ, замѣтилъ трактирщикъ.

Вдругъ чело мистера Лайвли прояснилось; онъ быстро вскочилъ на ноги и закричалъ:

— Эй!

Трактирщикъ прибѣжалъ и почтительно остановился у дверей.

— Дайте мнѣ коня! Добраго коня, чтобы онъ черезъ два часа домчалъ меня до Лондона.

— Извольте, сэръ; я вамъ дамъ коня, которымъ вы останетесь довольны.

— Лондонъ, Лондонъ! я думалъ, что уже никогда болѣе не увижу тебя! Можно ли, послѣ этого, загадывать впередъ. Скорѣе, скорѣе коня мнѣ, коня! Не нужно ни сѣдла, ни уздечки!

— Да онъ еще не напоенъ.

— Все равно. Скорѣе, говорю вамъ! Каждая минута промедленїя грозитъ мнѣ безумїемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сэръ; я уже приказалъ. Ее въ минуту осѣдлаютъ. Впрочемъ я бы вамъ посоветовалъ, сэръ, подо-

ждать немного; въ будущемъ году откроется желѣзная дорога, которая пойдетъ какъ-разъ мимо вашихъ окошекъ.

— А, вотъ и лошадь! Спасибо! Гдѣ можно остановиться въ Сити, поближе къ католической церкви?

— Въ Вайтъ-Хорзѣ у Чипсайда. Трактирщикъ также ирландецъ.

Мистеръ Лайвли былъ уже на конѣ; прищипорилъ его и съ быстротою урагана помчался по Эксбрайджской дорогѣ. При въѣздѣ въ Лондонъ, онъ долженъ былъ ѣхать шагомъ, потому — что полицменъ замѣтилъ ему, что онъ своимъ стукомъ мѣшаетъ священнодѣйствію. Сердце его такъ и порывалось все впередъ, да впередъ, но опасеніе попасть подъ арестъ поневолѣ заставило его повиноваться полицмену.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго странствованія по лондонскимъ улицамъ, онъ прибылъ къ Чипсайду; велѣлъ убраться своего коня и черезъ минуту былъ уже въ католической церкви.

Джонъ Лайвли смѣло вошелъ въ храмъ и набожно преклонилъ колѣно. Первая мысль его была о Богѣ; вторая ... онъ покраснѣлъ со стыда и пламенной молитвой спѣшилъ заглушить свои грѣховныя помышленія.

Церковь внутри была убрана очень бѣдно. На алтарѣ, безъ всякихъ украшеній, тускло горѣло шесть свѣчей. На стѣнѣ висѣло распятіе, съ изображеніемъ Иисуса Христа, съ глубокой раной на сердцѣ, оставленной коніемъ Лонгина. Сѣдоватый священникъ медленно вошелъ на ступени алтаря и священнодѣйствіе началось.

Джонъ Лайвли ни на минуту не поднималъ глазъ; онъ тихо повторялъ про себя молитвы и, по видимому, не развлекался ничѣмъ постороннимъ. Когда обѣдня кончилась, онъ всталъ и быстро обвелъ глазами вокругъ себя; церковь была уже почти пуста. Въ шести шагахъ отъ него стояла дѣвушка и жарко молилась. Она была одѣта чрезвычайно просто и почти небрежно. Роскошная коса ея и пышные локоны были прикрыты скромнымъ тюлевымъ чепцомъ; на ней было простое ситцевое платье и на рукахъ черные митенки. Лайвли не узналъ бы ее, еслибъ не любилъ такъ страстно. Подойти къ ней и заговорить, казалось Джону поруганіемъ святыни мѣста, и потому онъ со вздохомъ вышелъ изъ церкви и терпѣливо сталъ ждать ее на улицѣ.

Онъ ждалъ недолго. Незнакомка показалась на паперти; онъ

задрожала, когда она, пристально посмотрѣвъ на него, улыбнулась. Еще минута, и онъ лишился бы чувствъ и грянулся бы на мостовую. Онъ силился улыбнуться, но изъ глазъ его заструились слезы. Преодолевъ свое волненіе и собравшись съ духомъ, онъ подошелъ къ красавицѣ и въ несвязныхъ словахъ предложилъ проводить ее.

— Очень пріятно, отвѣчала она, взявъ его подъ руку. Я, кажется, видѣла васъ въ церкви. Потрудитесь проводить меня до конторы дилижансовъ.

— Хоть на край свѣта, отвѣчалъ Лайвли, едва слышнымъ отъ волненія голосомъ.

— Позвольте спросить, сэръ: вы католикъ?

— Католикъ.

— Вѣроятно ирландецъ.

— Вы угадали.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, сэръ; но мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видѣла.

— Очень можетъ быть.

— Но только вы, кажется, по воскресеньямъ не бываете въ нашей церкви?

— Я живу не въ Лондонѣ.

— А у васъ, въ Дублинѣ, много прекрасныхъ церквей?

— Не мало.

— А эта, Боже мой, въ какомъ она печальномъ состояніи! Еслибъ у меня были четыре тысячи фунтовъ, я отдала бы ихъ на украшеніе нашей церкви.

— Четыре тысячи не бездѣлица. Приобрѣсти ихъ куда какъ трудно ...

— А еслибъ у меня былъ миллионъ! О ... я много, много сдѣлала бы ... Между прочимъ я велѣла бы въ Бѣкъ перестроить церковь Матери Всѣхъ Скорбящихъ ...

— Славное мѣсто, этотъ Бѣкъ.

— Да, пріятно быть богатымъ.

— Ахъ, какъ бы я желалъ обладать всѣмъ золотомъ, которое хранится вотъ тутъ, въ Королевскомъ Банкѣ, чтобы сложить его у ногъ какого-нибудь ...

— Покорно васъ благодарю, сэръ: вотъ мы и пришли.

Лайвли поклонился, пробормоталъ что-то и поспѣшно направился къ собору Св. Павла.

— Однакожь много ли у меня денегъ? сказалъ онъ про

себя, открывъ свой портфель. Гм! пятьдесятъ гиней! На эти деньги мнѣ нужно приобрести четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ. Трудновато! Впрочемъ, Богъ милостивъ!

IV.

НОВЫЙ ЗНАКОМЕЦЪ.

Джонъ Лайвли сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ Вайтъ-Хорзъ. Онъ ѣлъ болѣе по привычкѣ, нежели по необходимости. Комната была наполнена посѣтителями: кто завтракалъ, кто читалъ газеты. Рядомъ съ нашимъ героемъ сидѣли два джентльмена, которые, судя по манерамъ, принадлежали къ самому лучшему кругу, одѣты они были съ величайшимъ вкусомъ. Они громко бесѣдовали между собой, такъ-что Джонъ поневолѣ ихъ слышалъ.

— Да, любезный другъ, говорилъ одинъ,—онъ послушался меня, вотъ теперь и благодарить.

— Да, отвѣчалъ другой. Я видѣлъ его вчера въ Дрюри-ленскомъ Театрѣ. Боже мой! что за экипажъ, что за лошади!

— Что же? Онъ человѣкъ молодой, богатъ какъ Крезъ. Горстями соритъ деньги. Пьетъ кларетъ, какъ мы воду и три раза въ недѣлю обѣдаетъ въ Ричмондѣ, съ неслыханною роскошью. Онъ бросаетъ сотни фунтовъ, какъ мы съ тобой шиллинги. Живетъ совершеннымъ султаномъ. Да, я думаю, онъ теперь не продастъ своего состоянія за двѣсти тысячъ гиней; у него есть акція пивоварни Бэркли, приносящая по двѣ тысячи фунтовъ въ годъ.

— Впрочемъ, нужно отдать ему справедливость: онъ помнитъ, что обязанъ мнѣ всѣмъ состояніемъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ понадобилось мнѣ десять тысячъ фунтовъ,—просто до зарѣза. Я написалъ ему пару строкъ и онъ въ ту же минуту прислалъ мнѣ эти деньги съ своимъ человѣкомъ.

— Да, это очень похвально. Но, скажите пожалуйста, вѣдь вы, кажется, положили основаніе богатству Шеффилда?

— Какже! А вы знаете, что его хотятъ назначить въ Индію, вмѣсто сэра Уильяма Бентинка?

— Да и я слышалъ.

— Лордъ канцлеръ сильно покровительствуетъ ему и онъ непремѣнно будетъ назначенъ. Странная судьба этого Шеффилда! Кто бы подумалъ, что этотъ человѣкъ, у котораго въ прошедшемъ году не было за душой ни пенни, приобрѣтитъ такое огромное богатство! Вчера утромъ я встрѣтилъ его въ звѣринцѣ ...

— Ну, а другъ нашъ Сторръ, этотъ какъ началъ?

— Очень просто.

— А именно?

— Я далъ ему соверень; онъ отправился въ Краффордъ клубъ и выигралъ на этотъ соверень тысячу фунтовъ; положивъ деньги въ карманъ, онъ пошелъ къ Моссу ѣсть раковъ. Возвращаясь оттуда домой и проходя мимо Лейчестеръ-сквера, онъ услышалъ у себя надъ головой звонъ червонцевъ и голоса играющихъ. Онъ вошелъ въ залу и въ какія-нибудь пять минутъ выигралъ шесть тысячъ фунтовъ. Забастовавъ, онъ отправился съѣсть кусокъ ростбифа. Вотъ, сидя въ трактирѣ, онъ и думаетъ: неужели я остановлюсь на этомъ? Счастье видимо благоприятствуетъ мнѣ сегодня. Пойду-ко я въ Пикадилли. Тамъ въ то время происходила адекая игра. За столомъ сидѣло тридцать красавицъ, какихъ лучше не найти въ цѣломъ свѣтѣ. Сторръ выигралъ еще десять тысячъ фунтовъ и далъ по двадцати гиней каждой красавицѣ. Онъ въ восторгѣ отнесли его на рукахъ въ Мальбругову улицу, гдѣ онъ тогда жилъ. Съ того дня онъ навсегда бросилъ игру, пустился въ торговлю и теперь ... разбогатѣлъ какъ бабабъ.

Говорившій на минуту остановился и съ вѣжливой улыбкой обратившись къ Джону, сказалъ:

— Позвольте васъ попросить, придвинуть сюда ветчину.

— Съ удовольствіемъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ, котораго вышеприведенная бесѣда чрезвычайно заинтересовала.

— А вы не кушаете ветчины, сэръ? — спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Я буду послѣ, отвѣчалъ Джонъ.

Такъ позвольте же мнѣ отрѣзать вамъ кусочикъ: въ Лондонѣ мастерски приготавливаютъ ветчину.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы, вѣрно, не здѣшній житель?

— Нѣтъ, сэръ; я изъ .... Ланкастера.

— Ваша сторона славится красавицами. Вы, конечно, владѣлецъ оружейнаго завода?

— Нѣтъ-съ: я путешествую для собственнаго удовольствія и образованія.

— Какъ вы счастливы! Вотъ что называется съ пользою употреблять свою молодость ... Смѣю спросить ... мистеръ, мистеръ ...

— Лайвли.

— Мистеръ Лайвли. Извините, сдѣлайте одолженіе: мы, я думаю, наскучили вамъ своей болтовней. Но что же прикажете дѣлать въ воскресенье? Пить, ѣсть и говорить.

— Помилуйте, совершенно напротивъ: мнѣ было очень пріятно. Я люблю слушать рассказы о людяхъ, дѣлающихъ себѣ состояніе.

— Мы вамъ готовы до завтра рассказывать подобныя исторіи. Помилуйте, кто же нынче не дѣлаетъ себѣ состоянія?

— Кто? Да я, напримѣръ.

— Вы, сэръ Лайвли? Да въ ваши года, съ вашей фигурой и положеніемъ ... Боже мой! Да вы составите себѣ состояніе когда захотите, если уже не составили; — но оставимъ это и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Вотъ, напримѣръ, присовѣтуйте, какъ бы мнѣ убить время. Я, право, не знаю, куда дѣваться со скуки?...

— Какой прекрасный человѣкъ, подумалъ мистеръ Лайвли; сейчасъ видно, что всю жизнь провелъ въ хорошемъ обществѣ.

Послѣ обѣда, говорливый сосѣдъ, вставъ со стула и готовясь уйти, сказалъ нашему герою:

— Вы были такъ любезны, сэръ, что сказали мнѣ ваше имя, позвольте же мнѣ объявить вамъ свое: я называюсь Сент-Эльбенъ, я англичанинъ чистой крови. Я обѣдаю каждый день въ Уайтъ-Хорзъ; у меня въ Корнгиллѣ, здѣсь, противъ Банка, своя контора. Если могу быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ, то потрудитесь спросить у перваго извозчика контору Сент-Эльбена. Прощайте, сэръ.

И за тѣмъ, вѣжливо поклонившись, онъ вышелъ со своимъ товарищемъ.

Лайвли, облокотившись на столъ даль, полную волю своимъ мыслямъ.

Счастливецъ этотъ мистеръ Сент-Эльбенъ! Будь у меня четыре тысячи фунтовъ, я не уступилъ бы ему въ счастіи! О, да, только

четыре тысячи! Я заказалъ бы сдѣлать алтарь изъ лучшаго мрамора; поручилъ бы кому-нибудь изъ извѣстныхъ художниковъ написать запрестольный образъ ... Матери Всѣхъ Скорбящихъ, потомъ купилъ бы шесть серебряныхъ подсвѣчниковъ; серебряное кадило, сосуды, и тогда ... О! я вѣрю, что усердіе мое не осталось бы безъ возмездія. Богъ принялъ бы мои дары и послалъ бы мнѣ силы подавить въ себѣ свою страсть!

Джонъ Лайвли воротился къ себѣ домой, въ Уайтъ-Хоръзъ и рѣшился дожидаться восхода солнца, надѣясь, что оно прольетъ утѣшеніе въ его растерзанную душу.

Онъ нашелъ въ своей комнатѣ друга, на котораго вовсе не рассчитывалъ и который овладѣлъ имъ противъ воли; другъ этотъ былъ—сонъ. Всю ночь Джону снились миллионы, банки, груды гиней, въ которыхъ онъ купался какъ въ морѣ. Онъ таялъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, блаженствовалъ и проснулся—такимъ же бѣднякомъ, какимъ легъ.

— Съ пятьюдесятью гинеями, сказалъ онъ самъ себѣ, я проживу въ Лондонѣ дня четыре; въ Вайкомбѣ двѣ недѣли и притомъ же увижу ее ... Что жъ медлить? Скорѣе, на коня и въ Вайкомбъ! Хвала тебѣ, благотворное солнце! Ты вдохнуло въ меня рѣшимость и мужество.

И онъ сошелъ въ общую залу пить чай. У стола сидѣлъ мистеръ Сент-Эльбенъ и завтракалъ.

— А! мистеръ Лайвли! сказалъ онъ, дружески пожавъ руку молодому человѣку. Не угодно ли позавтракать со мной?

— Покорно васъ благодарю, сэръ ... я ... мнѣ ...

— Садитесь, садитесь—ка. Я завтракаю по-французски, кусокъ говядины и стаканъ холоднаго пунша. Я привыкъ къ этому въ Парижѣ, когда ѣздилъ туда для заключенія условій относительно займа для испанской королевы.

— А я такъ имѣю привычку пить по утрамъ чай.

— И прекрасно, сэръ Лайвли... Сейчасъ вамъ дадутъ чаю... Видѣли вы газеты? что тамъ новаго?

— Нѣтъ, не видалъ еще.

— Говорятъ, что у насъ будетъ война съ Бирманской Имперіей. Это меня нѣсколько беспокоитъ, потому—что у меня есть капиталы въ Ягренаѣ ... Чѣмъ вы, сэръ, обыкновенно занимаетесь послѣ завтрака?

— Послѣ завтрака?... я... хожу гулять... А что здѣсь, въ Лондонѣ, принято дѣлать послѣ завтрака?

— А что кому угодно. Я, напримѣръ, имѣю обыкновеніе проводить часа два съ друзьями въ Сократовомъ клубѣ. По утрамъ тамъ собирается нѣсколько человѣкъ нашей братьи банкировъ, между которыми есть во всѣхъ отношеніяхъ превосходные люди. Мы на нѣсколько минутъ отряхаемъ съ одеждъ своихъ конторскую пыль и проводимъ время въ дружеской бесѣдѣ. Толкуемъ себѣ, о томъ, о семъ... между прочимъ заключаемъ торговыя сдѣлки; играемъ въ вистъ, такъ, для препровожденія времени, по бездѣлицѣ, по гинеѣ или по двѣ познь. Да, торговому человѣку нельзя быть игрокомъ!.. Первая добродѣтель торговца — ненависть къ игрѣ. Послушайтесь моего совѣта, сэръ Лайвли, не играйте никогда... Что же вы будете кушать послѣ чаю, сэръ?

— Ничего...

— Что вы это хотите дѣлать, сэръ? Нѣтъ, какъ вамъ угодно, а ужъ позвольте разсчитаться мнѣ. Положите же свой портфейль въ карманъ. Вотъ такъ. Мнѣ же, кстати, нужно размѣнять билетъ въ десять фунтовъ. Впрочемъ, нѣтъ; вотъ, къ счастью у меня случилась полугинея. Теперь я пройду въ конецъ Флотскую улицу, потомъ Страндъ, — я, какъ говорятъ французы, пойду фланировать; дойдя до улицы Агари, поверну направо, въ улицу Короля Уильяма и оттуда два шага до Чандосовой, гдѣ находится нашъ клубъ. Прогулка порядочная, какъ видите; не угодно ли, сэръ, пройти со мной?

Джонъ Лайвли, какъ и всякій человѣкъ, постоянно вращавшійся въ низшихъ слояхъ общества, былъ подавленъ неотразимымъ вліяніемъ человѣка хорошаго круга. Рѣшительный тонъ и свободное обращеніе мистера Сент-Эльбена совершенно обворожили бѣднаго Джона, который считалъ для себя величайшей честью пройти по улицѣ съ подобнымъ человѣкомъ. Уничтоженный важностію почтеннаго банкира, онъ молча поклонился и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Да сохранить его Богъ!

V.

СОКРАТОВЪ КЛУБЪ.

Сент-Эльбенъ привелъ Джона Лайвли въ Сократовъ клубъ и представилъ его троимъ пожилымъ банкирамъ, важнымъ и холоднымъ, какъ сѣверный полюсъ.

Джонъ, отвѣсивъ всѣмъ троимъ по почтительному поклону, обвелъ глазами комнату. Внутренность клуба не поражала роскошью убранства; столы и стулья были изъ самаго простаго дерева. Въ углахъ стояли два бюста, имѣвшіе поползновеніе представлять, одинъ Веллингтона, другой Наполеона.

— Вы видите, сэръ, сказалъ Сент-Эльбенъ: — здѣсь у насъ не слишкомъ изящно; только необходимая мебель. Да и зачѣмъ? Мы бываемъ здѣсь только по утрамъ. Мы называемъ это утреннимъ клубомъ. Вечера мы проводимъ въ другомъ, въ Пель-Мелѣ. А этотъ, Сократовъ, мы выстроили на свой счетъ; шесть колоннъ дорическаго ордена, украшающіе фасадъ дома, сдѣланы изъ сѣраго мрамора и стоятъ намъ двѣ тысячи фунтовъ ... Не угодно ли вамъ сѣсть, сэръ?

— Сент-Эльбенъ обратился къ одному изъ банкировъ и сказалъ:

— Что вы сдѣлали нынче ночью, въ Вестминстерскомъ клубѣ, сэръ Клайтонъ?

— Проигралъ.

— И много?

— Нѣтъ, бездѣлицу: тысячу фунтовъ. Миѣ бы, по настоящему, слѣдовало проиграть четыре тысячи. Вчера я испыталъ примѣрное несчастіе. Представьте: проигралъ двѣнадцать робберовъ.

— Неужели?

— Да вѣдь я всегда проигрываю. Хорошо еще, что я играю только для препровожденія времени. А вотъ вы, Сент-Эльбенъ, такъ напротивъ; вы, кажется, заключили договоръ со счастіемъ.

— Да, дѣйствительно, скажу не хвастаясь, я вообще играю довольно счастливо.

— Притомъ же вы отлично знаете игру; скажите по прав-

дѣ: случилось ли вамъ хоть разъ проиграть игру отъ своей ошибки?

— Да вотъ не дальше, какъ третьяго дня, у герцога Сѣндерленда я проигралъ робберъ по причинѣ странной разсѣянности: козыри вышли всѣ, оставался только король да девятка; король былъ у меня ... Вы знаете игру, сэръ Лайвли?

— Я?... да ... такъ ... отчасти ... сэръ.

— Прекрасно! Такъ у меня былъ король козырей и пять леве; я забылъ козырнуть и пошелъ въ черви; ихъ убили и я такимъ образомъ потерялъ трикъ. Черезъ это я лишился ста двадцати фунтовъ.

— И отличныя игроки бывають иногда разсѣянны!

— Что и говорить! А! вотъ на колокольнѣ бьетъ двѣнадцать ... Мнѣ надо побывать въ одной конторѣ, близъ Регентова Цирка; тамъ сегодня собраніе акціонеровъ общества Виндзорскихъ дилижансовъ.

— А развѣ вы не сыграете роббера въ вистъ? Полуденнаго роббера, какъ мы называемъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что боюсь опоздать. Кончимъ ли мы къ часу?

— Не думаю! Впрочемъ, въ часъ кто-нибудь за васъ сядетъ. Наши скоро соберутся. Въ субботу насъ было здѣсь семеро ...

— Ну, куда не шло; сыграю, такъ и быть, одинъ робберъ... Но, господа, уговоръ лучше денегъ: не иначе, какъ по маленькой ...

— Ну, хорошо. Гинея поэнь ... Кажется, это не много?

— Пожалуй. Я большой игры терпѣть не могу. Мы, сэръ Лайвли, играемъ въ вистъ обыкновенно въ троёмъ; я вывезъ эту моду изъ Франціи ... Неудобно ли сѣсть третьимъ, или не хотите ли играть со мной пополамъ?

— О, нѣтъ; я играю очень плохо ... и ...

— Ну, такъ давайте играть пополамъ. Вы мнѣ будете совѣтовать, а выигрышь и проигрышь раздѣлимъ.

— Извольте, отвѣчалъ Лайвли, и подумалъ: я, кажется, не многимъ рискую; если проиграю, такъ значить, разорюсь нѣсколькими днями раньше и только; выиграю,—проживу нѣсколькими днями больше.

— Сэръ Сент-Эльбенъ, сказалъ онъ громко: — нужно ли мнѣ непременно присутствовать при игрѣ?

— О, разумѣется; непременно должны.

— Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно сходить здѣсь по сосѣдству, въ контору Гольденкросскихъ дилижансовъ ...

— На долго?..

— На одну минуту.

— Какъ вамъ угодно, сэръ; мы можемъ начать и безъ васъ; эта контора въ пятидесяти шагахъ отсюда ... Такъ рѣшено; мы съ вами играемъ пополамъ ...

— Какже ... Такъ до свиданія!

Джонъ Лайвли вышелъ изъ Сократова клуба, при началѣ сдачи. Онъ отправился въ контору Гольденкросскихъ дилижансовъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ П. трика. Ему сказали, что Патрикъ приѣхалъ въ одиннадцать часовъ и тотчасъ же отправился по какому-то важному дѣлу къ Чипсайду.

— Къ Чипсайду, сказалъ Лайвли: — это онъ меня отыскиваетъ.

Ему предоставлялось на выборъ: ждать Патрика въ конторѣ, или пойти къ нему на встрѣчу. Послѣ нѣкотораго колебанія, Джонъ рѣшился на послѣднее и немедленно отправился вдоль Странда на встрѣчу Патрику. На углу Веллингтоновой улицы онъ встрѣтилъ достойнаго возницу, скорымъ шагомъ пробиравшагося по тротуару.

— Патрикъ!

— Сэръ Лайвли!

Они крѣпко пожали другъ другу руки. Какой-то господинъ въ это время, стоя у окна рыбной лавки, кушалъ морскаго рака; увидѣвъ джентльмена, пожимающаго руку кучеру, онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ахъ, сэръ Лайвли, сказалъ Патрикъ: сколько новостей!.. Впрочемъ пойдемте на Ватерлооскій мостъ, тамъ удобнѣе говорить ... Ахъ, сэръ Лайвли!

Джонъ Лайвли молчалъ и только вопросительно смотрѣлъ ему въ лицо.

— Прежде всего я долженъ вамъ объявить, что мистеръ Крупъ сошелъ съума. Онъ рѣшительно раздѣлилъ ваше пустопорожнее мѣсто на двѣ части; когда я уѣхалъ, то тамъ работало сто человѣкъ поденщиковъ ...

— Далѣе, далѣе, Патрикъ!..

— Вотъ что еще: проходя сегодня утромъ мимо Бѣка, я увидѣлъ домикъ ... вы знаете, о какомъ домикѣ я говорю?

— Знаю, знаю, Боже мой! продолжай, сдѣлай одолженіе.

— Передъ нимъ стояла толпа народа. На порогѣ какой-то старичокъ заливался горькими слезами; въ комнатѣ, у стола сидѣлъ полицейскій и что-то писалъ. Народъ шумѣлъ и въ толпѣ раздавались слова: Это ужасно! безчеловѣчно! Этотъ мистеръ Игоглейнъ настоящій людоѣдъ. — Что это за мистеръ Игоглейнъ? спросилъ я, вмѣшавшись въ толпу. — Миѣ отвѣчали, что онъ прежній владѣлецъ земли, на которой построены домики. — Мистрисъ О'Киллингэмъ осталась должна ему полтора фунтовъ и не можетъ теперь заплатить. Она теперь въ Лондонѣ и ее ждутъ, чтобы арестовать и отвести въ тюрьму.

— Въ тюрьму? за полтора фунтовъ?

— Подождите, сэръ, это еще не все. Покуда я тутъ стоялъ, откуда ни возьмись молодой джентльменъ, очень красивый и ловкій; онъ подошелъ къ плачущему старику и сказалъ: «Вотъ мой бумажникъ; въ немъ триста фунтовъ стерлинговъ; заплатите сколько слѣдуетъ и прогоните кредитора. Я, пожалуй, помогу вамъ своимъ хлыстомъ». Старикъ гордо поднялъ голову и оттолкнулъ его руку съ бумажникомъ. А между тѣмъ въ толпѣ говорили: этотъ молоденькій джентльменъ, сэръ Вильямъ Бельзи, владѣлецъ Бѣскаго замка; онъ влюбленъ въ мистрисъ О'Киллингэмъ.

— Какъ? они осмѣлились, Патрикъ?

— Не обращайтесь на это вниманія, сэръ Лайвли; народъ никогда не знаетъ, что говорить. Ну, вотъ, послѣ этого я растолкалъ толпу и подойдя къ полицмену, сказалъ: повремените до вечера; мистеръ Игоглейнъ получитъ свои деньги сполна. Я надѣялся на васъ, сэръ Лайвли; побѣждалъ къ своему брату, въ Вайкомбъ; вы, между тѣмъ уѣхали въ Лондонъ; я чуть не загналъ своихъ лошадей и прилетѣлъ сюда стрѣлою. И такъ сэръ, какъбы то ни было, а намъ непременно нужно спасти мистрисъ О'Киллингэмъ!

— О, закричалъ Джонъ, еслибъ я могъ перескочить этотъ парапетъ; я давно уже былъ бы въ Темзѣ.

И онъ въ изнеможеніи упалъ на каменную скамью моста.

— Для такихъ-то случаевъ и дѣлаютъ парапеты въ пять футовъ вышины. Но, успокойтесь, сэръ Лайвли... еще не все потеряно. Сколько у васъ остается изъ денегъ мистера Крупа?

— Половина.

— Ну, такъ я продамъ своихъ лошадей.

— Замолчи, Патрикъ; каждое слово твое, какъ кинжалъ впивается въ мое сердце ... Боже мой! Все деньги и деньги! Пятдесятъ фунтовъ! Послушай, Патрикъ: у меня еще есть надежда. Пойдемъ со мной въ Чандосову улицу. Тамъ я пустилъ свой капиталъ въ оборотъ. Если мнѣ повезло ... пойдемъ же ... Ты, на всякій случай, садись на лошадь и приготовься ѣхать ...

— Слушаю, сэръ.

Джонъ Лайвли, волнуемый ожиданіемъ и надеждой, опираясь на плечо Патрика, дошелъ до дверей клуба; онъ медленно поднялся по лѣстницѣ, чтобы оправиться и притти въ себя. Дрожащей рукой онъ отворилъ дверь и молча приблизился къ карточному столу.

— А, это вы сэръ, сказалъ Сент-Эльбенъ, — однако, вы долго ходили, любезный компаньонъ. Угадайте, какъ идутъ наши дѣла?

— Мы въ проигрышѣ? едва слышно проговорилъ Джонъ.

— Нѣтъ, сэръ: выиграли сто фунтовъ; я игралъ довольно счастливо ... Собраніе акціонеровъ въ Регентовомъ циркѣ отложено до завтра и я такимъ образомъ сталъ свободенъ. Если мы выиграемъ этотъ робберъ, то будемъ въ барышахъ ... сто сорокъ фунтовъ. Да что вы не присядете, сэръ?

— Не беспокойтесь, пожалуйста.

— Ну, посмотримъ; теперь все зависитъ отъ этой игры... только бы пришли онѣры и мы выиграли; это послѣдняя партія. По всѣмъ соображеніямъ, мы съ вами раздѣлимъ сто сорокъ фунтовъ ... Съ чего ходятъ? Съ бубенъ? Это моя любимая масть ... Ай, ай, ай! У нихъ четыре онѣра ... Плохо; дѣлать нечего, проигралъ ... Вы мнѣ принесли несчастье, сэръ. Вотъ нашъ выигрышъ уменьшился до шестидесяти фунтовъ ...

— Что дѣлать, сэръ. Видно я и въ правду несчастливъ... Продолжайте игру, а я, между тѣмъ прогуляюсь по Сент-Джемсову парку.

— Не хотите ли сѣсть за меня?

— Нѣтъ, нѣтъ; играйте; я ворочусь черезъ полчаса ...

— Вы чѣмъ — то озабочены, сэръ Лайвли?

— Я? о, нѣтъ; здѣсь довольно жарко ... и я отправлюсь подышать чистымъ воздухомъ ...

— Какъ вамъ угодно. Мы будемъ обѣдать въ Гринвичѣ у «Скипетра и Вѣнца.»

— Очень хорошо, сэръ; такъ до свиданія.

— Или, если хотите, такъ у Блѣкъ — Галя.

— Лайвли вышелъ. Патрикъ, сидя на конѣ, ждалъ его у церкви Св. Мартина.

— Ну, что, достали полтора ста фунтовъ? спросилъ онъ Джона.

— Нѣтъ еще, но достану черезъ нѣсколько минутъ ... Слѣзай съ лошади, Патрикъ.

— Нѣтъ, я лучше отправлюсь къ вамъ, въ Вайтъ — Хорзъ, узнать, нѣтъ ли новостей изъ Вайкомба. Я поручилъ брату сейчасъ же написать вамъ, если случится что-нибудь еще.

— И прекрасно сдѣлалъ; поѣзжай же, а я подожду тебя здѣсь.

— Ахъ, сэръ Лайвли, я предчувствовалъ, что эта дѣвушка разорится. Шуточное ли дѣло: цѣлые три мѣсяца поила даромъ всѣхъ нищихъ; а нынче лѣто такое жаркое.

— Не мѣшкай, Патрикъ; отправляйся къ Чипсайду, любезный другъ.

Патрикъ ударилъ коня и во весь опоръ поскакалъ по улицѣ.

Оставшись одинъ, Джонъ пустился ходить по улицѣ, чтобы какъ-нибудь убить время. Каждую минуту онъ посматривалъ на часы церкви Св. Мартина; ему казалось, что стрѣлки нисколько не подвигались впередъ. Вокругъ него все было тихо и спокойно, и дома и люди. На Трафальгарской площади каменьчики съ совершеннымъ безстрастіемъ обтесывали гранитныя глыбы; извожники спали, развалившись на козлахъ своихъ экипажей; англичане беззаботно зѣвали за зеркальными окнами своихъ домовъ; по улицамъ разѣзжали омнибусы; нѣсколько человѣкъ французовъ, съ любопытствомъ разсматривали конную статую Карла I, или венеціанскій фасадъ Нортумберлендскаго дворца, украшенный сверху собакой, старающеюся представить изъ себя льва; два полисмена отъ нечего дѣлать разсматривали эстампы, вывѣшенные въ окнахъ магазиновъ.

— Если счастье есть отсутствіе несчастія, такъ всѣ эти люди ужасные счастливыцы, думалъ Джонъ Лайвли. Впрочемъ я имъ не завидую.

И онъ воротился къ Сократову клубу, съ твердымъ намѣреніемъ, на этотъ разъ, непременно выдѣлиться отъ Сент-

Эльбена, какъ бы ни былъ великъ ихъ выигрышъ или проигрышъ.

Отворивъ дверь, онъ услышалъ въ комнатѣ шумъ; банкиры о чемъ — то горячо спорили между собой; но слышнѣе всѣхъ раздавался голосъ Сент — Эльбена.

Я хлопочу вовсе не за себя, говорилъ онъ — а за своего компаньона; прекрасный молодой человекъ! Я знаю его только со вчерашняго дня, но тѣмъ не менѣе, люблю какъ роднаго сына.

— Войдемъ скорѣе, сказалъ Лайвли.

— А, сэръ Лайвли! Очень кстати пожаловали. Вотъ извольте видѣть. Мы съ вами три раза предоставляли имъ отыгратъ-ся и они воротили свое; счастье перемѣнилось. Теперь мы просимъ сыграть еще одну, только одну партію, и они не хотятъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ есть дѣла въ Сити. Все это прекрасно; у меня у самаго было дѣло, однакожъ я остался.

Такъ, стало-быть, мы проиграли? съ трепетомъ спросилъ Джонъ Лайвли.

— Бездѣлицу; но тутъ дѣло не въ деньгахъ ... а ...

— Сколько же именно?

— По сту фунтовъ каждый. Впрочемъ, дѣлать нечего; заплатите мистеру Спигельту сто фунтовъ и отправимся.

Кровь бросилась въ голову бѣднаго ирландца.

— Сто фунтовъ? спросилъ онъ съ ужасомъ.

— Да, отвѣчалъ Сент — Эльбенъ — если у васъ нѣтъ съ собою всей суммы, такъ я доплачу остальное, а вы мнѣ отдадите въ Вайтъ — Хорзѣ.

Джонъ машинально досталъ бумажникъ и отдавая деньги мистеру Спигельту, сказалъ: вотъ пятьдесятъ фунтовъ.

— Очень хорошо, сказалъ Сент — Эльбенъ — остальное внесу я. До свиданія, сэръ Лайвли! До завтра!

Оставшись вдвоемъ съ Сентъ — Эльбеномъ, Джонъ не выдержалъ напора чувствъ и бросившись къ великодушному банкиру, съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Вы мнѣ спасли честь, сказалъ онъ со слезами.

Сент — Эльбенъ отвернулся, чтобы отереть слезу, которой у него совсѣмъ не оказалось.

— Благодарю, благодарю васъ, сэръ, сказалъ Джонъ, про-

должая трясти его за руку. Но извините; я долженъ васъ оставить; меня ждуть. Гдѣ же я съ вами увижусь?

— Нынче вечеромъ, въ фойе Дрюриленскаго театра; обѣдать я буду въ Гринвичѣ.

— Явлюсь въ Дрюриленъ. Ахъ, сэръ Сентъ-Эльбенъ, извините меня: я и вамъ принесъ несчастье.

— Полноте! Какъ не стыдно быть такъ суевѣрнымъ? Да и о чемъ горевать? Мы завтра навѣрное отыграемся.

Джонъ, еще разъ сжавъ Сент-Эльбену руку, кинулся къ церкви Св. Мартина. Патрикъ ждалъ его; онъ былъ уже на лошади, готовый скакать въ Бѣкъ.

— Разоренъ! Разоренъ, любезный Патрикъ и, къ довершенію горя, обремененъ неоплатнымъ долгомъ!

— Что вы говорите, сэръ Лайвли?

— Разоренъ, повторяю тебѣ, Патрикъ. Слѣзай съ лошади... Все кончено... О, съ какой радостью бросился бы я въ Темзу, еслибъ не задолжалъ на слово пятидесяти фунтовъ.

— А мистрисъ О'Киллингэмъ?

— За молчи, Патрикъ, замолчи, ради Бога! Будь проклятъ этотъ Лондонъ — современный Вавилонъ. Какой демонъ привелъ меня сюда?

— Чтожъ? Нужно ли мнѣ продать лошадей?

— Да, этого только не доставало, чтобъ ты еще разорился, и для меня. Да скорѣй я самъ продамъ въ неволю... Но, нѣтъ ли какихъ извѣстій изъ Вайкомба?

— Нѣтъ; вайтъ-хорзскій трактирщикъ сказывалъ мнѣ, что васъ спрашивалъ какой-то джентльменъ...

— Меня?

— Да, сэръ.

— Что за вздоръ! Да меня здѣсь никто не знаетъ... Обѣщался ли онъ придти опять?

— Какже, обѣщался.

— Слѣзай съ лошади и пойдемъ ко мнѣ въ Вайтъ-Хорзъ; мнѣ страшно, Патрикъ, я боюсь оставаться одинъ...

— Боже мой! да неужели же я васъ покину въ такомъ положеніи... Что вы, какъ это можно, сэръ?

— Добрый Патрикъ!

Явившись въ Вайтъ-Хорзъ и разспросивъ трактирщика, они узнали, что давшій джентльменъ не приходилъ.

— Подождемъ, сказалъ Джонъ, и сѣвъ на скамью, погрузился въ размышленія.

Въ обѣденное время трактирщикъ подалъ ему письмо. Оно было отъ Патрикава брата, вайкомбскаго трактирщика. Вотъ его содержаніе :

«Сэръ Лайвли !

«Вѣроятно васъ въ Лондонѣ удерживаютъ важныя дѣла. Полагаю, что братъ мой уже сообщилъ вамъ несчастное приключеніе съ ирландской мистрисъ, которая такъ васъ интересуеть. Она воротилась домой. Мистеръ Игоглейнъ былъ неумолимъ; впрочемъ, онъ согласился дать отсрочку на двадцать-четыре часа, если я возьмусь быть поручителемъ за мистрисъ О'Киллингэмъ. Я вспомнилъ о васъ и поручился. Надѣюсь, что вы не допустите меня до неприятностей. Я дѣлаю это только для васъ, а вовсе не для полоумной женщины, которая тратится на платья и поить даромъ всякаго встрѣчнаго пьяницу.

«Томасъ Гелайеръ».

P. S. Завтра къ двѣнадцати часамъ потрудитесь доставить мнѣ полтора ста фунтовъ и моего коня.

— Патрикъ! болѣзненнымъ голосомъ проговорилъ Лайвли, — мнѣ мажется, что сегодня всѣ нечистыя силы составили противъ меня заговоръ. Но, Боже мой! гдѣ достать къ завтраму двѣсти фунтовъ... Я умру, если не приобрѣту ихъ!

— Да нельзя ли что-нибудь придумать...

— Придумать? Боже мой! да развѣ идеями можно уплачивать свои долги?

— Но иногда одна идея стоить дороже всякихъ денегъ!...

— Двѣсти фунтовъ!

— А между-тѣмъ, сэръ Лайвли, прикажите подать себѣ покушать; вамъ нужно подкрѣпись свои силы...

— Да, рѣшено! Нынче вечеромъ отправлюсь въ Дрюриленъ... Тамъ будетъ мистеръ Сент-Эльбенъ; онъ одинъ можетъ спасти меня. Я расскажу ему все; онъ такъ богатъ и обнаружилъ ко мнѣ столько участія... Да и что значать для него какія-нибудь двѣсти фунтовъ!... Въ которомъ часу открывается Дрюриленъ?

— Кажется, въ семь часовъ... А вы надѣетесь встрѣтить тамъ мистреа Сент-Эльбена?

— Да; онъ обѣщаль тамъ быть.

— Ну, тѣмъ лучше!

— Онъ милонеръ и имѣеть контору въ Сити... Да, я увѣренъ, онъ не оставитъ меня безъ помощи. Не знаю, какой-то внутренней голосъ шепчетъ мнѣ, чтобъ я надѣялся, что Сент-Эльбенъ спасетъ меня.

Передъ отправленіемъ въ театръ, Джонъ Лайвли собралъ остатки своихъ денегъ; оказалось всего одинъ фунтъ съ нѣсколькими шиллингами. Положивъ деньги въ карманъ, Джонъ поспѣшилъ къ Дрюрилену.

Бѣдный ирландецъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на великолѣпную театральную залу, убранную алыми драпировками, залитую блескомъ тысячи свѣчъ и сіявшую нарядами, золотомъ и брильянтами; онъ оставался равнодушенъ ко всему; не слыхаль ни грома оркестра, ни пѣнія, ни рукоплесканій, онъ искалъ только мистера Сент-Эльбена. Обошелъ чуть не всѣ ложи; поднимался то вверхъ, то внизъ. Въ антрактѣ, увлеченный толпою, онъ нечувствительно попалъ въ фойе. Войдя туда, онъ съ ужасомъ отступилъ отъ удивленія и стыда. Ему казалось, что какою-то невѣдомой силой онъ былъ перенесенъ на пиръ Вальтазара; толпы вавилонскихъ красавицъ вышли изъ своихъ гробовъ, и бѣдный ирландецъ съ каждою минутой ожидалъ, что вотъ сейчасъ начнется самая неистовая арія. Болѣе ста полуобнаженныхъ женщинъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ ходили и сидѣли въ разныхъ мѣстахъ, окруженные толпами молодежи. Блескъ нарядовъ, брильянты, благоуханіе цвѣтовъ, все это оцѣпѣнило ужасомъ Джона Лайвли!

— Боже мой! воскликнулъ онъ, — защити меня! Небесный огонь готовъ упасть на преступныхъ, но я не хочу погибнуть съ ними!

Закрывъ глаза, онъ осторожно спустился съ мраморной лѣстницы фойе. Въ галлерей онъ остановился передъ статуей Шекспира и сказалъ:

— И для этого-то народа, Уильямъ, создалъ ты свою Офелію!

Вышедъ на Страндъ, Лайвли задалъ себѣ вопросъ:

— Зачѣмъ пошелъ я въ Дрюриленъ?

— Между-тѣмъ на колокольнѣ церкви Св. Маріи пробило десять.

— А! да, теперь помню, я хотѣлъ видѣться съ мистеромъ

Сент-Эльбеномъ... Пойду же въ Сократовъ клубъ, онъ навѣрное тамъ.

Поднявшись по лѣстницѣ Сократова клуба, Джонъ отворилъ дверь. Зала была совершенно пуста; нагорѣвшая лампа тускло освѣщала ее. На стулѣ спалъ лакей. Джонъ разбудилъ его.

— Послушай, любезный, сказалъ онъ, — будетъ ли сегодня здѣсь мистеръ Сент-Эльбенъ ?

— Кто-съ ?

— Мистеръ Сент-Эльбенъ.

Лакей лѣниво потянулся, протеръ глаза и отвѣчалъ:

— Я не знаю никакого мистера Сент-Эльбена.

— Какъ, не знаешь? Да онъ нынче утромъ игралъ здѣсь въ вистъ.

— Можетъ-быть, да я его все-таки не знаю.

— А другіе банкиры? ты знаешь хоть ихъ ?

— Нѣтъ; никого не знаю, они были здѣсь въ первый разъ.

— Какъ, въ первый разъ? Да вѣдь здѣсь Сократовъ клубъ?

Лакей пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и отрицательно покачавъ головой, отвѣчалъ.

— Нѣтъ, здѣсь нѣтъ никакого Сократа.

— Такъ что же здѣсь такое?

— Табачная; то есть, зала для куренья.

— Знаешь ли ты, что я, сегодня утромъ, проигралъ здѣсь сто фунтовъ?

— А! теперь я васъ узналъ; вы были здѣсь давеча и уходили два раза; эти господа велѣли мнѣ стать у окна и сказать имъ, когда завиджу васъ на улицѣ.

— А чтожь они дѣлали здѣсь безъ меня?

— Ничего; пѣли, разговаривали, смѣялись, читали газеты ...

— А въ карты не играли?

— Нѣтъ; они принимались играть, когда вы подходили...

— Меня обокрали! Все погнбло! Нѣтъ болѣе надежды. Онъ съ проклятіями поспѣшно вышелъ на улицу.

VI.

ЖУРНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Терзаемый тысячью разнообразныхъ ощущеній, Джонъ Лайвли всю ночь провелъ въ прогулкѣ по аллеямъ Сент-Джемсова парка: Заря уже начинала заниматься, когда онъ пробирался по заустѣлымъ улицамъ Лондона къ своей квартирѣ. Навстрѣчу ему шелъ какой-то человекъ, то былъ Патрикъ. Онъ также не ложился спать и всю ночь провелъ на Ватерлооскомъ мосту, боясь, чтобы Джонъ Лайвли въ-самомъ-дѣлѣ не вздумалъ покуситься на самоубійство. На разсвѣтѣ онъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ воротился въ Сити. Два радостныя восклицанія въ одно время огласили безлюдную улицу. Джонъ и Патрикъ дружески обнялись.

— Живъ, живъ! закричалъ Патрикъ.

— Да, сказалъ Лайвли: живъ, по несчастію.

— Что за несчастіе! Полноте, сэръ; успокойтесь. Я досталъ сто фунтовъ ... извольте получить.

— Сто фунтовъ, Патрикъ; гдѣ ты досталъ?

— Продавъ лошадей.

Лайвли крѣпко прижалъ Патрика къ груди.

— Но все-таки недостаетъ еще пятидесяти фунтовъ, Патрикъ.

— Ничего; достанемъ у брата и до двѣнадцати часовъ сполна внесемъ денежки мистеру Игоглейну.

— Прекрасно. Поспѣши же въ Вайкомбъ; садись въ гольденкросскій дилижансъ и освободи мою красавицу; но только, ради Бога, Патрикъ, сдѣлай такъ, чтобы она не знала, откуда эти деньги.

— Будьте покойны, сэръ.

— Я буду ждать тебя здѣсь, въ Лондонѣ. Богъ милостивъ, авось-либо намъ удастся ...

— Вотъ что я придумалъ, сэръ. Если у брата нѣтъ денегъ, такъ я отправлюсь въ Стаффордъ, къ мистеру Крупу; возьму у него. Стану ему хвалить желѣзныя дороги, постараюсь съ нимъ поладить ... и пожалуй, пойду къ нему въ работники и заключу контрактъ на годъ.

— Добрый Патрикъ! Поѣзжай же съ Богомъ и дѣлай какъ

знаешь. Прощай! Прежде всего повидайся съ братомъ и спаси мистрисъ О'Киллинггемъ отъ тюрьмы.

— До завтра, сэръ Лайвли!

Темная и слабая надежда на счастье имѣеть свойство успокоивать людей, преданныхъ самому глубокому отчаянію. Въ тяжелыхъ минутахъ жизни все намъ кажется спасительной доской; мы влѣзаемъ на нее и хоть на минуту стараемся перевести дыханіе; каждый малѣйшій лучъ уже кажется намъ солнцемъ.

Въ восемь часовъ трактирщикъ Вайтъ-Хорза явился къ Джону Лайвли и съ почтительнымъ поклономъ сказалъ:

— Сэръ Лайвли, тотъ джентльмень, что уже два раза васъ спрашивалъ, опять пришелъ. Угодно вамъ видѣть его?

— Хорошо, сейчасъ приду, отвѣчалъ Лайвли и прибавилъ въ полголоса: если это Сент-Эльбенъ пришелъ требовать пятьдесятъ фунтовъ, то я изобью его не на животъ, а на смерть.

Но онъ ошибся, то былъ уже извѣстный читателямъ инженеръ желѣзной дороги, мистеръ Крупъ.

— Сэръ Лайвли, вскричалъ онъ, простирая къ Джону руки: я искалъ васъ по всему Лондону. Гдѣ вы скрываетесь? Я узналъ, что вы остановились въ Вайтъ-Хорзѣ, и вотъ, зашелъ, мимоходомъ, повидаться съ вами. Ну, какъ вы поживаете?

— Вы слишкомъ добры, сэръ, отвѣчалъ ему Джонъ, съ холоднымъ поклономъ.

— Скоро девять часовъ, сэръ Лайвли; неудобно ли вамъ выкупать со мной чашку шоколада у Веррея, въ Регентовой улицѣ.

— Съ удовольствіемъ, сэръ.

— Вы никогда не были у Веррея, сэръ? Это лучшая кофейня въ цѣломъ Лондонѣ. Если хотите, я вамъ покажу мамзель Гризи; она живетъ какъ разъ противъ Веррея и по утрамъ выходитъ на балконъ поливать свои цвѣты. Нравится ли вамъ Гризи? Посѣщаете-ли вы Королевскій Театръ? Слыхали вы, какъ Гризи удивительно поетъ:

Son vergin vezzosa:

In veste di sposa.

Въ Пуританахъ, I Puritani. Пойдемте же, пойдемте. Кста-ти и у насъ тамъ, на пустопорожномъ мѣстѣ, работы уже начались. Жаль, сэръ Лайвли, что у васъ нѣтъ ни клочка плодотворной земли; вы бы продали свой участокъ за большія день-

ги ... Ну, что, вы все еще, попрежнему, дорожите своей хижинкой?

— По прежнему, сэръ.

— Э, полноте! Что вамъ въ ней? настоящая лапландская юрта, или индѣйскій вигвамъ... Впрочемъ, если бы вы захотѣли продать свое пустопорожнее мѣсто, такъ я ужъ, такъ и быть, далъ бы вамъ двадцать фунтовъ, хоть оно, по правдѣ, не стоитъ и десяти шиллинговъ.

— Нѣтъ, я не намѣренъ продавать.

— Какъ хотите, какъ хотите. Ну, что вы подѣльваете въ Лондонѣ хорошенькаго, сэръ Лайвли? Весело ли проводите время? Бываете ли въ театрахъ, въ клубахъ? Случалось ли вамъ обѣдать въ клубѣ Реформы? Тамъ славно ѣдятъ. Я видѣлъ тамъ О'Коннеля, кажется, въ прошедшемъ мѣсяцѣ; онъ охотникъ поѣсть. А знаете ли вы, что каждый ирландецъ платитъ О'Коннелю по пенни въ недѣлю, и такимъ образомъ О'Коннель получаетъ по четыре тысячи фунтовъ въ мѣсяць! Это не худо, чортъ возьми! Еслибъ у насъ было столько денегъ, такъ мы не стали бы рыть землю своими ногтями ... А знаете ли, что почва вашего пустопорожняго мѣста тверда, какъ бронза? Работники переломали объ нее свои заступы. Совершенная сталь. А что вы намѣрены сдѣлать съ двумя участками, которые останутся по обѣимъ сторонамъ насыпи?

— Да развѣ съ ними можно что-нибудь сдѣлать?

— Почему я знаю! Теперь у васъ изъ одного участка вышло два, и вы, какъ новѣйшій Колоссъ Родосскій, можете прогуливаться по обѣимъ разомъ.

— Ну что, жъ? и буду прогуливаться.

— Кругомъ васъ такое множество болотъ, что мы не знаемъ даже, гдѣ намъ взять земли. Ахъ, мнѣ пришла мысль! Уступите намъ эти два клочка пустопорожняго мѣста?

— Зачѣмъ вамъ?

— О, Боже мой! Ну если не хотите, такъ владѣйте ими на здоровье. Да притомъ же я могу предложить вамъ за нихъ слишкомъ невысокую цѣну.

— А что бы вы, напримѣръ, дали, мистеръ Крупъ?

— Что? Вотъ вы мнѣ задали задачу ... Что бы вамъ дать за эти два клочка ... Они право, ни на что не годятся ... Впрочемъ, была не была, берите тридцать фунтовъ.

— О! этого ужъ слишкомъ мало!

— То есть по тридцати фунтовъ за каждый участокъ: всего — шестьдесятъ.

— Ужасно дешево.

— Ну, хорошо; пойдѣте же къ Веррею, да выпьемъ по чашкѣ шоколаду ... Смотрите сюда; вотъ балконъ мамзель Гризи.

Vien dileto, in ciel e luna.

Нѣтъ, какъ хотите, а я непременно сведу васъ слушать Пуританъ ... Какой превосходный дуэтъ:

Suoni la tromba intrepido!

А романсъ:

Zasciate mi morir!

Въ самомъ дѣлѣ, эта Гризи — удивительный талантъ! Вотъ ея балконъ съ цвѣтами ... Хотите, я васъ представлю Рубини? Вы услышите, какъ онъ поетъ:

Non parlar di lei ch' adoro
Di valor non mi spoliar.

А Тамбурини? о!

Del sogno beato!

Ну что, каковъ шоколадъ? Ахъ, да! вѣдь мы начали говорить о вашемъ пустопорожнемъ мѣстѣ ... Ну, такъ и быть, даю вамъ за него совсѣмъ, какъ оно есть, и съ холмомъ, сто фунтовъ стерлинговъ ... что, хотите?

— Подумаю.

— Подумайте. А между тѣмъ не хотите ли свѣжаго масла... гампстидскаго, крикльвудскаго, или гайгетскаго?

— Нѣтъ, благодарствуйте... Послушайте, мистеръ Крупъ! Вчера я встрѣтилъ одного джентльмена, который говорилъ точно также, какъ вы, такъ — что можно подумать, будто вы ему родной братъ ... Вчера ... я ... былъ обманутъ ... простите за выраженіе... Вотъ и вы говорите мнѣ о мамзель Гризи, и о Пуританахъ, и о Королевскомъ театрѣ и проч. Какъ вамъ угодно, но это мнѣ подозрительно. Со вчерашняго дня я постарѣлъ, сдѣлался опытиѣе. Вы очень ловки, мистеръ Крупъ; нужно отдать вамъ справедливость, но, по несчастію, вы пришли *посль* мистера Сент-Эльбена ...

— Что это за Сент-Эльбень, сэръ Лайвли?

— Это одинъ джентльмень, который выигралъ у меня въ вистъ сто фунтовъ стерлинговъ.

— Что же можетъ быть у меня съ нимъ общаго?... я не играю въ карты... Такъ вы говорили?..

— Я говорю, что предложеніе ваше мнѣ подозрительно, если говорить откровенно. Мнѣ кажется, что ваше посѣщеніе скрываетъ какую-то цѣль, которой я не понимаю, но которая однако же существуетъ... И потому, какъ я ни нуждаюсь въ деньгахъ, все-таки отказываюсь отъ вашихъ ста фунтовъ.

— Послушайте, сэръ Лайвли: мнѣ кажется, вы думаете, будто я нашелъ золотую руду въ вашемъ пустопорожномъ мѣстѣ?

— Я ничего не думаю, сэръ... Я только сдѣлался осторожнѣе; мнѣ вездѣ кажутся мистеры Сент-Эльбены.

— Какъ вы мало знаете людей, сэръ Лайвли!

— Ваша правда; я ихъ совсѣмъ не знаю.

— Вы еще молоды; впрочемъ, благоразуміе и здравый взглядъ на вещи придутъ къ вамъ съ годами. Согласитесь, однакожь, что странно питать недовѣріе и предполагать какія-то заднія мысли въ человѣкѣ, который, единственно по добротѣ сердца, почти ни за что предлагаетъ вамъ сто фунтовъ... Ну, послушайте, сэръ Лайвли, чтобы не разговаривать долго, я — ужъ такъ и быть — даю вамъ двѣсти фунтовъ; хотите?

— Нѣтъ.

— Ну, триста.

— Нѣтъ.

— Вотъ этого ужъ я рѣшительно не понимаю!

— Джонъ Лайвли, закрывъ лицо руками, въ раздумьи облокотился на столъ.

— Послушайте, мистеръ Крупъ, вы ужъ слишкомъ много предлагаете мнѣ денегъ, чтобы я согласился.

— Ахъ, Боже мой! вотъ опять бѣда! Да если я, на зло вамъ, хочу сдѣлать васъ счастливымъ? Господи! Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ, что люди уже не вѣрятъ въ челоуѣколюбіе! Рѣшительно нынче невозможно сдѣлать добраго дѣла, не навлекая на себя подозрѣній! Сэръ Лайвли, я скажу вамъ последнее слово и потомъ уйду и оставляю васъ на жертву угрызений собственной совѣсти. Наша компанія желаетъ приобрести ваше пустопорожное мѣсто, потому-что намѣрена скупить всѣ земли, лежація по всему протяженію желѣзной

дороги. Понимаете? Въ послѣдній разъ предлагаю вамъ пять сотъ фунтовъ; согласны?

— Дайте мнѣ одинъ часъ на размышленіе.

— Берегитесь, чтобъ я не раздумалъ и не спустился опять на сто.

— Гдѣ мы съ вами увидимся?

— Въ трактирѣ «Квадрантъ.»

— Хорошо; я посижу покуда здѣсь, у Веррея.

— Какъ хотите. И мистеръ Крупъ ушелъ.

Въ это время принесли груды газетъ и журналовъ. Мальчики принялись раскладывать по столамъ еще мокрые листы. Джонъ Лайвли взялъ первый попавшійся журналъ и принялся читать его. То было «Ливерпульское Обозрѣніе». Дойдя до четвертой страницы, Лайвли прочелъ слѣдующее:

«Близъ насыпи Манчестерской желѣзной дороги, на пусто-
«рожномъ мѣстѣ, принадлежащемъ мистеру Джону Лайвли,
«открыта огромная мина лучшаго каменнаго угля. Это откры-
«тіе произошло совершенно случайнымъ образомъ, но тѣмъ
«не менѣе оно чрезвычайно важно; потому-что можетъ въ
«теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ доставлять топливо и
«паровозамъ желѣзной дороги и всѣмъ окрестнымъ fabri-
«камъ. Мина эта цѣнится, примѣрно, во сто тысячъ фунтовъ
«стерлинговъ.»

Джонъ Лайвли, прочитавъ это, остался совершенно равнодушенъ: онъ осторожно осмотрѣлся, думая, что кто-нибудь нарочно подсунулъ ему этотъ журналъ; еще разъ прочиталъ статью и положилъ журналъ въ карманъ.

— Если это не выдумка — такъ чудо; а если чудо, такъ оно явилось очень кстати. Но, нужно еще подождать радоваться. Пойду къ мистеру Крупу; что-то онъ мнѣ скажетъ. Его приходъ и предложенія какъ-то совпадаютъ съ журнальнымъ извѣстіемъ?

Въ концѣ Регентовой улицы онъ встрѣтилъ мистера Крупа и постарался принять какъ можно болѣе спокойное выраженіе.

— Ну, сэръ Лайвли, сказалъ мистеръ Крупъ, — надумались ли вы?

— Надумался.

— Берете ли пять-сотъ фунтовъ стерлинговъ за свое пусто-
«стопоружнее мѣсто?»

— Нѣтъ, мистеръ Крупъ, не возьму.

— Не возьмете, такъ нечего и говорить.

— Разумѣется; я продамъ его не вамъ, такъ другому.

— Да неужели вы думаете, что кто-нибудь дастъ вамъ больше моего?

— Думаю.

— Сколько же вы хотите?

— Да то, чего оно стоитъ.

— Что жъ оно, по вашему, стоитъ?

— Полтораста тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Взрывъ несдержимаго хохота огласилъ улицу и потрясъ стекла сосѣднихъ домовъ.

Джонъ Лайвли, скрестивъ руки на груди, терпѣливо ждалъ, покуда добродѣтельный инженеръ успокоится.

— Ну, что, совсѣмъ? спокойно спросилъ онъ мистера Крупа.

— Ой, батюшки, не могу! Ахъ, ты Господи! вотъ забавникъ-то! Ха, ха, ха! Ужъ распотѣшилъ!

— Послушайте, мистеръ Крупъ: я думаю, что можно по-смѣяться послѣ, а вотъ теперь прочтите, пожалуйста, эту статейку «Ливерпульскаго Обозрѣнія» и потомъ потрудитесь занести его къ Веррею, если вамъ по дорогѣ... Что, вы теперь ужъ не смѣетесь?

— Послушайте, сэръ Лайвли: я вижу, намъ нечего съ вами играть комедию. Вы все знаете, стало-быть тутъ не зачѣмъ много и говорить. Отправимтесь лучше къ намъ; пригласимъ оцѣнщиковъ и покончимъ дѣло въ десять минутъ.

— Давно бы такъ. Ну, что?... такъ никто не дастъ пяти сотъ фунтовъ?

— Э! кто старое помянетъ... Вотъ что я вамъ скажу. Дайте мнѣ слово не продавать своего пустопорожняго мѣста никому, кромѣ насъ, и то еще по оцѣнкѣ нашихъ и вашихъ оцѣнщиковъ, и я сейчасъ же дамъ вамъ тысячу фунтовъ задатку?

— Согласенъ.

— Мы завтра же совершимъ купчую крѣпость. Вотъ вамъ тысяча фунтовъ и потрудитесь дать мнѣ маленькую расписочку въ полученіи.

— Извольте, извольте.

— Въ которомъ же часу мы завтра увидимся?

— Я сейчасъ же уѣду изъ Лондона и завтра вы можете меня видѣть въ Вайкомбѣ, въ трактирѣ Краснаго Льва.

— Прекрасно. Дайте мнѣ вашу руку, сэръ Лайвли.

— Отъ всего сердца. Прощайте.

VI.

ПОСЛѢДНЕЕ ДѢЙСТВІЕ.

— Къ Чипсайду! закричалъ Джонъ Лайвли, сѣвъ въ извозничью карету на Гэй — маркетской площади. Онъ судорожно прижималъ къ груди драгоцѣнный бумажникъ, какъ-бы опасаясь, чтобъ онъ не выскочилъ у него изъ рукъ.

Неожиданное счастье точно также озадачиваетъ людей, какъ и горе; счастье еще болѣе поражаетъ, потому-что умный человѣкъ никогда на него не рассчитываетъ. И потому, каждый бѣднякъ, разбогатѣвшій нечаяннымъ образомъ, смотритъ на свое богатство съ недовѣріемъ; ему все кажется, что судьба обманываетъ его, дразнить, поставяетъ ему ловушку.

Джонъ Лайвли, покачиваясь въ покойномъ экипажѣ, предался невольному раздумью.

— Мнѣ кажется — думалъ онъ — что послѣднее время я не жилъ, а спалъ, и все, что со мной ни случилось, представилось мнѣ во снѣ; особенно мнѣ нравится послѣднее приключеніе ... Въ то же время, у меня является убѣжденіе, что все, окружающее меня, бодрствуетъ, и я совершенно ясно вижу всѣ предметы ... Да и самъ я, по всей вѣроятности, не на постели, а въ каретѣ. Если все это сонъ, такъ мнѣ ужъ пора бы и проснуться ... А вотъ Сомерсетъ — Гузъ ... Вотъ церковь Св. Дѣвы Маріи ... Св. Климента, со своей неподражаемой колокольной, словно обвѣшанной кружевомъ ... Вотъ Темплъ-Баръ; церковь Св. Дунстана ... Вотъ Людгетская улица ... Едва ли человѣкъ можетъ во снѣ такъ отчетливо различать предметы!.. и притомъ же все представляется мнѣ въ настоящемъ своемъ видѣ ... Нѣтъ, какъ угодно, а я не сплю! Вотъ и контора дилижансовъ, гдѣ я, въ воскресенье, оставилъ эту обворожительную женщину ... Вотъ Чипсайдъ. Нѣтъ, рѣшительно я не

сплю, и все, что со мной было, случилось на яву. И такъ, я богатъ, я счастливъ!.. Стой, кучерь, стой!

Онъ отдалъ послѣднюю крону извозщику и побѣжалъ въ Вайтъ — Хорзъ. Когда Джонъ окончательно убѣдился, что не грезить, то восторгъ его достигъ до высочайшей степени.

— Послушай, пріятель, сказалъ онъ трактирщику: — гдѣ здѣсь можно нанять почтовый кабріолетъ?

— У Кросса, въ Вайкомбской улицѣ, и у Ньюмена, въ Регентовой.

— Какая же цѣна?

— По полтора шиллинга за милю.

— Я заплачу вдвое ... Ахъ, еслибъ Патрикъ не продалъ своихъ лошадей!

— Да вѣдь это я ихъ купилъ, сэръ!

— Ты? Гдѣ же они? Ты ихъ перепродалъ?

— Нѣтъ еще, а собирался; я и купилъ — то ихъ по просьбѣ Патрика.

— Хорошо; продай ихъ мнѣ и получишь дватцать фунтовъ барыша ... Скорѣе же, скорѣе! заложи Патриковыхъ лошадей въ кабріолетъ, а бѣлую лошадь, на которой я пріѣхалъ, привяжи сзади, да найми лакея въ ливреѣ ... На все это тебѣ дается сроку полчаса. Вотъ двадцать фунтовъ на разные надобности и пять тебѣ за труды.

Черезъ полчаса все было готово: кабріолетъ, запряженный Патриковыми лошадьми, подѣхалъ къ крыльцу; на козлахъ сидѣлъ почтальонъ, а ливрейный лакей, снявъ шляпу, готовился помочь Джону усѣсться. Лайвли бросился въ кабріолетъ и закричалъ:

— Въ Вайкомбъ, по Эксбрайджской дорогѣ! Гони во весь духъ!

Добрые кони дружно тронулись съ мѣста и какъ птицы помчались по знакомой дорогѣ; быстро проѣхали они Лондонъ и еще быстрѣе полетѣли по шоссе. Когда они выѣхали на большую дорогу, гдѣ — то пробило одиннадцать. Они неслись съ быстротою вѣтра; справа и слѣва мелькали дома, хижины, люди и деревья. Подѣзжая къ Эксбриджу, всѣ четыре лошади, почуя что — то знакомое, вытянули морды и дружно заржали; на мосту они стали какъ вкопаныя и, не смотря на удары бича и прочія понужденія, не двигались съ мѣста. На встрѣчу имъ кто — то шелъ: то былъ Патрикъ.

— Мои лошади! закричалъ онъ съ отчаяніемъ, и бросился къ периламъ съ очевиднымъ намѣреніемъ утопиться въ рѣкѣ.

— Это я, Патрикъ! закричалъ Лайвли.

— Услышавъ знакомый голосъ, кучеръ кинулся къ коляскѣ.

— Какъ? это вы, сэръ Лайвли, и на моихъ лошадяхъ?

— Да, я ихъ выкупилъ; они опять твои. Но садись же сюда, рядомъ со мной, и поѣдемъ.

— Что за чудо, сэръ!

— Именно чудо, Патрикъ!

— Ахъ, сэръ Лайвли! мой братъ оказался совершеннымъ негодяемъ; онъ не далъ пятидесяти фунтовъ, и потому черезъ какой-нибудь часъ, мистрисъ О'Киллингэмъ ... Придется еще разъ продать лошадей.

— Нѣтъ, Патрикъ, нѣтъ; теперь я богатъ, я лордъ. На моемъ пустопорожнемъ мѣстѣ открылась богатѣйшая мина каменнаго угля и я сдѣлался миллионеромъ ... Скорѣе, скорѣе въ Вайкомбъ! кричалъ онъ почтальону. — Погоняй что есть мочи! Что же съ тобой сдѣлалось, Патрикъ, ты словно окаменѣлъ?

— Какъ! вы миллионеръ?

— Да, любезный другъ, и, какъ видишь, остался такимъ же какъ и былъ ... А вѣдь промышленность чудесное дѣло?

— Отличное, сэръ.

— А желѣзныя дороги? Они также имѣютъ свою физиономію. И притомъ-же, какъ быстро привозятъ человѣка къ обогащенію.

— Ваша правда. Да здравствуютъ желѣзныя дороги!

— Хочешь, я тебя помѣщу смотрителемъ на желѣзную дорогу?

— А чтожь тутъ нужно дѣлать?

— Ничего.

— Однакожь, нужно *смотреть* за чѣмъ-нибудь?

— Вздоръ; совсѣмъ не нужно. Ты будешь получать по двѣсти фунтовъ въ годъ и жить гдѣ тебѣ угодно.

— А какже мои лошади?

— Я куплю въ Вайтморѣ лугъ; они будутъ пастись день и ночь и смотрѣть на проѣзжающіе вагоны ...

— Экое раздолье! да имъ и умирать не надо ... Да, дайте же мнѣ насмотрѣться на васъ, сэръ ... Вы прекрасны, какъ

лордъ ... Удивительное дѣло, какъ богатство перемѣняетъ человека! Въ васъ, я думаю, расту теперь футовъ шесть?

— Видишь ли ты, Патрикъ, въ концѣ дороги два клена, похожіе на букву W?

— Вижу, сэръ.

— Это начальная буква Вайкомба.

— Погоняй, погоняй! закричалъ Патрикъ.

— Сохранилъ ли ты свои сто фунтовъ?

— Какже, сэръ; они у меня здѣсь, на груди.

— Однако, какой негодяй этотъ мистеръ Игоглейнъ.

— Да; я предложилъ ему сто фунтовъ, — вѣдь это составить ровно двѣ трети долга, — и онъ все — таки не взялъ!

— Мерзавецъ! Онъ получить свой долгъ сполна, сегодня же ... А! вотъ и Вайкомбъ!

— Что же мнѣ прикажите дѣлать, сэръ?

— Отнеси эти полтора ста фунтовъ своему брату, для передачи мистеру Игоглейну, и дожидай меня у Краснаго Льва... Я поѣду къ мистрисъ О'Киллингэмъ верхомъ.

Ни одинъ ландшафтъ не казался Джону такъ прекраснымъ, какъ окрестность Вайкомба. Сердце его было переполнено блаженствомъ и любовью. Ему теперь нечего было опасаться. Провидѣніе указало ему новый путь, усыпанный цвѣтами. Мысли его были свѣтлы и ясны, какъ лазурное небо; онъ чувствовалъ что-то невыразимое; въ душѣ его какъ будто былъ праздникъ.

Кругомъ домика все было пусто и безмолвно. Онъ съ безпокойствомъ сошелъ съ лошади; безмолвіе это проливалось въ его сердце какое — то безпокойство и опасеніе. Дверь была заперта, потому-что мистрисъ О'Киллингэмъ, вслѣдствіе послѣднихъ событій, закрыла свой буфетъ.

Джонъ вздрогнулъ и въ недоумѣніи остановился у садовой рѣшетки; въ домикѣ раздался вопль, полный муки и отчаянія. Вдругъ дверь быстро отворилась и какой-то джентльменъ съ угрозами вышелъ на дорогу.

— Если такъ, сударыня, сказалъ онъ, оборотившись къ дверямъ: — такъ даю вамъ слово, что вы нынче же вечеромъ будете посажены подъ замкъ.

— Это, вѣроятно, мистеръ Игоглейнъ, подумалъ Джонъ и схватилъ за руку разгнѣваннаго кредитора.

— Милостивый государь! сказалъ онъ: подъ замкъ са-

жають только тигровъ въ сюррейскомъ звѣринцѣ. Отправляйтесь въ Вайкомбъ, къ трактирщику Тому Гелейру; онъ заплатитъ вамъ полтора ста фунтовъ. Если хотите, можете взять мою лошадь.

— Кто вы, сэръ? спросилъ мистеръ Игоглейнъ.

— Какое вамъ дѣло! И чѣмъ вы рискуете, отправясь въ Вайкомбъ за деньгами? Развѣ только удержать мою лошадь?..

— Не батюшка ли пріѣхалъ? спросилъ нѣжный голосокъ изнутри домика.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ Джонъ, входя въ домъ съ обнаженной головой и потупленными глазами. Одинъ изъ вашихъ ирландскихъ друзей, — Джонъ Лайвли, сынъ благороднаго Артура Тули...

— Сынъ Артура Тули? съ удивленіемъ спросила красавица: о, войдите, войдите, сэръ.

— Я далъ клятву принять имя моего отца передъ алтаремъ Св. Патрика, когда буду вѣнчаться съ католичкой.

— Но я, кажется, видѣла васъ, сэръ Лайвли, въ прошедшее воскресенье, въ Лондонѣ, въ нашей церкви?

— Я молился тамъ о вашемъ счастиі.

— Какой счастливый случай привелъ васъ сюда, въ ту самую минуту, когда этотъ презрѣнный...

— Кто идетъ съ Божіей помощью, тотъ всегда приходитъ въ-время. Извините меня, сударыня; я совсѣмъ не знаю свѣтскихъ обычаевъ и, можетъ-быть, выражаюсь не такъ, какъ-бы слѣдовало. Я пришелъ сюда, какъ Елеазаръ къ колодезю, предложить вамъ брачное кольцо и ожерелье... Я ирландецъ, католикъ, богатъ и люблю васъ такъ, какъ никто и никого не любилъ...

Прекрасная ирландка грустно посмотрѣла ему въ лицо и на глазахъ ея показались слезы. А онъ?... Онъ молча, съ поникшей головой, ожидалъ ея отвѣта.

— Я уже три года, какъ вдова, сказала она съ рыданіемъ, и могу располагать своей рукой, сэръ Лайвли; но я рѣшилась посвятить свою жизнь батюшкѣ. Онъ такъ боленъ и слабъ, что только я успѣваю облегчать его страданія. Если я выйду замужъ, то перестану быть дочерью.

— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ ее Джонъ: у вашего отца будетъ тогда двое дѣтей.

— Послушайте, сэръ Лайвли: не знаю, почему, видъ вашъ

и голосъ вселяють въ меня полное къ вамъ довѣріе, и я не могу иначе говорить съ вами, какъ съ нѣжнымъ, добрымъ братомъ... Только Богу извѣстно, сколько я, въ послѣдніе три мѣсяца, перенесла горя. Я должна была хранить и защищать батюшку, тогда-какъ сама нуждалась въ защитѣ. Три мѣсяца я, какъ придорожный тополь, подвергалась оскорбленіямъ проходящихъ, и наконецъ... о, я не смѣю продолжать... одинъ негодный... предложилъ мнѣ, что разорветъ заемное письмо... если я...

— Какъ, сударыня, онъ осмѣлился?

— Слушайте, слушайте, сэръ Лайвли. Васъ послалъ сюда самъ Богъ... Этотъ человѣкъ осмѣлился прикоснуться ко мнѣ, но остановился, услыша стукъ подковъ вашей лошади.

Джонъ схватился за голову и глухо застоналъ.

— Сэръ Лайвли! Именемъ Бога умоляю васъ не думать о мщениі; станемъ вмѣстѣ молиться за него... Но, еслибъ только одинъ онъ... а... здѣсь по сосѣдству есть домъ, населенный отвратительными негодями: узнавъ о моемъ несчастіи, мнѣ стали предлагать... Вчера, сэръ Лайвли, я продала послѣднее свое кольцо, послѣднее платье...

Джонъ тихо залился слезами.

— Но я воротилась домой, продолжала она, съ неоскверненными устами, я могла молиться... Сэръ Джонъ Лайвли, милый братъ мой! хотите ли быть моимъ защитникомъ?

Лайвли силился что-то сказать.

— Вашимъ защитникомъ? спросилъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Да, Джонъ, сказала она и протянула ему руку: покуда защитникомъ...

Онъ бросился на колѣна и осыпалъ руки ея поцѣлуями.

— Отнынѣ я буду проводить ночи подъ открытымъ небомъ на вашемъ порогѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку, Джонъ; вы достойный ирландецъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Зачѣмъ же вы подвергались обидамъ прохожихъ, а не поселились гдѣ-нибудь въ городѣ?

— Я ждала этого вопроса, сэръ, и готова отвѣчать вамъ, только бы насъ не прервали полицейскіе.

— Не безпокойтесь, сударыня; долгъ вашъ уже заплаченъ.

— Кто же заплатилъ? Вы, сэръ Лайвли?

— Сударыня ... я ... нѣтъ.

— Вы не умѣете лгать, сэръ; я вижу, что это сдѣлали вы и не краснѣю ... Сэръ Лайвли, вы спасли мнѣ болѣе нежели честь; вы спасли жизнь моего отца. Слушайте же: я ввѣрю вамъ тайну, которой не знаетъ еще никто. 21 марта нынѣшняго года, мы съ батюшкой ѣхали въ почтовой коляскѣ изъ Лондона въ Честеръ. Передъ этимъ, мы продали все, что у насъ оставалось; отецъ мой былъ такъ слабъ, что я опасалась за его жизнь. Въ Вайкомбѣ пробило полночь, когда мы проѣзжали мимо этого домика. Я заснула; батюшка разбудилъ меня, судорожно схвативъ меня своими охладѣвшими руками. При свѣтѣ фонаря, я заглянула ему въ лицо: онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; у него горломъ хлынула кровь. Я ужаснулась и не знала, что дѣлать. «Дитя мое», сказалъ онъ: «мнѣ пить хочется, я умираю отъ жажды. Бога ради, дай мнѣ хоть капельку воды, или я умру...» Я кинулась на дорогу и хоть въ то время было уже темно, но я видѣла, что передо мной на необозримое пространство разстиралось поле, безъ всякаго признака жилья ... Мной овладѣло отчаяніе и я прошептала: «я отдамъ жизнь свою за одинъ глотокъ воды.» Бросившись на колѣни, я подняла глаза къ небу и тутъ же поклялась, что если Богъ спасетъ моего отца, то я цѣлое лѣто, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, буду утолять жажду всѣхъ бѣдныхъ странниковъ.

Лайвли, закрывъ лицо руками, снова упалъ передъ ней на колѣни.

— Въ это время подошелъ къ намъ какой-то путникъ, съ дорожнымъ сосудомъ на поясѣ, наполненнымъ водой, которую онъ только-что зачерпнулъ въ фонтанѣ, въ Вайкомбѣ; отецъ мой жадно проглотилъ немного этой воды и освѣжилъ свои запекшіяся уста. Путникъ весьма скоро пропалъ у насъ изъ виду. На другой же день, я купила здѣсь клочекъ земли, велѣла построить домикъ, одѣлась въ свое лучшее платье и приступила къ исполненію своего обѣта. Я терпѣливо сносила насмѣшки безумцевъ; я знала, что дѣло мое было пріятно Богу. Но, по несчастію, средства мои скоро истощились, и я должна была отказаться отъ исполненія своего слова, совершеннаго едва только въ половину. Но Богъ видитъ все и непоразитъ меня наказаніемъ.

Она кротко подняла взоры свои къ небу; Джонъ съ благо-

говѣніемъ отступилъ: въ эту минуту она казалась ему существомъ неземнымъ.

— Судите же сами, сэръ Лайвли, могу ли я, при подобныхъ обстоятельствахъ, думать о бракѣ?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ онъ: вы произнесли обѣтъ и должны исполнить его до конца. Горе мнѣ, еслибъ я хоть однимъ словомъ, или одной мыслью упрекнулъ бы васъ. Я буду блюсти надъ вами, съ молитвою въ сердцѣ и на устахъ. Клянусь вамъ, что въ эти три мѣсяца я ни однимъ взглядомъ не нарушу чистоты вашего жилища. Я, въ свою очередь, признаю этотъ обѣтъ и присоединяю его къ вашему. Продолжайте, по прежнему, утолять жажду страдальцевъ, не спрашивая ни ихъ имени, ни ихъ исповѣданія.

Потомъ, доставъ изъ кармана бумажникъ, онъ прибавилъ:

— Позвольте мнѣ также участвовать въ совершеніи добраго дѣла: примите это для бѣдныхъ.

И онъ положилъ бумажникъ на столъ.

— Принимаю, отвѣчала она со слезами на глазахъ: принимаю ихъ отъ своего брата ... и жениха...

Джонъ Лайвли и прекрасная ирландка — оба сдержали свои обѣщанія. Три мѣсяца спустя, всѣ дублинскіе колокола радостно заливались торжественнымъ звономъ, сзывая народъ на свадьбу мильонера Джона Лайвли съ ирландкой, угощавшей нищихъ на большой дорогѣ.

А. НИКОЛАЕВЪ.

IV.

ПУДЯ - ДУРА.

РАЗСКАЗЪ

Н. С. Юревой.

Часу въ девятomъ, когда на заводѣ машиниста мистера Ричмонса всѣ руки, молотки, мѣхи и пилы были въ движеніи и въ полномъ ходу, въ большой комнатѣ, убранный очень просто, но съ изысканной опрятностію, у открытаго окна, хорошенькая Эмми, его племянница, тоже сидѣла за работою. Пяльцы съ натянутою канвою, на которой росли и рассыпались подъ ея рукою живые цвѣты, стояли предъ Эмми; бѣленькая ея ручка, упавъ небрежно на темную зелень коврика, только въ эту минуту машинально перебирала пестрыя шерсти. Эмми сидѣла за пяльцами въ раздумьи, къ начатому цвѣтку не прибавлялось ни одной стежки и любимый ея какаду напрасно, то громко, то тихо, повторялъ свою обычную фразу: «Эмми душечка, Эмми милочка»: онъ оставался безъ отвѣта. Дѣвушка была занята чѣмъ-то гораздо важнѣйшимъ. Взоръ ея, полный тревоги и ожиданія, и неровный трепеть кружевной

пелеринки, при каждомъ шорохѣ за наружною дверью комнаты, ясно показывали, что ей было не до птицъ и цвѣтовъ. Волненіе вызвало яркій румянецъ на молодое личико Эмми и дѣлало ее еще прекраснѣе. Но вотъ она встрепенулась, голубые глаза ея блеснули цѣлымъ міромъ счастья, бѣленькія ручки невольно скрестились на груди, какъ бы сдерживая ея волненіе ... Дверь тихо скрипнула и въ комнату вошелъ бѣлокурый молодой человѣкъ. Онъ тихо подошелъ къ взволнованной дѣвушкѣ и также тихо спросилъ: «Гдѣ онъ, Эмми?».

— Въ кабинетѣ, прошептала дѣвушка, показывая на дверь въ углубленіи комнаты.

— Одинъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Одинъ, Генрихъ, отвѣчала дѣвушка; и я очень боялась, чтобы кто-нибудь не пришелъ и не помѣшалъ вамъ объясниться.

Генрихъ взялъ руку молодой дѣвушки, нѣжно пожалъ ее и еще нѣжнѣе поцѣловалъ. Потомъ, взглянувъ на нее съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, онъ сказалъ: «Я иду, Эмми, благословите меня и молитесь! Я люблю васъ, люблю такъ, что не въ силахъ выразить всего, что чувствую. Я это говорю вамъ теперь, въ этотъ мигъ, который рѣшитъ мою участь, для того, чтобы еще разъ увѣрить васъ, что счастье ваше будетъ постоянною цѣлю, къ которой я буду стремиться всю жизнь, безъ усталы и остановки.

— Идите, Генрихъ, Господь съ вами! я вѣрю вамъ и люблю васъ! отвѣчала Эмми, взглянувъ на него съ такимъ восторженнымъ выраженіемъ, что онъ невольно вспыхнулъ и прижалъ ея кудрявую головку къ своей груди. Эмми тихо отвела его рукою. Идите, повторила она, вы знаете, каждый мигъ этого часа мнѣ дорогъ.

— Или я умру, или мы будемъ счастливы! сказалъ Генрихъ торжественно, и быстро кинулся въ сосѣднюю комнату.

Сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, хорошенькая Эмми была поэтически прелестна въ эту минуту. Художникъ не нашелъ бы лучшей модели для олицетворенной молитвы, столько любви, надежды и вѣры блистало въ ея голубыхъ глазахъ, подернутыхъ легкимъ газомъ слезы. Нѣсколько минутъ уже оставалась она въ этомъ положеніи, а въ сосѣдней комнатѣ все было тихо. Но вотъ звукъ довольно

грубаго голоса началъ усиливаться и долетать до ея слуха; она невольно задрожала, хотѣла подойти ближе къ дверямъ, чтобы лучше разслышать разговоръ, но не могла, дрожащія ноги отказались ей служить. Наконецъ, когда слова изъ кабинета стали яснѣе долетать до нея, бѣдная Эмми, вмѣсто того, чтобы вслушаться, закрыла уши руками, какъ бы боясь услышать свой приговоръ, и кинулась къ окну, выходящему въ садъ. Почти до половины свѣсившись въ садъ, она старалась вдохнуть въ себя какъ можно больше воздуха, чтобы утишить бѣшеніе сердца.

«Милочка Эмми, душечка Эмми», твердилъ попрежнему попугай, тихо передвигаясь по пальцамъ ближе къ окну. Съ трудомъ добравшись до своей любимицы, онъ сѣлъ ей на пухленькое плечико, не переставая нашептывать свою любимую фразу; но видя, что и тутъ на него не обращаютъ вниманія, онъ препорядочно щипнулъ свою хозяйку за розовое ушко, какъ будто въ наказаніе за ея невниманіе.

Физическая боль заставила вздрогнуть Эмми; она открыла уши, чтобы согнать скучную птицу, и это было очень кстати, потому—что почти въ тотъ же мигъ дверь въ углубленіи комнаты отворилась и плотный круглый мужчина, лѣтъ пятидесяти и совершенный типъ британца, холодно и медленно вышелъ изъ кабинета; за нимъ слѣдовалъ Генрихъ, котораго лицо сіяло, какъ радуга изъ-за тучи.

— Эмми, — сказалъ старикъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, у которой въ эту минуту вся кровь бросилась къ сердцу, — вотъ мистеръ Лютчерсъ, онъ слѣлалъ тебѣ честь, прося руки твоей; онъ хорошій человекъ, отличный механикъ, можетъ заработать 500 фунтовъ въ годъ ... понимаешь? Ты бѣдная дѣвушка, сирота.. тебѣ надо мужа работающаго ... Я далъ ему мое согласіе: ты, я увѣренъ, на столько умна, что противиться не будешь.

— Я всегда была покорна вашей волѣ, дядюшка! отвѣчала Эмми, съ трудомъ переводя духъ и потупивъ глазки. Отъ радости у ней едва достало силы проговорить эту фразу.

— Ну, такъ вотъ вамъ невѣста, сэръ Лютчерсъ! продолжалъ старикъ, подводя Эмми къ Генриху; только помните; свадьбу будемъ играть не прежде окончанія нашихъ подрядныхъ работъ. Жить съ женой придется цѣлый вѣкъ, стало спѣшить некуда, а работа времени не терпитъ: ей

назначенъ срокъ въ контрактѣ. Отправляйтесь же къ дѣлу, а я приду сейчасъ на заводъ, посмотрѣть, далеко ли мы подвинулись.

Едва старикъ вышелъ изъ комнаты, какъ молодые люди кинулись другъ къ другу.

— Вы моя, Эмми, вы моя! твердилъ Генрихъ, покрывая горячими поцѣлуями руки своей невѣсты. О! я не воображалъ такого счастья.

— Но вѣдь это еще не скоро будетъ, Генрихъ! отвѣчала дѣвушка, радость которой много уменьшилась отъ страшныхъ словъ старика: «свадьба сыграна не прежде окончанія заказныхъ работъ». Эмми знала отъ Генриха, что заказъ очень значителенъ и что работы будетъ по крайней мѣрѣ на полгода, если не болѣе. Полгода — это три вѣка для влюбленныхъ!

— Нѣтъ, Эмми, нѣтъ мой другъ, скоро, очень скоро! отвѣчалъ восторженный молодой человѣкъ: я удѣю, утрою трудъ свой, я не дамъ себѣ покою, пока не окончу дѣла. Можно трудиться безъ усталы, когда награда за трудъ—вы, моя Эмми.

Генрихъ Лютчерсъ былъ еще молодъ, но это не мѣшало ему заслужить имя отличнаго механика; вся слава завода мистера Ричмонса и торжество его надъ соперниками, принадлежали молодому мастеру. Это знали многіе заводчики и старались за огромные посулы сманить Генриха; но все хлопоты спекуляторовъ остались безъ успѣха. Генрихъ жилъ у Ричмонса за гораздо меньшую плату, потому—что не могъ жить безъ Эмми, племянницы фабриканта, которую старикъ взялъ на свое попеченіе, по смерти ея матери. Правда, Генрихъ любилъ Эмми почти безнадежно, зная очень хорошо старика—заводчика, у котораго расчетъ всегда шелъ прежде чувства, или лучше сказать, у котораго все чувства сосредоточивались въ крупной цифрѣ годоваго итога. Генрихъ былъ увѣренъ, что первый вопросъ старика, при сватовствѣ его, будетъ: «а что у васъ есть, молодой человѣкъ?» На это Генрихъ могъ бы отвѣчать: ничего, кромѣ труда и безпредѣльной любви къ вашей племянницѣ, — но такой капиталъ врядъ ли могъ имѣть какую—нибудь цѣну въ глазахъ Ричмонса. Поэтому Генрихъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ окончилъ свое образованіе, жилъ у старика, любилъ Эмми тихо, сосредоточенно, не смѣя обнаружить своихъ чувствъ старому дядѣ

до тѣхъ поръ, пока любовь молодыхъ людей не дошла до высшей точки своего развитія и Генрихъ не рѣшился задать себѣ Гамлетовскій вопросъ: To be, or not to be? Однакожъ, старый фабрикантъ, повидимому, цѣнилъ гораздо лучше самаго Генриха его невещественный капиталъ, то есть, трудъ и познанія; онъ высчиталъ всѣ проценты съ этого капитала, до послѣдняго пенса, и потому очень охотно согласился на предложеніе своего главнаго механика.

— Ступайте же, Генрихъ, сказала наконецъ Эмми, когда незамѣтно для нея и для Генриха, промелькнули почти полчаса, въ которые они не сказали другъ другу ничего такого, что не было бы уже сто разъ сказано; ступайте, повторила она и помните, что теперь отъ васъ однихъ зависитъ наша участь и мое счастье! Но Генрихъ все еще стоялъ передъ своей невѣстой и съ восторгомъ смотрѣлъ ей въ глаза. Ну, что же Генрихъ? сказала Эмми: я боюсь, неравно дядюшка придетъ прежде васъ на заводъ и не найдетъ васъ за работою, — идите, мой другъ, Богъ дастъ вамъ крѣпость и силы и поможетъ вашему усердію.

— А вы, Эмми! вы теперь моя невѣста, развѣ вы ничего мнѣ не подарите передъ разлукой для труда?

— Эмми взглянула на жениха, съ улыбкой счастья подняла головку и робко подставила ему свою зардѣвшуюся щечку ... Черезъ минуту Генрихъ выбѣжалъ изъ комнаты, восклицая: умру, или все кончу въ три мѣсяца!

Вслѣдъ за нимъ и Эмми выпорхнула изъ комнаты. День былъ чудесный, какой только можетъ быть чудесный день въ туманахъ Альбіона, среди фабричнаго предмѣстія Лондона: солнышко, пробившись сквозь густыя облака дыма, разстлавшагося черной дымкой надъ городомъ, бросало довольно яркіе лучи на печальную зелень прозрачнаго англійскаго сада, съ безчисленными и необыкновенно чистыми дорожками; здѣсь—то Эмми, какъ серна, порхала по извилистымъ аллеямъ, предоставляя на произволь вѣтра свои чудные льняные локоны, которые, какъ легкій паръ, вились около раскраснѣвшагося лица дѣвушки. Наконецъ она добѣжала до большой аллеи, въ концѣ которой стоялъ домикъ, или лучше сказать большая бесѣдка, отгороженная со всѣхъ сторонъ частымъ палисадникомъ. Эмми быстро отворила калитку и вошла на небольшой дворъ, по

которому гуляло множество домашней птицы, а въ уголку, близъ двери жилья, на порогѣ сидѣла женщина, въ очкахъ, лѣтъ пятидесяти, и, весело напѣвая, вязала сѣтку. Въ два прыжка Эмми была уже возлѣ старушки, кинулась обнимать и цѣловать ее, не давъ ей времени придти въ себя и снять очки, которыя старуха всячески старалась спасти отъ жаркихъ ласкъ своей гостьи.

— Тише, Эмми, тише, дитя мое, разобьешь очки; позволь только снять ихъ и тогда дѣлай, что тебѣ угодно.

— Пусть разобьются очки, мама, пусть разобьются, говорила весело дѣвушка, не переставая тормошить старуху, — я тебѣ куплю двѣ, три, десять, сто паръ новыхъ очковъ.

— Ну, а пока, дай мнѣ хоть въ старыя — то поглядѣть на тебя, моя жемчужинка! — сказала старуха, и поднявъ съ улыбкою голову, она взглянула на дѣвушку, которая, смѣясь и сложа ручки, стала противъ нея.

— Смотри, смотри, моя старая воркушка! говорила весело Эмми; ну, что, видишь?

— Много вижу, Эмми, отвѣчала старуха, лукаво грозя ей пальцемъ.

— Что же ты видишь?

— Во-первыхъ, вижу, что ты говорила съ Генрихомъ.

— Только?

— Нѣтъ, вижу еще, что онъ признался тебѣ въ любви.

— А тебѣ кто это сказалъ? спросила съ удивленіемъ Эмми.

— Лѣта, дитя мое. лѣта! отвѣчала старуха. Я выкормила тебя, мое пшениное зернышко, нянчила на рукахъ, видѣла васъ обѣихъ дѣтьми, семнадцать лѣтъ люблю и лелѣю тебя, можетъ быть, одна только и люблю тебя истинно, такъ мнѣ ли не знать, что съ тобою дѣлается?

— Но отъ чего же ты думаешь, что Генрихъ только сегодня мнѣ сказалъ, что любить меня?

— А что? развѣ это было прежде?

Эмми утвердительно кивнула головкой и потомъ, обнявъ старуху, наклонила ея сѣдую голову къ себѣ на грудь и тихо шепнула ей: онъ мой женихъ.

— Женихъ! почти вскрикнула старая Сара; женихъ! повторила она, и дядя это знаетъ?

— Онъ самъ привелъ ко мнѣ Генриха, добрая моя Сарочка.

Старушка набожно взглянула на небо и потомъ со слезящими глазами опустила руки на щеки молодой дѣвушки.

— Въ добрый часъ, Эмми! наконецъ Господь услышалъ мою молитву и ты будешь счастлива, дитя мое! И долго, долго старая мамка обнимала и цѣловала свою питомицу; наконецъ, когда первый порывъ чувствъ поутихъ, Эмми сѣла возлѣ старухи.

— Скажи, мама, правду, кто тебѣ сказалъ, что Генрихъ любить меня? вѣрно онъ самъ?

— Твои глаза, Эмми, мнѣ сказали. Вѣдь я васъ видѣлъ обоихъ каждый день: ты въ комнатѣ — и мистеру Лютчерсу поминутно есть дѣло поговорить съ хозяиномъ; ты въ саду, и у него голова заболитъ: тоже нужно хоть на минуту освѣжиться; придешь ты ко мнѣ, — и у него гдѣ нибудь оторвется пуговка, надо, чтобы Сара пришила ее... А изъ чего онъ служить дядѣ, когда всѣ за него рвутся и вездѣ сулятъ больше денегъ и меньше дѣла? — а? Оттого-то, дитя мое, я и говорила тебѣ: «Эмми, что это Генрихъ все бѣгаетъ за тобою: это не хорошо!» Я боялась, что старикъ нашъ не согласится, Генрихъ бѣденъ, ну, да впрочемъ и то сказать, онъ ему нуженъ: такого мастера не скоро отыщешь. Еслибъ не Лютчерсъ, то не было бы и столько работъ у дядюшки.

— Ну, видишь ли, моя добрая Сара, что ты напрасно боялась.

— Слава Богу, Эмми, что это вышло такъ! Жаль только, что его мать не дождала до вашего счастья, хоть она, покойница, и пророчила, что этой свадьбѣ не бывать, и что изъ вашей привязанности ничего не выйдетъ путнаго.

— Отчего же это? спросила съ какою-то тревогою Эмми. Да и когда же, Сарочка, вы говорили объ этомъ, вѣдь она ужъ года четыре, какъ умерла?

— Это было давно, Эмми. Когда дядя отдалъ мнѣ тебя, крошку, на руки, послѣ смерти твоей матушки, онъ еще не былъ такъ богатъ, и я, съ покойнымъ мужемъ, живя при заводѣ завѣдывала, какъ и теперь, птицами и коровами. Что было нужно, то я держала для дома, а остатки мистеръ Ричмонсъ позволялъ мнѣ продавать: вотъ мать Генриха и ходила къ намъ за молокомъ. Онъ тоже былъ еще не великъ, а ужъ любилъ

тебя, Эмми. Придетъ, бывало, и прямо къ тебѣ, и ну тебя тормошить, а коли не углядишь, то схватить на руки, да и ну съ тобою бѣгать, только развѣ силою отнимешь. Пристанетъ, бывало: «позвольте, Сара, понянчить вашу крошку: она такая хорошенькая!»— вѣдь ты и тогда ужъ была у меня красоточка! Э, говорю я, бывало: ты, видно, мальчикъ не глупый! Погоди, вотъ какъ она вырастетъ ибудетъ твоя невѣста, — тогда и носи ее на рукахъ!

— Ну, а онъ что говорилъ, мамушка? спросила торопливо Эмми, которой весело было слушать все, что говорили про Генриха.

— Что? Буду носить! скажетъ бывало; разумѣется, дитя былъ, глупъ былъ; но мать его всегда говорила, печально смотря на Генриха: нѣтъ, эта невѣста не для него, хоть бы и выросли они оба, ужъ этой свадьбѣ не бывать!» — А почему же, мистрисъ не бывать? — «Да потому, что у нея достаточный дядя и она со временемъ будетъ богатая невѣста, а Генрихъ бѣденъ, ну, а такого порока богатые купцы не выносятъ».

— А они были тогда очень бѣдны? спросила съ участіемъ дѣвушка.

— Да, не богаты были. Прежде, говорятъ, мать Генриха имѣла хорошее состояніе, да вотъ полюбила неровнаго себѣ, то есть, небогатаго; братъ ея, говорятъ, и слышать не хотѣлъ про эту свадьбу; ну, а она ушла отъ него, да и повѣнчалась; тогда братъ отказался отъ нея, просто знать не хотѣлъ бѣдняжку. Она принуждена была жить работою, потому-что мужъ ея скоро умеръ; у нея остался сынъ на рукахъ. Ну, извѣстно, кормиться надо; правда, послѣ мужа, можетъ быть, и досталась ей кой-какая бѣздѣлица; да она берегла ее, чтобъ учить Генриха, ну, и какъ видишь, мое дитя, изъ него вышелъ человекъ, и крохи отца и матери не пали на бесплодную почву. Твой Генрихъ молодецъ.

— Да, мама, да, моя душечка! говорила Эмми, съ восторгомъ обнимая старуху, единственное женское существо, которое было близко къ ней: да, Генрихъ уменъ, добръ, милъ! За то, какъ же я люблю его! я его такъ люблю, мама, что и сказать не умѣю, и потому побѣгу домой, — прибавила она, смѣясь, — тамъ я буду поближе къ нему! И въ минуту

рѣзвая дѣвушка исчезла изъ полисадника. Шумъ и стукотня на заводѣ, съ каждымъ шагомъ къ дому становились все слышнѣе для счастливой дѣвушки. Она остановилась и нѣсколько времени жадно прислушивалась къ этому, шуму потому что для ея каждый ударъ молота сбавлялъ минуту со срока, назначеннаго благополучія.

И дѣйствительно, съ этого дня въ мастерскихъ на заводѣ мистера Ричмонса дѣятельность была развита въ самой высокой степени. огромныя массы желѣза, раскаленные до красна, сыпали мириады искръ, и съ визгомъ гнулись подъ тяжкими ударами нѣсколькихъ сотъ усердныхъ и опытныхъ рукъ, которымъ Генрихъ обѣщалъ за усиленный трудъ хорошую награду. Упругій металлъ гнулся, сплющивался, вытягивался лентою и, уступая силѣ человѣка, принималъ видъ и формы, которыя ему назначала мысль механика. Работники уже не рады были обѣщанной наградѣ, сердились и роптали, будучи принуждаемы работать съ утра до глубокой ночи и притомъ работать при глазахъ неутомимаго мастера, потому—что Генрихъ, не зная усталости и покоя, не выходилъ изъ мастерской. Работа шла быстро; дѣло, какъ говорится, кипѣло, и едва минуло три мѣсяца, какъ Ричмонсъ могъ уже назначить день окончанія работъ, и весело улыбаясь, высчитывалъ заранѣе огромный барышъ отъ этого выигрыша времени.

Молодые люди носились въ облакахъ счастья. Генрихъ не забѣгалъ ужъ къ Эмми на одну минутку, чтобъ сказать: «Дайте ручку, Эмми, это придастъ мнѣ силы поскорѣе заработать мое счастье», и не спѣшилъ опять стремглавъ на фабрику. Нѣтъ, теперь онъ могъ уже засиживаться у своей невѣсты; онъ зналъ, что работы черезъ двѣ недѣли будутъ кончены непременно. Жизнь полной радугой развивалась въ мечтахъ молодыхъ людей. Сколько чудныхъ плановъ начертывали они въ будущемъ, сколько розовыхъ надеждъ создавали въ своей смѣющейся перспективѣ. Несогласія въ предначертаніяхъ не было, потому—что каждый изъ нихъ заранѣе былъ согласенъ съ мнѣніемъ другаго, напередъ угадывалъ задушевную мысль другаго. Такъ промелькнули еще двѣ недѣли, и вотъ желанный часъ наступилъ. Генрихъ въ мастерской. Внимательно и зорко осматриваетъ онъ каждый гвоздикъ, подъ его надзоромъ каждый винтъ крѣпче сплавли-

васть мелкія части гигантскихъ автоматовъ, этихъ машинъ, которыя, пыхтя огненнымъ дыханіемъ, въ желѣзной утробѣ своей превратятъ сырые продукты въ чистое золото. Визгъ подпилковъ и удары молотовъ слышатся рѣже и рѣже и вотъ раздался послѣдній ударъ, и съ словомъ: «готово!» машины и станки пришли въ движеніе. Съ гордостію и удовольствіемъ глядѣлъ Генрихъ на полированную сталь, которой умъ и знаніе его дали форму и какъ бы органическую жизнь. Стукъ и визгъ, его окружающій, онъ слушалъ съ такимъ же наслажденіемъ, какъ записной меломанъ слушаетъ оперу увлекательнаго Россини или мелодичнаго Беллини; въ этомъ хаосѣ нестройныхъ звуковъ ему чудился голосъ: «Генрихъ — она твоя!»

— Славно, Генрихъ! говорилъ Ричмонсъ, осматривая работы: вотъ ужъ молодець; теперь, всѣ другіе лопнуть съ досады, прибавилъ онъ самодовольно, потирая руки; ну, да пусть ихъ бѣсятся, а мы, Генрихъ, пойдёмъ съ тобою ко мнѣ, пообедаемъ, выпьемъ по доброй бутылкѣ Але-Коку да Шери, да потолкуемъ про другое дѣло, которое нужно тоже поскорѣе привести къ окончанію.

Никогда еще старикъ Ричмонсъ не былъ такъ веселъ и доволенъ; онъ даже чуть не поцѣловалъ Эмми, чего съ нимъ прежде никогда не бывало; да и до поцѣлуевъ ли чедовѣку, когда у него огромный заводъ на рукахъ и дѣла съ-три-короба, — то выплата, то получка денегъ, то расчеты процентовъ и выкладки барышей. Мистеръ Ричмонсъ былъ холостъ, доживъ до пятидесяти лѣтъ, и именно потому, что ему некогда было думать о разныхъ житейскихъ пустякахъ, какъ онъ самъ иногда говорилъ. Такъ тутъ до поцѣлуевъ ли съ племянницею, которую онъ поилъ, кормилъ, обувалъ и одѣвалъ съ самаго дѣтства? Но на этотъ разъ, онъ такъ былъ доволенъ окончаніемъ заказа, который принесъ ему огромный барышъ и совершенное торжество надъ соперниками, что дѣйствительно поцѣловалъ бы племянницу, еслибъ въ эту минуту служанка не сказала, что кушанье стынеть и ростбифъ на столѣ.

Въ то время, какъ двое влюбленныхъ упивались счастіемъ скорого соединенія, а старый заводчикъ объѣдался вкуснымъ и сочнымъ ростбифомъ, по предмѣстію Лондона неслась па-

ровая машина, везшая почту, почти со всѣхъ концовъ міра. Черезъ нѣсколько часовъ, эти письма развезутся, разнесутся по всѣмъ направлѣніямъ огромнаго города, и сколько радости и горя, обогащенія и разоренія, устройства и разстройства произойдетъ отъ этихъ клочковъ бумаги, повидимому — столь ничтожныхъ, въ сущности — столь важныхъ. Даже сэру Ричмонсу суждено было не закончить такъ весело начатаго имъ обѣда. Еще земляныя груши дымились на столѣ, еще ромъ пылалъ голубымъ огонькомъ около громаднаго плумбъ-пудинга, и заводчикъ за недопитою кружкою эля, еще въ первый разъ въ жизни, разговаривалъ съ Генрихомъ и Эмми о дѣлахъ, не касавшихся до желѣза.

— Все это пустяки, Генрихъ, говорилъ мистеръ Ричмонсъ, дѣтскія сказки! Что такое несчастье? Химера, его нѣтъ! Вотъ я, напримѣръ, прожилъ пятьдесятъ лѣтъ и никогда не зналъ несчастья!

— Но, мистеръ, бываютъ душевныя невзгоды, утраты, горести, сказалъ Генрихъ, развѣ это не несчастье?

— Это несчастье воображаемое. Одно несчастье можно назвать истиннымъ, именно то, которое лишаетъ насъ необходимыхъ вещей, данныхъ намъ природою, какъ то: пищи, сна, пищеваренія и, вслѣдствіе того, здоровья, а все прочее — пуфъ!

— Стало быть, дядюшка, произнесла тихо и робко Эмми, потеря состоянія, бѣдность, по вашему, не есть несчастье?

— Простите ее, Генрихъ, сказалъ старикъ: она не такъ глупа, чтобы сказать такой вздоръ, но это отъ молодости. Потеря состоянія, продолжалъ онъ, какъ бы отвѣчая на вопросъ племянницы, развѣ не тоже, что потеря хлѣба? Нѣтъ денегъ, стало нѣтъ корму и комфорту, а это такое несчастье, которое можетъ намъ причинить смерть.

— Но позвольте, сэръ, вы сами говорили, что еслибы работы не поспѣли къ сроку, то это было бы большое несчастье, возразилъ Генрихъ, какъ бы желая доказать старику, что вотъ еще несчастье, которое мистеръ Ричмонсъ признаетъ истиннымъ, но которое, не лишая его хлѣба, оскорбляетъ его самолюбіе.

— Да, это было бы несчастье, потому-что результатъ его тотъ же. Не поспѣй къ сроку заказъ, я лишуюсь довѣренности; лишася довѣренности, лишусь работы, а безъ нея ли-

шусь выгоды, и стало быть состоянія, потому-что не приобретаая, можно скоро прожить все, что имѣешь, и потому, лишась состоянія, я лишюсь хлѣба и вслѣдствіе того жизни, сказалъ заводчикъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что доказалъ истину, какъ дважды-два четыре.

Послѣдовало минутное молчаніе, которое было прервано вошедшею служанкою съ письмомъ.

— Отъ кого? спросилъ Ричмонсъ.

— Съ почты, отвѣчала служанка, нашъ разсылный принесъ.

— Только одно?

— Одно, сэръ.

— Ну, будемъ читать хоть это, сказалъ старикъ, тѣмъ болѣе, что я на этотъ разъ сытъ; а вамъ полный просторъ: наслаждайтесь жизнью, сколько хотите! — и вставъ изъ-за стола, онъ, съ салфеткою за галстухомъ, отправился въ кабинетъ.

Еще не успѣли молодые влюбленные повторить другъ другу того, что они уже впродолженіе трехъ мѣсяцевъ повторяли ежедневно, какъ дверь кабинета отворилась и дядя Эмми, высунувъ оттуда лысую голову, сказалъ: «Мистеръ Лютчерсъ, на пару словъ!»

Прошло около десяти минутъ, какъ Генрихъ былъ въ кабинетѣ старика, а тотъ все еще ходилъ по комнатѣ, не начиная разговора. Видно было, что голова его сильно работала надъ чѣмъ-то очень важнымъ, потому-что онъ, подобно паровой машинѣ, пыхтѣлъ, моталъ руками и щелкалъ пальцами, что обозначало у него крайнюю степень удивленія. Правда, нѣсколько разъ онъ произнесъ: «Гм! Да, это афера!» Но наконецъ, онъ пересталъ ходить, молча сѣлъ и показалъ молодому человѣку знакомъ, чтобы онъ занялъ кресло противъ него.

— Послушайте, Генрихъ, сказалъ онъ, помолчавъ еще минуту, — помните вы, сколько мы высчитали барыша отъ заказа, который нынче конченъ?

Генрихъ назвалъ сумму.

— Ну, а помните ли вы также, продолжалъ старикъ, что я вамъ обѣщалъ половину выгоды, если мы эти работы успѣшно и къ сроку покончимъ?

— О! сэръ, къ чему это!

— Нѣтъ, Лютчерсъ, я хочу, чтобы это было такъ; что я обѣщаль, то должно быть исполнено; на счетъ денегъ это мое правило.

Старикъ всталъ, отперъ бюро, досталь изъ него большую пачку денегъ и сказалъ: вотъ ваша часть, сэръ Лютчерсъ.

— Благодарю васъ, сэръ, — сказалъ Генрихъ, удивляясь щедрости расчетливаго заводчика и не принимая денегъ: — дѣло не къ спѣху, да притомъ же этого слишкомъ много.

— Берите, сэръ, берите, когда дають, сказалъ настойчиво старикъ. Умные люди отъ денегъ никогда не отказываются.

— Ну, теперь, продолжалъ старикъ, поговоримъ о другомъ.

Онъ опять прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, молча помоталь головою, пощелкаль пальцами и, остановясь противъ молодаго человѣка, сказалъ:

— Я хочу увѣриться, такъ ли вы разсудительны, мой дорогой, какъ знаючи въ своемъ дѣлѣ. Вотъ видите ли: у меня одну машину торгуютъ двое. Одинъ—знатокъ и любитель, но не можетъ дать много, а другой никогда не видалъ этой машины и, можетъ быть, невѣжда по части механики, но покупаетъ ее такъ, изъ каприза, — и даетъ миллионъ. Какъ вы думаете, Генрихъ, кому ее лучше отдать?

Неожиданность подобнаго вопроса, послѣ такихъ серьезныхъ приготовленій, невольно заставила Генриха улыбнуться, и онъ весело отвѣчалъ: — Разумѣется, тому, кто даетъ миллионъ.

— Bravo, Лютчерсъ, bravo! сказалъ старикъ, потрепавъ его по плечу; я зналь, что вы умный и положительный человѣкъ, мое слово—вы не пропадете! А потому, продолжалъ онъ, открывая столъ и вынимая недавно полученное письмо, прочтите вотъ это и помните, что вы уже объявили свое рѣшеніе. Завтра, сэръ, мы увидимся съ вами на заводѣ, а не то, такъ послѣ завтра, когда вамъ вздумается вернуться, потому—что заказныя работы теперь кончены, срочныхъ нѣтъ, значитъ, вы свободны и можете отправиться въ городъ на нѣсколько дней; вѣрно у васъ тамъ найдутся кое-какія дѣлишки.

Странность словъ Ричмонса, который какъ будто выгоняль молодаго человѣка изъ дому, письмо, поданное ему съ какимъ-то особеннымъ значеніемъ, и, наконецъ, поспѣшный уходъ заводчика, который, казалось, избѣгалъ дальнѣйшаго

объясненія, все это заставило Генриха невольно смутиться и съ какимъ — то непонятнымъ волненіемъ развернуть поданное ему письмо.

Около часа оставался Генрихъ въ кабинетѣ мистера Ричмонса, послѣ прочтенія письма. Взволнованный, блѣдный, онъ много разъ принимался перечитывать его, и каждый разъ съ ужасомъ кидалъ его на полъ и со стономъ закрывалъ помертвѣлое лицо руками; наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета въ залу, потому-что услышалъ тамъ легкій шорохъ. Въ залѣ была служанка, которая какъ будто ждала его выхода. Сэръ, сказала она, не дожидаясь вопроса, мистеръ Ричмонсъ приказалъ вамъ сказать, что онъ уѣхалъ въ городъ и поздно вернется, а миссъ тоже поѣхала съ нимъ. Исполнивъ свое порученіе, служанка быстро ушла въ кухню, оставя Генриха одного въ комнатѣ.

Молодой человѣкъ грустно оглянулся кругомъ. Еще за часъ онъ былъ такъ счастливъ въ этой комнатѣ, и вдругъ какая перемѣна! Онъ подошелъ было къ двери, которая вела въ другія комнаты, но она была заперта наключь; все показывало, что его не хотѣли видѣть, и что дорога къ Эмми была преграждена. Полный отчаянія, бѣдный механикъ оставилъ домъ, въ которомъ заключались всѣ мечты его жизни и гдѣ разрушились всѣ надежды его молодой души. Но, сходя съ крыльца, онъ былъ остановленъ голосомъ, полнымъ слезъ, который тихо произнесъ: «Генрихъ! Генрихъ!»

— Гдѣ вы, Эмми? сказалъ Генрихъ, узнавъ голосъ, но не видя дѣвушки.

— Здѣсь, Генрихъ! отвѣчала Эмми: посмотрите наверхъ.

Генрихъ поднялъ голову; у полуоткрытаго окна надъ крыльцомъ, въ мезонинѣ, стояла Эмми, и горько плакала.

— Что это, Генрихъ, что такое у васъ тамъ было? скажите мнѣ, ради Бога, или я умру отъ горя.

— Это долго объяснять, мой другъ; за нами вѣрно смотрятъ, но ужò приходите къ Сарѣ.

— Я заперта, Генрихъ.

— Я сейчасъ уѣду въ городъ, и тогда васъ вѣрно выпустятъ; но, во всякомъ случаѣ, я буду у Сары и вы отъ нея все узнаете.

Сказавъ это, Генрихъ поспѣшно сошелъ съ крыльца, про-

бѣжалъ дворъ и скрылся за дверьми маленькаго домика, подлѣ завода, гдѣ была его квартира, и менѣе чѣмъ чрезъ полчаса онъ вышелъ изъ него съ небольшимъ узломъ въ рукахъ и сказалъ одному изъ мастеровыхъ, проходившему по двору: «Джонъ, завтра я пришлю адресъ мой на заводъ, пожалуйста, доставьте мнѣ всѣ мои вещи.» И прежде, чѣмъ изумленный Джонъ успѣлъ отвѣчать, Генриха уже не было въ домѣ Ричмонса.

Но лишь только калитка хлопнулась за Лютчерсомъ, окно въ большомъ домѣ, гдѣ жилъ самъ заводчикъ, открылось, онъ высунулъ голову и позвалъ Джона къ себѣ.

— Что сказалъ тебѣ мистеръ Лютчерсъ? спросилъ онъ строго.

— Онъ велѣлъ завтра доставить ему всѣ его вещи, по адресу, который онъ пришлетъ.

— Хорошо, ступай! Я зналъ, что Лютчерсъ умный малый, онъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и что на миллионъ можно промѣнять любаго мастера. Да; это дѣльцо хорошо обдѣлалось! прибавилъ онъ, щелкнувъ пальцами, въ знакъ удовольствія. Ей, Мери! крикнулъ онъ въ кухню: вотъ ключъ, поди, выпусти миссъ Эмми.

Хитрость удалась Генриху. Въ десять часовъ Эмми была уже на мѣстѣ свиданія. Нѣсколько минутъ бѣдная дѣвушка не могла произнести ни одного слова; когда она увидѣла Генриха, слезы и рыданія душили ее, наконецъ она едва внятно проговорила: ахъ, Генрихъ, я погибла, я погибла!

— Эмми, милая Эмми! говорилъ Генрихъ, стараясь успокоить рыдающую дѣвушку, перестаньте плакать, успокойтесь; видите: я покоенъ, продолжалъ онъ, хотя блѣдное и разстроенное лицо его ясно противорѣчило словамъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ было что-нибудь серьезное, это просто капризь, странность мистера Ричмонса, можетъ быть, одна только проба.

— Ахъ, нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ! отвѣчала съ отчаяніемъ Эмми; дяюшка не хочетъ нашей свадьбы, мы погибли!

— Не хочетъ свадьбы! почти вскрикнула старуха Сара, которая до сихъ поръ была нѣмою свидѣтельницею разговора молодыхъ людей. — Вотъ, вѣдь, правду говорила ваша матушка, мистеръ Генрихъ, что этой свадьбѣ не бывать и что изъ любви вашей ничего не выйдетъ путнаго. Вы не богаты,

сэръ, прибавила она, а у нашего патрона безъ денегъ не много возьмешь.

— Что вамъ говорилъ вашъ дядя, Эмми? спросилъ Генрихъ дѣвушку, не слушая старуху.

— Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я объ васъ не смѣла думать, что онъ вамъ отказалъ, поконча съ вами все свои расчеты, и что у меня есть другой женихъ, у котораго милліонъ.

— Милліонъ! прошептала старуха; бѣдныя дѣти, они пропали!

— Что же вы, Эмми?

— Я? я просила, плакала, очень плакала, Генрихъ, говорила Эмми, снова принимаясь рыдать.

— И онъ не сжалился?

— Онъ меня заперъ въ верхнихъ комнатахъ, запретивъ съ вами видѣться и говорить.

— Но видѣли ли вы, по крайней мѣрѣ, этого жениха?

— Нѣтъ, Генрихъ, никогда; но дядюшка говорилъ, что это его старый другъ.

— Да, это долженъ быть старый сумасбродъ, я читалъ его письмо; онъ пишетъ, что ему на свѣтѣ все прискучило, что онъ хочетъ жениться, и потому, помня, что у его друга была когда-то племянница, предлагаетъ ей, если она еще жива и не замужемъ, свою руку и милліонъ фунтовъ — стерлинговъ въ придачу.

— Дядюшка хочетъ, чтобы я умерла съ этимъ противнымъ милліономъ, въ образѣ старика; и знаете ли, Генрихъ, онъ скоро будетъ сюда, это мнѣ сказалъ дядюшка, когда выпустилъ меня изъ комнаты, приказавъ приготовиться, чтобъ лично встрѣтить своего жениха... Но я не могу этого сдѣлать, я люблю васъ, Генрихъ! О, спасите, спасите меня! и Эмми почти безъ чувствъ упала на плечо молодого человѣка.

— Успокойтесь, Эмми! сказалъ Генрихъ съ твердою рѣшимостью: завтра я буду у вашего дяди и переговорю съ нимъ. Онъ ошибся въ расчетѣ со мною: деньгами не платятъ за оскорбленіе, и если мистеръ Ричмонсъ будетъ неумолимъ, то.. прибавилъ онъ послѣ краткаго молчанія: то этотъ старый сумасшедшій дорого заплатитъ мнѣ за безчестіе! Успокойте другъ друга надеждою, въ которую они сами не вполнѣ вѣрили, молодые люди разстались.

На другой день Генрихъ пріѣхалъ на заводъ, но ему сказали, что хозяина нѣтъ дома, что онъ уѣхалъ на цѣлый день. На заводѣ уже было сдѣлано распоряженіе и помощникъ его заступилъ, на время, его мѣсто. Генрихъ пробовалъ было увидѣть Эмми; но и эта попытка оказалась невозможною, потому—что старая служанка Мери тихонько шепнула Генриху, что Эмми заперта, что патрону кто-то сказалъ, будто у задней калитки въ паркѣ, подъ вечеръ, стояла чья-то лошадь, а какъ мистеръ Ричмонсъ видѣлъ, какъ Эмми поздно возвратилась изъ сада, — то онъ и запретилъ ей выходить изъ дому, вѣроятно подозрѣвая, что она видѣлась съ Генрихомъ.

На слѣдующей день Генрихъ получилъ тотъ же отвѣтъ. Убитый горемъ, оскорбленный въ высшей степени, бѣдный молодой человекъ рѣшился писать къ заводчику, говоря, что онъ за свой трудъ не беретъ денежной платы, что ему была обѣщана рука Эмми, и что онъ требуетъ условленной награды, что счастьемъ людей такъ не шутятъ и что мистеръ Ричмонсъ, вѣроятно, образумится и исполнитъ данное слово. Приложивъ къ этому письму деньги, полученные отъ заводчика, онъ отослалъ его съ мастеровымъ, который привозилъ ему вещи.

На это письмо Генрихъ получилъ отвѣтъ, слѣдующаго содержания:

«Въ коммерческихъ дѣлахъ я никогда не шучу. За трудъ привыкъ всегда платить наличными деньгами, по принятому въ Англіи курсу, и не знаю монеты, которая бы называлась рукою Эмми. Присланную вами сумму возвращаю вамъ сполна, ибо не могу ее принять, потому—что она уже занесена въ расходъ, по общей книгѣ, а книгъ марать нельзя. Что же касается до несчастія, то это предметъ, на который мы смотримъ съ разныхъ точекъ, но за это я съ вами ссориться не намѣрею и остаюсь по прежнему

«Вашъ покорный слуга

«Ричмонсъ и Комп».

Отчаянія бѣднаго механика нѣтъ возможности описать. По нѣсколькимъ часамъ сряду онъ въ нѣмомъ изступленіи сидѣлъ въ своей небольшой, довольно мрачной комнаткѣ, которую онъ наскоро нанялъ у какой-то аферистки, заплативъ за нее баснословную цѣну, вслѣдствіе того, что домъ, гдѣ помѣстился Генрихъ, былъ на одной изъ большихъ улицъ.

Вещи, превезенныя съ завода, въ беспорядкѣ лежали на полу, въ одномъ изъ угловъ комнаты, и Генрихъ ни разу не дотронулся до нихъ. Только одна вещь была вынута и рачительно осмотрѣна, именно: ящикъ съ парой пистолетовъ, которые Генрихъ клалъ каждый день въ карманъ, отправляясь на заводъ Ричмонса, чтобы узнать отъ кого-нибудь, не приѣхалъ ли его соперникъ.

Неизвѣстность объ Эмми убивала его; онъ, кажется, отдалъ бы все въ мірѣ, чтобъ только взглянуть на нее или узнать объ ней что-нибудь; но всѣ покушенія Генриха оставались безъ успѣха. Даже Сара, у которой старшій заводчикъ отнял ключъ отъ задней калитки сада, умоляла Генриха не приходить къ ней, даже не подходить къ стѣнѣ парка, говоря, что, если мистеръ Ричмонсъ узнаетъ, что она имѣетъ сношеніе съ Генрихомъ, то онъ ее прогонитъ и тогда бѣдная Эмми останется совершенно одна. Впрочемъ, старуха обѣщала извѣстить Генриха, если въ домѣ случится что-нибудь необыкновенное, прося его перекинуть ей адресъ черезъ стѣну.

Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды вечеромъ, Генрихъ печально стоялъ у окна и безъ мысли смотрѣлъ, какъ къ огромному дому, на противоположной сторонѣ, гдѣ помѣщалась модная гостинница, подъѣхалъ прекрасный дорожный дормезъ, изъ котораго ловкій слуга высадилъ сухаго, высокаго мужчину, который, не заботясь объ вещахъ, оставленныхъ въ каретѣ, преспокойно пошелъ по лѣстницѣ, отдавъ слугѣ кожаную сумочку, съ щеголеватымъ замкомъ, которая висѣла у него черезъ плечо, и, взявъ у него изъ рукъ большую зрительную трубу.

При свѣтѣ газа у подъѣзда не возможно было рассмотреть черты незнакомца, но всѣ его движенія изобличали безпечность и нетерпѣніе. Едва приѣзжій скрылся изъ вида, какъ въ дверь Генриховой комнаты кто-то тихонько постучался.

— Кто тамъ? спросилъ Генрихъ.

— Можно войти, сэръ? произнесъ голосъ за дверью, заставившій Генриха задрожать и поспѣшно кинуться къ двери, чтобы ввести въ комнату гостя. Это была Сара, кормилица Эмми.

— Что у васъ, Сара, что у васъ сдѣлалось? тревожно спросилъ Генрихъ, помня обѣщаніе старухи—дать знать, когда случится что-нибудь необыкновенное.

— Ничего, сэръ, отвѣчала Сара, но вотъ вамъ письмо отъ миссъ Эмми, она просила меня повидаться съ вами — и я пришла.

— Ну, что она? что дѣлаетъ, скажи мнѣ скорѣе ... О! да говори же, Сара, ты видишь, я умираю отъ нетерпѣнія! говорилъ Генрихъ, крѣпко сжавъ руку старухи. Ты ее видѣла, ты говорила съ нею сегодня; говори Сара, говори скорѣе, я такъ давно не слышалъ даже ея имени...

— Ахъ, сэръ, много горя у бѣдной Эмми; горе сложило ее въ постель, горе сведетъ ее и въ могилу.

— Не горе, Сара, а дядя убьетъ ее, потому-что онъ погубилъ насъ обоихъ.

— Онъ не злой человѣкъ, сэръ Лютчерсъ, сказала Сара, но онъ не понимаетъ этого горя и не вѣритъ ему.

— Но, можетъ быть, моя добрая Сара, сказалъ Генрихъ съ горечью: мистеръ Ричмонсъ наконецъ убѣдится, что гибель человѣка не можетъ быть слѣдствіемъ особеннаго счастья.

— Вотъ затѣмъ-то я къ вамъ и пришла, сэръ, сказала старуха: моя бѣдная Эмми больна отъ горя; но окончательно убиваетъ ее страхъ: она все думаетъ, что вы къ горю прибавите еще бѣду, а потому и попросила меня сходить къ вамъ съ этимъ ... и Сара подала Генриху небольшую записку, завернутую въ бумажку. Руки дрожали у бѣднаго механика, какъ у лихорадочнаго, когда онъ взялъ отъ старухи письмо виновницы его мимолетнаго счастья и теперешнихъ страданій. Это было первое письмо, которое онъ получилъ отъ Эмми, а, можетъ быть, и послѣднее, и Генрихъ съ-какимъ то страдальческимъ благоговѣніемъ глядѣлъ на него, не смѣя еще развернуть и не желая имѣть свидѣтеля впечатлѣній, которыя могло произвести на него чтеніе. Онъ выслалъ Сару въ кухню хозяйки, прося подождать, пока онъ напишетъ отвѣтъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

Генрихъ! я больна, очень больна; чувствую, что не оживу! Хотя дядюшка и посылалъ за докторомъ, но его лекарства мнѣ не помогутъ; онъ не знаетъ болѣзни горя и отчаянія — она неизлечима. Я знаю, Генрихъ, что и вы также страдаете и это приводитъ меня въ отчаяніе и доведетъ до гроба, въ который я не могу сойти съ миромъ, потому-что предъугады-

ваю ваши намѣренія. Мнѣ сказали, что вы часто бродите около завода и спрашиваете, не пріѣхалъ ли тотъ, кто разрушилъ наше счастье. О! я знаю, для чего вы ждете его. Ради Бога, Генрихъ! успокойте меня, поклянитесь вашей любовью, — что вы не будете ничего замышлять, не будете искать съ нимъ встрѣчи, и я умру спокойно. Хотя я не могу противиться волю дядюшки, не смѣю даже при немъ плакать, но уверяю васъ, что не буду женою того, кого ждутъ: при одной мысли, что я его увижу, кровь моя холоднѣетъ, и я чувствую, что умираю; что же будетъ, когда я увижу его? По крайней мѣрѣ, я умру сокойно, зная, что вы не свершили преступленія или не пощли съ желаніемъ убить близняго. — Генрихъ, оставьте мнѣ единственную надежду, что я встрѣчу васъ тамъ, куда сведетъ меня горе, столь же чистымъ и добрымъ, какимъ вы были въ жизни. Уверьте меня, хоть изъ жалости, что вы не страдаете, что вы покойны: мнѣ будетъ легче умереть. Увѣжайте изъ Лондона куда-нибудь подальше, тогда я не буду мучиться мыслию, что вы близко отъ меня и что я не могу васъ видѣть; невозможность примиритъ меня съ участью. Напишите мнѣ хотя строчку и прощайте, прощайте до свиданія».

Эмми.

Долго Генрихъ оставался одинъ, съ этимъ небольшимъ клочкомъ бумаги, который безмолвно принималъ и горячіе поцѣлуи, и жгучія слезы. Въ первый разъ въ жизни Генрихъ плакалъ, и слезы эти, утоляя ужасную жажду мести, въ то же время были источникомъ другой мысли, едва ли менѣе ужасной.

— Я не буду болѣе страдать, моя милая Эмми! Я успокою тебя, думалъ Генрихъ, смотря на письмо Эмми; да, ты умрешь спокойно, и я тебя встрѣчу тамъ — гдѣ нѣтъ скорбей и страданій!

Когда Сара вошла въ комнату, на зовъ Лютчерса, видъ блѣднаго лица Генриха такъ поразилъ старуху, что она невольно, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Господи помилуй! сэръ Лютчерсъ, что съ вами?

— Послушай, Сара, можно тебѣ подождать, пока я напишу къ Эмми?

— Теперь вечеръ, сэръ Генрихъ, мои работы кончены, и я къ вашимъ услугамъ.

— Что, Сара, Эмми часто говоритъ обо мнѣ? спросилъ Генрихъ, какъ бы находя отраду мучить себя.

— Со мною постоянно, сэръ, но больше ни съ кѣмъ; но я знаю, что она только и думаетъ, только и молится объ васъ. Бѣдное дитя мое, надобно жъ, чтобъ она такъ любила васъ! О! она не перенесетъ всего этого! «Что, добрая Сара, говоритъ она мнѣ часто, если и онъ также страдаетъ, если и онъ также несчастливъ, какъ я? Это ужасно! знаешь, мама, это такъ тяжело, что легче было бы мнѣ знать, что онъ умеръ, чѣмъ думать, что онъ такъ мучится». — Вотъ какъ она васъ любитъ, бѣдная!

— Ну, Сара, отвѣчалъ Генрихъ, горько улыбаясь, я успокою ее: я не буду больше страдать, и она увидитъ, что я умѣю любить также сильно, какъ она.

— Награди васъ Богъ, сэръ, за это доброе дѣло! отвѣчала Сара, кланаясь Генриху и утирая глаза: можетъ быть, она тогда, хотя минуточку, уснетъ, а то вѣдь совсѣмъ извелась безъ сна.

— Поди, Сара, въ кухню, подожди тамъ; я приготовлю отвѣтъ Эмми, а если, неравно, я усну, ты возьмешь его здѣсь, на столѣ.

Старуха молча вышла, Генрихъ заперъ за нею дверь.

Оставимъ Генриха писать отвѣтъ къ Эмми, и посмотримъ, что дѣлаетъ господинъ, пріѣхавшій въ дорожномъ дормезѣ, въ модную гостинницу.

Въ минуту, когда экипажъ остановился у подъѣзда гостинницы «Британія», она была переполнена постояльцами, всѣ номера были заняты, и не смотря на то, новопріѣзжій настоятельно требовалъ, чтобы ему отвели номеръ.

— Но у насъ нѣтъ уголка свободнаго, милордъ! говорилъ хозяинъ: всѣ комнаты заняты.

— Для чего же вы этого не вывѣсили у подъѣзда? тогда я не взошелъ бы по вашей глупой лѣстницѣ; но какъ у васъ тамъ написано, что входъ въ номера наверхъ, то я взошелъ и не уйду отсюда.

— Но если у меня нѣтъ помѣщенія? сердясь, говорилъ хозяинъ.

— Goddem! Мнѣ все равно! Не думаете ли вы, что я, изъ

удовольствія взглянуть на ваши бакенбарды, взобрался въ третій этажъ? отвѣчалъ пріѣзжій. Я пришелъ, чтобъ здѣсь остаться, и останусь.

— Но если нѣтъ мѣста?

— Вотъ тебѣ двѣ, три, десять гиней, но я не пойду отсюда. Я сказалъ, что останусь, и долженъ остаться. Я англичанинъ.

Богъ знаетъ, до чего дошелъ бы споръ хозяина съ гостемъ, если бы не послышался звонокъ изъ номера, противъ дверей котораго происходило это жаркое преніе. Хозяинъ опрометью кинулся туда, вѣроятно, для того, чтобы только отвязаться отъ докучливаго джентльмена, который очень хладнокровно помѣстился на стулѣ въ коридорѣ и преспокойно приказалъ слугѣ таскать свои вещи.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ гостиницы вышелъ изъ номера и сказалъ пріѣзжему:

— Вотъ здѣсь, остановился больной иностранецъ, онъ страдаетъ ногами и не сходитъ съ мѣста; но у него двѣ комнаты, и онъ согласенъ уступить вамъ одну изъ нихъ, пока очистится какая-нибудь квартира.

— Мнѣ все равно! отвѣчалъ пріѣзжій и безъ дальнѣйшихъ объясненій вошелъ въ комнату незнакомца. Пріѣзжій этотъ былъ очень высокій и до чрезвычайности худощавый мужчина. Его длинное лицо, обтянутое желтымъ пергаменомъ, вмѣсто кожи, не носило на себѣ ни малѣйшаго отпечатка какого-нибудь чувства; небольшіе глаза, оловяннаго цвѣта, окруженные красно-бурымъ бѣлкомъ, при взглядѣ на нихъ, заставляли сомнѣваться въ способности зрѣнія, до-того они были тусклы и безжизненны. Рыжіе волосы, съ красноватымъ отливомъ, совершенно плотно остриженные, открывали лобъ съ огромными взысынами и дѣлали лицо длиннаго господина вовсе не обворожительнымъ, а бѣлый галстухъ, плотно обтянутый около тонкой шеи, и свѣтло-гороховый сюртукъ, застегнутый на три огромныя перламутровыя пуговицы, и широкополая соломенная шляпа, придавали ему даже смѣшной видъ. Но какая-то надмѣнность, толстая золотая цѣпь отъ часовъ, продѣтая въ петлицу сюртука, и батистовыя маншеты рубашки, ясно показывали, что этотъ человекъ принадлежитъ къ разряду людей, болѣе чѣмъ достаточныхъ.

Войдя въ комнату, пріѣзжій едва кивнулъ головою ста-

ричку, сидѣвшему у окна, въ большихъ креслахъ, со всѣхъ сторонъ обложенному подушками, и отрывисто спросилъ:

— Которая будетъ моя комната?

Маленькій старичокъ, съ открытою и доброю физиономіею, сидѣвшій въ креслахъ, вмѣсто отвѣта, нѣсколько приподнялся на рукахъ и, пристально взглядываясь въ пришельца, спросилъ въ свою очередь:

— Если я не ошибаюсь, то имѣю удовольствіе видѣть предъ собою сэръ Джонса изъ Ливерпуля?

— Yes, это я, отвѣчалъ пріѣзжій, едва поднимая глаза.

— Ну, очень радъ, что могъ оказать вамъ услугу, не подозревая даже, что съ вами встрѣчусь.

Джонсъ молча кивнулъ головою.

— Вы меня не узнаете, мистеръ Джонсъ? снова спросилъ старичокъ. Англичанинъ поднялъ на него глаза, и холодно отвѣчалъ: Да, я васъ видѣлъ въ Римѣ, вы сэръ ... сэръ ... какъ бишь васъ? на уордъ—Бильуордъ, кажется, или на сонъ, Бильсонъ.

— Ну, мой милый Джонсъ, сонъ—то прочь; хотя, говоря правду, при моемъ ревматизмѣ, онъ былъ бы совсѣмъ не лишній, но къ фамиліи нейдетъ. Я просто баронъ Бильсъ.

— Yes, yes! помню, отвѣчалъ англичанинъ: я васъ видѣлъ въ Римѣ; но вы тогда были здоровы.

— Да, отвѣчалъ баронъ, эту болѣзнь только и можно пріобрѣсть у васъ, въ благопріятномъ климатѣ Англій. Но и вы, любезный Джонсъ, прибавилъ онъ, были тогда гораздо веселѣе.

— Да, — отвѣчалъ Джонсъ, садясь въ другія кресла и протягивая ноги во всю ихъ длину, — я тогда думалъ, что гдѣ-нибудь мнѣ будетъ веселѣе.

— Что же?

— Вездѣ скучно.

— Да вы теперь откуда?

— Изъ Египта и Нубіи; пріѣхалъ на корабль «Атлантикъ».

— И вы нигдѣ не могли найти жизни, которая бы вамъ нравилась?

— Вездѣ скука! отвѣчалъ англичанинъ.

— Такъ неужели, любезнѣйшій Джонсъ, сказалъ съ легкою улыбкою баронъ, вы пріѣхали въ Англію искать развлечения?

— Нѣтъ, — нехотя отвѣчалъ джентльменъ, — я сюда пріѣхалъ жениться.

— Жениться! почти вскрикнулъ баронъ; и вы говорите это съ такою пасмурною физиономіею? Развѣ невеста ваша не хороша?

— Не знаю; я ее не видалъ.

— Не видали; но какъ же вы женитесь, когда не знаете невесты?

— Я писалъ къ одному старому знакомому, чтобы онъ выдалъ за меня кого-нибудь изъ своихъ родныхъ.

— Но если у него, между родными, не найдется дѣвушки? спросилъ баронъ, смѣясь.

— Думаю, что найдется, хладнокровно возразилъ англичанинъ.

— Но потомъ еще вопросъ, сказалъ баронъ: если даже у вашего пріятеля и найдется родственница, годная для замужества, то можетъ случиться и такъ, что она вамъ не понравится, или вы ей?

— Мнѣ всё равно.

— Какъ всё равно? съ удивленіемъ спросилъ баронъ: значить, вы хотите только жениться?

— Yes, я хочу это испытать, чрезвычайно положительно возразилъ Джонсъ, я хочу въ жизни все испробовать, теперь я только одного не знаю, женидбы, и потому женюсь. Можетъ быть, это развлечетъ меня.

Въ это время въ комнату разговаривающихъ внесли до тридцати чемодановъ, ящиковъ, шкатулокъ, футляровъ и мѣшковъ, и между ними ящикъ, аршина въ полтора, обшитый и укупоренный со всевозможнымъ тщаніемъ. Джонсъ самъ всталъ и, съ необыкновенною для него заботою, старался, какъ можно удобнѣе, помѣстить этотъ ящикъ?

— Тутъ, вѣроятно, у васъ сохраняется какая-нибудь драгоценность, что вы такъ хлопчете объ этомъ ящикѣ.

— Да, отвѣчалъ англичанинъ, тутъ лежитъ необыкновенно рѣдкая и отлично сохранившаяся маленькая мумія; я это привезъ въ подарокъ для моей невесты.

— Ха, ха, ха! извините, любезный Джонсъ, едва могъ сказать хохотавшій баронъ; но это такъ оригинально, что я

не могъ удержаться отъ смѣха. Помилуйте, кто же дарить невѣсть муміями?

Джонсъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на своего собесѣдника: развѣ вы не слышите, это чрезвычайно рѣдкая мумія, я купилъ ее на вѣсъ золота.

— Ну, любезный другъ, даю вамъ честное слово, что вамъ не жениться въ Англіи.

— Что-о! возразилъ англичанинъ: когда я сказалъ, что женюсь, то ужъ женюсь непременно.

— Вы очень счастливы, любезный Джонсъ, если у васъ, что сказано, то сдѣлано.

— Я англичанинъ! отвѣчалъ Джонсъ съ видомъ полного самодовольствія и убѣжденія въ неоспоримости имъ сказаннаго.

— А развѣ желанія англичанина всегда осуществляются? спросилъ баронъ.

— Всегда, сказалъ самоувѣренно Джонсъ; что англичанинъ задумалъ, то сказалъ, что сказалъ, то исполнить, во что бы то ни стало.

— Признаюсь, мнѣ очень досадно на мой проклятый ревматизмъ; онъ отнял у меня всякую возможность сдвинуться съ мѣста, а то бы я очень желалъ быть у васъ на свадьбѣ, проговорилъ баронъ съ легкою улыбкою.

Англичанинъ молча кивнулъ головою.

— Ну, а если, сверхъ всякаго чаянія, продолжалъ баронъ, женитьба вамъ не удастся, то есть, прибавилъ онъ, видя, что Джонсъ сурово наморщилъ лобъ, если и этотъ опытъ не разсѣетъ скуки, которая преслѣдовала васъ отъ береговъ Темзы черезъ всю Европу, даже до береговъ Нила, что вы тогда предпримите?

— Я застрѣлюсь! отвѣчалъ спокойно и рѣшительно англичанинъ.

— Фи, Джонсъ! какъ можно говорить такія вещи, не только ихъ дѣлать; развѣ жизнь дана намъ на то, чтобъ кидать ее изъ каприза, какъ старыя туфли?

— Скука не капризь, возразилъ очень серьезно мистеръ Джонсъ.

— Развлекайтесь, любезный другъ, старайтесь занять себя! Посмотрите, вотъ я, также какъ и вы, хотѣлъ взглянуть на Европу и былъ почти повсюду, даже встрѣчался съ вами на

пути много разъ, а въ Римѣ мы прожили вмѣстѣ довольно долго, но я вездѣ находилъ занятіе уму и воображенію, вездѣ встрѣчалъ развлеченіе ... Даже теперь, когда я добрался до вашей Англій, подарившей меня отмѣннымъ ревматизмомъ, отъ котораго, скажу вамъ по совѣсти, на каждого англичанина нашель бы сплинь, я и тутъ стараюсь развлекаться.

— Чѣмъ? сухо спросилъ Джонсъ.

— Вслушиваюсь въ болтовню сосѣдей, смотрю на улицу; ну, а вечеромъ, когда темно, заглядываю въ окна противоположныхъ домовъ, хотя это и не совсѣмъ скромно; но что же дѣлать? я одинъ, говорить не съ кѣмъ; надо же чѣмъ-нибудь убить время и скуку.

— Глупо! проворчалъ Англичанинъ.

— Можетъ быть и такъ, а все-таки я стараюсь развлекать себя, и признаюсь, съ самыхъ сумерокъ до вашего прихода, меня очень занамаль молодой человѣкъ въ сосѣднемъ домѣ.

— А что онъ дѣлалъ?

— Хандрилъ, любезнѣйшій другъ, сказалъ баронъ, но не такъ, какъ вы; повидимому, его хандра имѣла основательную причину, я готовъ держать пари, что онъ горько плакалъ, читая какую-то бумагу.

— Плакалъ! сказалъ съ презрѣніемъ Джонсъ. Мальчишка, Французъ.

— Но развѣ англичане не плачутъ?

— Англичанинъ — никогда!

— А я готовъ держать пари, возразилъ баронъ съ намѣреніемъ, желая завлечь въ споръ своего гостя и тѣмъ продлить разговоръ, который безъ того могъ бы скоро прекратиться, и который, при всей своей незанимательности, могъ убить часть долгаго страдальческаго вечера, — а я готовъ держать пари, что молодой человѣкъ, про котораго я говорю, англичанинъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу утвердительно, кто онъ, возразилъ Джонсъ, если вы мнѣ скажете, что онъ еще дѣлалъ.

— Онъ долго писалъ.

— А потомъ?

— Потомъ я былъ занятъ пріятнымъ разговоромъ съ вами и не дѣлалъ моихъ безмолвныхъ наблюденій, но мы можемъ сейчасъ посмотрѣть на его дальнѣйшія дѣйствія. При этихъ

словахъ баронъ повернулъ голову къ окну, и мгновенно поблѣднѣвъ, дико вскрикнулъ: Боже мой, какой ужасъ!

— Что такое онъ дѣлаетъ? спросилъ съ любопытствомъ Джонсъ.

— Пистолетъ... убійство ... едва могъ проговорить баронъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

При этихъ словахъ Джонсъ быстро подошелъ къ окну, и такъ неловко толкнулъ столикъ у кресла больного барона, что онъ съ громомъ опрокинулся, и стоявшія на немъ стаканъ и колокольчикъ со звономъ полетѣли въ разныя стороны. Не обращая на это вниманія, Джонсъ съ любопытствомъ взглянулъ на окна противоположнаго дома. Дѣйствительно, въ самомъ крайнемъ окнѣ этого дома, не занавѣшенномъ ничѣмъ, при свѣтѣ двухъ свѣчей, которыя довольно ярко озаряли маленькую комнатку, было видно, какъ у стола стоялъ довольно высокій мужчина, безъ фрака и галстука, держа въ рукахъ пистолетъ и цѣля имъ себѣ въ ротъ.

— Это англичанинъ, спокойно проговорилъ Джонсъ.

— Что вы тутъ разсуждаете, сударь? кричалъ между тѣмъ баронъ: идите, бѣгите, зовите кого-нибудь, чтобы спасти этого безумца.

— Нѣтъ, это не англичанинъ, это французъ или ирландецъ, снова проговорилъ мистеръ Джонсъ, наводя на окно свою трубку, и видя, что человѣкъ, на котораго было устремлено его вниманіе, безъ выстрѣла, положилъ пистолетъ на столъ и опять началъ писать.

— Но, Боже мой! идите же, что вы стоите? ломая руки, твердилъ взволнованный баронъ, не имѣя силъ самъ двинуться съ мѣста: бѣгите же, спасите человѣка, котораго видимо еще хранить судьба. Дайте мнѣ колокольчикъ, почти въ отчаяніи говорилъ старичекъ, я позову кого-нибудь. «Ей, кто тамъ?» кричалъ онъ, видя, что рука писавшаго снова взялась за пистолетъ, но почти въ то же мгновеніе, опять смѣнила его на перо, какъ бы желая въ эту роковую минуту передать бумагѣ послѣднюю свою мысль, послѣднее чувство.

— Видите, я вамъ говорилъ, что это не англичанинъ.

— Англичанинъ, англичанинъ! кричалъ баронъ, желая одушевить этимъ своего неподвижнаго товарища. Пятъсотъ фунтовъ—стерлинговъ держу, что англичанинъ.

— А я закладую мою голову, что нѣтъ, и сей часъ же

пойду и докажу вамъ это фактически. Этому требуетъ честь кровныхъ англичанъ! И чудакъ Джонсъ зашагалъ изъ комнаты, оставя барона, громко зовущаго кого-нибудь на помощь и кричавшаго ему вслѣдъ: «втретьемъ этажъ, угловое окно».

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно для длиннаго англичанина, нетерпѣливо желавшаго доказать справедливость своего мнѣнія и выиграть закладъ, чтобы сойти съ лѣстницы, перебѣжать улицу, и, справясь у привратника, взобраться въ угловую квартиру въ третьемъ этажѣ. Дойдя до двери, онъ, не переводя духа, со всею силою нетерпѣнія дернулъ за колокольчикъ, въ номерѣ 11-мъ.

— Здѣсь угловая квартира? спросилъ онъ служанку, отворившую ему дверь.

— Здѣсь, сударь.

— Въ угловой комнатѣ у васъ живетъ молодой человѣкъ.

— Живетъ, сударь.

— Онъ французъ?

— Нѣтъ, англичанинъ, отвѣчала служанка.

— Врешь, сказалъ яростно Джонсъ: куда къ нему пройти?

— Вотъ, черезъ столовую, прямо дверь его комнаты, сказала служанка. И Джонсъ зашагалъ къ показанной двери, которая отъ сильнаго толчка или оттого, что она не была заперта, мгновенно отворилась и онъ очутился лицомъ къ лицу съ Генрихомъ.

— Должно быть полуумный или кредиторъ, проговорила служанка, запирая двери и отправляясь въ кухню.

Между тѣмъ, мистеръ Джонсъ прямо подошелъ къ молодому механику. Заряженный пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ, снова былъ въ рукахъ нашего безумца, и на этотъ разъ, казалось, приходъ Джонса былъ совершенно кстати, потому что исписанный кругомъ листъ, былъ сложенъ и запечатанъ, а смертная блѣдность и искаженныя черты молодого человѣка ясно показывали, что онъ уже сказалъ свое послѣднее прости и счастью, и жизни.

— Вы французъ? спросилъ Джонсъ изумленнаго Лютчерса, и, не получа отвѣта, повторилъ свой вопросъ, съ явными знаками нетерпѣнія. Тяжкая минута самозабвенія, съ шумомъ

отворенная дверь, нечаянное появленіе незнакомца, все это потрясло молодаго человѣка и заставило его очнуться.

— Что вамъ угодно, сударь? произнесъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Развѣ вы глухи? Я спрашиваю: французъ вы или ирландецъ?

— Я англичанинъ.

— Ложь! сказалъ Джонсъ, выходя изъ себя: ложь самая безсовѣстная, самая безчестная. Ты французъ или ирландецъ, да притомъ еще самый презрѣнный изъ нихъ. Но если ты трусь, не смѣй оскорблять имени великой націи, называя себя англичаниномъ.

— Что вы, сударь, сумасшедшій? спросилъ наконецъ молодой человѣкъ, котораго изумленіе равнялось прежнему оцѣпенѣнію.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Джонсъ, не слушая молодаго человѣка и все болѣе разгорячаясь, я васъ спрашиваю, что вы здѣсь дѣлали?

— Это до васъ не касается.

— Извините, это очень до меня касается, когда вы передъ глазами иностранца позорите имя англичанина. Вы хотите застрѣлиться и цѣлый часъ сосете пистолеть, какъ дитя рожокъ съ молокомъ. Вы несчастливы, хорошо; вамъ надоѣла жизнь, прекрасно, вы хотите покончить съ собою, превосходно, такъ что же вы раздумываете, что вы примѣряетесь, десять разъ берете и опять кладете пистолеть?

— Но скажите, отвѣчалъ молодой человѣкъ, выведенный изъ терпѣнія, кто вы и за чѣмъ пришли ко мнѣ?

— Я англичанинъ, гордо отвѣчалъ Джонсъ, и пришелъ требовать, чтобы вы доказали, что вы англичанинъ и сейчасъ же застрѣлились.

— Но вы съ ума сошли!

— Хотите вы застрѣлиться — или нѣтъ?

— Нѣтъ! съ досадою отвѣчалъ Лютчерсъ.

— Нѣтъ? съ презрѣніемъ повторилъ Джонсъ, и вы смѣете брать въ руки пистолеть, смѣете называть себя англичаниномъ? Вы просто мальчишка! Я вижу по всему, — вы бѣднякъ, труженикъ, нищій — и при всемъ этомъ трусь. Такъ ли поступаютъ англичане? Вотъ я, на примѣръ, я англичанинъ, настоящій, кровный — и когда чего захочу — то

дѣлаю. Я не страдалецъ, не такой бѣднякъ, какъ вы, сказала онъ, окинувъ комнату съ презрительной гримасой, я могу имѣть все, что захочу, мнѣ даже скучно, что я не могу ни чего захотѣть и чтобъ оно не исполнилось, я все видѣлъ, все вкусилъ, испыталъ, теперь даже намѣренъ жениться, можетъ быть, еще на прехорошенькой, но если я скажу: я хочу застрѣлиться, я не стану мямлить и раздумывать, а возьму пистолетъ — тутъ онъ схватилъ со стола пистолетъ — осмотрю его, наставлю и...

Раздался выстрѣлъ и прежде, нежели оцѣпенѣлый отъ изумленія и ужаса молодой человѣкъ могъ сдѣлать какое-нибудь движеніе, Джонсъ лежалъ уже на полу съ разможеннымъ черепомъ.

Выстрѣлъ и дикій крикъ молодаго человѣка всполошили всѣхъ сосѣдей; комната вмгъ наполнилась народомъ; каждый хотѣлъ узнать, что случилось и со страхомъ отступалъ при видѣ кроваваго зрѣлища. Но прежде всѣхъ въ комнату вбѣжала испуганная Сара и, увидя молодаго человѣка, кинулась къ нему на шею съ словами:

— Генрихъ, Генрихъ! что съ вами?

— Ничего, Сара, ничего, отвѣчалъ Генрихъ, это вотъ этотъ безумецъ. Но, Боже мой! шепталъ онъ невольно, закрывая отъ ужаса блѣдное лицо свое: ужели мое безразсудство было причиной его смерти!

— Дуэль, убійство! повторяли множество голосовъ: за что они поссорились? кто былъ зачинщикомъ? спрашивали любопытные; но Генрихъ не могъ ничего отвѣчать: смерть, которую онъ готовилъ себѣ, вдругъ неожиданно поразила другаго, въ его глазахъ; страшный выстрѣлъ еще гремѣлъ въ ушахъ его, ему еще слышалось глухое, тяжелое паденіе тѣла, за минуту оживленнаго дикою энергіею; онъ невольно взглянулъ на безобразный трупъ и, съ ужасомъ отвернувшись, съ благоговѣйнымъ трепетомъ поднялъ глаза къ далекому небу, на которомъ, сквозь окно, виднѣлись мириады звѣздъ.

— Прости меня, Боже мой, шепталъ молодой человѣкъ, прости за ужасную мысль, оскорбляющую Твое всемогущество и прими мое благодареніе за чудный урокъ, ниспосланный мнѣ тобою черезъ этаго несчастнаго, котораго также прости и помилуй ради его безумія.

Вскорѣ явился комиссаръ съ полишменами. Гдѣ убійца? спросилъ онъ, входя въ комнату.

Ему показали на Генриха.

— Вы убили этого человѣка? спросилъ комиссаръ.

— Нѣтъ! твердо отвѣчалъ молодой человѣкъ, которому краткая, но усердная молитва, возвратила способность мысли и слова.

— Нѣтъ, г. комиссаръ, я его не убивалъ.

— Но кто же могъ его убить у васъ въ комнатѣ?

— Господинъ комиссаръ! раздался голосъ мальчика изъ гостинницы, котораго наконецъ удалось больному барону докликаться; васъ зоветъ къ себѣ больной иностранецъ, для нужнаго объясненія по этому дѣлу и просить васъ не дѣлать никакихъ распоряженій, не переговора съ нимъ. Онъ говоритъ, что все видѣлъ и можетъ вамъ все объяснить въ подробности.

— Смотрите за молодымъ человѣкомъ, сказалъ комиссаръ полишменамъ и поспѣшно вышелъ съ мальчикомъ. Генрихъ спокойно и безъ страха ожидалъ развязки этой сцены. Черезъ полчаса комиссаръ возвратился и, подойдя вѣжливо къ Генриху, сказалъ:

— Извините, одинъ иностранецъ, который зналъ умершаго и видѣлъ все, здѣсь происходившее, изъ окна, совершенно васъ оправдываетъ, и я этому очень радъ, прибавилъ онъ, кланяясь молодому человѣку; но все-таки я долженъ попросить васъ пожаловать со мною къ лорду-меру, для нѣкоторыхъ поясненій. Мы васъ не долго задержимъ.

— Но не знаете ли вы, сэръ, спросилъ Генрихъ комиссара, кто былъ этотъ несчастный?

— По словамъ иностранца, его знакомаго, это какой-то Джонсъ, ливерпульскій житель, родомъ изъ графства Дерби.

— Мой дядя! вскрикнулъ Генрихъ.

— Вашъ дядя? съ удивленіемъ спросилъ комиссаръ.

— Да, отвѣчалъ Генрихъ, единственный человѣкъ изъ графства Дерби, который могъ носить эту фамилію, былъ мой дядя, братъ моей матери.

— И у васъ тамъ нѣтъ никого болѣе изъ родныхъ? спросилъ комиссаръ.

— Никого, отвѣчалъ Генрихъ.

— Ну, такъ, значитъ, сказалъ комиссаръ, — вы его наслѣдникъ, а какъ говоритъ иностранецъ, дядюшка вашъ былъ очень богатъ.

Тѣло Джонса давно уже унесли, и Генрихъ, разговаривая съ комиссаромъ, спѣшилъ одѣться, чтобы идти къ лорду меру. Въ дверяхъ комнаты его ждала Сара.

— Что же сказать Эмми, сэръ Лютчерсъ?

— Господинъ комиссаръ, позвольте мнѣ написать слова три; вы можете ихъ прочитать, если это будетъ вамъ угодно. Получивъ позволеніе, Генрихъ дѣйствительно написалъ нѣскольکو словъ и отдалъ записку Сарѣ.

— Успокой Эмми, сказалъ онъ, — скажи, чтобы она па-дѣялась и не плакала. Прощай, Сара! Иди. Но уговоръ: ни слова о случившемся.

Было уже довольно поздно, когда Сара возвратилась на заводъ мистера Ричмонса. Первымъ дѣломъ ея было узнать, гдѣ старикъ-заводчикъ, но когда ей сказали, что онъ въ кабинетѣ работаетъ, она тихо пробралась въ комнату къ больной Эмми и передала ей записку.

— Ты видѣла его, мама? спрашивала Эмми, здоровъ ли онъ? что онъ дѣлаетъ? помнитъ ли меня?

— Вотъ, прочти, моя душа, отвѣчала Сара, боясь распросовъ, на которыя она сама не знала бы что отвѣчать, между тѣмъ, какъ болтливый язычекъ порывался пересказать разныя запретныя подробности.

Эмми велѣла придвинуть свѣчку, и лишь только прочла нѣсколько словъ, какъ съ словами «Мама! ... Ахъ, Генрихъ!» ... лишилась чувствъ. Испуганная старуха не знала что дѣлать, она звала служанку, требовала воды, и на крикъ ея въ одно время вошли въ комнату служанка съ водою, и мистеръ Ричмонсъ, съ очками на лбу и съ перомъ за ухомъ.

— Что такое? что сдѣлалось? говорилъ старикъ, входя къ племянницѣ.

— Ахъ, сэръ! Эмми, кажется, умерла! говорила плачущая Сара.

— Что за вдоръ! отвѣчалъ заводчикъ, подходя къ постелѣ племянницы; ей вѣрно дурно, и онъ наклонился къ ней, чтобы взять руку Эмми и попробовать пульсъ; но едва онъ приподнялъ руку, какъ изъ нея выпала записка. Ричмонсъ опустилъ первую и поднялъ послѣднюю. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ свѣчкѣ и началъ читать. Но странно, записка произвела и на заводчика необыкновенное дѣйствіе. Едва онъ пробѣжалъ ее глазами, какъ въ ту же минуту, не упавъ

въ обморокъ, но громко вскрикнулъ, такъ, что Эмми невольно открыла глаза.

— Что? кричалъ онъ, что? мистеръ Джонсъ умеръ? и Генрихъ его племянникъ, его наслѣдникъ? Кто принесъ это письмо? спросилъ онъ наконецъ.

— Я, робко сказала Сара.

— Ты старая дура! говорилъ Ричмонсъ грозно. Вотъ погоди, я сейчасъ поѣду въ городъ и разузнаю все подробно, но помни: если Джонсъ не умеръ, я тебя прогоню со двора.

— Ну, такъ я останусь у васъ, сэръ; отвѣчала спокойно старуха.

— И ты увѣрена, что мистеръ Джонсъ точно умеръ?

— Не знаю, сэръ, какъ зовутъ этого сумасброда, а знаю только, что какой-то приѣзжій прибѣжалъ къ Генриху, схватилъ пистолеть и застрѣлился.

— Застрѣлился? Годдемъ! Это похоже на него; впрочемъ, завтра поѣду самъ и все узнаю.

Мистеръ Ричмонсъ вышелъ изъ комнаты, до того заинтересованный этимъ извѣстiемъ, что велѣлъ себѣ подать бутылку Але-Коку и даже забылъ выслать Сару изъ комнаты.

Эту ночь Эмми спала спокойно и Сара, сидя у изголовья, тихо молилась и повторяла довольно часто: «Это судьба, это судьба!» потому-что Эмми сказала старушкѣ, что жениха ея звали Джонсомъ.

— Какже это, дитя мое? говорила Сара въ раздумьи, стало быть, Генрихъ еще прежде зналъ, что дядя отнимаетъ у него невѣсту?

— Нѣтъ, мама, не зналъ.

— Но вѣдь онъ читалъ письмо твоего жениха и видѣлъ подпись.

— Видѣлъ каракулю, которую, кромѣ дядюшки, никто въ свѣтѣ не могъ бы разобрать! прошептала Эмми съ улыбкою, закрывая свои утомленные глазки и засыпая, въ первый разъ, послѣ разлуки съ Генрихомъ.

По утру слѣдующаго дня старикъ Ричмонсъ дѣйствительно уѣхалъ въ городъ и къ обѣду возвратился. Онъ прямо прошелъ въ комнату къ Эмми.

— Мистеръ Джонсъ умеръ дѣйствительно, сказалъ онъ, Генрихъ точно его племянникъ и притомъ единственный на-

дникъ, а потому, я полагаю, онъ имѣеть полное право наслѣдовать и твою руку, если захочетъ.

И такъ этотъ милліонъ, который надѣлалъ столько хлопотъ нашимъ бѣднымъ молодымъ людямъ, теперь принадлежалъ Генриху, который съ радостію поднесъ его въ день свадьбы своей молодой женѣ. Мистеръ Ричмонсъ, гордо расхаживая между гостей и потирая руки отъ удовольствія, сказалъ Генриху:

— Видишь, дорогой племянникъ, дѣло-то вышло не худое; машина досталась и знатоку, и милліонеру!

— А я вамъ скажу, достопочтенный дядюшка, что я убѣжденъ теперь въ томъ, что русскіе—великіе мудрецы на пословицы. Когда вы посылали меня въ Москву, ставить паровую машину на фабрику Тугоухова, я тамъ слышалъ пословицу, которая теперь вполне оправдалась на мнѣ.

— Какую-же? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— «Пуля — дура, а виноватаго найдетъ!»

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО,

КАКЪ МУЗЫКАНТЪ.

Статья Адольфа Адана.

Мы очень часто восхищаемся парадоксомъ, выраженнымъ умнымъ человѣкомъ, который умѣетъ имъ пользоваться, чтобы, такъ сказать, ослѣпить слушателя тысячами выходовъ, мгновенныхъ и блестящихъ, какъ молнія. Въ такой умственной борьбѣ разсудку нѣтъ мѣста; а между тѣмъ прелесть парадокса и состоитъ именно въ томъ, что онъ намъ кажется строго обреченнымъ, и тѣмъ самымъ какъ будто доказываетъ присутствіе въ себѣ справедливой мысли. Но что сказать о парадоксѣ, разсмотрѣнномъ серьезно и приложенномъ къ дѣлу? Что сказать о человѣкѣ, котораго жизнь и сочиненія были цѣпью противорѣчій? ... Между тѣмъ, таковъ былъ Ж. Ж. Руссо.

Руссо, какъ человекъ умный, не могъ такъ обманывать самого себя; онъ хотѣлъ обмануть другихъ. Когда Руссо говорилъ, что его слава и знаменитость ему въ тягость, онъ хотѣлъ только, чтобъ ему вѣрили; но самъ очень хорошо понималъ, что лгалъ. Его странности и ложная чувствительность были не что иное, какъ расчетъ. Преслѣдованія, на которыя онъ жаловался, составляли его счастье: онъ льстили его самолюбію, и онъ самъ накликалъ ихъ, чтобъ обратить на себя общее вниманіе. Что сдѣлалъ онъ, когда, изгнанный изъ Франціи, поселился въ Парижъ? Онъ, увѣряя, что предпочитаетъ удобство всеѣмъ приличіямъ, нарядился въ армянское платье, и въ этомъ нарядѣ прогуливался по улицамъ Парижа, въ которомъ, въ его время, господствовалъ строгій этикетъ, и для всякаго званія существовала особенная форма платья. Руссо восхищалъ этимъ только дураковъ и уличныхъ мальчишекъ и, конечно, былъ очень обиженъ тѣмъ, что полиція на него не обращала вниманія, а порядочные люди смотрѣли на него съ улыбкою или съ сожалѣніемъ. Однако я вижу, что зашелъ слишкомъ далеко въ сужденіяхъ моихъ о человекѣ, и забылъ, что долженъ говорить о Руссо, только какъ о музыкантѣ.

Конечно очень страннымъ должно было казаться въ XVIII столѣтіи, когда музыканта считали какою-то музыкальною машиною и когда Вольтеръ, при встрѣчѣ съ Гретри, сказалъ ему: «вы музыкантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умный человекъ; а это встрѣчается очень рѣдко.» Странно то, что человекъ, пріобрѣтшій извѣстность, какъ литераторъ и философъ, не только говорилъ, что онъ музыкантъ, но даже прошелъ все степени этого званія и, перебивавши копистомъ, дидактическимъ писателемъ, критикомъ, теоретикомъ и композиторомъ, не могъ только никогда заниматься инструментовкою. Особенно замѣчательно то, что человекъ, который хотѣлъ заниматься всеѣми отраслями музыкальнаго искусства, не зналъ его главныхъ началъ, никогда не умѣлъ читать самыхъ простыхъ арій, и скорѣе могъ самъ написать какую-нибудь партитуру, нежели разобрать чужую. Мы совершенно увѣримся въ его незнаніи искусства, въ которомъ онъ хотѣлъ быть преобразователемъ, судьей и учителемъ, когда разсмотримъ его сочиненія о музыкѣ и музыкальныя произведенія. Руссо очень поздно началъ учиться музыкѣ; но будучи еще ребенкомъ, онъ чувствовалъ ея вліяніе. Одна изъ его тетокъ часто ему пѣла народныя пѣсни. «Я увѣренъ,» говоритъ онъ въ своихъ «Признаніяхъ», что ей обязанъ охотою, или, лучше сказать, страстію къ музыкѣ, хотя эта страсть развилась во мнѣ гораздо позже. Я такъ любилъ пѣніе моей тетки, что не только нѣкоторыя изъ ея

пѣсней остались въ моей памяти, но даже теперь, когда ея уже нѣтъ, — я часто вспоминаю пѣсни, забытыя мною въ дѣтствѣ и доставляющія мнѣ теперь величайшее наслажденіе.» Руссо въ дѣтствѣ не слыхалъ во-все музыки; когда онъ принялъ католическую вѣру, онъ услыхалъ въ первый разъ церковное пѣніе за обѣднею въ церкви короля Сардинскаго и сталъ посѣщать ее ежедневно. «Тогда, говоритъ онъ, у этого короля была лучшая симфонія въ Европѣ. Соми, Дежарденъ, Беццози, попеременно блистали тамъ. Слишкомъ довольно было этого, чтобъ привлечь молодаго человѣка, котораго всякій вѣрный звукъ какого бы то ни было инструмента приводилъ въ восторгъ». Онъ получилъ нѣсколько начальныхъ уроковъ музыки отъ г-жи де-Варансъ. Когда онъ поступилъ въ семинарію, онъ взялъ съ собою кантаты Клерамбо. Хотя Руссо и признается, что тогда не понималъ и четверти всѣхъ музыкальныхъ знаковъ, однако онъ наконецъ выучился разбирать ноты и пѣть первую кантату. Онъ, впрочемъ, не говоритъ, сколько времени употребилъ на это. Вѣроятно, это занятіе отвлекло его отъ занятій ученыхъ, потому-что онъ вскорѣ былъ исключенъ изъ семинаріи, получивъ аттестатъ въ неспособности. Руссо съ триумфомъ принесъ свои кантаты къ г-жѣ де-Варансъ, и та, всегда добрая въ отношеніи къ нему, согласилась восхищаться успѣхами въ музыкѣ и даже отдала его въ капитуль, въ Анеси. Довольно любопытно описываетъ Руссо свое пребываніе въ немъ. Онъ объясняетъ, каковы были эти заведенія, распространенныя по всей Франціи и уничтоженныя революціею: это были рассадники музыкантовъ, инструментистовъ, пѣвцовъ и композиторовъ. Тогда артисты въ Оперу набирались изъ этихъ капитуловъ. Пѣвицы же образовались сами по себѣ. Вообще, женщины гораздо лучше понимаютъ и чувствуютъ искусства подражательныя; поэтому онъ лучше и скорѣе учатся.

Жизнь музыкантовъ, начальствовавшихъ въ капитулахъ, была очень счастливая: они должны были, по порученію духовенства, учить известное число молодыхъ людей, которые пѣли во время богослуженія; но имъ не только позволялось имѣть учениковъ пансіонеровъ сверхъ назначеннаго числа, но даже поощрялось такое увеличеніе комплекта, потому-что это было средствомъ—придать болѣе величія духовной музыкѣ. Очень часто между капитулами существовало соперничество; каждый хотѣлъ имѣть хорошаго композитора, искуснаго органиста, пѣвца съ сильнымъ и звучнымъ голосомъ и, конечно, такое соперничество клонилось въ пользу артистовъ, которымъ предоставляли различныя выгоды и увеличивали жалованье, чтобъ переманить ихъ изъ одного капитула въ

другой. Конечно, тутъ была и дурная сторона. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые духовныя лица не имѣли къ капельмейстеру того уваженія, которымъ такъ дорожатъ артисты; другіе смотрѣли на нихъ, какъ на наемныхъ людей, которые не должны ожидать никакой благодарности, кромѣ денегъ, точно также, какъ какой-нибудь швейцаръ или другая прислуга. Начальникъ капитула имѣлъ власть только надъ музыкантами; всеиъ остальнымъ лицамъ онъ самъ подчинялся. Главный пѣвчій (обыкновенно какое-нибудь духовное лицо), управлялъ хоромъ, и между нимъ и капельмейстеромъ бывали безпрестанныя столкновения. Мы видимъ примѣръ этого въ томъ капитулѣ, гдѣ находился Руссо. Обыкновенно епископъ Анесійскій въ большіе праздники давалъ обѣдъ своимъ каноникамъ; какъ-то однажды позабыли пригласить на этотъ обѣдъ главнаго пѣвчаго и капельмейстера. Этотъ послѣдній попросилъ регента пѣвчихъ, какъ своего начальника и духовное лицо, объяснить епископу, что имъ обоимъ сдѣлано оскорбленіе; регентъ согласился, но только вполнину успѣлъ въ своемъ предпріятіи, то есть, сдѣлалъ то, что его пригласили, а на несчастнаго капельмейстера, г. Леметра, не обратили вниманія. Между приглашеннымъ (аббатомъ де-Видономъ) и оскорбленнымъ Леметромъ завязался споръ, кончившійся тѣмъ, что аббатъ назвалъ Леметра наемникомъ; почему собственно, и такъ-какъ онъ не дворянинъ и не духовное лицо, его и не пригласили. Оскорбленіе было сильное и требовало мщенія, которое вскорѣ и обнаружилось. Лишить капитулъ музыки — значило показать ему, что не должно пренебрегать капельмейстеромъ. На это и рѣшился оскорбленный музыкантъ. Ему необходимы были сотоварищи и онъ нашелъ ихъ въ Руссо и г-жѣ де-Варансъ; первый согласился вмѣстѣ съ нимъ бѣжать, а вторая помогла ему унести все музыкальныя принадлежности. Чтобы сдѣлать мщеніе свое болѣе вѣрнымъ, бѣглецы отправились прямо къ Сейсельскому приходскому священнику, который еще не былъ увѣдомленъ о ихъ побѣгѣ. Они его увѣрили, что посланы архіепископомъ въ Беллей, и добрый священникъ, самъ того не зная, способствовалъ ихъ побѣгу, взявшись доставить имъ ящикъ ихъ съ музыкальными принадлежностями въ Ліонъ. Они надѣялись избавиться отъ всякаго преслѣдованія во Франціи и вести въ Ліонѣ веселую жизнь, такъ-какъ талантъ Леметра долженъ былъ доставить имъ хорошій тамъ пріемъ. Но бѣдный Леметръ страдалъ падучею болѣзнію, и однажды, на улицѣ, съ нимъ сдѣлался припадокъ; несчастный упалъ въ страшныхъ судорогахъ, съ пѣною у рта; множество народу обступило его, а Руссо, между тѣмъ, по причинѣ, которой онъ не объясняетъ, убѣжалъ и

оставилъ своего спутника и друга въ рукахъ незнакомыхъ людей. Никто не знаетъ, что сдѣлалось съ Леметромъ. Извѣстно только, что его ящикъ былъ схваченъ лонскими канониками и отосланъ къ каноникамъ авесійскимъ. А какъ въ ящикѣ заключалось единственное средство, которымъ Леметръ могъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, то, по всей вѣроятности, нищета, отчаяніе и наконецъ, можетъ быть, самая смерть были слѣдствіемъ его довѣрчивости къ неблагодарному ученику. Руссо же, послѣ того, отправился опять къ г-жѣ де-Варансъ; но она уже уѣхала. Къ счастью, онъ отыскалъ одного знакомаго музыканта, съ которымъ подружился еще прежде поступленія въ капитуль. Они жили вмѣстѣ; но какъ музыканту некогда было учить своего товарища бесплатно, то Руссо началъ прогуливаться по полямъ и мечтать, пока тотъ занимался своими уроками. Но эта жизнь не долго продолжалась. Въ отсутствіе г-жи де-Варансъ, Руссо уѣхалъ въ Фрейбургъ, а оттуда пошелъ пѣшкомъ, самъ не зная куда. Такъ онъ добрался до Лозанны, издержавъ свой послѣдній крейцеръ; но онъ былъ предприимчивъ и дерзокъ, и притомъ вспомнилъ приключеніе своего друга Вантюра. Этотъ Вантюръ былъ искусный музыкантъ, но такъ дурно себя велъ, что не могъ ужиться ни въ какомъ городѣ, и потому ходилъ изъ одного въ другой; его всюду принимали за талантъ и выгоняли за дурное поведеніе.

Въ то время музыкантъ могъ путешествовать, не имѣя ни копейки: его принимали во всѣхъ школахъ и даже платили ему, потому-что тогда новаго пѣвца принимали такъ, какъ теперь, въ провинціи, принимаютъ пріѣзжаго актера. Тогдашніе музыкальные нравы намъ вовсе неизвѣстны; и недурно бы ихъ припомнить нашимъ музыкантамъ, хоть бы для того, чтобы они не слишкомъ гордились и не забывали, что еще не такъ давно музыканты вели цыганскую жизнь. Конечно, такого рода существованіе очень нравилось Руссо, но онъ забывалъ только, что ему недоставало знанія музыки, чтобъ быть музыкантомъ. Это препятствіе не остановило его ни на минуту. Онъ поселился у Перроте, у котораго были пансіонеры; признался ему, что не имѣетъ ни гроша, но за то разсказалъ, что его имя Воесоръ де-Вильнёвъ, что онъ музыкантъ и что пріѣхалъ изъ Парижа, чтобъ давать музыкальные уроки. Перроте принялъ его и отрекомендовалъ любителю музыки г. де-Трейторону. Но какъ Руссо не умѣлъ играть ни на какомъ инструментѣ, то онъ выдалъ себя за композитора; когда же у него спросили образчикъ его сочиненій, то онъ отвѣтилъ, что пишетъ симфонію. Онъ въ самомъ дѣлѣ началъ писать симфонію: работалъ двѣ недѣли, исписалъ

множество бумаги и, чтобъ увѣнчать свое произведеніе, помѣстилъ въ концѣ его какой-то, бывший тогда въ модѣ, менуэтъ, которому онъ выучился у друга своего Вантюра. Руссо признается, что онъ такъ мало зналъ музыку, что даже не могъ слѣдить за исполненіемъ своей симфоніи и понять, правильно ли ее играютъ. Поэтому можно судить, каково было сочиненіе! Разсказъ объ исполненіи этой симфоніи до того забавенъ, что мы его выписываемъ изъ сочиненій Руссо:

«Собираются, чтобъ разыгрывать мою симфонію. Я каждому объясняю родъ движенія, духъ исполненія, раздѣленіе частей: я былъ очень занятъ. Все устраивается въ продолженіе пяти или шести минутъ, которыя показались мнѣ пятью или шестью столѣтіями. Наконецъ все готово, я беру свертокъ бумаги и начинаю бить тактъ: все умолкло, начинаютъ... Нѣтъ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ существуютъ французскія оперы, никогда въ жизни моей не слыхалъ я подобной путаницы; какого дурнаго мнѣнія публика ни была о моемъ талантѣ, но моя симфонія — превзошла всѣ ожиданія: музыканты помирали со смѣху; слушатели съ удивленіемъ раскрывали глаза и охотно заткнули бы себѣ уши; но не было никакой возможности! Мои враги-симфонисты такъ шумѣли, что привели бы въ отчаяніе глухо-нѣмага. Я однако же все продолжалъ. Съ меня потъ лился градомъ; но я со стыда не могъ двинуться, не смѣлъ убѣжать и все оставить. Для утѣшенія, я слышалъ между присутствующими разговоры, въ родѣ слѣдующихъ: «Что за сумасшедшая музыка? Это невыносимо. Что за тараборщина!» Но еще болѣе развеселилъ всѣхъ менуэтъ. Лишь только сыграли первые его такты, какъ я услышалъ со всѣхъ сторонъ громкій смѣхъ. Меня поздравляли съ удачнымъ выборомъ, увѣряли, что я этимъ менуэтомъ приобрѣту славу, впрочемъ вполне заслуженную. Не нужно, я думаю, описывать мое положеніе, ни признаваться, что я его вполне заслужилъ.»

Это происшествіе можетъ показаться признакомъ сумасшествія и служить оправданіемъ для Руссо во многихъ его поступкахъ; можно поэтому предполагать, что не многія благонамѣренныя изъ его твореній были сдѣланы написаны имъ въ тѣ минуты, когда онъ временно владѣлъ полнымъ разумомъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ вышеописаннаго происшествія, невозможно было поддерживать роль, которую Руссо принялъ на себя; онъ продолжалъ однакоже давать уроки и имѣлъ нѣсколько учениковъ: въ то время учителя музыки были очень рѣдки, и потому существовало мнѣніе, что тотъ, кто хоть и плохо знаетъ музыку, можетъ, однакожъ, преподавать ее тѣмъ, которые вовсе ея не знаютъ. Впрочемъ Руссо получалъ отъ своихъ занятій очень мало выгодъ и задолжался въ Лозан-

нѣ. Онъ отправился на-зиму въ Нёшатель, но представился туда уже не композиторомъ, а учителемъ, и «тамъ», говоритъ онъ, «я незамѣтно выучился музыкѣ, уча ей другихъ.» Въ этомъ городѣ онъ встрѣтилъ греческаго архимандрита, къ которому поступилъ переводчикомъ и съ которымъ вмѣстѣ былъ остановленъ у французскаго посла въ Солёрѣ, господина де-Бонакъ. По протекціи этого семейства, онъ могъ совершить свое первое путешествіе въ Парижъ. Прибывъ туда, онъ тотчасъ же отправился отыскивать госпожу де-Варансъ, которую думалъ найти въ Лионѣ. Но онъ тамъ не нашелъ её и долженъ былъ ждать новыхъ извѣстій объ ней, а между тѣмъ всѣ деньги его были истрачены, и ему приходилось спать на улицѣ... И тутъ его спасла музыка! Проснувшись, онъ отправился гулять въ поле, напѣвая свѣжимъ и юнымъ своимъ голосомъ кантату Батистена, которую зналъ наизусть. Въ это время къ нему подошелъ монахъ изъ ордена антонинцевъ и спросилъ, знаетъ ли онъ музыку и умѣетъ ли переписывать ноты. Получивъ утвердительный отвѣтъ, монахъ привелъ его въ свою комнату и далъ нѣсколько партитуръ для переписки. Черезъ недѣлю монахъ возвратилъ ему переписанныя имъ ноты и сказалъ, что онѣ наполнены ошибками, такъ-что играть по нимъ невозможно. Не смотря на то, монахъ продержалъ Руссо у себя цѣлую недѣлю и далъ ему еще небольшую монету на дорогу. Въ жизни Руссо встрѣчаешь безпрестанно противорѣчія. Извѣстно, что во времена своей славы, когда могущественные друзья хотѣли усладить его жизнь, когда онъ могъ получать огромныя выгоды отъ своихъ произведеній, Руссо всегда говорилъ, что онъ слишкомъ гордъ, чтобъ жить какими-нибудь выгодами, кромѣ того, что онъ получалъ, какъ копійистъ. Эта гордость была нечистосердечна и притомъ совершенно ложно понята имъ, потому-что онъ самъ признается, что былъ всегда дурнымъ копійистомъ. «Должно признаться», говоритъ онъ, «что я выбралъ въ жизни ремесло, къ которому я менѣе всего способенъ. Не то, чтобы мои ноты были не красивы, или чтобы я не четко переписывалъ; но продолжительная работа наводитъ на меня такую скуку, что я дѣлаюсь разсѣяннымъ и болѣе трачу времени на выскабливаніе, нежели на переписку нотъ, такъ-что я долженъ очень внимательно пересмотрѣть и переправить мои партитуры, чтобы онѣ не путали музыкантовъ при исполненіи.» Послѣ путешествія въ Лионъ, Руссо возвратился къ госпожѣ де-Варансъ и началъ снова заниматься музыкою, ея теоріею и даже композиціею. Онъ приобрѣлъ теорію гармоніи, которую тогда только-что издалъ Рамо, и признается, что ничего не понималъ въ ней, что впрочемъ очень извинительно, потому-что сочиненіе это

изложено не совсѣмъ ясно. У г-жи де-Варансъ начали составляться концерты, въ которыхъ она сама и отецъ Катонъ пѣли, какой-то учитель танцованія и его сынъ играли на скрипкѣ, г. Канава игралъ на виолончелѣ, а аббатъ Пале на фортепіано. Руссо былъ дирижеромъ, но, не смотря на это званіе, кажется, онъ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ музыкѣ; онъ самъ признается, что онъ ничего не значилъ въ сравненіи съ этими любителями. Въ это время онъ получилъ мѣсто при управленіи поземельными собственностями; но вскорѣ оставилъ службу и началъ заниматься музыкою, нашелъ нѣсколько ученицъ въ Шамбери; но и тутъ вдругъ онъ вздумалъ ѣхать въ Безансонъ. Когда-то онъ слышалъ, что другъ его, Вантюръ, былъ ученикомъ аббата Бланшара, искуснаго капельмейстера Безансонскаго собора. Къ нему-то и хотѣлъ отправиться Руссо и, не имѣя рекомендательнаго письма отъ Вантюра, котораго уже не было въ Анеси, онъ взялъ съ собою сочиненную Вантюромъ обѣдню на четыре голоса. Не успѣвъ еще видѣть Бланшара, Руссо долженъ былъ возвратиться въ Шамбери, потому-что узналъ, что его чемоданъ былъ задержанъ въ таможи. Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ Руссо занимался попеременно исторіею, литературою, физикою, астрономіею, шахматною игрою и музыкою. Однажды онъ вообразилъ, что у него полипъ въ сердцѣ и отправился (все на счетъ г-жи де-Варансъ) лечиться въ Монпелье. Тамъ доктора только смѣялись надъ его мнимою болѣзнію, и онъ черезъ два мѣсяца оставилъ этотъ городъ, въ которомъ началъ-было слушать курсъ анатоміи. Онъ возвратился въ Шаршетты, которыя также вскорѣ оставилъ, чтобы вступить наставникомъ въ семейство г-жи де-Мабли. Здѣсь онъ ни чему не училъ дѣтей, но за то кралъ вино. Эта покража была открыта, и хотя Руссо простили, но онъ очень справедливо разсудилъ, что гораздо умнѣе оставить учениковъ, которыхъ ничему не можешь выучить, чѣмъ быть имъ въ тягость, и вслѣдствіе того снова очутился въ Шаршеттахъ.

Между тѣмъ, въ домѣ г-жи де-Варансъ все шло очень безпорядочно. Вообще, никогда экономія и порядокъ не были ея главными добродѣтелями; но теперь дѣла ея были въ чрезвычайно плохомъ состояніи. Руссо тотчасъ придумалъ средство для ея и для своего собственнаго обогащенія. Такъ-какъ, не смотря на всѣ старанія, Руссо не умѣлъ бѣгло читать нотъ, то, на этомъ основаніи, онъ и разсудилъ, что не онъ виноватъ въ плохомъ знаніи музыки, а напротивъ, музыка виновата въ томъ, что правиламъ ея трудно выучиться: слѣдовательно система писанія нотъ никуда не годится. Поэтому онъ придумалъ новую систему, въ которой ноты должны были выражаться цифрами. Нотъ всего семь, слѣдовательно и

цыфръ должно употреблять всего семь; а чтобъ выражать ихъ измѣненія, Руссо придумалъ писать цыфры вправо и влѣво, смотря потому, діазныя или бемольныя ноты, и ставить нѣсколько точекъ сверху или снизу, чтобъ выражать октавы. Нельзя не сказать, что въ этой системѣ видно нѣчто остроумное, и что она представляется намъ, повидимому, очень простою. Черезъ полгода Руссо составилъ все правила своей теоріи, изложилъ ее на бумагѣ и при помощи г-жи де-Варансъ, повезъ проэктъ свой, который долженъ былъ послужить основаніемъ его богатства и важной перемены въ искусствѣ, — въ Парижъ, на обсужденіе Академіи Наукъ. Академія назначила для разсмотрѣнія этого проэкта трехъ членовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ музыкантомъ. То были: Мэранъ, Гелло и Фурши.

Сужденіе Академіи очень напоминаетъ извѣстный процессъ, въ которомъ Панюржъ издаетъ рѣшеніе запутанное, не менѣе чѣмъ рѣчи, произнесенныя въ пользу двухъ тяжущихся.

Мы, впрочемъ, видимъ изъ мнѣнія Академіи, что система Руссо была не что иное, какъ усовершенствованіе методы Сугетти. Здѣсь, однакоже, Руссо не виноватъ въ покражѣ изобрѣтенія: это была просто случайность. Академія оспаривала пользу нововведенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отвергала ее. Не доставало настоящаго, свѣдущаго судьи, котораго вскорѣ и нашли въ Рамо. «Вы вашими цыфрами дѣйствуете на разсудокъ,» сказалъ онъ Жанъ-Жаку; «мы нашимъ изображеніемъ дѣйствуемъ на глазъ, который, не читая ихъ, отгадываетъ промежутки; а это-то и необходимо для быстроты исполненія.» Нечего было отвѣчать на это сужденіе, которое остается неопровержимымъ и въ наше время, когда хотять возобновлять подобные опыты. По этой методѣ начинающіе сперва пойдуть очень скоро при первыхъ легкихъ чтеніяхъ; но потомъ, когда дойдуть до сочетаній, эта метода становится недостаточною. Притомъ она не можетъ быть приложена къ партитурѣ, гдѣ часто двадцать или тридцать частей въ соединеніи должны быть поняты однимъ взглядомъ и гдѣ двадцать или тридцать строчекъ должны быть прочитаны, какъ одна. Здѣсь, для быстроты, необходимо, чтобы на глазъ дѣйствовалъ рисунокъ, а цыфрами невозможно достигнуть этой цѣли. Руссо на время отказался отъ отвергнутой всею системой; но все же, въ подтвержденіе ея, напечаталъ разсужденіе о современной музыкѣ, которое не приобрѣло славы и было читано только людьми, занимающимися специально этимъ предметомъ. Руссо до-сихъ-поръ терпѣлъ въ музыкѣ только неудачи; но вскорѣ настало время, когда онъ

имѣлъ успѣхъ огромный, который и поставилъ его въ число музыкантовъ XVIII столѣтія.

Руссо не упалъ духомъ послѣ этой музыкальной неудачи и рѣшился приняться за другой родъ сочиненій. Онъ написалъ слова и музыку оперы-балета «*Les muses galantes*,» въ которой, по тогдашнимъ правиламъ искусства, всякій актъ представлялъ особенную пьесу, относившуюся къ главному сюжету только однимъ общимъ направленіемъ. 1-й актъ назывался Тассъ, 2-й—Овидій, 3-й — Анакреонъ; но это произведеніе не было еще окончено, когда авторъ поступилъ особеннымъ секретаремъ къ венеціанскому посланнику и получилъ 1000 франковъ жалованья въ годъ. Нельзя сказать, чтобы представитель Короля Франціи и Наварры былъ слишкомъ щедръ на жалованье. Пребываніе Руссо въ Италіи мало замѣчательно въ музыкальномъ отношеніи; здѣсь онъ только полюбилъ итальянскую музыку, черезъ которую потомъ приобрѣлъ себѣ столько враговъ во Франціи. Особенно понравилось Руссо пѣніе въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ только слышны голоса, а сами пѣвицы скрыты за занавѣской. «Каждое воскресенье,» говоритъ онъ, «во время всенощной, при оркестрѣ, составленномъ изъ лучшихъ артистовъ Италіи, поетъ скрытый отъ зрителей рѣшетками хоръ дѣвицъ, изъ которыхъ старшей не болѣе 20 лѣтъ. Нѣтъ ничего въ мірѣ трогательнѣе и пріятнѣе этой музыки: отличное исполненіе, выборъ пьесъ, прелесть и свѣжесть голосовъ, однимъ словомъ, все въ этихъ чудныхъ концертахъ производитъ впечатлѣніе, если не совсѣмъ чистое, за то глубоко проникающее въ сердце.» Я не понимаю хорошо, что Руссо хотѣлъ сказать тѣмъ, что впечатлѣніе, произведенное на него пѣніемъ монахинь, было не совсѣмъ чисто: вѣроятно онъ подразумѣвалъ, что это пѣніе было болѣе свѣтское, нежели духовное, и впослѣдствіи, не смотря на все свое уваженіе къ духовной музыкѣ, онъ доказывалъ, что необходимо преобразовать церковное пѣніе. По возвращеніи во Францію, онъ занялся окончаніемъ сво ей оперы, и менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца, слова и музыка были написаны. Ему оставалось только заняться оркестровкой, и это, конечно, очень затрудняло такого слабаго музыканта, каковъ былъ Руссо. Онъ прибѣгнулъ къ Филидору, который принялся за дѣло неохотно, такъ-что Руссо долженъ былъ самъ окончить свою оперу. Въ скоромъ времени ее уже давали въ первый разъ у г-на де-ла-Попелиньера. Рамо, присутствовавшій при этомъ, былъ очень удивленъ тѣмъ, что въ оперѣ, написанной однимъ маэстро, были нѣкоторыя части удивительно хороши, а другія обнаруживали совершенное незнаніе музыки. Это сужденіе, быть

можетъ, и очень справедливо, потому—что нѣкоторыя части оперы были разсмотрѣны и поправлены Филидоромъ, а другіе нѣтъ; но Руссо возставалъ противъ этого мнѣнія и обвинялъ Рамо въ пристрастіи и несправедливости. Однакожь, въ самомъ дѣлѣ, опера Руссо имѣла такой успѣхъ, что Ришелье рѣшился сдѣлать опытъ надъ талантомъ его. Ему поручили соединить нѣсколько партій и прибавить даже свое въ начатой уже оперѣ, подъ названіемъ: «Праздники Рамиры» (*Les fêtes de Ramire*), которой авторы, Вольтеръ и Рамо, были заняты окончаніемъ оперы: «Храмъ Славы», такъ—какъ день перваго ея представленія былъ уже назначенъ. Работа, возложенная на Руссо, была выше силъ его; здѣсь не нужна была изобрѣтательность, но необходимо было знаніе. Руссо провелъ надъ этимъ мѣсяць и сдѣлалъ первый опытъ очень неудачно, такъ—что Рамо долженъ былъ снова исправлять свое произведеніе, и вѣроятно исполнилъ это въ одинъ или два дня. Обиженный Руссо обвинялъ въ неудачѣ своихъ враговъ и говорилъ, что причиною всему была зависть Рамо и злоба г-жи де-ла-Попелиньеръ. Невѣроятно, чтобы величайшій музыкантъ своего времени, Рамо, завидовалъ почти неизвѣстному сопернику, и чтобы г-жа де-ла-Попелиньеръ ненавидѣла человека, котораго приняла къ себѣ, въ домъ, хотя Руссо и увѣрялъ, что она не любила его, какъ уроженца Женевы, потому будто, что какой—то женевецъ хотѣлъ воспріятствовать ея браку. Это обвиненіе, конечно, очень забавно; но Руссо думалъ, что этого достаточно, чтобы заглядить его всегдашнюю неблагодарность и страсть видѣть враговъ въ тѣхъ людяхъ, которые желали ему добра. Однакожь его рѣчь и другіе литературные опыты имѣли большой успѣхъ, и въ качествѣ музыканта—литератора онъ былъ избранъ для составленія музыкальных статей въ знаменитый «Энциклопедическій словарь», изъ котораго онъ потомъ составилъ свой «Музыкальный словарь». По окончаніи этой работы, Руссо написалъ прекрасную интермедію подъ названіемъ: «Деревенскій колдунъ» Очень вѣроятно, что опера. «*Les muses galantes*» въ трехъ актахъ и съ героическими дѣйствующими лицами, была нехороша, потому—что требовала музыки, которую Руссо никогда немогъ написать. Но за то пастораль «Деревенскаго колдуна» наивностію и свѣжестію мотивовъ, самою простотою, которая была слѣдствіемъ незнанія авторомъ музыки и наконецъ новымъ способомъ изложенія заслужила огромный успѣхъ, какъ при дворѣ, такъ и на сценѣ. Главныя роли въ ней занимали знаменитѣйшіе пѣвицы того времени: г-жи Фель и Желіотъ, и все способствовало успѣху пьесы, кромѣ самаго автора: онъ не ходилъ на репетиціи, чтобы имѣть потомъ

право говорить, что его оперу испортили: онъ, впрочемъ, взялъ 1000 ливровъ отъ Опернаго театра и продалъ свою оперу за 600 ливровъ; хотя эта цѣна не велика, но тогда и самые знаменитые писатели получали не болѣе. Такое начало предвѣщало блистательное будущее, но, къ сожалѣнію, Руссо на этомъ и остановился. Когда писатели много пишутъ, то ихъ обвиняютъ въ томъ, что они имѣютъ сеструдинокъ и помощниковъ; когда же они пишутъ мало, то говорятъ, что произведенія ихъ не принадлежатъ имъ. На этомъ-то основаніи и утверждали, что не Руссо написалъ «Деревенскаго колдуна,» точно также, какъ полстолѣтія позже утверждали, что не Спонтини написалъ «Весталку»; но Спонтини отвѣтилъ на это обвиненіе «Фернандомъ Кортесомъ», «Олимпіей» и другими операми, игранными въ Германіи. Руссо же не отвѣтилъ никакимъ музыкальнымъ произведеніемъ, и потому намъ слѣдуетъ рассмотреть, въ какой степени были основательны распушенные тогда слухи, о которыхъ мы уже упомянули.

Руссо говоритъ, что его речитативы были передѣланы Франкѣромъ и Желіотомъ; но онъ ни слова не говоритъ о томъ, что Франкѣръ долженъ былъ пересмотрѣть всю инструментальную часть оперы, и даже сочинить новую музыку для дивертисмана, потому-что дивертисманъ Руссо не былъ принятъ тогдашними балетмейстерами; кромѣ того Франкѣръ долженъ былъ написать бравурную арію для дѣвицы Фель и показать здѣсь себя хорошимъ музыкантомъ и композиторомъ. — Когда Руссо напечаталъ «Деревенскаго колдуна», то написалъ въ предисловіи, что, не отвергая перемѣнъ, сдѣланныхъ при представленіи его оперы, онъ однакожъ печатаетъ свое произведеніе такъ, какъ написалъ его самъ; а между тѣмъ онъ помѣстилъ здѣсь бравурную арію Франкѣра и речитативы, которые были написаны совершенно въ родѣ речитативовъ Люлли и Рамо. Дивертисманъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Руссо, и очень понятно, что балетмейстеры замѣнили здѣсь пантомиму танцами.

Руссо былъ очень самолюбивъ, какъ музыкантъ и какъ литераторъ; онъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что сомнѣвались въ его талантѣ и объявилъ, что непременно напишетъ новую музыку, чтобы уничтожить клевету. Въ годъ его смерти, то есть въ 1778 году, давали «Деревенскаго колдуна,» но не съ новой музыкой, а только съ новой увертюрой и шестью новыми аріями, на которыя Руссо употребилъ 26 лѣтъ, и чуть ли не оправдалъ ими тѣхъ, которые говорили, что онъ не былъ авторомъ «Деревенскаго колдуна»:

Г. Леборнъ, бібліотекаръ оперы и мой сослуживецъ по Консерваторіи, доставилъ мнѣ партитуру этого втораго изданія «Колдуна». Разсмотрѣвъ ее, я увѣрился, что какъ ни плоха и ни бѣдна оркестровка перваго изданія, все же она не можетъ принадлежать Руссо. Съ 1752 до 1778 года Монсини, Гретри и особенно Глукъ, котораго Руссо очень уважалъ, много сдѣлали въ отношеніи къ инструментальной части; но все же, въ новомъ сочиненіи Руссо, нѣтъ и слѣдовъ духовыхъ инструментовъ; здѣсь обыкновенно играютъ двѣ скрипки унисономъ, а альтъ вмѣстѣ съ контрабасомъ, и нельзя думать, чтобы первый опытъ удался лучше втораго, сдѣланнаго 26 лѣтъ позже. «Деревенскій колдунъ» былъ возобновленъ въ 1803 году, но съ новыми речитативами и оркестровкой г. Лефебра, которому принадлежитъ хорошенькій мотивъ танца саботьеръ, принимаемый многими за произведеніе Руссо. Въ 1826 году давали въ послѣдній разъ «Деревенскаго колдуна». Тогда Россини пріѣхалъ въ Парижъ и, присутствуя при представленіи этой оперы, не смотря на славное имя автора, на г-жу Даморо, на Нурри и Деревиса и, наконецъ, на самую оперу, которая представляла двойной интересъ, какъ произведеніе искусства и какъ историческій памятникъ, — съ презрѣніемъ бросилъ свой напудренный парикъ къ ногамъ пѣвицы. Таковъ былъ конецъ «Деревенскаго колдуна», который въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія приводилъ публику въ восторгъ...

Прежде, нежели яначну говорить о томъ, что Руссо писалъ о музыкѣ, я долженъ кончить о его собственныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. По его смерти былъ напечатанъ сборникъ, состоявшій изъ ста музыкальныхъ пьесъ, подъ названіемъ: «*Consolations des misères de ma vie*» (Утѣшеніе въ непріятностяхъ моей жизни).

Здѣсь есть три отличныя пьесы: два романса и народная арія; Кромѣ того семь или восемь посредственныхъ пѣсенъ и девяносто очень дурныхъ пьесъ. Особенно слабы дуэты, такъ — что, по всей вѣроятности, единственный дуэтъ, который находится въ «Деревенскомъ колдунѣ» и въ которомъ голоса очень хорошо расположены, былъ переправленъ лицомъ, дополнившимъ оркестровку этого произведенія. Этотъ сборникъ былъ очень роскошно напечатанъ въ 1781 году; предисловіе его есть не что иное, какъ полный панегирикъ автору, гдѣ восхваляютъ его свѣдѣнія въ музыкѣ, не менѣе, чѣмъ его чувствительность. Подписка была назначена по одному луидору за экземпляръ и всего получено было 569 луидоровъ, — сумма, которой при жизни своей авторъ не получилъ бы и за все свои сочиненія вмѣстѣ. Тогда имѣли такое

странное понятіе о литературной собственности, что издатель этого сборника объявилъ, что онъ все полученныя съ него выгоды предоставляетъ въ пользу парижскихъ госпиталей. Гораздо справедливѣе было бы предоставить ихъ вдовѣ Руссо, которая одна имѣла на это право, и между тѣмъ не получила ни малѣйшей выгоды. Первымъ сочиненіемъ Руссо о музыкѣ было изложеніе его системы писанія нотъ, которое онъ представилъ въ Академію Наукъ; потомъ перемѣнилъ и назвалъ «Разсужденіемъ о современной музыкѣ». Здѣсь дѣло идетъ только о замѣненіи цифрами знаковъ, употребляемыхъ для выраженія нотъ.

Вскорѣ послѣ появленія «Деревенскаго колдуна», труппа итальянскихъ артистовъ начала давать представленія на Оперномъ театрѣ. Извѣстно, какой восторгъ произвелъ тогда еще совершенно новый во Франціи итальянскій родъ музыки и пѣнія. Руссо воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы написать свое знаменитое письмо о французской музыкѣ. Онъ въ немъ совершенно справедливо доказывалъ превосходство итальянской музыки надъ французскою; но зашелъ слишкомъ далеко, когда началъ доказывать, что въ произведеніяхъ Люлли и Рамо не было ничего прекраснаго. Руссо рѣшительно не понималъ мелодіи и не чувствовалъ красотъ гармоніи и, кромѣ того, постоянно руководствовался правиломъ отрицать то, чего не зналъ. Такъ, въ началѣ этого письма, онъ говоритъ: «Нѣмцы, испанцы, англичане долго воображали, что имѣютъ музыку, приспособленную къ ихъ языку; но теперь они поняли свою ошибку.» Ошибка-то здѣсь была сдѣлана не иностранцами, а самимъ Руссо; потому-что онъ, вѣроятно, не зналъ, что въ его время англичане гордились Генделемъ, котораго большая часть сочиненій была написана въ Англїи; нѣмцы — Бахомъ и славными предшественниками Гайдна и Моцарта. Онъ также не зналъ, что существовала нѣкогда школа Палестрины, и наконецъ имена самыхъ знаменитыхъ музыкантовъ ему не были извѣстны. Говоря объ ученыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, Руссо называетъ ихъ «остатками необразованности и дурнаго вкуса, которые существуютъ, какъ портики нашихъ готическихъ зданій, только на стыдъ тѣмъ, которые имѣли терпѣніе ихъ построить.» Видно, что Руссо и въ архитектурѣ былъ не сильнѣе, чѣмъ въ музыкѣ. Окончаніе письма очень любопытно. Расхваливъ итальянскую и разбранивъ французскую музыку, Руссо говоритъ: «у французовъ, какъ я вижу, нѣтъ музыки, да и не будетъ и не можетъ быть; а если когда-нибудь и будетъ, то тѣмъ хуже для нихъ.» Далѣе, въ примѣчаніи, онъ говоритъ: «я бы желалъ, чтобъ мы лучше остались при нашихъ скучныхъ и страшныхъ дѣсятахъ, нежели при гораздо болѣе

странномъ соединеніи итальянской мелодіи съ французскимъ языкомъ. Это отвратительное соединеніе, можетъ быть, когда-нибудь будетъ изучено нашими музыкантами; но оно слишкомъ чудовищно, чтобъ быть принятымъ, и характеръ французскаго языка ему не соотвѣтствуетъ. Еще нѣсколько комическихъ пьесъ могутъ быть приняты; но я смѣло предсказываю, что за трагическій родъ никто не возьмется.» Изъ всей этой смѣси самыхъ странныхъ противоположностей, которыя Руссо выразилъ въ своемъ письмѣ, руководствуясь его словами, можно вывести слѣдующее заключеніе: не должно стараться приспособить итальянскую музыку къ французскимъ словамъ.

Отнимите у Руссо его очаровательный слогъ, и вы почти всегда найдете противорѣчія, ложь и бессмыслицу. Удивительно, что въ своей, отчасти довольно вѣрной, критикѣ французской оперы, Руссо, поэтъ и музыкантъ, не понялъ, что недостатокъ ритма, происходилъ болѣе отъ вины поэтовъ, нежели отъ музыкантовъ. Самъ онъ инстинктивно написалъ очень правильные стихи для «Деревенскаго колдуна»; а большая часть тогдашнихъ писателей сочиняли такія стихи для оперы, что ихъ невозможно было переложить на музыку, потому что въ нихъ не было мѣры. Дайте самому искусному музыканту стихи Киню, котораго Вольтеръ называетъ превосходнымъ лирикомъ, — и вы увидите, что отъ васъ потребуютъ Скриба или Сень-Жоржа. Впрочемъ поэты очень недавно поняли особенность стиховъ для оперы, — и первый открылъ имъ путь г. Кастиль Блазъ. Письмо о французской музыкѣ произвело раздраженіе, которое трудно описать и которое еще увеличилось при выходѣ въ свѣтъ остроумной и забавной брошюры: «Письмо симфониста Королевской Музыкальной Академіи къ его товарищамъ по оркестру.» Музыканты, обиженные Руссо, поклялись отомстить ему и сожгли его портретъ на дворѣ Опернаго Театра. Руссо началъ вездѣ рассказывать, что его жизнь въ опасности, и что его хотятъ убить. Директоры театра приняли сторону своихъ подчиненныхъ и отняли у Руссо право на даровой входъ въ театръ, а между тѣмъ продолжали давать «Деревенскаго колдуна», котораго онъ также могъ бы у нихъ отнять; только двадцать лѣтъ спустя, Руссо было возвращено право входа въ театръ, и то по просьбѣ Глука. Руссо издалъ нѣсколько лѣтъ позже свой «Музыкальный словарь», въ который помѣстилъ свои статьи изъ «Энциклопедіи.» Это сочиненіе весьма неполно, вовсе не нужно для музыкантовъ и непонятно для тѣхъ, которые не занимались музыкою. Руссо обвиняли въ томъ, что онъ заимствовалъ нѣсколько

статей изъ словаря Броссара; но это обвиненіе неосновательно, потому—что такого рода сочиненія не могутъ быть написаны иначе, какъ на основаніи предшествовавшихъ имъ, которыя должны быть по мѣрѣ возможности исправлены и улучшены. Определенія въ словарь Руссо вообще неясны, мало развиты и притомъ въ нихъ всегда выражается только взглядъ автора. При словѣ «Дуэтъ,» на примѣръ, онъ говоритъ, что весьма не естественно, чтобы два лица говорили одно и то же и въ то же самое время «Если жъ это можно принять въ иныхъ случаяхъ», говоритъ онъ, «то все же не въ трагедіи, гдѣ это неприлично и несвойственно достоинству дѣйствующихъ лицъ и хорошему воспитанію, которое они получили.» Сказавъ эту великолѣпную сентенцію, Руссо излагаетъ правила для составленія трагическихъ дуэтовъ по способу Метастаза. Слово: «Копистъ» также очень хорошо объяснено у него. Нѣсколько словъ указываютъ на тогдашній странный способъ оркестровки; именно: онъ совѣтуетъ партіи гобоя исполнять на скрипкѣ, пропуская то, что несвойственно этому инструменту. Какъ видно, тогда кописты занимались этимъ распределеніемъ. Нѣкоторыя определенія въ словарь очень запутаны, такъ на примѣръ слово *aubade* (утренній концертъ передъ окнами) смѣшано въ определеніи со словомъ *serenade* (вечерній концертъ) и только при этомъ последнемъ объяснена разница между ними. Въ статьи, относящіяся къ церковному пѣнію и контрапункту, наполнены ошибками. Однакожъ встрѣчаются возвышенныя мысли и вѣрный взглядъ на вещи въ статьяхъ, собственно, эстетическихъ.

Нѣкто г. Голенвиль изобрѣлъ новый, третій музыкальный тонъ. Его гамма была просто наша мажорная гамма, но гамма восходящая и нисходящая отъ *mi* до *mi* оставалась безъ перемѣны. Это нововведеніе не удалось, да и не могло быть удачнымъ. Руссо написалъ о немъ письмо къ аббату Реналю и, изложивши на четырехъ страницахъ свое мнѣніе о предметѣ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ, онъ кончилъ такъ: «Какъ бы то ни было, онъ всегда останется виноватымъ, во-первыхъ потому, что онъ изобрѣтатель, а во-вторыхъ потому, что имѣетъ дѣло съ музыкантами». Это былъ намекъ на неудачу его изобрѣтенія замѣнить ноты цифрами. Рамо, котораго теорію Руссо задѣлъ въ своихъ статьяхъ «Энциклопедіи,»

отвѣтилъ ему, и тогда Руссо написалъ свое «Разсмотрѣніе двухъ правилъ, изложенныхъ Рамо.» Руссо былъ всегда несправедливъ въ отношеніи къ Рамо, котораго онъ не понималъ, ни какъ теоретика, ни какъ композитора.

Онъ говоритъ въ своихъ «Признаніяхъ,» что по отъѣздѣ итальянскихъ актеровъ, когда снова стали давать «Деревенскаго Колдуна,» никто не замѣтилъ въ его музыкѣ ничего похожаго на музыку какой-нибудь другой оперы. «Если бы, прибавляетъ онъ, сдѣлать такой опытъ надъ Мондовилемъ и Рамо, то едва ли бы онъ кончился такъ удачно.» Нѣтъ ничего несправедливѣе этого замѣчанія. Хотя музыка Рамо иногда очень странна и ненатуральна, но она всегда самобытна и нисколько не заимствована. Впрочемъ, Руссо слишкомъ мало понималъ гармонію, которой могущество онъ отвергалъ, чтобы вполнѣ оцѣнить достоинства нѣкоторыхъ пьесъ Рамо. Онъ навѣрно оставался нечувствительнымъ къ прекрасной ригурнели хора «Que tout gemisse» изъ «Кастора и Полукса», которая есть нечто иное, какъ хроматическая гамма, но доказываетъ однако же талантъ автора. Еще менѣе могъ онъ понять тріо паркъ изъ «Ипполита и Арисіи». Вообще въ спорахъ между Рамо и Руссо дѣло шло болѣе о словахъ, нежели о фактахъ, и довольно трудно понять предметъ спора, который, впрочемъ, теперь не представляетъ намъ никакого интереса. Въ письмѣ къ доктору Бернею Жакъ-Жакъ говоритъ снова о своей системѣ писанія нотъ, которая была отвергнута уже за 30 лѣтъ до этого, и наконецъ, желая, во что бы то ни стало, сдѣлать нововведеніе, онъ объявляетъ, что если не хотятъ принять его системы, то пускай, по крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ удобнымъ чтеніе нотъ, котораго главный недостатокъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что читатель долженъ переносить взоръ съ конца прочитанной линейки къ началу слѣдующей; и какой же способъ предлагаетъ онъ для устраненія этого недостатка? Онъ хочетъ, чтобы ноты писали такъ, чтобы читатель, прочитавъ первую строчку съ лѣвой стороны къ правой, вторую читалъ съ правой стороны къ лѣвой, третью снова съ лѣвой къ правой и т. д.

Въ этой новой странности онъ видитъ затрудненіе только въ томъ, что трудно будетъ читать слова на выворотъ и признается, что для

того, чтобъ устранить это затрудненіе, есть только единственный способъ — навѣкъ. Когда прочитаешь все эти странныя сужденія, то нельзя не подумать, что Руссо былъ полуумный. Остальные сочиненія Руссо о музыкѣ состоятъ изъ замѣчаній на «Альцеста» — Глука и изъ отвѣта незнаменитаго писателя къ тому, подѣ чьимъ именемъ выходятъ его сочиненія, объ отрывкѣ изъ Глукова «Орфея.» То и другое содержатъ въ себѣ отличныя замѣчанія, и наконецъ двѣ страницы о тогдашней военной музыкѣ, которую онъ бранить и въ образецъ которой онъ представляетъ двѣ чрезвычайно смѣшныя и странныя пьесы, которыя доказываютъ справедливость словъ его. Я еще не упомянулъ о его рѣчи относительно происхожденія языковъ, въ которой заключаются нѣсколько очень хорошихъ статей и, между прочимъ, нѣсколько статей о музыкѣ.

Слѣдующія слова, въ которыхъ Руссо объясняетъ могущество музыки, чрезвычайно замѣчательны: «Большое преимущество имѣетъ музыкантъ въ томъ отношеніи, что можетъ выразить вещи, которыхъ нельзя слышать; между тѣмъ, какъ живописцу невозможно выразить того, чего нельзя видѣть, и верхъ искусства, которое дѣйствуетъ на насъ движеніемъ, состоитъ въ изображеніи покоя.» Извѣстно, что когда Руссо слышалъ оперы Глука, онъ отказался отъ того мнѣнія, что невозможно написать хорошую музыку для французскихъ словъ. Этотъ чистосердечный отказъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что музыка Глука во все не исполняетъ тѣхъ условій, безъ которыхъ, по словамъ Руссо, не можетъ быть ничего хорошаго. Глукъ былъ очень доволенъ этимъ доказательствомъ уваженія со стороны знаменитаго писателя и сталъ часто ходить къ нему. Можетъ быть, между этими двумя великими людьми и завязалась бы дружба, если бы Руссо не написалъ Глуку, что просить его прекратить свои посѣщенія, потому—что ему горестно смотрѣть, что Глукъ долженъ всякій разъ, какъ захочетъ его видѣть, входить въ четвертый этажъ.

Корансе, другъ Руссо, который его и познакомилъ съ Глукомъ, хотѣлъ узнать причину этой перемѣны. «Развѣ вы не видите, сказалъ Руссо, что этотъ человѣкъ пишетъ хорошую музыку именно для того, чтобъ обвинить меня въ несправедливости.» Глукъ очень хорошо понималъ, что этотъ странный отвѣтъ былъ не что иное, какъ грубость, и

совершенно прекратилъ знакомство съ Руссо. Гретри также долженъ былъ поссориться съ этимъ несноснымъ человѣкомъ. Странности Руссо прекращались только тогда, когда ему давали замѣтить, что понимаютъ какъ его желаніе показаться эксцентрикомъ такъ равно и средства, которыя онъ употребляетъ для этого. Однажды, за обѣдомъ у г-жи Денине, Руссо объявилъ, что онъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибы у него былъ шпинетъ, родъ фортепіано. Одинъ изъ обѣдавшихъ гостей на другой же день прислалъ ему шпинетъ. Руссо очень обрадовался этому инструменту и даже не побезпокоился узнать, откуда онъ взялся. Черезъ нѣсколько дней Руссо, очень скучный, пришелъ къ г-жѣ Денине.

«Что съ вами?» спросили его.

«Вчера, отвѣчалъ онъ, у меня нѣсколько книгъ упало со шкапу на шпинетъ и это до того разстроило инструментъ, что на немъ не лзя играть.

«Такъ чтожъ?» сказалъ господинъ, подарившій инструментъ, — «я завтра къ вамъ пришлю моего настройщика.» — «Такъ это вы прислали мнѣ шпинетъ? — сказалъ Руссо — «Да, я» — отвѣчалъ тотъ, смѣясь. — «Какъ, милостивый государь! вскричалъ Руссо: и вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, которые своими гордыми пожертвованіями оскорбляютъ мою бѣдность? Возьмите вашъ инструментъ и не говорите никогда со мною!» — «Нѣтъ, я съ вами поговорю еще разъ,» — отвѣчалъ разсерженный любитель, — и скажу вамъ, что вы меня не проведете, представляясь Діогеномъ, тогда-какъ вы въ самомъ дѣлѣ только наглый паяцъ!» — Руссо при этихъ словахъ тотчасъ же усмирился, оставилъ шпинетъ у себя и съ этой минуты былъ всегда очень любезенъ и учтивъ съ тѣмъ, кто ему такъ хорошо отвѣтилъ. Вѣроятно, еслибы всѣ поступали съ нимъ также, то усмирили бы медвѣдя, который казался страшнымъ только тогда, когда видѣлъ, что его боялись.

Очень трудно сказать рѣшительное мнѣніе о характерѣ, исполненномъ такихъ противоположностей, каковъ былъ характеръ Руссо, и о его различныхъ и неполныхъ произведеніяхъ. Однакожъ, если обратить вниманіе на эпоху, въ которой жилъ Руссо, на его незнаніе археологическаго искусства въ его теоріи и практикѣ, то должно удивляться, что безъ помощи наставниковъ и сочиненій, которыя были написаны, по большей

части, на языкахъ, ему непонятныхъ, онъ съумѣлъ показать себя довольно свѣдущимъ, чтобы разсуждать о столь сложномъ и трудномъ искусствѣ. Какъ композиторъ, онъ сдѣлалъ много своимъ «Деревенскимъ колдуномъ»; онъ имъ подалъ сигналъ къ преобразованію, котораго хотя не могъ продолжать, но котораго слѣдствіями, по всей вѣроятности, были опыты Дюни, Филидора и Монсиньи—этихъ отцовъ французской оперы.

Въ этомъ отношеніи Руссо долженъ занять мѣсто между французскими композиторами, и несправедливо было бы не сказать, что онъ былъ предшественникомъ геніевъ, прославившихъ современную исторію музыки во Франціи.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Соломенная шляпка. Комедія-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *П. С. Оедоровымъ*.

Сборы на Крестовскій въ Чухонскую деревню. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. воспитанника театральной дирекціи *г. Чернышева*.

Старичокъ-женшокъ, или И сватался, да не женился. Комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *С. Соловьева*.

Сцены изъ поэмы: **Мертвыя души** — *Н. Гоголя*.

Бенефисъ г. Мартынова.

Изъ зерна вырастаетъ цѣлый лѣсъ, отъ искры горятъ города, отъ малыхъ причинъ рождаются огромныя исторіи, изъ-за Нью-Фундлендскаго рыбака англичане и французы дрались нѣсколько лѣтъ; американскій охотникъ, гоняясь за серною, провалился въ трущобу и открылъ калифорнскія розсыпи, наконецъ, изъ-за соломенной шляпки, съѣденной голодною лошадыю, родилась цѣлая пятиактная комедія, — и вотъ какъ это случилось:

Аспазія Бопертюи, очень хорошенькая женщина, въ жаркій день повѣсила свою соломенную шляпку, съ маковыми цвѣтами, на рѣшетку загородной гостинницы, въ Шантильи, взяла подъ руку поручика Таверне и отправилась съ нимъ гулять въ рощу. Между тѣмъ какъ эта молодая чета вкушала прохладу лѣтняго вечера, голодная лошадь мосѣ Тадинара вздумала полакомиться шляпкою Аспазіи. Соломка была итальянская, мягкая, шелковистая, вкусъ лошади Тадинара, вѣроятно, много путешествовавшей съ своимъ господиномъ, былъ утонченъ, какъ только можетъ быть утонченъ лошадинъй вкусъ, и, вспоминая роскошную зелень Италіи, лакомый Пегасъ, незамѣтно проглотивъ поля и тулью шляпки справа, мордой повернулъ къ себѣ остатки лѣвой стороны и, вытянувъ уши, уже готовъ былъ продолжать начатый полдникъ, какъ проволока искусственнаго мака, уколовъ раздражительную губу лошадки, заставила ее чихнуть ... Тадинаръ вздрогнулъ, бросилъ

недоѣденнаго рябчика и поспѣшилъ къ своему коню. Дерзкій и самовластный поступокъ лошади былъ на лицо, — жалкіе остатки объѣденной шляпки мотались на столбикѣ рѣшетки и ясно говорили о печальныхъ послѣдствіяхъ лошадиной неосмотрительности. Для Тадинара время было очень дорого, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту дома его ждала хорошенькая невѣста, толпа друзей, неугомонный тесть и свадебный контрактъ... Не долго думая, онъ спряталъ доску соломы въ карманъ, прыгнулъ въ кабриолетъ и, стегнувъ по лошади, отправился въ Парижъ. Встрѣченный, при первомъ шагѣ за порогъ своего дома, глухимъ, и вслѣдствіе того очень разговорчивымъ Возине, который, рѣшительно не понимая печальнаго разсказа юноши, очень остался доволенъ его исторіею. Тадинаръ тутъ же принялъ отъ будущаго родственника картонку съ свадебнымъ подаркомъ, и приготовился, съ толпою друзей, зятемъ и невѣстою отправиться къ нотаріусу, для совершенія свадебнаго контракта. Но появленіе Аспазіи и грознаго поручика испортили всѣ планы Тадинара. Гремя саблею и швыряя стульями, храбрый Таверне, въ благородномъ негодованіи на жаднаго скота и его хозяина, грозитъ послѣдному дуэлью, если онъ не доставитъ другой шляпки. Онъ даже не хочетъ выдти до тѣхъ поръ изъ его квартиры, и намѣренъ хозяйничать въ ней, какъ дома, ломать мебель какъ свою и поѣдать все, что найдетъ съѣдомаго.

Испуганный Тадинаръ, съ запаснымъ образчикомъ съѣденной шляпки, спѣшитъ къ своей знакомой модисткѣ. Послѣ коротенькаго объясненія, Тадинаръ предлагаетъ ей за шляпку нѣсколько франковъ и пары три поцѣлуетъ... Но вся эта сумма разнородныхъ монетъ, не помогла горю... шляпки такой нѣтъ: была одна, но и ту купила баронесса Шампиньи.

Между тѣмъ, ватага гостей, неугомонный тесть и невѣста слѣдуютъ по пятамъ Тадинара, полагая, что онъ везетъ ихъ къ нотаріусу. Растерзанный неудачею, юноша выходитъ отъ модистки и встрѣчаетъ всю свою будущую родню и свадебныхъ гостей. Въ отчаяніи, онъ вырывается изъ ихъ объятій, и скачетъ къ баронессѣ... родня — за нимъ. Баронесса Шампиньи ждетъ къ себѣ въ это время гостей, которыхъ послѣ вкуснаго обѣда желаетъ угостить импровизаціею какого-то знаменитаго итальянскаго музыканта и пѣвца, отличающагося, какъ всѣ говорятъ, необыкновенными странностями. Растрепаннаго Тадинара, какъ тутъ, принимаютъ за пѣвца, а онъ, на основаніи тѣхъ странностей, которые принадлежатъ итальянцу, проситъ баронессу подарить свою шляпку вмѣсто всякой благодарности, за то удовольствіе, которое онъ доставитъ ей гостямъ...

Въ то время, какъ обрадованный юноша получаетъ картонку — почтенная родня его забралась къ баронессѣ и съѣла дочиста вкусный ея обѣдъ, полагая, что его заказалъ женихъ и что они попали въ ресторацію... Подгулявшій тесть съ толпою друзей является въ залу и принимаетъ въ свои объятія Тадинара... Но послѣднему не до родственной ласки: вмѣсто соломенной шляпки, онъ нашелъ въ картонкѣ бархатную, и узналъ отъ горничной, что соломенная перешла во

владѣніе крестницы баронессы. Тадинаръ беретъ ея адресъ и сѣбшитъ опять за шляпкою. Лошадь надѣлала много хлопотъ Тадинару, и на той же лошади онъ скачетъ за новыми приключеніями... Сытая родня за нимъ. Адресъ не солгалъ, квартира найдена. Ошеломленный своимъ горемъ, Тадинаръ сдѣлался очень храбръ и наивенъ. Не встрѣчая хозяина, который въ это время, за ширмами, скучаетъ о долгомъ отсутствіи жены и лечитъ подагру ножною ванною, гость, безъ церемоніи отправляется за ширмы — но здѣсь надо объясниться... Юноша не скрываетъ своего злополучія и передаетъ хозяину квартиры исторію шляпки, со всѣми ея печальными послѣдствіями. Подагрикъ пораженъ разсказомъ гостя и еще болѣе объѣдомъ шляпки, которая, по всѣмъ соображеніямъ, должна принадлежать его женѣ. Такимъ образомъ, бѣдный Тадинаръ попадаетъ изъ огня въ полымя. Къ довершенію зла, ватага неутомимыхъ гостей вламывается въ квартиру Бопертюй, принимаетъ ее за свадебный ночлегъ и, надѣвъ халаты и колпаки, располагается, кто гдѣ находитъ удобнымъ... Однако, скоро ошибка обнаруживается и почтенные родственники Тадинара снова отправляются въ путь... Дождь льетъ, какъ изъ ведра, страшныя лужи загораживаютъ имъ дорогу на каждомъ шагу; утомленные путники идутъ, сами не зная куда... Но, вотъ Феликсъ, лакей Тадинара, который самъ сбился съ ногъ, искавши барина, является къ Тадинару, но является въ самую страшную для него минуту... Общій голосъ противъ него... тесть повторяетъ въ сотый разъ, что свадьбѣ не бывать и требуетъ назадъ свадебныя подарки... Картонки, шкапки и баульчики вынесены на улицу... Тадинаръ въ отчаяніи... онъ готовъ все это изгрысть, смять, изломать... Но — о, счастье! въ ту минуту, какъ все должно было кончиться страшною грозой, въ картонкѣ, принесенной глухимъ Возине, мученикъ цѣлаго дня находитъ — шляпку, совершенно удовлетворяющую требованіямъ храбраго поручика, г-жи Бопертюй и ея супруга...

Не смотря на растянутость пьесы, которая легко бы могла кончиться на первомъ дѣйствіи, не смотря на неестественность и неправдоподобіе событія, бездна комическихъ сценъ и положеній, и ктому же оригинальность каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, при совокупномъ и веселомъ ея исполненіи, — совершенно заставляютъ забыть всѣ ея недостатки на сценѣ. Публика хохочетъ до упаду и очень довольна спектаклемъ. Критикъ съ этой пьесой дѣлать нечего. Мы смотримъ на нее, какъ на фарсъ, нелѣпый, но чрезвычайно забавный, и никакъ не согласимся, по совѣту витіеватыхъ критиковъ, облачиться въ броню Донъ-Кихота и съ Шекспировскою точкою зрѣнія выдти на бой съ вѣтранными мѣльницами. Это мы предоставляемъ другимъ ратоборцамъ, которые, чтобы только обратить на себя вниманіе, готовы сами показаться смѣшнѣе — самаго смѣшнаго фарса.

Бенефисіантъ, въ роли Тадинара, выказалъ все свое умѣнье передавать отчетливо и бойко даже и тѣ комическіе характеры, которые не составляютъ его настоящаго амплуа и не совсѣмъ идутъ къ его физическимъ средствамъ. Но особенно превосходны въ этой пьесѣ

г. Самойловъ, въ роли глухаго Возине, и г. Марковецкій, въ роли тестя. Лучше выполнить эти два характера невозможно.

Говоря о второй пьесѣ бенефиса г. Мартынова «Сборы на Крестовскій», нельзя забыть того, что это трудъ начинающаго, трудъ воспитанника. Строго же судить о ней тѣмъ болѣе мы не вправе, что она принадлежитъ къ разряду легкихъ, такъ сказать, всеневныхъ драматическихъ произведеній. Не богатая содержаніемъ и комическими положеніями дѣйствующихъ лицъ, пьеска, по типичности нѣкоторыхъ характеровъ, обѣщаетъ въ г. Чернышевѣ хорошаго актера, который уже теперь понимаетъ, что наглядность и наблюдательность составляютъ одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ истиннаго артиста. Содержаніе пьесы разсказывается въ немногихъ словахъ. Вотъ оно:

Карлуша Флейтъ (г. Чернышевъ), молодой подмастерье Сергѣя Аверьяныча Колечкина, влюбленъ въ его дочь, Лизу. Вѣчно занятый работою, онъ не находитъ времени высказать страстныя чувства своего сердца, и потому не удивительно, что это сердце забилося всѣми восторгами, когда великодушный хозяинъ, собираясь покутить подъ елками Крестовскаго острова, удостоилъ взять съ собою и Карлушу. Но въ минуту увязыванія корзины, костюль и самоваровъ, Флейтъ, вѣчно враждующій съ Петровичемъ, своимъ товарищемъ по ремеслу и званію, былъ пойманъ послѣднимъ на весьма казусномъ дѣлѣ. Петровичъ подглядѣлъ, какъ врагъ его цѣловалъ бѣлую ручку хозяйской дочери и предалъ торжествующихъ любовниковъ справедливому гнѣву отца. Карлушу, вмѣсто Чухонской деревни, гонять въ мастерскую и оставлять дома. Словомъ, мечты и надежды его лопнули, какъ мыльный пузырь. Но вдругъ получается письмо, въ которомъ извѣщаютъ Карлушу о пятидесяти тысячахъ капиталѣ, завѣщанномъ ему дядею, какимъ-то бережливымъ нѣмцемъ. Это дѣлаетъ изъ Карлуши — Карла Иваныча и счастливаго супруга Лизаветы Сергѣевны.

Лучшее лицо въ пьесѣ, — русскій подмастерье Петровичъ. Оно очерчено довольно вѣрно и исполняется г. Григорьевымъ съ тѣмъ удачнымъ комизмомъ, какимъ владѣетъ иногда этотъ актеръ въ роляхъ русскихъ натуръ — на распашку.

Старичокъ — женишокъ — слишкомъ старъ и не забавенъ, чтобы объ немъ потерять лишнее слово. Онъ прошелъ, едва замѣченный публикою.

Но въ этомъ спектаклѣ мы были свидѣтелями паденія сцены, которая составляетъ лучшую страницу въ сочиненіяхъ одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей. Правда, сцена эта вовсе не была предназначена для представленія на театрѣ, она просто отрывокъ изъ романа, но не менѣе того, она въ высшей степени драматична, въ ней есть то начало, которое заставляетъ васъ хохотать и въ тоже время сжимаетъ вамъ сердце, или, какъ выразился самъ авторъ ея, — въ ней «сквозь видимый смѣхъ проглядываютъ невидимыя слезы». Мы говоримъ о сценѣ изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, именно о разсказѣ капитана Копейкина. Разсказъ этотъ былъ читанъ самимъ бенефисантомъ и по окончаніи, неодобренъ. Теперь слѣдуетъ вопросъ: къ кому

относился этотъ строгій приговоръ публики: къ автору ли, любимому ею, или къ исполнителю его сцены, также баловню публики? «Мертвыя души» раскуплены все до одного экземпляра, они читались съ жадностію, давно оцѣнены всеми и, перенесенныя на сцену, имѣли прежде того и доселѣ имѣютъ большой успѣхъ въ устахъ М. С. Щепкина. Г. Мартыновъ упустилъ, кажется, изъ виду, что между произведеніями, появляющимися на сценѣ, существуетъ большая разница, что легкость и небрежность, съ которыми актеру иногда дозволяется смотрѣть на эфемерныя фарсы и пьески обыденныя, должны въ немъ уступить мѣсто строгому вниманію, изученію и проникновенію тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ олицетвореніи живой мысли и жизненнаго характера. Нетвердость роли мѣшала ему придать необходимые оттѣнки разсказу и выразить, съ свойственною ему натурою, то, что само собою такъ и напрашивается на его животворный талантъ. Послѣ этого замѣчанія, мы предоставляемъ самимъ читателямъ рѣшить предложенный выше вопросъ и обвинить или оправдать публику, автора и актера.

Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ. Драма въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

Домашнее уложеніе. Комедія въ одномъ дѣйствіи, Гр. Е. П. *Растопчиной*.

И дружба и любовь. Разговоръ для сцены, составленный г-жею *Тальцевой*.

Женихъ. Оригинальный водевиль, въ одномъ дѣйствіи.

Тарантелла. Лирическая сцена, съ хорами и танцами, *И. И. Мятлева*.

Дивертисманъ.

Бенефисъ г-жи В. В. Самойловой 2.

В. В. Самойлова 2, безспорно, лучшая актриса русской сцены, не только настоящаго времени, но и время прошедшихъ. Мы ей обязаны многимъ: она внесла въ русскую драму простоту и естественность; она изгнала изъ русской комедіи накрахмаленное жеманство и натянутость. Чтобы найти обаятельную силу въ простомъ разговорѣ, въ неизысканныхъ движеніяхъ, въ одномъ благородствѣ дикціи, и въ натуральномъ, но тепломъ выраженіи чувства — для этого нуженъ огромный талантъ, потому — что въ искусствахъ всего труднѣе самая простая вещь — *простота*. Г-жа Самойлова 2 обладаетъ этимъ талантомъ по превосходству и основала на нашей сценѣ новую школу, которая должна принести самые утѣшительные плоды для театральнаго искусства.

Мнѣ помнится, кто — то изъ извѣстныхъ писателей утверждалъ, что человекъ по преимуществу *подчиняется привычкѣ*. Потому, вѣроятно, между людей и вошла въ употребленіе поговорка — «привычка

вторая натура.» Благодаря этому свойству, человекъ способенъ привыкнуть ко всему, и къ хорошему, и къ дурному. Каждое явленіе, дѣйствующее сильно на его чувства, лишаетъ его на первое время аналитическаго инстинкта, почти каждому изъ насъ врожденнаго; онъ находится подъ вліяніемъ впечатлѣнія и неохотно отъ него освобождается. Понемножку, онъ сродняется съ этимъ впечатлѣніемъ до того, что оно переходитъ въ его натуру, сила привычки съ этой минуты заставляетъ его даже смотрѣть на предметъ совершенно другими глазами и удовлетворяться тѣмъ, что безъ этой силы привычки, непремѣнно было бы противно его эстетическому чувству и убѣжденію. Отсюда преимущественно и проистекаетъ упадокъ вкуса и упорство людей, перешедшихъ за черту молодости, ко всякому нововведенію.

На эти размышленія невольно навели насъ двѣ вещи: во-первыхъ, параллель, которую многіе проводятъ между г-жами В. Самойловой 2 и Арну-Плесси, и во-вторыхъ, самое направленіе современной дѣятельности нашей талантливой артистки. По нашему мнѣнію, сравненіе русской артистки съ французскою чрезвычайно неосновательно и странно. Мы не имѣли предшествовавшихъ школъ въ искусствѣ, а если и слѣдовали какимъ-нибудь школамъ, то онѣ были нами заимствованы у иностранцевъ, образовавшихся при другихъ условіяхъ жизни и другихъ потребностяхъ, чѣмъ наши. Сами артисты, по мѣрѣ развитія здравыхъ понятій объ искусствѣ, чувствовали несообразность этихъ заимствованій и съ русскимъ духомъ, и съ національнымъ нашимъ характеромъ. Школа декламации у насъ давно пала, тогда-какъ она еще существуетъ во Франціи и отчасти въ Германіи, откуда и мы ее заимствовали. Школа утрировки, афектациа и жеманства, перешедшая къ намъ отъ г-жъ Жоржъ и Марсъ, также уже не существуетъ. Самородные таланты русской сцены искали самобытныхъ началъ для своей артистической дѣятельности, и какъ природы, неиспорченныя предшествовавшими ученіями и законами ложной эстетики, напали на начала самыя естественныя: на простоту и безыскусственность. Жизнь старались они переносить на сцену въ томъ видѣ, въ какомъ она развита въ самомъ обществѣ. Вотъ новѣйшая школа нашей сцены.

Совсѣмъ не то мы видимъ у французовъ: они хотятъ придать правдоподобіе дѣйствию, но выражаютъ его вовсе не обыкновеннымъ, ежедневнымъ образомъ. У нихъ даже существуетъ для театра особенный языкъ, языкъ сцены, сильно разнящійся съ языкомъ въ обществѣ. Языкъ этотъ имѣетъ свои законы, извѣстную музыкальность, онъ въ патетическихъ мѣстахъ сбиваетъ на декламацию, онъ прибѣгаетъ иногда къ скороговоркѣ, иногда скандируется и растягивается, какъ пружинный браслетъ, сдѣланный на всякую руку. Походка, движенія, позы на сценѣ у нихъ также обусловлены особенными театральными законами и преданіями, основанными не на здравыхъ эстетическихъ началахъ, а болѣе на правилахъ придуманныхъ, наслѣдственныхъ, родившихся отъ привычки къ извѣстнымъ образцамъ. У нихъ даже амплуа актеровъ называются по именамъ тѣхъ артистовъ стараго времени, которые были представителями этихъ правилъ. У французскаго

актера въ роли все завѣшено, вымѣряно, рассчитано и придумано, все основано на эффектахъ дикціи и тѣлодвиженій. Правда, онъ васъ часто поражаетъ и увлекаетъ этой изысканностію выраженія, въ особенности, неожиданностію эффектовъ; но разберите построже его положеніе, его чувства въ данныя ролью минуты, и вы увидите, что все это чистая афектація, и что человѣкъ, выхваченный изъ общества и поставленный въ тѣ же положенія, совершенно иначе передалъ бы завѣтныя чувства своей души. Однимъ словомъ, на французской сценѣ правдоподобіе, по ббльшей части, замѣняетъ правду, искусственность выраженія—глубину чувства, и дикція — прямой голосъ сердца.

На нашей французской сценѣ представительницею этого неестественнаго рода передачи драматическихъ характеровъ является, по преимуществу, г-жа Плесси. Голосъ ея звучный, пріятный, многоотный, любить понѣжиться во всѣхъ извилинахъ декламаци; она сохранила въ себѣ много типическихъ свойствъ г-жи Марсь, своего образца, которому даже хотѣла наслѣдовать на сценѣ Французскаго Театра, той самой г-жи Марсь, которая была основательницею школы афектаціи и жеманства, и за то, по тогдашнимъ понятіямъ, названа *первою кокеткою* Франціи. Эта афектація замѣтна въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ г-жи Плесси. Съ перваго появленія ея на сцену, въ какой бы то ни было роли, вы видите передъ собою отличную *актрису* и въ продолженіе всей пьесы, за дѣйствующимъ лицомъ, не теряете изъ виду *актрисы*. Характеръ переданъ, но онъ переданъ не такъ, какъ бы г-жа Плесси была выставленнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но какъ будто дѣйствующее лицо за костюмировалось въ г-жу Плесси, чтобы передъ вами высказаться. Г-жа Плесси отыскиваетъ музыку въ своемъ голосѣ, тамъ, гдѣ бы дѣйствительное лицо нашло въ немъ слезы и рыданія. Г-жа Плесси передаетъ чувства красиво, утонченно, нѣжно, тогда—какъ дѣйствительное лицо высказало бы ихъ пылко, отрывисто, но задушевно. У г-жи Плесси есть превосходныя мѣста въ каждой роли, но я не знаю за нею ни одной превосходной роли. Превосходныя мѣста придумываются, превосходныя роли — создаются, то есть, переходятъ въ кровь и плоть актера, который для воссозданія лица сценическаго забываетъ свою собственную личность. Каждое положеніе въ игрѣ г-жи Плесси выходитъ вѣрно и эффектно, иногда даже поразительно, но оно не просто и не истинно. Правда драматическая не терпитъ личины, только натура и простота дѣлаютъ ее правдой дѣйствительной, а не фиктивной. Я знаю, что мнѣніе мое найдетъ много противниковъ, но я высказываю его, потому—что таково мое убѣжденіе. Я уже сказалъ, что привычка мирить человѣка со всѣмъ. Привыкнувъ видѣть натяжку — вмѣсто природы, слышать пѣніе — вмѣсто разговора, жеманство — принимать за тонкое, наивное кокетство, онъ пожалуй увѣритъ себя наконецъ, что все это и въ природѣ должно существовать точно также, и что если этого въ природѣ не встрѣчаешь, такъ она неполна, несовершенна или испорчена.

Въ г-жѣ Вѣрѣ Самойловой 2 мы находимъ характеръ игры совершенно противоположный г-жѣ Плесси. Въ ней преобладаетъ внутрен-

нее выраженіе надъ наружнымъ, содержаніе надъ формою, чувство надъ декламаціей. Голосъ ея далеко не имѣетъ той силы и гибкости, какими владѣетъ г-жа Плесси, но она умѣетъ отыскивать въ немъ звуки для каждаго ощущенія, звуки простые, не музыкальные, но полныя симпатіи и задушевности. Дикцію свою она довела до той правильности, что каждое ея слово, и въ простомъ, неусиленномъ разговорѣ, внятно, безъ особенной растяжки и насильственныхъ удареній. Г-жа Самойлова враждуетъ съ афектаціею и въ драмѣ, и въ комедіи. Въ мѣстахъ патетическихъ она можетъ дѣйствовать горячо, энергически, но не умѣетъ прибѣгать къ театральности, для усиленія эффекта. Да и нужна ли театральность тамъ, гдѣ говоритъ истинное чувство! Будетъ ли человѣкъ, страдающій или поработанный страстью, въ тяжкую минуту жизни, думать о томъ, красиво ли онъ сталъ, картинно ли машетъ руками, живописно ли выгибаетъ тѣло? Чѣмъ меньше этихъ quasi-эстетическихъ вычуръ въ артистѣ, тѣмъ ближе онъ подходитъ къ идеалу совершенства, то есть, къ природѣ, тѣмъ больше правдоподобія придаетъ иллюзіи или театральному обману. Но простота эта достается не такъ легко, какъ, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда: это самая утонченная степень искусства, тоже, что величайшій *tour de force* безъ замѣтнаго усилія, что трудный танецъ, кажущійся легкимъ порханіемъ. Притомъ, простота эта требуетъ природной граціи, врожденнаго инстинкта чувства и художественнаго такта. У г-жи Самойловой 2 всего этого вдоволь; ея собственная личность, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ ролямъ, ею выполняемымъ: эта природная женственность (*Weiblichkeit*), которая видна у нея въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ движеніи, этотъ меланхолическій отпечатокъ, характеризующій ея фізіономію, поступь и приемы, это незаученное благородство, ясно высказывающееся во всемъ существѣ ея, и наконецъ неуловимая грація улыбки, выраженія, взгляда, дѣлаютъ ее на сценѣ существомъ въ высшей степени интереснымъ и невольно возбуждаютъ къ ней сочувствіе. Прибавьте же къ этому глубоко-прочувствованную и просто, но сильно выраженную рѣчь, постоянную вѣрность изображаемому характеру, и свободную, но безукоризненно — эстетическую манеру держаться на сценѣ, и вы тотчасъ поймете, какое впечатлѣніе должна производить съ этихъ помостовъ, изображающихъ свѣтъ, такая артистка, какъ г-жа В. Самойлова 2. Ей не нужно прибѣгать къ тѣмъ усиліямъ декламации, къ тѣмъ театральнымъ ходулямъ и сценическимъ уловкамъ, которыми такъ легко дѣйствовать на массу зрителей, безъ особенной траты внутренняго жара. Ея исключительная, чисто артистическая натура, при свѣтломъ постиженіи и способности пронизывать каждое чувство сквозь собственную душу, теплую и легко возбуждаемую, даютъ ей всѣ средства не выходить изъ предѣловъ естественности и отыскивать въ изображеніи сценическихъ характеровъ одну живую истину. Этими преимуществами артистка наша умѣетъ пользоваться съ большою выгодною. Разсмотрите попристальнѣе, что въ игрѣ ея производитъ главное впечатлѣніе: ужъ вѣрно не сила драматическаго выраженія, не рѣзкость патетическихъ выходовъ, не театральные эффекты, а те-

плота чувства, высказаннаго съ такою увлекательною наивностію и простотою, которая никакъ не позволяетъ усомниться въ его истинѣ.

Въ комедіи, по нашему мнѣнію, г-жа Самойлова 2 еще выше, чѣмъ въ драмѣ. Здѣсь непринужденность ея и благородство рѣзко отдѣляютъ ее отъ всѣхъ окружающихъ ее на сценѣ лицъ. Въ сценахъ кокетства у нея нѣтъ ничего приторнаго, изысканнаго: это не обычное театральное жеманство и *кокетничанье* на особый, техническій ладъ; это врожденное женщинѣ желаніе правиться, облеченное въ самыя приличные и скромныя формы, высказывающееся тѣми неуловимыми движеніями взгляда, губъ, интонацій и звуковъ голоса, которыя отличаютъ цѣломудренность души и окружаютъ женщину обаяніемъ неотразимой прелести. Это чувство приличія есть отличительная черта въ игрѣ нашей артистки: всегда и во всемъ вы видите въ ней женщину благовоспитанную и сознающую свое достоинство; а когда она является въ характерахъ, которые принадлежатъ высшимъ слоямъ общества, вы никогда въ ней не обознаетесь: это урожденная графиня или княгиня, выросшая въ сферѣ своего круга, сроднившаяся съ его понятіями и привычками; ужъ это никакъ не парижская модистка, разыгрывающая знатную даму, или не горничная, которая разрядилась въ платье своей барыни.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о современномъ направленіи таланта г-жи Самойловой 2. Г-жа Самойлова 2 слишкомъ умна, чтобы не сознавать главныхъ, отличительныхъ своихъ достоинствъ; она лучше всѣхъ знаетъ, въ чемъ заключается прелесть ея игры и на какихъ данныхъ основанъ главный успѣхъ ея на сценѣ. Вслѣдствіе этого сознанія, она, кажется, исключительно избрала себѣ родъ пьесъ, извѣстныхъ у современныхъ французовъ подъ названіемъ *пословицъ*, *proverbes*, а встарину называвшихся простѣе *pièces à tiroir*, потому что такія произведенія скорѣе можно назвать импровизаціями, чѣмъ правильными литературными созданіями. Мужъ и жена поссорились за пустяки и изъ-за вздора помирились — вотъ вамъ пьеса; мужъ хочетъ ѣхать въ маскарадъ, а жена наровитъ удержать его дома, и онъ остается: — вотъ вамъ другая; молодой человекъ влюбленъ, а возлюбленная съ нимъ кокетничаетъ, онъ хочетъ ее бросить, она къ нему привязывается — вотъ вамъ и третья, и такъ далѣе, до безконечности. Это настоящій драматическій калейдоскопъ изъ десяти или двѣнадцати побудительныхъ причинъ: какъ ни повернешь — все новая штука. Покойный режиссеръ московскаго театра Мальшевъ издалъ разъ какъ-то книжечку, по которой, безъ всякаго призванія къ поэзіи и не учась даже просодіи, всякій, по желанію, могъ сочинять чувствительные романсы и любовныя мадригалы, выкидывая только косточки и, по выпавшимъ на удачу очкамъ, подбирая въ книгѣ нумерованныя строчки. Книжка эта представляла неисчерпаемый источникъ самаго дешеваго вдохновенія для доморощенныхъ поэтовъ. Будь живъ замысловатый Мальшевъ и видя теперешнее наводненіе русской сцены этими разговорными экспромтами, онъ непременно составилъ бы новую книжку съ костями, по которой каждый, кому вздумается, безъ всякаго таланта и

знанія необходимыхъ условій драматургіи, могъ бы сочинять по дюжинѣ пословиць на одной недѣлѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, къ чему талантъ и знаніе сцены, къ чему вымыселъ и поэтическое развитіе, къ чему умъ и чувство въ подобныхъ издѣліяхъ? Все это излишняя роскошь, тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о томъ, какъ бы заставить два или три лица полчаса переливать изъ пустаго въ порожнее, низать гладенькія рѣчи и не сказать другъ другу ничего новаго или особенно важнаго? Но я думаю, каждый зритель и въ обществѣ слышитъ столько пустыхъ и вздорныхъ разговоровъ, что въ театрѣ желалъ бы отдохнуть на чемъ нибудь болѣе серьезномъ, на чемъ нибудь вызывающемъ на мысль или говорящемъ чувству. Во Франціи этотъ родъ пьесъ пустили въ моду Альфредъ де-Мюссе и Октавъ Фелье, два танкіе физиолога сердца человѣческаго, два остроумнѣйшіе болтуна. Ихъ пословицы—настоящій фейерверкъ изъ острыхъ словъ, ловкихъ замѣтокъ, счастливыхъ выраженій, мѣткихъ сарказмовъ, блесокъ ума и чувства, фейерверкъ, который безпрестанно мѣняетъ свои фигуры и огни, и когда догораеетъ до конца — то оставляетъ на виду зрителя свой каркасъ и основную декорацию, то есть, главную мысль и ея нити. При такихъ даровитыхъ представителяхъ моды, она поневолѣ должна принятъся. А что въ модѣ въ Парижѣ, то непременно найдетъ у насъ послѣдователей, поборниковъ, подражателей. Если уже на каждый кафтанъ, выдуманный въ Парижѣ, у насъ отыскивается герой, который за непременно долгъ сочтетъ напялить его себѣ на плеча, то какже не найтись охотникамъ прослыть образцами салоннаго разговора, утонченной свѣтскости и безукоризненнаго остроумія! И вотъ пословицы, или драматическія импровизаціи посыпались на насъ градомъ: начиная отъ «Странной (и даже очень странной) ночи» г. Жемчужникова, до «Дружбы и любви» г-жи Тальцевой включительно, ихъ въ теченіе полутора или двухъ лѣтъ появилось до двухъ дюжинъ. Но это наводненіе сцены грозитъ сдѣлаться еще опаснѣе, потому-что наши *Муссеи* и *Фельеты* плодятся съ каждымъ днемъ, а писать имъ пословицы все тоже, что намъ съ вами чихнуть и пожелать здравія. Разумѣется, пустой разговоръ всегда лучше пустѣйшаго фарса, въ родѣ Цыганокъ, Татарокъ, Казачекъ и тому подобныхъ издѣлій, но онъ оттого мало выигрываетъ: онъ все-таки остается пустымъ и оставляетъ пустоту въ слушателѣ. Это по-французски называется *marivaudage*, то есть, упражненіе въ изошреніи языка, а по-русски *тары-бары*, да и только, и въ драматической литературѣ и въ сценическомъ искусствѣ это насъ не подвигаетъ впередъ ни на волосъ.

Мы должны сказать безъ утайки, что отчасти въ этомъ направленіи нашей драматической литературы виновата г-жа В. Самойлова 2. Ея чудное умѣнье передавать пустяки съ такой граціей и тонкостію, что зритель невольно ей сочувствуетъ, увлекаетъ нашихъ авторовъ на это попріще легкаго и дешево-достающагося успѣха. Но разговоръ не составляетъ характера, а безъ характера не можетъ существовать и сценическаго олицетворенія для артиста. Въ разговорѣ онъ можетъ доказать только совершенство своей дикціи, умѣнье вести сцены и лов-

кость на театрѣ; все это внѣшнія достоинства, приобретаемыя опытомъ и навыкомъ; но тутъ ужъ не можетъ быть и признака глубокаго постиженія, тонкой наблюдательности, знанія сердца, вѣрнаго чувства, что составляетъ главныя стихіи сценическаго искусства и прямо обрисовываетъ особенность и личность таланта. Играть постоянно разговоры въ сценическихъ импровизаціяхъ, значитъ растрчивать свое дарованіе на мелочи или сѣять жемчугъ по пустому полю, въ надеждѣ, что онъ принесетъ жатву. Для дарованія такой артистки, какъ г-жа В. Самойлова 2, нужна глубоко-прочувствованная драма, нужна жизненная комедія, гдѣ бы она во всемъ блескѣ могла показать внутренній міръ своей души, все могущество своего таланта, а не одиѣ внѣшній его достоинства и физическія прелести. Конечно, г-жа Самойлова 2 не виновата въ томъ, что наша драматическая литература такъ скудна и производитъ на свѣтъ одни недоноски; она не виновата, что всеувлекающая мода и ее, полную жизненныхъ силъ и энергіи, вертитъ въ своихъ вихряхъ; а между тѣмъ, такой талантъ, какъ ея, можетъ имѣть вліяніе и на самую дѣятельность драматическую, онъ можетъ рождать писателей, которымъ ея вкусъ и потребность ея души, могутъ указать путь болѣе важный и благородный въ искусствѣ. Но намъ кажется, что г-жѣ Самойловой самой пріятно нѣжиться въ фиміамѣ этого легкаго успѣха; по крайней мѣрѣ, насъ наводитъ на эту мысль ея бенефисъ, представлявшій, за исключеніемъ двухъ пьесъ, имброгло изъ однихъ сценическихъ импровизацій. Намъ это тѣмъ прискорбиѣе, что привычка появляться постоянно въ подобныхъ сценахъ, можетъ наконецъ убѣдить нашу талантливую артистку, что въ этомъ именно состоитъ ея призваніе и слава, тогда-какъ она рождена для лучшей участи и для гораздо почетнѣйшей извѣстности.

Первая пьеса бенефиса г-жи Самойловой 2—«*Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ*»—старая новинка, но она возобновлена очень удачно, ужъ потому, что рѣзко показываетъ разницу между истинно-драматическимъ созданіемъ и пустою болтовнею русскихъ *Муссеевъ*. Содержаніе этой маленькой драмы также очень незатѣйливо, но въ ней есть характеры сильные, есть глубокое человѣческое чувство и сценическій интересъ. Богатый купецъ, Плюмеръ, разорился, вслѣдствіе одного несчастнаго случая, которые такъ часто и такъ неожиданно поражаютъ коммерческихъ людей, ставящихъ весь свой капиталъ на карту, для болѣе обширныхъ оборотовъ. Прежде этой катастрофы, Плюмера постигло другое несчастіе: дочь его, Габріель, дитя его сердца, единственное утѣшеніе его жизни,—ослѣпла. Выросшая въ изобиліи и роскоши, привыкшая къ баловству и нѣгѣ, она не видѣла, какъ изъ пышныхъ палатъ отецъ ея перебрался въ укромную каморку, какъ богатую мебель замѣнили простые стулья и мѣсто дорогихъ картинъ и штофныхъ обоевъ заняли голыя, сырыя стѣны подкровельнаго жилища. Старикъ скрылъ отъ нея свое несчастіе и старается ее нѣжить и лелѣять по прежнему, хотя средства для этого достаются ему не дешево. Когда-то, для забавы малютки дочери, онъ дѣлалъ ей на досугѣ игрушки; теперь, чтобъ доставить душевный покой взрослой дѣвушкѣ, онъ дѣлаетъ игрушки на продажу и

просиживаетъ за ними цѣлыя ночи. Но прибытокъ отъ такого товара очень скудный и Плюмеръ остается долженъ хозяину квартиры за цѣлую треть. Хозяинъ этотъ грубое, эгоистическое созданіе: онъ приходитъ въ квартиру продавца игрушекъ, во время его отсутствія, кричитъ, шумитъ, требуетъ отъ дочери уплаты, открываетъ ей безпомощное состояніе отца и разрушаетъ міръ, въ которомъ бѣдная слѣпая находила послѣднюю отраду жизни, и который начиналъ расцвѣтать для нея зарею любви, обѣщавшей прочное счастье съ молодымъ женихомъ Альбертомъ, который окружалъ ее всѣми нѣжными свидѣтельствами своего теплаго участія. Альбертъ бѣденъ, но за то Габріель богата: за жертву, принесенную имъ слѣпой, она вознаградитъ его любовью, довольствомъ, роскошью. И вдругъ все это рушится, исчезаетъ, какъ туманная картина, и даетъ мѣсто самой жалкой существенности... и все отъ одного неосторожнаго слова грубаго домохозяина! Правда, Альбертъ успѣлъ зажать ему ротъ горстью золота и выгнать его вонъ, но ударъ уже нанесенъ и попалъ прямо въ сердце бѣдной Габріели. Она не вѣритъ больше никому изъ окружающихъ, она сама хочетъ убѣдиться въ истинѣ, и вотъ, ошупью начинаетъ она ревизовать комнату: стѣны вѣять на нее холодомъ и плесенью, каминъ обнаженъ отъ бронзы и фарфоровъ, на столѣ ручка ея натывается на инструменты, которыми отецъ работаетъ. Минута страшная для существа чувствующаго и любящаго! Онъ, старикъ, которому она должна бы служить поддержкою, не спитъ ночей и работаетъ для нея, для ея прихотей и дѣтскихъ капризовъ... О, за одну такую ночь она готова была-бы отдать всю свою жизнь, всю кровь свою. Готовится страшная сцена: она должна высказаться передъ отцомъ, должна вымолить у него прощеніе за трудъ его, за его бессонницу, за всѣ траты, попеченія о ней, бесполезной, ни къ чему не способной, обременяющей его старость и несчастіе. Но Альбертъ предвидитъ эту сцену: по его приказанію, въ одинъ мигъ стѣны украшаются картинами, каминъ бронзами и цвѣтами, скамейки и простые столы замѣняются золоченою мебелью. Является Плюмеръ, напрасно бѣгавшій повсюду за деньгами. Дочь начинаетъ свой допросъ. Старикъ хочетъ ее успокоить, но она указываетъ ему на все окружающее, какъ на улику, онъ оглядывается и столько же пораженъ превращеніемъ, сколько дочь его за нѣсколько минутъ была поражена страшной истиной своего открытія. Тутъ снова начинается ловкій обманъ старика, который сквозь слезы смѣется, говоря ей о своихъ оборотахъ и огромныхъ доходахъ. По счастью, приходитъ и хозяинъ, который изъ грубаго буйвола превратился въ тихую овечку. Онъ приноситъ расписку въ лишнихъ деньгахъ, полученныхъ за квартиру и проситъ помилованія и отсрочки по долговому обязательству, которое на него купилъ Плюмеръ. Старикъ пораженъ, не вѣритъ ушамъ, теряетъ голову, но не смѣетъ противорѣчить, боясь за дочь свою. Теперь Габріель остается въ сильномъ сомнѣніи на счетъ своего состоянія, но во всякомъ случаѣ она рѣшается не выходить замужъ за Альберта, чтобы неумышленно не привить ему несчастія. Но Альбертъ оказывается богатымъ лордомъ, долги Плюмера уплачены,

искусный врачъ возвратитъ ей завтра зрѣніе и старикъ долженъ принять жертву великодушнаго своего зятя, чтобы не поразить дочь своею нищетою и не показаться ей обманщикомъ при ея прозрѣніи.

Сколько простоты въ изможеніи этой легкой семейной драмы, но сколько глубокаго чувства въ каждой ея сценѣ, сколько человѣчности и жизни въ каждомъ новомъ положеніи! Этотъ старикъ съ его трогательной любовью къ дочери; эта дочь, полная дѣтской привязанности къ отцу, несчастная уже по природному недостатку и еще несчастнѣйшая сознаниемъ своей немощи и невозможности выдти изъ тяжкаго положенія. Вотъ это сцены, которыя могутъ затронуть за живое каждое сердце, которыя могутъ пробудить въ душѣ чувства благородныя, высокія, и оставить впечатлѣніе не только эстетическое, но даже благодѣтельное. И не смотря на тѣсноту рамки, характеры въ этой пьесѣ выдвигаются очень выпукло и очерчены довольно рѣзкими чертами. Роль Габріели довольно пассивная, но въ ней есть минуты высокія и онѣ выражены были г-жею Самойловой 2 съ неподражаемымъ искусствомъ. Г. Сосницкій (Плюмеръ) въ сценѣ, гдѣ онъ сквозь слезы хохочетъ, увѣряя дочь въ своемъ богатствѣ, былъ превосходенъ. Это одна изъ тѣхъ трудныхъ сценъ въ искусствѣ, которой выполнение только и можетъ взять на себя артистъ съ опытностію и талантомъ г. Сосницкаго. Но въ характерѣ Плюмера смѣхъ и слезы въ такой тѣсной связи, это такая смѣсь глубоко-патетическаго начала съ комизмомъ, что въ насъ невольно рождалось желаніе посмотреть въ этой роли г. Самойлова, самаго жизненнаго представителя подобныхъ характеровъ. Мы увѣрены, что онъ заставилъ бы плакать цѣлый театръ.

Жаль, что этой умной пьескѣ въ русскомъ переводѣ дано названіе, сильно намекающее на отчаянный фарсъ. Во-первыхъ, Плюмеръ не *продавецъ*, а *фабрикантъ* игрушекъ, онъ не торгуетъ ими въ лавкѣ, а дѣлаетъ ихъ для лавочниковъ; во-вторыхъ, если онъ дѣлаетъ игрушки, такъ само-собю разумѣется *дѣтскія*; если взрослые люди играютъ въ куклы, такъ ужъ отнюдь не въ такія, которыя продаются въ игрушечныхъ лавкахъ. Всего бы проще и правильнѣе было назвать пьесу просто — «*Игрушечникъ*.»

Изъ пьесъ русскаго сочиненія, лучшею въ бенефисѣ г-жи Самойловой была комедія графини Е. П. Растопчиной: «*Домашнее уложеніе*.» Это первый опытъ заслуженной и талантливой нашей писательницы на сценическомъ поприщѣ, и опытъ, по успѣху своему, блистательный. Въ этой небольшой комедіи больше ума, типичности, живыхъ характеровъ, наблюдательности и игриваго содержанія, чѣмъ въ цѣлой дюжинѣ модныхъ драматическихъ экспромтовъ или пословицъ, какъ домашняго произведенія, такъ и привозныхъ изъ-за границы. Намъ не нужно говорить о томъ, какъ мастерски гр. Растопчина владѣетъ языкомъ и сколько истинной поэзіи въ ея созданіяхъ: это всѣмъ извѣстно. Но въ произведеніи, назначенномъ для театра, есть условія, которыя иногда недоступны даже самымъ талантливымъ писателямъ, именно — знаніе сцены. Гр. Растопчина въ первой своей комедіи показала столько такта и опытности, какъ будто весь свой

вѣкъ писала для сцены. Сюжетъ комедіи самый простенькій, но самый игривый, мы его расскажем въ нѣсколькихъ словахъ ... или нѣтъ, не станемъ лучше портить бѣглымъ разговоромъ пріятнаго впечатлѣнія читателей, которымъ мы представимъ въ слѣдующемъ номерѣ Пантеона «Домашнее уложеніе» въ подлинникѣ. Ограничимся теперь, сказавъ, что комедія имѣла блистательный успѣхъ, который вполне заслуживала, и что артисты разыграли ее превосходно. Роль графини Ольгиной, молодой кокетливой вдовы, поклонницы всѣхъ модныхъ обычаевъ, влюбленной немножко и довольно ревнивой, — занимала сама бенефициантка и выполняла ее мастерски, со всѣми тонкостями и нюансами, которыхъ требовалъ отъ нея характеръ. Г. Максимовъ, — игралъ князя *Свѣтозерскаго*, свѣтскаго льва, легкомысленнаго и слабосердаго, такъ и какъ онъ всегда играетъ. Г. Григорьевъ 1, въ роли отставнаго полковника *Пушкарева*, необразованнаго, но не глупаго, лѣниваго, но хитраго, — создалъ одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ типовъ, которые ему иногда такъ удаются и поражаютъ своей истиной и простотою. Племянника его, *Алешу*, мальчика, разыгрывающаго взрослого мужчину, прелестно и живо передала г-жа Жулева. *Марью Сергѣвну*, тонирующую провинціалку, легкомысленную, пустую, но съ большими претензіями на молодость, красоту, знаніе большаго свѣта, и притомъ съ самыми тривиальными привычками, играла г-жа Самойлова 1-я. Мы видѣли въ г-жѣ Самойловой 1-й — не Марью Сергѣвну, а ту же «Бѣдовую дѣвушку», ту же «Надиньку Трунову», или «Еще Бѣдовую дѣвушку», ту же «Тетушку-Болтушку», — то есть, рѣзвую попрыгунью, торопливую скороговорку, но отнюдь не тотъ характеръ, какой имѣла ввиду сочинительница комедіи. Можно быть легкомысленной и вовсе не болтать скороговоркой, можно казаться молодой — совсѣмъ не прыгая, и имѣть притязанія на высшій тонъ, — не выражая ихъ неумѣстной рѣзвостію. Конечно, все это придаетъ роли много жизни на сценѣ и задобряетъ извѣстную часть зрителей въ пользу актрисы, но за то отнимаетъ у характера то, что составляетъ его душу: силу, смыслъ и правдоподобіе. Впрочемъ, характеръ, данный авторомъ *Марью Сергѣвну*, очень трудная задача для артистки.

Что сказать объ остальныхъ двухъ пьесахъ бенефиса г-жи В. Самойловой 2, о «Дружбѣ и любви» г-жи Тальцевой, и о «Женихѣ» неизвѣстнаго автора? Одна изъ нихъ безъ головы, другая безъ хвоста. Вообразите себѣ, къ вдовѣ ходитъ полгода молодой человѣкъ, сидитъ у нея по цѣлымъ днямъ, толкуетъ о своей любви и пишетъ съ нея портретъ; она его охотно принимаетъ, отказываетъ всѣмъ, когда онъ у нея, еще охотнѣе слушаетъ его признанія, для него ридится и ревнуетъ его къ другимъ, и при всемъ этомъ она до того наивна, что не понимаетъ, что любить его взаимно, и преростодушно спрашиваетъ себя: «Что это, дружба или любовь?» Чтобъ убѣдить ее въ томъ, что это любовь, молодому человѣку надо непременно взять билетъ въ маль-постъ, для отъѣзда въ Москву, а ей, чтобы удержать его, — надо изорвать этотъ билетъ. Что за курьезные люди, право, попадаютъ

ся въ этихъ модныхъ сценахъ или *разговорахъ для сцены!* Влюбленная вдова не догадывается, что она влюблена; чиновникъ иностраннаго министерства остается въ Петербургѣ только потому, что у него иворвали почтовую квитанцію! Бѣднякъ, какъ иностранецъ, вѣрно не знаетъ, что потеря билета въ почтовую карету ровно у насъ ничего не значить, что это нисколько не лишаетъ его занятаго мѣста, и что, въ крайнемъ случаѣ, объявивъ о потерѣ, онъ могъ бы получить новый билетъ.

Не смотря на всю растянутость и на всѣ несообразности этого разговора, онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ на сценѣ, благодаря игрѣ г-жи В. Самойловой 2, и въ особенности г. Самойлова. Онъ выполняетъ тутъ дядюшку вдовы, роль вводную, совершенно бесполезную по ходу пьесы, но выполняетъ ее съ неподражаемымъ мастерствомъ. Это больной старикъ, потерявшій отъ лѣтъ память, но не охоту поговорить. Рѣчь его прерывается на каждыхъ трехъ словахъ неизбѣжнымъ «какъ бишь его?» Эти усилія поболтать и припоминать имена мѣстъ и лицъ, г. Самойловъ передаетъ съ поразительной истиной.

Не смотря, однакожъ, на всѣ несообразности «Дружбы и любви», мы должны сказать, что эти сцены написаны толковѣе, грамотнѣе, игривѣе всѣхъ русскихъ пословицъ, которыя намъ удалось видѣть въ послѣдніе два года; притомъ онъ очень благоразумно и скромно названы *разговоромъ для сцены*, а не *оригинальною комедіею*, какъ обыкновенно величаютъ себя ихъ старшія сестрицы.

«Женихъ» собственно не *женихъ*, а *невѣсты*, потому—что главное дѣло, по логическому смыслу пьесы, заключается не въ немъ, а въ Людмилѣ Федоровнѣ, молодой вдовѣ, и Лидіи Павловнѣ, молоденькой дѣвушкѣ, которыя живутъ вмѣстѣ и которымъ страхъ хочется выдти замужъ. На этомъ основаніи, онъ готовъ броситься на шею первому попавшемуся мужчинѣ, будь онъ только въ усахъ, иначе нельзя объяснить присутствія у нихъ Владиміра Петровича, трактирнаго героя, самой низкой масти, который прокозырялъ уже все, что имѣлъ, что надѣялся имѣть и даже то, чего никогда не могъ имѣть. Этотъ герой наровитъ поправить свои дѣлишки женитьбою на *богатой*—на комъ это ему все равно, были бы только деньги. Поэтому, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать, онъ въ одно и тоже время строитъ куры и дѣвушкѣ, и вдовѣ. Погнавшись за двумя зайцами, онъ, разумѣется, не ловитъ ни одного. Вотъ вамъ и вся мораль пьесы, которая, не смотря на то, что въ ней даже нѣтъ признака какого-нибудь куплета, названа почему-то *водевилемъ*.

О «Тарантеллѣ» г. Мятлева, опять поднятой на сценѣ, мы скажемъ только, что это зрѣлище приличнѣе было бы назвать «Много шуму изъ пустяковъ». И въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы сообщить зрителю довольно новую для него мысль, что на землѣ и пыльно, и грязно бываетъ, а между тѣмъ —

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка блеститъ, —

ему читаютъ не то шесть, не то семь пустѣйшихъ куплетовъ, въ видѣ варіацій на одну и ту же тему, и подгрѣпляютъ ихъ и музыкой изъ «Фенеллы», и танцами изъ «Сатаниллы», и хорами изъ какой-то еще не состоявшейся оперы.

Лучшая часть дивертисмана этого бенефиса состояла — въ прекрасномъ, очень драматичномъ дуэтѣ, соч. А. С. Даргомыжскаго, пропѣтомъ весьма недурно г. Петровымъ и г-жею Лавровой, пансіонеркой Театральнаго Училища.

Θ. Кош.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I.

Франція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА ото 1/13 Февраля 1852.

Не смотря на холодную погоду, которая нѣсколько времени уже постоянно держится въ Парижѣ и краснорѣчиво призываетъ жителей къ зимнимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, репертуаръ здѣшнихъ театровъ не представляетъ большаго количества новостей. Этого не должно, однако, объяснять неблагопріятнымъ образомъ для театровъ; напротивъ, они должны вернуться за много лѣтъ назадъ, чтобы припомнить другой сезонъ, начинавшійся такъ отрадно въ финансовомъ отношеніи, какъ нынѣшній; отсутствіе же новыхъ пьесъ доказываетъ только, что театры напали на нѣсколько произведеній, которыя, частью собственнымъ своимъ достоинствомъ, а болѣе благодаря таланту исполнителей, сосредоточили на себѣ вниманіе публики и избавляютъ директоровъ отъ необходимости заманивать зрителей новостью названій.

Въ Большой Оперѣ продолжаютъ дебюты г-жи Тедеско. Послѣ «*Королевы Кипрской*», о которой мы говорили въ послѣднемъ письмѣ, артистка взялась за роль Фидесы, въ «*Пророкъ*», и исполнила ее съ такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какъ роль Катарины, не смотря на то, что ей приходилось выдержать трудное состязаніе съ г-жами Віардо и Альбони, которыя еще такъ живы въ памяти всего Парижа. Особенно хороша она была въ драматической сценѣ четвертаго дѣйствія, когда Іоаннъ Лейденскій отрекается отъ нищей матери, и несчастная колеблется между чувствами материнской любви и негодованія, повелѣвающаго ей проклясть неблагодарнаго сына и лжепророка.

Между тѣмъ, какъ въ Оперѣ дебютируютъ г-жа Тедеско и г. Денасіо,—послѣдній исполнилъ роль Бертрама, въ «*Робертъ*», съ такимъ успѣхомъ, какого давно не имѣлъ въ Парижѣ ни одинъ пѣвецъ, бравшійся за эту роль, — въ балетѣ продолжаютъ обращать на себя всеобщее вниманіе двѣ девицы, о которыхъ мы уже упоминали: г-жа Пріо-

ра, въ «*Верверъ*» и наша прелестная соотечественница Надежда Богданова, въ «*Маркитантъ*».

На этомъ театрѣ возобновлена также опера г. Гуно, «*Сафо*», имѣвшая такой огромный успѣхъ прошлымъ лѣтомъ. Къ сожалѣнію, дирекція вздумала соединить ее въ одно представленіе съ длиннымъ балетомъ «*Верверомъ*». Чтобы соединеніе двухъ такихъ большихъ пьесъ не растянуло спектакля до чрезвычайности, требовалось одну изъ нихъ сократить; въ балетѣ, конечно, нашлось бы много такихъ побѣговъ, которые можно бы подстричь безъ всякаго ущерба для отсутствующаго въ немъ смысла и безъ большой потери для зрителей, которымъ все еще осталось бы довольно курьезовъ на потѣху; но балетъ еще новинка, а опера уже имѣетъ полгода существованія, слѣдовательно съ нею нечего перемониться. Такимъ образомъ несчастная партитура была обречена подстрижкамъ и подрѣзкамъ, которыя не только лишили насъ многихъ хорошихъ нумеровъ, но, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже крѣпко задрбли ея мысль. Не смотря, однако, на эти неловкія сокращенія и на отсутствіе г-жи Виардо, которой мѣсто, впрочемъ, заступила очень талантливая молодая пѣвица, г-жа Массонъ, опера г. Гуно слушается съ большимъ удовольствіемъ и при каждомъ представленіи возбуждаетъ усердныя и единодушныя рукоплесканія.

Въ Комической-Оперѣ большой успѣхъ имѣетъ новое произведеніе Лимандера, молодаго композитора, котораго первая опера—«*Черногорцы*» продлила на нѣсколько мѣсяцевъ существованіе стараго третьяго лирическаго театра г. Адана, и вѣроятно перейдетъ по наслѣдству къ нынѣшней національной оперѣ. Сюжетъ новой оперы, называющейся «*Замокъ Синей-Бороды*» заимствованъ изъ давнишняго романа Евгенія Сю: «*Le moine au diable*», и являлся уже на сценѣ, разъ въ видѣ драмы и двараза въ видѣ водевиля; драма не имѣла большаго успѣха, не смотря на то, что въ ней была одна изъ лучшихъ ролей г. Мондидье; одинъ водевиль рѣшительно упалъ, а другой почти послѣдовалъ за первымъ. Наконецъ г. Сень-Жоржъ принялся за четвертую разработку этой темы и обратилъ ее въ комическую оперу, вѣроятно на томъ основаніи, что сюжетъ, слишкомъ нелѣпый для водевиля и даже для драмы, всегда годенъ для опернаго либретто. Дѣйствіе открывается въ Остиндіи, въ окрестностяхъ Мадраса, въ гостинницѣ Мирзы, въ которой французскій корсарь кутитъ съ своимъ экипажемъ, въ ожиданіи времени, назначеннаго для исполненія какой-то таинственной экспедиціи, на которую онъ пріѣхалъ въ эти отдаленныя страны. Въ другомъ углу сидитъ французскій путешественникъ, графъ Гастонъ де-Рошамбъ, и рассказываетъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что онъ пріѣхалъ для полученія наслѣдства послѣ дяди, нѣкоего Вильяма Смита, и оставилъ сердце во Франціи, во владѣніи какой-то прелестной незнакомки, встрѣченной имъ въ Сень-Жерменскомъ дворцѣ, при дворѣ короля Якова II. Въ Остиндіи Гастонъ успѣлъ уже познакомиться съ весьма сомнительнымъ лицомъ, которое величаетъ себя испанцемъ, дономъ Фреско, хотя рѣчь его ясно свидѣтельствуеетъ его гасконское происхожденіе. Разговоръ нашихъ пріятелей прерывается приходомъ новаго лица, которое обра-

щаетъ въ бѣгство храбраго дона. Это лицо, однако, только женщина, и притомъ очень хорошенькая! Но она — Мирета, подруга таинственнаго существа, живущаго въ укрѣпленномъ замкѣ, на неприступномъ Чортовомъ холму, и извѣстнаго по всему околотку подъ именемъ Синей-Бороды.

Объ этомъ существѣ рассказываютъ страшныя и невѣроятныя вещи. Никто не знаетъ, откуда оно явилось и зачѣмъ поселилось на Чортовомъ холмѣ; знаютъ только, что оно, не смотря на званіе Синей-Бороды, принадлежитъ къ безбородой половинѣ человѣчества, молодо, прекрасно, но обращается съ своими мужьями точно также, какъ Рауль-Синяя-Борода обращался съ женами. Уже четыре супруга ея пропали безъ вѣсти, вѣроятно полетѣли въ пропасть, надъ которою стоитъ замокъ. Эти рассказы сильно подстрекаютъ любопытство молодаго француза, и онъ предлагаетъ Миретѣ сводить его въ замокъ; Мирета не отвѣчаетъ ни да, ни нѣтъ, а говоритъ только, уходя, что если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, голосъ ея будетъ служить ему проводникомъ.

Гастонъ рѣшился; остается только приискать спутника на эту опасную экспедицію. Донъ-Фреско, послѣ долгаго колебанія, соглашается идти съ нимъ, но только съ тѣмъ, чтобы была соблюдена всевозможная осторожность; при этомъ онъ объявляетъ своему новому другу причины своего страха; настоящее его имя—кавалеръ Геркулесъ де-Лантильякъ, родился онъ на берегахъ Гаронны, пріѣхалъ въ Остиндію искать счастья, полюбозытствовалъ проникнуть въ замокъ Чортовой горы, видѣлъ Синюю-Бороду, мало того, женился на ней: однимъ словомъ, онъ ея четвертый мужъ, совершившій salto-mortale изъ замка въ бездну. Все это еще болѣе разжигаетъ любопытство Гастона.

Между тѣмъ въ гостинницу Мирзы явился новый гость, какой-то Буканьеръ, имѣющій, повидимому, короткія сношенія съ замкомъ Чортовой горы. Мирза увѣдомляетъ его, что корсаръ долженъ имѣть свиданіе съ Синюю-Бородою, для важныхъ переговоровъ; Буканьеръ вызывается самъ проводить ихъ, но въ то же время говоритъ Мирзѣ, что намѣренъ посадить корсарскій корабль на мель, и въ случаѣ удачи, извѣститъ его условленнымъ сигналомъ.

Всѣ отправляются по назначенію; голосъ Миреты ведетъ Гастона и его спутника, между тѣмъ, какъ голосъ Буканьера возвѣщаетъ Мирзѣ, что корсаръ сидитъ на мели и пираты взяты въ плѣнъ.

Второе дѣйствіе приводитъ двухъ путниковъ въ замокъ. Страшная владычица его отдыхаетъ, качаясь на койкѣ, подъ сладостныя пѣсни невольницъ. Только приходъ предприимчиваго француза извлекаетъ ее изъ этой нѣги; она приказываетъ впустить его, и Гастонъ является передъ ея свѣтлыя очи, одинъ, потому-что Геркулесъ, вступивъ въ замокъ, посиѣвшихъ спрятаться. Можно себѣ представить изумленіе путешественника, когда онъ узнаетъ въ Синей-Бородѣ — кого? свою незнакомку Сень-Жерменскаго дворца. Онъ глазамъ не вѣритъ; а она увѣряетъ его, что никогда не выѣзжала изъ Остиндіи, и что она замужемъ, за пятымъ мужемъ! и вѣроятно, за знакомымъ намъ уже Бу-

каньеромъ, котораго, безъ сомнѣнія, ожидаетъ такая же участь, какая постигла его предмѣстниковъ!

Новое обстоятельство еще увеличиваетъ ужасъ Гастона: онъ присутствуетъ тайкомъ при свиданіи Синей — Бороды съ корсаромъ и слышитъ, какъ она уговаривается съ нимъ о похищеніи мужа послѣ обѣда, за которымъ она подольетъ опіуму въ его питье. Гастонъ хочетъ предостеречь Буканьера, но Синяя-Борода склоняетъ его къ молчанію обѣщаніемъ показать ему его Сень-Жерменскую незнакомку. Начинается пированіе со всею азіатскою роскошью. Гастонъ не смѣетъ заикнуться, и Геркулесъ, переодѣтый въ невольника, дрожитъ передъ Миретою. Пираты похищаютъ и перевозятъ на свой корабль соннаго Буканьера, а Гастонъ все молчитъ, хотя Синяя-Борода исполнила только половину обѣщанія; онъ не видѣлъ своей красавицы, а слышалъ только ея голосъ, пропѣвшій шотландскую мелодію, слышанную имъ нѣкогда въ Сень-Жерменскомъ дворцѣ.

Третье дѣйствіе переноситъ дѣйствующія лица и зрителей за море, въ Сень-Жерменскій дворецъ, гдѣ всѣ тайны Чортовой горы объясняются, если не очень естественнымъ, по-крайней-мѣрѣ, понятнымъ образомъ. Вотъ передъ вами Геркулесъ де-Лантильякъ, нынѣ уже командиръ шотландской охранной роты Якова II; вотъ и самъ Яковъ II, и при немъ его племянникъ, герцогъ Бервикъ, онъ же знакомый намъ Буканьеръ, похищенный корсарами съ Чортовой горы; вотъ наконецъ и племянница Якова II, герцогиня Фиделія Ланкастерская, въ которой съ перваго взгляду вы узнаете Синюю-Бороду. Что же значать эти превращенія? Надо вамъ сказать, что г. Сень-Жоржъ, вѣроятно вслѣдствіе изученія неизвѣстныхъ доселѣ историческихъ памятниковъ, открылъ, что у Якова II былъ племянникъ, герцогъ Бервикъ, который рѣшился возвратить дядѣ великобританскій престолъ и съ этою мыслью отправился въ Остиндію, набирать себѣ партію. Его безразсудныя дѣйствія возбудили безпокойство Якова II и неудовольствіе Версальскаго двора: почему герцогиня Ланкастерская, — еще новое открытіе г. Сень-Жоржа, — отправилась съ полномочіемъ дяди, унять брата и привезти его назадъ во Францію. Не видя возможности образумить его, она притворно присоединилась къ его планамъ, заперлась съ нимъ на Чортовой горѣ и вошла въ сношеніе съ французскимъ корсаромъ, чтобы перевести его волею или неволею къ дядѣ.

И такъ, недостаетъ въ Сень-Жерменскомъ дворцѣ одного графа де-Рошамбо, котораго, какъ можно угадывать, никто не ждетъ съ такимъ петерцѣніемъ и съ такою увѣренностью, какъ герцогиня Фиделія. Наконецъ является и онъ, какъ нельзя болѣе кстати, съ порученіемъ къ Якову II отъ покойнаго Вильяма Смита. Яковъ II когда-то занялъ три миліона фунтовъ у одного изъ прежнихъ своихъ подданныхъ, заемному письму наступилъ срокъ, а заплатить долгъ нечѣмъ. Какой-то Савойскій принцъ проситъ для своего племянника руки герцогини Ланкастерской, и вызывается принять заемное письмо, какъ приданое. Фиделія готова уже согласиться на это требованіе и разрушить надежды Гастона, какъ онъ является самъ; изъ объясненія его оказываетъ

ся, что его дядя, Вильямъ Смитъ, былъ именно тѣмъ кредиторомъ, Якова II и что онъ, умирая, завѣщалъ племяннику возвратить заемное письмо, не требуя уплаты. Само собою разумѣется, что такой великодушный поступокъ дяди не можетъ быть оставленъ безъ награды, и что эту награду получить племянникъ, въ рукѣ герцогини Фиделіи. Но что скажетъ на это Геркулесъ де-Лантильякъ, считающій себя четвертымъ мужемъ Синей-Бороды? Лантильякъ узнаетъ, что онъ женился не на Синей-Бородѣ, а на Миретѣ, которая заступала мѣсто своей госпожи, чтобы не разстроить ея плановъ, и теперь поступаетъ въ супружеское распоряженіе мужа.

Вотъ содержаніе этого сложнаго, запутаннаго либретто, которое мы тщетно старались представить въ болѣе сокращенномъ видѣ. Партитура, написанная на эту канву г. Лимнандеромъ, принадлежитъ въ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ, явившимся въ послѣдніе годы. Въ ней видѣнъ несомнѣнный, огромный талантъ, и талантъ преимущественно драматическій. Кромѣ обилія и естественности мелодіи, въ характерѣ которой можно замѣтить нѣкоторое родство съ нѣмецкою музыкою, кромѣ основательнаго изученія голосовъ и оркестра, композиторъ обладаетъ двумя весьма важными и довольно рѣдкими свойствами: обдуманностью и сознаниемъ своихъ силъ. Средства, данныя ему природою, огромны, онъ это понимаетъ и слишкомъ уважаетъ свое дарованіе и искусство, чтобы представить публикѣ трудъ, не соответствующій вполнѣ его силамъ. Можно смѣло предсказывать, что если въ послѣдующихъ его твореніяхъ будетъ такая же градація, какъ между его «Черногорцами» и «Синею-Бородою», то онъ, со временемъ, будетъ однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей музыкальнаго искусства девятнадцатаго вѣка. Исполненіе оперы превосходно. Новый теноръ, г. Дюфрени, дебютировавшій въ роли Гастона, еще молодъ, и поетъ не со всѣмъ твердо; но это недостатки, отъ которыхъ онъ легко можетъ исправиться, посредствомъ навыка и ученія, и тогда онъ будетъ достойно занимать свое мѣсто въ превосходной труппѣ Комической Оперы. Роль Фиделіи торжество для г-жи Югальдъ-Босэ, которая съ изумительною легкостью и смѣлостью преодолеваетъ всѣ трудности вокализаціи, которыми исполнена ея партія.

Комическая Опера возобновила еще старинную оперетку Далеирака, «*Нину, или сумасшествіе изъ любви*», производившую въ свое время фуроръ, которымъ она была преимущественно обязана таланту г-жи Дюгазонъ, исполнявшей главную роль. Нынче, когда эта опера устарѣла и мы можемъ смотрѣть на нее хладнокровнѣе, нельзя не сознаться, что партитура не заслуживаетъ той огромной славы, которою она пользуется на основаніи восторженныхъ отзывовъ современниковъ. Далеиракъ былъ талантливый музыкантъ, но его таланта далеко не хватало на оперу и вообще на большое произведеніе. Его простая, свѣжая мелодія, не чуждая теплоты и чувства, назначала ему почетное мѣсто между сочинителями романсовъ. И онъ много лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занимался этою отраслью искусства. Вліяніе его друга, Гретри, которое видно и въ характерѣ его музыки, побудило его испы-

тать свои силы на болѣе обширномъ поприщѣ. Ученый теоретикъ Лангле познакомилъ его съ техническими приѣмами музыкальной драмы, и онъ написалъ около шестидесяти партитуръ, изъ которыхъ многія, въ томъ числѣ «*Нина*», имѣли огромный успѣхъ. Но если строго разбирать эти произведенія, какъ музыкальныя драмы, они всѣ очень слабы, хотя въ каждомъ найдется нѣсколько восхитительныхъ нумеровъ, почти всегда въ формѣ романса. Это сужденіе распространяется и на «*Нину*», лучшую его оперу, поставленную въ 1785 году. Что касается либретто, написаннаго довольно извѣстнымъ въ свое время либреттистомъ Марсолье, оно заключаетъ собственно одну только занимательную сцену, которою композиторъ воспользовался съ большимъ искусствомъ; это сцена помѣшательства Нины, вслѣдствіе ложнаго извѣстія о смерти ея возлюбленнаго и возвращеніе ея къ разсудку, по пріѣздѣ Жермѣля. Это былъ первый опытъ внести сумасшествіе въ число драматическихъ средствъ на французской сценѣ, и нуженъ былъ весь талантъ г-жи Дюгазонъ, чтобы заставить публику принять это нововведеніе, на которое тогдашніе французскіе критики смотрѣли, какъ на дерзость и какъ на средство вовсе не художественное и достойное развѣ какого-нибудь дикаря Шекспира, а никакъ не театра просвѣщеннаго народа.

Дирекція, возобновивъ оперу Далеирака, не ошиблась въ своемъ расчетѣ. Ко всеобщему любопытству, возбужденному произведеніемъ, пользовавшимся нѣкогда такою огромною славою, присоединилось желаніе видѣть и слышать молодую артистку, осмѣлившуюся для перваго своего дебюта избрать роль, за которую ни одна пѣвица не смѣла взяться послѣ г-жи Дюгазонъ. Эта дебютантка — дѣвица Андреа Фавель, о которой разсказываютъ, что четыре года назадъ она даже ночь не знала. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ учителей пѣнія, г. Гильдъ, случайно услышалъ ее, въ 1847 году, въ домашнемъ концертѣ, и, пораженный ея прекраснымъ голосомъ и способностями, вызвался давать ей уроки. Вскорѣ послѣ того, жестокая болѣзнь, которая едва не свела юную артистку въ могилу, принудила ее прекратить всѣ занятія на полтора года. Только къ концу 1850 года она достаточно оправилась, чтобъ поступить въ Консерваторію, гдѣ продолжала курсъ пѣнія, подъ руководствомъ Поншара и Морена. Успѣхи ея были такъ быстры, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ драматическихъ упражненіяхъ учениковъ, директоръ Консерваторіи, г. Оберъ, поручилъ ей трудную роль Сусанны, въ «*Свадьбѣ Фигаро*»; прошлымъ же лѣтомъ она удостоилась первой награды по отдѣленію Комической Оперы, и вслѣдъ за тѣмъ г. Перренъ посѣщилъ ангажировать ее въ свою труппу. Дебютъ ея превзошелъ всѣ ожиданія. Съ превосходнымъ голосомъ, полнымъ, сильнымъ и гибкимъ, она соединяетъ столько наблюдательности, столько чувства, такую одушевленную и умную игру, что Комическая Опера можетъ смѣло ожидать въ ней первоклассную артистку.

«*Бразильская жемчужина*», Фелисьена Давида, продолжаетъ привлекать многочисленныхъ зрителей въ театръ Национальной Оперы. Это,

однако, не препятствует дирекции заботиться о пополнении своего репертуара новыми произведениями. «*La butte aux moulins*» (*Мельничный холм*), опера гг. Габриеля и Дефоржа, съ музыкой г. Андриена Бойельдье, обѣщаетъ поддержать честь новаго театра. Либретто не отличается замысловатостью.

Господинъ Бойельдье не въ первый разъ выступаетъ на сцену; онъ написалъ уже двѣ или три партитуры, которыя были играны въ Парижѣ и въ провинціи; но успѣхъ ихъ всегда доказывалъ, какъ невыгодно для молодаго художника имя, прославленное отцомъ. Публика всегда лестно принимала г. Бойельдье, помня, что онъ сынъ безсмертнаго автора «*Бьянны*»; но въ этомъ приѣмѣ всегда было какое-то принужденіе, какая-то холодность, происходившія оттого, что славное имя его невольно возбуждало въ слушателяхъ ожиданія, которыхъ онъ не могъ удовлетворить. Это повторилось и во время представленія его новой оперы, которая, однако, имѣетъ свои достоинства. Композиторъ получилъ въ наслѣдство отъ отца игривость, свѣжестъ и граціозность мелодіи, но онъ не имѣетъ его драматической силы и оригинальности; оркестровка его ясна и замысловата; мы посовѣтовали бы ему только воздерживаться отъ излишняго употребленія турецкаго барабана и мѣдныхъ инструментовъ.

Въ Итальянской Оперѣ пьесы такъ быстро смѣняются одна другою, и тянется такая длинная вереница дебютовъ, что почти нѣтъ возможности слѣдить за ними. Мы не можемъ одобрить системы, избранной ею знаменитымъ лондонскимъ импресарио; мы думаемъ, что когда театръ не существуетъ постоянно и играетъ только извѣстное число мѣсяцевъ въ году, директору слѣдовало бы не столько заботиться о разнообразіи репертуара и многочисленности труппы, какъ о строгомъ выборѣ пьесъ и артистовъ. Г. Лумлей обѣщаетъ множество оперъ, въ томъ числѣ нѣсколько новыхъ для Парижа и много такихъ, которыя виданы и слышаны столько разъ, что уже надоѣли, и которыхъ достоинства заключаются не въ нихъ самихъ, а въ исполненіи. Таковы, на примѣръ, «*Марія ди Роганъ*» и «*Дочь полка*», два самыя дюжинныя произведенія плодовитаго Донизетти. Первая служила дебютомъ синьорѣ Фіорентини и баритону Ферлотти. Синьора Фіорентини дѣлаетъ огромные успѣхи въ искусствѣ пѣнія; но въ то же время доказываетъ, что, какъ драматическая артистка, едва ли когда оправдаетъ восторженные отзывы, которые встрѣтили ее при первомъ ея появленіи на лондонской сценѣ, въ 1850 году; для драматическаго амплуа у нея недостаетъ очень важнаго условія, энергіи. Ферлотти хорошій пѣвецъ и хорошій актеръ, но голосъ у него глухой и непріятный; онъ имѣлъ большой успѣхъ, которому преимущественно обязанъ своей игрѣ.

Синьора Софія Крувелли съ каждымъ представленіемъ все болѣе утверждается въ любви къ ней публики. Въ «*Дочери полка*» она доказала, что ей гибкій и многосторонній талантъ столько же способенъ къ веселости въ игривой комедіи, какъ и къ драматическимъ ролямъ. Она явилась въ роли Маріи достойною соперницею своей знаменитой предше-

ственницы, синьоры Зонтагъ. Такимъ же торжествомъ была для нея роль Амины въ «*Сонамбуль*» — Беллини. Белетти, Кальцолари и Ферранти прекрасно содѣйствовали ей въ этихъ двухъ операхъ, которыя разыгрываются съ замѣчательнымъ единствомъ.

«*Эрнани*» — Верди, познакомиль Парижъ съ теноромъ Гуаско, который, безъ сомнѣнія, еще памятенъ петербургской публикѣ. Слышавшіе его за нѣсколько лѣтъ, говорятъ, что голосъ его утратилъ нѣсколько своей свѣжести, но что въ немъ сохранилась та же энергія, та же выразительность и задумчивость. Опера Верди имѣетъ здѣсь огромный успѣхъ, котораго значительная часть принадлежитъ, по справедливости, синьору Гуаско и синьорѣ Крувелли (Донья Соль). Белетти очень хорошо исполняетъ роль Сильвы; роль Карла Пятаго поручена дебютанту Гисланцони, который не вполне удовлетворилъ ожиданіямъ публики.

Въ самомъ непродолжительномъ времени обѣщаютъ намъ другую оперу Верди «*I Lombardi*», въ которой должна дебютировать синьора Фрецолини. Затѣмъ будутъ слѣдовать, между прочимъ, «*Фиделіо*» — Бетховена, «*Тайный Бракъ*» — Чимарозы, и «*Свадьба Фигаро*» — Моцарта.

Французскій Театръ празднуетъ возвращеніе своей непосидчивой любимицы, г-жи Рашель, и по три раза въ недѣлю даетъ классическія трагедіи. Первое представленіе ея было истиннымъ торжествомъ. Правда, артистка выбрала для этого случая лучшую свою роль, Камиллу, въ Корнелиевыхъ «*Гораціяхъ*». Сколько мы ни видали г-жу Рашель, мы не помнимъ ни одной пьесы, въ которой она была бы такъ хороша, такъ истинно художественна, какъ въ этой роли. Передъ зрителями античная статуя, въ которую повый Прометей вдохнулъ жизнь и сердце. Ея пластичная игра, рѣдкія и опредѣленные, хотя всегда изящныя движенія, густой, нѣсколько гортанный голосъ, несравненно лучше сочетаются съ энергіею мыслей и суровымъ стихомъ Корнелия, чѣмъ съ чувствительностью и до женственности пѣжнымъ стихомъ Расина.

Впрочемъ г-жа Рашель не намѣрена ограничиться однимъ старымъ репертуаромъ; она хочетъ воспользоваться своимъ шестимѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобъ создать новую роль въ комедіи, которую написалъ для нея Эмиль Ожье, и которая уже разучивается. Эта комедія называется «*Дианою*» и заимствована изъ временъ кардинала Ришелье.

Дирекція обѣщаетъ еще правоописательную комедію г. Леона Мальфиля и античную комедію Понсара, которой героемъ будетъ Улиссъ, представитель юмора у древнихъ грековъ. Комедія Понсара пойдетъ уже по отъѣздѣ г-жи Рашель, то есть, въ концѣ весны; въ ней будутъ хоры, которые пишетъ г. Гунд, авторъ «*Сафо*».

Въ ожиданіи этихъ будущихъ благъ, дается съ успѣхомъ невинная пословица г-жи Каролины Бертонъ: «*Супружеская дипломатія*» (*la diplomatie en ménage*). Г-жа Бертонъ предлагаетъ женамъ средство удерживать сердца непостоянныхъ мужей, которые начинаютъ ихъ немножко забывать, средство, въ дѣйствительности котораго мы не сомнѣваемся, но которое вовсе не ново и не стоило того, чтобы для него писать пьесу, хотя бы даже пословицу, въ одномъ дѣйствіи. Мосье де-

Понжъ, образецъ такихъ забывчивыхъ мужей, полагаетъ охраненіе супружескаго счастія въ одномъ только строгомъ соблюденіи правъ, постановленныхъ гражданскимъ уложеніемъ, въ статьѣ о бракѣ, и не догадывается, что его жена, Лаура, — образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, на которой любовь и ласка дѣйствуютъ несравненно болѣе власти. Мадамъ Рено, пріятельница Лауры, негодуя на неблагодарность де-Понжа, учитъ его жену своей дипломатіи, совѣтуетъ ей прибѣгнуть къ ухищреніямъ для поддержанія его любви, возбуждать его ревность, кокетничать, и прочая. Но Лаура не соглашается на притворство; у нея своя система: она только усиливаетъ свои заботы о мужѣ, свои ласки, свои изъявленія кроткой и покорной любви. Результатъ показываетъ, что она не ошиблась въ расчетѣ: тронутый ея любовью, мужъ раскаявается въ своихъ продѣлкахъ и предоставляетъ друзьямъ кутить безъ него. Прекрасная игра Мальяра и г-жъ Алланъ и Денень, доставила этой ничтожной пьескѣ нѣчто въ родѣ успѣха.

Соединенныя труппы Французскаго-Театра и Большой-Оперы давали недавно очень занимательное представленіе, въ пользу пенсіоннаго капитала, Мольерова «*Мъщанина во дворянствѣ*», съ музыкальными и хореграфическими интермедіями и съ турецкою церемоніею, которыми эта комедія сопровождалась при самомъ Мольерѣ, на дворцовомъ театрѣ, въ Шамборѣ. Опера вырыта изъ своего архива, по этому случаю, музыку, написанную для этихъ интермедій знаменитымъ Люлли, отцомъ французской оперы. Очень любопытно было слушать эту простую, младенческую музыку, акомпанированную однимъ квартетомъ, и сравнивать ее съ новою, набранною изъ разныхъ оперъ для нѣкоторыхъ балетовъ, или съ варіаціями Роде, которыя мастерски исполнила г-жа Лабордъ.

На театрѣ Одеона ни одной новой пьесы. Возобновлена только старинная комедія Дювала «*La tapisserie*,» написанная, сколько намъ помнится, въ 1804 году, и принадлежащая къ слабѣйшимъ произведеніямъ этого остроумнаго писателя.

Въ Драматической-Гимназіи идетъ очень миленькая пьеска г. Эрнеста Серрэ, «*Колебанія Розетты*,» (*Les incertitudes de Rosette*). Къ барону де-Брётелю, въ одно прекрасное утро, привезли изъ института племянницу, хорошенькую восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, сироту, съ очень недурнымъ приданымъ. Племянница и невѣста — это самое ужасное бремя для стараго холостяка: для нея онъ долженъ измѣнить образъ жизни, отказаться отъ многихъ прежнихъ знакомствъ; однимъ словомъ, нѣтъ конца жертвамъ, которыя онъ долженъ принести своей питолицѣ. Поэтому не удивительно, что съ пріѣзда Розетты, у барона одна мысль, одно желаніе, скорѣе сбыть ее съ рукъ, выдавъ замужъ. Исполненіе его желанія не представляетъ, повидимому, никакихъ трудностей; женихи есть: мосьё Рауль, мосьё Леонъ, мосьё Октавъ ждуть рѣшенія своей участи; стоитъ только выбрать. Тутъ — то и затрудненіе! Розетта никакъ не можетъ рѣшиться на выборъ: мосьё Октавъ вѣчно печаленъ, мосьё Леонъ безпрестанно шутитъ и смѣется, мосьё Рауль всегда погруженъ въ сочи-

неніе сонетовъ элегій. Баронъ даетъ племянницѣ срокъ на размышленіе; срокъ проходитъ, она все еще не рѣшилась, и по прежнему отдѣляется отъ настояннй дяди шутками и остротами. Баронъ въ отчаяніи: онъ собирается въ Италію съ какою-то кокеткою баронессою, но не можетъ уѣхать, пока не пристроитъ Розетты. Наконецъ ему приходитъ въ голову счастливая мысль: всѣ женихи на лицо, — не бросить ли жребій, кому изъ нихъ быть мужемъ нерѣшительной невѣсты? Мосьё Рауль и мосьё Леонъ съ радостью принимаютъ предложеніе; но мосьё Октавъ отказывается на отрѣзъ; онъ не хочетъ быть мужемъ Розетты, если будетъ обязанъ этимъ счастіемъ жребію, а не ея любви. Вы правы, отвѣчаетъ дѣвушка, подавая ему руку. Отвѣтъ Октава прекратилъ ея колебанія. Баронъ внѣ себя отъ радости, что наконецъ свалилъ камень съ плечъ. Мосьё Леонъ утѣшается калямбуromъ, а мосьё Рауль придумываетъ слезливую элегію.

Если г-жа Каролина Бертонъ, на Французскомъ-Театрѣ, учитъ женъ приводить въ покорность отбившихся отъ рукъ супруговъ, то г. Баяръ, съ своей стороны, въ Драматической-Гимназіи, предлагаетъ мужьямъ средство спокойно владѣть сердцами своихъ дражайшихъ половиць и устранять ихъ обожателей. По названію «*Синей-Бороды*,» которое г. Баяръ далъ своему водевилю и по первымъ его сценамъ, можно бы подумать, что это средство отчаянное, кровавое; но на повѣрку выходитъ, что оно страшно только для кармана мужа, тѣмъ болѣе, что когда оно огласится, обожатели, пожалуй, будутъ расти какъ грибы. Мосьё Манвиль ужасный человекъ; стоитъ только взглянуть на его грозные усы, на его застегнутый до горла фракъ, на шпаги, палаши и пистолеты, украшающіе его кабинетъ, чтобы убѣдиться, что съ нимъ шутить опасно. Впрочемъ, онъ грозенъ только для обожателей жены; для своей же милой Маргариты онъ кротокъ, какъ овечка; онъ такъ милъ, такъ любезенъ, такъ внимателенъ къ ней, что она его даже полюбила бы, еслибъ только не боялась его. Но ее беретъ страхъ и ужасъ, когда она только подумаетъ, чего стоилъ одинъ привѣтливый взглядъ ея бѣдному Бергалю, или несчастному Шамберлану, — или этому почти ребенку Шарлю! Убилъ всѣхъ, зарѣзалъ въ этой таинственной комнатѣ, въ которую онъ запретилъ ей входить подл страхомъ смерти! — «Ужасно! восклицаетъ ея пріятельница Леонида, молодая вдова, ненавидящая всю мужскую породу; — онъ не человекъ, а извергъ! Синяя-Борода, да и только!» И молодыя женщины, дрожа отъ страха, не могутъ, однако, устоять противъ искушенія любопытства и прикладываютъ глаза къ замочной щелкѣ, чтобы посмотреть въ завѣтную комнату; кровь, мертвое тѣло, и невѣсть какіе еще ужасы представляются имъ со страху! Между тѣмъ дверь, кабинета отворяется, и изъ него выходитъ — кто? — Бергалю, полный и здоровый, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, а за нимъ и Шамберланъ. Маргарита и Леонида вскрикиваютъ отъ ужаса; но неожиданные гости успокаиваютъ ихъ и открываютъ хитрость лицемѣра Манвиля. Выходитъ, что онъ добрѣйшій изъ людей и никогда не думалъ убивать обожателей жены, а только удаляетъ ихъ отъ нея, принимаетъ подл свое покров-

вительство, помогаетъ имъ, хлопочеть за нихъ, выводитъ ихъ въ люди: одному доставилъ хорошее мѣсто, другаго произвелъ въ полковники. Манвилъ хохочеть и отказывается на будущее время отъ роли Синей-Бороды, которая уже бесполезна, потому-что онъ уснѣлъ отучить жену отъ кокетства.

Съ нѣкотораго времени музыка въ большомъ ходу на мелкихъ театрахъ; водевилъ пускается въ состязаніе съ опереткою, не довольствуется уже куплетцами, спѣтыми съ грѣхомъ пополамъ, а гоняется за бравурными аріями, со всѣми хитростями вокализаціи, за дуэтами, квартетами и большими финалами. Къ этому роду принадлежитъ новый водевилъ гг. Сентъ-Илера и Бордые, данный на театрѣ Водевиля, подъ названіемъ «Черкешенки». Казарелли — непонятый геній. Когда-то онъ написалъ геніальное произведеніе, дивную оперу «Черкешенку»; которая должна была прославить его имя на весь міръ, тѣмъ болѣе, что любимица публики, синьора Стелла, приняла подъ свое покровительство и композитора, и его твореніе. Но Стелла умерла, партитура брошена въ театральнй архивъ и забыта, а Казарелли не могъ выдержать двойнаго удара—утраты любимой женщины и всѣхъ своихъ надеждъ; онъ помѣшался. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двадцать. Казарелли живетъ въ лачугѣ и сочиняетъ мотеты, которые погибнуть въ безвѣстности. Однажды случай приводитъ къ нему молодую дѣвушку, живой портретъ Стеллы, которая умоляетъ его защитить ее отъ преслѣдованій одного негодяя. Это—дочь Стеллы, также Стелла, преемница таланта и славы своей матери. Казарелли хочетъ дать ей хранящійся у него на память костюмъ черкешенки, чтобы она могла въ этомъ нарядѣ скрыться отъ преслѣдователя; вмѣстѣ съ костюмомъ сохраняется портретъ незабвенной пѣвицы и партитура. Стелла узнаетъ портретъ матери, припоминаетъ исторію Казарелли, и рѣшается возвратитъ счастье и разсудокъ бѣдному композитору; поетъ лучшія аріи изъ его оперы, напоминаетъ ему счастливые дни его молодости и наконецъ уговариваетъ ѣхать съ нею въ Неаполь, чтобы поставить тамъ для нея «Черкешенку».

Другая пьеса Водевиля держится только игрою талантливой г-жи Дежазэ. Это «Сны Матеуса», водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Мелесвиля и Кармуша. Авторы воображаютъ, что придумали необыкновенно оригинальную вещь, представивъ на сценѣ сны своего героя. Матеусъ, молодой кутила, употребляетъ всѣ средства, чтобы поскорѣе спустить милліоны, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца; въ этомъ ему очень усердно помогаетъ хорошенькая танцовщица, Октавія. Тщетно старый управитель, Бертольдъ, старается образумить повѣсу; тотъ прогоняетъ докучливаго старика. Габріель, воспитанница его отца, также старается открыть ему глаза на счетъ пріятели его Леонида, одно слово Октавіи уничтожаетъ всѣ подозрѣнія. Матеусъ кутитъ, пьетъ, играетъ, проигрываетъ огромныя деньги Леониду, и собирается жениться на танцовщицѣ. Габріель уѣзжаетъ, чтобы не быть свидѣтельницею этой безразсудной свадьбы. Проигравшись влухъ, Матеусъ засыпаетъ на софѣ и видитъ сонъ слѣдующаго содер-

жанія. Онъ на театрѣ, въ репетиціи балета «Актеонъ». Габріель, появившись въ танцовщицы, открываетъ ему продѣлки Октавіи. Самъ Матеусъ играетъ роль Актеона и украшенъ оленьей головою; Октавія, принимая его за Леонида, говоритъ ему любезности; является самъ Леонидъ, также Актеономъ и также съ оленьей головою; ревность, ссора, разные чудеса, театръ горитъ! .... Матеусъ просыпается и бѣжитъ къ танцовщицѣ подписать брачный контрактъ. Но какимъ-то непонятнымъ образомъ онъ узнаетъ, что невѣста его обманываетъ; онъ бросаетъ обманщицу, бѣжитъ отъ нея; на лѣстницѣ его схватываетъ кредиторъ, очень вѣжливо усаживаетъ въ карету и везетъ въ долговую тюрьму. Прошло три мѣсяца. Матеусъ, освобожденный изъ тюрьмы, идетъ пѣшкомъ въ Любекъ получить отъ банкира послѣднія свои деньги. На пути онъ встрѣчаетъ въ одной деревнѣ Габріель, которая выходитъ замужъ за трактирщика Гонихберга, чтобы заплатить долги старухи-матери. Трактирщикъ считаетъ себя вдовцомъ, но Матеусъ открываетъ ему, что жена его жива. Свадьба разстроена; мать Габріели останется безъ помощи, если Матеусъ не удѣлитъ ей чего-нибудь изъ ста-тысячь гульденовъ, которые ему остается получить отъ банкира. Увы! этой суммы давно уже нѣтъ; онъ проигралъ ее Леониду, который успѣшилъ представить билеты и взять деньги. Матеусъ принужденъ поступить въ услуженіе къ Гонихбергу. Ему отводятъ ночлегъ въ разрушенномъ замкѣ, котораго покойный владѣтель бродитъ по ночамъ по пустымъ комнатамъ и душитъ cadaго, кто ступитъ ногой въ его владѣнія. Второй сонъ: Матеусу является привидѣніе; это Бертольдъ, который объявляетъ ему, что отецъ его зарылъ кладъ. Потомъ является ему трактирщикъ въ видѣ летучей мыши, и разные духи, даже и добрые, въ которыхъ онъ узнаетъ Октавію, Леонида и Габріель. Когда онъ просыпается, Бертольдъ дѣйствительно приходитъ къ нему и отдаетъ новое богатство, которое предусмотрительный отецъ поручилъ управителю хранить на черный день. Повѣса исправляется и женится на Габріели.

Знаменитая «*черная Малибранъ*», о которой такъ много толковали въ газетахъ, и которая въ прошломъ году потерпѣла такое поражение на сценѣ Большой-Оперы, перешла нынче на театръ Разнообразія. Здѣсь ей болѣе посчастливилось, вѣроятно потому, что здѣшняя публика, насмотрѣвшись на необыкновенныхъ дѣтей, великановъ и карликовъ, китайщину и прочая, вошла во вкусъ всякихъ диковинокъ. Гг. Клервилъ и Кордье тотчасъ предложили свои услуги, чтобы написать пьеску, или скорѣе программу «*Паша и негрятка*», въ которой синьора Марія Мартинесъ поетъ испанскія и креольскія пѣсни, акомпанируя себѣ на гитарѣ, которая въ рукахъ ея скребетъ дарбункою, бренчитъ гуслями, гремитъ бубнами и соединяетъ въ себѣ множество другихъ, столь же пріятныхъ инструментовъ. Синьора Мартинесъ не довольствуется прозваніемъ Черной Малибранъ; она грозитъ вступить въ состязаніе съ синьорами Педрой Камарой и Розой Эсперль, и восхитить насъ разными каталонскими, андалузскими и креольскими танцами.

Театръ Разнообразія не отстаетъ отъ своихъ сверстниковъ и въ по-

кушеніяхъ на оперетки. Гг. Комерсонъ и Ремонъ-Деландъ написали для него довольно занимательную комедійку «*Ночная расписка*» (*La quit-tance de minuit*), къ которой г. Варней сочинилъ очень хорошенькую музыку. Г-жа Госсенъ, знаменитая актриса восемнадцатаго вѣка, придумываетъ средство отучить своего жениха, мосьё Гастона, отъ ревности. Кстати, мосьё де-Коссё, мушкетерскій капитанъ, преслѣдующій ее глазками и записочками, доставляетъ ей къ тому случай: разомъ проучить и жениха и стараго волокиту. Коссё, на пріятельской попойкѣ, побился объ закладъ и далъ росписку, что онъ побѣдитъ непреклонную артистку, и не далѣе, какъ къ полночи. Хвастливый языкъ его не могъ удержаться, чтобы не навести г-жу Госсенъ на слѣдъ заговора; она соглашается на свиданіе, на которое Гастонъ, изъ ревности, посылаетъ своего стараго учителя, наряженнаго въ мушкетерскій мундиръ. Настоящій Коссё сходитса съ подложнымъ, и начинается между ними споръ, кому изъ нихъ дѣйствительно принадлежитъ имя Коссё. Чѣмъ доказать свое право? Коссё слыветъ страшнымъ обжорой; кто больше съѣсть, тотъ будетъ признанъ настоящимъ Коссё. И вотъ наши молодцы начинаютъ ѣсть; ѣдятъ, ѣдятъ, а споръ между тѣмъ не рѣшается, потому-что противники обладаютъ равными способностями. Тоже самое и въ попойкѣ. Наконецъ ихъ беретъ злость и они обнажаютъ шпаги, но и тутъ оказываются достойными соперниками: обоихъ бросаетъ въ потъ отъ одной мысли, что дѣло можетъ кончиться кровью, и оба съ восторгомъ принимаютъ предложеніе Гастона помириться. Коссё одураченъ и осмѣянъ, его расписка протестована, а Гастонъ женится на своей возлюбленной. Эта пьеска служила дебютомъ вновь ангажированной актрисѣ, обладающей такимъ голосомъ и такимъ искусствомъ въ пѣніи, какія рѣдко встрѣчаются на водевильномъ театрѣ. Это г-жа Анаида Дюэзъ, сестра пѣвицы, производящей такой фуроръ въ Национальной Оперѣ.

Но самая капитальная новость театра Разнообразія, это обзоръніе 1851 года. Оно называется «*Полюею за удовольствіемъ*» (*La course au plaisir*) и обязано своимъ существованіемъ и остроуміемъ соединеннымъ силамъ гг. Мишеля Делапорта, Теодора Мюрё и Гастона де Монто. Это забавная и колкая насмѣшка надъ великолѣпными увеселеніями, затѣвавшимися прошлымъ лѣтомъ, и преимущественно надъ злосчастною компаніею *Тридцати дней забавъ за пятнадцать франковъ*. Тутъ представлены несчастные пріобрѣтатели билетовъ, которыхъ водятъ изъ театра въ театръ, или скорѣе отъ театра къ театру, потому-что вездѣ они получаютъ отказъ, и всѣ удовольствія ихъ ограничиваются бесплатнымъ праздникомъ въ Аньерскомъ паркѣ. Наконецъ искатели удовольствій пристають съ ножомъ къ горлу къ директору, обѣщавшему насытить ихъ забавами по горло. Тутъ геній Удовольствія, сжалившись надъ обманутыми абонентами, предлагаетъ имъ свои услуги, и показываетъ имъ длинную вереницу парижскихъ забавъ и диковинъ. За тѣмъ, по обыкновенію, слѣдуютъ пародіи театральныхъ пьесъ, шутки надъ современными событіями и новостями, и прочая. Въ заключеніе на сцену выносятся колесо, мадмуазель Пажъ становится у колеса, и разыгрывается томбола, на которую билеты раздаются въ кассѣ безде-

нежно. Каждый зритель можетъ возвратиться домой съ часами, канделябрами, парюю серегъ, бонбоньеркою, или съ билетомъ на завтрашнее представленіе, которое опять сопровождается билетомъ на тамболу.

Театръ Монтансье также далъ обзорѣніе 1851 года; но оно далеко уступаетъ въ остроуміи и въ занимательности обзорѣнію театра Разнообразія. Гг. Клервиль и Дюмануаръ рассказываютъ, что старикъ Воздушный-Шаръ, страдая недугомъ скуки, объявилъ женихамъ своей дочери, что онъ отдастъ ее тому изъ нихъ, который отыщетъ ему самую потѣшную диковинку. Парашютъ и Летучій Змѣй пускаются рыскать по свѣту за диковинками и поочередно представляютъ ихъ будущему тестю; тутъ проходятъ передъ вами въ лицахъ лондонская выставка, лоттерея золотыхъ слитковъ, театры, китайцы и многое множество другихъ чудесъ. Ничто не можетъ разсѣять скуки старика. Наконецъ Парашютъ придумываетъ такую штуку: заключаетъ живую жабу въ развалившуюся стѣну, призываетъ мѣстныхъ ученыхъ, которые одногласно рѣшаютъ, что стѣна эта построена до потолка, что жаба могла быть заключена въ ней только при постройкѣ стѣны, ergo—жабы очень долговѣчны. Эта потѣха такъ нравится старику, что онъ отдаетъ дочь за Парашюта. Неумирающая жаба оказывается пуфомъ, что однако не помѣшаетъ препроводить ее въ Парижскую Академію Наукъ, которая, по этому поводу, напишетъ множество фоліантовъ, передерется и перегрызется. Пьеса называется «*Неумирающими жабами.*»

Театръ Веселости и Амбигю опять ревностно принялись за драмы. Въ этомъ мѣсяцѣ явилось ихъ три, изъ которыхъ одна, «*Упырь,*» принадлежитъ знаменитому въ этомъ дѣлѣ перу Александра Дюма и его постоянному сотруднику, Огюсту Макѣ.

Самое названіе драмы Дюма показываетъ, что это драма фантастическая. Афиша театра Амбигю, объявляя о пьесѣ, сочла долгомъ присовокупить, для поученія публики, нѣсколько пояснительныхъ строкъ, въ которыхъ излагаются мнимо-историческія свѣдѣнія о происхожденіи повѣрья объ упыряхъ и исчисляются книги, писанныя объ этой страшной легендѣ, или основанныя на ней: огромное сочиненіе донъ-Кальмета, исполненное учености и нелѣпостей; мрачная поэма, приписываемая Байрону, хотя онъ положительно отрекался отъ нея, и затѣйливая сказка Шарля Нодье. Странно только, что сочинители афиши забыли одно произведеніе, имѣющее тѣсную связь съ настоящею пьесою: драму подъ тѣмъ же названіемъ, игранную въ 1820 году на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ и принадлежавшую гг. Шарлю Нодье, Кармушу и Тейлору. Стоитъ однако только прочесть эту драму, чтобы убѣдиться, что гг. Дюма и Макѣ не рылись въ многоученомъ трудѣ донъ-Кальметы, и, можетъ быть, не читали поэмы, приписанной Байрону, а просто взяли основу этой забытой драмы, обновили и дополнили ее сообразно успѣхамъ, которые мелодраматическое искусство сдѣлало въ послѣднія тридцать лѣтъ. Но они совершенно упустили изъ виду настоящее, очень поучительное народное преданіе о вампирахъ, которое гласитъ, что убійцу не принимаетъ земля, и что онъ, мертвый, въ каждое полнолуніе, долженъ вставать изъ гро-

ба, влачить по свѣту свою тоску, угрызенія совѣсти и служить страшилищемъ для людей. Ихъ драма самое нелѣпое сплетеніе событій какой-то безсвязной сказки. Пьеса, однакоже, поставлена съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и вслѣдствіе того имѣетъ большой успѣхъ.

Г. Огюсть Маке, этотъ alter ego г. Александра Дюма, безъ котораго этотъ великій драматургъ почти не принимается за работу, какъ фокусникъ не принимается за дѣло безъ своего сообщника, началъ съ нѣкотораго времени видимо стремиться къ самостоятельности: онъ не только подписываетъ всѣ издѣлія общей фирмы, но иногда даже осмѣливается выступать одинъ. Такъ нынче онъ поставилъ на театрѣ Веселости свою драму — «*Замокъ Грансье*», въ которой не менѣе чудесъ своего рода, чѣмъ въ «*Упырь*», и которая имѣетъ такой же успѣхъ.

Пьеса эта, которую пересказывать не беремся, есть сплетеніе всѣхъ мелодраматическихъ ужасовъ и отчасти содержаніемъ своимъ сбиваетъ на *La closerie de genets*, за исключеніемъ, разумѣется, красотъ поэтическихъ пьесы Сулье. Въ сущности же, она принадлежитъ къ драмамъ школы Поля Феваля.

Нѣкоторыя черты этой натянутой, изысканной драмы, а именно характеры двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна жертвуетъ своимъ добрымъ именемъ и счастьемъ, чтобы отвести подозрѣніе отъ сестры, а другая, терзаясь сознаніемъ, что она преступна, не смѣя, однако, открыть тайны, — напоминаютъ намъ повѣсть Базанкура, которую мы читали лѣтъ двѣнадцать назадъ. Но сколько въ драмѣ все натянуто и взгромождено на ходули, столько же въ повѣсти все было просто, естественно и трогательно, именно своею простотою. Нѣтъ, мосьё Маке, какъ ни эффектны ваши сцены, и въ какое содроганіе ни приводятъ онѣ весь театръ, а повѣрьте, что ни одинъ изъ апплодирующихъ вамъ зрителей не будетъ помнить вашей драмы черезъ двѣнадцать лѣтъ, какъ многіе помнятъ повѣсть г. Базанкура! Впрочемъ, и за то спасибо г. Маке и вообще авторамъ драмъ, явившихся въ теченіе этого мѣсяца, что ихъ герои не набраны, какъ иногда бываетъ, изъ остроговъ и арестантскихъ ротъ.

«*Прядильщица*», драма гг. Жюля Барбье и Мишеля Карре (на театрѣ Веселости), есть не что иное, какъ копія съ драмы «*Женни*», игранной прошлымъ лѣтомъ у Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, но копія исправленная, измѣненная и наполненная драматическими эффектами и таинственными обстоятельствами. Самыя оригинальныя вещи въ этой драмѣ — декорація перваго и четвертаго дѣйствій, представляющая внутренность бумагопрядильной фабрики, съ паровиками, колесами, станками и всѣми принадлежностями, и сэръ Дрэкъ, иначе Дональдъ, молодецъ, который въ трезвомъ видѣ не стоитъ веревки, на которой его слѣдовало бы повѣсить, а послѣ исправной попойки дѣлается кроткимъ и добрымъ. Есть также въ драмѣ какой-то лордъ Муррей, человѣкъ весьма почтенный и благородный, что впрочемъ, не помѣшало ему когда-то, лѣтъ двадцать назадъ, слѣлать вещь, которая въ законахъ называется подлогомъ, — подмѣнить родную дочь сыномъ какой-то нищей, чтобы продолжить свой знатный родъ. Жоржъ, сынъ

нищей, взрослою наслѣдникомъ лорда, вышелъ порядочнымъ негодеемъ, и обманулъ бѣдную Бетти, работницу на фабрику, которая, видя его измѣну, съ отчаянія рѣшается лишить себя жизни, и была бы раздавлена колесомъ машины, еслибъ смотритель не поспѣшилъ выхватить ее изъ зубовъ чугунаго чудовища. Добрый квакеръ Гарриссонъ, бывшій свидѣтелемъ отчаяннаго покушенія дѣвушки, беретъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ лордъ Муррей узнаетъ въ несчастной дочь, которую онъ промѣнялъ на сына нищей. Будучи недоволенъ послѣднимъ, лордъ Муррей готовъ бы признать дочь, еслибъ только могъ удостовѣриться, что она точно его дочь. Къ несчастію, единственный человѣкъ, которому была извѣстна эта тайна, акушеръ, умеръ. Между тѣмъ Жоржъ, преслѣдуемый кредиторами, приходитъ къ мнимому отцу требовать материнскаго наслѣдства. Лордъ прогоняетъ его, открывъ ему настоящее его происхожденіе и исторію бѣдной Бетти. Жоржъ, не смотря на свое повѣсничество, сохранилъ еще нѣкоторыя благородныя чувства. Разсказъ стараго лорда такъ поразилъ его, что онъ рѣшается возвратить дѣвушкѣ права, принадлежащія ей по рожденію. Узнавъ, что Дональдъ успѣлъ выманить у покойнаго доктора свидѣтельство о совершенномъ имъ подмѣнѣ, которое Дональдъ намѣренъ, при случаѣ, продать за хорошія деньги, Жоржъ поитъ его и выманиваетъ у него даромъ роковую бумагу, которую и отсылаетъ къ лорду Муррею; самъ же надѣваетъ куртку простаго работника и поступаетъ на фабрику. Въ пятомъ дѣйствіи лордъ Муррей, Гарриссонъ и Бетти, посѣщая фабрику, встрѣчаютъ Жоржа, который совершенно исправился и слыветъ между товарищами за самаго добронравнаго, честнаго и прилежнаго работника. Само собою разумѣется, что въ награду за исправленіе, онъ получаетъ руку Бетти, которую онъ всегда любилъ, и раздѣлитъ съ нею богатство ея отца. Авторы же драмы собираютъ обильную дань рукоплесканіями и чувствительными слезами.

Говоря объ обозрѣніяхъ 1851 года, мы не упомянули объ одномъ, которое, однако, можетъ похвалиться успѣхомъ передъ всѣми своими собратіями. Что за диковина, когда много бываетъ зрителей въ театрахъ извѣстныхъ, пользующихся бѣльшею или меньшею славою, къ которымъ привыкла образованная и полуобразованная публика, на которыхъ произведенія писателей, извѣстныхъ въ литературѣ, исполняются артистами, успѣвшими уже прославить себя своими талантами? Другое дѣло, когда театръ, брошенный за предѣлы столичнаго свѣта, стоящій выше балагана потому только, что онъ каменный, а не сшитъ наскоро изъ досокъ, театръ, для котораго пишутъ, по бѣльшей части, люди полуграмотныя, вдругъ станеть привлекать весь Парижъ и самую разборчивую публику своихъ знатныхъ собратій. Такой подвигъ совершилъ театръ Petit Lazagu. Сказать вамъ, что такое этотъ театръ? Это въ своемъ родѣ курьезъ, и трудно понять, какъ онъ могъ затесаться въ Парижъ, который такъ любитъ корчить аристократа! Театръ вмѣщаетъ не болѣе шести-сотъ человѣкъ; за входъ платится четыре, шесть, восемь, до десяти су; дѣти и нижніе воинскіе чины платятъ половину. Есть, впрочемъ, ложи, въ которыхъ цѣна мѣстамъ доходитъ до пятнадцати су; свѣтъ люстры никогда не проникаетъ въ эти клѣт-

ки, которыя обычники этого театра считают весьма роскошными. Репертуаръ состоитъ изъ пьесъ, приобретаемыхъ по слѣдующему тарифу: за пьесу въ одномъ дѣйстви—десять франковъ; въ двухъ дѣйствиахъ — пятнадцать франковъ; за большую драму, отъ трехъ до пяти дѣйстви — двадцать франковъ; поснектакльной платы авторамъ здѣсь не водится. Артистамъ дѣлается расчетъ каждую недѣлю. Первые сюжеты получаютъ до двѣнадцати франковъ въ недѣлю, прочіе по десяти, по восьми, иные даже по шести. Правда, что имъ отпускаются отъ дирекціи бѣлила и румяны, а въ случаѣ надобности, даются взаимы манишки и чулки, когда роль требуетъ, чтобы эти статьи туалета были на виду. Какъ подобнымъ жалованьемъ жить въ Парижѣ мудро, то всѣ артисты имѣютъ другія занятія, частью при театрѣ, частью на сторонѣ. Напримѣръ, играющій отцевъ подметаетъ театръ и содержитъ его въ надлежащей чистотѣ; комикъ занимаетъ должность швейцара; первый любовникъ разноситъ по утрамъ газеты; актеръ, исполняющій роли злодѣевъ, исправляетъ въ тоже время разныя службы за кулисами; а главный комикъ зажигаетъ лампы. Ламповщикъ, по нашему мнѣнію, отличается талантомъ передъ всѣми своими товарищами. Артистки также занимаютъ разныя должности въ частныхъ домахъ.

Пьеса, доставившая такой необыкновенный почетъ этому театру, называется *«Возстаніе въ преисподней»* и заключается, подобно другимъ обзорѣніямъ, въ насмѣшкахъ и пародіяхъ на театры, на современные новости и ликовины; причемъ нѣтъ пощады ни другимъ ни себѣ. Авторы ея гг. Блонделе и Вине, здѣшніе Клервилли и Дюмануары, отъ которыхъ они отличаются только тѣмъ, что одною степенью перещеголяли ихъ въ неразборчивости относительно шутокъ и остротъ, и въ безграмотности. Спрашивается, чтожъ такое влечетъ публику въ этотъ балаганъ, когда есть такое множество театровъ хорошихъ и порядочныхъ? — Что? Мода: одинъ человекъ сказалъ, что надо побывать въ *Petit Lazary*, и посмотрѣть его обзорѣніе; десятеро другихъ повторили, что надо непременно побывать въ *Petit Lazary*, и вотъ, весь Парижъ ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность побывать хоть разъ въ *Petit Lazary* и посмѣяться отъ души фарсамъ ламповщика, размахиваніямъ злодѣя — разсыльнаго и нѣжностямъ любовника — разнощика газетъ.

А. Бонавентура.

II.

Америка.

ТЕАТРЫ И АКТЕРЫ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ НЬЮ-ІОРКА, отъ 15/27 января 1852.

Американцы, вообще, небольшіе охотники до общественныхъ увеселеній; дѣловая жизнь отвлекаетъ ихъ отъ удовольствій, а домашній кругъ, въ которомъ они пріятно и спокойно проводятъ вечера, въ бесѣдѣ съ пріятелями, въ чтеніи или за музыкою, достаточно удовлетворяетъ ихъ потребности отдыха послѣ дневныхъ трудовъ.

Если американцу и вздумается иногда принять участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, онъ обыкновенно отправляется въ концертъ, или ведетъ семейство въ музей; въ театръ же не завернетъ почти никогда. Принявъ въ соображеніе состояніе здѣшнихъ театровъ, нельзя, пожалуй, обвинять американцевъ за равнодушіе къ нимъ, тѣмъ болѣе, что равнодушіе это объясняется отчасти существованіемъ здѣсь множества строгихъ протестантскихъ сектъ, которыя считаютъ драматическія представленія дѣломъ, противнымъ религіи, а посѣщеніе ихъ — страшнымъ грѣхомъ, и ни за какія блага въ мірѣ не примутъ его на свою душу. Какъ женщины вообще строже мужчинъ придерживаются всякихъ предразсудковъ, то само собою разумѣется, что женщинъ очень рѣдко можно, повстрѣчать въ театрѣ. Впрочемъ, посѣщеніе театровъ неизбежно подвергаетъ и мужчинъ нареканіямъ благочестивыхъ людей. Поэтому, въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть театры, публика ихъ состоитъ почти исключительно изъ иностранцевъ и путешественниковъ, которые, не имѣя обширнаго знакомства, могутъ удовлетворить своему любопытству, не обративъ на себя вниманія.

Не смотря однако на отсутствіе всякаго поощренія и поддержки со стороны природныхъ американцевъ и поселившихся на постоянное житіе иностранцевъ, въ большихъ городахъ есть театры. Въ Нью-Іоркѣ, на примѣръ, пять театровъ; въ Филадельфіи—три; въ Бостонѣ—два; въ Новомъ-Орлеанѣ два англійскихъ и одинъ французскій, на которомъ довольно удовлетворительно исполняются большія оперы; въ Балтиморѣ одинъ; въ Синсинати—одинъ.—Былъ прежде театръ и въ Вашингтонѣ, но онъ сгорѣлъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ еще не возобновленъ.

Изъ всего сказаннаго необходимо слѣдуетъ заключить, что американскіе театры очень далеки еще отъ той степени совершенства, на которой они находятся въ большихъ городахъ Европы. Самыя зданія нѣрѣдко обширны, красивы и хорошо устроены, но наполняющая ихъ публика вовсе не отборная. Партеръ постоянно служитъ мѣстомъ сборища подмастерьямъ, разнощикамъ газетъ (newsboys) и всякаго рода

молодцамъ, всегда готовымъ пошумѣть, подурачиться, при случаѣ и подрагаться; ложи перваго и втораго яруса довольно благовидны и приличны, но въ третій ярусъ, the third tier, ни одна приличная дама не ходитъ.

Очень понятно, что такое общество не имѣетъ ничего особенно привлекательнаго для образованнаго и нравственнаго человѣка, а тѣмъ мене для отца семейства; и какъ при этомъ театрѣ, если хочетъ дѣлать порядочные сборы, долженъ въ выборѣ пьесъ принаровляться къ понятіямъ и вкусу большинства публики, то, естественно, здѣшніе театры вовсе не соотвѣтствуютъ своему настоящему назначенію — развивать въ человѣкѣ нравственныя и эстетическія начала.

Оркестръ обыкновенно крайне малочисленъ; впрочемъ, въ Нью-Йоркѣ и въ Новомъ-Орлеанѣ, куда пріѣзжаетъ множество европейскихъ музыкантовъ, онъ сносенъ; освѣщеніе, декорации, особенно же машины, вездѣ очень хороши. Что касается, наконецъ, главной принадлежности театра, актеровъ, то и объ нихъ, конечно, нельзя сказать много хорошаго, потому-что въ представленіи обыкновенно участвуетъ *свѣтила* (star), то-есть, пріѣзжіи артисты или артистка, изъ Англіи или изъ другихъ американскихъ городовъ, дающіе проѣздомъ нѣсколько представлений, и нѣсколько stock-actors, постоянныхъ, ангажированныхъ актеровъ; остальное набирается на улицѣ.

Когда принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя и винить образованную часть народонаселенія за то, что она не жалуется театру и старается устраняться отъ него.

Это, впрочемъ, одно общее сужденіе, изъ котораго есть исключенія. Отъ времени до времени бывають представленія, на которыя стоитъ ходить и которыхъ не боятся даже самые степенные люди, потому-что въ такихъ случаяхъ цѣна мѣстамъ назначается такая высокая, что молодежь, страстная, здѣсь, какъ и вездѣ, къ удовольствіямъ, но рѣдко располагающая большими средствами, въ эти дни должна отказываться отъ театра. Вообще, должно замѣтить также, что въ последнее время начали помышлять объ устраненіи показанныхъ выше злоупотребленій и объ улучшеніи театровъ, какъ въ отношеніи искусства, такъ и въ отношеніи публики.

Бывали въ Америкѣ и свои природные артисты, даже трагики, которые имѣли успѣхъ и въ Англіи. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый Форрестъ, который мнѣ, однако, никогда не нравился, потому-что онъ, по примѣру всѣхъ почти англійскихъ актеровъ, всегда преувеличивалъ характеры. Впрочемъ, этому именно недостатку онъ и обязанъ восторгами и любовью публики и богатствомъ, которое онъ скопилъ въ очень короткое время.

Что касается англійской комедіи, она по большей части тяжела, скучна и переполнена неестественными, натянутыми островами. Мѣстные фарсы врацаются обыкновенно въ нижнихъ слояхъ населенія и по отдѣлкѣ также грубы, какъ народъ, который въ нихъ изображается. Въ нихъ вы непременно встрѣтите нѣсколько безсмѣнныхъ типовъ, олицетворенія разныхъ народностей, съ данными имъ кличками: это

Янки—американецъ, Джонъ-Буль—англичанинъ, Дѣчменъ (the Dutchman) — нѣмецъ и Парлёву — французъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ фарсъ и которые всегда являются въ одномъ и томъ же стереотипномъ видѣ и подають поводъ къ однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ остроумамъ. Пѣсни и куплеты, которые должны непремѣнно находиться въ каждой пьесѣ, чтобы прерывать однообразіе разговора, пересыпаны очень крупными остроумами и двусмысленностями; въ отношеніи же напѣва они не заслуживаютъ ни малѣйшаго упоминанія.

Хорошіе танцоры и танцовщицы, не смотря на обвиненіе въ чрезмѣрной чинности, вводимое на американцевъ не совсѣмъ безъ основанія, всегда возвращались отсюда въ Европу съ огромными барышами, чему самымъ разительнымъ примѣромъ можетъ служить Фанни Эльслеръ. Точно при оцѣнкѣ ея триумфовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, энтузіазмъ, съ которымъ, въ Балтиморѣ, на примѣръ, молодые люди везли ее на рукахъ изъ театра до ея квартиры, должно приписать не американцамъ, а европейцамъ и преимущественно нѣмцамъ, служащимъ въ купеческихъ конторахъ. Впрочемъ, такія корифейки танцевальнаго искусства, будь онѣ нѣмки, французенки или китайки, всегда будутъ нравиться здѣсь, какъ и повсюду, особенно если прелесть граціи и пріятной наружности соединяются въ нихъ съ очарованіемъ искусства. Г-жа Вейсъ, изъ Вѣны, съ своими сорока дѣтьми, — не родными, а ангажированными, также имѣла здѣсь большой успѣхъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ своего пребыванія приобрѣла очень хорошія денежки.

Въ Нью-Йоркѣ были дѣланы попытки учредить нѣмецкій театръ, преимущественно оперу; но эти попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Бѣдные спекулянты не имѣли ни способностей, ни даже матеріальныхъ средствъ, потребныхъ для устройства сколько-нибудь порядочнаго театра. Масса американцевъ не знаетъ ни слова по-нѣмецки; а человѣкъ образованный, въ которомъ можно предполагать знаніе иностранныхъ языковъ, не станетъ ходить въ нѣмецкій театръ, потому-что онъ и въ англійскій не ходитъ. Французскіе водевили и пантомимы, напротивъ того, принимаются здѣсь какъ нельзя лучше.

Говорятъ, однако, что есть довольно не дурной нѣмецкій театръ въ Синсинати, и что ему везетъ довольно порядочно; въ немъ даются представленія ежедневно, а по воскресеньямъ исполняются и музыкальныя сцены.

Н. Л.

СМѢСЬ.

СТАБАТ МАТЕР.

Образъ Пресвятой Дѣвы и божественныя преданія о ея жизни имѣютъ большое вліяніе на развитіе всѣхъ искусствъ и въ особенности на развитіе музыки. Церковный гимнъ *Stabat mater* былъ часто переводимъ на языкъ звуковъ. Упомянемъ прежде всего о мелодіи римскаго церковнаго пѣнія, характера благочестиваго и строгаго, которая должна была явиться немного спустя послѣ словъ Якопопа, если бы только можно было опредѣлить время многочисленныхъ мелодій, которыя составляютъ церковное пѣніе. Между произведеніями искусства, которыя съ величайшимъ успѣхомъ передали горестъ Пресвятой Дѣвы, прежде всего надо поставить *Stabat* Палестрины, потомъ Перголезе, котораго всѣ слышали, далѣе Асторей, сочинителя сицилійскаго и современника Перголезе и наконецъ, въ наше время, *Stabat* Россини, гимнъ, который былъ часто исполняемъ въ Парижѣ. Въ этихъ четырехъ, нами упомянутыхъ сочиненіяхъ, по преимуществу ихъ надъ другими, менѣе извѣстными, находятъ не только характеръ, особенный у каждаго сочинителя, но также черты различныхъ переворотовъ, которые испытали музыкальное искусство и религиозное чувство.

Stabat Палестрины, сочиненный во второй половинѣ XVI столѣтія, есть произведеніе въ двухъ хорахъ, въ четырехъ частяхъ и безъ акомпанемана. Два хора чередуются между собою: каждый поетъ отдѣльную строфу, потомъ хоры соединяются, какъ въ срединѣ этого произведенія, такъ и въ концѣ послѣдней строфы, чтобъ извѣстнымъ пассажамъ дать болѣе звучности и полноты. Общій характеръ *Stabat* Палестрины—самоотверженіе, тихая и нѣжная горестъ.

Каждая строфа передана однимъ и тѣмъ же образомъ, съ одними и тѣми же модуляціями въ тонахъ, изъ которыхъ самая замѣчательная—неожиданная перемѣна тона въ концѣ каждой строфы и въ финальномъ кадансѣ. Музыкальное искусство не позволяло тогда Палестринѣ слѣдовать за словами и передать съ болѣею точностью различныя эпизоды этой драмы, представлявшей горестъ Божественной Матери. Вы-

раженіе *Stabat* Перголезе можно сравнить съ изображеніями Перуджино, нѣжнымъ и пріятнымъ линіямъ котораго не доставало между тѣмъ движенія и воодушевленія. Безсмертный ученикъ Перуджино — Рафаэль, умѣлъ въ образѣ Пресвятой Дѣвы Маріи представить прелесть и горестъ.

Stabat Перголезе выше той же пѣсни Палестрины разнообразіемъ и глубиною звуковъ. Мы ничего въ мірѣ не знаемъ, кромѣ *Ave verum* Моцарта, что можно бы было сравнить съ музыкальнымъ произведеніемъ въ два голоса, которое Перголезе сочинилъ на эти простыя слова:

*Stabat mater dolorosa
Juxta crucem lacrimosa
Dum peudebat filius!*

Хроматическія ноты, которыя падаютъ какъ сильныя слезы, вынужденныя горестью,

Quando corpus morietur...

заставляютъ васъ трепетать. Вторая строфа менѣе удачна, нежели первая; но третья, составленная для двухъ одинаковыхъ голосовъ, достойна перваго произведенія, точно также, какъ и предпоследняя, пѣснь:

*Quando corpus morietur
Fas ut animae donetur.*

Эта пѣснь составляетъ превосходный дуэтъ. Согласимся однакожъ, что, исключая вышеприведенныхъ строкъ, сочиненіе Перголезе не удовлетворяетъ совершенно строгому и разборчивому сужденію. Тамъ истинно выражено только умиленіе души, горести *Spusimo* Маріи. Всѣ же другіе эпизоды божественной страдальницы представлены несовершенно. Языку Перголезе недостаетъ также разнообразія; очень часто подвергается онъ закону внутреннихъ элементовъ сочиненія и приемамъ, приличнымъ этому случаю; его языкъ богатъ ритмами и стереотипными фразами, и Перголезе обращаетъ вниманіе на впечатлѣніе, ими производимое; онъ употребляетъ во зло *синкопу* и хроматическую гамму; однимъ словомъ, Перголезе, умершій въ первой половинѣ XVIII столѣтія, еще не владѣетъ орудіемъ, довольно сильнымъ для того, чтобы выражать съ разнообразіемъ и глубиною всѣ отголоски религіозной горести, и, если произведеніе неаполитанскаго сочинителя производитъ сильное движеніе, то оно не имѣетъ тихаго и таинственнаго величія произведенія Палестрины.

Stabat Россини есть произведеніе безконечно болѣе многосложное, нежели Перголезе и Палестрины. Тамъ находятъ все богатство новаго искусства: оркестръ, хоры, цѣлыя мѣста (*troupeaux d'ensemble*), арии, дуэты и употребленіе различныхъ родовъ голоса. Это сочиненіе, чрезвычайно замѣчательное, имѣетъ всѣ соразмѣрности истинной ораторіи.

Слушая эту блестящую музыку, написанную рукою гения, чувствуешь, однакожъ, что здѣсь недостаетъ религіознаго движенія. Религіозная музыка — родъ самый трудный, достичь котораго можетъ только

великій артистъ: впрочемъ недостаточно обладать всѣми источниками искусства и даже быть первокласснымъ гениемъ, чтобы достойно воспѣвать предметы религіозныя.

Бетховенъ успѣлъ не болѣе Россини, и ораторія перваго, *Христосъ на Масличной горѣ* даже ниже *Stabat* втораго. Нѣтъ, религіозная музыка не выдумывается: ее чувствуютъ. Счастливы тотъ гений, который является во-время, и который соединяетъ, подобно Моцарту, самыя высокія способности съ душою христіанина, благочестивою и нѣжною! Палестрина и Моцартъ—музыканты на двухъ противоположныхъ точкахъ горизонта; они всего болѣе успѣли въ томъ, чтобы передать на таинственный языкъ серафимовъ горести Иисуса и Пресвятой Дѣвы Маріи.

О ЛЕТАНІИ ПТИЦЪ.

Изъ теоріи и наблюденій Левальяна.

Летаніе птицъ — какъ извѣстно — зависитъ отъ двухъ условій: способности держаться въ воздухѣ и возможности двигаться въ немъ. Это двоякое дѣйствіе зависитъ отъ устройства ихъ крыла и хвоста, что, между прочимъ, не мѣшаетъ знать лицамъ, старающимся въ новѣйшее время открыть правильное управленіе воздушными шарами.

Говоря собственно о птицѣ, надобно замѣтить, что къ самому концу ея переднихъ членовъ прикрѣпленъ рядъ перьевъ, которыми она, такъ сказать, правитъ, и которыя въ высшей степени соединяютъ въ себѣ и противудѣйствіе, и легкость. Отъ спинной кости идетъ рядъ бородокъ, которыя соединяются между собою шероховатостями передняго и задняго края; но вверху и внизу бородки пера совершенно гладки и какъ-будто вылощены; они гораздо длиннѣе къ внутренней и задней сторонѣ, такъ-что, когда крыло растянато, то эти бородки касаются одиѣ другихъ, сопротивляясь тѣмъ самымъ напору воздуха сверху. Когда же крыло поднимается, то движеніе перьевъ происходитъ совершенно другимъ порядкомъ: бородки внѣшняго края большихъ перьевъ, не будучи такъ длинны и потому не опираясь на сосѣдней кости, — сгибаются подъ давленіемъ воздуха и такимъ образомъ пропускаютъ его. Значитъ, что крыло, дѣйствуя сверху, находитъ точку опоры въ воздухѣ, находящемся подъ нимъ. Этого бы не вышло, если бы оно дѣйствовало снизу. Для того Левальянъ произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ взялъ лас-

точку, перемѣнилъ расположеніе перьевъ въ ея крыльяхъ и, держа ихъ въ точно такомъ порядкѣ посредствомъ нѣсколькихъ нитей, пустилъ птицу: вмѣсто того, чтобы летѣть, она, при всякой попыткѣ къ тому, падала на землю.

Извѣстно, что тѣло птицы представляетъ собою эллипсоидъ, неровности котораго, способныя сопротивляться воздуху, сглажены перьями, мягкими и легкими, и благодаря такому устройству, птица легко держится на воздухѣ, потому-что вытѣсняетъ его соразмѣрно своей тяжести, подобно тому, какъ, на примѣръ въ физикѣ, всякое тѣло плавающее, выдавливаетъ массу воды или воздуха по мѣрѣ своей тяжести. Цапли, на примѣръ, летающія иначе, какъ согнувъ шею, имѣютъ при началѣ спины двойной рядъ длинныхъ и узкихъ перьевъ, которыя отдѣляются, когда птица летитъ, и эти перья касаются шеи; потомъ они ее покрываютъ и совершенно завертываютъ. Но птицы хищныя дѣйствуютъ не такъ: онѣ прячутъ подъ брюхо свои когти и даже добычу, которая такимъ образомъ гораздо менѣе затрудняетъ ихъ полетъ. Если добыча велика, то полетъ бываетъ тяжелъ и медленъ. Любопытно видѣть, какъ хорошо защищены плечи шейными перьями у всѣхъ птицъ — нырковъ, или у птицъ, быстро летающихъ. Напротивъ, у тѣхъ, которыя летаютъ не такъ быстро, какъ на примѣръ страусъ, шея ничѣмъ не защищена; она выходитъ прямымъ угломъ между плечами. Что касается до хвоста — весьма, впрочемъ, важнаго снаряда при летаніи — то извѣстно, что онъ устроенъ такъ, чтобы дѣйствовать на воздухѣ сверху, подобно крыльямъ, но отнюдь не снизу. Такимъ образомъ очевидно, что летаніе производится двумя способами: во-первыхъ, механизмомъ, похожимъ на механизмъ бумажнаго змѣя, у большихъ птицъ, которыхъ Левальянъ назвалъ парусниками (*voiliers*), и во-вторыхъ, механизмомъ, на подобіе гребли, у птицъ, которыя, вслѣдствіе такого дѣйствія, извѣстны подъ именемъ гребцовъ.

Орелъ, кондоръ, гипастъ — это парусники — имѣютъ обыкновеніе садиться на вершинѣ скалъ; они распростираютъ свои огромныя крылья противъ вѣтра, что и даетъ имъ возможность легко подниматься. Такое подниманіе похоже на подниманіе бумажнаго змѣя, но змѣй управляется посредствомъ шурка и, оборвавшись, разумѣется, теряетъ точку опоры. Какимъ же образомъ гипастъ, которымъ ни сколько не управляетъ какой-нибудь шурокъ, — можетъ подняться и двигаться противъ вѣтра, вовсе притомъ не ударяя крыльями? Вотъ что рассказываетъ на этомъ счетѣ господинъ Левальянъ. Около Константины есть огромный оврагъ, наполняющійся большими хищными птицами. Скрывшись въ немъ такъ, чтобы не быть замѣченнымъ, онъ сталъ изучать летаніе гипастовъ. Въ своемъ убѣжищѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Часто эти большія птицы касались до него своими огромными крыльями, и онъ наслаждался тѣмъ, что видѣлъ ихъ ловкіе маневры, въ особенности, когда птицы перелетали изъ спокойной середины къ слишкомъ быстрому потоку, направляя свой полетъ черезъ водоворотъ, или презирая бури. Иногда казалось, что птица дрожитъ, что она въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но это было, просто, об-

манъ зрѣнія; Левальянъ ясно видѣлъ, какъ гипастъ, съ рстянутыми, неподвижными крыльями, чесалъ себѣ лапою шею; а между тѣмъ движенія его не прерывались. Гипастъ безпрестанно двигался впередъ, и все-таки не ударялъ крыльями. Этотъ фактъ, кажущійся необыкновеннымъ, очень просто объясняется Левальяномъ. Сила, противодѣйствующая вѣтру, извлекается изъ самаго вѣтра. Когда гипастъ ударяетъ крыльями снизу, — онъ встрѣчаетъ рядъ маленькихъ желобинокъ, образовавшихся изъ бородокъ перьевъ. Эти желобинки направлены извнѣ и стремятся, съ помощью вогнутой формы крыльевъ, направить весь потокъ воздуха къ хвосту, гдѣ воздухъ принимаетъ достаточную быстроту для произведенія у названныхъ нами парусниковъ — и даже въ тихую погоду — довольно сильнѣйшій шумъ. Потокъ воздуха, высвободившійся внезапно отъ давленія тѣла, быстро движется; это движеніе, встрѣчая наклонную плоскость, заключающуюся собственно въ хвостѣ, принимаетъ, поэтому, необходимую точку опоры и производитъ давленіе, которому легкое трѣніе, происходящее отъ движенія воздуха впередъ, не могло бы доставить равновѣсія!

Вотъ какимъ образомъ гипастъ поднимается и двигается противъ вѣтра, не ударяя, какъ выше сказано, крыльями. Но это преимущество влечетъ за собою слѣдующую невыгоду: парусники могутъ летать только противъ вѣтра. Не пользуясь удобствомъ гребли, они не могли бы пріобрѣсти довольно значительной скорости въ сравненіи съ напирющимъ на нихъ вѣтромъ, и въ этомъ опасномъ положеніи были бы сброшены на землю.

Эти наблюденія послужили Левальяну въ пользу на охотѣ, и когда онъ видѣлъ, что орелъ или коршунъ сѣли на развалинахъ или на скалахъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, — онъ былъ увѣренъ, что могъ поймать ихъ, падая на нихъ только сверху, по теченію воздуха, и тогда орелъ и коршунъ улетали; въ противномъ случаѣ — то есть при теченіи воздуха противъ полета птицы, — господинъ Левальянъ заряжалъ ружье снова и, конечно, не давалъ промаха.

Такимъ именно образомъ былъ пойманъ орелъ Велизаріи, въ равнинахъ Гельмы. Онъ находится теперь въ музеумѣ, въ Парижѣ.

За тѣмъ, мы обращаемся къ птицамъ-гребцамъ.

Ихъ крылья, несравненно мѣньшія, нежели у парусниковъ, позволяютъ имъ держаться въ воздухѣ подлѣ условіемъ — почти постоянно гребти; но удареніе крыльями не служитъ имъ собственно для того, чтобы подниматься; напротивъ, они, разсѣкая воздухъ въ разныхъ направленіяхъ, производятъ тѣмъ движеніе, быстрота котораго можетъ равняться двадцати-пяти метрамъ въ секунду и болѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что птица-гребецъ не должна постоянно поднимать голову противъ вѣтра, какъ дѣлаютъ парусники: она можетъ летать, не спрашиваясь быстроты вѣтра или теченія воздуха: она перегонитъ и то, и другое.

Большая часть птицъ-гребцовъ имѣетъ крылья острия и полетъ ихъ большею частью быстръ, таковы: утки-свистуны, каменные стрижи (*martinets*), бекасы и много другихъ подобныхъ видовъ, кото-

рые могутъ служить образцами въ этомъ родѣ. Напротивъ, извѣстныхъ хищныхъ птицы, какъ на примѣръ : соколы, а также парусники и гребцы, когда они развертываютъ свои огромныя крылья, то парятъ въ воздухѣ съ скоростью отъ девяти до десяти метровъ въ секунду ; потомъ, когда они хотятъ напасть на добычу, уменьшаютъ свой полѣтъ, опускаютъ хвостъ, дѣйствіе котораго на воздухъ имѣетъ слѣдствіемъ пониженіе головы, стремленіе всею ихъ тяжестью къ землѣ, стремленіе, которое ускоряется отъ движенія оконечностей крыльевъ ; потомъ, когда достигаютъ добычи, они схватываютъ ее, и, поднимая свой хвостъ, уносятся вверхъ вмѣстѣ съ своей добычей, по очень простой причинѣ — съѣсть ее. Всѣ парусники охотятся подобнымъ образомъ, но они не способны похищать крыльями. Они не въ состояніи, въ полный полетъ, достигъ скорости бѣльшей, нежели десяти метровъ въ секунду, и птица, даже самая неловкая, легко ихъ избѣгаетъ.

Вотъ почему орелъ не страшенъ для животныхъ. Онъ охотится за ними только тогда, когда превосходитъ, такъ сказать, самъ себя, и дѣйствуетъ стремглавъ, въ чемъ—говоря о птицахъ—не найдетъ ему соперниковъ. Но между тѣмъ, тотъ же самый орелъ, когда онъ сидитъ на какомъ-нибудь низкомъ холмѣ, или вообще на землѣ, смиренъ какъ воробей: ни какая птица не боится его. Левальяну случалось видѣть въ подобное время около него голубей, которые, однакожъ, нисколько его не боялись, хотя и сидѣли смиренно !. Здѣсь, въ этомъ положеніи, видна какая-то размышляющая наблюдательность или — пожалуй — бдительность надъ злонамѣренностью другихъ хищныхъ птицъ !..

Съ другой стороны, соколъ, птица, во многомъ сходная съ орломъ—можетъ, однакожъ, преслѣдовать и настигать добычу собственно крыльями. Въ этомъ случаѣ соколъ приобрѣтаетъ ловкость и быстроту самыхъ изворотливыхъ птицъ-гребцовъ. Тутъ онъ сокращаетъ пространство, занимаемое парусами, прижимаетъ локти къ тѣлу и своимъ предплечьямъ сообщаетъ чрезвычайно сильное движеніе ; и тогда слышенъ какой-то свистъ отъ прямого, правильнаго расположенія перьевъ : онъ летитъ, какъ бомба. Способность парусника и гребца, соединяющаяся въ соколѣ, сдѣлала эту птицу охотникомъ по преимуществу. Левальянъ представляетъ его исторію съ самой занимательной стороны. То выводитъ онъ его стремящимся съ высотъ атмосферы на стадо полевыхъ чирковъ (*sarcelles*), черезъ которое онъ пролетаетъ какъ шаръ ; кажется, что онъ не касается ни одной птицы ; но соколъ не упускаетъ своей добычи : полевой чирокъ получаетъ ударъ когтей въ черепъ и черезъ двѣ секунды падаетъ мертвымъ и соколъ его уноситъ ; то, напротивъ, эта прекрасная, хотя и хищная птица, — по разсказу Левальяна, да и другихъ охотниковъ — устремляется за жаворонкомъ прямо съ дерева : слѣдитъ за нимъ, настигаетъ его, ловитъ, сжимаетъ его въ своихъ когтяхъ и съѣдаетъ его на ближайшей скалѣ !..

Соколы—ловцы по преимуществу : Герфо, Серъ, Пелеренъ. Соколы, которые живутъ уединенно и вьютъ гнѣзда на деревьяхъ, дики, ненасытимы, свирѣпы : такъ говорятъ сокольники. Но намъ извѣстно, что

эта птица совершенно способна къ обученію, даже и тогда, когда она уже подросла... Чему и кому вѣрить?..

Пока на этомъ и остановимся, до сообщенія намъ новыхъ свѣдѣній по части орнитологіи. Говорятъ, что господинъ Левальянъ предпринимаетъ далекое путешествіе. Куда? намъ неизвѣстно. Можетъ-быть, къ сѣверному полюсу? Дай Богъ. Счастливая дорога! — Во всякомъ случаѣ, онъ явится къ намъ съ новыми наблюденіями надъ избраннымъ и любимымъ имъ предметомъ, и тогда мы подѣлимся ими съ нашими читателями.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ РѢДКОСТИ.

Французскій театр въ трехъ книгахъ, гдѣ говорится:

- 1) О представленіи комедіи.
- 2) Объ авторахъ, которые поддерживаютъ театр.
- 3) О поведеніи комедіантовъ.

Таково заглавіе небольшого, малоизвѣстнаго сочиненія, издавна въ 1674 году Шапуцо. Эта книга содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія, и мы извлечемъ изъ нея то, что намъ показалось достойнымъ занять вниманіе читателей. Въ особенности, въ подробностяхъ, относящихся къ авторамъ и собственно къ театру, мы нашли документы, заслуживающіе быть обнародованными. Вся первая книга посвящена исторической части комедіи. Авторъ представляетъ глазамъ читателя *дерево драматической поэмы*. Онъ разсматриваетъ поэму, какъ стволъ этого дерева, котораго главныя вѣтви суть поэма героическая и поэма комическая. Поэма героическая представляетъ двѣ вѣтви: трагедію и трагикомедію; поэма комическая представляетъ двѣ другія вѣтви: комедію и пастушескую драму. Всѣ эти поэмы могутъ быть въ стихахъ и въ прозѣ, но конечно стихи ласкаютъ ухо больше, нежели проза. Опредѣливъ всѣ роды драматическихъ произведеній, авторъ продолжаетъ, что театръ есть прекрасная школа для благородства, и совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что надо бы было желать, чтобъ на театрѣ было меньше пустяго, говоритъ, что театръ образовалъ довольно людей, учившихъ о добродѣтели. Какъ, замѣчаетъ онъ, можно сорвать розу, не уколовшись, такъ точно можно видѣть комедію, не причинивъ себѣ вреда, и прекрасный плодъ, который отъ нея получаютъ, не здоровъ только для тѣхъ мелкихъ желудковъ, которые ничего не выносятъ.

Вторая книга посвящена актерамъ, богамъ — хранителямъ театра, которыхъ прекрасныя стихи и занимательныя интриги пріятно ласкаютъ ухо слушателя. Шапуцо представляетъ себя товарищемъ ихъ, слишкомъ мало значущимъ для того, чтобъ осмѣлиться сказать свое

мнѣніе о ихъ произведеніяхъ: онъ довольствуется только тѣмъ, что ихъ называетъ. По его мнѣнію, французскій театръ обязанъ своею славою работамъ французской академіи; ея-то членамъ начинающій авторъ обязанъ посвящать свои произведенія. Онъ долженъ также совѣтоваться съ самымъ умнымъ и съ самымъ способнымъ комедіантомъ, ибо, по его мнѣнію, комедіанты могутъ лучше предчувствовать, нежели все авторы и даже лучшіе умы: хорошей или дурной успѣхъ будетъ имѣть драматическое произведеніе.

Потомъ слѣдуютъ подробности объ обыкновеніи, соблюдаемомъ при чтеніи пьесъ. Здѣсь собирается цѣлый комитетъ. Когда пьеса прочтена, начинаютъ говорить объ ея условіяхъ. Справедливо, что авторъ уже награжденъ своимъ трудомъ. *Есть такіе писатели, которые нисколько не утомляются исправленіемъ своихъ пьесъ. Эти пьесы они пріучутъ на три мѣсяца въ шкатулку и отсылаютъ ихъ потомъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ они въ первый разъ у нихъ явились.* Самое справедливое и самое обыкновенное условіе состояло въ томъ, чтобы автора заставить вдвойнѣ принять участіе въ театральномъ сборѣ, производимомъ по случаю представленія его пьесы. Иногда комедіанты платили за произведеніе наличными деньгами до двухъ-сотъ пистолей и болѣе. Когда пьеса, купленная такимъ образомъ, имѣла успѣхъ, который превосходилъ ожиданія, комедіанты дарили автора. Наконецъ, чтобы произведеніе было сыграно, или при такъ называемыхъ условіяхъ двухъ сторонъ, или при условіи наличныхъ денегъ, всего чаще бываетъ, что авторъ и комедіанты не расстаются безъ того, чтобы не угостить другъ друга, — что и составляетъ ихъ договоръ.

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, комедіанты только играли по воскресеньямъ, вторникамъ и пятницамъ. Вотъ какъ авторъ объясняетъ выборъ этихъ трехъ дней. Этотъ выборъ былъ слѣланъ благоразумно: понедѣльникъ былъ главнымъ почтовымъ днемъ для Германіи и Италіи и для всѣхъ провинцій, расположенныхъ по почтовымъ дорогамъ; среда и суббота, — дни торговые и дѣловые, въ которые горожане были болѣе заняты, нежели въ другіе дни; а четвергъ былъ посвященъ въ довольно многихъ мѣстахъ прогулкѣ, въ особенности въ академіи и училищахъ. Первое представленіе пьесы всегда давалось въ пятницу, чтобы приготовить въ слѣдующее воскресенье гораздо болѣе собраніе тѣми похвалами, которыя ему приносятся чрезъ объявленіе и афишу.

Третья книга посвящена комедіантамъ и учрежденію двухъ отелей. Авторъ разсматриваетъ сначала различіе способностей между актерами, изъ которыхъ одни болѣе способны къ серьезнымъ, а другіе къ комическимъ ролямъ. Жоделе, говорить онъ, также бы мало успѣлъ въ роли Цинны, какъ Бельрозъ въ роли дона Іафета Армянскаго. Рѣдко можно видѣть, чтобы одинъ актеръ былъ хорошъ въ двухъ родахъ, а Монфлѣри составляетъ исключеніе. На основаніи подробностей, извѣстныхъ о частной жизни комедіантовъ въ эту эпоху, надо сказать, что воскресенья и праздники они старались посвящать на дѣло милосердія, и начинали представлять комедіи только послѣ совершеннаго окончанія этого дѣла. Они закрывали театръ на двѣ недѣли великаго

поста; въ это время они упражнялись въ благочестивыхъ занятіяхъ и въ особенности любили слушать проповѣди. Показавши пользу ихъ искусства, авторъ знакомитъ съ *ихъ прекрасными обыкновеніями*. Комедіанты не допускаютъ существованія бѣдныхъ въ ихъ сословіи и всячески стараются, чтобы никто изъ ихъ труппы не впалъ въ бѣдность. Когда возрастъ или какое — нибудь нерасположеніе къ своимъ занятіямъ заставляютъ комедіанта удалиться, лицо, которое поступаетъ на его мѣсто, обязано платить ему, въ продолженіе его жизни, приличную пенсію, такъ — что съ того времени, какъ какой-нибудь достойный человѣкъ вступаетъ на парижскій театръ, онъ можетъ рассчитывать на хорошій процентъ съ трехъ или четырехъ тысячъ ливровъ. Такимъ образомъ мѣста между парижскими труппами какъ будто обложены всегда вѣрными налогами.

Теперь мы представимъ привилегіи комедіантовъ въ Луврѣ и въ другихъ королевскихъ резиденціяхъ. Имъ давали кареты, когда король требовалъ ихъ въ Парижъ. Когда они отправлялись въ Сень-Жермень, въ Шамборъ въ Версаль, они имѣли вообще, кромѣ каретъ, телѣгъ и лошадей, которыхъ имъ доставляли изъ королевскихъ конюшенъ, тысячу экю въ мѣсяцъ награжденія; *на ихъ издержки, на содержаніе ихъ людей и наемъ квартиръ, о чемъ заботились квартирмейстеры*, — выдавалось каждому по два экю. Когда комедіанты играли у короля, то каждому изъ актеровъ или актрисъ въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ, лѣтомъ и зимою, было приказано выдавать по три полна дровъ, и по бутылкѣ вина, по хлѣбу и по двѣ восковыхъ свѣчи, когда это было въ Луверь, а въ Сень-Жермень по свѣчь, вѣсомъ въ два фунта. Все это имъ было приносимо въ точности *офиціантами*, которые смотрѣли за овощами. Комедіанты собирались тогда каждый мѣсяцъ для того, чтобы составлять реестръ театральнымъ пьесамъ, чтобы выслушивать отчеты казначея, секретаря и контролера, чтобы назначать въ употребленіе машины, разсылать по труппамъ новые сюжеты. Иногда они отправлялись *въ гости*, въ городъ или въ деревню, когда какой-нибудь принцъ или какая-нибудь знатная особа хотѣли потѣшить себя комедіей.

Большіе расходы дѣлались на костюмы. Для новыхъ пьесъ имъ почти всегда были нужны новые наряды; ни поддѣльное золото, ни поддѣльное серебро, которыя скоро краснѣютъ, не были у нихъ въ употребленіи; одно платье à la gomaine стоило имъ часто 500 экю. Былъ такой комедіантъ, котораго экипажъ стоилъ болѣе 10,000 франковъ. Когда они представляли пьесу единственно для удовольствія короля, всякій актеръ употреблялъ на свои наряды сумму въ 100 или 400 ливровъ.

Издержки на ихъ отель были значительны. Зимою квартира ихъ вся была освѣщена; наемъ квартиры стоилъ довольно дорого.

Авторъ разсматриваетъ потомъ составъ служащихъ, которыхъ тогда называли *офиціантами при театрѣ*; жалованье имъ простиралось до 5,000 экю. Вотъ перечисленіе различныхъ должностей:

Ораторъ говорилъ рѣчь и составлялъ афишу. Послѣ первой пьесы онъ объявлялъ другую, за ней слѣдовавшую; объявляя новыя пьесы, говорилъ о заключеніи и вступленіи въ рѣчь. Онъ составлялъ афишу, ко-

торая предувѣдомляла читателей о многочисленном собраніи на слѣдующій день, о достоинствѣ пьесъ, о необходимости заранье запастись мѣстами.

Другіе офиціанты при театрѣ раздѣлялись на два класса.

Оберъ-офиціанты, принадлежавшіе къ группѣ, вовсе не получали жалованья; это были: казначей, секретарь и контролеръ. — Унтеръ-офиціанты, получавшіе жалованье, были: сторожъ, писарь, скрипачи, сборщики денегъ при бюро, контролеры при дверяхъ, привратники, декораторы, ассистенты, отпиратели ложъ, театра и амфитеатра, свѣчной мастеръ, типографщикъ и раздаватель афишъ.

Оберъ-офиціанты.

Казначей хранилъ и раздавалъ жалованье.

Секретарь составлялъ реестръ по приходу и расходу, получалъ отчетъ отъ раздавателей билетовъ, велъ записки объ условіяхъ, которыя соблюдались, когда кто-нибудь желалъ войти въ группу.

Контролеръ повѣрялъ счеты и записывалъ израсходованныя суммы.

Унтеръ-офиціанты, наемники:

Сторожъ былъ обязанъ отворять и затворять двери отели, заботиться о чистотѣ театральной залы.

Писарь былъ приставленъ къ архивамъ для того, чтобы беречь пьесы, бумаги; ему поручено было списывать роли. Въ продолженіе пьесы онъ находился на театрѣ, въ особенномъ мѣстѣ, имѣя въ рукѣ пьесу, и былъ обязанъ напоминать актеру о томъ, въ чемъ ему измѣняла память, что, говоря школьнымъ языкомъ, называется подсказывать.

Скрипачей было шестеро; они были выбраны изъ самыхъ способныхъ. Сначала ихъ помѣщали позади театра или на такъ-называемыхъ флигеляхъ (ailis), потомъ за перегородкою между театромъ и партеромъ, какъ-бы наравнѣ съ паркетомъ. Они должны были знать два послѣдніе стиха всякаго акта, чтобы докончить симфонію; въ противномъ случаѣ имъ кричали: *шрайте*.

Сборщикъ денегъ при бюро раздавалъ билеты публикѣ. Онъ отвѣчалъ за всѣ находящіеся у него деньги: *не поддѣльныя ли они или легки ли*. Онъ былъ одинъ только на всю залу.

Контролеры при дверяхъ. Одинъ изъ нихъ находился при входѣ въ партеръ, другой при входѣ въ ложи, чтобы принимать билеты и размѣщать зрителей.

Привратниковъ было столько же, сколько и контролеровъ; они находились съ ними на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, чтобы наблюдать за порядкомъ. До приказанія короля — не впускать въ залу безъ платы, выбирали какого-нибудь молодца, который бы умѣлъ отличить честныхъ людей отъ тѣхъ, которые такими не казались по наружности. Подобные люди въ Бургоньской отели были замѣнены солдатами гвардейскихъ полковъ.

Въ декораторы должно было выбирать людей умныхъ, имѣвшихъ довольно понятія объ украшеніи театра. Ихъ было двое, и одинъ изъ

нихъ каждый день долженъ былъ находиться на службѣ во время представленія, для того, чтобы во флигель театра впускать извѣстныхъ маленькихъ людей, которые тамъ прятались, занимали входы и выходы, оскорбляли зрѣніе слушателей.

Они запасались двумя щипцами для свѣчей, съ которыхъ должны были снимать въ антрактахъ, но осторожно, чтобы не произвести дурнаго запаха. Они наблюдали, чтобы огонь не коснулся полотна и возлѣ себя имѣли бочки съ водою и достаточное количество ведеръ.

Ассистенты (фигуранты). Обыкновенно это были служители комедіантовъ. Въ большихъ произведеніяхъ было ихъ значительное число.

Отпиратели ложъ, театра и амфитеатра, въ числѣ четырехъ или пяти, должны были быть готовыми на услугу всѣмъ и давать лучшія мѣста особамъ, отъ которыхъ они могли что-нибудь получить.

Свѣчникъ долженъ былъ доставлять хорошія, полного вѣса свѣчи. Когда въ комедію приходилъ король, то официанты его доставляли восковыя свѣчи.

Типографщикъ долженъ былъ доставлять афиши, которыя были бы хорошо и на хорошей бумагѣ напечатаны.

Афишеръ долженъ быть точнымъ въ томъ, чтобы заранѣе выставить афиши на перекресткахъ и въ мѣстахъ необходимыхъ. Для отели Бургоньской афиши были красныя, для отели Мазаринской улицы зеленыя, для Оперы желтыя.

Наконецъ, тамъ была продавщица ликеровъ и варенья; ей принадлежали два мѣста, одно возлѣ ложъ, другое у партера. Эти мѣста были украшены небольшими люстрами и многими прекрасными вазами и хрустальными стаканами. Эта продавщица не получала ни какого жалованья, напротивъ, сама еще платила за свои мѣста до 800 ливровъ въ годъ.

НЕВОЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Однажды улица Сентъ-Оноре, насупротивъ церкви Успенія Богоматери, была загромождена каретами. Этотъ сѣздъ былъ по случаю одной свадьбы, которую тамъ праздновали между 11 и 12 часами пополудни. Ландо двухъ супруговъ было обито бѣлымъ атласомъ, у лошадей за ушами были заткнуты бѣлыя розы. Церковь была полна народу. Что касается до невѣсты, то ее можно было замѣтить только по длинному, влачащемуся по землѣ покрывалу.

Исторію этой свадьбы стоитъ рассказать. Молодой человекъ, г. де-Т** былъ ни хорошъ, ни дурень, но для своихъ лѣтъ — ему было около 25—довольно уже пожилъ. Чтò сдѣлалъ онъ изъ своей фортуны, объ этомъ никто не вспоминалъ, ни даже онъ самъ. Существуетъ одинъ

только фактъ, что фортуна его улетѣла, и что отъ нея остался только одинъ кредитъ, одна тѣнь отъ тѣла. О, сколько есть смертныхъ, которые живутъ съ этой тѣнью при свѣтѣ дня!

Повидимому, это нисколько не печалило г. де-Т**. Известно только, что онъ не курилъ ни одной сигары и не тратилъ болѣе ни одной копейки—великое чудо, потому что подобные ему люди имѣютъ привычку бросать деньги за окно!

Когда его спрашивали, что онъ думаетъ дѣлать съ собою,—онъ отвѣчалъ: ничего; и жизнь, которую онъ проводилъ, доказывала, что это былъ человѣкъ, готовый сдержать свое обѣщаніе до ста лѣтъ.

— А послѣ? говорили ему.

— Послѣ я начну снова.

Многіе изъ умершихъ философовъ не лучше бы отвѣтили въ духѣ своей мудрости; правда, что нынѣшніе разумники далеко переощетогляли философовъ древнихъ! Зенонъ ходитъ теперь въ лакированныхъ сапогахъ, а Анаксагоръ принадлежитъ къ Жокей-клубу.

Въ одно прекрасное утро г. де Т** скрылся, оставя за собою на послѣднее прощанье дымъ своей сигары. О г. де Т** говорили три дня, а на четвертый объ немъ уже болѣе не думали. Одни полагали, что онъ отправился куда-то къ своему дядѣ, въ Вальпарайсо, въ Лиму, на край свѣта; другіе думали, что онъ былъ назначенъ субъ-префектомъ; эта должность имѣетъ слишкомъ большое значеніе между молодыми Парижанами. Многіе вообразили, что онъ просто умеръ.

— Бѣдняжка! сказали его друзья.

Эта надгробная рѣчь, почти единственная, у такъ-называемыхъ друзей по умершемъ собратѣ.

Г. де-Т** былъ столькоже мертвъ, сколько былъ сдѣланъ субъ-префектомъ. Онъ отправился въ Aix-les-Bains, не имѣя другаго намѣренія, какъ только посмотреть на страну и насладиться воздухомъ. Тогда былъ іюль мѣсяць, но погода стояла майская.

Г. де-Т** танцевалъ, какъ въ двадцать лѣтъ, и игралъ въ карты, какъ миллионеръ. Одни любили его за его польку, другіе за его веселость.

Эта полька повела его далеко. Мы увидимъ это изъ окончанія исторіи. Полька не танецъ, а волшебство: сколько мальчиковъ она преобразовала въ мужей.

Теперь есть, во Франціи, разсудительные отцы семейства, которые, вмѣсто того, чтобы учить своихъ дѣтей греческому языку — языку греческому учатъ для того, чтобы потомъ его позабыть — заставляютъ ихъ выучивать иностранные танцы, начиная съ мазурки до шотинна. Такіе отцы семейства поняли свой вѣкъ.

Между посѣтителями Казино была одна цыганка, по имени мадмоазель де-С**, съ которою иногда танцевалъ г. де-Т**. Названіе цыганки принимается здѣсь въ смыслѣ ея происхожденія, а не въ смыслѣ ея настоящаго званія. Отецъ мадмоазель де-С** былъ человѣкъ почтенный, и потому считалъ необходимымъ придавать себѣ нѣкоторую важность, которая, впрочемъ, не простиралась далѣе сна. Однакожь

г. де-С** игралъ въ вистъ, но это было только въ тѣ дни, когда онъ былъ необыкновенно веселъ.

Мадмоазель де-С** было 22 года: она имѣла бѣлокурые волосы, черные глаза и приданое, которое цѣнили въ полмилліона. Я думаю, всѣ согласятся, что съ подобными обстановками очень легко привлечь къ себѣ толпу страстныхъ обожателей. Когда г. де-Т** прибылъ въ Aix-les-Bains, поклонниками мадмоазель де-С** были три англичанина, изъ которыхъ одинъ былъ баронетъ, пятеро нѣмцевъ, четыре испанца, болѣе или менѣе важные въ Испаніи, 6 французовъ, между которыми можно было замѣтить много людей положительныхъ, — и четырнадцать итальянцевъ изъ всѣхъ странъ, другіе поклонники были швейцарцы, поляки и датчане.

Мадмоазель де-С** позволяла ухаживать за собою своимъ многочисленнымъ и разнохарактернымъ обожателямъ, не предпочитая, однакожь, никого особенно. Одинъ баварецъ, съ которымъ г. де-Т** познакомился въ Парижѣ у князя Калимаки, представилъ его мадмоазель де-С**

Мадмоазель де-С** слыла за особу, очень скорую на отвѣты, иногда очень оригинальные. Въ этотъ день кто-то изъ поклонниковъ ея сдѣлалъ ей предложеніе, что доставило ей пріятное расположеніе духа.

— Мосьё, сказала она г. де-Т**, я готова съ вами танцовать, но только съ условіемъ:

— Говорите, сударыня, отвѣчалъ французъ.

— Обѣщайте мнѣ не ухаживать за мною.

— Только?

— Ничего болѣе.

— Клянусь вамъ въ этомъ. И г. де-Т** сдержалъ свое слово. Можетъ быть, эта точность оскорбила мадмоазель де-С**, но она не показывала виду, и съ этого дня парижанинъ и цыганка не пропустили ни одного вечера, чтобы не танцовать вмѣстѣ. Извѣстно, что жизнь на водахъ довольно свободна; довольно, чтобы васъ увидѣли четыре раза, и вы можете рассчитывать на короткое знакомство, и люди, которые, при наступленіи осени, расстаются, чтобы никогда не встрѣчаться, живутъ, въ продолженіе сезона, какъ братья и друзья. Мадмоазель де-С** и г. де-Т** посѣщали вмѣстѣ всѣ достопримѣчательности страны, катались въ лодкѣ по озеру-Бурте, ѣздили верхомъ на мулахъ и отъ души смѣялись надъ остальными поклонниками.

Однажды, когда мадмоазель де-С** и г. де-Т** искали приключеній въ тѣняхъ шатильонскихъ, г. де-Т** остановился вдругъ у подошвы одного дерева.

— Сударыня, — сказалъ онъ своей спутницѣ, — я хочу сдѣлать вамъ маленькій вопросъ.

— Я слушаю, — сказала она, поправляя складки своего платья.

— Хотите вы имѣть меня своимъ мужемъ?

— Серьёзно?

— Шутками или серьёзно, какъ вамъ угодно.

— А ваша клятва — никогда за мной не ухаживать?...

— Но чтобы легче ее сдержать, я на васъ женюсь.

— А!

— Посмотрите на меня хорошенько, сударыня: я представляюсь вамъ такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, со всѣми своими дурными и хорошими качествами; если такой человѣкъ вамъ не противенъ, скажите ему одно слово, и онъ будетъ у вашихъ ногъ.

— Вы ужасный человѣкъ! Неужели вы думаете, что женятся такъ, въ одну минуту!...

— Извольте, я даю вамъ двадцать-четыре часа на размышленіе.

— Я прошу три дня.

— Хорошо. Но я васъ предупреждаю, что для этого вамъ не нужно будетъ болѣе часа.

— Вотъ какъ!... Однакожъ обѣщайте мнѣ не напоминать отъ этого до того времени, когда я сама рѣшусь.

— Съ удовольствіемъ.

Потомъ г. де-Т** сѣлъ въ лодку и уѣхалъ обѣдать.

Три дня спустя, бывши на Бордосской террасѣ, г. де-Т** вынулъ свои часы.

— Вотъ приближается часъ, сказалъ онъ важно: и потому позвольте мнѣ напомнить вамъ о нашемъ условіи...

— Одну минуту!... въ эти три дня я много размышляла.

— Можетъ быть, слишкомъ уже много...

— Слишкомъ много, или слишкомъ мало, во всякомъ случаѣ, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ, мнѣ кажется, что изъ вашего поведенія нисколько не видно, чтобы вы меня много любили.

— Любовь мою я докажу вамъ послѣ.

— Это хорошо! но я хотѣла бы знать объ этомъ раньше.

— Но, что же дѣлать! Вы запретили мнѣ за вами ухаживать.

— Это отъ меня не зависитъ. Тогда у насъ былъ іюнь, а теперь августъ.

— Вы странное существо!

— Я этого не отвергаю.

— Наконецъ, чего же вы хотите?

— Сильнаго и основательнаго доказательства любви; если же вы его не представите, я вамъ отказываю.

— Только одного доказательства?

— Конечно! надобно только умѣть сдѣлать начало!

— Я повинуюсь, — отвѣчалъ г. де-Т** съ поклономъ.

Время шло. Поклонники постоянно ухаживали. Въ одно утро, когда отправлялись завтракать въ Грезійскій каскадъ, г. де-Т** ѣхалъ въ не большомъ экипажѣ съ мадмоазель де-С** Экипажъ былъ запряженъ двумя сильными конями. Всѣ были готовы отправиться въ путь. Около кареты мадмоазель де-С** вертѣлось два или три нѣмца и столько же испанцевъ верхомъ на мулахъ.

— Господа, — сказалъ вдругъ г. де-Т**, потрудитесь сказать г. де-С**, что я увожу его дочь — и ударивши по обѣимъ лошадамъ, онъ поскакалъ въ галопъ.

— Но, м. г.,—вы, кажется, не думаете о послѣдствіяхъ,—вскричала мадамозель де-С**, не зная, нужно ли ей смѣяться или сердиться.

— Напротивъ, я думаю объ этомъ много, и потому — то скачу.

— Но, вашъ поступокъ ... Я не знаю, что объ немъ сказать ...

— И не говорите.

— Наконецъ, это оскорбленіе!..

— Нѣтъ, сударыня, это похищеніе.

Скакавши постоянно въ галошъ, они прибыли въ Анесси. Тамъ г. де-Т** взялъ почтовыхъ лошадей, и отправился въ Женеву. Г. де-Т** проводилъ мадамозель де-С** до отеля des Bergues, гдѣ, по его приказанію, была приготовлена квартира на двѣ половины.

— Сударыня, сказалъ онъ ей учтиво: ваша половина тамъ, моя здѣсь. Теперь немного поздно, и вы, вѣроятно, голодны: неудобно ли отобѣдать?

— Извольте! отвѣчала она голосомъ жертвы.

— Вы требовали отъ меня доказательства любви, сказалъ онъ ей: похищая васъ, я вамъ его представилъ.

— Прекрасное доказательство!.. Многіе другіе поступили бы подобно вамъ!

— Почему же никто не думалъ объ этомъ до меня?

— Это правда! отвѣчала она разсѣянно.

Г. де-Т** улыбнулся.

— Мнѣ остается теперь представить вамъ доказательство моего уваженія къ вамъ, прибавилъ онъ, что я и дѣлаю, удаляясь.

Г. де-С. игралъ въ вистъ, когда одинъ изъ толпы поклонниковъ его дочери объявилъ ему о похищеніи ея.

— Она совершеннолѣтняя, отвѣчалъ г. де-С**

На другой день онъ опять игралъ въ вистъ, когда г. де-Т** и мадамозель де-С** скорымъ шагомъ, рука объ руку, вошли къ нему въ залу.

— Папенька, сказала мадамозель де-С**: представляю вамъ моего мужа.

ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ ВЪ ТРЕХЪ ЗАЛАХЪ.

Въ Бостонѣ я давалъ много концертовъ, и всегда по субботамъ.

Въ эти дни театры бываютъ заперты; нравы такъ строги въ отношеніи къ празднованію воскреснаго дня, что актеры боятся продолжать представленія за полночь, и даже бываетъ, что они совершенно отказываются играть.

Такимъ образомъ любители увеселеній, не зная, гдѣ провести субботній вечеръ, съ большимъ удовольствіемъ собираются на музыкальныя собранія, публичныя или частныя.

Въ то время, когда я оставлялъ Бостонъ, мнѣ пришлось дать одинъ и тотъ же концертъ въ трехъ различныхъ залахъ, и вотъ какимъ образомъ:

Я нанялъ на субботу залу Masonic Hall. На другой день я велѣлъ выставить афишу о моемъ концертѣ; нѣсколько часовъ спустя, всѣ мѣста, сколько ихъ могла вмѣстить въ себя зала, были наняты.

Я пошелъ посмотрѣть, что было въ другой залѣ, которая была не много болѣе; она называлась Mélodion; опять то же счастье! Эта новая зала была еще довольно мала. Я рѣшился тогда нанять залу Tremont Temple, самую большую въ Бостонѣ.

И такъ на одинъ и тотъ же день, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, я былъ обладателемъ всѣхъ концертныхъ залъ въ городѣ.

Одинъ иностранный артистъ, слишкомъ извѣстный въ Европѣ, путешествуя съ знаменитою пѣвицею, въ отношеніи къ которой онъ назывался директоромъ музыки, прибылъ въ Бостонъ, намѣреваясь со мною состязаться.

Узнавъ, что я долженъ былъ дать концертъ въ субботу, 1-го Января, онъ хотѣлъ нанять залу Masonic Hall.

Ему сказали, что эта зала была занята. Онъ пришелъ въ залу Mélodion, и тамъ ему то же отвѣтили; онъ поспѣшилъ отправиться въ залу Tremont Temple, будучи убѣжденъ, что по-крайней-мѣрѣ здѣсь онъ не получитъ отказа. Но, къ его великому удивленію, ему сказали, что г. Герцъ ее только-что нанялъ.

— Такъ онъ разомъ будетъ играть во всѣхъ бостонскихъ залахъ? вскричалъ онъ ...

Мой концертъ былъ данъ въ присутствіи публики, до того многочисленной, что она съ трудомъ могла разойтись; и вотъ какимъ образомъ, не подозрѣвая того, я сдѣлалъ чрезвычайно искусную штуку въ глазахъ Бостонцевъ. Выходя изъ концерта, они говорили:

— Право, славная штука!

Мой секретарь казался печальнымъ въ продолженіе цѣлаго вечера. Входя въ свой отель, я увидѣлъ его въ углу пріемной залы; онъ что-то чертилъ съ таинственнымъ видомъ въ своей памятной книжкѣ.

Я открылъ его памятную книжку и прочелъ: скупленіе концертныхъ залъ! Я угадалъ причину его печали; ему было досадно, что онъ не нашелъ самъ этого *gantée trick*, какъ говорятъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОРЪ.

Одинъ изъ нашихъ достойнѣйшихъ уваженія драматическихъ авторовъ, г. Эмиль Ожье, написалъ комедію *Gabrielle*, имѣя въ виду академическую премію, и получилъ ее при всеобщихъ одобреніяхъ.

Г. Ожье одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ будущность много обѣщаетъ.

А г. Сандо, котораго мы чуть не забыли! Развѣ г. Сандо не можетъ надѣяться, подобно Ожье, быть академикомъ? Кстати о господахъ Ожье и Сандо. Вотъ маленькій анекдотъ, который касается ихъ, или, лучше сказать, сцена, на которой они оба играли роли очень умно, какъ и вообще умно все то, что они дѣлаютъ.

Сцена происходитъ на театрѣ Variétés, въ кабинетѣ директора, не теперешняго, но предшественника его.

Оба автора заперлись въ продолженіе часа въ директорскомъ кабинетѣ, не вдалекѣ отъ превосходнаго краснаго дивана, въ двухъ шагахъ отъ большаго цилиндрическаго бюро, за которымъ сидѣлъ, въ положеніи человѣка размышляющаго, молодой и уже прославившійся директоръ. Ожье смотритъ на Сандо украдкою. Сандо несмотритъ на Ожье.

Оба молчатъ, оба ждутъ. Чтеніе ихъ пьесы кончено назадъ тому нѣсколько минутъ, и молодой, безстрастный директоръ молчитъ ...

Что значить это молчаніе?

Смущенные авторы предчувствуютъ отказъ.

Наконецъ Ожье прерываетъ молчаніе нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— И такъ, господинъ директоръ?...

— И такъ, господа ...

— Вы слышали нашу пьесу ... Что думаете вы объ ней?

— Что я думаю объ ней, господа?..

— Да ... вы, кажется, глубоко объ этомъ размышляли.

— Дѣйствительно, господа, я размышлялъ...

— О чемъ?

— Объ огромныхъ съ вашей стороны требованіяхъ ...

— Какъ?.. Что!..

— Да ... о вашихъ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ, которыя надо предположить.

— Наши притязанія?..

— Безъ сомнѣнія, я ожидаю ихъ отъ васъ: вы будете отъ меня требовать того, что превышаетъ мои средства!.. премію, на примѣръ, премію въ 500 франковъ за актъ; а такъ-какъ здѣсь два акта и васъ двое, то это составитъ двѣ тысячи франковъ ...

— Разумѣется, сказалъ Ожье, не смущаясь.

— Конечно, подтвердилъ Сандо.

— Но мнѣ кажется, что это еще не все: вы потребуете еще двойную плату за билеты ... не такъ ли?

— Непремѣнно, сказалъ Ожье, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Ничего не можетъ быть естественнѣе, прибавилъ Сандо.

— Это еще не все! возразилъ директоръ ... Вамъ надобно еще обѣщать по-крайней-мѣрѣ 30 представленій?.. Я ожидаю этого отъ васъ ... Хорошо, пусть такъ: буду еще дѣйствовать такимъ образомъ. Вы ли-

тераторы, и чтобы привлечь такихъ людей къ моему театру, нѣтъ ничего, чего бы я не сдѣлалъ: преміи, билеты, представленія, вы будете имѣть все .. Ахъ! ахъ! я забылъ ...

— Чего мы требуемъ еще?

— Вы требуете всѣхъ моихъ актеровъ, весь мой театръ, включая сюда и Арналя, и право, по которому ваши сочиненія были бы игранны, когда вамъ будетъ угодно ... Вы хотите еще быть поставленными въ заглавіи афиши, вы будете имѣть все это ... Довольны ли вы?

— Довольны.

— А я очень счастливъ ... вы можете похвалиться своею взыскательностью!..

— А вы, г. директоръ, своею обязательностью!..

— Завтра будетъ чтеніе вашей пьесы для актеровъ, и я надѣюсь на хорошій успѣхъ.

Пьеса была репетирована и представлена; она имѣла большой успѣхъ, и называлась — «*Охота за романомъ*» о которой еще и теперь вспоминаетъ публика.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ РОССИИ.

ЯРОСЛАВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Письмо къ редактору.

Завидую вамъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣичъ, отъ души завидую! Вы наслаждаетесь такою оперой, какой не было со временъ Виадо и Рубини, тогда-какъ я, на нѣкоторое время, лишень этого удовольствія. А вѣдь право больно, особенно съ непривычки, не видать нынѣшней академической выставки, не видать дебютовъ Ронкони, Формеса и Медори, не слыхать и не видать вновь поставленныхъ пьесъ. А все это сдѣлалось потребностію моей жизни. Сверхъ того и русская драматическая труппа у васъ сдѣлала важное приобрѣтеніе въ лицѣ актрисы г-жи Орловой, которой обдуманная игра, хотя иногда и холодная, всегда производила на меня пріятное впечатлѣніе. Взамѣну всего этого, что же остается мнѣ, страстному любителю искусства?—Читать о петербургскихъ спектакляхъ въ журналахъ, наслаждаться ими въ мечтахъ; а на самомъ дѣлѣ довольствоваться провинціальнымъ театромъ.

Въ Ярославлѣ, какъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, также есть театръ, въ который красивыя афиши приглашаютъ любителей по три раза въ недѣлю; но, къ сожалѣнію, этихъ любителей очень мало, такъ-что зала театра почти постоянно пуста. Бываетъ, что и она наполняется изрѣдка, при объявленіи какой-нибудь раздирательной драмы, которую здѣшняя труппа ни сыграть, ни обставить удовлетворительно не имѣетъ ни какой возможности; тогда-какъ водевили, маленькія комедіи и даже драмы, какъ напримѣръ: «*Матросъ*» или «*Симонъ-Сиротинка*» идутъ довольно хорошо; и при всемъ томъ, театръ во время представленія этихъ пьесъ бываетъ постоянно пустъ. — Чему приписать такое невниманіе публики? Это самый затруднительный вопросъ!... По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что здѣшняя публика дѣлится на двѣ части: одна часть ея столько образована, столько привыкла къ наслаженію эстетическому, дотого избалована спектаклями Михайловскаго и даже иностранныхъ театровъ, что не въ состояніи смотрѣть на игру провинціальныхъ актеровъ; другая же часть (какъ я уже сказалъ выше) любитъ ужасныя драмы; изъ этого выходитъ то, что лучшія представленія проходятъ незамѣтно, не оцѣненные ни кѣмъ. Въ доказательство я приведу два спектакля, слѣдовавшіе одинъ за другимъ. Первый былъ составленъ изъ трехъ водевилей, хотя и не новыхъ, но занимательныхъ: «*Сиротка Сусанна*,» «*Что и деньги безъ ума*» и «*Новый Саміэль, или Право пожизненнаго владѣнія*». Второй — изъ пьесы, которой заглавіе всѣхъ отдѣленій и картинъ я выписываю съ дипломатическою точностію: «*Кораблекрушители или страшные рыбаки Керугальскіе*». Драма въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ, въ прозѣ, съ пожаромъ и разрушеніемъ; переводъ съ французскаго П. Л. Дѣйствіе I, картина 1-я: *Яковъ Сердикъ*. Дѣйствіе II. *Страшная ночь или Марія — невеста Кернока*. Картина 1-я: *Злодѣйство рыбаковъ*. Картина 2-я: *Гибель корабля Тритонъ*. Дѣйствіе III. — *Капитанъ Морисъ или Мститель за супругу и дочь*. Картина 3-я: *Пожаръ*. Дѣйствіе IV. *Казнь злодѣевъ*. Картина 1-я: *Пещера*. Картина 2-я: *Разрушеніе скалъ*. — Каковы заглавія!?. но содержаніе самой драмы нелѣпностію своею превосходитъ даже нелѣпность заглавій. Первый изъ этихъ спектаклей сыгранъ былъ очень хорошо; второй — очень дурно. Въ первомъ зрителей было очень мало; во второмъ — очень много, такъ-что всѣ мѣста были заняты. Въ первомъ исполненіе было такъ отчетливо, что не испортило бы пьесъ ни на какомъ театрѣ, особенно двухъ послѣднихъ. Конечно, въ водевилѣ «*Сиротка-Сусанна*», г. *Бешенцовъ*, въ роли полковника Монтеро, былъ не на своемъ мѣстѣ, зато всѣ прочіе персонажи загладили неприятное чувство, производимое игрою этого актера. Особенно очень хороша была *Соколова* 1-я (Сусанна): сколько живости, наивности и чувства было въ мимикѣ ея, въ первомъ актѣ; сколько одушевленія и страсти въ ней было во второмъ! Притомъ же куплеты, которыхъ трудная музыка оранжирована для игры Самойловой 1, выполнены ею очень удачно. Г-жи: *Орлова*, (М-мъ *Пишаръ*) и *Карина* (*Женевьева*) выполнили роли свои также очень хорошо; первая, какъ типъ молодящейся старой дѣвы, вторая, какъ женщина, которая держитъ своего мужа

подъ башмакомъ. Содержатель театра, г. *Ивановъ* (Сентъ-Альфонсъ) очень забавно изобразилъ глупаго франта. Но забавнѣе всѣхъ былъ г. *Максимовъ*. (Интрепидъ). Его трусливая и лѣнивая фигура была смѣшна отъ начала до конца. При всемъ томъ онъ игралъ безъ всякаго желанія смѣшнить.

Въ водевилѣ «Что и деньги безъ ума» съ особенною отчетливостію выполнили роли: Фелисаты, Г-жа *Максимова* и Пьера — Г. *Линдротъ*. Глупое самохвальство первой передано такъ вѣрно, такъ неподдѣльно, что ее было и жалко, и смѣшно. Второй же, въ продолженіе всей пьесы, былъ натураленъ, простъ и вѣренъ своей роли.

Въ водевилѣ «Новый Саміэль» пальма первенства была на сторонѣ г. *Дмитріева* (Бирбатскій). Какъ естественно беззаботенъ былъ онъ, какъ разстроено казалось здоровье его отъ бессонныхъ ночей и безпрестанныхъ оргій. Г. *Линдротъ* въ небольшой роли Капитанскаго былъ истиннымъ докторомъ, въ которомъ страсть къ наслажденіямъ беретъ верхъ надъ страстію къ своему занятію. И г. *Максимовъ* въ роли пана Чертовича, казался олицетвореннымъ Саміэлемъ; всѣ смѣшныя стороны этого характера были рельефно выставлены артистомъ; ростовщикъ, скупецъ, негодай, способный на всякую низость, въ лицѣ его попеременно являлись передъ зрителями. Необходимо также упомянуть объ игрѣ г. *Лисенкова*, въ маленькой роли пана Грошевича, въ сценѣ, когда Чертовичъ умоляетъ его перекупить у него пожизненное право Бирбатскаго. Тонъ и манера г. *Лисенкова* совершенно соответствовали характеру скряги. — Вотъ вамъ описаніе спектакля, въ которомъ мало было публики; о второмъ же, въ которомъ было очень много, не стоитъ даже распространяться.

Непѣность драмы «Кораблекрушители» такъ велика, что и лучшіе драматическіе артисты не извлекли бы изъ нея ничего хорошаго; что же было дѣлать съ нею посредственнымъ талантамъ? Скажу только, что и здѣсь, какъ вездѣ, г. *Максимовъ* (Пликъ) былъ очень натураленъ; правду сказать, что и роль его, въ цѣлой драмѣ, одна, которой приданъ человѣческой характеръ. — Г-жа *Милославская* и г. *Соколовъ* сдѣлали изъ своихъ ролей все, что было возможно; особенно первая (*Марія*) выполнила ее съ чувствомъ и увлеченіемъ; второй также былъ бы очень хорошъ, еслибъ не старался, безъ всякой надобности, усиливать свой голосъ, что всегда вредитъ натуральной игрѣ. О г. *Дитпровскомъ*, въ роли *Керюка*, рѣшительно нечего сказать, потому что самая роль вовсе неестественна.

Во время того же спектакля представлена была оперетка «Цыганка». Въ ней отчетливѣе всѣхъ была выполнена роль Матрены г-жею *Максимовою*; игра ея была въ высшей степени натуральна. Г. *Дмитріевъ* былъ очень недуренъ въ незначительной роли Горскаго. А г-да *Максимовъ* и *Лисенковъ* (г. *Макишевъ* и *Пострлинъ*), были очень забавны; только г-жа *Шубина* была рѣшительно не на своемъ мѣстѣ.

Представя вамъ въ этихъ двухъ спектакляхъ игру актеровъ вообще, я постараюсь описать способности cadaго въ особенности. Нынѣшній содержатель театра, актеръ *Ивановъ*, своею новою группою смѣнившій

(вслѣдствіе какого-то закулиснаго переворота), прежнюю труппу, бывшую подъ управленіемъ г. Ваксмана, началъ свои представленія въ 1851 году, послѣ Святой-Недѣли. Этому началу благопріятствовало прибытіе г. *Живокини* съ сыномъ. Во всѣхъ спектакляхъ, въ которыхъ они участвовали, театръ былъ полонъ, но я не имѣлъ возможности видѣть ни одного изъ нихъ, потому и не могу ничего о нихъ сказать. Послѣ отъѣзда г. *Живокини*, труппа на лѣтніе мѣсяцы переѣхала въ Рыбинскъ и возвратилась въ Ярославль въ концѣ сентября. Вотъ ея составъ: г-нъ *Дипровский*, занимающій первыя роли въ драмахъ и трагедіяхъ, обладаетъ прекрасною наружностью; онъ человѣкъ довольно образованный, но вообще замѣтна въ игрѣ его неопытность и недостатокъ дикціи: онъ часто говоритъ унисономъ, безъ малѣйшаго измѣненія интонаціи, ктому же, при недостаткѣ органа, онъ слишкомъ его усиливаетъ; отчего происходитъ то, что онъ оканчиваетъ пьесы хриплымъ голосомъ. Но онъ еще молодъ и при его образованности, стараніи, природныхъ средствахъ и любви къ искусству, есть надежда, что онъ на этомъ трудномъ амплуа будетъ замѣчательнымъ артистомъ.

Г. *Соколовъ* занимаетъ вторыя роли въ драмахъ и комедіяхъ; онъ не лишенъ одушевленія и чувства. Главное достоинство его—правильная дикція; главный недостатокъ—какъ я сказалъ уже прежде—привычка, безъ надобности, усиливать голосъ до крику. Конечно, есть моменты, когда изъ души человѣка невольно вырывается крикъ безнадежности, отчаянія или гнѣва, но эти моменты довольно рѣдки и нужно вдохновеніе или высшая степень искусства, чтобы воспользоваться ими.

Г. *Бешенцовъ*, остатокъ прежней труппы, ветеранъ ярославскаго театра и удивительный человѣкъ! Разнообразіе его таланта неимоверно! Онъ играетъ въ драмахъ и трагедіяхъ—тирановъ; въ комедіяхъ и водевиляхъ—благородныхъ отцевъ и комическихъ стариковъ; сверхъ того, поетъ басовыя партіи въ операхъ, напримѣръ: *Цампу* и *Неизвѣстнаго* въ «Аскольдовой могилѣ». Но во всѣхъ этихъ разнообразныхъ роляхъ, и въ прозѣ и въ стихахъ, онъ такъ глотаеъ слова, что половина ихъ рѣшительно пропадаетъ для публики; къ тому же, въ минуты грусти и отчаянія, мимика его состоить изъ ужаснѣйшихъ гримасъ, производящихъ невольный смѣхъ. Только въ роли *Квазимодо* онъ былъ очень хорошъ.

Г. *Дмитріевъ*, въ роляхъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ комическихъ, обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ. Лучшія роли, въ которыхъ я его видѣлъ: *Славскаго*, въ комедіи. «Въ людяхъ ангелъ, не жена», въ которой онъ былъ очень благороденъ, и во многихъ мѣстахъ выражалъ истинное чувство. *Бирбатскаго*, въ водевилѣ «Новый Саміэль» а изъ комическихъ: роль *Гильома*, въ водевилѣ «Мельничиха въ Марли». Сверхъ того, въ немъ есть еще замѣчательное достоинство: онъ прекрасно выполняетъ куплеты; голосъ его чистъ и звученъ, ктому же онъ умѣетъ дать силу каждому слову. Остается пожелать, чтобы въ немъ было немного поболѣе по благородства въ роляхъ повѣсь.

Г. *Линдротъ*—на роляхъ первыхъ любовниковъ. Это молодой актеръ, соединяющій съ пріятною наружностію довольно ловкости и хорошую манеру; онъ также хорошъ въ нѣкоторыхъ патетическихъ, какъ и ко-

мическихъ роляхъ. Къ числу первыхъ—относятся роли *Симона*, въ драмѣ «Симонъ Сиротинка»; *Пьера*, въ водевилѣ—«Что и деньги безъ ума». Къ числу послѣднихъ—*Вани*, въ водевилѣ: «Бѣда отъ нѣжнаго сердца». и молодаго островитянина въ водевилѣ—«Царство женщинъ». Вообще, въ немъ замѣтно много старанія и любви къ искусству, съ которыми онъ, вѣроятно, въ скоромъ времени приобрѣтетъ болѣе знанія сцены и опытности.

Г. *Максимовъ* — комикъ. Онъ съ большимъ успѣхомъ замѣнилъ любимца здѣшней публики г. *Красовскаго*. Въ комизмѣ его нѣтъ ничего натянутого, игра его натуральна, проста и безъ малѣйшаго преувеличенія. Ктому же онъ довольно разнообразенъ и каждой роли умѣетъ при-дѣлать свой собственный колоритъ, что и доказываетъ его обдуманность. Лучшія роли, въ которыхъ я его видѣлъ: *Размази*, въ комедіи «Въ людяхъ ангель, не жена»; *Пьера*, въ драмѣ: «Материнское благословеніе»; *Питрепида*—въ водевилѣ «Сиротка—Сусанна». Во всѣхъ этихъ роляхъ онъ былъ вѣренъ характерамъ и очень отчетливъ.

Г. *Ивановъ*, содержатель театра, также комикъ, но особенно хорошъ въ роляхъ глухихъ франтовъ, напримѣръ: *Приндика*, въ комедіи: «Въ людяхъ ангель, не жена»; и *Сентъ—Альфонса* въ водевилѣ: «Сиротка—Сусанна».

Г-жа *Милославская* занимаетъ первыя роли въ драмахъ; она молода и съ пріятною наружностію соединяетъ звучный органъ и правильную дикцію; но всего важнѣе то, что въ ней много неподдѣльнаго чувства. Изъ видѣнныхъ мною ролей, лучше всѣхъ исполнены ею роль *Христины*, въ драмѣ того же названія, и *Маріи* въ драмѣ «Материнское благословеніе», особенно въ послѣдней: то наивная и веселая, то страстная и безумная, она съ большимъ успѣхомъ выполнила заданный характеръ отъ начала до конца. Очень жаль, что она играетъ всегда въ драмахъ, которыя не могутъ быть выполнены хорошо.

Г-жа *Соколова 1*, играетъ первыхъ любовницъ, въ комедіяхъ и водевиляхъ. Она не дурна собой, стройна, ловка; въ ней много живости и веселости, ктому же она обдумываетъ исполненіе своихъ ролей. Лучшія изъ нихъ: *Сиротки—Сусанны* и *Славской*, въ комедіи: «Въ людяхъ ангель, не жена». Въ первомъ актѣ игра ея была неудовлетворительна, но изобразить свѣтскую женщину на балѣ—самая трудная задача и не для провинціальной актрисы. Но въ концѣ акта, когда заговорило въ ней обиженное самолюбіе, когда она должна была, противъ воли, уѣхать съ балу, — борьба гнѣва ея съ желаніемъ поддержать свою репутацію, была выражена ею очень хорошо. Точно также и во второмъ актѣ, гдѣ она является совершенно безъ маски; переходы ея отъ бѣшенства къ смиренію, къ любви и опять къ бѣшенству, выполнены ею очень вѣрно и натурально. Сверхъ того, при небольшомъ ея голосѣ, она поетъ очень не дурно.

О г-жѣ *Шубиной* я не знаю что сказать... Можетъ быть, она была не въ голосѣ, во всѣ представленія, въ которыя я ее видѣлъ, но пѣніе ея было очень неприятно для слуха. Она играетъ въ опереткахъ и водевиляхъ, роли, въ которыхъ много пѣнія; даже—(какова смѣлость!), она

играла *Дочь втораго полка!* но игра ея, не смотря на молодость, всегда вяла и безжизненна. Кстати, о «Дочери втораго полка»: тогда игралъ съ нею роль *Трульона* г. *Поповъ* и былъ въ ней очень хорошъ; я только и видѣлъ его тутъ, и въ роли *Матроса*, которую, не смотря на трудность, онъ выполнилъ съ чувствомъ и увлеченіемъ. Жаль, что ярославская сцена лишилась такого значительнаго актера.

Г-жа *Максимова* играетъ старухъ и другія комическія роли. При этомъ надо замѣтить, что она вмѣстѣ съ своимъ мужемъ составляетъ красу здѣшней сцены, очень хорошо умѣетъ пользоваться комическими положеніями, не прибѣгая къ фарсу, и мастерски выполняетъ куплеты. Только надо ей посовѣтовать, чтобъ она никогда не играла молодыхъ.

Г-жа *Корина* молодая актриса на вторыя роли; она хороша собой, ловка и съ успѣхомъ занимаетъ многія изъ нихъ. Сверхъ того, она хорошо танцуетъ нѣкоторые характерные танцы. Однимъ словомъ, она очень полезная артистка для здѣшняго театра.

Г-жа *Соколова 2*, еще очень молоденькая дѣвушка, играетъ маленькія роли, большею частію служанокъ, но всегда съ толкомъ, натурально, и есть надежда, что со временемъ она будетъ замѣчательною актрисою. Притомъ она не дурно танцуетъ.

Не лишнимъ считаю замѣтить объ игрѣ двухъ актеровъ, занимающихъ небольшія роли, и всегда натурально, со всевозможнымъ стараніемъ не повредить совокупности пьесы. Я говорю о г. *Лисенковъ* и *Щелковъ*. Первый играетъ комическія роли; но прежде, не знаю почему, на его долю выпадали драматическія и онъ былъ совершеннымъ посмѣшищемъ; теперь же онъ на своемъ мѣстѣ и не только не портитъ, но еще способствуетъ общему успѣху. Второй—очень удачно выполняетъ роли слугъ, не *Криспиновъ*, *Жасминовъ*, *Гро-Рене* и другихъ плутовъ классической комедіи, но просто современныхъ русскихъ лакеевъ, въ которыхъ такъ хорошъ нашъ *Фалѣевъ*.—Объ остальныхъ актерахъ нечего сказать.

Изъ этого краткаго обзора, вы можете видѣть, что маленькая труппа г. *Иванова* съ успѣхомъ можетъ выполнять небольшія пьесы и очень недостаточна для большихъ. Но необходимость заставляетъ ихъ тянуться выше мѣрки, хотя и съ горемъ пополамъ, чтобы хоть нѣсколько прикрыть бѣдность денежнаго сбора отъ спектаклей, потому—что во время представленій, составленныхъ изъ маленькихъ, доступныхъ труппѣ пьесъ, сборъ иногда не покрываетъ вечероваго расхода.

Окончу это письмо большою благодарностію г. *Иванову*; онъ сдѣлалъ все, что только можно было при его маленькихъ средствахъ, и вѣрно сдѣлалъ бы еще болѣе, если бы имѣлъ на то сколько нибудь возможности. Конечно, нельзя не пожелать нѣкотораго усовершенствованія, на примѣръ прибавленія двухъ—трехъ артистовъ и улучшенія оркестра. Но въ настоящемъ положеніи дѣлъ это ему рѣшительно невозможно. Будемъ надѣяться, что публика оцѣнитъ усилія г. *Иванова*, обратится къ театру и дастъ средства содѣлать исправитъ недостатки и сдѣлать нужныя улучшенія, къ ея же собственному удовольствію.

Филимоновъ.

ВСТРѢЧА ЛАМАРТИНА СЪ РОССИНИ.

Въ 1828 году я служилъ—писать Ламартинъ — по дипломатической части. Въ бытность мою во Флоренціи, изготовивъ депеши и кончивъ занятія въ посольской канцеляріи, я садился, бывало, верхомъ на коня и отправлялся на набережную Арно. Я выѣзжалъ въ одни изъ прекрасныхъ древнихъ воротъ, ведущихъ за-городъ и пускался на уединенную прогулку, подъ сѣнію кипарисовъ, маслинъ и смоковницъ, покрывающихъ окрестные холмы своей блѣдной зеленью, которая такъ пріятна глазамъ.

Послѣ заката солнца я возвращался домой длинными, мрачными улицами, вымощенными плитой, звучащей подъ конскими копытами. Воздухъ былъ напоенъ смолистымъ запахомъ, распространившимся отъ домовъ и палатъ Флоренціи, выстроенныхъ, по большей части, изъ кипариснаго дерева: Я садился писать, и порой передавалъ бумагѣ свои бывшія вдохновенія, или шелъ въ театръ успокоить свою душу и понѣжить чувства звуками поэтической музыки Россини, которой одна нота лучше всѣхъ произведеній нашихъ поэтовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Я познакомился съ Россини въ 1820 году, въ Неаполѣ, во время революціи, въ домѣ юной герцогини д'Альбъ; тогда еще онъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ слушавшихъ его произведенія въ театрѣ Санъ-Карло, предчувствовали въ немъ гениальнаго композитора. Что же до меня, такъ я, въ то время, зналъ о немъ только, что онъ называется Россини.

Разъ вечеромъ, войдя въ залу герцогини д'Альбъ, наполненную множествомъ гостей, я, раскланявшись съ хозяйкой и поговоривъ съ знакомыми, отошелъ къ сторонѣ. Неподалеку отъ себя я замѣтилъ прекраснаго молодаго человѣка съ мужественными чертами и томными взорами, исполненными какого-то страннаго блеска; онъ безцеремонно подошелъ ко мнѣ; смѣло и ласково протянулъ мнѣ руку, и твердымъ, звучнымъ голосомъ произнесъ мнѣ, съ весьма замѣтнымъ за-альпійскимъ произношеніемъ, нѣсколько строфъ моего поэтическаго размышленія, подъ названіемъ: *Безнадежность*, которое только-что было напечатано въ Парижѣ. Оно кончалось такъ:

«Jusqu'a ce que la mort ouvrant son aile immense,
«Engloutisse à jamais l'éternel silence,
«L'éternell douleure.»

Прочитавъ это, онъ назвалъ меня по имени.

Мнѣ было чрезвычайно лестно и пріятно услышать мои собственные стихи изъ устъ этого юноши. Мы разговорились; онъ мнѣ признался, что музыкальные произведенія доставляютъ ему только восторженные похвалы, между тѣмъ какъ бѣдная мать его терпитъ горе и нужду. Я совѣтовалъ ему побывать въ Парижѣ и Лондонѣ, доказывая, что оба города считаются средоточіями художественнаго міра, сулилъ ему славу, богатство. По несчастію, онъ меня послушался.

Я никогда не прощу себѣ этого; я предалъ его на жертву варварамъ. Правда, онъ разбогатѣлъ, приобрѣлъ громкую извѣстность, но за то совершенно погубилъ свое дарованіе, стараясь поддѣлаться подъ испорченный вкусъ французовъ. Морскія волны, плещущія въ берегъ Неаполя, скрытъ ѳосень, одѣвающихъ римскіе холмы, рыбаки Сорренты, или Гаеты, дѣвушки-островитянки и пастухи въ горахъ, палимыхъ лучами солнца Средиземнаго моря... все это звучитъ и поетъ иначе, нежели плескъ волнъ Сены, шлепанье парижской грязи, или монотонный шумъ лондонскаго дождя. Поселиться внѣ своего отечества для Россини значило то же, что для дерева, если его пересадить въ чуждую почву, или для насѣкомаго, если его лишить солнечнаго свѣта. Мой совѣтъ отнялъ у музыкальнаго міра много чудныхъ мелодій.

Россини, какъ соловей, пересталъ пѣть, когда наступило лѣто его жизни; онъ сошелъ съ поприща во всей силѣ таланта, свѣжести силъ и блескъ славы; онъ все шелъ впередъ и далъ себѣ слово ни шагу не дѣлать назадъ. Но кто знаетъ, сколько еще предстояло ему податься впередъ? Мнѣ кажется, что его преждевременное уклоненіе со своего пути, имѣетъ глубокое значеніе, и осуждать его никто не имѣетъ права.

Теперь Россини, счастливый, богатый и беззаботный, живетъ въ Болоньи; а я по прежнему отираю съ лица своего влажные слѣды житейскихъ непогодъ и праха жизненнаго пути! Если эти строки когда-нибудь попадутся ему на глаза, пусть онъ вспомнитъ о молодомъ чужестранцѣ, съ которымъ встрѣчался въ гостиной герцогини д'Альбъ, а я воздамъ должное почтеніе гениальнѣйшему человѣку нашего времени.

МУЗЫКА ВЪ ИНДІИ.

Музыка Индіи сдѣлалась извѣстною нашимъ ученымъ не болѣе, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. За сто лѣтъ не знали даже языка народовъ, обитающихъ въ этой странѣ. Разысканіямъ ученыхъ мы обязаны свѣдѣніями о цивилизации по берегамъ Индуса и Гангеса. Съ музыкою ознакомили насъ Уильямъ Джонеръ, основатель Азіатскаго Общества въ Калькуттѣ, капитанъ Уиллардъ, Гамильтонъ, Бердъ и другіе.

Священныя книги, *Веды*, повѣствуютъ, что создатель земли, принимая образъ человѣческой, сотворивъ Кришну, ниспослалъ на землю божественный даръ музыки. Въ цвѣтѣ юношеской красоты, увѣнчаннаго цвѣтами, изображаютъ Кришну окруженнымъ толпою подругъ его дѣтства, съ восторгомъ внимающимъ пѣнію шести тысячъ дѣвъ, изъ которыхъ каждая желаетъ очаровать его своею пѣснію. Сараваси, покровительница музыки и ораторскаго искусства, Сараваси, къ которой Брама пламенѣетъ вѣчною любовью, жена Кришны.

Союзъ ихъ произвелъ многочисленное потомство геніевъ обоого пола (Рагесъ, Рагемесъ), составляющихъ одно семейство; въ число ихъ входятъ мириады крылатыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ (Апсарасъ). Представителями ихъ на землѣ служатъ союзы любящихъ сердець. Древняя Греція, изобиловавшая прелестными мѣрами, не изобрѣла ничего плѣнительнѣе и привлекательнѣе этого Олимпа, исполненнаго божественныхъ звуковъ, гдѣ воодушевленному смертному воздаютъ полубожескія почести. Музыкальный языкъ Индустана носитъ на себѣ печать этой блестящей фантазіи. Напримѣръ, чтобъ возвысить Φ (по-индѣйски *Муддумъ*) на *Strutis*—отдѣленіе музыкальной скалы на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ тона—выражаются слѣдующимъ образомъ: «Пагира беретъ у Прузуруны двухъ сестеръ, чтобъ подарить ей двухъ другихъ подругъ». Впрочемъ, это дѣленіе на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ тона не употребляется въ практикѣ. Едва ли можно, даже послѣ большаго упражненія, безъ особенной натяжки интонировать такіе маленькіе интервалы. Историки приписываютъ исключительно нѣкоторымъ восточнымъ народамъ употребленіе этого дѣленія. Нужно бы было многочисленными опытами подтвердить мнѣнія путешественниковъ, которые очень легко могутъ и ошибаться, принимая фактъ, противорѣчащій инстинктивному слуху. Индѣйцы вообще обращаютъ много вниманія на разнообразіе музыкальныхъ оттѣнковъ и очень цѣнятъ голоса, которые какъ будто шипятъ, что европейцамъ кажется нестерпимымъ; короткія пѣсни у нихъ обыкновенно сопровождаются хлопаньемъ въ ладоши. Величайшею похвалою себѣ считаетъ индѣйскій пѣвецъ, когда ему скажутъ, что, услышавши его голосъ, его приняли за женщину. Вѣроятно, прежде здѣсь пѣли только женщины. Употребительнѣйшіе инструменты здѣсь слѣдующіе: *вина*, изобрѣтенная сыномъ Брамъ; *тамбура*, родъ гитары; *накера*, барабанъ; *турти*, нѣчто въ родѣ свирѣли, которою туземцы околдовываютъ змѣй; *сарунія*, родъ скрипки, заимствованный, вѣроятно, отъ европейцевъ; наконецъ *кансулія*—флейта, на которой играютъ не ртомъ, а ноздрями. Кришна придумалъ такое употребленіе органу обонянія. Это впрочемъ не единственная странность, которую мы встрѣчаемъ въ индѣйской музыкѣ. Музыканты, играющіе на духовыхъ инструментахъ, считаются низкими и вообще презираемы. Театръ любятъ все касты. Есть индѣйскія драмы, которыя продолжаются три ночи сряду; ихъ играютъ подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ факеловъ. Въ драмѣ соединены и оперы и даже водевили. Вездѣ изученіе музыки представляетъ живой интересъ; въ Индіи множество легендъ прославляютъ музыкальныя творенія. Такъ *Міа-Тузингъ* до того дерзокъ, что рѣшается днемъ пропѣть пѣсню, которую можно пѣть только ночью, и тотчасъ густыя туманы падаютъ на него и окружаютъ его непроницаемымъ мракомъ. Другая пѣсня имѣетъ то ужасное свойство, что всякій, кто ее пропоетъ, дѣлается жертвою огня.

Въ Индіи музыка занимаетъ важное мѣсто въ обрядахъ богослуженія, при празднествахъ, на свадьбахъ и похоронахъ. Во всякой нагодѣ для этого находится хоръ баядерокъ, Девадгази. Эти Гетеры единственныя женщины въ Индіи, которымъ позволено учиться читать

и писать. Онѣ умѣютъ пользоваться этимъ правомъ и начинаютъ учиться съ самаго дѣтства. Въ пагодахъ ими распоряжается капельмейстеръ. Одинъ извѣстный оріенталистъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: «*Натуцца*, или капельмейстеръ, замѣчательнѣе прочихъ здѣшнихъ искусниковъ. Онъ бьетъ тактъ по узкому барабану, безпрестанно корчится, двигаетъ руками, плечами и головой, и чтобы воодушевить музыкантовъ, издаетъ какіе-то дикіе звуки. Смотри на него, невольно подумаешь, что онъ страдаетъ судорогами! Балетмейстеръ же (*Хелембикаремъ*), который въ 1838 году былъ въ Парижѣ съ танцовщицею *Амани* и ея подругами, не отличается тѣмъ лихорадочнымъ одушевленіемъ, которое замѣтно въ баядеркахъ. Въ отношеніи характеристической пантомимы, очаровательныхъ и граціозныхъ позъ, индійскія Девадгази имѣютъ соперницъ только въ египетскихъ *Абуалемъ* и *Навати*. Танцы ихъ дотога легки и свободны, что Мегметъ-Али запретилъ имъ танцовать въ публичныхъ мѣстахъ, въ Каирѣ и Александріи.

ЖОЗЕФИНА ГРАССИНИ.

Едва минулъ годъ, какъ въ Миланѣ скончалась одна изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ пѣвицъ начала нынѣшняго столѣтія; въ Миланѣ были ея первые успѣхи, здѣсь же и окончила она жизнь: имя ей — *Жозефина Грассини*. Это имя въ особенности было достославно между виртуозами и замѣчательными артистами, составлявшими украшеніе двора Наполеона. Привезенная во Францію побѣдителемъ Италіи, послѣ сраженія при Маренго, г-жа Грассини перестала пѣть публично съ паденіемъ Наполеона. Послѣ г-жи Каталани, между знаменитыми пѣвицами нашего вѣка первое мѣсто занимаетъ г-жа Грассини; она принадлежитъ къ тому же періоду искусства, къ той же группѣ избранныхъ артистовъ и составляетъ съ своею неподражаемою современницею замѣчательнѣйшій и счастливѣйшій контрастъ. Жозефина Грассини родилась въ *Варезь*, миланскомъ мѣстечкѣ, въ 1773 году. Дочь бѣднаго земледѣльца, но одаренная замѣчательною, рѣдкою красотою, она обратила на себя вниманіе, еще въ юности, генерала Бельджіозо, который, принимая участіе въ ея будущности, отправилъ ее въ Миланъ, гдѣ она начала изучать музыку и пѣніе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Успѣхи ея, весьма быстрые, въ соединеніи съ привлекательною красотою ея лица и плѣнительностію ея голоса, доставили ей скоро довольно большую извѣстность между свѣтскими дилетантами. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ въ публичныхъ концертахъ и на частныхъ театрахъ, г-жа Грассини дебютировала въ первый разъ

на большомъ театрѣ della Scala, въ Миланѣ, въ 1794 году. Она появилась въ первый разъ въ оперѣ Зингарелли, «*Артаксерксъ*», съ знаменитымъ сопранистомъ Маркези и теноромъ Лаззарини, потомъ въ «*Demofonte*», оперѣ Портогалло. Успѣхъ г-жи Грассини былъ блестящій въ этихъ двухъ операхъ, и имя ея распространилось вдругъ по всей Италіи. Первые театры полуострова оспаривали обладаніе юною и прекрасною пѣвицею, величественный голосъ которой и строгая метода поставили ее съ разу въ первомъ ряду пѣвицъ.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, употребленнаго ею на посѣщеніе важнѣйшихъ городовъ, гдѣ она была принимаема съ триумфомъ, — г-жа Грассини возвратилась въ Миланъ, во время карнавала 1796 г., и появилась снова на театрѣ della Scala, въ оперѣ Траетти, «*Apelle e Samraspe*» и потомъ въ «*Romeo e Giulietta*» — Зингарелли, написанной нарочно для г-жи Грассини и Кресцентини. Въ этой-то оперѣ, составленной въ 40 часовъ, если вѣрить преданію, въ этомъ твореніи, которое, при всей слабости своей, можетъ быть разсматриваемо какъ *chef-d'oeuvre* драматической музыки Зингарелли, г-жа Грассини достигла высшей точки своей славы. Въ блескѣ юности (ей тогда было 23 года), одаренная голосомъ удивительнымъ, восхитительнымъ, управляемымъ вкусомъ изысканнымъ, выразившимъ наивысшіе порывы страсти, г-жа Грассини нашла въ роли Джульетты идеаль, долженствовавшій возбуждать и развивать возвышенныя побужденія ея собственной природы. Замѣчательно, что великіе пѣвцы, также какъ и композиторы, и вообще всѣ тѣ, которые предаются искусству, встрѣчаютъ только *разъ* въ своей карьерѣ случай, такъ сказать, ухватить *fiction* своей фантазіи, тѣхъ таинственныхъ мечтаній и внутреннихъ чувствъ, которыми питается источникъ нашей нравственной жизни. Таково свойство такъ называемаго *chef-d'oeuvre*, заключающаго чистѣйшую эссенцію того, что онъ производитъ. Хотя пѣвцы и драматическіе артисты вообще, повидимому, должны избѣгнуть этого закона особенности, тѣмъ не менѣе справедливо, что великіе артисты развертываются вполне и дѣлаются неподражаемыми только въ роли, какъ будто для нихъ лично предназначенной, гдѣ ихъ свойства и наклонности, въ соединеніи съ физическими качествами, являются въ полной, совершеннѣйшей взаимной гармоніи. Вотъ почему г-жа *Паста* не знала, не имѣла соперницы въ роли Танкреда, а *Малибранъ* была неподражаема въ роли Дездемоны; вотъ почему г-жа *Гризи*, подобно *Пастѣ*, не имѣетъ соперницы въ *Нормѣ*.

Во время карнавала 1797 года, г-жа Грассини пѣла въ Венеціи въ «*Гораціяхъ*» Чимарозы, твореніи, которое, кажется было составлено въ томъ же городѣ въ 1794 г., потому-что, почти вѣроятно, что въ этомъ году появилась эта лучшая опера *seria*, оставшаяся намъ отъ автора «*Il matrimonio segreto*». Лѣтомъ того же года (1797), послѣдняго года республики Венеціанской, г-жа Грассини отправилась въ Неаполь, который знаменитая пѣвица посѣтила въ первый разъ. Приглашенная въ эту столицу, чтобъ содѣйствовать блеску бракосочетанія наслѣдственнаго принца Обѣихъ-Сицилій, въ послѣдствіи короля Франциска I, отца

герцогини Беррійской, г-жа Грассини нашла себя въ большой сферѣ музыкальнаго искусства, и пребываніе ея здѣсь относится къ счастливѣйшимъ эпохамъ ея жизни. Пиччини, находившійся тогда въ Неаполѣ, куда онъ бѣжалъ отъ ужасовъ французской революціи, сочинилъ для г-жи Грассини кантату, которую она должна была пѣть при дворѣ. Ученикъ Пиччини, Анфѣсси, былъ до того самонадѣянъ, что дерзнулъ измѣнить проектъ, замѣнивъ одно мѣсто своимъ произведеніемъ. Не зная подобной продѣлки, принцъ Англійскій, Августъ, въ послѣдствіи герцогъ Суссекскій, пригласилъ пѣть г-жу Грассини, въ своемъ дворцѣ, кантату знаменитаго композитора, услугъ котораго онъ не знавалъ. Безполезно, можетъ быть, прибавлять, что принцъ Англійскій, выдававшій себя за большаго любителя музыки, былъ совершенно очарованъ красотою г-жи Грассини. Г-жа Грассини возвратилась въ Миланъ въ 1800 году, и здѣсь-то слышалъ ее въ первый разъ генералъ Бонапарте, въ одномъ изъ публичныхъ концертовъ, данныхъ послѣ сраженія при Маренго. Очаровательная пѣвица была замѣчена побѣдителемъ Италіи и онъ отправилъ ее въ Парижъ. Г-жа Грассини пѣла передъ парижанами, въ первый разъ, по случаю большаго національнаго праздника, даннаго въ Домѣ Инвалидовъ, 14 іюля 1800. Не смотря на присутствіе генерала Бонапарте, привлекавшее всѣ взоры и бывшее тогда истиннымъ предметомъ энтузіазма, итальянская пѣвица произвела чрезвычайный эффектъ на многочисленную публику, присутствовавшую при этой церемоніи. Она пѣла также въ концертѣ, бывшемъ у министра внутреннихъ дѣлъ, 30 октября того же года, и гдѣ красота ея, голосъ и блестящій талантъ были еще лучше оцѣнены. На этомъ вечерѣ находился нѣкто *Банти*, также знаменитый пѣвецъ конца XVIII столѣтія, исторія котораго есть цѣлый романъ. Г-жа Грассини дала вслѣдъ за этимъ два публичныхъ концерта въ Оперѣ съ знаменитымъ віолончелистомъ *Роде*, который былъ весьма достоинъ соперничества съ виртуозкою такого высокаго значенія. Всѣ удивлялись обработанной методѣ голоса и восхитительной фізіономіи пѣвицы.

Это было въ первые дни консульства. Генералъ Бонапарте только-что начиналъ свое будущее назначеніе и не имѣлъ еще времени возстановить всѣ прежнія учрежденія, въ числѣ которыхъ была и итальянская опера. Г-жа Грассини, не имѣя возможности оставаться въ Парижѣ постоянно, предприняла вояжъ по Германіи и прибыла въ Берлинъ, гдѣ дала много концертовъ весною 1801 года. Въ слѣдующемъ году, г-жа Грассини была приглашена въ Англію, чтобъ замѣнить *Банти*, который только-что уѣхалъ въ Италію. Г-жа Грассини встрѣтила въ Лондонѣ значительную соперницу въ г-жѣ *Биллингтонъ*, съ которою принуждена была вынести одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ, интересныхъ состязаній, которыми вездѣ наполнена жизнь артиста. Составилась бы любопытная книга, еслибъ описать исторію знаменитыхъ пѣвицъ, по системѣ Плутарха, гдѣ бы можно было въ противоположность тѣхъ, которые отличились строгою и благородною методою, вывести другихъ, не имѣвшихъ этихъ качествъ. Сколько бы ѣдкихъ замѣчаній пришлось сказать въ заключеніе!... Ни въ

какой части Европы эти состязанія не были такъ часты, какъ въ Англіи, гдѣ виртуозы итальянскіе отличались съ начала XVIII столѣтія и гдѣ они служили игрушкою соперничающимъ партіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, виги, тори и оппозиція соперничествовали между собою, обнаруживая свои взаимныя отношенія расположеніемъ къ тому или другому пѣвцу синониму ихъ партіи и преслѣдуя талантъ другаго пѣвца-соперника. Такъ, въ 1730 году, Гендель, дирижировавшій малымъ театромъ *Lincolns'inn-Field*, былъ принужденъ враждовать противъ *Hay-Market'a*, бывшаго подъ управленіемъ *Порпоры*, которому покровительствовала оппозиціонная партія. Знаменитый сопранистъ *Фаринелли*, пѣвшій въ операхъ своего начальника Порпоры, и *Сенезино*, другой знаменитый сопранистъ того же времени, державшійся стороны Генделя, сдѣлались игрушками двухъ главныхъ партій, забавлявшихся ихъ соперничествомъ, подобно тому, какъ въ той же Англіи забавляются дракою пѣтуховъ.

Въ то время, когда г-жа Грассини встрѣтилась съ г-жею Биллингтонъ, послѣдняя была уже съ давняго времени предметомъ почитанія англійской публики. Родившись въ Лондонѣ, въ 1763 г., въ семействѣ германскихъ артистовъ, она занялась изученіемъ музыки весьма рано, и уже имѣла публичные успѣхи, когда ей было только 14 лѣтъ. Г-жа Биллингтонъ дебютировала, шестнадцати лѣтъ, въ Дублинѣ, гдѣ однако должна была уступить мѣсто англійской пѣвицѣ, миссъ *Виллеръ*, голосъ которой между тѣмъ былъ гораздо слабѣе голоса дебютантки. Возвратившись въ Лондонъ, Биллингтонъ дебютировала въ Ковентъ-Гарденѣ, въ одной изъ оперъ доктора *Арна*: «*Любовь въ деревнѣ*», гдѣ успѣхъ ея былъ блистательный. Г-жа Биллингтонъ мѣрила свои силы послѣдовательно съ *Мара*, *Банти* и всѣми знаменитыми пѣвицами, перебивавшими въ Лондонѣ въ продолженіе послѣднихъ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Она скончалась въ своемъ имѣніи, купленномъ ею близъ Венеціи, 25 августа 1818, оставивъ болѣе милліона состоянія. Г-жа Биллингтонъ была, также какъ и Грассини, одарена рѣдкою красотою, и жизнь ея, богатая романическими эпизодами, составила бы одну изъ любопытнѣйшихъ книгъ. Когда *Гайднъ* во второй разъ посѣтилъ Лондонъ, въ 1794 г., онъ имѣлъ случай познакомиться съ г-жею Биллингтонъ и написалъ для нее превосходную кантату, подъ названіемъ: «*Покинутая Ариадна*». Великій композиторъ вошелъ однажды къ пѣвицѣ, въ ту минуту, когда живописецъ *Рейнольдъ* оканчивалъ ея портретъ. Г-жа Биллингтонъ спросила Гайдна, что онъ думаетъ объ этомъ портретѣ?— Онъ похожъ, отвѣчалъ, великій маэстро, но я нахожу въ немъ небольшой недостатокъ.— Какой? спросила г-жа Биллингтонъ съ безпокойствомъ: она опасалась, чтобы Рейнольдъ, бывшій при этомъ разговорѣ, не обидѣлся замѣчаніемъ Гайдна.—Художникъ, продолжалъ Гайднъ, представилъ васъ внимающею хору геніевъ, тогда-какъ онъ долженъ бы былъ изобразить геніевъ, слушающихъ вашъ пѣвительный голосъ.— Смущенная столь лестнымъ комплиментомъ, прекрасная пѣвица протянула ручки и напечатлѣла на губахъ геніальнаго старика восторженный поцѣлуй.

Г-жа Биллингтонъ была весьма замѣчательная пѣвица въ блестящемъ стилѣ; голосъ ея, *soprano*, обширный и измѣнчивый, выполнялъ наитруднѣйшія мѣста съ граціею. Превосходно зная музыку, она читала ноты съ перваго взгляда и обладала замѣчательнымъ талантомъ игры на фортепiano. Когда она прибыла въ Лондонъ, то дебютировала въ театрѣ *Hay - Market* въ оперѣ Майера, «*La Virgine del Sole*». Она встрѣчена была нѣкотораго рода холодною со стороны англійской публики, которая, отдавая справедливость прекраснымъ качествамъ новой пѣвицы, за всѣмъ тѣмъ выразила ей только одно уваженіе. Опечаленная этою неудачею, которой она не ожидала, Грассини не рѣшалась на новыя попытки явиться одной передъ публикою, которая, казалось не хотѣла, признавать могущество ея таланта и увлекательность ея красоты. Въ это-то время, Грассини обратилась къ Г-жѣ Биллингтонъ, прося ее пѣть въ бенефисѣ, для нея назначенномъ. Онѣ появились вмѣстѣ въ оперѣ «*il Batto di Proserpina*», написанной по этому случаю *Виттеромъ*, авторомъ «*Sacrifice in feigompi*» и вообще однимъ изъ удачнѣйшихъ подражателей Моцарта. Г-жа Биллингтонъ выполняла роль Цереры, а г-жа Грассини — роль Прозерпины. Сближенные такимъ образомъ на одномъ полѣ битвы, пѣвицы не просто сражались убійственными руладами; нѣтъ, — это были молніи и ядовитыя трели, которыми взаимно перестрѣливались артистки, подобно конгревовымъ бомбамъ. Сраженіе было долгое, отчаянное и рѣшительное. Перевѣсъ побѣды явно склонился на сторону Грассини; звучный, неподражаемый ея контральтъ, потрясающее впечатлѣніе и патетическій стиль ея, возбуждали всеобщій энтузіазмъ.

Какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Грассини перешла вдругъ отъ неизвѣстности къ полной славѣ и сдѣлалась модною женщиною, любимую свѣтомъ. Ее хотѣли видѣть, только ее и хотѣли слышать, и платили также дорого за одинъ ея взглядъ, какъ за звукъ ея превосходнаго голоса. Она была ласкаема самыми знатными дамами, за ней ухаживали первые вельможи и принцы, въ числѣ которыхъ постоянно находился герцогъ Суссекскій. Однако, хотя пораженная, г-жа Биллингтонъ не покинула совершенно поля битвы и, отъ времени до времени, наносила своей первенствующей соперницѣ нѣкоторыя тайныя стрѣлы, раздражавшія ее, подобно льву затронутому. Г-жа Биллингтонъ, имѣя голосъ сопрано, весьма нѣжный и впечатлительный, хотѣла низвергнуть свою соперницу, прекрасный голосъ которой доходилъ до нижнихъ нотъ контральта, усиливаясь поддѣлаться подъ эти звуки, италіанская пѣвица, чтобъ довершить пораженіе своего врага, пыталась въ свою очередь достигнуть нѣкоторыхъ высшихъ нотъ, отсутствіе которыхъ отравляло удовольствіе ея побѣды. Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ своего рода amazoneкъ заскакивала въ область своей соперницы. Въ одинъ вечеръ, когда обѣ онѣ пѣли дуэтъ изъ какой-то оперы, г-жа Грассини потрясла воздухъ одною нотою высшихъ тоновъ, между тѣмъ какъ г-жа Биллингтонъ устремилась въ преисподнюю голоса контральта. Бѣдный *impresario* внѣ себя вбѣжалъ въ ложу г-жи Лебрёнъ. Вы видите, сударыня, вскричалъ онъ, эти двѣ змѣи хотятъ моея погибели! Когда я

зашелъ сегодня утромъ къ нимъ, я нашелъ Грассини старающуюся, во чтобы то ни стало, ухватить нѣкоторыя возвышенныя ноты сопрано, а Биллингтонъ — упражняющуюся въ подражаніи контральто, въ чемъ совершенно отказала ей природа. Я сойду съ ума, дирижируя этими двумя сиренами!

Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, желалъ, чтобы дворъ его былъ окруженъ всѣмъ великолѣпіемъ, характеризовавшимъ времена Людовика XIV. Вотъ почему, въ 1804 году, онъ пригласилъ въ Парижъ Грассини участвовать въ труппѣ итальянскихъ пѣвцовъ, назначенныхъ исключительно для его театра. Эта труппа была первою, установившеюся во Франціи послѣ той, которая исчезла со времени революціи: ее составляли знаменитый Кресчентини, Брицци, Кривелли, два тенора замѣчательнаго достоинства, къ которымъ присоединились позже Тагинарди и г-жа Паеръ, жена извѣстнаго композитора, назначеннаго директоромъ собственной капеллы императора. Г-жа Грассини и Кресчентини, знакомые уже давно, потому-что пѣли вмѣстѣ еще при началѣ ихъ карьеры, были двумя фаворитными голосами Наполеона, имѣвшими особенный даръ его пѣнять и даже трогать. Кресчентини былъ пѣвецъ высокаго достоинства: онъ былъ послѣднимъ знаменитымъ сопранистомъ, усвоившимъ себѣ стиль и великую методу пѣнія древней итальянской школы. Родившись въ 1767 г., около Урбино, въ Римскихъ владѣніяхъ, онъ дебютировалъ въ Римѣ, въ началѣ 1789 года, въ оперѣ «Cesar», гдѣ онъ игралъ роль женщины, въ костюмѣ, подобномъ тѣмъ, какія носили тогда придворныя дамы Версаля. Кресчентини замѣнилъ въ Римѣ Маркези, отъѣздъ котораго опечалилъ сердца всѣхъ женщинъ вѣчнаго города. При послѣднемъ представленіи, данномъ имъ, Маркези былъ предметомъ восторга и энтузіазма, до такой степени чрезвычайнаго, что трудно объ немъ составить себѣ идею, даже во Франціи. Въ залѣ театра рыдали; дамы провожали любимаго пѣвца выраженіями самыми нѣжными.

Въ 1796 году, Кресчентини былъ въ Миланѣ вмѣстѣ съ г-жею Грассини: здѣсь онъ создалъ роль *Ромео* въ оперѣ Зингарелли. Въ слѣдующемъ году, онъ пѣлъ въ Венеціи, въ «*Гораціяхъ*» — Чимарозы, потомъ отправился въ Вѣну, гдѣ пробылъ до 1799 г. Отсюда онъ уѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ встрѣтилъ г-жу Каталани, и посѣтивъ еще разъ Вѣну, въ 1805 г., гдѣ Наполеонъ имѣлъ случай его слышать, Кресчентини былъ приглашенъ въ Парижъ, и опредѣленъ ко двору съ великолѣпнымъ содержаніемъ. Голосъ Кресчентини былъ mezzo soprano, удивительнаго качества. Превосходный музыкантъ, очаровательной физіономіи и довольно хорошии комедіантъ для человѣка, который, по выраженію Римскаго Права, былъ *capitis diminutio*, — Кресчентини былъ виртуозомъ неподражаемымъ, блестящимъ, въ особенности, подобно своимъ предшественникамъ Гвадани и *Паккиаротти*, въ выраженіи патетическихъ чувствъ. Тѣ, которые слышали г-жу *Пасту* въ роли *Ромео* Зингарелли, могутъ составить себѣ понятіе, конечно весьма не полное, о томъ, каковъ былъ Кресчентини въ этой самой роли, имъ созданной, и для которой онъ составилъ столь знаме-

ниту ю арію: *Ombra adorata*. Въ самомъ дѣлѣ, арія эта, наилучшее мѣсто изъ лучшихъ мѣсть этой слабой партиціи, принадлежитъ самому Кресчентини. Онъ составилъ ее въ «*Реджіо ди Модена*», лѣтомъ 1797 года, чтобъ замѣнить ею арію, написанную Зингарелли, и ему не нравившуюся. Мѣсто это, речитативъ котораго и *santabile*, за нимъ слѣдующее, столь замѣчательныя, имѣло такой успѣхъ, что когда пропѣлъ его Кресчентини въ первый разъ, то публика не хотѣла слышать далѣе партицію. Въ одинъ вечеръ, когда на театрѣ, въ Тюльери, давали наилучшую оперу Зингарелли, Кресчентини пѣлъ въ ней дотога трогательно свою прекрасную арію, что даже Наполеонъ былъ тронуть до слезъ.

Г-жа Грассини была могущественною примадонной этой привилегированной труппы. Наполеонъ услаждался ея талантомъ и любилъ ее лично. Онъ встрѣтилъ ее во время первой итальянской кампаніи; она напоминала ему и прекраснѣйшіе дни его славы и начало его необъятнаго, счастья. При немъ она имѣла большое вліяніе на все, что пѣло и играло на какомъ бы то ни было инструментѣ. Самъ маэстро Паэръ долженъ былъ уступать прихотямъ пѣвицы.

Г-жа Грассини перестала пѣть публично съ 1815 года. Голосъ ея, уже усталый, предупредилъ ее, что пора отказаться отъ пѣнія и закончить свою блестящую карьеру добровольнымъ молчаніемъ. Она жила съ-тѣхъ-поръ, частию въ Парижѣ, частию въ Миланѣ, благородно пользуясь своимъ достояніемъ и сохранивъ до старости черты, свидѣтельствовавшія о ея красотѣ и ея блестящемъ талантѣ. Она умерла въ Миланѣ, въ январѣ 1850 года, на 77 году, оставивъ 500,000 франковъ. Жозефина Грассини была одна изъ плѣнительнѣйшихъ женщинъ своего времени: средняго роста, хорошо сложенная, она имѣла голову восхитительную, съ выраженіемъ граціи и страсти. Ея продолговатые глаза, томные и влажные, открывались медленно и наполнялись внутреннимъ блескомъ, по мѣрѣ того, какъ чувство потрясало фибры ея проникающаго въ душу голоса. Голосъ этотъ былъ контраalto превосходнѣйшаго качества, могущественный, звучный и ровности удивительной. Весьма слабая музыкантша, исполнявшая только самыя легкія пьесы, г-жа Грассини восполняла этотъ недостатокъ первоначальнаго образованія весьма важною методою фразеологіи и вокализациею, звучною и внятною, употребляя украшенія въ частностяхъ, безъ отягощенія главной идеи мелодіи. Украшенія эти, истекая изъ ея прекраснаго стиля, были энергичны и вмѣстѣ нѣжны. Проведя почти всю артистическую жизнь съ Кресчентини, г-жа Грассини умѣла воспользоваться примѣромъ этого удивительнаго виртуоза. Она заимствовала у него его методу, которая была методою Гваданы, Паккіаротти и другихъ знаменитѣйшихъ сопранистовъ XVIII вѣка. Грассини въ особенности отличалась выраженіемъ чувствъ, декламаціею простою, но вѣрною. Въ борьбѣ своей съ г-жею Биллингтонъ, она не могла побѣдить холодности англійской публики иначе, какъ употребивъ качества, противоположныя тѣмъ, какія имѣла ея соперница.

Г. Скудо, изъ статьи котораго, напечатанной въ «Revue des Deux Mondes», № 1, Janvier 1852, мы извлекаемъ эти біографическія свѣдѣнія о г-жѣ Грассини, пишетъ, между-прочимъ, въ заключеніе своей статьи:

«Я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать г-жу Грассини въ Парижѣ въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ она пѣла слѣдующую извѣстную арію изъ «Гораціевъ» Чимарозы:

Quelle papille tenore
Che brillano d'amore.

«Ея величественный голосъ ослабѣвшій уже немного отъ времени, ея мастерская метода, благородный стиль и неподражаемый выговоръ словъ, остались въ моей памяти, какъ идеаль прекраснаго искусства пѣнія. Когда встрѣчаешь хоть разъ въ жизни подобные таланты, то трудно сносить энтузіазмъ, который производятъ въ наши дни столько посредственныхъ артистовъ.

«Жизнь Грассини была жизнью очарованія. Не говоря уже о юной, прекрасной и одаренной величайшими дарами счастья, какіе только имѣть можетъ женщина, жизнь Грассини прошла подобно сладостной мечтѣ. Толпы поклонниковъ оспаривали, цѣною золота, одинъ взглядъ ея прекрасныхъ глазъ, одну улыбку ея очаровательныхъ губъ. Ея побѣды были по крайней мѣрѣ столь же многочисленны и болѣе продолжительны, чѣмъ побѣды чловѣка, отъ котораго она пользовалась величайшимъ расположеніемъ и котораго вполнѣ очаровывала. Родившись, во второй половинѣ XVIII столѣтія, около Милана, въ этой прекрасной странѣ Ломбардіи, почва которой, крѣпкая и обильная, сообщаетъ дѣтямъ своимъ душу возвышенную, г-жа Грассини, подобно Пастѣ, ея соотечественницѣ, и г-жѣ Гризи, ея племянницѣ, была существенно пѣвица драматическая. Болѣе нѣжная, чувствительная, чѣмъ мыслящая, болѣе богатая инстинктомъ, чѣмъ истиннымъ сознаниемъ, она пѣла, какъ блещетъ солнце, чтобъ проявить жизнь, въ ней заключавшуюся, не сознавая произведеннаго впечатлѣнія и засыпая потомъ, подобно птичкѣ, которая краснорѣчива лишь въ краткое время любви. При видѣ этой прекрасной головки, полной блеска, величаво покоившейся на великолѣпныхъ плечахъ, можно было подумать, что видишь Жоконду Леонарда да-Винчи — этотъ типъ ломбардской женщины, которымъ можно восхищаться въ Луврской галлерей. Воображаемъ г-жу Грассини въ костюмѣ Джульетты, возлѣ Кресцентини, въ оперѣ chef-d'oeuvre Зингарелли. Музыка эта, простая, слабо написанная, казалась геніальнымъ произведеніемъ, когда передавалась слушателямъ подобными виртуозами. Я представляю себѣ ее въ этой роли, гдѣ она явилась въ полномъ блескѣ юности и которая была лучшимъ ея созданиемъ, поющею съ Кресцентини восхитительный дуэтъ:

Dunque mio bene
Tu mia sarai?

«и его, отвѣчающаго голосомъ, трепещущимъ отъ глубины чувствъ:

Si, cora speme
Io tua saró.

«Ахъ! какъ далеки мы отъ этого счастливаго времени! Г-жа Грассини, бывшая одною изъ послѣднихъ и великихъ пѣвицъ прошлаго вѣка, осталась чуждою музыкѣ Россини, подобно Каталани. вмѣстѣ съ Кресчентини, ея товарищемъ и учителемъ, Грассини принадлежитъ къ тому поколѣнiю виртуозовъ, которое существовало въ періодъ между Чимарозой и авторомъ «Танкреда» и «Севильскаго Цырульника». Есть прекрасный портретъ г-жи Грассини, нарисованный г. Лебреномъ и сохраняющійся въ музеѣ города Авиньона».

МАВРЫ ВЪ ИСПАНИИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИППЛИНА.

Статья первая.

Вступленіе. Мавры. Какой интересъ можетъ имѣть для насъ народъ, столь отдаленный, народъ, который имѣлъ нѣкогда столь могущественное вліяніе на судьбы Европы, а нынѣ столь ничтожный, что только изрѣдка подаетъ намъ о себѣ признакъ жизни? Можетъ ли занимать насъ судьба народности, которой назначеніе давно уже окончилось и которой нынѣшнее существованіе влечется въ постоянной агоніи, весьма близкой къ неминуемой смерти?

Такой вопросъ слѣдуетъ намъ, вѣроятно, не одинъ изъ нашихъ читателей, разгнѣванный на насъ за то, что мы знакомимъ его съ такими странами и народами, которые не могутъ имѣть никакого непосредственнаго вліянія на нашу собственную судьбу. Но неужели я дѣйствительно заслуживаю этотъ упрекъ? Неужели я ослѣпленъ до такой степени вѣрою въ достоинство моихъ воспоминаній прошедшаго, что не вижу самъ ихъ бесполезности? Неужели я воспоминанія мои потому только люблю, что приобрѣлъ ихъ продолжительнымъ терпѣніемъ и большими трудами?

Признаюсь откровенно, что дѣлая себѣ эти вопросы, я теряю самъ къ себѣ довѣріе. Несмотря, однако, на это, перо не выпадаетъ изъ рукъ моихъ. Я безпрестанно возвращаюсь къ нему, какъ къ своему утѣшителю, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе встрѣчаю въ иностранной литературѣ, переводами съ которой мы, такъ сказать, питаемся, духъ пристрастія, затемняющій здравое понятіе о дѣйствительности.

Рожденный для мирной и домашней жизни, я судьбою занесенъ былъ въ страны отдаленныя: я жилъ и на ледовитыхъ берегахъ Норвегіи и Даніи, я дышалъ поэтическимъ воздухомъ Испаніи и Португаліи и изнемогалъ отъ палящей атмосферы Африки.

ИСПАНСКІЙ ТАМОЖЕННЫЙ СТРАЖНИКЪ И АНГЛІЙСКІЙ КОНТРАБАНДИСТЪ.

Солнце заходитъ уже за горы *Алемтейо* и позлащаетъ лазуревыя вершины ихъ: уже въ вечернемъ сумракѣ скрылись отъ взоровъ нашихъ высокія башни *Бадагоза*, — однѣ только горы Испанской Эстрамадуры блестятъ вдаль на полуночномъ горизонтѣ, освѣщенные мерцающимъ полусвѣтомъ, ниспосылаемымъ на нихъ Фебомъ, покидающимъ землю. Луна виситъ прямо надъ нашими головами; блѣдная и робкая, она украдкою смотритъ на насъ, ожидая нетерпѣливо сокрытія солнечныхъ лучей. Тогда-то водворится полное ея господство, тогда она озарится во всей красѣ своей въ водахъ величественной *Гвадіаны*, которая на волнахъ своихъ несетъ насъ къ южнымъ берегамъ.

Еще далекій путь предстоитъ намъ до *Альмонте*; но все благопріятствуетъ нашему плаванію: попутный вѣтеръ воздымаетъ наши паруса, волны быстро подвигаютъ насъ впередъ, но если бы даже вѣтеръ переѣнилъ вдругъ направленіе, то по одному мановенію нашего капитана, двадцать четыре весла погрузятся въ одно мгновеніе въ волны *Гвадіаны*, и незамѣтно приблизятъ наше судно къ цѣли нашего плаванія.

Живописная *Гвадіана* — уже мавры прославили ее во многихъ рыцарскихъ балладахъ, — *Гвадіана*, рѣка, которой одно названіе пробуждаетъ въ памяти нашей безконечный рядъ романическихъ картинъ, беретъ начало свое у подножія горъ *Сіерра-Морена*, въ озерахъ, называемыхъ *Королевскими*. Она стремится вначалѣ къ сѣверу, потомъ обращается на западъ, въ провинціи, называемой *Манха*; отдѣляетъ часть Манхи отъ сѣверной части Новой Кастиліи, протекаетъ въ этомъ направленіи всю Эстрамадуру, и наконецъ, обогащенная водами многихъ рѣкъ и ручьевъ, омываетъ стѣны крѣпости *Бадагозъ*, возвращается къ сѣверу и быстро изливается въ Атлантическій океанъ. Въ этомъ направленіи отдѣляетъ часть Эстрамадуры отъ португальской провинціи *Алемтейо*, протекаетъ по восточной части этой провинціи, наконецъ отдѣляетъ западную Андалузію отъ королевства *Алгаври*.

Гвадіана собственно отъ *Бадагоза* дѣлается могущественною рѣкою. Если бы рѣка эта находилась во владѣніяхъ англичанъ, они сумѣли бы сдѣлать ее неисчерпаемымъ источникомъ богатствъ, для страны, по которой она протекаетъ; но португальцы и испанцы еще не научились извлекать всей пользы отъ Божескихъ даровъ: быть можетъ, они не чувствуютъ еще въ томъ потребности и не заботятся о выгодахъ, приобретаемыхъ большимъ усиліемъ.

Гвадіана не имѣетъ однообразнаго характера: въ одномъ мѣстѣ, она флегматически течетъ по песчаной плоскости, поросшей мелкою вербою, въ другомъ съ чрезвычайною быстротою стремится между горами, покрытыми, подобно берегамъ живописнаго Рейна, высокими соснами, виноградниками и развалинами древнихъ замковъ; потомъ разливается по низменности и вновь стѣсняется между скалами, гдѣ она

съ ужаснымъ ревомъ низвергается съ одной скалы на другую, рассыпаясь на тысячи мелкихъ и быстрыхъ потоковъ, подобно тому, какъ дѣлала прежде рѣка *Клейда*, пока могучая рука Шкотовъ не измѣнила теченія ея, пробивъ ей дорогу черезъ внутренность скалъ, — наконецъ въ одномъ мѣстѣ Гвадіана почти совершенно исчезаетъ въ подземныхъ пещерахъ, оставляя только на поверхности земли самый ничтожный протокъ, ниспадающій по скаламъ. Въ этомъ мѣстѣ очень затруднительно плаваніе; а потому кормчій не покидаетъ здѣсь ни на минуту руля, на загорѣвшемъ и изрытомъ ранами челѣ его изображается мысль и забота! Здѣсь лежитъ на немъ большая отвѣтственность.

Онъ не стоитъ на палубѣ, но сидитъ: битва подь *Талавейро*, во времена французскихъ войнъ, лишила его обѣихъ ногъ. Это ветеранъ, старшій тѣломъ, но еще бодрый духомъ, съ любовію исполняющій трудныя обязанности свои.

Возлѣ него сидитъ на лавкѣ капитанъ. Ему будетъ уже за сорокъ лѣтъ: голова его уже покрыта легкою сѣдиною, но сколько огня еще видно въ его большихъ, черныхъ глазахъ! сколько благородной отваги и сильной воли видно во всѣхъ чертахъ его! Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливецъ, которыхъ ни огорченія, ни болѣзни, ни самыя лѣта, не лишаютъ молодости. Душа и жизнь, такъ сказать, *вбиты* въ каждый атомъ этого человѣка; живость чувствъ, жажда дѣятельности обличаются въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи. Можно бы подумать, что онъ въ своей небольшой, исхудалой и почти деликатной фигуркѣ, заключаетъ жизненность тысячи людей. Лицо его выразительно, хотя черты его незначительны; лобъ широкій, хотя не много низкій; губы широковаты, бѣлыя зубы его очень часто скрежещутъ, когда онъ, рассказывая что-нибудь съ жаромъ, сжимаетъ сильныя скулы свои.

Но и онъ также инвалидъ: деревяшка замѣняетъ ему ногу, оторванную въ сраженіи подь Трокадеро, въ битвѣ французовъ противъ испанцевъ. Грудь его украшена орденами, которыя живописно красуются на малиновыхъ отворотахъ испанскаго флотскаго мундира; онъ держитъ на колѣняхъ гитару, и часто навѣкишія пальцы его пробѣгаютъ по струнамъ звучнаго инструмента; по временамъ онъ поетъ нѣсколько куплетовъ о своей милой, о Сидѣ, Абенсерагахъ и прочая.

Удивительная вещь! даже большая часть нашей команды состоитъ изъ раненыхъ инвалидовъ: одинъ хромаетъ, у другаго прострѣленный глазъ залѣпленъ пластыремъ; этотъ едва похожъ на человѣка, дотога лицо его испещрено ранами; кажется, что онъ былъ взорванъ на воздухъ при взрывѣ крѣпостной мины или корабля. Но что осталось въ этихъ отважныхъ людяхъ неповрежденнымъ, то было хорошо и отважно. Посмотрите, съ какою гордостью они взираютъ на палубу, заваленную разнымъ оружіемъ!

Но что же это за судно, съ такою жаждущею боя командою и повѣренное инвалидамъ?

Судно это называется: *La joven Isabel* — *Молодая Изабелла*. Это

родъ канонерской галеры, съ мачтою и 24 веслами, размѣщенными въ два яруса. Въ нижнемъ ярусѣ сидѣло 12 галерныхъ, заключенныхъ въ кѣлки за разныя уголовныя преступленія и особенно за контрабанду, производимую съ оружіемъ въ рукахъ. На палубѣ было 12 матросовъ, вооруженныхъ ружьями, пистолетами и саблями: они также, въ случаѣ надобности, дѣйствуютъ веслами. Восемь другихъ матросовъ занимаются подниманіемъ парусовъ; пушекъ однако не было, только на носу стояло два лафета безъ орудій, а на кормѣ огромный лафетъ, также безъ пушки; орудія оставались въ Алмонте, потому-что по причинѣ мелководія Гвадіаны, судно это не могло бы нести такой тяжести; только на кормѣ были двѣ небольшія, но довольно длинныя трехъ-фунтовыя пушки на подвижныхъ подставкахъ, которыя, однако, очень мѣтко стрѣляли. Около мачты разставлено было нѣсколько разнаго рода огнестрѣльнаго оружія, около тридцати ружей и пистолетовъ, также лежало множество холоднаго оружія: сабель, пикъ, топоровъ и проч.

Судно это, длиною въ 40 футъ, а шириною въ 14, только-что спущено было съ Бадагоской верфи и построено съ большимъ и весьма рѣдкимъ въ той странѣ стараніемъ, подъ начальствомъ капитана Педрилло, того самаго ветерана, который въ эту минуту поетъ пѣснь о царѣ Боабдилѣ и съ гордостью посматриваетъ на свое произведеніе. Нижній ярусъ весель находится на полтора фута отъ поверхности воды и такъ устроенъ, чтобы въ случаѣ бури или глубокой воды, окна могли быть плотно запираемы ставнями, чрезъ которыя едва могли проходить ручки весель.

Наша галера построена была нарочно для таможенной стражи, охраняющей устья рѣки Гвадіаны. Она нынѣ въ первый разъ отправляется въ Альмонте, откуда пришло извѣстіе, что англичане безпрестанно привозятъ оружіе португальскимъ герильясамъ и запрещенные товары испанскимъ контрабандистамъ.

И я попалъ въ общество испанскихъ таможенныхъ стражниковъ и проведя съ ними цѣлую ночь, уже успѣлъ сблизиться съ капитаномъ Педрилло: со вчерашняго дня мы такъ подружались, какъ бы двадцать лѣтъ знали одинъ другаго и однимъ пожатіемъ руки дали себѣ взаимный обѣтъ вѣчно помнить другъ друга.

Надъ нами свѣтитъ солнце Андалузій и съ пылающей колесницы своей разсыпаетъ лучи на востокъ—на поля Эстрамадуры, а на западъ—въ таинственныя долины горы Монсичуе. Здѣсь пасутся многочисленные стада овецъ и буйволовъ; однихъ стерегутъ задумчивые пастухи, напѣвающіе плаксивыя и монотонныя пѣсни, — другихъ сильный торреро, на красивомъ конѣ, съ копьемъ въ рукѣ и съ угрозами въ устахъ.—А тамъ, съ португальской стороны, выглядываютъ на насъ изъ-за скалы или кустовъ взоры, сіяющіе, какъ лезвее кинжала. Но взоры эти принадлежали не коршуну и не соколу, а жителямъ горъ и долинъ Португаліи.

Уже мы приближаемся къ тому мѣсту, гдѣ Гвадіана скрывается въ нѣдра земли. Матросы готовятъ канаты, всѣ тяжести сво-

зять на скалу. Тридцать человѣкъ, взгромоздившихся по обваламъ скалъ, переносятъ на канатахъ тяжелое судно. Слава Богу, дѣло это совершено благополучно, судно не повреждено, но сколькихъ это стоило трудовъ и усилій! Паденіе воды здѣсь почти также высоко, какъ въ Шафгаузенскомъ водопадѣ на Рейнѣ, но гораздо уже. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ водопада, Гвадіана снова выходитъ изъ земли, покрытая лѣною, какъ бы выходила изъ жерла Вулкана.

— И здѣсь еще думаютъ о пароходствѣ по Гвадіанѣ, сказалъ капитанъ Педрильо: скорѣе черепаха пройдетъ черезъ Сьерру-Морену, или жаворонокъ огласитъ своими пѣснями снѣжные верхи Альпухарры, чѣмъ пароходъ омрачитъ своимъ дыханіемъ свѣтлое небо нашей Андалузій.

— Вы ошибаетесь, капитанъ; не пройдетъ двадцати лѣтъ, какъ колеса парохода возмутятъ чистыя волны Гвадіаны — отвѣчалъ я.

— *Jamas, mi Senyor, jamas!* никогда, милостивый государь, никогда. Посмотрите, какъ тамъ кипитъ вулканъ и охраняетъ святость нашихъ водъ и потоковъ; посмотрите, какъ тамъ воздымаются граниты и грозно смотрятъ въ пропасть. Горе дерзновенному, который осмѣлится нарушить эти чудныя произведенія природы, сказалъ капитанъ.

— А я васъ увѣряю, что когда-нибудь прійдетъ сюда англичанинъ, вызванный вашимъ правительствомъ и изгонитъ вулкана подводными минами изъ его жилища, построитъ здѣсь шлюзы, порохомъ взорветъ неровное русло, остриемъ разобьетъ каменные скалы и отдастъ вамъ вашу Гвадіану, такую спокойною и ровною, какъ какой-нибудь каналъ.

— Докажите мнѣ это рисункомъ, — сказалъ капитанъ, — иначе я прійму это за шутку.

И простымъ, легкимъ рисункомъ я убѣдилъ капитана, что чудо это возможно.

— *Malediceion sobre la Inglaterra!* Ваша правда! Дѣло это можетъ быть исполнено съ большими трудами и издержками. Несносные эти англичане! Они своими дьявольскими штуками принуждаютъ цѣлый свѣтъ гоняться за ними, иначе мы вѣчно оставались бы ихъ данниками. И безъ того мы уже должны все отъ нихъ покупать; даже такія вещи, которыхъ сырой матеріалъ съ избыткомъ родится въ нашей землѣ: сукно, хлопчатую бумагу, шляпы, писчую бумагу, порохъ и оружіе; все это къ намъ приходитъ изъ Англіи; вся Испанія наводнена ихъ товарами, не взирая на таможенную стражу и на дружные дипломатическія отношенія.

— А между тѣмъ у васъ есть прекрасные мериносы, ваши толедскія желѣзныя издѣлія извѣстны уже болѣе восьми вѣковъ, ваши ружья изъ Санъ-Себастіана и изъ Витторіи пользуются всеобщею славою; Каталонія снабжаетъ васъ прекрасными бумажными издѣліями, ваша писчая бумага изъ *алоз* очень хороша; сѣры у васъ столько, что вы могли бы зажечь ею цѣлый свѣтъ.

— Ахъ, любезный докторъ, не говорите мнѣ этого! я самъ готовъ треснуть съ досады, когда только подумаю объ этомъ. Посмотрите—

ка: наша прелестная Испанія, превосходное созданіе Божіе, отчизна самыхъ благороднѣйшихъ людей въ свѣтѣ, Гесперидскій садъ, сіяющій золотыми яблоками — посмотрите, какъ она нынѣ бѣдна! Прежде металлы были у насъ въ изобиліи, мы мостили наши дворы серебромъ, золотомъ покрывали наши церкви, — а теперь? теперь мы сдѣлались невольниками Англій, оттого, что товары ея, хотя и хуже нашихъ, но нѣсколько дешевле. Англичане вошли къ намъ, какъ пріятели. Вамъ извѣстно, что они сдѣлали съ нашими фабриками? — они ихъ уничтожили вездѣ, гдѣ только могли; въ Мадридѣ они сожгли нашу отличную фарфоровую фабрику подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ укрывалось нѣсколько французовъ; Санъ-Себастьянъ разорили впрахъ, пощадили одинъ только французскій гарнизонъ, а истребили все городское населеніе, состоявшее изъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Я бы могъ рассказать вамъ тысячи подобныхъ вещей. И теперь, что у насъ дѣлаютъ англичане? возбуждаютъ въ жителяхъ всѣхъ нашихъ портовыхъ городовъ мятежи и беспорядки, и въ то время, когда войско бьется съ народомъ, они свободно провозятъ свои товары. Такъ они поступаютъ въ Сантандеръ, въ Бильбао и особенно въ Малагѣ. Ежедневно цѣлая армія контрабандистовъ, герильясовъ и малконтентовъ работаютъ для Англій, обагрятся братнею кровью для того, чтобы вкуснѣе показался имъ бифтексъ. Ахъ, еслибъ мнѣ попался въ руки англичанинъ, — я бы показалъ ему...

— *Capitanito, Capitanito! paciencia!* — прервалъ его рулевой Азбудера, сидѣвшій безъ ногъ на палубѣ и своимъ достоинствомъ, никогда его не покидавшимъ, погасилъ порывъ гнѣва вспыльчиваго капитана своего; — посмотрите-ка лучше, что тамъ дѣлается на горахъ.

Глубокая ночь. Луна опять показалась, но вблизи къ закату, — скоро она совсѣмъ скроется. Мы все еще находимся въ провинціи Алемтейо, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Кальдеякао, одна вѣтвь горъ, называемыхъ *Serra Monchique*, вторгается въ Гвадіану и составляетъ границу Альгарвіи, прежняго мавританскаго эмирата. — Еще осталось пять миль до моря, считая извилистымъ путемъ рѣки, и не болѣе трехъ въ прямомъ направленіи. Въ эту минуту, со стороны моря, вдругъ заблестѣлъ на черной синевѣ ночнаго неба какой-то огонь, поднимавшійся вверхъ. Это конгревова ракета! одна, другая, третья...

— Посмотрите, господинъ капитанъ — говорилъ рулевой, указывая ему на огненный метеоръ.

— Это что-то значитъ, не безъ причины, — сказалъ капитанъ.

— Надѣюсь, отвѣчалъ рулевой и то не безъ причины, что на вершинахъ горъ *Моншикъ* почти въ одно время зажжены въ разныхъ мѣстахъ огни. Вѣдь это не Ивановскіе огни, потому-что до Иванова дня далеко. Это, навѣрно, герильясы, г. капитанъ, это Мигуелисты; они вѣрно намѣрены сыграть съ нами какую-нибудь штуку. Вѣроятно, это какой-нибудь англичанинъ, который приманиваетъ къ себѣ этими ракетами.

— Надо принять мѣры осторожности! вскричалъ капитанъ: держи судно въ отдаленіи отъ португальскихъ береговъ.

Рулевой. Да, пока можно будетъ, но за полмили отсюда этого невозможно будетъ сдѣлать, — развѣ прикажете вести галеру по песку. За полмили отсюда мы должны будемъ держаться въ 50 шагахъ отъ горъ, входящихъ въ рѣку, а въ стѣнахъ этихъ горъ есть множество небольшихъ заливовъ, въ которыхъ герильясы легко могутъ укрыться въ своихъ небольшихъ лодкахъ и оттуда въ насъ стрѣлять, убить у насъ нѣсколько человекъ, зажечь наше судно шутихами, пускаемыми въ паруса, вырѣзать всю нашу команду, освободить арестантовъ, вооружить ихъ и съ ними напасть на Вилла-Нова де-Санъ-Антонио и, пользуясь сумятицею, ввезти въ Португалію и Испанію столько контрабанды, сколько находится у того англичанина. Подобныя вещи случались уже на Гвадіанѣ и легко могутъ опять повториться.

Капитанъ. Да, что-то похоже на то, но что же намъ дѣлать?

Рулевой. Не приближаться ночью къ враждебной скалѣ. Герильясами начальствуетъ Ремехидо: это человекъ отважный и предприимчивый, стоитъ нашего Кабрера Кабециля. Благопріятствовавшее ему доселѣ счастье сдѣлало его увѣреннымъ въ своей силѣ; а это всегда служить ручательствомъ побѣды, г. капитанъ! Я бы совѣтовалъ бросить якорь и дождаться здѣсь утра; ночью всегда невыгодно обороняться, въ потьмахъ нападающій всегда больше выиграетъ.

Капитанъ. Нѣтъ, любезный, остановиться намъ невозможно. Я предвижу, что въ насъ будутъ нуждаться наши сосѣди, португальцы, въ Вилла-Нова; я не хочу прослыть трусомъ или слишкомъ осторожнымъ; мы должны идти далѣе. Спустимъ паруса, чтобы ихъ не могли зажечь.

Рулевой. Парусовъ невозможно спускать, г. капитанъ.

Капитанъ. Отчего же нельзя? Пусть весла замѣняютъ вѣтеръ и паруса.

Рулевой. Да! пусть галерные задержатъ насъ только полминуты подъ огнемъ, и тогда мы погибли.

Капитанъ. И то правда, совершенно справедливо: на вѣрность галерныхъ немного можно рассчитывать.

Задумался немного капитанъ; потомъ собралъ всю команду на кормѣ судна и отдалъ имъ слѣдующій приказъ:

Escuchad amigos soldados y marineros! Слушайте, друзья солдаты и матросы! По всему видно, что на насъ сдѣлаютъ нападеніе тамъ, около мыса, входящаго въ Гвадіану. Вы должны исполнить мои приказанія потихоньку, чтобы арестанты ничего не знали о нашихъ приготовленіяхъ и не вздумали помѣшать намъ. Внесите на палубу всѣ пожарныя трубы и облейте водою паруса и веревки, чтобы на нихъ не дѣйствовали зажигательныя вещества; внесите также сюда ящикъ съ ручными гранатами и раздайте по 12 штукъ всѣмъ чинамъ команды. Пушки зарядить пулями и стараться стрѣлять изъ нихъ въ дно неприятельскихъ лодокъ, чтобы затопить ихъ. Приказанія эти исполнить какъ можно тише: а между тѣмъ пусть пѣсенники и гитаристы затянутъ молодецкую пѣсню, а тѣ изъ васъ, у кого ноги здоровы, пуститесь въ пляску; у кого же нѣтъ ногъ, тотъ пусть бьетъ въ кастаньеты; старайтесь вашею веселостью обмануть вниманіе бандитовъ

и подозрѣнія галерныхъ. Багры, копья, топоры и фитили имѣть въ готовности, а съ огнемъ обходиться осторожниѣ. Къ работѣ! Подъ Вилла-Реаль насъ ожидаетъ еще труднѣйшая работа.

Приказанія капитана въ точности исполнены: пожарныя трубы вынесены наверхъ, паруса облиты, оружія заряжены и все это происходило при звукахъ веселой музыки; къ сраженію готовились танцующе. Это представляло удивительное зрѣлище!

— А вамъ, любезный докторъ, совѣтую отправиться въ каюту и приготовить пластыри и перевязки, — сказалъ мнѣ капитанъ, — скоро у насъ здѣсь кровь польется.

— У меня все уже готово, г. капитанъ; но я прежде долженъ видѣть собственными глазами, какого рода будутъ тѣ раны, которыя я долженъ буду лечить: я еще не имѣю точнаго понятія о морскомъ сраженіи на прѣсной водѣ, — отвѣчалъ я.

— Но вы не забудьте, докторъ, что Мигуелисты стрѣляютъ очень неосторожно, и что я далъ слово Бадагоскому губернатору довести васъ въ Альмонте живаго и здороваго, и надѣюсь, что передамъ васъ въ цѣлости высокому алитаміенто, — сказалъ капитанъ Педрило.

— Вѣрно Бадагоскій губернаторъ не очень будетъ заботиться обо мнѣ, да и вы будьте спокойны на мой счетъ, г. капитанъ: а въ случаѣ, если бы непріятельское ядро вздумало лишить меня жизни, я назначаю торжественно, въ присутствіи всей команды, моимъ наслѣдникомъ вашего сына.

— Я вижу, что съ вами нельзя спорить, пусть будетъ по вашему; но по крайней мѣрѣ станьте на трапъ, вѣдущемъ въ каюту—вотъ такъ! Такимъ образомъ вы все будете видѣть и подвергнете выстрѣламъ только одну вашу голову...

— Одну только голову! подумалъ я — довольно наивная предосторожность!

Луна опускалась на зубчатыя вершины горы *Кальденкао* по мѣрѣ того, какъ мы приближалиеь къ скалистому берегу, подъ которымъ стремился быстрый потокъ. Налѣво, при испанскихъ берегахъ, Гвадіана разливаетъ широко свои воды и дѣлается совершенно мелкою. Приближаться къ этимъ берегамъ было опасно, мы легко могли бы сѣсть на мель и тогда гибель наша была бы неизбежна.

Наконецъ мѣсяцъ совершенно скрылся отъ насъ: вѣтеръ порывался на скалахъ, скрывающихъ нашъ горизонтъ; вдругъ вѣтеръ затихъ. Гребцы берутся за весла, — галера наша, скользитъ какъ лебедь на поверхности водъ. Снова порывается вѣтеръ и далеко относитъ на своихъ крыльяхъ шумъ весель, голоса пѣсенниковъ и монотонные звуки гитары. Скала, вторгающаяся въ рѣку, стояла передъ нами, какъ черный титанъ. Не видно ни зги! Уже мы находимся у стопъ титана.

— *Montad las ventanas!* вскричалъ капитанъ. Но едва принялись закрывать толстые ставни, чтобы охранить гребцовъ отъ непріятельскихъ пуль, какъ надъ нашими головами раздался пронзительный громъ мортиры. Тысячи шутихъ падаютъ на паруса и на палубу. Въ то же время поражаютъ насъ ружейные выстрѣлы; три лодки, наполненныя

вооруженными людьми, подливаютъ къ нашему судну, закидываютъ на него крючья и набрасываютъ разныя зажигательныя вещества. Ужасный трескъ и шумъ оглашаютъ воздухъ, — паруса въ пламени!

Но и мы не были въ бездѣйствіи. Трубы заливаютъ огонь, гребцы, хотя многіе изъ нихъ уже ранены, дѣятельно работаютъ; изъ ружей стрѣляютъ въ непріятеля: гранаты лопаются съ трескомъ въ ихъ лодкахъ: раздающіеся на нихъ плачевныя стоны, доказываютъ мѣткость нашихъ выстрѣловъ. Крючья висятъ еще на нашемъ суднѣ, но ихъ ни одна рука уже не держитъ.

Все это продолжалось не болѣе минуты.

Молодая Изабелла плыветъ свободно по волнамъ Гвадіаны, но палуба ея облита кровью. Еще горятъ паруса и веревки, не загашенныя потоками воды, выпускаемой изъ трубъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дерево занялось. Нечего дѣлать: надо снять паруса и выбросить въ воду, пятеро раненыхъ стонетъ на галерѣ: одинъ изъ нихъ испускаетъ духъ, другой потерялъ руку.

— Все это ничего въ сравненіи съ ударомъ, нанесеннымъ нами непріятелю — сказалъ капитанъ, снимая шляпу съ окровавленной головы своей: — и моимъ воинамъ что-то досталось тотчасъ при первыхъ выстрѣлахъ и немного жжетъ здѣсь; но это пустяки, отъ этой картечи, которая засѣла въ шляпу, — холодная вода остановитъ кровь. Позаботьтесь, г. докторъ, о моихъ бѣдныхъ раненыхъ!

Между тѣмъ не теряли времени, исправили всѣ веревки и подняли запасный парусъ.

— Поспѣшимъ къ Альмонте на парусахъ и на веслахъ: — тамъ насъ ожидаетъ новое дѣло, сказалъ капитанъ.

Мы спѣшимъ Луна вновь открылась изъ-за горъ, оставленныхъ нами позади; она приближается уже къ закату. Еще два часа осталось до восхода солнца.

Уже долетаютъ до насъ издалика голоса испанскихъ часовыхъ въ Альмонте и португальскихъ въ Вилла-Реалѣ. Уже рѣка разливается, по обѣимъ сторонамъ, въ широкое ложе, — берега исчезаютъ въ ночной темнотѣ; одинъ только старыи замокъ мавровъ выказываетъ челю на лазури неба и какъ бы охраняетъ бѣлыя какъ снѣгъ крыши города Альмонте, а съ другой стороны португальское *Castro marim* вторгается почти въ середину рѣки Гвадіаны.

Приближаемся къ пристани Альмонте.

Здѣ ожидается насъ командиръ порта: дряхлый, сухой, хилый гидальго: онъ слышалъ издали выстрѣлы, предвѣщавшіе наше приближеніе.

— Не теряйте ни минуты, капитанъ! Здѣсь, вблизи устья, крейсируетъ со вчерашняго дня сильный контрабандистскій бригъ и старается заманить къ себѣ торговцевъ запрещенными товарами; португальская пятипушечная шкуна не можетъ съ нимъ справиться; намъ приказано въ такомъ случаѣ помогать нашимъ сосѣдямъ. Приготовьтесь къ оборонѣ нашихъ береговъ; возьмите изъ нашего арсенала пушки, я дамъ вамъ

десять человекъ для усиленія вашей команды. Сколько вамъ нужно времени для переноски пушекъ?

— По крайней мѣрѣ часъ.

— Хорошо; чтобы вы до восхода солнца были готовы и, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній, выступайте въ море; но не начинать сраженія съ контрабандистомъ, пока онъ самъ не зацѣпитъ васъ. Вѣроятно, это англичанинъ и потому онъ готовъ дипломатическимъ путемъ требовать вознагражденія потерь: съ англичанами надо быть осторожнымъ. Но что это тамъ за иностранецъ, который вертится около раненыхъ? онъ что-то похожъ на англичанина?

— *Lia Usted sim desconfianza, Commandante! es un amigo!* Ему можно довѣрять — это другъ нашъ; его рекомендовалъ мнѣ губернаторъ Эстрамадуры и приказалъ мнѣ довести его въ Альмонте; а потому, позвольте мнѣ его вамъ представить и поручить вашему благосклонному расположенію; — Аюнтаменто, вѣроятно, еще спитъ, а я долженъ сейчасъ же отправляться далѣе.

Наступило церемоніальное представленіе — обмѣнъ взаимныхъ учтивостей.

— Все это прекрасно, г. капитанъ, сказалъ я, но я желаю остаться съ вами, пока вы не прогоните этого непріятеля вашей торговли и промышленности, — я большой почитатель таможенныхъ.

Капитанъ долженъ былъ согласиться на мою просьбу.

Вездѣ движеніе, шумъ, суматоха, говоръ. Народная гвардія города Альмонте выстроилась на площади; со стороны Вилла-Реаль-де-Санъ-Антонио долетаютъ до насъ звуки барабана. Туда поспѣшно пришла рота пѣхоты изъ Тавира. Военный кордонъ разставленъ вокругъ города, особенно же съ сѣверной стороны: вѣроятно, оттуда ожидаютъ прибытія герильясовъ, которые съ собою распространять ужасы и опустошенія.

Внесенныя на наше судно орудія уже поставлены на лафеты. Въ нижнемъ трюмѣ окна тщательно закрыты ставнями, потому-что отъ тяжести орудій галера наша углубилась въ воду. Всѣ военныя принадлежности приготовлены.

Со стороны востока небо усѣяно серебристыми и легкими какъ газъ облаками; они начинаютъ уже принимать розовый цвѣтъ, какъ бы отъ радости при видѣ приближающагося солнца; но вотъ оно показывается во всемъ блескѣ; при появленіи его сумракъ ночи внезапно разсѣвается и все небо покрывается багровымъ цвѣтомъ. Весь востокъ въ пламени; изумрудныя волны Океана принимаютъ тысячи цвѣтовъ при блескѣ солнца.

И мы уже качаемся на волнахъ Атлантики.

Направо отъ насъ португальская шкуна увидѣла какой-то черный пунктъ на западѣ и стремится къ нему, подавая намъ сигналъ; мы обращаемся въ ту сторону.

Въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ береговъ Португаліи, не далеко отъ устья Гвадіаны, стоитъ большой бригъ чернаго цвѣта. Ни какого флага нѣтъ на вершинѣ мачты: это контрабандистское судно.

Оно находится въ недалекомъ разстояніи отъ берега. Португальская шкуна приближается къ подозрительному судну и холостымъ выстрѣломъ изъ пушки требуетъ отъ него объявленія его націи.

Контрабандистъ не даетъ никакого отвѣта.

Португальское судно цвотворяетъ свой вопросъ вторымъ выстрѣломъ изъ пушки, заряженной ядромъ, но цѣлитъ всторону отъ непріятельскаго брига. Ядро со свистомъ пролетѣло рикошетомъ по поверхности моря и погрузилось въ его нѣдра.

Надменный контрабандистъ стоитъ на мѣстѣ, — потомъ медленно обращаетъ свой тылъ къ шкунѣ. Вдругъ изъ брига показался дымъ, ядро засвистѣло надъ мачтами португальскаго судна, и во ста шагахъ отъ него падаетъ въ море. Громкое эхо раздалось въ воздухѣ!

— Что значить этотъ маневръ? спросилъ я капитана.

— Это значить: я не намѣренъ съ тобою разговаривать, хотя я и сильнѣе тебя. Это постыдный отвѣтъ, г. докторъ, это непременно долженъ быть англійскій контрабандистъ: кто бы другой осмѣлился такъ издѣваться надъ португальскимъ флагомъ?

Между тѣмъ и мы приблизились на полпшечный выстрѣлъ къ непріятельскому судну. Съ помощью трубы мы могли хорошо видѣть все, что дѣлалось на бригѣ. Тамъ все было спокойно: не болѣе двѣнадцати матросовъ стояли на палубѣ и смотрѣли на насъ очень равнодушно. Лица матросовъ — огромныя, обритыя, красныя, а щеки ихъ наполнены, съ одной стороны, табачною жвачкою.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это англичане, сказалъ я капитану: я знаю даже это судно, знаю какъ оно называется, знаю его капитана и портъ, изъ котораго оно вышло.

И дѣйствительно, наученный многолѣтнимъ опытомъ распознавать всѣ подробности постройки корабля, я узналъ, что это судно со снятою съ корма фигурою, съ узкою, продолговатою кормою, съ двумя мачтами, наклоненными въ тылъ, было именно то таинственное судно, о которомъ мой хозяинъ въ Фальмутѣ, въ Корнвалисѣ, говорилъ мнѣ, что для купческаго корабля оно имѣло слишкомъ длинныя ноги и слишкомъ узкій корпусъ, — *то судно*, которое названо по имени прекрасной, романической *миссъ Діаны*.

— *Cien mis bombas, sennog doctor!* вскричалъ капитанъ, если это правда, если вы не ошибаетесь, то мы будемъ имѣть забавную штуку: посмотрите, скоро этотъ нахаль будетъ уходить отъ насъ, какъ заяцъ отъ воды. Надѣюсь, что онъ не осмѣлится объявлять войны двумъ королевскимъ величествамъ: Изабелѣ II и Маріи да Глорія. Напишите скорѣе, любезный докторъ, извѣстныя вамъ имена, вскричалъ съ величайшею радостью капитанъ. — Эй, *Muchacho, Muchacho!* скорѣе принеси сюда черную краску, кисть и кусокъ парусины, величиною со скатерть.

Въ одно мгновеніе юнга принесъ требуемые предметы и я самымъ четкимъ почеркомъ написалъ слѣдующія три слова.

«*Diana, — Davenport, — Falmoutts.*»

Капитанъ, чтобы обратить на себя вниманіе контрабандиста, ве-

дѣлъ поднять на верхъ мачты длинный, узкій *вымпелъ*, называемый по-испански *flamula*, а потомъ приказалъ поднять натянутую на двухъ веслахъ парусину съ надписью.

Англійскій капитанъ замѣтилъ нашъ маневръ и съ помощью трубы прочиталъ означенную надпись. Онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ: протиралъ то ихъ, то трубу и еще разъ началъ читать; потомъ позвалъ рулевого и велѣлъ ему читать: такое же удивленіе показываетъ и рулевой, потомъ качаетъ головой, какъ автоматъ и поспѣшно возвращается къ рулю.

У капитана Педрильо сердце прыгало отъ радости. Вы не обманули меня, докторъ, сказалъ онъ. *Viva Usted mil Anos!* (да продлитъ Богъ жизнь вашу на тысячу лѣтъ!) Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія! Это точно они, Сугајо! мы обнаружили этого бездѣльника... увидите, какъ онъ будетъ удирать отъ насъ. Да погоди-ко, мерзавецъ, я проучу тебя! Убирайся къ чорту, разбойникъ!

Непріятельское судно оборачивается и становится къ намъ тыломъ, изъ него выходитъ огромный клубъ дыма, но почти безъ всякаго шума и треска, только съ какимъ-то глухимъ свистомъ. Напомнивъ намъ такимъ образомъ о себѣ, контрабандистъ принимаетъ опять прежнее свое положеніе.

— Что за дерзость! вскричалъ капитанъ Педрильо, скрежеща зубами, какъ бы въ припадкѣ лихорадки; лицо его побагровѣло, холодный потъ выступилъ на челѣ его. Видѣли вы, что этотъ мерзавецъ сдѣлалъ?

— Я видѣлъ какой-то дымъ, но не вижу, чтобы онъ уходилъ отъ насъ, — отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

— Но знаете ли вы, что значитъ на англійскомъ языкѣ этотъ маневръ, съ клубомъ дыма и глухимъ свистомъ? — Ахъ, почтеннѣйшій докторъ, я тресну съ досады!

— Догадываюсь, вѣроятно это значитъ: «Я тебя въ грошъ не ставлю!»

— Нѣтъ, я не перенесу этого! клянусь честью, что накажу этого мерзавца! Эй! канонеры! зарядить пушки самымъ лучшимъ порохомъ и шлифованными ядрами! — Я самъ прицѣлю.

Канонеры исполняютъ приказаніе, капитанъ скрежещетъ зубами, изъ глазъ его сыплются искры, какъ съ огнива.

Въ это время нашъ мудрый, разсудительный рулевой отозвался:

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, г. капитанъ, зададите ему порядочную острастку, если успѣете первымъ выстрѣломъ подбить его заднюю мачту, которая упадетъ на палубу, изранитъ его команду и не позволитъ ему двинуться съ мѣста; и тогда будетъ *obces* контрабандисту, и мы, *viva Sant Jago y Espana!* захватимъ судно, потопимъ англичанъ, или повѣсимъ ихъ на остальной мачтѣ, какъ намъ вздумается, и отмстимъ честь Гвадіаны кровью подлыхъ контрабандистовъ! Но если вы промахнетесь, что очень вѣроятно, тогда мы всѣ погибли, даже корабельная мышь не уцѣлѣетъ. Контрабандистъ не долго будетъ съ на-

ми забавляться, — выстрѣлить въ насъ изъ всѣхъ своихъ орудій и потопить *Молодую Изабеллу* со всѣми дѣтьми ея.

— Прوماхнусь или не промахнусь, утону или не утону, но обиды не перенесу: я лучше хочу погибнуть — вскричалъ капитанъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, — чѣмъ дозволить низкому бродягѣ издѣваться надъ королевскимъ флагомъ! Провориѣй, рулевой, обороти судно!

Молодая Изабелла обернулась тыломъ къ Діанѣ.

Капитанъ поспѣшно подходитъ къ одному орудію, становится на колѣни, долго прицѣливается, поворачиваетъ орудіе направо и налево, наконецъ встаетъ и вырываетъ изъ рукъ канонера фитиль.

Сердце у насъ у всѣхъ крѣпко билось, положеніе наше было не завидно. Наша участь зависѣла отъ мѣткости одного выстрѣла, зависѣла отъ руки капитана, а между тѣмъ эта рука дрожала!

— Именемъ Бога умоляю васъ еще разъ, г. капитанъ, сказалъ рулевой, подумайте хорошенько: вы ставите участь цѣлаго корабля и жизнь сорока человѣкъ въ зависимость отъ мѣткости выстрѣла ... это безчеловѣчно! Вѣдь испанскій флагъ не понесъ никакой обиды, потому-что онъ и до-сихъ-поръ не развѣвается на нашей мачтѣ.

— Ты разсуждаешь какъ трусъ. Если только то останавливаетъ тебя, что флагъ не виситъ, такъ — эй! юнги! сейчасъ повѣсить королевскій флагъ! Посмотримъ: если черезъ двѣ минуты не отладутъ ему должной чести, тогда мы потребуемъ, какъ слѣдуетъ, объясненія — вскричалъ поповелительнымъ голосомъ капитанъ.

Въ одну секунду взлетѣлъ на вершину мачты золотой левъ Кастиліи на малиновомъ полѣ.

— *Viva la Regna!* — вскричала въ одинъ голосъ вся команда, до того времени робѣвшая. Барабаны загремѣли; съ этой минуты каждый думалъ уже о защитѣ одной изъ самыхъ дорогихъ для каждаго человѣка вещи, то есть народной чести; каждый въ сердцѣ своемъ чувствовалъ всю важность этой минуты; каждый понималъ, что рукою своего начальника бросилъ противнику *перчатку смерти*; но не дрожалъ уже и не робѣлъ: благородное чувство чести превозмогло всѣ прочія разсужденія и сдѣлалось общимъ дѣйствующимъ чувствомъ.

Капитанъ вынулъ часы и вперилъ въ нихъ глаза, держа въ правой рукѣ тлѣющей фитиль.

Всѣ мы стояли въ молчаніи, съ открытыми головами, какъ бы въ ожиданіи рѣшительнаго приговора.

Контрабандистъ оставался въ бездѣйствіи; команда его смотрѣла на насъ глупо и равнодушно; можетъ быть, не одна изъ этихъ суровыхъ, проданныхъ Меркурію душъ, издѣвалась внутренно надъ овладѣвшими нами чувствами, надъ нашими сердцами, открытыми предъ Богомъ.

Тяжкія минуты напраснаго ожиданія, благодаря Бога, прошли. Капитанъ спряталъ часы и наблюдательнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ насъ поочередно. Лицо его было спокойно. И на мнѣ остановился его быстрый взглядъ, и въ моихъ глазахъ прочиталъ онъ выраженіе: *Пали!*

Душа моя запылала священнымъ гнѣвомъ противъ этихъ торгашей, которые для *шиллинговъ* жертвуютъ жизнью людей.

— Браво! сказала самъ себѣ капитанъ; опять сталъ на колѣни при орудіи, долго мѣтилъ, но теперь уже вѣрною, недрожащею рукою, вставъ, приложилъ фитиль къ заряду: изверженное порохомъ ядро, провожаемое молитвами столькихъ людей, падаетъ на непріятельскую мачту, которая съ ужаснымъ трескомъ обрушается на палубу.

— Viva Sant Jago y Espana! — вскричали мы всѣ единодушно.

Минута эта была для меня памятна, потому-что мнѣ рѣдко удавалось видѣть торжество справедливости.

Непріятельская мачта обрушилась на палубу; въ одну секунду англичанинъ распустилъ паруса на передней части судна и со всею поспѣшностью уходилъ отъ насъ, но, убѣгая, сыпалъ на насъ ядра, которые, однако, отъ поспѣшности выстрѣловъ, падали къ ногамъ Молодой Изабеллы, и ни одно не попало въ нее. Ядра были огромнаго калибра и каждое изъ нихъ могло бы разбить наше судно.

И наконецъ скрылся отъ насъ надменный контрабандистъ; только выброшенная имъ въ море мачта досталась въ наши руки. Мы тянули ее за собою, какъ добычу побѣды.

Возвращаемся къ порту. Здѣсь всеобщій восторгъ: все населеніе привѣтствуетъ насъ радостными криками: «Viva el valeroso capitán Pedrillo! viven los bravos ninnos de la joven y gloriosa Isabel!» (Да здравствуетъ храбрый капитанъ Педрилло! да здравствуютъ отважные дѣти молодой и побѣдоносной Изабеллы!)

Народъ, солдаты, духовенство, народная гвардія — всѣ радовались нашей побѣдѣ; одинъ только старый комендантъ порта не изъявлялъ радости. Онъ одинъ стоялъ въ полномъ мундирѣ, съ суровымъ видомъ: лицо его, кислое, худое, зеленоватое, покрытое морщинами, погружено было до половины въ высокій, шитый золотомъ воротникъ мундира.

Ну, не сдобровать мнѣ! — сказалъ капитанъ: — старый комендантъ вышелъ съ своею щучьей физиономіей и въ самой красивой шкурѣ. Не хорошо! Онъ, видно, намѣренъ сыграть какую-нибудь героическую роль въ присутствіи всего народонаселенія; онъ во всю жизнь свою былъ завистливъ, какъ дьяволъ, или какъ гидальго прежняго времени.

И капитанъ также застегнулъ свой мундиръ на всѣ пуговицы, надѣлъ эполеты, шагу и трехугольную шляпу.

Судно пристаетъ къ пристани, капитанъ сходитъ на берегъ, чтобы сдать рапортъ начальнику порта. Комендантъ слушаетъ его въ молчаніи, съ важнымъ видомъ и наконецъ говоритъ:

— Все, что вы мнѣ рапортуете — справедливо. Я самъ съ замковаго бастіона видѣлъ всѣ ваши маневры, и первый бы поспѣшилъ поздравить васъ съ побѣдой, если бы обязанность моя не вынуждала къ справедливой и безпристрастной оцѣнкѣ вашего поступка. Вы должны знать, капитанъ, что начальникъ морской таможенной стражи не имѣетъ права дѣйствовать, какъ командиръ королевскаго флота и заирать корабли, не уличенные въ контрабандѣ. Вы подвергали опасности жизнь вашихъ подчиненныхъ, для удовлетворенія пустымъ мечтамъ о чести:

вы преступили границы вашей власти и тѣмъ доказали, что имѣете еще слабое понятіе о важности жизни христіанъ. А потому приказываю вамъ вручить мнѣ вашу шпагу и отправиться въ крѣпость, гдѣ вы будете ожидать разрѣшенія изъ Мадрита.

Слабое понятіе о важности жизни христіанъ? — спросилъ самъ себя капитанъ, отдавая свою шпагу дрожащею рукою, и блѣднѣя отъ гнѣва, — о! я хорошо понимаю, что ты этимъ хочешь сказать! Благодарю Бога, что твоя старость защищаетъ тебя отъ моего гнѣва.

Капитанъ Педрильо, сопровождаемый множествомъ городскихъ жителей, народною гвардіею, даже многими линейными офицерами, шелъ медленнымъ шагомъ по покатиной улицѣ къ воротамъ стариннаго замка. Я также не отходилъ отъ него: по ходатайству духовныхъ и офицеровъ, мнѣ дозволено было навѣщать его въ арестъ для пользованія его ранъ.

— Скажите, капитанъ, отчего васъ такъ поразили слова коменданта порта? спросилъ я его, когда мы пришли въ крѣпость. Чтò онъ такое сказалъ вамъ, что вы поблѣднѣли отъ гнѣва, какъ бы громомъ пораженные?

— Объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, любезный докторъ; теперь я еще слишкомъ пораженъ, еще я не могу прійти въ себя отъ нанесенной мнѣ обиды, — отвѣчалъ капитанъ, блѣднѣя и отворачивая свою голову.

Непонятная вещь, подумалъ я: нашъ капитанъ такъ обидѣлся упрекомъ о нехристіанскомъ поступкѣ, какъ будто онъ принадлежалъ къ роду евреевъ. Хотя я знаю, что въ Испаніи есть евреи, которые только наружно приняли христіанскую религію: такъ напримѣръ бывшій могущественный министръ Доны Христины, Мендизабаль, принадлежалъ къ числу такихъ евреевъ. Но у Педрильо хотя и очень характеристическое лицо и фізіономія восточная, но онъ вовсе не похожъ на еврея: дерется какъ богатырь, и я никогда не слыхалъ, чтобы онъ говорилъ о какихъ-либо спекуляціяхъ. А впрочемъ, еслибы онъ и дѣйствительно былъ еврей, то вѣдь и французскій генераль Serfbeer тоже еврей, и это вовсе не отнимаетъ у него достоинствъ. Я видѣлъ его въ дѣлѣ холоднымъ и отважнымъ, храбрымъ какъ левъ; такіе люди уважаются въ каждомъ народѣ.

И я не спрашивалъ болѣе капитана о причинѣ его внезапнаго гнѣва, хотя и навѣщалъ его по два раза въ день. Этого требовало состояніе его здоровья: у него сдѣлалась, въ слѣдствіе ранъ и оскорбленія, желчная лихорадка, очень опасная въ жаркихъ странахъ. Но онъ самъ, узнавъ меня ближе и видя мое къ нему расположеніе, вспомнилъ, что не отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ.

— Вы желали знать, любезный докторъ, — сказалъ мнѣ Педрильо, — отчего меня такъ сильно поразило упрекъ коменданта? Теперь я могу объяснить вамъ причину моего гнѣва, потому-что вижу, что вы не раздѣляете жалкихъ предразсудковъ нашего народа. Меня обвиняютъ въ нехристіанствѣ — и знаете ли отчего? — оттого, что предки мои, за 250 лѣтъ предъ симъ, не были христіанами. Фамилія моя происходитъ отъ

Мавровъ, я принадлежу къ числу несчастныхъ потомковъ дѣтей, рожденныхъ въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ матерями, осужденными къ смерти. Болѣе семи—сотъ такихъ дѣтей спасены великодушіемъ Филиппа II отъ смерти, угрожавшей имъ еще во чревѣ матернемъ. Я не знаю, осталось ли еще въ Испаніи двѣсти потомковъ этихъ несчастныхъ существъ, а между тѣмъ, мы, не смотря на столь малое число, должны нести на себѣ всю тяжесть прежнихъ инквизиціонныхъ проклятій и существующихъ доселѣ еще предразсудковъ. Мы не знаемъ, кому обязаны нашею жизнію, кто насъ родилъ; мы родились въ христіанской религіи, и искренно къ ней привязаны; не знаемъ другаго языка, кромѣ испанскаго, другаго отечества, кромѣ Испаніи; охотно проливаемъ нашу кровь за нее, готовы всѣмъ жертвовать для ея славы, и при каждомъ случаѣ показываемъ нашу неизмѣнную преданность, — и къ чему это все намъ служить? На насъ лежитъ вся тяжесть проклятій и предразсудковъ, бывшихъ причиною постыдной смерти нашихъ прадѣдовъ. И доселѣ каждый испанецъ, и особенно каждый *тидальго* испанскій, надменный и не рѣдко слабоумный, не пропуститъ никогда случая, чтобы унижить насъ въ томъ, что для насъ дороже жизни: въ нашей чести, которая ничѣмъ не ниже чести каждаго испанца. Теперь вы знаете причину моего внезапнаго гнѣва, моего огорченія и моей болѣзни. Мнѣ не впервые достается получать такое оскорбленіе; еслибы не эта мавританская кровь, которой еще нѣсколько капель течетъ въ моихъ жилахъ, я былъ бы давно уже генераломъ; ордена мои и раны мои доказываютъ, что я умѣлъ драться за мое отечество. Но, по болѣе части, вмѣсто награды, меня встрѣчали одни упреки и преслѣдованія, какъ вы нынче это видѣли, и потому отличившись въ двадцати битвахъ и пожертвовавъ всѣмъ моимъ достоинствомъ для блага моей отчизны, лишившись ноги, что получилъ я въ награду? — то, что подъ старость лѣтъ моихъ я не болѣе, какъ капитанъ незначительной галеры, назначенной для таможенной стражи, — и меня комендантъ какой-нибудь небольшой крѣпости, который никогда во свою жизнь не былъ ни въ одномъ дѣлѣ, можетъ арестовать, заключить въ темницу и можетъ даже лишить должности.

— Теперь я понимаю ваше огорченіе, сказалъ я капитану: понимаю тѣмъ болѣе, что я самъ родился въ странѣ, истинно религіозной, въ которой однако, благодаря Бога, не существуетъ этой предосудительной нетерпимости вѣрѣ. Скажите мнѣ, капитанъ: развѣ эти несправедливости и униженія не ослабляютъ въ васъ любви вашей къ отечеству, не завидуете ли вы тѣмъ потомкамъ вашихъ прадѣдовъ, которые родились подъ небомъ Африки?

— Не смотря на наши терпѣнія, мы искренно любимъ наше отечество, Испанію, и никогда не мечтаемъ о другомъ отечествѣ. Мы нисколько не завидуемъ африканскимъ маврамъ: теперь это племя слишкомъ унижено, и мы съ ними не имѣемъ ничего общаго. Мы сохранили въ памяти нашей прежнія, славныя дѣянія нашихъ праотцевъ, но это служить намъ только побужденіемъ къ дѣламъ благороднымъ, которыми наше новое отечество, Испанія, пользуется. Мавритане по-

читаютъ насъ отступниками, и горе намъ, если кто изъ насъ попадетъ въ ихъ руки! Они имѣютъ острый взглядъ и въ каждомъ открываютъ хотя малѣйшій слѣдъ крови мавритапской. Послѣ происшествіи 1823 года, по усмирениі, съ помощью французскихъ штыковъ, революціи, вспыхнувшей въ Испаніи, по вліянію французскихъ идей, одинъ молодой инженерный офицеръ, потомокъ прежнихъ мавровъ и сынъ повѣшеннаго за измѣну генерала Торриксо, желая избѣжать подобной смерти, убѣжалъ въ Тангеръ, и оттуда перешелъ, съ помощью англійскаго консула, въ Марокко. Въ то время царствовалъ тамъ Мулей Абдъ-Эръ-Гамманъ, пятый или десятый, который, замѣтивъ въ молодомъ офицерѣ большія способности, уговорилъ его разными блестящими надеждами, отречься отъ христіанской религіи. Молодой Торриксо, прельщенный обѣщаніями императора, но особенно же увлеченный любовью — перемѣнилъ вѣру, хотя, какъ говорятъ, только наружно. Въ короткое время онъ изучилъ арабскій языкъ и сдѣлался беємъ, то есть, полковникомъ, потомъ пашею, а наконецъ военнымъ министромъ. Императоръ далъ ему собственную свою дочь въ жены. Съ каждымъ годомъ онъ старался увеличивать узы родства между собою и молодымъ Торриксо, который принялъ имя Гассанъ — Паша. Гассанъ-Паша былъ въ полной силѣ своего могущества онъ утопалъ въ неисчерпаемыхъ богатствахъ; сераль его была наполнена множествомъ невольницъ, а въ конюшняхъ его были лошади богаче императорскихъ. Въ теченіе почти десяти лѣтъ Торриксо умѣлъ сохранить власть и могущество свое, чтò было дѣломъ неслыханнымъ въ этой странѣ, въ которой колеса фортуны столь быстро обращаются. Наконецъ умираетъ испанскій король Фердинандъ VII, конституціонная партія опять беретъ верхъ. Всѣ бывшіе въ изгнаніи испанцы опять возвращаются на родину. Узнаетъ объ этомъ Гассанъ-Паша въ мароккской крѣпости Ларашъ, находящейся на берегахъ Океана. Воспоминанія юности и любовь къ родинѣ пробуждаются въ душѣ могущественнаго паша. Въ это время находился при берегахъ Марокко испанскій корабль, на которомъ развивался золотой левъ Кастиліи: онъ снимается съ якоря и съ радостными пѣснями возвращается въ отечество.

Гассанъ-Паша уже не принадлежитъ себѣ; душа его блуждаетъ по роднымъ долинамъ, гдѣ раздаются звуки церковнаго благовѣста и слышно духовное пѣніе христіанъ. Гассанъ-Паша долженъ стремиться за своей душою. Онъ срываетъ съ себя тюрбанъ и эпанчу паша, сбрасываетъ съ себя драгоценныя украшенія и попирая ихъ ногами, летитъ на испанскій корабль, который привозитъ его въ Испанію, гдѣ онъ снова дѣлается инженернымъ подпоручикомъ, Альфонсомъ Торриксо. Теперь онъ уже майоромъ. Правда, что карлисты отстрѣлили ему лѣвую руку подъ Бильбао, но у него остается еще правая рука. Впрочемъ, объ этомъ нечего тужить, хотя иногда бываетъ и больно, — присовокупилъ Педрилло, смотря на свою деревянную ногу.

— А семейство Гассанъ-Паша, а его многочисленныя жены, чтожь съ ними сдѣлалось? — спросилъ я.

— Жены Гассанъ-Паши? — Мулей Абдъ-Эръ-Гамманъ приказалъ задушить ихъ, за то, что онѣ не умѣли привязать къ себѣ мужа, за то, что волкъ возвратился въ лѣсъ; а невольницы, которыхъ было нѣсколько сотенъ — проданы на рынкѣ.

— Изъ этого видно, капитанъ, что какъ ни хорошо въ гостяхъ, а дома все-таки лучше.

— Именно лучше, докторъ, безъ всякаго сомнѣнія.

— Дайте мнѣ вашу руку, г. капитанъ, — *viven las almas generosas!*

— *Viva sant-Jago y Esraanna!* — отвѣчалъ потомокъ мавровъ.

Ожидаемый отвѣтъ изъ Мадрита наконецъ пришелъ. Англійскій посланникъ не протестовалъ. Капитанъ Педрило возвращенъ къ своему мѣсту, и нынѣ занимаетъ должность командира порта въ Алмонте.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Фельетонные счастливыцы. — Назначеніе Петербургскаго Вѣстника и его горе. — О русскихъ журналахъ и о свойствахъ ихъ — Музыкальныя новости: оперы: «Сарданапалъ» — *Аллри*, «Андорская долина» — *Галеви*; новыя музыкальныя пьесы. Изданія художественныя; «Описаніе Новаго Московскаго Дворца» *А. О. Вельмана*; хромо-литографіи Дрегера. — портреты пѣвицы *Медори Вильмотъ* и скрипача *Аполлинарія Контскаго*. — Нѣсколько словъ о циркахъ вообще и наѣздицѣ *Пальмиръ Аннато* въ особенности. — Моды въ Петербургѣ. — пять дамскихъ новыхъ нарядовъ. — Необходимые отвѣты на нѣкоторыя важныя вопросы объ соучастникахъ Пантеона и о прочемъ-иномъ.

Какъ счастливы тѣ, которые круглый годъ умѣютъ наполнять свои фельетонныя статьи метеорологическими наблюденіями! «Съ такого-то числа у насъ постоянные дожди, которые образуютъ на улицахъ грязь и непроходимыя, безъ резиновыхъ галошъ, лужи».. или «Вся зима стояла у насъ теплая, но теперь термометръ доходитъ до 20 градусовъ.» — «Эти дожди должны очень благопріятно дѣйствовать на всходы яровыхъ хлѣбовъ» или: «Надо опасаться, чтобы морозы, безъ достаточнаго снѣгу, не повредили озимымъ хлѣбамъ» — и такъ далѣе, на безконечное число варіацій. Каждая недѣля представляетъ имъ новый матерьялъ для назидательной бесѣды съ читателемъ; это постоянная сдѣтня на погоду: то жалоба на жары, то клевета на морозъ, то комплиментъ вѣтру, то упрекъ туману. И притомъ изъ каждаго положенія, будь оно жаркое или холодное, вѣтряное или туманное, эти счастливыцы умѣютъ извлекать то, что французскіе басно-

писцы называютъ — une moralité, то есть, поученіе, предостереженіе, наставленіе, глубокую идею, открывающую міру, что отъ промачиванія ногъ бываютъ простуды, а предупредить ихъ можетъ г. Кирстенъ, своимъ гумми-эластикомъ; что противъ вѣтра надо защищаться непромокаемымъ плащомъ такого-то, а отъ дождя прикрывать себя зонтикомъ, работы Вебера. Какъ счастливы и тѣ фельетонные барды, которые поютъ славу доброй кухни и стараго погреба, воспѣваютъ громкіе диэирамбы обѣдамъ, ужинамъ, тостамъ и танцамъ!

Нашъ «Вѣстникъ» ограниченъ однимъ бытомъ нашей общественной жизни, во вседневномъ ея значеніи, онъ принялъ на себя обязанность толковать только о произведеніяхъ творческихъ искусствъ, о явленіяхъ музыки, литературы, скульптуры, живописи, театра, о новостяхъ промышленнаго и моднаго свѣта, только въ отношеніи этихъ новостей къ настоящей минутѣ, и не можетъ передать исторіи ни полезнаго обѣда, ни отчета о курсѣ на акціи, ни воздушной перемѣны во вредъ того или другаго хлѣба и на пользу того или другаго промышленника. А что вы прикажете дѣлать нашему Вѣстнику, когда художественныхъ новостей нѣтъ, или они такъ щедушны, что ихъ никакой риторикой не раздуешь даже въ поллиста печати? Что вы прикажете ему дѣлать, когда музыкальный міръ снабжаетъ его одними польками, которыя все до одной — въ музыкальномъ отношеніи, тарабарская грамота? Хотя г. Кажинскій и создалъ десятую музу, для вдохновенія себя на поприщѣ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ полекъ, однако полька оттого нисколько не отошла отъ первоначальнаго своего идеала: она осталась таже арабская музыка. Но мода требуетъ польку, и Вѣстникъ, повинаясь модѣ, долженъ выставлять на видъ польки, и говорить объ нихъ, и отыскивать въ нихъ золото гармоніи и жилу музыкальнаго смысла, какъ золотискатель ищетъ ихъ въ темныхъ шурфахъ необозримаго своего пріиска.

Ему остается одно: говорить о журналахъ, въ которыхъ теперь сосредоточены все произведенія изящной нашей словесности. Но для этого онъ долженъ изобрѣсть свой способъ взгляда, ибо онъ не можетъ и не рѣшится слѣдовать проявляющейся нынѣ методѣ — отыскивать все хорошее только у себя и видѣть въ другихъ одно слабое. Вѣстникъ нашъ уважаетъ каждое дарованіе, потому-что въ каждомъ чужомъ дарованіи уважаетъ самаго себя и занятіе, которому посвятилъ свою жизнь. Притомъ Вѣстникъ нашъ знакомъ съ публикою двадцать слишкомъ лѣтъ, онъ изучалъ русскаго человѣка не изъ французскихъ фельето-

новъ и не изъ англійскихъ брошюръ, а потому вѣрить въ его свѣтлую, логическую натуру. Онъ очень хорошо знаетъ, что нашу публику можно, пожалуй, озадачить какимъ-нибудь риторическимъ фейерверкомъ, но никакъ не ослѣпить. Число читателей русскихъ очень не значительно: кто читаетъ одинъ журналъ, непременно читаетъ все журналы, стало быть, его не увѣришь, что булыжникъ — алмазь, а бѣлила — сажа, какъ ни приводи въ поруки Шекспира и сколько ни подбирай цитаты на непонятныхъ ему языкахъ. Публика очень хорошо понимаетъ литературныя побужденія и смотритъ на эти перепалки журналовъ, какъ на потѣху и больше ничего. Только она прибрала для этой новой потѣхи, порожденной у насъ духомъ заморской индустрии, приличное ей, не русское названіе: *jalousie de métier*.

Дѣтъ восемь тому, все литературныя журналы семейно ратовали противъ изобрѣтенной тогда системы «битья по карманамъ», но мало по малу ратоборцы все перешли на сторону ловкой системы, и даже увлеклись ею до того, что слава первобытнаго изобрѣтенія рѣшительно померкла передъ утонченностію ихъ усовершенствованій. Тутъ невольно скажешь вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ:

«Свяжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Мы очень хорошо понимаемъ, что говоря о литературѣ, нельзя обходить равнодушно журналы, которые въ настоящее время сдѣлались главными фокусами всей нашей литературной дѣятельности. Если долгъ критики указывать на литературныя и эстетическія заблужденія и выставлять на показъ лучшіе образцы нашего творчества, то она по неволѣ должна коснуться журналовъ, которые поглощаютъ въ себѣ девять десятыхъ всей русской литературной производительности. Но, касаясь произведеній словесности, помѣщаемыхъ въ журналахъ, дѣло ли журнальной критики входить въ разбирательство устройства, состава, образа дѣйствій и намѣреній другихъ журналовъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Не должно ли это излишнее усердіе увлекать критику дальше цѣли, въ предѣлы полемики, и даже въ закулисную область русской журналистики? Переходъ слишкомъ простъ и естественъ, онъ какъ-то лежитъ въ человѣческой натурѣ. Какъ похвалить въ другомъ то, чѣмъ мы сами хотимъ выставиться предо всеми? Какъ не покрыть темнымъ флеромъ того, что не блеститъ у насъ самихъ? Какъ перенести равнодушно чужой успѣхъ, чужое превосходство, чужую выгоду, въ дѣлѣ съ нами общемъ, изъ котораго мы сами хотимъ выжать все дары успѣха и выгоды?

О, желчь человѣческая такъ неугомонна, а эгоизмъ такъ раздражителенъ! Надо заковаться въ стальную броню истины, надо отрѣчься отъ всѣхъ соблазновъ міра сего, надо переполнить душу свою любовью къ своему призванію, надо составить себѣ вѣрованіе въ дѣлѣ, о которомъ хочешь говорить, и тогда только, во всеоружіи правды и убѣжденія, разорвавъ всѣ оковы личныхъ отношеній и эгоистическихъ надеждъ, выступить на судъ себѣ равнаго — по ремеслу и вліянію на другихъ.

Каемся: и мы грѣшны! Пантеонъ много виноватъ въ этомъ направленіи нынѣшней журналистики, но онъ виноватъ — безъ вины. Въ 1848 году, Пантеонъ первый завелъ въ своемъ «Телеграфѣ» обзорѣнія современныхъ журналовъ. Цѣль этихъ обзорѣній была указывать на замѣчательнѣйшія явленія въ нашей литературѣ, оцѣнить молодые таланты, выступающіе на поприще словесности, и обеуживать, на основаніяхъ истины и здоровой эстетики, новѣйшія творенія лицъ, стяжавшихъ себѣ уже извѣстность въ литературѣ. Статьи эти писались правдиво, деликатно, добросовѣстно, литераторомъ съ именемъ, чуждымъ всякаго лицепріятія и неспособнымъ на неприличіе, какового бы оно рода ни было. Въ этихъ обзорѣніяхъ не было никакого за-таеннаго помысла (*aggrège pensée*), ни малѣйшаго намѣренія упизить другіе журналы въ ихъ значеніи и высказать, что именно въ ихъ составѣ лично непріятно и невыгодно для Пантеона. Напротивъ, статьи эти писались для того, чтобы собрать весь жемчугъ, разсыпанный въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и указать публикѣ на сокровища современнаго русскаго творчества. Пантеонъ никогда не думалъ; чтобы его благое намѣреніе могло имѣть такія послѣдствія въ подражаніяхъ; онъ никогда не воображалъ, чтобъ изъ дѣла серьезнаго и благонамѣреннаго, могли когда-нибудь выдти литературные фарсы, въ которыхъ не уважаются ни чужія убѣжденія, ни чужое имя, ни чужой трудъ, и которые пишутся сплеча, людьми безыменными, во славу своего собственнаго величія, тономъ поучительнымъ и самоувѣреннымъ, безъ всякихъ доказательствъ, обусловливающихъ прямое и благородное направленіе каждаго критическаго взгляда. За то Пантеонъ умываетъ руки во всѣхъ неловкостяхъ современной журнальной тактики.

Пантеонъ долженъ также обозначить образъ своихъ дѣйствій въ отношеніи литературной критики. Онъ останется вѣрнымъ системѣ, принятой имъ въ 1848 году, но онъ позволитъ себѣ по временамъ, какъ говорятъ французы — *mettre les points sur les i*, ставить точки на *i*, то есть, сводить на очную ставку мнѣнія всѣхъ журналовъ другъ о другѣ и пояснять, въ какой мѣрѣ они справедливы и отно-

сятся ли къ критической истинѣ. Онъ будетъ дѣлать *sini ira nec studio*, безъ всякихъ личныхъ притязаній, съ единственной цѣлю открывать читателямъ правду, помня превосходный стихъ Мольера:

C'est un mechant métier que celui de medire

Этотъ обзоръ журнальной литературы мы начнемъ съ будущаго нумера.

Теперь пока Вѣстникъ находится еще подъ вліяніемъ всѣхъ увеселеній масляницы, которыя исчислять было бы столь же полезно, какъ пересказать нескладный, пестрый сонъ, гдѣ все перемѣшано въ самомъ лирическомъ безпорядкѣ. Однакожь, какъ онъ большой поклонникъ господствующей моды, то и не можетъ умолчать о новости, хотя не вовсе новой, но которая въ послѣдніе дни умирающаго театральнаго года, возбуждала къ себѣ самое живое сочувствіе. Намъ тѣмъ пріятнѣе говорить объ этой новости, что она принадлежитъ артистическому міру и является подъ видомъ очаровательной женщины. Мы хотимъ говорить объ г-жѣ Аннато, неустрашимо-ловкой и безукоризненно-граціозной наѣздницѣ нашего Театра-Цирка, которая въ прошедшій сезонъ стяжала пальму первенства передъ всѣми нашими конными знаменитостями. Восхитительная Аннато... Но, позвольте: мы сперва бросимъ бѣглый взглядъ вообще на цирки, существующіе въ настоящее время во всѣхъ почти европейскихъ столицахъ, а въ томъ числѣ и у насъ, въ Петербургѣ, хотя, разумѣется, нашъ Театръ-Циркъ достаточно извѣстенъ многимъ изъ нашихъ читателей и, можетъ быть, гораздо лучше насъ самихъ... Начнемъ съ Парижа.

Въ Парижѣ теперь два (было три) цирка. Одинъ, такъ называемый *Национальный*, находится въ Елисейскихъ поляхъ: это прекрасное круглое зданіе, съ стеклянной расписною кровлей; мѣста для зрителей, собственно лавки, расположены въ немъ амфитеатромъ сверху до-низу, правильно, красиво и удобно; нынѣшній содержатель его г. Дежанъ (Desjean), Этотъ Национальный Циркъ всегда славился ловкими наѣздниками и волтижерами, и отсюда Петербургъ пріобрѣлъ много замѣчательныхъ персонажей, какъ напримѣръ: г. Буклея и г-жу Кампеллу Леру, украшающихъ и до-сихъ-поръ нашъ Театръ-Циркъ. — Другой циркъ, называвшійся *Театромъ-Циркомъ*, былъ основанъ покойнымъ Франкони, который былъ первый мастеръ своего дѣла, классикъ верховой ѣзды. Здѣсь особенно были

замѣчательны пьесы, соединяющія въ себѣ драматическій сюжетъ съ воинскими упражненіями — двойной интересъ, образецъ котораго видимъ на нашемъ Театрѣ-Циркѣ, въ пьесѣ «Блокада Ахты.» На парижскомъ Театрѣ-Циркѣ съ большимъ успѣхомъ давали нѣкогда, между прочимъ, драму «Наполеонъ» Александра Дюма. Надо отдать справедливость, драма эта, состоящая изъ пяти дѣйствій и шестнадцати картинъ, обставлена великолѣпно, и не мудрено: объ этомъ хлопоталъ самъ авторъ, до чрезвычайности любящій блескъ и великолѣпіе, особенно въ своихъ произведеніяхъ, которымъ нѣсть числа. Нынѣ Театрѣ-Циркѣ уничтожилъ свою арену, и на сценѣ его очень рѣдко появляются представленія съ лошадьми; онъ обратился въ обыкновенный театръ, на которомъ даютъ только пьесы съ трескучими эффектами и великолѣпной обстановкой, преимущественно изъ событій французской Исторіи, поэтому онъ и называется нынѣ Théâtre national. Третій (собственно другой) циркъ называется *Гипподромъ*. Это огромное, кругло-продолговатое ристалище безъ крыши. Въ немъ происходятъ всевозможныя скачки и бѣги, съ препятствіями и безъ *оныхъ*, турниры, охоты среднихъ вѣкокъ, древнія римскія конныя игры и ристанія. Содержатель его — г. Арно.

Въ Лондонѣ всего два цирка. Одинъ, главный, управляется господиномъ Турнье, сыномъ того Турнье, который нѣкогда былъ съ своею труппою и у насъ, въ Петербургѣ, и давалъ свои конныя представленія сперва въ балаганѣ на Адмиралтейской площади, а потомъ въ особомъ, нарочно для него построенномъ циркѣ, близъ Семіоновскаго моста, тамъ, гдѣ теперь разсаженъ небольшой паркъ, окруженный красивою чугуною рѣшеткой. Турнье сынъ увеселяетъ лондонскихъ гиппомановъ тѣмъ же, чѣмъ въ свое время увеселялъ отецъ его петербургскихъ. Другой, *Воксаль-Циркъ*, находится въ Воксальномъ саду: скачки тѣ же, что и у Турнье.

Мы желали бы здѣсь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія и о циркахъ вѣнскомъ и берлинскомъ, но не знаемъ о нихъ ничего положительнаго. Извѣстно только, что цирки тамъ существуютъ временно.

Въ 1845 году пріѣхалъ въ нашу столицу изъ Рима сеньоръ Гверра, съ труппою прелестнѣйшихъ наѣздницъ, волтижеровъ и удивительнымъ клауномъ Виолемъ. Гверра, для своихъ представленій, выстроилъ деревянный циркъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь такъ грандіозно возвышается каменное обширное зданіе Театра-Цирка, принадлежащаго Императорской Театральной Дирекціи. Послѣ Гверры прибылъ къ намъ г. Лежаръ, изъ Брюсселя, гдѣ онъ постоянно нѣсколько лѣтъ содержалъ конную труппу и давалъ свои представленія также въ циркѣ.

Лежарь построилъ у насъ циркъ близъ Александринскаго театра, обогативъ труппу свою новыми сюжетами. Наконецъ, циркъ этотъ отъ Лежара приобрѣла наша Театральная Дирекція, воздвигнувшая, впоследствии, какъ сказано выше, новое, превосходное во всѣхъ частяхъ и роскошное внутри зданіе, въ которомъ, кромѣ арены для ристалищъ, устроена сцена для драматическихъ представленій; съ-тѣхъ-поръ оно получило названіе «Театра-Цирка». Надъ постройкою его трудился архитекторъ Кавось.

Конная труппа этого Театра-Цирка имѣетъ много отличныхъ талантовъ во всѣхъ родахъ, частію доставшихся отъ Лежара, частію приобретенныхъ за границею и образованныхъ здѣсь самою Дирекціею: стройная, ловкая и молоденькая наѣздница высшей школы г-жа Оедорова, наѣздницы-танцовки : рѣшительная и отважная Камилла Леру, бойкая, живая и прелестная Лора Бассенъ — не уронятъ никакого цирка въ свѣтѣ. Въ последнее время, именно съ осени прошлаго 1851 года, Театръ-Циркъ, вслѣдствіе постоянной заботливости Дирекціи объ улучшеніи его, украсился новыми персонажами. Изъ числа ихъ укажемъ, пока, на семейство Аннато: Марія, Филиппина и осьми-лѣтній амурчикъ Францъ—удивительно даровитыя дѣти; Анжель Мальяръ весьма ловкая наѣздница высшей школы, но она далеко не можетъ сравниться съ бывшими въ Петербургѣ Полиною Кюзанъ и, въ особенности, съ Каролиною Лойо; даже г-жа Оедорова — какъ намъ кажется—держится въ сѣдлѣ граціознѣе и тверже Анжели. Но жемчужина, но звѣзда первой величины, блестящая на аренѣ нашего Театра-Цирка, это—Пальмира Аннато ...

Если подъ словомъ *грація* должно разумѣть мягкость и нѣжность въ очертаніяхъ и линіяхъ тѣла, изящную ловкость, свободу и неприужденность въ наклоненіяхъ и поворотахъ, словомъ — пластичность формъ, гармонически соединенную съ прелестію тѣлодвиженій, то, безъ сомнѣнія, Пальмира Аннато имѣетъ полное право на названіе *граціи* по превосходству. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, къ кому бы приличнѣе и справедливѣе шло это названіе. Природа щедро наградила Пальмиру: ея ростъ, головка, типическій овалъ лица, свѣтлые глаза, осыненные длинными, черными рѣсницами, руки, ноги ... словомъ — все у ней изящно въ высшей степени. Какъ въ наѣздницѣ, въ ней все обворожаетъ зрителя, начиная съ самой посадки ея на лошадь до послѣдняго прыжка съ лошади. Съ тѣхъ поръ, какъ Пальмира поступила на нашъ Театръ-Циркъ, она является постоянно почти въ однихъ и тѣхъ же позахъ, скачкахъ или, правильнѣе, полетахъ черезъ гир-

лянды и сквозь вѣнки en pleine carrière (къ крайнему сожалѣнію, мы, по обстоятельствамъ, не могли видѣть ея бенефиса, а говорятъ, тутъ было много новаго и восхитительнаго, особенно pas des trois, ея самую поставленный). Это однообразіе, казалось бы, должно наконецъ прискучить публикѣ, — но такова сила таланта и таково обаяніе граціи, что эти повторяющіеся позы и полеты, по очаровательности своей, постоянно прельщаютъ всякаго, кто не лишень эстетическаго вкуса и чувства прекраснаго. И въ самомъ дѣлѣ, надобно видѣть, какъ Пальмира, вся въ бѣломъ, воздушномъ одѣяніи, украшенная на груди букетомъ зелени и съ вѣнкомъ на головѣ, легко вспрыгнувъ на своего сильнаго коня, кокетливо понесется вокругъ арены, изгибаясь тонкимъ станомъ то въ ту, то въ другую сторону, и потомъ снова выпрямляется... Нельзя довольно налюбоваться на красоту ея рукъ, когда она даетъ имъ неуловимо-картинное выраженіе, то протягивая ихъ, какъ бы съ умоляющимъ видомъ, то опуская и складывая нагруді, какъ будто сама находится подъ вліяніемъ собственнаго очарованія, то откидывая одну за другою, назадъ.. Перемѣны эти такъ быстры и рисунокъ рукъ и тѣла такъ измѣнчивъ, что трудно услѣдить за всѣми этими превращеніями, вы удерживаете въ памяти только совокупность позъ и только безпрестанно повторяете: «прекрасно! прекрасно!..» И во все это время вы видите Пальмиру, стоящую на одной ногѣ, тогда—какъ другая, смѣло, но скромно и въ высшей степени безукоризненно—прилично держится на воздухѣ... Особливо замѣчательна вся ея фигура, когда она летитъ по аренѣ въ положеніи купидона, держа лукаво пальчикъ у рта и скрестивъ ноги такъ, что одна изъ нихъ нѣсколько согнута и опирается на носокъ: эта постановка — верхъ пластической красоты. Однимъ словомъ, всѣ положенія, какія она принимаетъ, стоя на лошади, всѣ ея движенія, позы — картинны, какъ нельзя болѣе; всѣ они могутъ служить рисункомъ, образцомъ, моделью для живописца, для ваятеля!..

Говорить ли послѣ этого о такъ называемыхъ скачкахъ Пальмиры сквозь обручи и черезъ гирлянды?.. Неустрашимость и самоувѣренность — два необходимыя качества для наѣздницы, а Пальмира обладаетъ ими въ неподражаемой степени, и потому ни сколько не удивительно, что пролетѣть въ обручи или черезъ гирлянды отъ 30 до 40 разъ — для нея не составляетъ ни малѣйшаго труда и усилія: эти скачки ей ни почемъ; но дѣло въ томъ, что и въ эти минуты не оставляетъ ее врожденная ей грація...

— Вы, кажется, увлекаетесь? скажутъ намъ, можетъ быть, нѣкоторые недовѣрчивые.

— Увлекаемся, увлекаемся!.. отвѣчаемъ мы; да и нельзя не увлечься такимъ граціознымъ созданиемъ. Попробуйте, сходите въ Театръ—Циркъ, и тогда увидите и согласитесь, что въ нашихъ похвалахъ нисколько нѣтъ преувеличенія; вы навѣрное убѣдитесь, что врядъ ли можно въ дѣлѣ паѣздничества придумать что-нибудь лучшее — Пальмиры Ашиато.

Въ музыкальномъ нашемъ мѣрѣ были нѣкоторыя новости, довольно замѣчательныя. Итальянская опера познакомила насъ съ новымъ произведеніемъ сеньора Аллари «Сарданапалъ», написаннымъ нарочно для Петербургскаго театра и для г. Маріо въ особенности. Постановка этой оперы верхъ роскоши и великолѣнія: декорации, костюмы, танцы — все соединено здѣсь для полнаго очарованія зрителя; что же касается до слушателя — объ немъ заботился композиторъ по мѣрѣ силъ и возможности и по крайнему своему разумѣнію. Русская опера дала намъ новую оперу Галѣви «Андорская долина», въ переводѣ П. С. Федорова. Здѣсь и содержаніе и музыка одинаково интересны, а выполненіе было больше, чѣмъ удовлетворительное. Въ этой оперѣ выступила впервые, какъ нѣвица, г-жа Жулева, и тутъ, также, какъ въ водевилѣ и въ драмѣ, возбуждала всеобщій восторгъ. Вызовамъ не было конца. Оба эти музыкальныя произведенія такъ важны, что требуютъ отчетливыхъ критическихъ разборовъ, которые мы не замедлимъ представить. Пока ограничиваемся приложеніемъ къ этому номеру лучшей аріи изъ «Андорской долины», мастерски пропѣтой г-жею Жулевой и повторенной нѣсколько разъ по требованію публики.

Изъ новыхъ музыкальныхъ пьесъ, вышедшихъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ укажемъ на слѣдующія, достойныя особеннаго вниманія: «N I S O L A S — M A R C H E» — *Шаньевскаго*, Пчела, попури *Юсифа Гунгля*, «S I E L A N K A — M A Z U R K A», — *Апполинарія Контскаго*, и «M E L A N C O L I Q U E», полька-мазурка кн. *С. Волконскаго*. * Самыя имена композиторовъ ручаются уже за достоинство этихъ произведеній и мы увѣрены, что они встрѣтятъ въ публикѣ сочувствіе. Изданы всѣ эти пьесы съ большимъ вкусомъ и чрезвычайно опрятно.

Намъ предстоитъ теперь познакомить читателей съ новымъ изданіемъ, только-что вышедшимъ въ свѣтъ у насъ, въ Россіи, и притомъ въ Москвѣ, которое по художественному своему выполненію займетъ рѣшительно первое мѣсто между подобными твореніями въ

* Продаются въ Пассажѣ, въ магазинѣ «Musée musical».

цѣлой Европѣ. Оно называется: «Описание новаго Императорскаго дворца въ Кремль Московскомъ.» Текстъ составленъ извѣстнымъ нашимъ литераторомъ — археологомъ А. О. Вельтманомъ: онъ заключаетъ въ себѣ введеніе, въ которомъ Оберъ-Гофмейстеръ баронъ Бодѣ въ подробности излагаетъ, какъ созданъ превосходный московскій дворецъ, по плану и предначертаніямъ Государя Императора; за тѣмъ слѣдуетъ историческое обзорѣніе мѣстности кремлевскаго дворца, отъ самаго основанія Москвы донинѣ; описание внѣшняго вида и внутренняго расположенія нынѣшняго дворца. Последнее заключается въ сорока-семи полныхъ и подробныхъ статьяхъ. Вотъ что говоритъ г. Вельтманъ объ этомъ дворцѣ въ отношеніи его историческаго значенія:

«Московскій Великокняжескій и Царскій дворецъ занималъ съ самаго основанія Москвы тоже самое мѣсто, которое занимаетъ и теперь, по прошествіи уже болѣе 700 лѣтъ отъ перваго постановленія Княжескаго двора.

«Въ 1326 году, Св. Митрополитъ Петръ освятилъ здѣсь престольное новоселье Великаго Князя Іоанна Даниловича; а въ XV столѣтіи Іоаннъ III положилъ основаніе Дворцу каменному. Все зданіе, ограждавшее собою храмъ Св. Спаса на бору, было готово не прежде, какъ черезъ двадцать лѣтъ отъ начала постройки. Въ 1508 году Великій Князь Василій Іоанновичъ перешелъ изъ деревяннаго дворца въ новый, заключавшій въ себѣ Грановитую или Большую Золстую Палату, Среднюю золотую, Малую золотую или Царицину, и кромѣ того столовую избу и жилыя царскія хоромы.

»Зданіе Царскаго Двора, какъ будто соображалось съ эпохами Россіи. Когда еще существовали удѣлы — и Дворъ Великаго Князя состоялъ изъ многихъ отдѣльныхъ хоромъ и избъ за общемою оградою. Іоаннъ III, совокупивъ удѣлы, подвелъ и подъ все удѣльныя зданія своего Двора общее гранитное основаніе и соединилъ сѣнями или переходами. Когда Россія слилась въ одно цѣлое — нераздѣльное, золотой верхъ Дворца сталъ общимъ кровомъ древнихъ золотыхъ палатъ, преобразовавшихся въ великолѣпныя залы во имя Св. Владиміра, Св. Георгія Побѣдоносца, Св. Александра Невскаго, Св. Андрея Первозваннаго и Св. Екатерины.

«При Іоаннѣ строителемъ Двора былъ Алевизъ, изъ Милана; но, безъ сомнѣнія, какъ Аристотель, строившій Соборный храмъ Успенія Богородицы, такъ и Алевизъ, были еще представителями греческаго зодчества, переселившагося, послѣ взятія Константинополя Турками, въ

1453 году, вмѣстѣ съ художествами и искусствами Греціи, на берега Италіи.

«Набережная часть Дворца Іоанна, послѣ пожаровъ 1547, 1571, 1621 и 1701 годовъ, въ XVIII столѣтіи пришла въ совершенную ветхость. Императрица Елисавета, послѣ новаго пожара въ 1737 году, опредѣлила разобрать Палаты Набережную и Среднюю Золотую, и на мѣстѣ ихъ построить дворецъ новый. Въ то время владычествовалъ въ водчествѣ итальянскій вкусъ, и потому посреди завѣтнаго Кремля соорудилось зданіе, чуждое ему; но оно не было приведено къ концу соотвѣтственно предположенному плану.

«Императрица Екатерина II намѣрена была пересоздать его. Смѣлый Баженовъ сдѣлалъ уже модель * новому Дворцу, который, при всемъ совершенствѣ архитектуры и обширности замысла, казался бы для каждаго, русскаго чудовищемъ, поглотившимъ всю завѣтную святыню Кремля.

«Этотъ проэктъ однако же не состоялся, какъ и первый.

«Въ 1812 году пожаръ выжегъ дворецъ, въ которомъ помѣщался Наполеонъ, въ бытность свою въ Москвѣ.

«Для пріѣзда блаженной памяти Императора Александра Павловича на пепелище Москвы, погорѣвшій дворецъ былъ возобновленъ на-скоро, съ полудеревянной, съ полукаменной надстройкой верхняго этажа; но это непрочное послѣ пожара зданіе не могло уже ни поддерживаться долго, ни соотвѣтствовать присутствію Государя Императора въ Москвѣ. Государь Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ строить новый Дворецъ, лично начерталъ свои мысли о созиданіи его, на условіи, чтобы новый дворецъ сроднился съ завѣтными остатками дворца Іоанна III, и чтобы зданіе, сочетавъ въ себѣ все успѣхи современной архитектуры, не вдалось въ современную вычурность, не отняло древняго величія у Кремля.

«И вотъ, не болѣе какъ въ двѣнадцать лѣтъ, Кремль украсился вновь златоверхимъ Дворцомъ, который какъ будто вычеканенъ изъ слитка гранита, разноцвѣтныхъ мраморовъ и золота.»

Мы къ этому описанію прибавимъ только, что постройка дворца производилась подъ надзоромъ главнаго архитектора Тона, гг. профессоромъ архитектуры Рихтеромъ, и архитекторами Чичаговымъ и Герасимовымъ, а все лѣшныя украшенія, внутреннее убранство покоевъ, ри-

---

* Модель эта находится въ Московской Оружейной Палатѣ.

сунки обмѣлировки, дверей и прочаго, исполнены преимущественно извѣстнымъ по отличному вкусу въ этомъ отношеніи архитекторомъ Чичаговымъ.

Описаніе г. Вельтмана заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей, какъ художественныхъ, такъ историческихъ и археологическихъ, которыя близко знакомятъ со всею частію Кремля, прилежавшею къ древнему дворцу, а нынѣ поглощенною новымъ. Оно составлено ясно, коротко, опредѣлительно, на вѣрныхъ историческихъ данныхъ.

Изданіе самаго описанія, напечатаннаго по Высочайшему соизволенію, болѣе чѣмъ роскошно. Но что составляетъ главное его украшеніе и чѣмъ Россія можетъ похвастать передъ западнымъ художественнымъ міромъ, это двѣнадцать хромолитографическихъ картинъ, изъ которыхъ двѣ изображаютъ наружный видъ дворца, а остальные—внутренность главныхъ десяти залъ. Это вершина совершенства, и глядя на эти превосходныя по рисункамъ и выполненію картины, почти не вѣрится, что онѣ не сдѣланы акварелью, рукою самаго отчетливаго художника! Литохромія, то есть, печатаніе картинъ разными красками, у насъ въ Россіи еще предметъ новый, и если мы вспомнимъ бѣдныя попытки, представленныя типографщикомъ Крайемъ на послѣднюю Мануфактурную Выставку, въ 1849 году, и взглянемъ теперь на великолѣпныя литохроміи Московскаго Дворца, то должны невольно сознаться, что мы шагаемъ въ этомъ искусствѣ гигантскими шагами. Рисунки сдѣланы Сахаровымъ, Черкасовымъ и Шадурскимъ, и отлитографированы красками у г. Дрегера. Трудъэтотъ ставитъ г. Дрегера на степень художника, ибо тутъ механизмъ доведенъ уже до отчетливости, утонченія и вкуса—чисто артистическихъ. Мы видали не разъ лучшія литохроміи французскія и англійскія, и скажемъ откровенно, съ этими ихъ и сравнивать нельзя: онѣ покажутъ простыми попытками предъ окончательнымъ совершенствомъ. Говорятъ, г. Дрегеръ посылалъ свои работы на Всемирную Выставку и онѣ тамъ удостоились всеобщаго, единодушнаго одобренія художниковъ всѣхъ націй. Лучшія изъ картинъ «Описанія Московскаго Дворца»: Теремные покои; Картинная галерея; Зимній садъ; Георгіевская, Владимірская, Александровская, Екатерининская залы, и Грановитая Палата. Какія краски, какая перспектива, сколько жизни и природы въ этихъ изображеніяхъ! Все такъ и отдѣляется, такъ и оживаетъ передъ вашими глазами! Этимъ изданіемъ А. О. Вельтманъ оказалъ великую услугу всѣмъ любителямъ русскаго искусства и познакомилъ ихъ съ такими произведеніями, которымъ иностранцы могутъ позавидовать. Разсчитывая въ умѣ

стоимость каждой изъ этихъ картинъ, отпечатанной въ листъ, довольно большаго формата, болѣе, чѣмъ тридцатью цвѣтами, то есть, вынесшей до 32 оттисковъ, ибо каждая краска наносится особеннымъ камнемъ, мы оцѣнили ее, по крайней мѣрѣ, въ два рубля серебромъ. Представьте же наше крайнее изумленіе, когда намъ объявили, что все это великолѣпное изданіе, съ текстомъ, съ 12 хромотишіями, двумя планами, и все въ прекрасной картонной папкѣ, стоитъ только *девять рублей* сер. Тутъ умъ рѣшительно становится короткимъ!

Послѣ великолѣпнаго изданія г. Вельтмана, объ нашихъ петербургскихъ художественныхъ новинкахъ говорить какъ-то совѣстно. Впрочемъ, онѣ для нѣкоторыхъ меломановъ, для любителей хорошенькихъ пѣвицъ и для фанатиковъ скрипичной эквилибристики могутъ имѣть свою цѣну и потому мы скажемъ о нихъ слова два. Всѣ эти новости состоятъ изъ двухъ литографическихъ портретовъ, г-жи Медори-Вильмонтъ и г. Апполинарія Контскаго. Первый представляетъ любимую многими пѣвицу еще прекраснѣе, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ и отличается превосходной литографической отдѣлкою. Онъ изданъ извѣстнымъ литографомъ и граверомъ Деноткинымъ. Второй представляетъ г. Контскаго въ какомъ-то фантастическомъ видѣ, въ лирическомъ безпорядкѣ, съ растрепанными волосами, съ глазами какъ-то странно вытаращенными, играющаго стакато своего сочиненія такъ, что смычекъ отпрыгиваетъ отъ скрипки на полсажени. Сзади его, въ туманѣ и облакахъ, представлены геній и муза, первый указываетъ на засохшій лавровый вѣнокъ Паганини, вторая держитъ свѣжій вѣнокъ, который готова возложить на главу нашего артиста, какъ только онъ причешется. На стѣну падаетъ очень странная фантастическа тѣнь отъ фигуры вдохновеннаго Контскаго. Признаемся, мы еще въ первый разъ слышимъ, чтобы артисту, при жизни и еще при началѣ его поприща, составляли подобную апоѳеозу! Г. Контскій имѣетъ большое дарованіе, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; механизмъ игры доведенъ у него до высокой степени совершенства и всѣ новѣйшія скрипичныя *salti-mortali* выдѣлываетъ онъ съ неимоверной легкостію; но при всѣхъ этихъ важныхъ достоинствахъ, у него есть и своего рода существенные недостатки для скрипача. Здѣсь не мѣсто разбирать достоинства и недостатки артиста: изъ-за нихъ въ свое время было довольно пролито чернилъ; мы хотимъ только сказать, не рано ли приписывать этому молодому и еще много общающему артисту сверхъестественную силу таланта, геніяльность, равную Паганини и уже заслуженное безсмертіе въ исторіи музыки? Мы полагаемъ даже, что фарсъ этотъ, вѣроятно выкинутый, въ порывѣ дикаго восторга, какимъ-нибудь превыспреннимъ

энтузіастомъ, пламеннымъ родичемъ и поклонникомъ Контекаго, долженъ быть очень непріятенъ для самолюбія самаго артиста. На основаніи примѣровъ, подобныхъ Оле-Булю, Вьетану, Берію, Эрнсту, Листу, Шульгофу, мы знаемъ, что скромность и геніяльность — два качества, неизбѣжные и нераздѣльные въ истинномъ художникѣ, и что артистъ, глубоко сосредоточенный въ любви къ своему искусству, по врожденному чувству, долженъ чуждаться всего рѣзкаго и преувеличеннаго во внѣшнемъ своемъ проявленіи. Но между тѣмъ, надо сказать, что этотъ портретъ, нарисованный въ Варшавѣ пріателемъ г. Контекаго, Н. Фредо, очень похожъ и отчетливо изданъ у насъ «Музыкальнымъ Музеемъ» въ Пассажѣ. Какъ-то появленіе его въ свѣтъ покажется г. Контекому, котораго, мимоходомъ сказать, ждуть сюда? Мало ли какія шутки артисты позволяютъ себѣ въ дружеской бесѣдѣ, но шутки эти не всегда принадлежать гласности.

Но мы заговорились о предметахъ художественныхъ и не замѣчаемъ, что читательницы начинаютъ хмуриться: онѣ ждуть новостей изъ области нашихъ модъ, онѣ хотятъ знать, какъ веселятся, какъ рядятся, какъ выѣзжаютъ дамы въ Петербургѣ; картинка модъ для нихъ важнѣе, чѣмъ все художественныя изданія и портреты великихъ людей, въ большомъ и маломъ форматѣ. Въ самомъ дѣлѣ, масляница представляла самый удобный случай для подобныхъ наблюденій: сколько баловъ, маскерадовъ, блестящихъ спектаклей, завтраковъ съ танцами и пикниковъ съ завтраками!.. Тутъ есть что подмѣтить! Наши наблюденія по этой части не обширны, но вѣрны: мы замѣтили, на примѣръ, что нынѣшней зимой лѣто играло большую роль въ дамскомъ нарядѣ: на балахъ и въ Итальянской Оперѣ все хорошенькія головки и роскошныя платья были украшены цвѣтами. Но не полныя гирлянды обвивали русые и каштановыя волосы, какъ прежде, а только легкіе побѣги съ мелкими листьями, самые же цвѣты обильными букетами сосредоточивались на вискахъ. Платья также отдѣлываютъ цвѣтами и преимущественно букетами, какъ будто Флора, шутя, бросила пригоршню своихъ даровъ на эти легкія и богатые шитьемъ и кружевомъ ткани. Замѣчательно при этомъ, что букеты всегда накалываются стеблями кверху, а цвѣткомъ внизъ. Эта мода, по нашему мнѣнію, не совсемъ граціозна. На балахъ преимущественно господствовали креповыя и тюлевыя платья, съ неисчислимымъ множествомъ волановъ, отдѣланныхъ узкими атласными лентами. Тогда, какъ въ Парижѣ, гдѣ теперь во всемъ подражаютъ временамъ Консульства, дамскіе лифы поднялись до безобразія, у насъ, напротивъ, носятъ таліи такъ низко, какъ ихъ еще никогда не

носили. Но эти выгнутые корсажи, хотя нѣсколько утрированные и напоминающіе костюмъ XV столѣтія, придаютъ молодой женщинѣ особенную грацію. Мы замѣтили, что дамы, не сознающія себя въ первой молодости и не танцующія, являются на балы въ тяжелыхъ шелковыхъ платьяхъ, клѣтчатыхъ или броше, украшенныхъ богатымъ кружевомъ. Впрочемъ такихъ, т. е. несознающихъ себя въ первой молодости, очень немного. Пожилыя дамы предпочитаютъ—цвѣтной бархатъ. Визитныя платья, по преимуществу очень просты: или жилетки, застегнутыя до верху и кофточка, или высокій воротъ, характеризуютъ этотъ костюмъ. Въ театрахъ мы на многихъ молодыхъ дамахъ замѣчали бѣлая канзу: это очень красивый нарядъ на свѣтломъ шелковомъ платьѣ. Особенно намъ бросились въ глаза пять костюмовъ, которые мы намѣрены описать. *Первый* состоялъ изъ кружевной накладки (fanchon), во вкусѣ временъ Людовика XV, съ двумя букетами на вискахъ; изъ однобортной жилетки, съ шалью, сдѣланной изъ бѣлаго моаре и обшитой узкимъ кружевомъ; курточка, съ плотно прилегающей таліей, была изъ неразрѣзнаго бархата и обшита кругомъ сборками изъ пестрой ленты; изъ-подъ широкихъ, закругленныхъ рукавовъ ея, видны были другіе рукава изъ широкаго кружева въ два ряда; платье изъ того же бархата, какъ и курточка, съ пятью воланами, по которымъ ниспадаютъ, въ видѣ шахмата, нашивки изъ широкихъ лентъ въ шотландскомъ вкусѣ. *Второй* костюмъ былъ бальный, прическа на греческій манеръ, съ косою заплетенной и обвитой вокругъ головы и съ гребнемъ, украшеннымъ брилліантами. Старинная мода. Платье изъ бѣлаго бархата, съ безчисленными воланами изъ зубчатыхъ блондъ, сверху до низу. Корсажъ также обшитъ въ нѣсколько рядовъ мелкою блондою. Сверхъ всего накинута *восточная* кофта, изъ голубаго кашемира, съ прорѣзами на бокахъ, обшита широкой серебряной тесьмою. На груди двѣ брилліантовыя пуговицы, посредствомъ которыхъ кофточка стягивается спереди голубымъ шелковымъ шнуркомъ съ кистями. *Третій* костюмъ въ высшей степени граціозенъ. Платье и кофточка или куртка съ широкими отворотами — изъ лиловаго атласу, съ узоромъ по нимъ изъ тисненаго бархата, подъ цвѣтъ. Жилетка бѣлая бархатная, съ гофренными отворотами изъ бѣлаго атласа и съ жемчужными пуговками; изъ-за жилетки выглядываетъ стоячій, вышитый воротничекъ. Совокупность всего наряда поразительная. *Четвертый* нарядъ былъ визитный капотъ, изъ голубаго паплина, съ гладкимъ, высокимъ воротомъ, по которому пирамидально спускалась отдѣлка пелтицами изъ синяго бархата, обшитаго мелкимъ аграмантомъ. Бархатное пальто, съ отворотами, дополняло изящную простоту этого костю-

ма. *Пятый* нарядъ бросался также въ глаза по своему богатству и простотѣ: платье изъ тяжелой затканной шелковой матеріи, жилетка à la mousquetaire изъ бѣлаго моаре, съ выходящими изъ-за нея кружевными маншетами. Курточка, или *карако* изъ бархата съ вытѣсенными бортами. Къ этому присоедините совершенно простенькую бѣлую пуховую шляпку съ перомъ, безъ всякой отдѣлки, кромѣ ленточныхъ бантовъ подъ полями, и вы получите полное понятіе объ этомъ миломъ и вмѣстѣ богатомъ нарядѣ. Вообще мы убѣдились, что въ Петербургѣ нынѣшней зимою сильно распространяется мода, чрезвычайно полезная и утѣшительная: дамы наши начали носить шляпки пуховыя разныхъ цвѣтовъ, безъ всякой отдѣлки. Это и красиво, и прочно, и главное—совершенно сообразно съ нашимъ климатомъ, и многихъ сѣверныхъ красавицъ избавитъ отъ столь обычныхъ у насъ головныхъ ревматизмовъ и тиковъ. Въ театрахъ и на балахъ, при разъѣздѣ, дамы накрываютъ головы, такъ называемыми, *капотами*, то есть, головными мѣшками на ватѣ. Этотъ полезный обычай завелся у насъ года два. Хотя Пушкинъ и сказалъ довольно остроумно:

А дѣвушкѣ въ шестнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!

однако не всѣ дѣвушки пользуются шестнадцатилѣтнимъ возрастомъ: есть и постарше, и потому шапка, въ родѣ Черноморова колпака или капотъ, не ко всякой головкѣ идетъ. Дамы это тотчасъ смекнули, и замѣнили неуклюжій капотъ прелестными бархатными капуцинами—*folie*, подобитыми цвѣтными атласами, простеганными на ватѣ. Это и нарядно и полезно.

Какой эффектъ произвели описанные нами костюмы, видно уже изъ того, что мы у отличной нашей модистки, М-те Агришинъ *, швейный талантъ которой сдѣлалъ ее любимицею нашихъ фешьонебльныхъ дамъ, видѣли уже заказанные по этимъ образцамъ наряды и множество наколокъ, которыхъ воздушной прелести мы даже описать не въ состояніи.

---

* На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгарда, входъ съ Екатерининскаго канала.

Теперь, угодивъ, сколько могли, нашимъ читательницамъ, удовлетворимъ и нашихъ читателей, давъ имъ

Отвѣты на нѣкоторые вопросы:

— Насъ спрашиваютъ, для чего мы, подобно другимъ не назвали принимающихъ участіе въ нашемъ журналѣ и напередъ не объявили статей, которыя войдутъ въ составъ Пантеона, за нынѣшній годъ?

— *Отвѣчаемъ:* Мы не объявили статей, *во-первыхъ*, потому что многія изъ нихъ намъ обѣщаны авторами, но еще не готовы и не доставлены въ редакцію; *во-вторыхъ*, что редакція не можетъ знать напередъ, всѣ ли доставленныя ей статьи будутъ удобны къ напечатанію, а обѣщать и не сдержатъ слова — она не желаетъ; *въ третьихъ*, потому — что такое опубликованіе редакція считаетъ совершенно лишнимъ, ибо она желаетъ привлечь себѣ читателей болѣе достоинствомъ журнала, чѣмъ заманчивою аффишкою.

— Что же касается до именъ соучастниковъ, то опубликованіе ихъ ей также казалось нѣсколько хвастливымъ, но если отъ нея непременно требуютъ ихъ поименованія, то она готова назвать главнѣйшихъ. Вотъ они: *И. И. Лажечниковъ, А. О. Вельтманъ, гр. Е. П. Ростопчина, М. Н. Загоскинъ, Н. В. Кукольникъ, Р. М. и В. Р. Зотовы, П. П. Каменскій, М. М. Достоевскій, А. Д. Улыбышевъ, П. Г. Ободовскій, В. С. Кашкаровъ, С. П. Калошинъ, Бергъ, М. Н. Лихонинъ, Г. П. Данилевскій, А. В. Котляревскій, П. М. Ковалевскій, П. С. Оедоровъ, А. Н. Сьровъ, Ю. К. Арнольдъ, В. П. Василько — Петровъ, Н. И. Филимоновъ, Д. П. Сушковъ, кн. Г. В. Кугушевъ, В. И. Савиновъ, В. М. Строевъ, П. А. Каратыгинъ, Д. Т. Ленскій, А. Н. Андреевъ, М. И. Воскресенскій, А. П. Бонаventura (псевдонимъ) Капельмейстеръ Крейслеръ, А. П. Грекъ О. А. Кони и г-жи С. А. Одинская и И. С. Юрьева (оба псевдонимы).*

— Далѣе насъ спрашиваютъ: что значить въ первой книжкѣ Пантеона возлѣ подниси, подъ статьею объ итальянской оперѣ, *Капельмейстеръ Крейслеръ*, въ скобкахъ выставленная фамилія *Кашкаровъ*?

— Отвѣтъ на это очень простъ. Всѣмъ, вѣроятно, ужъ по одной

фамиліи почтеннаго нашего музыкальнаго критика, понятно, что онъ иностранецъ, стало быть, пишетъ статьи свои не по русски. В. С. Кашкаровъ, какъ отличный знатокъ музыки, былъ такъ добръ, что принялъ на себя трудъ переводить эти статьи для Пантеона. Мы сочли долгомъ, подъ этими статьями, трудными и техническими, обозначить и имя переводчика.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

УТРА

И

СТАКАНЪ ВОДЫ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Оеодоровича.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ, ИМПЕРАТОРСКИМИ

АНТЕРАМИ,

7-го Января 1852 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

АКТЕРЫ:

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЧЪ ГЛЫБИНЪ	<i>Мартыновъ 1.</i>
АННЕТА, его дочь	<i>Г-жа Жулева.</i>
СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБОРСКІЙ	<i>Г. Максимовъ 1.</i>
ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ РОЖКОВЪ	<i>Г. Марковецкій.</i>
МИХАЙЛО НИКОЛАИЧЪ НАЗАРЬЕВЪ	<i>Г. Максимовъ 2.</i>
АНТОНЪ, } слуги Глыбина.	<i>Г. Волковъ 2.</i>
НИКИТА, }	<i>Г. Натаровъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Глыбина.

Чистая, хорошо-убранная комната. Направо, въ первомъ планѣ, дверь, въ третьемъ планѣ окно. Налѣво, въ первомъ планѣ, дверь. Въ глубинѣ, по срединѣ, каминъ и по сторонамъ его по двери. На каминѣ двѣ фарфоровыя вазы; налѣво, близьдвери, фарфоровая же ваза съ цвѣтами на тумбѣ. Кресла, стулья и проч.

I.

АНТОНЪ, РОЖКОВЪ, входятъ въ среднюю дверь съ правой стороны.

РОЖКОВЪ (*Антону*). Антоша! скажи, пожалуйста, Дмитрію Васильичу, что мнѣ очень нужно его видѣть ...

АНТОНЪ. Слушаю-съ! (*Уходитъ въ среднюю дверь съ лѣвой стороны*).

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, баста! надо сегодня все порѣшить! Этотъ Глыбинъ, просто, сумасшедшій человѣкъ! ни съ того, ни съ сего вообразилъ себѣ, что я влюбленъ въ его дочь и хочетъ меня непременно женить на ней!... Вотъ ужъ около мѣсяца я, противъ воли, считаюсь ея женихомъ и до-сихъ-поръ не могъ еще собраться съ духомъ, чтобъ откровенно съ нимъ объясниться... всякій день прихожу сюда съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отказаться отъ его Аннеты, но лишь только увижу этого вандала — и баста! языкъ не шевелится!... Кто говорить, Аннета хороша, даже очень хороша, но только не въ моемъ вкусѣ... во-первыхъ, она слишкомъ блѣдна... а я люблю этакихъ, знаете... румяныхъ, какъ говорится, кровь съ молокомъ... во-вторыхъ, она черезчуръ жива и капризна, а я хочу, чтобъ жена вполне соответствовала моему характеру ... Мало того: я хочу, чтобъ она была скромнѣе и глупѣе меня ... а главное, чтобъ состояла, какъ говорится, у меня подъ башмакомъ!... Досаднѣе всего, что я, бывши въ прошломъ году у батюшки въ деревнѣ, нашелъ дѣвушку совершенно въ моемъ вкусѣ и хотъ, по привычкѣ, не рѣшился тогда сдѣлать формальнаго предложенія, но впоследствии откровенно писалъ обо всемъ батюшкѣ и наконецъ вчерашній день получилъ отъ него извѣстіе, что моя пышка Полина, съ согласія своихъ родителей и по чувствамъ своего нѣжнаго сердца, готова, какъ говорится, навѣкъ быть моею!... Судите же, каково мое положеніе!... Нѣтъ, надо же, наконецъ, оставить эту глупую робость!..

Что ужь хочеть дѣлай этотъ бѣшеный сумасбродъ — а я непременно избавлюсь сегодня отъ его сухопарой дочки!... Нѣтъ, надо же имѣть характеръ!...

II.

РОЖКОВЪ, ГЛЫБИНЪ.

ГЛЫБИНЪ (за кулисами). Гдѣ онъ? гдѣ онъ, мое золото?... (Входя въ среднюю дверь съ лѣвой стороны). А! вотъ, вотъ онъ!.. здравствуй, мой любезнѣйшій, милѣйшій Иванъ Яковлевичъ!... здравствуй, мой будущій брилліантовый зять!..

РОЖКОВЪ (всторону). Ну, начинается!...

ГЛЫБИНЪ. Скорѣй сюда, въ мои объятія... Поцѣлуй, поцѣлуй меня, мое золото ...

РОЖКОВЪ. Съ особеннымъ удовольствіемъ. (Цѣлуются).

ГЛЫБИНЪ. Ну, взгляните, что это за молодецъ!... Алмазъ! чистѣйшій алмазъ!...

РОЖКОВЪ (всторону). Начну прямо, пока не прошла еще смѣлость!.. (Вслухъ). Я пришелъ, Дмитрій Васильчъ ...

ГЛЫБИНЪ. Опять!... Сколько разъ я говорилъ тебѣ, чтобъ ты не называлъ меня этимъ глупѣйшимъ Дмитриемъ Васильчемъ!... Называй меня отцомъ, батюшкой, папичькой, папашей, какъ хочешь, только не Дмитриемъ Васильчемъ!...

РОЖКОВЪ. Виновать-съ... но я... я пришелъ... мнѣ нужно поговорить съ вами о весьма серьезномъ дѣлѣ ...

ГЛЫБИНЪ. Говори!... я тебя слушаю... я готовъ съ удовольствіемъ всегда и все слушать, что скажетъ мой драгоценный будущій зять ...

РОЖКОВЪ (всторону). Зять!... нѣтъ, баста! не хочу!... (Вслухъ). Извольте видѣть... по основательномъ размышленіи ...

ГЛЫБИНЪ. Не могу налюбоваться на него!... Золото, а не человекъ!... Поцѣлуй, поцѣлуй меня скорѣе, мой неоцѣненный сынъ!...

РОЖКОВЪ (холодно). Съ особеннымъ удовольствіемъ!... (Цѣлуются). Такъ вотъ, извольте видѣть... по основательномъ размышленіи...

ГЛЫБИНЪ. Постой, кетати... готова ли мебель?

РОЖКОВЪ. Какая мебель?...

ГЛЫБИНЪ. Вотъ глупѣйшій отвѣтъ!... какая мебель! да та, которая заказана къ вашей свадьбѣ!

РОЖКОВЪ. Виновать-съ... я не заходилъ къ мастеру... но время еще не ушло ...

ГЛЫБИНЪ. Какъ не ушло!... какъ не ушло!... когда я вчера, формальнымъ образомъ, доложилъ его превосходительству Григорью Семеновичу, моему начальнику, отцу и благодѣтелю, что свадьба Анюты будетъ непременно на будущей недѣлѣ!...

РОЖКОВЪ. Какъ! вы сказали!...

ГЛЫБИНЪ. Не сказалъ, а доложилъ, понимаешь?... и представь себѣ мой восторгъ, мою радость!... его превосходительство самъ изволилъ вызваться быть посаженнымъ отцомъ у моей Анюты!... Понимаешь ли ты эту честь?... понимаешь ли мою гордость!... его превосходительство посаженный отецъ моей дочери... стало-быть, я это заслужилъ, стало я любимъ моимъ начальникомъ, отцомъ и благодѣтелемъ.

РОЖКОВЪ. Да-съ, это большая честь... чрезвычайно какъ пріятно!... (*Всторону*). Ну, какъ я ему теперь скажу? да онъ, просто, меня съѣстъ!...

ГЛЫБИНЪ. Велѣдствіе всего этого... съ завтрашняго дня начнутъ васъ окликать, а въ среду на той недѣлѣ свадьба!...

РОЖКОВЪ (*всторону*). Ну, что я буду дѣлать!...

ГЛЫБИНЪ. Какъ я подумаю, что чрезъ недѣлю моя дочь, моя милая Анюта будетъ... поцѣлуй, поцѣлуй меня скорѣе, мое золото!...

РОЖКОВЪ. Съ особеннымъ удовольствіемъ... (*Цѣлуются*). Эти поцѣлуи хуже для меня горькой рѣдьки... вотъ ужъ третій въ какія нибудь десять минутъ!...

ГЛЫБИНЪ. Моя дочь, моя милая Анюта, будетъ, наконецъ, Анной Дмитриевной Рожковой... Боже мой! какъ я буду счастливъ!... Вѣдь еслибъ ты зналъ, какъ я тебя люблю, мое сокровище!

РОЖКОВЪ. Помилуйте... я вовсе не заслужилъ!...

ГЛЫБИНЪ. Что? не заслужилъ?.. ты не заслужилъ, когда однимъ уже своимъ поступкомъ затронулъ самую чувствительную струну моего сердца!... Слушай... называй тамъ меня какъ хочешь, дуракомъ, глупцомъ, безумнымъ... мнѣ все равно... но я ужъ такъ созданъ... у меня двѣ важныя слабости въ характерѣ, вепыльчивость и благодарность... первая перешла ко мнѣ отъ женскаго колѣна... прабабушка моя была цыганка, бабушка испанка и матушка итальянка... вторая, благодарность, составляла всегда принадлежность мужской нашей линіи, въ которой отъ родоначальника нашего все были Русскіе!... Стало-быть передѣлать меня уже невозможно!... И такъ, слушай... Полтора мѣсяца тому назадъ... именно 18 августа... когда мы жили съ Анютой на дачѣ въ Парголово, ты пріѣхалъ къ намъ на цѣлый день и мы отправились съ тобою на озеро стрѣлять утокъ...

РОЖКОВЪ. Вы опять хотите рассказывать эту исторію...

ГЛЫБИНЪ. Молчи, не мѣшай! ... Я буду рассказывать ее во всю мою жизнь ... буду рассказывать встрѣчному и поперечному ... напечатаю ее золотыми ... брилліантовыми буквами! ... И такъ слушай ... 18 августа отправились мы съ тобой стрѣлять утокъ ...

РОЖКОВЪ. Да я это очень хорошо все это знаю ...

ГЛЫБИНЪ. Не мѣшай, говорятъ тебѣ! ... 18 августа отправились мы стрѣлять ... подойдя къ самому озеру, мы увидѣли, саженьхъ въ двадцати отъ насъ, цѣлую стаю утокъ ... сердце у меня запрыгало отъ радости; я ужъ было прицѣлился, какъ вдругъ ты меня остановилъ ... Постойте, Дмитрій Васильчъ, сказалъ ты мнѣ ... возьмите немного лѣвѣе...вѣтеръ дуетъ съ востока...взоръ, отвѣчалъ я, — съ запада... Нѣтъ, съ востока, сказалъ ты ... нѣтъ, съ запада! закричалъ я ... Въ эту минуту ... вдругъ ... вся стая утокъ поднялась съ берегу ... пафъ! я выстрѣлилъ!

РОЖКОВЪ. И я выстрѣлилъ тоже!

ГЛЫБИНЪ. Гляжу, одна утка упала въ воду! .. Это я убилъ ее! закричалъ ты ... Врешь, закричалъ я, утку я убилъ! .. Нѣтъ, я ... Не смѣй спорить, худо будетъ ... Да помилуйте, хоть кого угодно спросите ... слово за слово ... кровь закипѣла ... бросилась въ мою безумную голову ... я толкнулъ тебя изо всей силы въ грудь ... ты не удержался и бултыхъ съ берега въ воду! ..

РОЖКОВЪ. Да, берегъ такой былъ скользкій ...

ГЛЫБИНЪ. Ты сталъ кричать: спасите, спасите, погибаю! .. въ это время, какъ на зло, одинъ по одному, собралась цѣлая толпа дачниковъ ... и между ними очень почтенные люди ... Двое мужиковъ бросились за тобой въ воду ... а я между тѣмъ стоялъ на берегу, какъ дуракъ, и не зналъ, что дѣлать ... кровь остыла ... явилось сожалѣніе, потомъ раскаяніе, наконецъ стыдъ .. Я думалъ, вотъ тебя вытаскать и ты предъ всеми расскажешь о моемъ гнусномъ поступкѣ ... и все узнаютъ, что изъ какой-то глупой птицы я чуть не утопилъ тебя! ..

РОЖКОВЪ. Да, я утонулъ бы непременно, еслибъ не вытаскивали меня ... я вовсе не умѣю плавать и отъ роду въ первый разъ еще былъ въ водѣ ...

ГЛЫБИНЪ. Тебя вытаскивали ... вся толпа окружила тебя ... пошли разспросы: что? какъ? какимъ образомъ? .. Я блѣднѣлъ и дрожалъ какъ листъ .. въ эту минуту, вдругъ слышу твой голосъ ... слова твои навѣкъ сохраняются въ моемъ сердцѣ: «Не безпокойтесь, говорилъ ты ... ничего ... я виноватъ самъ ... я хотѣлъ отвязать лодку ... поскользнулся и упалъ въ воду» .. Я, гнусный злодѣй, былъ спасенъ!..

я, почти убійца, былъ избавленъ отъ посрамленія ... и къмъ же, моею жертвою ... тѣмъ человѣкомъ, который долженъ былъ задушить меня, какъ ядовитое насѣкомое, какъ змѣю! .. О, поцѣлуй, поцѣлуй меня скорѣе, мое сокровище! .. мой дражайшій сынъ! ..

РОЖКОВЪ. О, съ особеннымъ ...

ГЛЫБИНЪ. Такой благородный, примѣрно-благородный поступокъ требовалъ необыкновенной награды ...

РОЖКОВЪ (*всторону*). Слава Богу, отдѣлался отъ поцѣлuya! ..

ГЛЫБИНЪ. Мнѣ слѣдовало тебя осыпать съ головы до ногъ золотомъ и брилліантами .. я такъ и поступилъ ... давно уже замѣчалъ я, съ какимъ ты всегда удовольствіемъ разговаривалъ съ моей Анютой... я разгадалъ твои чувства ... случай представился и я озолотилъ тебя... на другой же день, когда ты явился ко мнѣ, я позвалъ мою дочь, красавицу, сокровище, безцѣнный перлъ ... и, какъ отецъ, приказалъ ей быть твоей невѣстой! ..

РОЖКОВЪ (*всторону*). Да, я тогда такъ былъ озадаченъ, что стоялъ какъ болванъ, и не имѣлъ духу отказаться! ...

ГЛЫБИНЪ. Въ дочери моей течетъ также кровь женскаго колѣна моихъ предковъ .. кровь ея прапрабабушки, прабабушки и бабушки ... но сердце ея не лишено и тѣхъ чувствъ благодарности, какія были всегда отличіемъ мужскаго нашего рода ... Сначала она-было и руками и ногами ... шумѣла, кричала, перебила дюжины двѣ чашекъ и тарелокъ ... но твердость моего характера и признательность за спасеніе чести отца, пересилили въ ней отвращеніе къ тебѣ ...

РОЖКОВЪ. Позвольте, если Анна Дмитриевна ...

ГЛЫБИНЪ. Постой, дай досказать ... признательность пересилила въ ней отвращеніе, она привыкла къ тебѣ и, какъ видишь, чрезъ недѣлю будетъ ваша свадьба ... О, наконецъ-то я отблагодарю тебя, мое золото ... мой яхонтъ! ..

РОЖКОВЪ. Но позвольте ...

ГЛЫБИНЪ. Ты будешь обладать такой женой, такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, въ мірѣ ... поцѣлуй же, поцѣлуй ...

(*Нальво, за сценой, слышенъ стукъ разбитой посуды*).

III

ТѢ ЖЕ; АННЕТА.

АННЕТА (*за кулисами*). Ты глупая дѣвчонка!

ГЛЫБИНЪ. Что тамъ такое? .. (*Аннета входитъ въ боковую*)

дверь съ лъвой стороны). Анята! что съ тобой, мой другъ? что случилось? ..

АННЕТА. О, ужасное происшествіе! .. я готова плакать отъ досады: представьте, мой попка, мой милый попка ...

ГЛЫБИНЪ. Что? что?

АННЕТА. Улетѣлъ! .. Эта скверная Авдотья забыла запереть клѣтку ... окно было открыто и онъ улетѣлъ! ..

ГЛЫБИНЪ. Этакое несчастіе!... Но тамъ что-то разбили?

АННЕТА. Это я ... когда мнѣ сказали объ этомъ, я пила чай и столкнула подносъ со веѣмъ приборомъ!

ГЛЫБИНЪ. Отъ чего же ты это столкнула?...

АННЕТА. Отъ того, что улетѣлъ мой попка! ..

ГЛЫБИНЪ. Резонъ!... (*Рожкову*). Чудесная, золотая дѣвушка! вся въ меня!... Анята! да чтожь ты не здороваешься съ твоимъ любезнымъ женихомъ?

АННЕТА. Ахъ, извините!... Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ!...

РОЖКОВЪ. Мое почтеніе, Анна Дмитриевна!...

ГЛЫБИНЪ. Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ! мое почтеніе, Анна Дмитриевна!... Да развѣ такъ здороваются женихъ съ невѣстой?... Надобно поцѣловаться!... Поцѣлуй ее скорѣй, мой драгоценный будущій зять!...

АННЕТА. Ахъ, папенька, вѣдь это, наконецъ, можетъ надоѣсть!..

ГЛЫБИНЪ. Вздоръ, вздоръ, говорю я тебѣ!... (*Рожкову*) Не слушай, что она говоритъ ... она безъ тебя скучаетъ, просто скучаетъ... (*Вслухъ*). Вотъ хоть и онъ тоже ... сію минуту, передъ самымъ твоимъ приходомъ, самымъ восхитительнымъ образомъ описывалъ свою любовь къ тебѣ ...

РОЖКОВЪ. Я... помилуйте ...

ГЛЫБИНЪ. Нечего запираться!... Не кстати скромность... ну, ужъ Анята ... этакъ онъ тебя любить! .. Горитъ, рѣшительно горитъ!... А ужъ какъ превозноситъ тебя? и красавица-то ты, и умница! и золотая!... просто, говоритъ, не дѣвушка, а диво!...

АННЕТА. Слишкомъ много чести ... даже невѣроятно, чтобъ Иванъ Яковлевичъ рѣшился такъ хвалить меня ... онъ вовсе не изъ любезныхъ кавалеровъ.

РОЖКОВЪ. Я?... помилуйте ... я всегда ... вы вполне достойны ...

ГЛЫБИНЪ. Холодно, очень холодно!... Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается, когда онъ тебя увидитъ ... Да, я понимаю ... это отъ полно-

ты чувствъ!... А вотъ сію минуту ... только и толковалъ мнѣ... «Ахъ, да когда же свадьба?... да нельзя ли поскорѣ!...»

АННЕТА. Что это вамъ вздумалось такъ спѣшить?

ГЛЫБИНЪ. Я самъ тоже говорю: для чего такъ спѣшить?... вѣдь надо, говорю, сдѣлать все порядкомъ... приданое еще не готово... Куда! и слушать не хочетъ!... ничего, говоритъ, не надо ... обвѣнчайте только насъ скорѣ ...

РОЖКОВЪ. Но позвольте ... я ...

ГЛЫБИНЪ. Не человѣкъ, а золото, брилліантъ. Да, я и забылъ... онъ тебѣ принесъ подарокъ ... самому совѣстно было отдать ... чулакъ страшный... (*отдавая ей кольцо*) вотъ посмотри, какой хорошенькій перстенёкъ?...

РОЖКОВЪ. Помилуйте!... я ...

ГЛЫБИНЪ (*тихо Рожкову*). Молчи!... я знаю, что дѣлаю!

АННЕТА. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, какое хорошенькое колечко!

ГЛЫБИНЪ. Превосходное!... (*Разсматривая кольцо*). Посмотри, какой брилліантъ!... какая чистая вода!... Ты насъ балуешь!... рѣшительно балуешь!... Ну, къ чему такъ тратиться ...

РОЖКОВЪ. Помилуйте, я вовсе ...

ГЛЫБИНЪ. Нѣтъ, не могу ... не могу не прижать тебя къ моей груди ... Поцѣлуй, поцѣлуй меня, мой безцѣнный будущій зять ...

РОЖКОВЪ. О, съ особеннымъ ... (*Глыбинъ душитъ его въ объятіяхъ*). Но я не соглашусь ...

ГЛЫБИНЪ. Поцѣлуй еще .. еще ...

РОЖКОВЪ (*увертываясь отъ него, всторону*). Нѣтъ, видно придется замолчать!... а то онъ меня совсѣмъ задушитъ!... Нечего дѣлать, надо отказаться на отрѣзъ отъ моей пышки Полины!... (*Вслухъ*) Позвольте мнѣ, Дмитрій Васильчъ ...

ГЛЫБИНЪ. Опять Дмитрій Васильчъ!... называй меня отцомъ, батюшкой, папенькой, какъ хочешь, только не Дмитріемъ Васильчемъ!...

РОЖКОВЪ. Позвольте мнѣ, батюшка, написать у васъ въ кабинетъ маленькое письмецо ...

ГЛЫБИНЪ. Ступай, ступай ... безъ церемоніи ... будь у меня, какъ дома!... Постой!... развѣ такъ разстанутся съ невѣстой?... цѣлуй ... цѣлуй хоть руку ... цѣлуй, говорятъ!...

РОЖКОВЪ. Позвольте!...

АННЕТА (подавая ему руку). Извольте, если папенькѣ угодно...

ГЛЫБИНЪ. Мнѣ угодно?... Хитришь! Я знаю, что и тебѣ это угодно!. . Ну, теперъ ко мнѣ въ объятія ... Поцѣлуй ...

РОЖКОВЪ (всторону, увертываясь). Нѣтъ, уйти ужъ скорѣй!...
(Уходитъ въ боковую дверь направо).

IV.

ГЛЫБИНЪ и АННЕТА.

ГЛЫБИНЪ. Золотой человекъ!...

АННЕТА (смѣясь). Преуморительный!...

ГЛЫБИНЪ. Тсъ!... не смѣй этого говорить!... Да постой!... я еще съ тобой не раздѣлался за вчерашнюю исторію; мнѣ не хотѣлось, чтобъ зналъ о ней твой женихъ ... Подойдите-ка ко мнѣ, сударыня, и извольте прямо и чистосердечно отвѣчать на мои вопросы ... вчера я отпустилъ васъ съ глупѣйшей теткой вашей на балъ къ Шиловымъ ...

АННЕТА. Да, отпустили ...

ГЛЫБИНЪ. А что вы дѣлали на этомъ балу?

АННЕТА (запинаясь). Я ... я танцевала ...

ГЛЫБИНЪ. Что?

АННЕТА. Сначала кадрили ...

ГЛЫБИНЪ. А потомъ?

АННЕТА. Потомъ опять кадрили ...

ГЛЫБИНЪ. А послѣ втораго кадрили что вы напроказили?...

АННЕТА. Ахъ, папенька!...

ГЛЫБИНЪ. Я васъ спрашиваю: что вы напроказили послѣ втораго кадрили?...

АННЕТА. Но выслушайте, папенька ... право, я тутъ вовсе не такъ виновата, какъ вамъ рассказали ... мы танцевали польку и мнѣ попалъ такой несносный, такой глупѣйшій кавалеръ ...

ГЛЫБИНЪ. Позвольте, вы говорите чистѣйшій вздоръ!... вашимъ кавалеромъ былъ Заборскій, въ которомъ рѣшительно нѣтъ ничего несноснаго, глупаго ... напротивъ, онъ умнѣйшій и образованнѣйшій человекъ. Да довольно ужъ того, что онъ бываетъ въ домѣ его превосходительства, моего начальника, отца и благодѣтеля ...

АННЕТА. Можетъ быть, онъ, по вашему, и уменъ и образованъ... только не имѣетъ никакого понятія о танцахъ ...

ГЛЫБИНЪ. Такъ за то только, что онъ не умѣетъ танцовать, вы осмѣлились ... страшно даже подумать ... осмѣлились ... по лицу, по щекѣ ... стыдъ и срамъ!...

АННЕТА. Но я его чуть-чуть ...

ГЛЫБИНЪ. Все равно!...

АННЕТА. Боже мой, какіе вы странные, папенька!...

Вина моя ли, разсудите,
Что вспыльчива бываю я?
Вы нашихъ предковъ въ томъ вините ...

ГЛЫБИНЪ (*всторону*).

Она права, въ ней кровь моя!
Въ Анютѣ, впрочемъ, перемѣна,
Какъ въ женщинѣ, замѣтна та,
Что слабость женскаго колѣна
Сильнѣй мужской въ ней развита!...

Но все-таки мнѣ нужно ее прицугнуть ... (*Вслухъ*). Стыдъ и срамъ, говорю я вамъ!... хоть въ вашихъ жилахъ и течетъ таже кровь, какъ въ моихъ, то есть кровь моей прабабушки, бабушки и матушки, но вѣроятно никто бы изъ нихъ не рѣшился на такой дерзкій поступокъ!...

АННЕТА (*разгорячаясь*). Нѣтъ, вы ужасно несправедливы!... Да не только наши бабушки и прабабушки, съ своимъ вспыльчивымъ характеромъ, но я укѣрена, что даже мой любезный женихъ, у котораго, вмѣсто крови, течетъ въ жилахъ холодная вода, и тотъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также, какъ и я ...

ГЛЫБИНЪ. Да что же сдѣлалъ тебѣ этотъ Заборскій? .

АННЕТА. Что?... слушайте... во второй или въ третій разъ въ жизни я встрѣтилась съ нимъ вчера и никогда не видѣла, какъ онъ танцуетъ ... Когда я танцевала кадрили, онъ все сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на меня ... но только-что заиграли польку, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и ангажировалъ ... Какъ на смѣхъ, мы начали первые и всѣ взоры устремлены были на насъ ... съ перваго же шага, я увидѣла, что онъ рѣшительно не имѣетъ понятія о полькѣ ... уже это одно взволновало меня ... Сдѣлали туръ ... я ему говорю: довольно, я устала ... Нѣтъ,

еще туръ, говорить, позвольте ... и, противъ воли, ну вертѣть меня ... я прошу, рвусь ... онъ все вертитъ!... безъ толку, безъ смыслу, безъ такту ... кругомъ раздается смѣхъ ...

ГЛЫБИНЪ. Какъ?.. надъ вами смѣялись?

АННЕТА. Да, я слышала своими ушами ... И какъ было не смѣяться, когда онъ скакалъ, какъ козель ... Въ это время явился другія пары ... отъ досады, я не помнила уже себя ... я готова была вырваться изъ его рукъ ... какъ вдругъ ...

ГЛЫБИНЪ. Ну? что?

АННЕТА. Страшно вспомнить даже теперь ... это было одно мгновение ... какая-то пара налетѣла на насъ .. онъ не могъ увернуться...

ГЛЫБИНЪ. Ну?..

АННЕТА. И онъ и я были на полу!...

ГЛЫБИНЪ. Какъ? упали!..

АННЕТА. Тутъ уже я ничего не помнила ... слышала только, что кругомъ насъ все хохотало ... кровь бросилась въ мою голову ...

ГЛЫБИНЪ. Такъ, такъ!... вся въ меня!...

АННЕТА. Я вскочила ... онъ тоже ... сталъ что-то говорить ...

ГЛЫБИНЪ. А ты...

АННЕТА. При первыхъ же словахъ ... (*показываетъ жестомъ, что она дала пощечину*).

ГЛЫБИНЪ (*всторону*). Вся въ меня! вся въ женское колено моихъ предковъ!... мы всё то же бы сдѣлали!... (*Вслухъ, серьезно*). Слушай же!... хоть ты и дочь моя, но я долженъ тебѣ объявить, что ты дура!..

АННЕТА. И вы меня браните? вы?...

ГЛЫБИНЪ. Да, я!.. Ну, разсуди сама ... развѣ ты этимъ ... (*показываетъ жестомъ данную пощечину*) могла его выучить танцевать польку?

АННЕТА. Нѣтъ, не могла!

ГЛЫБИНЪ. Ну, такъ ты дура! .. а въ подтвержденіе этого вотъ еще тебѣ фактъ ... сію минуту ты разбила свой фарфоровый чайный приборъ ... но развѣ этимъ ты могла воротить въ клетку своего понугая?

АННЕТА. Конечно, не могла ...

ГЛЫБИНЪ. Слѣдовательно, я справедливъ какъ нельзя больше, если называю тебя...

АННЕТА. Нѣтъ, папенька, вы сегодня, Богъ знаетъ, что говори-

те!... не могу-же я переродиться!.. разумѣется, мнѣ бываетъ послѣ и совѣстно и досадно на самую себя... но въ ту минуту, когда мнѣ противорѣчатъ, когда меня оскорбляютъ... я не помню себя... я готова выцарапать всякому глаза!

ГЛЫБИНЪ. Все это прекрасно... но разсуди только, что будутъ говорить о тебѣ люди... вѣдь тебя, просто, не будутъ пускать въ общества!

АННЕТА (*кокетливо*). Не знаю... но врядъ ли это будетъ!..

ГЛЫБИНЪ. Хотя бы ты пожалѣла отца... вѣдь Заборскій не кто нибудь... онъ знакомъ съ его превосходительствомъ... понимаешь?... вѣдь онъ можетъ такъ мнѣ насолить за твою... (*дѣлаетъ жестъ*) что просто, навѣкъ останусь на бобахъ... я ужъ къ нему ѣздилъ сегодня утромъ... хотѣлъ за тебя извиниться... но, къ несчастію, не засталъ дома...

АННЕТА. Да что же онъ можетъ вамъ сдѣлать?

ГЛЫБИНЪ. Что?... во-первыхъ, можетъ прямо явиться ко мнѣ и сказать: позвольте, моль, милостивый государь, въ уплату, полученный мною отъ вашей дочери... возвратитъ вамъ... (*Дѣлаетъ жесты*). Или, еще того хуже... какъ знакомый его превосходительства, моего начальника, отца и благодѣтеля...

АННЕТА. О, неужели онъ такъ неблагороденъ...

ГЛЫБИНЪ. То-то и есть, что, къ счастью, говорятъ, очень благороденъ и уменъ... и можетъ быть, кончитъ эту исторію тѣмъ, что распустилъ о тебѣ самую интересную молву!...

АННЕТА. О, неужели онъ рѣшится?

ГЛЫБИНЪ.. Непремѣнно!... разберетъ тебя по суставчикамъ... на-шигуетъ всевозможными пороками и кончитъ тѣмъ, что тебя заѣдятъ злые языки...

АННЕТА. Боже мой! но виновата ли я, что онъ не умѣетъ танцовать!...

ГЛЫБИНЪ. Да, вотъ ты пляши послѣ того!... Дай Богъ, чтобъ эта исторія послужила тебѣ на вѣкъ урокомъ!...

АННЕТА. Ахъ, папенька!...

ГЛЫБИНЪ. Дай Богъ, чтобъ она научила тебя удерживать сильные порывы твоего пылкаго характера!

АННЕТА. Но можетъ быть... если при свиданіи съ Заборскимъ...

ГЛЫБИНЪ. Женщина должна быть всегда любезна...

АННЕТА. Если вы попросите его ...

ГЛЫБИНЪ. Тиха, скромна ...

АННЕТА. Если скажете ...

ГЛЫБИНЪ (*вспыхнувъ*). Да слушай же, что я говорю!... я тебѣ читаю мораль, учу, какъ ты должна вести себя ... а ты городишь какой-то вздоръ!... кричишь и не дашь мнѣ слова сказать!...

АННЕТА. Развѣ я кричу?... вы сами кричите!...

ГЛЫБИНЪ. Ну, да! я кричу ... не могу же я иначе говорить, когда меня бѣсятъ!... Таковъ уже мой характеръ ... (*въ сосѣдней комнатѣ часы бьютъ часъ*). Боже мой! уже часъ! а мнѣ еще нужно къ золотыхъ дѣлъ мастеру, заказать обручальные кольца!... Пойду пѣшкомъ, чтобы освѣжить немного голову... А ты останься съ женихомъ... постарайся занять его ... разшевели ... ну, да ты понимаешь, что должна дѣлать ... помни только, что женихъ твой не человекъ, а чистое золото!... Онъ спасъ меня отъ вѣчнаго посрамленія ... при этомъ не забывай также и того, что чувство благодарности было всегда отличительнымъ достоинствомъ предковъ фамилии нашей!... Прощай, до свиданія!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь съ лѣвой стороны*).

V.

АННЕТА, одна.

Нечего сказать, большое удовольствіе сидѣть съ такимъ милымъ женихомъ ... онъ только и умѣетъ играть въ молчанку ... Ужъ еслибъ я не боялась оскорбить папеньку ... нѣтъ, нѣтъ, надо мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, укротить свой характеръ ... когда я вспомню вчерашній поступокъ ... просто горю отъ стыда и раскаянія ... Боже мой! что обо мнѣ стануть думать ... особенно Заборскій!... а я, какъ на зло, должна буду часто встрѣчаться съ нимъ на вечерахъ!... Мнѣ кажется, еслибъ онъ вдругъ явился передо мной ... я умерла бы со стыда!...

VI.

АННЕТА, ЗАБОРСКІЙ. Онъ входитъ въ среднюю дверь, съ правой стороны.

ЗАБОРСКІЙ (*не видя въ лицо Аннеты*). Позвольте спросить ... Дмитрій Васильичъ ...

АННЕТА (*оборотясь и увидя Заборскаго, всторону*) Боже мой!

ЗАБОРСКІЙ (*узнавъ Аннету*). Анна Дмитриевна!..

АННЕТА (*всторону*). Я не смѣю на него взглянуть ... я убѣгу ...

ЗАБОРСКІЙ. Вы меня, вѣрно, не узнали?...

АННЕТА (*не смотря на него*). О, нѣтъ ...

ЗАБОРСКІЙ. Позвольте мнѣ снова рекомендовать себя ... Заборскій...

АННЕТА (*также*). Очень пріятно ...

ЗАБОРСКІЙ. Я еще не могу забыть вчерашняго вечера ... вы были такъ любезны ... такъ снисходительны ...

АННЕТА (*намъревааясь уйти*). Извините меня ...

ЗАБОРСКІЙ. Что это? вы хотите меня оставить?...

АННЕТА (*все не смотря на него*). Извините ... меня зовутъ ...

ЗАБОРСКІЙ. Я не слышалъ ...

АННЕТА (*также*). Папаша нѣтъ дома ...

ЗАБОРСКІЙ. А! тѣмъ лучше!... если вы позволите .. я дождусь его ... и побесѣдую съ вами ...

АННЕТА (*также*). Очень пріятно ... (*всторону*). Боже мой! онъ хочетъ со мной бесѣдовать ...

ЗАБОРСКІЙ (*подставляя ей стулъ и садясь возлѣ нея*). Вы, кажется, очень любите танцы?

АННЕТА (*также*). Да-съ ... люблю ...

ЗАБОРСКІЙ. И, въ особенности, польку?

АННЕТА (*всторону*). Ну такъ ... вотъ ужъ онъ и заговорилъ о полькѣ!

ЗАБОРСКІЙ. Впрочемъ, вы все танцуете прекрасно ... вчера я весь вечеръ любовался вами ... какая граціозность ... какая легкость ... живость ... въ особенности я замѣтилъ въ васъ много живости ...

АННЕТА (*всторону*). Онъ хочетъ намекнуть мнѣ о ... (*объясняетъ жестомъ пощечину*).

ЗАБОРСКІЙ. Много видѣлъ я въ свою жизнь прекраснаго ... но, признаюсь, не могъ даже вообразить, чтобъ можно было танцовать такъ увлекательно ... такъ прилично ...

АННЕТА (*постепенно дѣлаясь смѣлье*). Ахъ, помилуйте ... (*Всторону*). Да онъ очень любезень!.. (*Вслухъ, съ смущеніемъ*). А вы ... вы танцуете?...

ЗАБОРСКІЙ. Очень рѣдко ... однакожъ, вчера я рѣшился ...

АННЕТА (*всторону*). Ай!...

ЗАБОРСКІЙ. Надобно вамъ сказать ... я очень плохой танцоръ!..

АННЕТА (*всторону*). Какой глупый вопросъ я сдѣлала!.. послѣ того ... какъ я ... (*показываетъ жестомъ данную пощечину*).

ЗАБОРСКИЙ. Для меня нужно слишком большое увлечение, чтобъ рѣшиться передъ цѣлымъ обществомъ выставить себя на посмѣшище!..

АННЕТА (всторону). Боже мой! зачѣмъ я ему напомнила!..

ЗАБОРСКИЙ. Природа рѣшительно отказала мнѣ въ способностяхъ къ танцамъ ... но не смотря на то, при взглядѣ на прекрасную дѣ-душку ... на ея черные, огненные глазки, на ея обворожительную улыбку, сердце мое невольно наполняется какимъ-то пламенемъ ... я лишаюсь разсудка, — дѣлаюсь совершеннымъ безумцемъ!.. Быть такъ близко къ ней ... чувствовать ея дыханіе ... держать ея руку въ своей ... о, при одной этой мысли, я забываю все ... забываю свои недостатки ... подбѣгаю къ ней, прошу танцовать со мною, что бы тамъ ни было—кадриль, галопъ, вальсъ, польку ... все, въ чемъ она такъ плѣнительна, а я такъ нестерпимо безобразенъ.. и тутъ-то начинаю я безъ пощады мучить несчастную жертву ... я скачу, кружусь, безъ пути, безъ толку ... ломаю стулья, бью вазы, толкаю встрѣчнаго и попе-рѣчнаго ... даже ... страшно сказать ... падаю ... да, падаю! и подвер-гаю той же участи ее ... ту женщину, передъ которой я готовъ всю жизнь благоговѣть ... но за то послѣ ... о, это послѣ ужасно!... стыдъ и раскаяніе наполняютъ сердце ... я не живу, не существую съ той минуты, пока не вымолю ея прощенія!..

АННЕТА. Я понимаю, очень понимаю, что вы хотите сказать ... сознаюсь, я много виновата... но прошу васъ, забудьте мой дерзкій по-ступокъ ...

ЗАБОРСКИЙ. Забыть—никогда! Минута, когда вы ... о, эта минута никогда не изгладится изъ моего сердца ... она не даетъ мнѣ покоя .. она сводитъ меня съ ума ... эта ручка ... которая такъ близко... эта ручка не выходитъ изъ моей головы ... она не дала мнѣ спать всю ночь ... я не могъ болѣе выносить ... я долженъ былъ васъ видѣть ... сказать вамъ ...

АННЕТА. Ахъ, не сердитесь, пожалуйста, на меня ... всему при-чиною мой дурной характеръ ... виновата ли я, что такъ вспыльчива!...

ЗАБОРСКИЙ. Вы вспыльчивы!... что я слышу! могъ ли я ожидать... да я безъ ума люблю такіе характеры ... потому — что самъ вспыльчивъ какъ порохъ!...

АННЕТА. Неужели?

ЗАБОРСКИЙ. Напримѣръ, сегодня утромъ я разбилъ китайскую вазу...

АННЕТА. А я чайный приборъ ...

ЗАБОРСКИЙ. Право?... о, это безподобно!... для меня нѣтъ ничего пріятнѣе въ минуты вспыльчивости, какъ этакъ ... что-нибудь раз-бить ... переломать ...

АННЕТА. Ахъ, и для меня тоже.

ЗАБОРСКИЙ. Но за то послѣ, какъ пройдетъ вспылчивость ... мнѣ стыдно самого себя ... я дѣлаюсь совершеннымъ ягненкомъ.

АННЕТА. Точно такъ, какъ и я.

ЗАБОРСКИЙ. И вы? ... О, я, просто, въ восторгѣ!...

АННЕТА. (*всторону*). Онъ очень, очень любезенъ!...

ЗАБОРСКИЙ. Анна Дмитриевна! у меня есть къ вамъ большая просьба ...

АННЕТА. Какая?...

ЗАБОРСКИЙ. Будьте такъ добры ... выучите меня ...

АННЕТА. Чему?

ЗАБОРСКИЙ. Танцевать польку!...

АННЕТА. Но я, право ...

ЗАБОРСКИЙ. О, пожалуйста!... Подумайте только ... вѣдь ужъ я теперь буду вѣчно васъ ангажировать ... я васъ ни на минуту не оставлю ... буду слѣдовать всюду за вами, какъ тѣнь ... вамъ же будетъ непріятно, если я опять ... (*показываетъ жестомъ, что онъ свалится на полъ*).

АННЕТА. Но я, право, не знаю ... какъ мы будемъ танцевать, теперь, днемъ ...

ЗАБОРСКИЙ. Такъ позвольте мнѣ явиться къ вамъ вечеромъ ...

АННЕТА. Но это все равно ... мнѣ странно васъ учить ...

ЗАБОРСКИЙ. Лучшаго учителя мнѣ не нужно ... вы увидите, какъ я скоро васъ пойму ... ну, пожалуйста, прошу васъ ...

АННЕТА. Право, это будетъ пресмѣшно ...

ЗАБОРСКИЙ. Ничего, ничего ... ну, смотрите ... я начинаю ... (*становится въ позу и потомъ, напльвая, начинаетъ польку*).

АННЕТА. Не такъ, не такъ ...

ЗАБОРСКИЙ. Ну, научите, если не такъ ...

АННЕТА. Смотрите ... (*танцуетъ польку и напльвая*). Разъ, два три, четыре ... разъ, два, три, четыре, ... ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла ... Ну, танцуйте же вмѣстѣ со мной!...

ЗАБОРСКИЙ. (*танцуетъ за ней*). Тра, ла, ла, ла ...

АННЕТА (*танцуетъ*).

Не спѣшите, не скачите,

Такъ неловко танцевать;

Вы мнѣ на ноги глядите

И старайтесь подражать ...

ЗАБОРСКИЙ (*танцуя*).

Если мнѣ на ваши ножки
Все смотрѣть, такъ я пропалъ ...
Я забуду всё до крошки,
Даже то, что прежде зналъ!

АННЕТА.

Перестаньте, не шутите,
Иль учить не стану я ...
Если польку знать хотите,
Такъ смотрите на меня!

ЗАБОРСКИЙ.

О, смотрю, смотрю ... но только
Я увѣренъ напередъ,
Что меня отсюда полька
Въ сумасшедшій домъ сведеть!

АННЕТА (*переставъ танцовать*). Нѣтъ, я вижу, вы не хотите учиться!...

ЗАБОРСКИЙ. (*поспѣшно*). Я не въ силахъ болѣе молчать... эта полька окончательно свела меня съума ... я васъ люблю ... люблю страстно, безумно ...

АННЕТА. Боже мой! что вы говорите ...

ЗАБОРСКИЙ. Вы должны мнѣ принадлежать ... должны быть моей женой!... если вы мнѣ откажете, я рѣшусь на все ... я брошусь въ окно ... (*Подбѣгаетъ поспѣшно къ окну и открываетъ его*).

АННЕТА. Ай! что вы дѣлаете?...

ЗАБОРСКИЙ. Берегитесь ... не раздражайте меня .. я вспыльчивъ... вспыльчивъ до невѣроятности ...

АННЕТА (*со страхомъ*) Остановитесь! остановитесь!

ЗАБОРСКИЙ. (*держась за окно*). Любите ли вы меня?...

АННЕТА. Ахъ, что вы... (*Увидя, что Заборскій лезетъ на окно*). Да, да ... люблю, люблю!...

ЗАБОРСКИЙ. Согласны ли вы быть моей женой?...

АННЕТА. Боже мой!... (*Заборскій лезетъ на окно*). Да, согласна, согласна!... только затворите окно!

ЗАБОРСКИЙ (*подбѣгая къ ней*). О, какъ я счастливъ!... Но неужели вы не шутя согласны?... вы едва знаете меня ...

АННЕТА. Поневоля согласишься, какъ вы такъ странно объясняетесь .. Ахъ, Боже мой! а бѣдный Рожковъ!

ЗАБОРСКИЙ. Это что за птица, Рожковъ?

АННЕТА. Мой женихъ, за котораго я должна выйти замужъ черезъ нѣсколько дней!

ЗАБОРСКИЙ. И вы его любите?...

АННЕТА. О, нѣтъ, вовсе не люблю!

ЗАБОРСКИЙ. Такъ нечего о немъ и тужить!...

АННЕТА. Разумѣется ... но онъ ужъ давно считается моимъ женихомъ ... и даже сегодня я приняла отъ него въ подарокъ кольцо ...

ЗАБОРСКИЙ. Чтожъ за бѣда!... это кольцо вы ему возвратите ...

АННЕТА. Конечно ...

ЗАБОРСКИЙ. У васъ будетъ десять, двадцать ... сто колець, когда выйдете за меня замужъ!

АННЕТА. Но что скажетъ папенька?

ЗАБОРСКИЙ. Да не все ли ему равно ... я, или этотъ уродъ Рожковъ!

АННЕТА. Ваша правда!

ЗАБОРСКИЙ. У меня порядочное состояніе и видное мѣсто ... а люблю я васъ, ужъ навѣрное, въ тысячу разъ болѣе Рожкова ... Такъ какая же прибыль вашему папенькѣ противиться нашему счастью? ..

АННЕТА. Конечно, нѣтъ никакой причины ...

ЗАБОРСКИЙ. Скажите, гдѣ онъ?

АННЕТА. Онъ пошелъ къ золотыхъ-дѣль мастеру заказать обручальныя кольца ...

ЗАБОРСКИЙ. И вѣрно съ именемъ этого чучелы Рожкова! .. Но я не допущу этого ... гдѣ этотъ золотыхъ дѣль-мастеръ? не знаете ли вы?

АННЕТА. Недалеко отсюда ... изъ воротъ направо, дома черезъ четыре ...

ЗАБОРСКИЙ. Прощайте же ... я отыщу вашего папеньку .... и заставлю согласиться на нашъ бракъ!

АННЕТА. Но, разсудите...

ЗАБОРСКИЙ. Вы хотите, чтобъ я опять открылъ окно? ...

АННЕТА (*поспѣшно*). О, нѣтъ, нѣтъ! ... лучше ужъ идите! ..

ЗАБОРСКИЙ. Дайте же мнѣ вашу ручку ... эту прекрасную, маленькую ручку, которая скоро будетъ мнѣ навѣки принадлежать ...

АННЕТА. Ахъ, зачѣмъ?

ЗАБОРСКИЙ. Такъ вы хотите, чтобъ я ... (*показываетъ на окно*).

АННЕТА (*подавая ему руку*). Нѣтъ, нѣтъ ... вотъ вамъ рука...

ЗАБОРСКИЙ. На вѣкъ! ...

АННЕТА. Да, да! ..

ЗАБОРСКИЙ, (*цѣлуя ея руку*). О, теперь ее у меня никто не отниметъ! ... (*Поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь направо*)

VII.

АННЕТА, ПОТОМЪ РОЖКОВЪ.

АННЕТА (*одна*). Я не могу еще прийти въ себя! .. вотъ, что значитъ быть вспыльчивой! .. всему причиной вчерашняя моя ... (*показываетъ жестомъ пощечину*). Но, впрочемъ, все къ лучшему ... какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ ... я чувствую, что если не выйду за него, такъ буду очень несчастна ... на вѣкъ несчастна, потому-что мы страстно любимъ другъ друга! .. Странно, какъ скоро приходитъ эта любовь ...

Съ мужчинами жестоки мы бываемъ,
Мы любимъ всѣ съ ихъ сердцемъ пошлать,
И для чегожъ кокетствомъ всѣхъ терзаемъ?

Чтобъ на ономъ вдругъ крылья опалить!

Примѣровъ тѣма такихъ у насъ бывало,

Вотъ точно жъ такъ я обожглась сама:

Вчера еще я всѣхъ ума лишала,

Сегодня же сама схожу съ ума!

Вчера еще я вовсе не любила,

Но онъ со мной жестоко поступилъ ..

(*Показывая на щеку*).

Вчера его я лично побѣдила ...

(*Показывая на сердце*).

Сегодня жъ онъ вотъ это побѣдилъ! ..

Нѣтъ, теперь ужъ я ни за что не выйду замужъ за этого несноснаго Рожкова ... сегодня же откажусь отъ него ... возвращу ему это кольцо ... и попрошу, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ ... (*Увидя Рожкова*). Ахъ, вотъ, кстати, и онъ!

РОЖКОВЪ (*выходя изъ комнаты съ правой стороны, съ письмомъ въ рукахъ, всторону*). Конечно! жребій брошенъ! Бѣдняжка Полина! .. я написалъ напенькѣ, что не могу на ней жениться! ..

АННЕТА (*всторону*). Начнемъ смѣлѣе ... (*Вслухъ*). Иванъ Яковлевичъ!

РОЖКОВЪ. Что прикажете, Анна Дмитріевна?

АННЕТА. Я знаю, что вы меня любите и нисколько за это не сержусь на васъ ... но вотъ бѣда ... я ... я все сдѣлала, что могла ...

и, право, не моя вина, если я ... потому что ... вы можете сами по-
нять ... (*Всторону*) просто, не знаю, какъ сказать ему повѣжливѣе..

РОЖКОВЪ. Извините, Анна Дмитриевна ... я васъ что-то худо
пошимаю ... потрудитесь объяснить пояснѣе ...

АННЕТА. Я хотѣла вамъ сказать ... (*рѣшительно*) ну, да, словомъ..
я люблю не васъ, а другаго!

РОЖКОВЪ (*въ радости*). Неужели?

АННЕТА (*поспѣшно*). Да, я люблю одного молодаго человѣка,
который хотъ очень дурно танцуетъ, но очень милъ и любезень ... я
чувствую, что виновата передъ вами ... но что дѣлать ... я ужъ дала
ему слово ...

РОЖКОВЪ (*также*). Можетъ ли быть?.. я еще не могу повѣрить!

АННЕТА. Я возвращаю вамъ полную свободу и вашъ подарокъ ...
вотъ это кольцо ... теперь мы, кажется, квиты ... (*Съ нетерпѣнїемъ*).
Возьмите же ваше кольцо ...

РОЖКОВЪ (*всторону*). Вотъ еще! возьму я чужой подарокъ ...
(*Вслухъ*). Нѣтъ, какъ угодно, я не могу ...

АННЕТА (*горячо*). Какъ, вы хотите непременно на мнѣ жениться?
Нѣтъ, это ужасно! это жестоко! ..

РОЖКОВЪ. Но позвольте ...

АННЕТА (*усмиряясь*). Кажется, я ясно сказала, что васъ не
люблю ... чегожъ вы еще хотите? .. я ужъ насильно никогда не буду
вашей женой ...

РОЖКОВЪ. Но я ...

АННЕТА (*не слушая его*). А если и буду, то бѣда, вамъ ... я
стану капризничать безпрестанно ... сдѣлаюсь кокеткой ... буду безпре-
станно съ вами браниться ... буду водить васъ за носъ ... буду любез-
ничать со всякимъ мужчиной ... измучу, истерзаю васъ... словомъ—доведу
васъ до того, что вы исхудаете у меня въ мѣсяцъ, какъ спичка и
впадете въ чахотку ... берегитесь же, если дорожите своею жизнїю и
не хотите преждевременно отправиться на Смоленское, или на девятую
версту ...

РОЖКОВЪ. Анна Дмитриевна! .. да выслушайте ...

АННЕТА. Ничего не хочу слышать ... (*топая ногами*) я васъ не
люблю, я васъ ненавижу ...

РОЖКОВЪ, (*крича во все горло*). Да и я васъ тоже не люблю...
слышите не люблю! ..

АННЕТА (*радостно*). Неужели! .. И вы говорите правду? ..

РОЖКОВЪ. Честное, благородное слово... не люблю, вовсе не люблю..

АННЕТА. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! .. какъ вы добры! какъ вы любезны! .. возьмите же ваше кольцо ...

РОЖКОВЪ (*всторону*). Все равно ... я отдамъ его этому лизогубу! ... (*Вслухъ*). Ахъ, Анна Дмитриевна! вѣдь еслибъ вы знали, какъ и я—то вамъ благодаренъ ... вѣдь я самъ люблю другую ... люблю безъ памяти ...

АННЕТА. Право?

РОЖКОВЪ. Просто съ ума схожу! .. а я было ужъ хотѣлъ послать письмо съ отказомъ ... но теперь все измѣнилось ... (*Раздирая письмо*). Моя пышка, моя душка Полина — будетъ моей женой ... о, какъ я счастливъ! ..

АННЕТА. Такъ вы на меня не сердитесь? ..

РОЖКОВЪ. Нисколько ... увѣряю васъ, какъ честный человекъ, я не чувствую къ вамъ ни малѣйшаго расположенія ...

АННЕТА. Прекрасный же у васъ вкусъ ...

РОЖКОВЪ. Что дѣлать!... въ этомъ виновата природа ... ужъ если пошло на откровенность, такъ я вамъ все скажу ... Я, признаюсь, никакъ и не подумалъ бы просить вашей руки ... еслибъ не замѣшался тутъ вашъ папенька ... онъ этого желалъ ... онъ силою хотѣлъ меня женить на васъ ... а всему причиною проклятая утка ...

АННЕТА. Какъ, утка? ..

РОЖКОВЪ. Спросите папеньку ... онъ вамъ охотно расскажетъ исторію объ этой гадкой птицѣ, которая чуть—было не довела меня до чахотки и не отправила въ могилу ... за то теперь ... о, какъ вы вдругъ измѣнились въ глазахъ моихъ ... вы рѣдкая, необыкновенная дѣвица ... восхитительная, обворожительная дѣвица! .. Позвольте вашу ручку ... (*Цѣлуетъ ея руку*). Теперь я готовъ цѣловать ее всякую минуту ... (*цѣлуетъ еще*).

ГЛЫБИНЪ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ съ правой стороны*). Браво! брависсимо! ..

АННЕТА (*увидѣвъ Глыбина*). Ай! .. (*Убѣгаетъ въ боковую дверь направо*).

VIII.

ГЛЫБИНЪ, РОЖКОВЪ.

ГЛЫБИНЪ. Bravo! ... поцѣлуй, поцѣлуй меня скорѣе, мое золото...

РОЖКОВЪ. Съ удовольствіемъ ... (*Всторону*). Опять пошло ... (*Глыбинъ цѣлуетъ Рожкова*).

ГЛЫБИНЪ. Я говорилъ всегда, что тебѣ стоитъ только войти, какъ говорится, въ пассію ... такъ все пойдетъ какъ нельзя лучше ... вотъ теперь, какъ поразогрѣлось сердчишко-то у тебя ... такъ ты, просто, сталъ брилліантовымъ женихомъ!..

РОЖКОВЪ. Дмитрій Васильичъ... вы, пожалуйста, не вѣрьте этому.

ГЛЫБИНЪ. Чему это? ... что ты цѣловалъ руку у Аниюты?...

РОЖКОВЪ. Да-съ... это означаетъ... это... (*Всторону*). Конечно... скажу ему все ... надобно, наконецъ рѣшиться ... (*Вслухъ*) Дмитрій Васильичъ ... я долженъ говорить съ вами серьезно ...

ГЛЫБИНЪ. Серьезно? .. говори, я тебя слушаю ...

РОЖКОВЪ. Я долженъ вамъ сказать ... что, по основательномъ размысленіи ...

ГЛЫБИНЪ. О чемъ?

РОЖКОВЪ. Какъ бы я ни желалъ ... но, клянусь, это не въ моей волѣ ... я, какъ благородный человѣкъ, обязанъ, наконецъ, открыть вамъ истину ... я .. я не могу жениться на вашей дочери!

ГЛЫБИНЪ (*съ удивленіемъ*). На Аниюту? .. Это что за новости? По какой это причинѣ? ..

РОЖКОВЪ. Во-первыхъ, потому-что Анна Дмитриевна любитъ другаго.

ГЛЫБИНЪ. Вздоръ! чистѣйшій вздоръ!

РОЖКОВЪ. А во-вторыхъ, потому еще, что я и самъ влюбленъ въ другую! ..

ГЛЫБИНЪ. Ты? ... вздоръ! .. чушь! ... галиматья! ... Ты любишь Аниюту! ..

РОЖКОВЪ. Клянусь честнымъ словомъ ... не люблю!...

ГЛЫБИНЪ. Не правда, вздоръ, говорю я тебѣ ... Аниюту мою невозможно не любить!

РОЖКОВЪ. Но позвольте же ...

ГЛЫБИНЪ. Я увѣренъ, я убѣжденъ, какъ дважды два четыре, что ты ее любишь, и потому долженъ на ней жениться! ..

РОЖКОВЪ. Но позвольте ... выслушайте меня ...

ГЛЫБИНЪ. Не хочу ничего слушать! .. Да нѣтъ, я не могу и вообразить, чтобы ты, мое сокровище, мой безцѣнный другъ, мой спа-

ситель и благодѣтель ... чтобъ ты не былъ моимъ зятемъ! .. да я скорѣе задушу тебя ... задушу собственными моими руками, чѣмъ позволю отказаться отъ моей Аниюты!

РОЖКОВЪ (*всторону*). Да это не человѣкъ, а какой-то разбойникъ съ большой дороги!

ГЛЫБИНЪ. Нѣтъ, атаанде! стара штука! .. ты далъ мнѣ слово .. я сдѣлалъ все приданое Аниютѣ ... объявилъ роднымъ и знакомымъ, что ты будешь моимъ зятемъ ... мало этого, просилъ даже его превосходительство, моего начальника и благодѣтеля, быть посаженнымъ отцомъ и его превосходительство согласился оказать мнѣ эту честь ... Чтожъ ты, за кого меня считаешь? за пѣшку, за дурака, за глупаго филина, что ли? ...

РОЖКОВЪ. Помилуйте, какъ я могу ...

ГЛЫБИНЪ. Дѣло порѣшено, оглашено, распубликовано ... а ты на попятный? ..

РОЖКОВЪ (*всторону*). Въ самомъ дѣлѣ, позднеенько вздумалъ ...

ГЛЫБИНЪ. Наконецъ, къ довершенію всего ... что ты сію-минуту дѣлалъ, какъ я вошелъ сюда въ комнату? .. Стой, не говори, я самъ тебѣ скажу ... ты ровно три раза поцѣловалъ руку у Аниюты ... и не войди я .. ты поцѣловалъ бы пятьсотъ, тысячу, десять тысячъ разъ! .. Нѣтъ, голубчикъ, послѣ такихъ штукъ, для тебя ужъ запалъ возвратный путь ... (*Горько*). Спрашиваю тебя серьезно, какъ отецъ, какъ оскорбленный отецъ, который искренно любитъ свою дочь и дорожитъ больше всѣхъ сокровищъ ея честью ... говори: правду ли ты сказалъ? точно ли ты хочешь отказаться отъ моей Аниюты ... (*почти со слезами*) и на вѣки разрушить лучшія мои мечты и желанія? ..

РОЖКОВЪ (*всторону*). Конечно ... послѣ всего этого, я не могу отказаться отъ нея ... надо написать новое письмо къ папенькѣ! .. (*Глыбину*). Извините ... Дмитрій Васильичъ ... я пошутилъ ... я хотѣлъ только испытать ... я ...

ГЛЫБИНЪ (*съ распростертыми объятіями*). Сюда! сюда! ко мнѣ ... обними, поцѣлуй меня, мое золото, безцѣнный ...

РОЖКОВЪ (*увертываясь*). Извините ... мнѣ надо скорѣй написать къ папенькѣ ... чтобъ не опоздать на почту ... (*уходитъ въ боковую дверь на право*).

IX.

ГЛЫБИНЪ, ПОТОМЪ ЗАБОРСКІЙ.

ГЛЫБИНЪ. Бриллиантъ! чистѣйшій бриллиантъ! .. онъ опять мой! .. Ахъ, отъ радости текутъ сладкія слезы изъ моихъ глазъ! ...

ЗАБОРСКІЙ (*запыхавшись, поспѣшно входитъ въ среднія двери съ правой стороны*). Наконецъ, я васъ нашель!

ГЛЫБИНЪ. А! Семень Петровичъ! .. чрезвычайно радъ! . А я имѣлъ честь быть у васъ сегодня утромъ ...

ЗАБОРСКІЙ. Я самъ ужъ былъ у васъ ...

ГЛЫБИНЪ. Очень сожалѣю, что не застали ...

ЗАБОРСКІЙ. Мнѣ сказали, что вы отправились по сосѣдству къ золотыхъ-дѣлъ мастеру ... я бросился туда, но и тамъ не нашель.. вы только-что ушли ... я побѣжалъ за вами ... и какъ предполагалъ, такъ и вышло ... вы дома, и я, наконецъ, могу поговорить съ вами!

ГЛЫБИНЪ (*всторону*). Понимаю о чемъ ... (*объясняетъ пайто-миной пощечину*) О, несчастный характеръ! .. (*Вслухъ*). Сдѣлайте милость, садитесь, Семень Петровичъ ... мнѣ очень совѣстно, что вы беспокоитесь ... (*Садятся*). Я могъ бы самъ, въ другой разъ явиться къ вамъ ... Повѣрьте, я душевно, невыразимо сожалѣю . .

ЗАБОРСКІЙ. О чемъ?

ГЛЫБИНЪ. Позвольте ... я долженъ вамъ прежде объяснить ... въ нашемъ семействѣ издавна существуютъ и переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ двѣ важныя слабости въ характерѣ: вспыльчивость и благодарность.

ЗАБОРСКІЙ. Къ чему мнѣ это знать?

ГЛЫБИНЪ. Позвольте ... первая перешла къ намъ отъ женскаго колѣна ... прабабушка моя ...

ЗАБОРСКІЙ. Да къ чему ведетъ вашъ рассказъ? ...

ГЛЫБИНЪ. Къ тому, что если моя дочь вспыльчива и причинила вамъ оскорбленіе ...

ЗАБОРСКІЙ. Какое оскорбленіе? ..

ГЛЫБИНЪ. Вчера на балу ... (*показываетъ жестомъ пощечину*).

ЗАБОРСКІЙ. Я вовсе не считаю этого оскорбленіемъ ... напротивъ, я былъ очень доволенъ ...

ГЛЫБИНЪ. О, вы ужъ черезъ-чуръ добры и снисходительны ... но, позвольте, я сдѣлалъ съ своей стороны все, что долженъ былъ сдѣлать отецъ ... я разбранилъ ее ...

ЗАБОРСКІЙ. Кого это?

ГЛЫБИНЪ. Мою дочь!

ЗАБОРСКІЙ. Вашу дочь?.. но за что?

ГЛЫБИНЪ. Она дура!

ЗАБОРСКІЙ. Неправда!.. Она мила! слышите ли, очень мила!

ГЛЫБИНЪ. Я это очень хорошо знаю ... но вспыльчивость, которая перешла къ ней по женскому колѣну ...

ЗАБОРСКІЙ. Вспыльчивость ея вовсе не порокъ, а достоинство ...

ГЛЫБИНЪ. Положимъ ...

ЗАБОРСКІЙ. Положимъ, что она ... что ея ручка, ея прекрасная ручка коснулась моей щеки ... чтожъ изъ этого слѣдуетъ, кому какая нужда до этого?.. если я нисколько не оскорбляюсь ... если мнѣ даже нравится ...

ГЛЫБИНЪ. Но все-таки она виновата.

ЗАБОРСКІЙ. Нисколько не виновата!.. Желая знать: какъ-бы вы сами поступили, еслибъ васъ заставили танцевать польку съ медвѣдемъ или козломъ?

ГЛЫБИНЪ. Какъ это, съ козломъ?

ЗАБОРСКІЙ. Да также ... ваша дочь танцевала вчера со мной польку ... а я танцую хуже козла.

ГЛЫБИНЪ. Позвольте ... что же вамъ угодно отъ меня?

ЗАБОРСКІЙ. А вотъ что угодно: я люблю вашу дочь!

ГЛЫБИНЪ. Нисколько не удивляюсь ... Анюту мою нельзя не любить!.. Потомъ?

ЗАБОРСКІЙ. У меня порядочное состояніе ... довольно видное мѣсто ... *(Вставая)*. И я, безъ околичностей, имѣю честь просить у васъ ея руки ...

ГЛЫБИНЪ *(вставъ также)*. Семень Петровичъ... у меня самага порядочное состояніе и довольно видное мѣсто ... и я, безъ околичностей, имѣю честь вамъ сказать, что никакъ не могу согласиться на вашу просьбу!

ЗАБОРСКІЙ. Это почему?

ГЛЫБИНЪ. Потому-что у нея уже есть женихъ — Иванъ Яковлевичъ Рожковъ.

ЗАБОРСКІЙ. Рожкову вы можете отказать.

ГЛЫБИНЪ. Нѣтъ-съ, по многимъ причинамъ не могу!

ЗАБОРСКІЙ *(удерживаясь отъ гнѣва)*. Дмитрій Васильичъ! ... замѣьте, что я исполнилъ все приличія и очень учтиво сдѣлалъ вамъ мое предложеніе.

ГЛЫБИНЪ. И я очень учтиво вамъ отказываю!

ЗАБОРСКІЙ *(болѣе и болѣе разгораясь)*. Не раздражайте меня ... предувѣдомляю васъ, что я очень вспыльчивъ!.. *(отталкиваетъ ногою кресло.)*

ГЛЫБИНЪ. А мнѣ какое дѣло ... я самъ вспыльчивъ!.. *(отталкиваетъ также кресло.)*

ЗАБОРСКІЙ. Хорошо ... будемъ говорить хладнокровно. Отчего вы не хотите, чтобъ я былъ вашимъ зятемъ?

ГЛЫБИНЪ. Оттого ... оттого, что вы мнѣ не нравитесь!

ЗАБОРСКИЙ. Но если я нравлюсь вашей дочери?

ГЛЫБИНЪ. Вы?.. Это вздоръ!

ЗАБОРСКИЙ. Я замѣчаю, что въ васъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія объ учтивости.

ГЛЫБИНЪ. Что дѣлать... таковъ ужъ есть!

ЗАБОРСКИЙ. Такъ объявляю же вамъ, что я женюсь и безъ вашего позволенія.

ГЛЫБИНЪ. Никогда! во вѣки вѣковъ не женитесь!

ЗАБОРСКИЙ. Женюсь!

ГЛЫБИНЪ. Позвольте васъ спросить: отецъ я моей дочери или нѣтъ?

ЗАБОРСКИЙ. Ну, чтожъ изъ этого?...

ГЛЫБИНЪ. Вы грубіянь!

ЗАБОРСКИЙ. А вы невѣжа!

ГЛЫБИНЪ. Что? Я невѣжа?

ЗАБОРСКИЙ. Хуже еще того.

ГЛЫБИНЪ. Молчите! не то я за себя не отвѣчаю!...

ЗАБОРСКИЙ. И я не отвѣчаю за себя!

ГЛЫБИНЪ (*кричитъ*). Ругать невѣжей меня, въ моемъ домѣ!... о, вы дорого мнѣ за это заплатите!

ЗАБОРСКИЙ. (*кричитъ также*). А вы думаете, я вамъ уступлю? Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю: согласны ли вы отдать за меня вашу дочь?

ГЛЫБИНЪ. (*также*). Въ послѣдній разъ говорю вамъ: не отдамъ! Ни за что не отдамъ за такого буяна!

ЗАБОРСКИЙ (*пихая ногой мебель*). Вы злодѣй! Вы чудовище!.. Я вамъ покажу себя!...

ГЛЫБИНЪ. (*колотя кулаками по стулу и крича съ нимъ вмѣстѣ*). Вонъ, вонъ изъ моего дома!.. или я употреблю силу!

X.

ТЪЖЕ и АННЕТА.

АННЕТА (*вбѣгая въ боковую дверь съ лѣвой стороны*). Боже мой! Что за шумъ!

ГЛЫБИНЪ. Пошла!.. оставь насъ! (*Ходитъ въ азартъ покомнатъ*).

АННЕТА. (*Заборскому*). Что у васъ случилось?

ЗАБОРСКИЙ. Вашъ любезный батюшка отказываетъ мнѣ въ вашей рукѣ!

АННЕТА (*Глыбину*). Почему это?

ЗАБОРСКИЙ. Да ... пусть онъ вамъ скажетъ, почему?

АННЕТА. (*Глыбину*) Но знаете ли вы, какъ мы другъ друга любимъ!..

ЗАБОРСКІЙ. Онъ и знать не хочетъ, что мы другъ друга любимъ!

ГЛЫБИНЪ. Послушайте !..

АННЕТА. Это тиранство! ..

ЗАБОРСКІЙ. Нѣтъ, хуже тиранства!

ГЛЫБИНЪ (*кричитъ*). Оставьте меня въ покоѣ!

ЗАБОРСКІЙ. Вы не имѣете никакого права дѣлать насъ несчастными!

ГЛЫБИНЪ. Милостивый государь! ..

АННЕТА. Но если я желаю быть его женой ...

ГЛЫБИНЪ. Что? что?

АННЕТА. Непремѣнно буду! ..

ЗАБОРСКІЙ. Если я сказалъ, что буду ея мужемъ ... такъ ужъ во что бы то ни стало — поставлю на своемъ!

ГЛЫБИНЪ. Никогда!..

ЗАБОРСКІЙ. Да, ужъ мы поставимъ на своемъ!

ГЛЫБИНЪ (*бѣгая по комнатѣ, въ сильномъ раздраженіи*). Неповиновеніе! оскорбленіе!.. О, я съ вами раздѣляюсь ... (*Схвативъ въ ладонь, съ тумбы вазу и бросая ее на полъ*). Вотъ же вамъ!

ЗАБОРСКІЙ. А! если на то пошло, такъ вы насъ не испугаете! (*Взявъ вазу съ каминна и разбивая ее*). Вотъ вамъ!

АННЕТА (*взявъ другую вазу съ каминна и разбивая ее*), Разумѣется...

ГЛЫБИНЪ. Неповиновеніе!.. (*Схвативъ за руку Аннеты, сталкиваетъ ее въ комнату съ лѣвой стороны и закрываетъ дверь*). Погоди же! я съ тобой!.. сиди тамъ!.. а съ нами!..

ЗАБОРСКІЙ (*Грозя ему*). Посмотримъ кто кому уступить!.. (*Уходитъ въ заднюю дверь на направо*).

XI.

ГЛЫБИНЪ (*одинъ*). Опи меня уморять! уморять непременно!.. (*Крича въ дверь, куда ушелъ Заборскій*). Невѣжа! грубіанъ! негодяй!.. (*Крича къ двери, гдѣ заперта Аннета*). Взбалмошная дѣвченка! дура!.. а все причиною женское колѣно нашего рода!.. Ну, посмотрите, сколько мы перебили фарфора!.. вѣдь чего это стоитъ!.. (*Кричитъ*). Ей Антонъ! Никита!.. я началъ ... а за мною и дочь, по перешедшему къ ней отъ меня характеру... Антонъ!.. (*Поднимая нѣсколько разбитыхъ кусковъ съ пола*). Вотъ въ какіе ку-

сочки все перевели ... нечего сказать: у насъ, въдомъ, не долго держит-ся хрупкая посуда ... надо будетъ завести всю изъ мѣди и бронзы... а то, просто раззоримся!.. Никита!.. Чоргъ знаетъ, куда запропасти-лись эти уроды!.. (*Уходитъ въ заднюю дверь нальво*).

XII.

ЗАБОРСКІЙ, потомъ **АННЕТА**, потомъ **РОЖКОВЪ**.

ЗАБОРСКІЙ (*поспѣшно входя въ среднюю дверь съ правой сто-роны*). Такъ нѣтъ же! я не уйду отсюда ... и во что бы то ни стало, женюсь на твоей дочери... Старый тиранъ! чудовище! . женюсь, хоть бы (*въ темнотъ нальво слышенъ стукъ разбитой посуды*). Чу!.. это она!.. я узнаю ее!..

АННЕТА (*стуча ногами въ боковой комнатъ*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. я не выйду за мужъ за другаго!.. я буду плакать, кричать... и буду его женой!

ЗАБОРСКІЙ. Бѣдняжка!.. (*Отмыкая и отворяя дверь нальво*). Милая, добрая Аннета!.. Подите сюда!..

АННЕТА (*поспѣшно входя*). Это ужасно!.. запереть меня, какъ какую-нибудь птицу въ клѣтку! (*Поспѣшно Заборскому*). А вамъ, кажется, все равно ... вы спокойны ...

ЗАБОРСКІЙ (*горячо*). Ваша правда!.. я забылъ! я слишкомъ былъ спокоенъ ... но теперь я не буду, не долженъ быть спокоенъ!.. О, я покажу себя!.. увидимъ, что мнѣ сдѣлають!...

АННЕТА. Ну, вотъ давно бы такъ!

ЗАБОРСКІЙ. Я взбѣшенъ! страшно взбѣшенъ ... и еслибъ мнѣ что-нибудь поналось ... (*Ищетъ по комнатъ какой-нибудь посуды*). Нѣтъ больше ... все перебито!

АННЕТА (*показывая на комнату съ лъвой стороны*). Подите, тамъ еще есть кое-что ...

ЗАБОРСКІЙ. Да, я слышалъ сію минуту усладительные звуки ко-торые служатъ мнѣ доказательствомъ вашей печали ...

АННЕТА. Нѣтъ, ужъ я ни-за что не буду женой этого глупаго Рожкова ... скорѣе я соглашусь пойти невѣсть куда ...

ЗАБОРСКІЙ. И я тоже!..

АННЕТА. Но прежде ... дадимъ другъ другу обѣщаніе быть вѣрными...

ЗАБОРСКІЙ. Дадимъ обѣщаніе быть вѣрными ...

АННЕТА. До гроба!

ЗАБОРСКІЙ. Но этого еще мало ...

АННЕТА (*перемльвивъ тонъ*). Ахъ, Боже мой! а если папенька опять запретъ меня?..

ГЛЫБИНЪ (*за кулисами*). Антонъ! Никита!

АННЕТА (*съ испугомъ*). Онъ идетъ сюда!.. что намъ дѣлать?.. Нѣтъ, ужъ теперъ я ни за что не пойду въ мою кѣтку!.. (*Вдругъ*). Ахъ!..

ЗАБОРСКІЙ. Что съ вами?

АННЕТА. Какая мысль!.. Похитьте, увезите меня!

ЗАБОРСКІЙ. Что — съ?

АННЕТА. Пожалуйста, увезите меня скорѣе!..

ЗАБОРСКІЙ. Позвольте... въ самомъ дѣлѣ... вы чудесно придумали... послѣ этого, ужъ самъ папенька не откажетъ... я бѣгу сію минуту...

АННЕТА. Куда же вы?..

ЗАБОРСКІЙ. Приготовить все къ похищенію... надо взять карету или коляску... я пріѣхалъ къ вамъ на дрожкахъ...

АННЕТА. Это будетъ очень долго... все равно... можно похитить меня и пѣшкомъ...

РОЖКОВЪ (*показываясь въ дверь съ правой стороны, всторону*). Что я слышу!.. похищеніе!.. (*скрывается*).

АННЕТА. Только куда мы пойдёмъ?..

ЗАБОРСКІЙ. Въ самомъ дѣлѣ... куда мы пойдёмъ?..

АННЕТА (*радостно*). Пойдите! прекрасно!.. мы отправимся къ моей крестной маменькѣ...

ЗАБОРСКІЙ. А кто она?

АННЕТА. Жена начальника папеньки!..

ЗАБОРСКІЙ. Неужели?.. да вѣдь они мои хорошіе знакомые...

АННЕТА. Еще лучше!.. пойдёте же... они живутъ недалеко отсюда... мы имъ расскажемъ наши несчастія... разжалобимъ ихъ... и черезъ недѣлю, навѣрное, насъ обвиняютъ!.. (*Съ нетерпѣніемъ*). Да похищайте же меня!...

ЗАБОРСКІЙ. Готовъ!... но все-таки надо соблюсти приличіе... вы сядете на дрожки?

АННЕТА. Сяду!

ЗАБОРСКІЙ. Ну, такъ вы отправитесь на моихъ дрожкахъ, а я за вами слѣдомъ на извозникѣ... (*Съ учтивостью предлагая ей руку*). Позвольте мнѣ, сударыня, просить васъ..

АННЕТА (*дѣлая реверансъ, взявъ его подъ руку*). Съ особеннымъ удовольствіемъ!

(*Уходятъ подъ руку въ среднюю дверь направо*).

XIII.

РОЖКОВЪ, потомъ ГЛЫБИНЪ, а тамъ АННЕТА.

РОЖКОВЪ, *(выходя изъ боковой двери съ правой стороны съ письмомъ)*. Ступайте, не церемоньтесь... похищайте другъ друга... очень радъ!... *(Передразнивая Заборскаго)*. Позвольте мнѣ сударыня, просить васъ ... *(дляя реверансъ и передразнивая Аннету)*. Съ особеннымъ удовольствіемъ!... Точно какъ-будто хотятъ танцовать польку или кадрили ..

Вотъ она, какая птица!
 Ну, какой въ ней будетъ путь?
 Не жена еще—дѣвица,
 А ужъ думаетъ надуть!
 Вотъ вамъ батюшкины дочки,
 Съ ней погибнешь и съ умомъ ...
 Это все еще цвѣточки,
 Будутъ ягодки потомъ!

Нѣтъ, надо отсюда скорѣе дать тягу ... А я, глунецъ, опять приготовилъ письмо съ отказомъ ... Но, славу Богу, наконецъ, женитьба моя на душкѣ Полинѣ можетъ уладиться!.. О, ужъ съ ней я буду непременно счастливъ ... она вовсе не то, что эта сухопарая ... у ней совершенно другая комплекція и другой темпераментъ ... полна, бѣла, румяна ... а такія женщины, говорятъ, вовсе не способны къ сильнымъ ощущеніямъ. *(раздирая письмо)*. О, какое благополучіе! теперь я свободенъ!.. совершенно свободенъ! и моя пышка ...

ГЛЫБИНЪ *(входя въ среднюю дверь съ лѣвой стороны)*. Антонъ!.. Никита!.. *(Увидя Рожкова)*. Что я вижу! ты еще не ушелъ?

РОЖКОВЪ. Нѣтъ-съ, не ушелъ!

ГЛЫБИНЪ. Помилуй!.. Чтожъ ты не ѣдешь къ мебельному мастеру?...

РОЖКОВЪ. Для чего?

ГЛЫБИНЪ. Какъ для чего? чтобъ поторопить его ... вѣдь мебель не поспѣетъ къ свадьбѣ ... *(Всторону)*. Нечего сказать, прелѣпный у меня будетъ зять!

РОЖКОВЪ. Да не къ чему и спѣшить ... свадьба моя не можетъ состояться ...

ГЛЫБИНЪ. Что?

РОЖКОВЪ (*смѣясь*). Да-съ, не можетъ!.. есть важное препятствіе ... Отгадайте-ка, какое препятствіе?..

ГЛЫБИНЪ, Боже мой! ужь не умеръ ли кто-нибудь изъ нашихъ родственниковъ?

РОЖКОВЪ (*смѣясь болѣе и болѣе*). Нѣтъ - съ ... не то ... получше этого ... немножко позабавнѣе ... ваша дочь ...

ГЛЫБИНЪ, Ну?

РОЖКОВЪ (*хохоча во все горло*). Похищена!..

ГЛЫБИНЪ, Что?... (*Подбѣгая къ двери съ лѣвой стороны, заглядываетъ въ комнату*).

РОЖКОВЪ, Я, просто, умру со смѣха и отъ радости!

ГЛЫБИНЪ, Убѣжала!.. и навѣрно съ этимъ буяномъ Заборскимъ!... Ей, люди!.. скорѣй ... за ними ... (*бѣжитъ къ средней двери съ правой стороны и встрѣчается съ Антономъ, который подаетъ ему письмо*). Это что?

АНТОНЪ. (*входитъ*). Письмо къ вамъ отъ Григорья Семеныча!..

ГЛЫБИНЪ, Дуракъ! не умѣешь какъ сказать!.. отъ его превосходительства! Понимаешь ли, чучело, отъ его превосходительства Григорья Семеныча, моего начальника, отца и благодѣтеля ... Если ты у меня забудешь впередъ, смотри!

АНТОНЪ, Человѣкъ его превосходительства Григорья Семеныча велѣлъ еще сказать вамъ, что барышню нашу сейчасъ привезутъ отъ нихъ въ каретѣ.

РОЖКОВЪ (*всторону*). Чортъ бы тебя побралъ съ этой новостью!..

ГЛЫБИНЪ, Такъ она была тамъ, у его превосходительства?

АНТОНЪ, Точно такъ-съ!

ГЛЫБИНЪ, Пошелъ вонъ!.. (*Антонъ уходитъ*). Ты слышишь, она была у его превосходительства.

РОЖКОВЪ, Да!.. а все-таки была похищена!..

ГЛЫБИНЪ, Ну, стоитъ ли объ этомъ думать ... какія нибудь пять минутъ ...

РОЖКОВЪ, Довольно и этого!..

ГЛЫБИНЪ, Ну, полно, полно, мое золото ... поцѣлуй лучше меня ... теперь ужь не должно терять времени, надо обвѣнчаться вамъ какъ можно скорѣе ... Поѣзжай-же къ мебельному мастеру ..,

РОЖКОВЪ, Нѣтъ-съ, позвольте ... послѣ того, что было ...

ГЛЫБИНЪ (*толкая его къ средней двери съ правой стороны*). Безцѣнный другъ мой!.. сокровище мое!..

РОЖКОВЪ, Но согласитесь сами...

ГЛЫБИНЪ (также). Все вздоръ, все вздоръ!, поѣзжай же скорѣе... еслибъ ты зналъ, какъ я тебя люблю! (Цѣлуя его). По-вѣрь, я во всю жизнь не забуду, какъ ты поступилъ со мною, когда проклятая утка...

РОЖКОВЪ (у дверей). Однакожь... это похищеніе...

ГЛЫБИНЪ (потерявъ терпѣніе и выталкивая его за дверь). Да убирайся же, говорятъ тебѣ!

(Рожковъ скрывается).

XIV.

ГЛЫБИНЪ, ПОТОМЪ **АНТОНЪ**.

ГЛЫБИНЪ (распечатывая письмо). Посмотримъ, посмотримъ, что пишетъ мнѣ его превосходительство. (Читаетъ). «Любезный Дмитрій Васильичъ...» (Говоритъ). Какъ это вамъ нравится? Любезный!... Его превосходительство, собственной своей рукою написать изволилъ: любезный!.. Удивительный человекъ!.. (Читаетъ). «Извините за откровенность: вы ведете себя въ семействѣ какъ медвѣдь, или Отелло...» (Говоритъ). Какой шутникъ его превосходительство... я веду себя какъ медвѣдь, или Отелло!.. а довольно лестно... Отелло былъ знаменитый полководецъ!.. (Читаетъ). «Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ вы помирились съ моимъ взбалмошнымъ пріателемъ Заборскимъ!..» (Говоритъ). Съ этимъ грубіяномъ!.. никогда!.. (Читаетъ). «Надѣюсь, что вы исполните мое желаніе и пригласите его сегодня къ себѣ на завтракъ или къ обѣду...» (Говоритъ). Что такое?.. пригласить къ моему столу этого злодѣя, который осмѣлился назвать меня невѣжей... и похитилъ мою дочь?.. Никогда! никогда!.. А! вотъ тутъ еще нота-бене... (Читаетъ). «Черезъ пол-часа пришла я къ вамъ Назарьева, чтобъ онъ лично удостовѣрился, будетъ ли исполнена вами моя просьба...» (Говоритъ). Его просьба... просьба его превосходительства... это выше даже его приказанія... я не могу ослушаться... немогу не исполнить воли моего начальника, отца и благодѣтеля... нечего дѣлать, придется принять этого грубіяна... (Кричитъ). Антонъ!.. Никита!.. надобно приказать подать что нибудь лишнее... пусть увидитъ господинъ Назарьевъ, какъ я охотно исполняю приказанія его превосходительства!.. Антонъ!..

(Ударя себя по лбу) Мнѣ пришла отличная мысль!.. Антонъ! Никита!..

АНТОНЪ (входя въ заднюю дверь съ лъвой стороны). Что прикажете?

ГЛЫБИНЪ. Куда вы все запропалились, дурачье? Гдѣ Никита? Что онъ дѣлаетъ?

АНТОНЪ. Онъ ничего не дѣлаетъ — съ... сидитъ въ кухнѣ...

ГЛЫБИНЪ. Ну, пускай тамъ сидитъ... слушай... скажи повару, чтобъ онъ подаль намъ къ завтраку... (Говоритъ ему на ухо). Понимаешь?

АНТОНЪ (съ удивленіемъ). Что — съ?

ГЛЫБИНЪ. Молчи и исполняй то, что я тебѣ приказываю... ко мнѣ будетъ сейчасъ гость. Смотри, какъ только онъ придетъ, мигомъ подавай сюда завтракъ...

АНТОНЪ. Слушаю — съ! (Уходитъ въ заднюю дверь съ лъвой стороны).

ГЛЫБИНЪ (одинъ). Но придетъ ли еще ко мнѣ этотъ грубіанъ?.. а искать его ужъ я ни за что не стану!.. а вотъ и онъ! слава Богу.

XV.

ГЛЫБИНЪ и ЗАБОРСКІЙ.

ЗАБОРСКІЙ (входя въ среднюю дверь съ правой стороны и не видя Глыбина, всторону). Выкинулъ же штуку Григорій Семенычъ!.. заставляеть насильно этого тирана завтракать со мною, когда мы четверть часа тому назадъ, чуть-чуть не вцѣпились другъ другу въ волосы!.. (Увидя Глыбина). Ахъ, онъ здѣсь!.. (Кланяясь ему почти-тельно). Дмитрій Васильичъ!..

ГЛЫБИНЪ (кланяясь также Заборскому). Семень Петровичъ!.. (Всторону). Не могу придумать, какъ мнѣ начать разговоръ!..

ЗАБОРСКІЙ (всторону). Началось учтивостями... чѣмъ — то кончится!.. (Кланяясь снова). Дмитрій Васильичъ!..

ГЛЫБИНЪ (кланяясь тоже). Семень Петровичъ!.. (Всторону). Надобно, однакожь, сказать что нибудь... (Вслухъ, любезно). Семень Петровичъ... могу васъ увѣрить, что мнѣ чрезвычайно непріятно видѣть васъ...

ЗАБОРСКИЙ (*учтиво*). Могу увѣрить васъ, Дмитрій Васильчъ, что и мнѣ чрезвычайно непріятно васъ видѣть!

ГЛЫБИНЪ. Не смотря на то, если вы ... окажете мнѣ честь по завтракать со мною ...

ЗАБОРСКИЙ. Что — съ?

ГЛЫБИНЪ. Вы доставите мнѣ этимъ истинное неудовольствіе ...

ЗАБОРСКИЙ (*всторону*). Вотъ какъ у насъ приглашаютъ къ завтракамъ ... (*Вслухъ*). Помилуйте, Дмитрій Васильчъ, я и самъ вовсе не желаю доставить вамъ удовольствія ...

ГЛЫБИНЪ. Такъ вы принимаете мое приглашеніе?

ЗАБОРСКИЙ. Съ особеннымъ отвращеніемъ!...

ГЛЫБИНЪ. Значить, съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ и я прошу васъ ...

ЗАБОРСКИЙ (*кланяясь*). Вы слишкомъ любезны!..

(*Два лакея вносятъ изъ среднихъ дверей съ лѣвой стороны и ставятъ къ аванс-сценѣ накрытый столъ, на которомъ находится нѣсколько блюдъ, закрытыхъ крышками и двѣ бутылки вина*).

ГЛЫБИНЪ. Вотъ и завтракъ поданъ ... Покорнѣйше прошу садиться ... (*Поспѣшно садится за столъ первый*).

ЗАБОРСКИЙ (*садясь тоже за столъ*). Покорнѣйше благодарю ... весьма непріятно ...

ГЛЫБИНЪ. Также какъ и мнѣ ... извините, что я не подаю вамъ дупелей.

ЗАБОРСКИЙ. Очень радъ ... я ихъ терпѣть не могу!..

ГЛЫБИНЪ. Жаль, что я не зналъ этого ... я не пожалѣлъ бы за платить по десяти цѣлковыхъ за пару ... Но зато предлагаю вамъ ... (*открывая постепенно блюда*) ветчину съ чечевицей ... котлеты бараньи съ чечевицей ... и говядину съ чечевицей!..

ЗАБОРСКИЙ. О, я страстно люблю чечевицу!...

ГЛЫБИНЪ (*поспѣшно*). Предупреждаю васъ, что въ нынѣшнемъ году у насъ родилась самая дурная чечевица!

ЗАБОРСКИЙ. Вы чрезвычайно любезны!

ГЛЫБИНЪ. Смѣю васъ увѣрить, что я вовсе не желаю быть съ вами любезнымъ.

ЗАБОРСКИЙ. Вы неизмѣнны въ своихъ привычкахъ!...

ГЛЫБИНЪ (подавая Заборскому, съ необыкновенною учтивостію тарелку и приборъ). Вы большой грубіянь!...

ЗАБОРСКІЙ (подавая пустую тарелку Глыбину, также съ большой учтивостію). А вы ужасный невѣжа!

ГЛЫБИНЪ (въ оскорбленіи). Семень Петровичъ!

ЗАБОРСКІЙ. Дмитрій Васильчъ!...

ГЛЫБИНЪ (взявъ бутылку, съ любезностью). Скажите, любите ли вы лафить...

ЗАБОРСКІЙ. Чрезвычайно!

ГЛЫБИНЪ. У меня преотличный! (Ставя бутылку къ своему прибору). Но онъ не откупоренъ... (Взявъ другую бутылку). А вотъ негодно ли мадеры изъ русскаго погреба, я покунаю ее по 40 копѣекъ за бутылку и угощаю иногда своихъ лакеевъ...

ЗАБОРСКІЙ. Сдѣлайте одолженіе, кушайте сами...

ГЛЫБИНЪ (наливая, себѣ воды). Нѣтъ-съ, я не пью вина, когда бываю въ хорошемъ расположеніи...

ЗАБОРСКІЙ. Стало быть, вы никогда его не пьете!...

ГЛЫБИНЪ (всторону, съ сердцемъ). Какъ мнѣ хочется бросить ему что-нибудь въ лицо!

ЗАБОРСКІЙ. (смотря на Глыбина, начинаетъ хохотать). Ха, ха, ха!

ГЛЫБИНЪ. Вы никакъ смѣтаетесь надо мной?...

ЗАБОРСКІЙ. Да. Смотря на ваше кислое лицо, знаете ли, что мнѣ пришло въ голову?... ваша дочь...

ГЛЫБИНЪ. Я вамъ запрещаю думать о ней!

ЗАБОРСКІЙ. Она такъ мила, такъ прекрасна... а вы... ха, ха, ха... посмотритесь въ зеркало... право, невѣрояно, чтобъ вы были ея отцомъ!...

ГЛЫБИНЪ. Вы такой грубіянь, такой негодяй, какихъ мало на свѣтѣ...

ЗАБОРСКІЙ. Все равно... это не премѣнить моего мнѣнія!

ГЛЫБИНЪ (вставая, съ сердцемъ). Вы врете!... жена моя была женщина со вкусомъ...

ЗАБОРСКІЙ. Очень жалѣю, что у нея былъ такой дурной вкусъ...

ГЛЫБИНЪ (внѣ себя). Молчите!... молчите!... (стучитъ кулакомъ по столу).

ЗАБОРСКІЙ (качаясь на стуль и хохоча). Ха, ха, ха!... жаль, что вы не можете теперь взглянуть на себя!...

ГЛЫБИНЪ (вскакивая). Милости вѣй государь!

ЗАБОРСКІЙ. Вы удивительно какъ смѣшны и безобразны!...

ГЛЫБИНЪ (*внѣ себя*). Нѣтъ, я не въ силахъ болѣе ... такъ вотъ же тебѣ!... (*Схвативъ со стола стаканъ съ водою, выплескиваетъ ее, вмѣсто Заборскаго, который увертывается, прямо въ лицо Назарьеву, вошедшему въ эту минуту въ среднюю дверь съ правой стороны.*

XVI.

ТѢ ЖЕ, НАЗАРЬЕВЪ.

НАЗАРЬЕВЪ. (*облитый водою*). Ай!... что это? что это со мною дѣлають?...

ГЛЫБИНЪ. (*въ сторону, съ ужасомъ*). Секретарь его превосходительства!... Боже мой! что я надѣлалъ!... я пропалъ!...

НАЗАРЬЕВЪ (*Глыбину, вытираясь платкомъ*). Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ такого приѣма!., это чистое оскорбленіе!...

ГЛЫБИНЪ. Извините, сдѣлайте милость, извините ... я не былъ во все намѣренъ....

НАЗАРЬЕВЪ. Миѣ все равно ... намѣрены вы были или нѣтъ!..

ЗАБОРСКІЙ (*всторону*). Бѣдный старикашка! вотъ попался!.. (*вслухъ, весело*). Что такое? что случилось?.. Я не понимаю...

ГЛЫБИНЪ. Повѣрьте, эта вода...

ЗАБОРСКІЙ (*перевивая его*). Должна была облить меня ... да-съ! миѣ вдругъ сдѣлалось дурно ... самъ не знаю отчего ... и Дмитрій Васильчъ ... который любить меня какъ роднаго сына ... въ испугѣ не зналъ что дѣлать ... схватилъ стаканъ съ водою и ошибкою, вмѣсто меня ... брызнулъ вамъ въ лицо ... благодарю васъ, благодарю васъ, добрейшій Дмитрій Васильчъ!

ГЛЫБИНЪ (*всторону, въ восторгъ*). Что я слышу! онъ-ли это говоритъ?..

НАЗАРЬЕВЪ. Однакожъ, такая ошибка...

ЗАБОРСКІЙ (*горячо*). Чтожъ она означаетъ?.. одно только, что у Дмитрія Васильча слабы глаза ... онъ не замѣтилъ, какъ вы вошли .. вы меня знаете и, надѣюсь, повѣрите миѣ ... Еслижъ вамъ угодно...

НАЗАРЬЕВЪ. Помилуйте, Семень Петровичъ ... я вамъ вполне вѣрю. Я ошибся ... виноватъ ... и прошу теперь самъ извиненія у Дмитрія Васильча... Мое почтеніе!.. Я доложу его превосходительству, что его желаніе исполнено!.. (*Уходитъ въ заднюю дверь, съ правой стороны. Заборскій его провожаетъ.*)

XVII.

ГЛЫБИНЪ, ЗАБОРСКІЙ.

ГЛЫБИНЪ (*стоя, озадаченный, на аван-сценѣ, съ чувствомъ, всторону*). Столько благородства, столько великодушія съ человѣкомъ, который его цѣлое утро сегодня оскорблялъ ... который готовъ былъ ... о! мужское колѣно нашего рода побѣждаетъ, наконецъ, несчастную слабость моей прабабушки, бабушки и матушки... Я чувствую усладительное спокойствіе въ моей душѣ ... сердце мое наполняется однимъ чувствомъ — чувствомъ неограниченной къ нему благодарности и радостныя слезы готовы брызнуть ручьемъ изъ моихъ глазъ!..

ЗАБОРСКІЙ (*возвратясь*). Теперь мы вдвоемъ...

ГЛЫБИНЪ. Другъ мой! благодѣтель ... сюда, сюда!.. поцѣлуй...

ЗАБОРСКІЙ (*увертываясь*). Позвольте ... передъ секретаремъ Григорья Семеныча я не хотѣлъ...

ГЛЫБИНЪ (*въ восторгѣ*). Знаю, знаю ... все знаю, все понимаю ... ты обѣдаешь съ нами ... мы будемъ пить лафитъ, и шампанское, и венгерское ... будемъ смѣяться, хохотать ... цѣловаться... Поцѣлуйте-же, поцѣлуй меня скорѣе, мой золотой, мой неоцѣненный другъ!.. (*Целуетъ крѣпко Заборскаго.*)

ЗАБОРСКІЙ. Я ничего не понимаю ... признаюсь, у васъ престранный характеръ...

ГЛЫБИНЪ. Ты угадалъ? да, престранный, удивительный характеръ ... надобно тебѣ сказать ... у меня были важныя слабости въ характерѣ: вспыльчивость и благодарность ... первая перешла ко мнѣ отъ женскаго колѣна ... прабабушка моя...

XVIII.

ТЪ ЖЕ, АННЕТА.

АННЕТА (*выходя изъ боковыхъ дверей съ правой стороны, въ слезахъ, и не замѣчая Заборскаго, подходитъ къ Глыбину*). Прощайте, папенька... (*хныкая*) я не могу больше жить въ этомъ домѣ ... отпустите меня...

ГЛЫБИНЪ. Куда? куда?..

АННЕТА (*также*). Въ монастырь!

ГЛЫБИНЪ. Что ты, съ ума сошла?..

АННЕТА. Отпустите меня въ монастырь !..

ГЛЫБИНЪ. Да для чего тебѣ идти въ монастырь ?..

АННЕТА (*плача болѣе и болѣе*). Я несчастна ... отпустите меня...

ГЛЫБИНЪ. Ну, хорошо, хорошо ... отпущу ... но только прежде выдамъ тебя замужъ вотъ за этого повѣсу !..

АННЕТА (*увидя Заборскаго, съ восторгомъ*). За него! ахъ, какое счастье !.. (*Опомнясь*). Что я дѣлаю ... (*дѣлаетъ реверансъ Заборскому*).

ГЛЫБИНЪ (*смотря на нее*). Ахъ, ты, капризная дѣвочка !.. Ну, золотой мой будущій зять ... обними, поцѣлуй скорѣй . . . постой ... не меня, а ее, ее !..

ЗАБОРСКІЙ (*цѣлуя руку Аннеты*). О, съ особеннымъ удовольствіемъ !..

XIX.

ТѢЖЕ, РОЖКОВЪ.

РОЖКОВЪ (*вбѣгаетъ, запыхавшись, въ среднюю дверь, съ правой стороны*). Мебель будетъ готова...

ГЛЫБИНЪ (*всторону*). Боже мой! Рожковъ !.. Я совсѣмъ о немъ позабылъ !.. (*Вслухъ, Рожкову*). Безцѣнный другъ мой ... у меня есть къ тебѣ покорнѣйшая просьба...

РОЖКОВЪ. Что вамъ угодно ?..

ГЛЫБИНЪ: Вотъ видишь—ли ... надобно тебѣ сказать ... въ моемъ характерѣ есть двѣ важныя слабости...

РОЖКОВЪ. Знаю, знаю...

ГЛЫБИНЪ. Знаешь ?.. (*Аннетъ*). Дай же руку твоему жениху... (*Рожковъ хочетъ взять ее за руку*).

ЗАБОРСКІЙ (*предупреждая его*). Извините !..

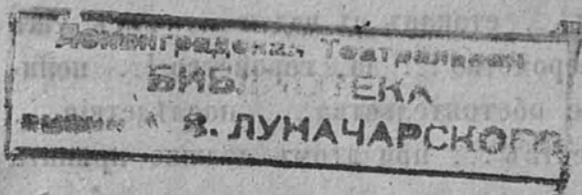
РОЖКОВЪ (*Глыбину*). Что это значитъ ?

ГЛЫБИНЪ. Это значитъ ... ты очень хорошо знаешь, что я тебя люблю... потому—что ты не человѣкъ, а чистѣйшій алмазъ ... вспомни только охоту нашу на утокъ ... ты поступилъ тогда съ истиннымъ благородствомъ... Но, съ другой стороны ... стаканъ съ водою ... тутъ ужъ видно было кромѣ благородства — геройство !.. да, геройство !.. понимаешь ?.. Возьми же въ соображеніе обстоятельства ... послѣдствія ... они требуютъ соединенія двухъ существъ ... при этомъ должно принять

во вниманіе ... ты самъ можешь разсудить ... жизнь наша не игрушка... вечеромъ ляжешь спать ... утромъ встанешь ... но этого мало ... а потомъ что?.. жена ... любовь ... дѣти ... ну, да словомъ ... (съ чувствомъ) обними, поцѣлуй меня, неоцѣненный мой другъ!.. (Цѣлуетъ Рожкова и обращается къ публикѣ). Слава Богу! все покончили.. все уладилъ!.. теперь я такъ доволенъ ... такъ доволенъ ... (Обращаясь къ дѣйствующимъ). Поцѣлуйте же, поцѣлуйте ... нѣтъ, стойте... (къ публикѣ).

Мы піесу порѣшили,
 Но страшусь бѣды одной,
 Чтобъ меня не разбрали
 За характеръ мой дурной.
 Если жъ вы, судя не строго,
 Мнѣ просите зтотъ грѣхъ, —
 О, тогда я отъ восторга
 Разцѣлю, просто, всѣхъ!..

9903

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАТЕОНЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Цѣны означены на серебро.

- АЗБУКА (РУССКАЯ)**, составленная по новому простому способу *А. Ивановымъ и А. Яновскимъ*. Спб., 1851. Цѣна 20 к., съ перес. 40 к.
- АЗБУКА (НѢМЕЦКАЯ)**, для употребленія Русскаго юношества. (Neuestes Deutsches ABC-Buch zum Gebrauch der russischen Jugend). Составленная *В. Г.* Спб., 1847. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.
- АЛЬБОМЪ БАЛАГУРА**. Собраніе забавныхъ повѣстей, рассказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ, пубовъ и различныхъ курьезностей. Составилъ *Г. Кругликовъ*. Спб., 1851. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- АЛЬМАНАХЪ (ЖИВОПИСНЫЙ)** на 1850 годъ, составленный изъ различныхъ повѣстей лучшихъ иностранныхъ авторовъ, съ 8-ю картинками. Спб., 1850. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- АНАТОМІЯ (СЪЩАЯ)**. Соч. адъюнкта-профессора доктора медицины и хирургіи *И. Быстрова*. М., 1842. Цѣна 2 р. 85 к., съ перес. 3 р. 25 к.
- БАСНИ И. А. КРЫЛОВА**. Въ 9-ти книгахъ, съ біографіею написанною *И. А. Плетневымъ*. 5-е полное изданіе. Спб., 1851. Цѣна 1 р. съ перес., 1 р. 30 к., съ 25-ю картинками, въ красивой папкѣ Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., миниатюрное изданіе. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- БАСНИ ЭЗОПОВЫ**, на французскомъ и русскомъ языкѣ, для наставленія юношества во французскомъ языкѣ, съ жизнеописаніемъ этого баснописца; изданъ *Жумелемъ*. Съ картинками. М., 1850. 2 части въ папкѣ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- БАСНИ КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО**. Съ 14 картинками. Спб., 1851. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- БЕЗПЛОДІЯ (О) МУЖЧИЧЪ И ЖЕНЩИЧЪ**, съ показаніемъ средствъ къ излеченію отъ этого недуга. Соч. *Рихтера*; Перев. съ нѣмецкаго *В. А. Геслеръ*. Спб., 1848. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- БЕСѢДЫ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА** къ прихожанамъ. Архимандрита *Антонія*. 2-е изданіе. Спб. 1851. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

- БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.** 10 частей съ картинками. Спб., 1849. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р. — Другъ дѣтей 1 часть — Театральныя пьесы Шмидта 2 части. — Сказки княгини де-Бомонъ. — Притчи Крузмахера, 2 части. — Умныя животныя 1 часть. — Дѣтскіе повѣсти, 3 части.
- ВЗГЛЯДЪ (ИСТОРИЧЕСКІЙ) НА МЕЖЕВАНІЕ ВЪ РОССИИ ДО 1765 ГОДА.** Спб., 1844. Цѣна 75 к. съ перес., 1 р.
- ВОЛЧЬЯ ЗАПАДНЯ** (непрерывная) или способъ ловить волковъ стадами. Спб., 1847. Цѣна 20 к., съ перес. 40 к.
- ВЫБОРЪ (О) УПОТРЕБЛЕНІИ ОЧКОВЪ,** въ гигиеническомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. доктора *Шокальскаго*. Перев. съ нѣмецкаго *М. Вейсберга*. Спб., 1849. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.
- ГРАММАТИКА (РУССКАЯ),** составленная *А. Ивановымъ*. 7-е исправленное изданіе. Одобрена совѣтомъ Императорскаго училища правовѣдѣнія и принята за руководство, къ преподаванію въ этомъ заведеніи. Спб., 1852. Цѣна 70 к., съ перес. 1 р.
- ДѢТСКОЕ ПРАВСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ.** Спб., 1850, 10 частей. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р. — Кольцо. — Черная женщина. — Ирландская хижина 2 части. — Плоды хорошаго воспитанія 2 части. — Сиротка Матильда. — Дилія долныя. — Гейнрихъ Эйхенфельсъ. — Мелкіе рассказы.
- ЕСТЬ ЛИ ГДѢ КОНЕЦЪ СВѢТА?** Соч. *И. Данилевскаго* и *А. Оссовскаго*. Съ полтинажами, картинками, картами и чертежами, 1 часть. Спб., 1849. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к., — 2 часть. Спб., 1851. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к., 3 часть. Спб., 1852. Цѣна съ раскрашенной картою 75 к., съ нераскрашенной картою 50 к., съ перес. 75 к.
- ЗАГАДКИ СДѢЛАННЫЯ ИЗЪ БАСЕНЪ КРЫЛОВА.** Спб., 1850. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.
- ЗАКОНЫ О СОХРАНЕНІИ И ПРОДОЛЖЕНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ,** предложенныя знаменитымъ англійскимъ врачомъ *С. Ламертомъ*, въ 2 частяхъ. М., 1841. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ** въ 1840 и 1843 годахъ. *Ф. П. А.* Спб., 1845. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ-ХМѢЛЬНИЦКІЙ.** Соч. *А. Кузмича*. 5 частей. Спб., 1846. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.
- ИЗЛОЖЕНІЕ (ПОЛНОЕ) ГАЛВАНОПЛАСТИКИ,** гальванической позолоты и серебрения. Составленныя по новѣйшимъ источникамъ. Съ приложеніемъ способа золоченія и серебрения электро-химически, безъ посредства гальванической батареи *А. Г.* Спб., 1844. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ГРЕЧЕСКОМЪ ОГНѢ** и о введеніи пороха въ Европѣ. Соч. *А. Ламанна*. Перевелъ съ французскаго полковникъ Силчъ. Спб., 1847. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ИСКУССТВО ТОЛКОВАТЬ СНЫ.** Подробное изъясненіе всѣхъ сновъ, видѣній, привидѣній, съ приложеніемъ исторіи знаменитыхъ сбывшихся сновъ. Съ 120 полтинажами. Спб., 1846. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- ИСТОРИЯ (КРАТКАЯ) ГРУЗИНСКОЙ ЦЕРКВИ.** Составленная *И. Госселианомъ*. Спб., 1843. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ИСТОРИЯ ФИЛОСОФІИ** древнихъ временъ. Соч. *Г. Уиттера*. Перев. съ нѣмецкаго. Спб., 1839. Цѣна 2 р. 85 к., съ перес. 3 р. 25 к.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектъ, противъ Малой Морской, въ домъ
Паскаля № 11.

ПЬЭСЫ ДЛЯ СКРИПКИ.

- ALARD.** Souvenir de Mozart. Fantaisie pour le violon, avec orchestre, op. (21 5 r. avec piano (2 r. 30 c.) Trois duos élémentaires pour deux violons, op. 22 (1 r. 72 c.) Trois duos faciles, op. 24 № 1, 2, 3, (каждой 1 р. 15 к.)
- AUSER.** Ouverture de l'opéra: l'enfant prodigue, pour deux violons (1 r.) Airs de l'opéra: l'enfant prodigue pour deux violons, en deux suites (каждая 1 р. 85 к.)
- BERIOT.** 7-me Concerto pour le violon, avec orchestre, op. 76 (5 r. 72 c.) avec piano (2 r. 85 c.)
- DANCLA.** 2-de fantaisie pour le violon avec piano op. 42 (1 r. 43 c.)
- DAVID.** Bunte Reihe. 24 Stücke für Violine und Piano, op. 30 liv. 1 à 4 (каждая 2 р. 30 к.)
- ERNST.** Concerto, op. 23 avec orchestre 6 r. avec piano 2 r. 85 c.
- HAUSER.** Adelaide de Beethoven transcrite, avec piano (1 r.) Douze mélodies de Schubert transcrites pour le violon avec piano (5 r. 72 c.)
- JANSA.** Six duos pour deux violons op. 74 № 1 à 6 (каждый 1 р. 15 к.)
- KUNSTMANN.** Album für zwei Violinen, Viola und Violoncell, für angehende Quartettspieler (2 r. 85 c.)
- LEONARD.** 2-d Concerto pour le violon avec orchestre, op. 14 (6 r. 85 c.) avec piano 4 r. Grande fantaisie militaire, op. 15 avec orchestre (4 r.) avec piano (2 r.)
- LITOLFF.** 1-r Grand quatuor pour deux violons, alto et violoncelle, op. 60 (4 r. 8 c.)
- MEYERBEER.** Le prophète. Grand opéra, arrangé pour deux violons par N. Louis. En quatre suites каждая (2 р. 85 к.)
- SANTON.** Concerto pour le violon, avec orchestre (4 r. 58 c.) avec piano (2 r. 30 c.) Souvenir de la fille du regiment. Fantaisié avec piano (1 r. 72 c.)
- VIEUXTEMPS.** Six divertissements d'amateurs sur des mélodies russes favorites pour le violon, avec piano, op. 24 № 1, Отгадай моя родная (1 р. 30 к.) № 2, Соловей (1 р. 15 к.) № 3, Шестнадцать лѣтъ (1 р.) № 4, Бывало (1 р. 50 к.) № 5, Тройка (1 р. 30 к.) № 6, Не бѣлы снѣжки и во полѣ береза стояла (1 р. 30 к.)

ПЬЭСЫ ДЛѢ ФОРТЕПІАНО.

- BERTINI.** 25 Etudes classiques et normales, op. 178 (5 r. 72 c.)
- BEYER.** Soirées musicales. 12 Morceaux gracieux, op. 109 № 1 à 12 каждый (72 к. всѣ вмѣстѣ въ одной тетради (3 р.) Six morceaux gracieux sur des airs allemands favoris, op. 110 № 1 à 6 каждый (72 к.) Six morceaux élégants sur des airs allemands favoris, op. 111. № 1 à 6 каждый (85 к.)
- BLUMENTHAL.** Consolation. Fantaisie, op. 16 (1 r. 15 c.) Marche militaire, op. 17 (1 r.) Nocturne—impromptu, op. 19 (85 c.) Trois mazurkas, op. 20 (1 r. 43 c.)
- BURGMUELLER.** La tempesta. Fantaisie, op. 99 (1 r.) Blanche. Polka—Mazurka (75 c.) La Dame de Pique. Valse sentimentale et rondo russe (каждый 1 р.)
- DAMCKE.** Marche caractéristique (75 c.)
- HELLER.** La dame de Pique. Rondeau—Caprice et romance variée, op. 75 № 1, 2, каждый (1 r. 15 c.)
- LISZT.** Bunte Reihe. Vingt quatre morceaux de David transcrits. En quatre suites каждый (2 р. 30 к.)
- PULLAK.** Illustrations russes № 1, Мнѣ грустно потому, Romance de Dargomijsky transcrite, op. 65 (75 c.) № 2 Я помню чудное мгновенье Romance de Glinka transcrite, op. 66 (1 r.) № 3, Благодарность. Romance de Warlamoff transcrite, op. 67 (75 c.)
- MAYER.** Galop brillant, op. 130 (75 c.) Romance italienne, op. 134 (60 c.)
- MOSCHELES.** L'attente. Fantaisie, op. 122 (85 c.)
- RUDENT.** Guillaume Tell. Grande fantaisie, op. 37 (1 r. 43 c.) Robert le diable. Fantaisie op. 38 (1 r. 15 c.) Les champs. Pastorale, op. 39 (1 r. 43 c.)
- ROSELLEN.** La Dame de Pique. Fantaisie brillante, op. 126 (1 r. 15) c. La tempesta. Fantaisie brillante, op. 127 (1 r. 15 r.) Promenade en mer. Barcarolle, op. 129 (85 c.)
- SCHULHOFF.** Souvenir de Moscou. Chant du pêcheur, op. 32 (85 c.) Caprice sur des thèmes hongrois, op. 31 (1 r. 50 c.) Souvenir de Varsovie. Mazurka (75 c.)
- THALBERG.** Caprice sur l'opéra: le Prophète (1 r. 43 c.) Fantaisie sur des airs irlandais (1 r. 43 c.)
- VOSS.** Un souvenir à deux beaux yeux. Mélodie styrienne variée, op. 125 (1 r. 15 c.) Les adieux de Kücken transcrits (85 c.) Emilie Polka élégante, op. 131 № 1 (1 r. 15 c.) Rosalie Redowa élégante, op. 131 № 2 (85 c.) La romantique. Cantilène (72 c.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣ трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб., кромѣ того ничего не прилагаютъ за пересылку.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1 Февраля 2-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ», которая содержитъ въ себѣ: Prudent, Les champs—Pastorale — Mayer, Nocturne — Damcke; Marche caractéristique — Eschmann, Feuilles d'album — Brisson, Piece de salon — Ossipoff, Ералашъ Кадриль — Messemaeckers, Le cor de poste, galop — Duvernoy, Thème de Guillaume Tell varié — Lecarpentier, Bagatelle — Дерфельтъ, Романсъ — Neuland, Romance — Музыкально-литературное прибавленіе № 2. (Годовая цѣна за Нувеллистъ 10 руб. сер.; съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.)

- КОНСКАЯ КНИГА** (ручная) для ветеринаровъ, кавалеристовъ, ремонтеровъ, коннозаводчиковъ и вообще любителей лошадей. Составленная *Н. Генслеромъ*. Спб., 1851. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ЛЕЧЕНІЕ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ**, въ особенности холодною водою. Составилъ *А. С. М.*, 1841. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.
- ЛЕЧЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ**, мигрень, головной боли происходящей отъ полнокровія, отъ венерической болѣзни, отъ скорбута и отъ вліянія солнечныхъ лучей. Доктора *П. Мартина*. М., 1841. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.
- НАБЛЮДЕНІЯ И ОПЫТЫ** по части усовершенствованія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Россіи, барона *Федора Унгернъ-Штернберга*. Спб., 1841. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- НАУКА О БОЛЬШИХЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ**. Извлечено изъ сочиненія генерала *Жомини* подъ руководствомъ самаго автора, *Языковымъ*. 2 тома и атласъ 19 чертежей. Спб., 1836. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р.
- НАЧЕРТАНІЕ ПРАВИЛЪ ФЕХТОВАЛЬНАГО ИСКУССТВА**. Соч. *Соколова*. Съ 95 таблицами чертежей. Спб., 1843. Цѣна 3 р., съ перес. 4 р.
- ОБЗОРЪ (КРАТКІЙ) ЦАРСТВОВАНІЯ БЛАГОСЛОВЕННАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ**. Составилъ *Зосима Воробьевъ*. Спб., 1850. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.
- ОЛЛЕНЪ КАМЕРОНЪ**. Незданный романъ сэра *Вальтера Скотта*. Переводъ съ англійскаго, 4 части. М., 1851. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- ОПЫТЫ ТАМОФЪЕВА**. Соч. въ стихахъ и въ прозѣ, 3 тома. Спб. 1837. Цѣна 5 р. 70 к., съ перес. 7 р.
- ОХОТНИКЪ ЗА ШУТКАМИ**, островами и разными анекдотами. Собраніе всего любопытнѣйшаго въ этомъ родѣ. Изданіе *К. Е. Сомогорова*. Спб., 1851. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.
- ОЧЕРКЪ НОВОЙ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**. Соч. *Фортунага Пранди*. Перев. съ французскаго *Александры Зражевской*. Спб., 1841. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ПИСЬМОВНИКЪ (ОБРАЗЦОВЫЙ)** или хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ письма на разные предметы общественной жизни. Съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ письменныхъ сношеній. Спб. 1847. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ПОСТРОЕНІЯ (О) НЕСТАРАЕМЫХЪ ГЛИНЯНЫХЪ КРЫШЪ**, по способу г. Дорна и др. Съ чертежами. Спб. 1846. Цѣна 50 к., съ перес., 75 к.
- ПРАВИЛА И ФОРМЫ** о производствѣ слѣдствій, составленныя по своду законовъ, *Е. Колоколовымъ*. 3-е изданіе. М. 1851. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ПРАВИЛА (НАЧАЛЬНЫЯ) ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ, И. Г. ЗЕЙДЕНШТИКЕРА**. Въ пользу русскаго юношества, составленныя и дополненныя *А. Нувелемъ*. Спб. 1847. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- РАЗГОВОРЫ** на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ краткимъ словаремъ употребительнѣйшихъ словъ. Составленныя въ пользу юношества *А. Нувелемъ*. Спб. 1848. Цѣна 1 р., съ перес., 1 р. 30 к.
- РАЗГОВОРЫ** французскіе, русскіе и нѣмецкіе, въ пользу юношества. Спб. 1850. Цѣна 60 к. съ перес. 85 к.
- РАЗСКАЗЫ А. Ф.** Съ картинами. Спб. 1852. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ ПЕРСПЕКТИВѢ Г. ЛАВИТА**, перев. съ франц. *Елизаветы Клевецко*. 2 тома и атласъ 109 таблицъ чертежей. Спб. 1834. Цѣна 6 р., съ перес. 7 руб.

- РУКОВОДСТВО КЪ СОДЕРЖАНІЮ ЦВѢТОВЪ** и деревьевъ въ комнатахъ. М. 1852. Цѣна 50 к., съ перес., 75 к.
- СБОРНИКЪ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ** въ прозѣ и стихахъ для упражненій въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издалъ *А. Ивановъ*. Спб. 1851. Цѣна 50 к. съ перес. 75 к.
- СОБЕСѢДНИКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.** Повѣсти и разсказы переведенныя съ французскаго *А. Ивановымъ*. Съ 10 оригинальными картинами рисованными *В. Агинымъ* 2 Спб. 1848. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.
- СОБРАНИЕ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢРОВЪ** и задачъ. Составилъ и издалъ *А. Ожаровскій*. Спб. 1851. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- СОБРАНИЕ ПРАВИЛЪ СОХРАННОЙ И ССУДИ И КАЗНЫ** при Московскомъ и С. Петербургскомъ Императорскихъ Воспитательныхъ домахъ. Извлечено изъ учреждений и уставовъ государственныхъ кредитныхъ установлений. Спб. 1847. Цѣна 80 к. съ перес. 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.** Изданіе 2-е 2 тома. Спб. 1851. Цѣна 2 р., съ перес., 3 р.
- СОЧИНЕНІЯ ИВАНА КРЫЛОВА.** Съ біографіею его, написанною *П. А. Плетневымъ*. 3 тома. Спб. 1847. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.
- СРЕДСТВО (ПРОСТОНАРНОЕ) ЛЕЧИТЬ БОЛѢЗНИ** смѣсью французской водки съ солью. Переводъ съ Нѣмецкаго *В. Зейберлинга*. Спб. 1849. Цѣна 40 к. съ перес. 65 к.
- СТИХОТВОРЕНІЙ (СОБРАНИЕ) ИВАНА КОЗЛОВА.** 3-е изд. 2 части. Спб. 1840. Цѣна 4 р. съ перес. 5 р.
- СЮРПРИЗЪ.** Алмазахъ для дѣтей, составленный *К. Оболенскимъ*. Съ 6-ю картинами и 75-ю полнотипажными рисунками. Спб. 1851. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
- ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ЛОШАДИ,** содержащія въ себѣ первоначальныя основанія естественной исторіи, анатоміи и физиологіи этого животнаго, а также о его совершенствахъ и недостаткахъ. Сочиненіе *Соцгерота*. Перевелъ съ Нѣмецкаго съ весьма значительными исправленіями и дополненіями, *В. Зейберлинга*. Съ 14 полнотипажными рисунками. Спб. 1849. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
- УСТРОЙСТВЪ (О НОВОМЪ) ПЕЧЕЙ,** какъ глиняныхъ такъ и металлическихъ не распространяющихъ чаду и дыму, требующихъ гораздо менѣ дровъ и проч. Сочиненіе *Е. Корженевскаго*. Съ чертежами. М. 1840. Цѣна 1 р. 15 к. съ перес. 1 р. 50 к.
- ХРЕСТОМАТІЯ НѢМЕЦКАЯ** (Deutsche Chrestomatie zum Gebrauch der deutschen Hauptschule St. Petri). Изданіе 3. Спб. 1850. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ЧАСЫ БЛАГОГОВѢНІЯ** для споспѣшествованія истинному христіанству и домашнему богопочитанію. Части 7 и 8: Христіанствъ и вѣчность. Спб. 1845. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Кромѣ здѣсь означенныхъ книгъ можно выписывать изъ Главной Конторы журнала ПАНТЕОНЪ вообще всѣ книги и литературныя и учебныя пособія, — гдѣ и кѣмъ-бы они изданы или опубликованы ни были. Порученія исполняются немедленно съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ Гг. корреспондентовъ.

Адресъ: Въ Главную Контору журнала ПАНТЕОНЪ, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

8001. 7051